

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НИИ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА. - М.: НИИ ИЭП, 2022.
- № 4. - 303 с.

Главный редактор:

Турицын Игорь Викторович – доктор исторических наук, профессор (Москва)

Редакционная коллегия:

Алиева Севиндж Ибрафил гызы – доктор исторических наук, доцент (Баку, Азербайджан)

Ахундова Наргиз Чингиз гызы – академик АН Азербайджана, доктор исторических наук, профессор (Баку, Азербайджан)

Берлин Сергей Игоревич – доктор экономических наук, профессор (Краснодар)

Бейхан Мехмет Али – доктор исторических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Виноградов Сергей Вадимович – доктор исторических наук, профессор (Астрахань)

Гангур Наталья Александровна – доктор исторических наук, профессор (Краснодар)

Дай Цзяньбин – доктор исторических наук, профессор (Шицзячжуан, провинция Хэбэй, Китай)

Дацышен Владимир Григорьевич – доктор исторических наук, профессор (Красноярск)

Ермоленко Александр Александрович – доктор экономических наук, профессор (Краснодар)

Ибрагимов Мовсур Муслиевич – доктор исторических наук, профессор (Грозный)

Иванов Александр Гаврилович – доктор исторических наук, профессор (Краснодар)

Иванович Миодраг – доктор экономических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Кибальник Алексей Григорьевич – доктор юридических наук, профессор (Ставрополь)

Киселев Александр Федотович – академик РАО, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Клейнер Георгий Борисович – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор (Москва)

Кошаев Владимир Борисович – доктор искусствоведения, профессор (Москва)

Левицкий Михаил Львович – академик РАО, доктор педагогических наук, кандидат экономических наук, профессор (Москва)

Ломов Станислав Петрович – академик РАО и РАН, доктор педагогических наук, профессор (Москва)

Майничева Анна Юрьевна – доктор исторических наук (Новосибирск)

Маркович Лилиана – доктор исторических наук, профессор (Белград, Сербия)

Мезга Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор (Гомель, Белоруссия)

Муллакаев Марат Салаватович – доктор технических наук (Москва)

Озбай Рахми Дениз – доктор экономических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Остич Негослав – доктор экономических наук, профессор (Белград, Сербия)

Рау Йоганн – доктор философских наук, профессор (Берлин, Германия)

Сапфинова Аполлинария Александровна – доктор юридических наук, профессор (Краснодар)

Симонян Гарник Айкарамович – доктор экономических наук (Сочи)

Телепень Сергей Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент (Мозырь, Белоруссия)

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор (Краснодар)

Шадже Азамат Мухамчериевич – доктор юридических наук, профессор (Майкоп)

Шацилло Вячеслав Корнельевич – доктор исторических наук, профессор (Москва)

Адрес редакции: 119192, Москва, Мичуринский проспект 16, к.267. Тел. +7 (495) 227-24-13. E-mail: info@helri.com; i.turitsyn@mail.ru; Официальный сайт: www.helri.com

ISSN 2308-264X

© «Современная научная мысль»; Авторы публикаций.

Перепечатка без разрешения редакции журнала не допускается. Ссылки на исходные публикации обязательны.

MODERN SCIENTIFIC THOUGHT

SCIENTIFIC JOURNAL OF HISTORY, ECONOMICS AND LAW RESEARCH
INSTITUTE. - M.: HELRI, 2022. - № 4. - 303 P.

Editor-in-chief:

Turitsyn, Igor – Doctor of History, Professor (Moscow)

Board of editors:

Alieva, Sevindc - Doctor of History, Docent (Baku)

Akhundova, Nargiz - Doctor of History, Professor, the Academician of the Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku)

Berlin, Sergey – Doctor of Economics, Professor (Krasnodar)

Beyhan, Mehmet Ali – Doctor of History, Professor (Istanbul, Turkey)

Vinogradov, Sergey – Doctor of History, Professor (Astrakhan)

Gangur, Nataly – Doctor of History, Professor (Krasnodar)

Dai, Jianbing – Doctor of History, Professor (Shijiazhuang, Hebei Province, China)

Datsyshen, Vladimir – Doctor of History, Professor (Krasnoyarsk)

Ermolenko, Alexander – Doctor of Economics, Professor (Krasnodar)

Ibragimov, Movsur – Doctor of History, Professor (Grozniy)

Ivanov, Alexander – Doctor of History, Professor (Krasnodar)

Ivanovic, Miodrag – Doctor of Economics, Professor (London, Great Britain)

Kibalnik, Alexei – Doctor of Law, Professor (Stavropol)

Kiselev, Alexander – Doctor of History, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education (Moscow)

Kleiner, Georgiy – Doctor of Economics, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Koshayev, Vladimir – Doctor of Arts (Moscow)

Levitsky, Mikhail – Doctor of Economics, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education (Moscow)

Lomov, Stanislav – Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education, the Academician of the Russian Academy of Arts (Moscow)

Maynicheva Anna – Doctor of History (Novosibirsk)

Markovic, Ljiljana – Doctor of History, Professor (Belgrade, Serbia)

Mezga, Nikolay – Doctor of History, Professor (Gomel, Belorussia)

Mullakaev, Marat – Doctor of Technology (Moscow)

Ostojić, Negoslav – Doctor of Economics, Professor (Belgrade, Serbia)

Ozbay, Rahmi Deniz – Doctor of Economics, Professor (Istanbul, Turkey)

Rau, Johannes – Doctor of Philosophy, Professor (Berlin, Germany)

Sapfirova, Apollinaria – Doctor of Law, Professor (Krasnodar)

Simonian, Garnik – Doctor of Economics (Sochi)

Telepen, Sergey – PhD in History, Docent (Mozyr, Belorussia)

Uporov, Ivan – Doctor of History, PhD in Law, Professor (Krasnodar)

Shadzhe, Azamat – Doctor of Law, Professor (Maykop)

Shatsillo, Viacheslav – Doctor of History, Professor (Moscow)

ISSN 2308-264X

© «Modern Scientific Thought»
Authors of the publications

Reprint is permitted only with the consent of the editorial board. References to the original publications are required.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3
ИСТОРИЯ	
<i>Хазина А.В., Кислицын Д.Ф.</i> Диагностические функции сновидений в античной внехрамовой медицине	7
<i>Куликова Ю.В.</i> Латинский язык как маркер государственной и гражданской идентичности Римской империи в I-IV вв.	11
<i>Чугунова Т.Г.</i> Джон Фрит VS Джон Растелл: две трактовки ключевых религиозных проблем	22
<i>Софронова Л.В., Родионов А.В.</i> Штрихи к психологическому портрету Эразма Роттердамского	26
<i>Тиханычева Е.О., Тиханычев О.В.</i> Православные монастыри Москвы как исторический пример реализации «двойных» технологий в военном деле	30
<i>Бакурадзе А.Б., Казарезов И.В., Трут В.П.</i> К вопросу об участии казаков в Азовских походах Петра I	38
<i>Скопа В.А.</i> История просвещенческой мысли в творческом наследии М.М. Щербатова	42
<i>Ибнеева Г.В., Шакирова А.И.</i> Финансирование и материально-техническая база уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX века	46
<i>Лисицына О.И.</i> Матримониальное поведение российского дворянства в первой половине XIX века	52
<i>Матвеева Е.С., Бацукин А.А., Кузнецова Е.В.</i> Разработка проблем религиозного воздействия на заключённых в научном наследии С.В. Познышева	58
<i>Гавриков Ф.А.</i> Роль городов Курской губернии в организации размещения больных и раненых воинов, беженцев и военнопленных, а также помощи фронту и семьям призванных во время Первой мировой войны	63
<i>Синь Вэй.</i> Об экономическом развитии этнических меньшинств в провинции Хэйлунцзян в период Китайской Республики (1911-1949)	68
<i>Шэн Синь.</i> Изменения в традиционном укладе жизни Харбина в условиях модернизации (1898-1931 гг.)	74
<i>Никулин В.В.</i> Запоздалое решение: об обстоятельствах принятия решения о переходе к новой экономической политике	80
<i>Стадник В.А.</i> «Легкая кавалерия» КК-РКИ: организация и участие комсомольско-молодежных отрядов в социалистической модернизации Донбасса (конец 1920-х – первая половина 1930-х годов)	87
<i>Бородулина Е.В., Скочин А.В.</i> Педагогическая деятельность в средних специальных учебных заведениях Тюмени в 1920–1930-е гг.	92
<i>Ажигулова А.И.</i> Младенческая смертность на Южном Урале во второй половине 1930-х гг.: причины, динамика	102
<i>Ильина Е.Б.</i> Судьбы Владимирского купечества после революции 1917 года: к истории вопроса	107
<i>Фёдорова А.В.</i> 11-я школа младших авиационных специалистов (1941–1945 гг.)	113
<i>Жевалов С.А.</i> Продовольственный вклад Читинской области в Великую Победу (по материалам Российского государственного архива экономики)	117
<i>Давыдов С.Г.</i> От стихов до диссидентства: из истории неинституциональных практик советской молодежи 1940-х годов	122
<i>Исакиева З.С.</i> Социально-демографические проблемы чеченцев и ингушей, депортированных в Казахстан и Среднюю Азию (1944-1949 гг.)	130
<i>Пелих А.Л., Протасова И.В.</i> Особенности государственной политики в области образования и здравоохранения в первые послевоенные годы (на примере Краснодарского края)	137

<i>Киселев А.Г.</i> Проблемы северных педучилищ в представлениях сотрудников Минпроса РСФСР середины 1950-х годов	142
<i>Нагорных О.С.</i> К вопросу о работе советских специалистов в КНР в 1949-1960 гг. (на примере медицинских работников)	150
<i>Шихаметова Э.Р., Борисов С.Д.</i> Вклад В.А. Поповой в развитие высшего образования Севастополя (к истории библиотеки Севастопольского приборостроительного института)	161
<i>Бойцова Е.Е., Хапаев В.В., Борисов С.Д., Шихаметова Э.Р., Андреева А.И.</i> Вклад ветеранов Великой Отечественной войны в развитие вузов Севастополя: основные результаты исследования	168
<i>Хаджиева Б.М.</i> От «Дамасской весны» к эскалации конфликтности (к вопросу об этнорелигиозных процессах в Сирии в 2000-2011 гг.)	176
<i>Медведева Л.М.</i> Траектория развития Северного морского пути в изменяющихся условиях последних десятилетий	180
<i>Шагов А.Е.</i> К вопросу о феномене гибридных войн: взгляд историка	187
<i>Лянь Жоюй.</i> Крупное достижение в исследованиях по истории окружающей среды - обзор многотомной «Экологической истории Китая»	192

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Владимирский А.В.</i> Диагноз по телеграфу: первые научные эксперименты по применению электросвязи в медицинской науке (вторая половина XIX – первая треть XX вв.)	201
---	-----

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Кафар-заде Л.Р.</i> Письма королевы Елизаветы I Тюдор в истории англо-сефевидских дипломатических отношений	212
<i>Мусаева С.И., Азизова А.Н.</i> Тургут Озал и его внешнеэкономическая политика	224
<i>Турлыбаева Д.Т.</i> Исторические предпосылки становления Организации Договора о коллективной безопасности	232
<i>Шагун Г.Е.</i> Институционализация государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом	240

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Умудлу В.У.</i> Национально-демократическое движение в Северном Азербайджане в начале XX века в турецкой историографии	247
<i>Хазиахметова Р.Р.</i> Скорбные листы терапевтического отделения первой Казанской рабочей больницы как источники по истории повседневности	252
<i>Павлова А.В.</i> Современная историография горноспасательного дела в России и на Донбассе	260

ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

<i>Степанова О.Б.</i> Собака в системе жизнеобеспечения северных селькупов	268
<i>Гоголев А.И., Яковлева К.М.</i> Архаичные ушные украшения якутов	278
<i>Шереметьева Н.В.</i> Образ тигра в культуре Китая	283

ЭКОНОМИКА

<i>Тимиргалеева Р.Р.</i> Методология оценки уровня цифрового развития агропромышленного комплекса Республики Крым	288
<i>Цзян, Синтун.</i> Исследование модели подготовки международных специалистов в сфере электронной коммерции в профессиональных колледжах провинции Хейлунцзян	294
<i>Айзенберг И.Р., Скляренко С.А., Кульбятская С.С.</i> Перспективы развития модели китайско-российской межуниверситетской кооперации в провинции Хэйлунцзян	298

CONTENTS

Contents	3
----------	---

HISTORY

<i>Khazina, A.V., Kislitsyn, D.F.</i> Diagnostic Functions of Dreams in Ancient Non-Temple Medicine	7
<i>Kulikova, Ju.V.</i> The Latin Language as a Marker of the State and Civil Identity of the Roman Empire in the I-IVth Century AD	11
<i>Chougounova, T.G.</i> John Frith VS John Rastell: Two Interpretations of Key Religious Issues	22
<i>Sofronova, L.V., Rodionov, A.V.</i> Strokes to the Psychological Portrait of Erasmus of Rotterdam	26
<i>Tikhanycheva, E.O., Tikhanychev, O.V.</i> Orthodox Monasteries of Moscow as a Historical Example of the Implementation of "Double" Technologies in Military Matters	30
<i>Bakuradze, A.B., Kazarezov, I.V., Trut, V.P.</i> To the Question of the Participation of the Cossacks in the Azov Campaigns of Peter I	38
<i>Skopa, V.A.</i> The History of Enlightenment Thought in the Creative Heritage of M.M. Shcherbatov	42
<i>Ibneeva, G.V., Shakirova, A.I.</i> Financing and Material and Technical Base of District Schools of the Kazan Province in the First Half of the XIX Century	46
<i>Lisitsyna, O.I.</i> Matrimonial Behavior of the Russian Nobility in the First Half of the XIX Century	52
<i>Matveeva, E.S., Batsukin, A.A., Kuznetsova, E.V.</i> Development of Problems of Religious Impact on Prisoners in the Scientific Heritage of S.V. Poznyshev's	58
<i>Gavrikov, F.A.</i> The role of the Cities of the Kursk Province in Organizing the Accommodation of Sick and Wounded Soldiers, Refugees and Prisoners of War, as Well as Assistance to the Front and the Families of the Directed during the World War I	63
<i>Xin Wei.</i> On the Economic Development of the Ethnic Minorities in the Heilongjiang during the period of the Republic of China (1911-1949)	68
<i>Sheng Xin.</i> Changes in the Traditional Way of Life in Kharbin in Conditions of Modernization (1898-1931)	74
<i>Nikulin, V.V.</i> Belated Decision: on the Circumstances of the Decision-Making on the Transition to a New Economic Policy	80
<i>Stadnik, V.A.</i> The Workers' and Peasants' Inspectorate Control Commission "Light Cavalry": Organization and Activity of the Komsomol and Youth Teams in the Conditions of the Donbass Socialist Modernization (Late 1920s - First Half 1930s)	87
<i>Borodulina, E.V., Skochin, A.V.</i> Pedagogical Activity in Secondary Special Educational Institutions of Tyumen in the 1920–1930s	92
<i>Azhigulova, A.I.</i> Infant Mortality in the Southern Urals in the Second Half of the 1930s: Causes, Dynamics	102
<i>Ilina, E.B.</i> The fate of the Vladimir Merchants after the Revolution of 1917: to the History of the Question	107
<i>Fedorova, A.V.</i> 11th School of Junior Aviation Specialists (1941-1945)	113
<i>Zhevalov, S.A.</i> Food Contribution of the Chita Region to the Great Victory (based on the Materials of the Russian State Archive of Economics)	117
<i>Davydov, S.G.</i> From Poems to Dissidence: from the History of Non-Institutional Practices of the Soviet Youth in the 1940s	122
<i>Isakieva, Z.S.</i> Socio-Demographic Problems of the Chechen and Ingush Deported to Kazakhstan and Central Asia (1944-1949)	130
<i>Pelikh, A.L., Protasova, I.V.</i> Features of State Policy in the Field of Education and Health Care in the First Post-War Years (on the Example of the Krasnodar Territory)	137
<i>Kiselev, A.G.</i> Problems of Northern Pedagogical Schools in the Representations of Employees of the RSFSR Ministry of Education in the Middle 1950s	142
<i>Nagornykh, O.S.</i> On the Question of the Work of Soviet Specialists in the PRC in 1949-1960 (on the Example of Medical Workers)	150
<i>Shikhametova, E.R., Borisov, V.D.</i> Contribution V.A. Popovoy in the Development of Higher Education in Sevastopol (to the History of the Library of the Sevastopol Instrument-Making Institute)	161
<i>Boitsova, E.E., Khapaev, V.V., Borisov, S.D., Shikhametova, E.R., Andreeva, A.I.</i> Contribution of Veterans of the Great Patriotic War to the Development of Sevastopol Universities: the main Results of the Study	168
<i>Khadzhiyeva, B.M.</i> From "Damasus Spring" to Escalation of Conflict (on the Question of Ethno-Religious Processes in Syria in 2000-2011)	176
<i>Medvedeva, L.M.</i> The Development Trajectory of the Northern Sea Route in the Changing Conditions of the Last Decades	180
<i>Shagov, A.E.</i> To the Question of the Phenomenon of Hybrid Wars: A Historian's View	187
<i>Liang, Ruoyu.</i> A Major Achievement in Environmental History Research – A Review on the Multi-Volume «Environmental History of China»	192

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- Vladzomyrskyy, A.V.* Diagnosis via Telegraph: the First Scientific Experiments on the Use of Telecommunications in Medical Science (the Second Half of the 19th - the First Third of the 20th Centuries) **201**

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Gafar-zada, L.R.* Queen Elizabeth I Tudor's Letters in the History of Anglo-Safavid Diplomatic Relations **212**
Musayeva, S.I., Azizova, A.N. Turgut Ozal and His Foreign Economic Policy **224**
Turlybayeva, D.T. Historical Prerequisites for the Formation of the Collective Security Treaty Organization **232**
Shagun, G.E. Institutionalization of the State Policy of the Russian Federation in Relation to Compatriots Abroad **240**

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

- Umudlu, V.U.* National-Democratic Movement in Northern Azerbaijan at the Beginning of the XX Century in Turkish Historiography **247**
Khaziakhmetova, R.R. The Hospital History Sheets of the Therapeutic Department of the First Kazan Workers' Hospital as Historical Sources for the History of Everyday Life **252**
Pavlova, A.V. Modern Historiography of Mine Rescue in Russia and Donbass **260**

ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY

- Stepanova, O.B.* A Dog in the Life Support System of the Northern Selkups **268**
Gogolev, A.I., Yakovleva, K.M. Yakut People Archaic Ear Jewelry **278**
Sheremeteva, N.V. The Image of the Tiger in Chinese Culture **283**

ECONOMICS

- Timirgaleeva, R.R.* Methodology for Assessing the Level of Digital Development of the Agro-Industrial Complex of the Republic of Crimea **288**
Jiang, Xintong. A Study on the Training Model of Cross-Border E-Commerce Talents in Heilongjiang Vocational Colleges **294**
Ayzenberg, I.R., Sklyarenko, S.A., Kulbiatskaia, S.S. Prospects for the Development of the Model of Chinese-Russian Interuniversity Cooperation in Heilongjiang Province **298**

ХАЗИНА А.В., КИСЛИЦЫН Д.Ф.
ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СНОВИДЕНИЙ
В АНТИЧНОЙ ВНЕХРАМОВОЙ МЕДИЦИНЕ

Ключевые слова: античная медицина, онейрокритика, сновидения, дивинация, диагностика, «Корпус Гиппократа», междисциплинарные исследования.

В статье рассматриваются представления о сновидениях в практике храмовой и светской (внехрамовой) медицины Античности, анализируется эволюция этих представлений и их взаимоотношения. Выдвигается гипотеза, что сосуществование храмовой и светской медицины в эпоху Античности порождало конгломерат пограничных областей, в которых разнородные социально-культурные традиции не жестко конкурировали между собой, а наслаивались, не до конца вытесняя друг друга. В случаях, когда одна из форм медицинского знания и практики не справлялась с поставленной задачей, ей на помощь приходила другая. В святилищах Асклепия применялись рациональные медицинские практики, а представители светской медицины признавали, что не все в их силах, и в некоторых случаях необходима помощь богов. Не исключено, что светской медициной были постепенно рационализированы практики храмовой медицины, в частности, использование сновидений как инструмента диагностики и лечения.

KHAZINA, A.V., KISLITSYN, D.F.
DIAGNOSTIC FUNCTIONS OF DREAMS IN ANCIENT NON-TEMPLE MEDICINE

Key words: ancient medicine, oneirocriticism, dreams, divination, diagnostics, «Corpus Hippocraticum», interdisciplinary research.

The article discusses different concepts of dreams within the practice of temple and secular (extra-temple) medicine of Antiquity, the evolution of these ideas and their relationship having been analysed. A hypothesis is put forward that the coexistence of temple and secular medicine in the era of Antiquity gave rise to a conglomeration of border areas in which heterogeneous socio-cultural traditions did not compete fiercely with each other, but overlapped without crowding out each other. In cases where one of the forms of medical knowledge and practice did not cope with the task, another one came to the rescue. In the shrines of Asclepius, rational medical practices were applied, and representatives of secular medicine recognized that not everything was in their power, and in some cases the help of the gods was needed. It is possible that secular medicine gradually rationalized the practices of temple medicine, in particular the use of dreams as a tool for diagnosis and treatment.

Хорошо известно, что древнегреческая культура на протяжении многих столетий пыталась осмыслить природу и социальную прагматику не только так называемых вещей (прогностических) сновидений. Она стремилась также дать систематическое описание множества иных функций сновидческого опыта: функции священные, предписывающие, исцеляющие, диагностические, наделяющие сновидца политической властью, либо особым даром и т.д.

Нам, в частности, уже приходилось анализировать то, каким образом феномен так называемых «священных сновидений» (восходящий к индоевропейским корням), сформировал своеобразное «медицинское» ответвление, характерное для определенного периода истории Древней Греции. В ходе сложных трансформаций «священных сновидений» закладывались основы особого типа религиозного врачевания, оформившегося в институт «исцеляющих, искомых сновидений». При этом эволюция «исцеляющих сновидений», по-видимому, прошла еще одну, дополнительную точку бифуркации, расщепилась и начала двигаться по двум разбегающимся направлениям. С одной стороны, росла народная популярность онейрокритики: возникали многочисленные когорты профессионалов-толкователей, целителей и прорицателей, услуги которых были доступны даже рабам (что было предметом многочисленных насмешек комедиографов). С другой – учащались попытки рационализировать онейрокритику со стороны интеллектуальных кругов, в том числе путем выстраивания различных соотношений между физическими состояниями спящих и многочисленными типологиями снов [1].

Кроме того, мы отдельно рассматривали и вопрос о том, как греческие мыслители, исследовавшие феномен сновидений, пытались встроить в свои философские системы не только возможные классификации сновидений, но и представления об иерархии сновидцев. Нам удалось показать, что, в результате многослойных конвергенций разнородных традиций, различные «иерархии сновидцев», предлагавшиеся либо подразумевавшиеся множеством античных авторов, никогда не были ни целостными, ни исчерпывающими [2].

В этой связи представляется важным выяснить, как соотносились представления о сновидениях в практике храмовой и так называемой светской медицины (так или иначе отделенной от храмовой и – шире – религиозной практики), как эволюционировали эти

представления, и как менялись «пограничные» зоны между сакрализованным пространством сновидений и пространством частным. Похоже, что и в данном случае мы сталкиваемся с типологически близким «конгломератом традиций», взаимно наслаивающихся, но никогда не вытесняющих одна другую целиком.

В основе древнегреческой храмовой медицины, сформировавшейся в рамках культа Асклепия, лежит практика «священного сна» или медицинской инкубации. Параллельно с храмовой медициной, акторами которой являлись непосредственно бог Асклепий и жрецы культа, существовала также медицина светская, которую представляли врачи – выходцы из медицинских школ, передающие профессию из поколения в поколение [3, с.17].

Уже к V-IV вв. до н. э. искусство врачевания, в целом, и профессия врача – в частности, наделялись высоким статусом и авторитетом в древнегреческом обществе. Врачи являли социальные образцы применения научных (и философских) знаний в практической деятельности [4, с. 13]. Врачи, представители светской медицины, особенно последователи Гиппократов, осуждали и критиковали различного рода гадателей, называя их шарлатанами, наживающимися на доверчивости напуганных болезнью людей (*Hippocr. De morbo. 1*) [5]. Важно отметить при этом, что врачи никогда не выступали против храмовой медицины, религиозного культа Асклепия и характерных для них практик [6, с. 217]. Взаимоотношения между храмовой и светской медициной можно охарактеризовать не как конкуренцию за пациентов, а как сотрудничество, взаимную конвергенцию и, в какой-то мере, преемственность [7, с. 110].

В Древней Греции утвердилось общее иносказательное наименование врачей – Асклеиады. По-видимому, таким образом метонимически выражалась мысль о том, что деятельность врачей находится под покровительством бога врачевания Асклепия. Строго говоря, Асклеиадами, с точки зрения генеалогического родства, имел право называться лишь род Гиппократов – «отца медицины». Гиппократ происходил по мужской линии из косской ветви Асклеиадов, в то время как род Асклеиадов берет свое начало от гомеровского Асклепия – царя Трикии (Фессалия) и его сыновей – Махаона и Подалира. Истинный род Асклеиадов накапливал и передавал медицинские знания из поколения в поколение, от отца к сыну. И впоследствии Гиппократ изложил его в своих сочинениях [6, с. 13-14].

В настоящее время сочинения, написанные лично Гиппократом, а также его последователями, объединены под общим названием «Гиппократов сборник» или «Корпус Гиппократов». Несмотря на дискуссионность атрибуции многих текстов, и на то, что не все работы, вошедшие в сборник, принадлежали Гиппократу, все тексты «корпуса» выдержаны в гиппократовской медико-философской традиции [8, с. 22]. Сочинения Гиппократов были известны и пользовались уважением среди современников: в частности, Платон в одном из диалогов ссылается на Гиппократов (*Plat. Phaedr. 270 c-d*) [9].

В сочинениях, которые вошли в «Корпус Гиппократов», формируется рациональный, светский вектор развития медицины, основанный по большей части на бытующих в это время философских учениях, впрочем, так же весьма разноречивых. Практико-ориентированный характер медицинского учения, оформленного Гиппократом, существенно отличался от медицины восточной, которая с рациональными медицинскими практиками совмещала магические ритуалы и обряды. Примечательно, однако, что сами древние греки не считали медицину наукой, а именовали ее искусством [10, с. 268-269; 11]: в «Корпусе Гиппократов» медицина часто упоминается как самое благородное из всех искусств (*Hippocr. Lex. 1-2, 4; De med. 2*) [12, 13].

В контексте нашей работы принципиально важно, что в гиппократовских сочинениях сон и сновидения являются важнейшими показателями, составляющими основу диагностики. При этом сон рассматривается преимущественно с точки зрения его физиологических показателей – продолжительность сна, его характер и т.п. На основе этих данных Гиппократ формирует прогноз о предположительном течении болезни. Например, если сон ровный и не чрезмерно длительный, то больному ничего не угрожает, и он выздоровеет (*Hippocr. Aphor. II. 1, 3*) [5].

Примечательно, что авторы сочинений «Корпуса Гиппократов» не отвергают, а наоборот поддерживают идею о пророческой способности сновидений. В трактате «О диете» сновидениям посвящена отдельная четвертая глава, которая некоторое время назад считалась самостоятельным произведением и именовалась «О сновидениях». Часть исследователей полагает, что идеи, изложенные в трактате «О диете», отражают влияние философских представлений Гераклита в

гораздо большей степени, чем воздействие прочих философов [14, с. 431]. По мнению других исследователей, трактат «О диете» был создан под влиянием орфиков. Именно на их концепции о наиболее активной деятельности души во время сна базируется созданная авторами трактата концепция диагностики заболеваний на основе сюжетов сновидений. С этой точки зрения, душа во сне способна отразить и указать на телесные недуги организма. Важно, что авторы трактата не отрицают существование «священных сновидений» и профессиональных толкователей, но выделяют особый вид сновидений, способных указывать на состояние здоровья сновидца (Hippocr. De diaet. IV. 87) [13]. Иными словами, в медицинской практике фокус истолкования сновидений смещается с мантики на прогностику [4, с. 42-43].

Кроме того, в четвертой главе, посвященной сновидениям, помещен своеобразный сонник, методологически противоположный привычным сонникам Античности и эпохи эллинизма. В нем сновидческие символы толкуются не как знаки, предсказывающие будущее, а как основа диагностики заболевания. Например, если в сновидении все в порядке со зрением и слухом, значит и со здоровьем все отлично. Если же сновидец во сне лишен одного из чувств (зрение, слух и прочие), значит и в реальной жизни присутствуют проблемы с соответствующими органами (Hippocr. De diaet. IV. 90) [13]. Таким образом, если в святилище Асклепия больной посредством сновидения мог узнать о способе лечения, то в трактате «О диете» предлагается при помощи сновидений диагностировать возможные заболевания. Разделение сновидений на божественные (священные) и диагностические было принято не только у Гиппократов и его последователей. Подобное деление проводили также и другие не менее известные античные врачи – например, Герофил Александрийский и Гален [15, с. 40-41].

Однако важно подчеркнуть, что, несмотря на очевидную рационализирующую тенденцию всего «Корпуса Гиппократов», его авторы признают наличие и значимость сакрального в искусстве врачевания. Древнегреческие врачи почтительно относились к богам, и признавали их могущество, поскольку арсенал доступных медицинских средств и методов нередко оказывался бессильным и не способным справиться с некоторыми заболеваниями (Hippocr. De dec. hab. 6) [12]. Собственно, Гиппократ также полагал, что все познания врачей происходят от богов и предлагал в лечении болезни совмещать выполнение врачебных предписаний с молитвой богам об исцелении (Hippocr. De diaet. IV. 87) [13].

Кроме того, Гиппократ не только не отрицал существование вещей сновидений, но и доверял им. В «Корпусе Гиппократов», кроме медико-философских сочинений, вошли также письма, речи и декреты Гиппократов, чье авторство по-прежнему остается дискуссионным. По одной из версий, названные письма и речи были написаны учениками одной из школ риторов на острове Кос в III в. до н.э. Письма содержат фактические сведения и детали о Гиппократе, которые вряд ли могли быть вымышленными и в любом случае отражают контекст исторической эпохи. Вполне возможно, что данные письма и речи написаны на основе семейной хроники гиппократиков, передававшейся из поколения в поколение и нашедшей свое отражение в подобной форме [8, с. 23-24]. Так, в одном из писем Гиппократ пишет о своем вещем сновидении, в котором ему явился бог Асклепий. Гиппократ был обеспокоен состоянием здоровья Демокрита, но явившейся ему в сновидении Асклепий сообщил, что Демокрит здоров и помощь врача ему не требуется. В этом же письме Гиппократ говорит: «...я не пренебрегаю сновидениями ... медицина и гадание – близкие родственники, поскольку Аполлон – общий отец этих двух искусств, – он, наш предок, предсказывающий болезни, существующие и будущие, излечивающий болезни настоящие и болезни будущие» (Hippocr. Epist. 15) [16].

Очевидно, что вера в вещи сновидения была присуща не только храмовой, но и светской медицине, – обе сферы оказывались не только противопоставленными, но и парадоксально связанными друг с другом. Во II веке н.э. связь между культом Асклепия и светской медициной не ослабевала. Рациональная и иррациональная медицина параллельно развивались в течение длительного времени, взаимно дополняя и проникая друг в друга. Асклепий продолжал оставаться покровителем врачей, которые признавали его божественные предписания, полученные в сновидении (Hippocr. Epist. 15) [16]. Между храмовой и светской медициной было налажено своеобразное сотрудничество на уровне социальных практик. Представителей светской медицины приглашали в святилища Асклепия, чтобы те проконсультировали жрецов храма об особенностях лечения в особо сложных случаях. В то же время, сохранился текст древней античной молитвы, в

изложении Галена, в которой врач молит Пеана и Асклепия об избавлении от боли и выражает надежду на действенность принятого лекарственного средства [17, с. 129, 136].

При святилищах Асклепия было организовано обучение жрецов-врачевателей. Гален начинал свой путь в медицину с того, что служил в одном из святилищ Асклепия в Пергаме [18, с. 24]. Он придавал большое значение сновидениям и использовал полученные в сновидении советы от Асклепия в своей практике. Гален утверждал, что необходимо ввести в научный оборот сведения о методах лечения, полученные от бога посредством сновидений. По утверждению самого Галена, он вылечил многих своих пациентов только благодаря участию и советам Асклепия. Даже сам выбор будущей профессии Галена является результатом вещего сновидения. В одном из своих сочинений Гален утверждал, что его отцу регулярно снился бог-целитель Асклепий. Истолковав сновидения как божественный знак, отец отправил сына (Галена) обучаться лекарскому искусству и философии [15, с. 40]. Вероятно, некоторые представители «светской» (внехрамовой) медицины, как и часть населения, признавали значимость «священных сновидений» и выстраивали свое поведение и практику в соответствии с указаниями, полученными в сновидении.

Иначе говоря, в случаях, когда одна из форм медицинского знания и практики не справлялась с поставленной задачей, ей на помощь приходила другая. Как в святилищах Асклепия применялись рациональные медицинские практики, так и представители светской медицины признавали, что не все в их силах, и в некоторых случаях необходима помощь богов. Не исключено, что светской медициной были постепенно рационализированы практики храмовой медицины, в частности, использование сновидений как инструмента диагностики и лечения.

Таким образом, сосуществование храмовой и светской медицины в эпоху Античности также порождало конгломерат пограничных областей, в которых разнородные социально-культурные традиции не жестко конкурировали между собой, а наслаивались, не до конца вытесняя друг друга.

Литература и источники

1. Хазина А.В., Сивакина В.А. Феномен исцеляющих «священных сновидений» в Древней Греции: к вопросу о генезисе // Современная научная мысль. – 2019. – №6. – С. 16-21.
2. Хазина А.В., Сивакина В.А., Кислицин Д.Ф. Иерархия сновидцев в античной онейрокритике. К постановке проблемы // Современная научная мысль. – 2021. – №6. – С. 10-16.
3. Глязер Г. Исследователи человеческого тела от Гиппократов до Павлова / Пер. с нем. Ю.А. Федосюка; Под ред. Б.Д. Петрова. – М.: Медгиз, 1956. – 243 с.
4. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т.2. / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. – 335 с.
5. Гиппократ. О священной болезни // Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. В. И. Руднева; Ред., вступ. ст. и примеч. В. П. Карпова. – М.: ТОО "Сварог", 1994. – С. 493-513.
6. Жак Ж. Гиппократ / Пер. с фр. Д.Н. Вальяно. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997. – 457 с.
7. Джарман О.А., Гаврилов И.Б. Врачи-христиане как феномен средиземноморской культуры позднеантичного периода // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2011. – №2. – С. 109-112.
8. Карпов В.П. Гиппократ и Гиппократов сборник // Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. проф. В.И. Руднева; Ред., вступ. статьи и прим. проф. В.П. Карпова. – М.: ТОО "Сварог", 1994. – С. 11-76.
9. Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т.2 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
10. Жмудь Л.Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. – СПб.: Изд-во ВГК: Алетея, 1994. – 376 с.
11. Софронова Л.В., Желонкина Ю.М. Homo sum: некоторые страницы из медицинской биографии Эразма // Современная научная мысль. – 2021. – №4. – С. 11-15.
12. Hippocrates. Prognostic. Regimen in Acute Diseases. The Sacred Disease. The Art. Breaths. Law. Decorum. Physician (Ch. 1). Dentition / Translated by W. H. S. Jones // Loeb Classical Library 148. Vol.2. – Cambridge: Harvard University Press, 1923. – 349 p.
13. Hippocrates. Ancient Medicine. Airs, Waters, Places. Epidemics 1 and 3. The Oath. Precepts. Nutriment / Translated by W. H. S. Jones // Loeb Classical Library 147. Vol.1. – Cambridge: Harvard University Press, – 1923. – 363 p.
14. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). – СПб.: Наука, – 2014. – 533 с.
15. Прольгина И.В. Рациональное и сакральное у Галена // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2018. – Т. II. – №1. – С. 33-51.
16. Гиппократ. Письма // Гиппократ. Этика и общая медицина / Пер. с греч. В. И. Руднева. – М.: Мир книги, Литература, 2001. – 336 с.
17. Джарман О.А. Эллинистическая религия Асклепия в поздней греко-римской культуре в свете христианской духовной традиции // Христианское чтение. – 2010. – №3. – С. 113-143.
18. Джарман О.А. Врачи-христиане в эпоху поздней Античности: культурно-исторический портрет // Христианское чтение. – 2011. – №2. – С. 15-53.

References and Sources

1. Hazina A.V., Sivakina V.A. Fenomen isceluyushchih «svyashchennyh snovidenij» v Drevnej Grecii: k voprosu o genezise // Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2019. – №6. – S. 16-21.

2. Hazina A.V., Sivakina V.A., Kislicin D.F. Ierarhiya snovidecev v antichnoj onejrokrityke. K postanovke problemy // *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2021. – №6. – S. 10-16.
3. Glyazer G. Issledovateli chelovecheskogo tela ot Gippokrata do Pavlova / Per. s nem. Yu.A. Fedosyuka; Pod red. B.D. Petrova. – M.: Medgiz, 1956. – 243 s.
4. Jeger V. Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka. T.2. / Per. s nem. M.N. Botvinnika. – M.: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina, 1997. – 335 s.
5. Gippokrat. O svyashchennoj bolezni // *Gippokrat. Izbrannye knigi* / Per. s grech. V. I. Rudneva; Red., vstup. st. i primech. V. P. Karpova. – M.: TOO "Svarog", 1994. – S. 493-513.
6. Zhak Zh. Gippokrat / Per. s fr. D.N. Val'vano. – Rostov n/D.: Feniks, 1997. – 457 s.
7. Dzharman O.A., Gavrilov I.B. Vrachy-hristiane kak fenomen sredizemnomorskoj kul'tury pozdneantichnogo perioda // *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana)*. – 2011. – №2. – S. 109-112.
8. Karpov V.P. Gippokrat i Gippokratov sbornik // *Gippokrat. Izbrannye knigi* / Per. s grech. prof. V.I. Rudneva; Red., vstup. stat'i i prim. prof. V.P. Karpova. – M.: TOO "Svarog", 1994. – S. 11-76.
9. Platon. Fedr // *Platon. Sbranie sochinenij v 4 t. T.2* / Per. s drevnegrech.; Obshch. red. A. F. Loseva, V. F. Asmusa, A. A. Taho-Godi; Avt. vstup. st. i st. v primech. A. F. Losev; Primech. A. A. Taho-Godi. – M.: Mysl', 1993. – 528 s.
10. Zhmud' L.Ya. Nauka, filosofiya i religiya v rannem pifagoreizme. – SPb.: Izd-vo VGK: Aletejya, 1994. – 376 c.
11. Sofronova L.V., Zhelonkina Yu.M. Homo sum: nekotorye stranicy iz medicinskoj biografii Erazma // *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2021. – №4. – S. 11-15.
12. Hippocrates. Prognostic. Regimen in Acute Diseases. The Sacred Disease. The Art. Breaths. Law. Decorum. Physician (Ch. 1). Dentition / Translated by W. H. S. Jones // *Loeb Classical Library 148. Vol.2*. – Cambridge: Harvard University Press, 1923. – 349 p.
13. Hippocrates. Ancient Medicine. Airs, Waters, Places. Epidemics 1 and 3. The Oath. Precepts. Nutriment / Translated by W. H. S. Jones // *Loeb Classical Library 147. Vol.1*. – Cambridge: Harvard University Press, – 1923. – 363 p.
14. Lebedev A.V. Logos Geraklita. Rekonstrukciya mysli i slova (s novym kriticheskim izdaniem fragmentov). – SPb.: Nauka, – 2014. – 533 s.
15. Prolygina I.V. Racional'noe i sakral'noe u Galena // *Filosofiya. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki*. – 2018. – T. II. - №1. – S. 33-51.
16. Gippokrat. Pis'ma // *Gippokrat. Etika i obshchaya medicina* / Per. s grech. V. I. Rudneva. – M.: Mir knigi, Literatura, 2001. – 336 s.
17. Dzharman O.A. Ellinisticheskaya religiya Asklepiya v pozdnej greko-rimskoj kul'ture v svete hristianskoj duhovnoj tradicii // *Hristianskoe chtenie*. – 2010. – №3. – S. 113-143.
18. Dzharman O.A. Vrachy-hristiane v epohu pozdnej Antichnosti: kul'turno-istoricheskij portret // *Hristianskoe chtenie*. – 2011. – №2. – S. 15-53.

ХАЗИНА АННА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

КИСЛИЦЫН ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ - магистрант Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (super.dimylj12@yandex.ru).

КHAZINA, ANNA V. - Ph.D. in History, Chairperson, World History, Classical Disciplines and Law Department, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (annh1@yandex.ru).

KISLITSYN, DMITRIY F. - Master of Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (super.dimylj12@yandex.ru).

УДК 94(37)07/08=124'1

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-11-22

КУЛИКОВА Ю.В.

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК КАК МАРКЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В I-IV ВВ.

Ключевые слова: латинский язык, Рим, империя, идентичность, гражданство, государство, провинция, менталитет.

В I-IV вв. в Римской империи происходили процессы, которые поставили вопрос о необходимости принятия ряда мер по сохранению государственной идентичности. Латинский язык являлся не просто ядром гражданской идентичности, но был основой государства, которое увеличивало свою территорию, трансформировало формы и системы государственного управления. Именно язык, формировавший основы устройства, представления о прошлом и мировоззрение, являлся опорой государственной и гражданской идентичности, несмотря на коснувшиеся его изменения. В статье на основе междисциплинарных методов рассмотрена эволюция латинского языка в контексте трансформации систем общества Римской империи. Показано, что варваризацию языка уже невозможно было остановить, и с наступлением сложного III в. с его политической чехардой для формирования гражданской идентичности не оставалось времени. Да это уже не воспринималось как необходимость. В итоге, из поливалентного языка латынь превратилась в дифференцированный, что отразилось в поэзии в изменении рифмы, а также в силовом ударении, которое в III–IV вв. стало ставится строго на предпоследнем слоге.

KULIKOVA, Ju.V.

THE LATIN LANGUAGE AS A MARKER OF THE STATE AND CIVIL IDENTITY OF THE ROMAN EMPIRE IN THE I-IVth CENTURY AD

Key words: Latin, Rome, Empire, Identity, Citizenship, State, Province, Mentality.

In the I-IV AD in the Roman Empire there were processes that raised the question of the need to take a number of measures to preserve the state identity. The Latin language was not just the core of civil identity, but was the basis of the state, which increased its territory, transformed the forms and systems of public administration. It was the language, which formed the foundations of the structure, ideas about the past and worldview, that was the backbone of the state and civil identity, despite the changes that affected it. Based on interdisciplinary methods, the article examines the evolution of the Latin language in the context of the transformation of the systems of society in the Roman Empire. It is shown that the barbarization of the language could no longer be stopped, and with the advent of the complex 3rd c. with its political leapfrog, there was no time left for the formation of a civic identity. Yes, it was no longer perceived as a necessity. As a result, from a polyvalent language, Latin turned into a differentiated one, which was reflected in poetry in a change in rhyme, as well as in power stress, which in the III-IV centuries. began to be placed strictly on the penultimate syllable.

ИСТОРИЯ

Римская империя прошла долгий путь развития, в процессе которого система принципата так и не смогла трансформироваться таким образом, чтобы полностью соответствовать реалиям и требованиям общества и тем самым нивелировать социальную и политическую напряженность, изменить взаимоотношения с провинциями. По сути, система управления отставала от темпов развития процессов внутри государства и была не способна отвечать на внешние вызовы. Поэтому сепаратистские настроения в III в. явились способом формирования особой региональной идентичности, формой ответа на внешние вызовы и поиска путей дальнейшего развития. В этих условиях одной из важных детерминант, обеспечивавших государственную идентичность, явился латинский язык со всеми составляющими его связями. Хотя не вполне понятно, мог ли он выступать маркером гражданской и государственной идентичности Империи в целом для сохранения ее единства и жизнеспособности.

Социо-антропологические исследования доказывают, что язык и человек неразделимы. Язык определяет, прежде всего, сущность и «Я» самого человека, начиная с характерных черт, имени и идентификации самого себя и заканчивая определением своей роли и места в обществе, которые также выражаются определенными языковыми характеристиками, терминами и понятиями. Язык отражает для человека окружающий его мир. Он является культуuroобразующей детерминантой, передающейся от поколения к поколению, формирующей общее миропонимание, подобно тому, как индивидуальная и гражданская идентичность Рима выстраивалась на основе латыни. Не существуя отдельно от человека, язык определяет его поведение, образ жизни, мировоззрение, менталитет, национальный характер, идеологию, посредством языка передаются нормы, традиции, законы, происходит усваивание социальных ролей.

К I в.н.э. латинский язык стал государственным языком народов Италии, а распространение римского гражданства и внедрение административной системы управления постепенно вытеснили местные традиции, установив римские законы. Но насколько вместе с образованием и религией изменялся менталитет? В отношении народов Италии это нельзя утверждать однозначно, потому что некоторые из них были окончательно завоеваны в правление Октавиана Августа, как, например, триумпины, или императора Клавдия, как например, марсы. К этому времени и другие народы стали «приобщаться» к римским ценностям, например, Галлия, Испания, Египет, Закавказье и др.

С. Тер-Минасова справедливо отмечает, что в каком-то смысле человек – раб своего родного языка: он с младенчества попадает под влияние и власть языка родителей и вместе с ним усваивает специфическую культуру речевого коллектива, членом которого он совершенно случайно оказался [19, с.134-135]. Для людей, которые воспринимают язык как составляющую гражданства, формирование гражданской идентичности тем труднее, чем они старше, поскольку как личность сформировались в других условиях. Эта проблема оказывается более глубокой и значимой в условиях Древнего Рима, в котором традиция усыновления была архаическим институтом и одновременно социальным лифтом, позволявшим изменить свою социальную роль. В частности, Октавиан Август смог вступить в ряды патрициев только благодаря усыновлению Юлием Цезарем, а некоторые последующие императоры оказывались допущенными в императорскую семью только посредством усыновления, либо получали римское гражданство, как в случае с императором Аврелианом [11]. Однако приобретая гражданство посредством усыновления, индивид должен быть готов принять совершенно иное мировоззрение на всех его уровнях, даже для греков, культура которых, казалось бы, близка. И именно греческая составляющая стала для римской идентичности триггером, подрывавшим ее основы. «Плененная Греция победителей диких пленила» отмечает Гораций (*Graecia capta ferum victorem cepit*) [30, II, 1, 156], выступая в данном случае дальновидным пророком.

Но при этом следует учитывать, что родившийся в определенной этнической среде, усваивает ее специфику и определяющие факторы от окружающих его людей, поэтому огромную роль в формировании личности играет именно язык. По мнению М. Верещагина и В.Г. Костомарова, личность – это продукт языка и культуры [2, с.25]. Именно язык определяет его идентичность на всех уровнях – особенности и стиль разговора, использование лексических и фразеологических приемов, стилистическое построение фраз и даже используемые слова говорят о его образе, социальной идентичности и позволяют включить человека в определенную социальную группу, и таким образом наметить определенные маркеры, позволяющие языку

ИСТОРИЯ

становиться в некоторых аспектах определяющим фактором идентичности. Знания, значения и смыслы, которые хранятся в языке, регулируют и дифференцируют чувственную сторону деятельности человека, его волю, внимание, предпочтения и другие психические акты, формируя языковое сознание говорящего и его образ мира [15, с.28-29].

Индивидуальная идентичность личности отражена уже в имени, которое включает в себе информацию о семье, происхождении, социальной группе, семейном статусе. Так у римлян принадлежность к патрицианскому роду указывалась в родовом имени, однако постепенно и древние плебейские роды также стали использовать *nomen*. Однако и принадлежность к семье отражалась не только на использовании одного и того же *praenomen*, переходящего из поколения в поколение, но и *cognomen*, который по особому разрешению мог передаваться по наследству, например, Цезарь. В древности когномены определяли индивидуальную идентичность человека, например, Слепой, Рыжий и т.п., а впоследствии являлись способом сохранения памяти о предке, тем самым являясь опорой гражданской и государственной идентичности. До эдикта императора Каракаллы о гражданстве официально носить римское имя мог только римский гражданин. В III в. «солдатские» императоры получали когномен по месту своего происхождения – Фракиец, Араб, или стремились подчеркнуть преемственность своей власти от выдающихся императоров – Деций Траян. Усыновление позволяло использовать когномен рода. Интересно, что в случае усыновления менялся и *praenomen* в зависимости от принадлежности к патрицианскому или плебейскому роду (Клодий – Клавдий, Октавий – Октавиан). Так император Аврелиан получил когномен после усыновления патрицием, сохранив и свое плебейское имя – Домиций [11]. А император Диоклетиан сменил свое имя – Диокл на более благородное после своего облачения в пурпур. В этот период «патрицианство» окончательно теряет свое значение и существует как данность прошлому, поэтому в IV в. император Константин Великий упраздняет наследственность звания «патриций» и закрепляет его как почетный титул, который легко мог быть дарован и варвару, например, Одоакру. Таким образом латинские слова меняли свой исконный смысл, являясь отражением трансформации идентичности.

Индивидуальная идентичность также выражена в языке в фонетической особенности слов, определенном их наборе или их повторениях, формах и выражениях, свойственных только этому субъекту, в постановке ударений, тембре голоса и способе речи (картавить, шепелявить и т.п.). По этим особенностям отличают родных, близких, знакомых, сородичей, соплеменников (особый говор). В этом плане важно понимать, что, формируя идентичность, для каждого этноса или нации язык может оставаться единственным связующим звеном всех систем, неся в себе культурную и историческую память, т.е. выступая своеобразным социокодом [8, с. 174]. С последним носителем языка этнос исчезает, а язык включается в категорию мертвых. Но латынь существовала и после падения Западной Римской империи, оставаясь языком Церкви, образования, науки. При этом она стала уже в большей степени маркером католицизма.

С.М. Арутюнян, признавая существование «психологического склада нации», определяет его как «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического» [1, с. 23]. Поэтому справедливо можно утверждать, что язык, являясь живым отражением общества, играет конструктивную роль в формировании национального характера. На государственном уровне язык становится средством формирования гражданской идентичности, определяющим ее в разнообразии сопряженных с ней связей.

Латинский язык из языка одного этноса превратился в маркер гражданской идентичности римлян, оформляясь в своей классической форме вместе с римской *civitas*, спаиваясь с ней единое целое. Именно становление *civitas*, переселение в Рим представителей других племен и превращение его в Средиземноморскую державу являлись детерминантами генезиса латинского языка, изменения в котором свидетельствует о социальных преобразованиях. При этом сами изменения в языковом поведении могут выступать в роли «властного инструмента» в отношении формирования гражданской и государственной идентичности [3, с.17], что может проследиваться в области идеологии Римской империи.

Римскому государству приходилось выстраивать свою политику в сложных внешнеполитических условиях, поэтому латинский язык выступал не только как способ общения

ИСТОРИЯ

между многочисленными народами древней Италии. Он стал идентификатором, но в то же и детерминантой, способствующей на основе восприятия «чужого» возникновению римского шовинизма. Так, постепенно «*alius*» стал использоваться только в значении «чужой», а «*alienus*» – иноземец. Но, как отмечают современные культурологи и психологи, через осознание «чужого», «другого» происходит формирование личной идентичности [10], которая лежит в основе формирования гражданской идентичности. Римская империя на уровне культуры и, прежде всего, религии создавала государственную идентичность, формируя новую для завоеванных народов понятийно-терминологическую основу.

До эпохи Империи латинский язык оставался живым языком, полностью отражавшим разговорные особенности. Поэтому в период завоевания Римом Италии и создания единого пространства, в котором именно латинский язык являлся языком общения, одновременно в латыни быстро ассимилировались элементы древних языков народов Италии, например, умбров, сабин, этрусков. Тем самым, с одной стороны, оттеснялись локальные языки, а с другой – формировался классический латинский язык. Ярким примером подобного влияния является греческий язык, следы которого заметны как в алфавите латинского языка, так и в ряде слов, ставших по употреблению римскими, но отражающими особенности греческой фонетики.

В течение почти двух первых веков своего существования Римская империя расширяла свою территорию, взаимодействуя с различными народами, находящимися на разных уровнях политического и социально-экономического развития. Для понимания роли латинского языка, как маркера государственной и гражданской идентичности, необходимо учитывать степень романизации завоеванных Римом регионов, ставших ее провинциями. Эллинизированные восточные провинции в меньшей степени подверглись воздействию романизации. В них оставалось сильным синкретическое ядро идентичности. Западные провинции оказались под более сильным воздействием римской культуры, однако и они подверглись романизации в разной степени, которая зависела от времени завоевания и, соответственно, периода нахождения под властью Рима, от социально-экономического и политического развития завоеванной территории, взаимодействия политических институтов и их стремления к интеграции. Более близкие к Риму территории быстрее подвергались воздействию романизации, в частности Галлия, чем более отдаленные, как отмечал еще Цезарь [25, I, 3].

Проникновение римской культуры происходило неравномерно в различных сферах жизни завоеванных территорий. На это влияли как вышеуказанные причины, так и каналы романизации: административные ресурсы и властные структуры, школы и развитие образования, активность колонизации и армия, некоторые подразделения которой происходили из восточных провинций и, соответственно, говорили они на греческом языке. И фактически о полной романизации речи идти не может. Так на Нижнем Дунае этот процесс так и не получил законченную форму, в Испании, как и в Британии, романизация в большей степени затронула южную часть, а вторжение германских племен и уход Рима из отдельных областей запустил процесс дероманизации, как это было в Африке, Паннонии, Прирейнской Германии.

С формированием Империи латинский язык становится государственным языком глобальной экономической и политической системы Запада и Востока, языком межэтнического общения на огромных пространствах. При этом он составлял основу административного управления, делопроизводства, официальной переписки, судебной системы и права, основой системы управления и ядром разрешения социальных конфликтов. Проблема состояла в том, что именно этот официальный латинский язык развивался не в лучшую сторону [16, с. 720-721]. Все дело в существовании параллельно с официальным разговорного языка, формировавшегося на основе бытового общения - «*latina vulgaris*». Эти две системы обычно сосуществовали, образуя дополнительные языковые связи благодаря наличию локальных и профессиональных языков, понятных определенной группе.

Однако официальный язык не отражал структуры живой речи, как это было в койне. Насаждая латинский язык, как часть «цивизованности», римская власть предпринимала шаги к формированию государственной идентичности, но при этом не стремилась контролировать соответствие фонетики и синтаксиса официального языка разговорному, быстрые изменения которого активизировались в этот период. Наоборот, поддерживая официальный язык как ядро идентичности, в условиях расширения Империи, необходимы были определенные изменения. Но

ИСТОРИЯ

консерватизм римлян сыграл и в этом свою роль, и в этой связи стоит признать справедливым утверждение Жака Ле Гоффа, что Рим является «шедевром консерватизма» [13, с. 3]. Если бы две системы не были разграничены, то политика бы имела определенный успех. Народная латынь была ориентирована на живую речь, она сглаживала диалектическое разнообразие, характерное еще в ранний период развития Римского государства, но впоследствии, будучи консервативной, не успевала за нарастающими темпами изменений, что привело к разделению и расхождению литературной латыни и народной. Важно понимать, что для сохранения идентичности и ее формирования необходима продуманная политика, целенаправленное воспитание.

Огромное влияние на процесс языковой дезинтеграции оказывало распространение на огромной территории Империи латинского языка двумя путями: стихийно и организованно, т.е. через школы, благодаря колонистам, грамматикам и риторам [20, с. 252]. Центрами распространения латинской речи стали провинциальные города, в то время как сельская местность, а также отдельные значительные территории, подобные Малой Азии, сохраняли свои этнические особенности, и поэтому подрывали все попытки формирования государственной и гражданской идентичности, создавая или сохраняя собственную. Интересно, что *latina vulgaris* распространялась за пределами Италии посредством колоний [4, с. 8] и благодаря расселению италийского населения и ветеранов, постепенно вытесняя автохтонные языки. И именно в провинциях были заложены основы использования, с одной стороны, государственной формы латинского, а с другой – более популярной народной латыни, которая смешивалась с местными языками и наречиями, формируя диалектную латынь провинций, на что указывал Марк Туллий Цицерон [26, III, 12, 44]. Еще одним орудием латинизации, приобретавшим все большее значение с эпохи принципата, стала армия. Несмотря на варваризацию, она все же сохраняла идентичность в III – первой половине IV вв., но при этом процесс формирования диалектной латыни значительно усилился. Стоит только вспомнить епископа Ульфиллу, создавшего готский алфавит.

В то же время в регионах Империи латинский язык изменялся под влиянием внешних причин (этнических особенностей места, обстоятельств, степени культурного влияния и исторических событий) и причин внутренних, заключавшихся в индивидуальной идентичности личности, говорившей и писавшей на латинском. Более того, возникали новые локальные структуры, распространявшиеся именно благодаря единому пространству, но формирующие собственные, отличные от других, связи. Так, например, раннехристианские общины сформировали единую Церковь. В таких условиях литературная латынь все более архаизируется. При этом многообразие этнических и иных внутренних процессов не отражалось в соответствующей терминологии, что лишь способствовало развитию диалектной латыни и сильному дистанцированию народной латыни от литературной.

Глобализм, который выстраивал Римский мир, имел своей целью растворить преграды и создать единое пространство латинского языка с его четкой идентичностью, связанной с государством, гражданством и другими факторами. Таким образом должно было сформироваться единое пространство для общения не только неформального, но и на государственном уровне. И этому как никогда должна была способствовать мобильность населения, формирующая связи. Но построение глобального мира привело совсем не к тем результатам, которые необходимы были для формирования государственной идентичности. Провинциальная политика Империи запустила механизмы этнического сепаратизма, а в отношении германцев Римское государство проводило политику изоляции, что также не способствовало созданию единого идентификационного пространства.

Язык, фиксируя и моделируя семантику социальных отношений, играет ключевую роль в социализации человека как на индивидуальном, так и на групповом уровне: «большинство из того, что происходит в социальной сфере... опосредуется языком, побуждается и стимулируется им...», язык обладает рефлекторным движением в связи с любыми переменами в социальных действиях и взаимодействиях...» [23, р. 25]. Любой социальный процесс реализуется через общение и, следовательно, через язык, при помощи которого корректируются сведения о мире [22, с. 81]. Поэтому формировать идентичность возможно только постепенно и по большей части только в юном возрасте, когда возникает осознание собственного «я». Если мы говорим о ситуации с включением в систему уже взрослого человека, например, путем усыновления в Древнем Риме, или дарования права римского гражданства, то человек оказывается в ситуации билингвальности,

ИСТОРИЯ

и взрослый человек не сможет воспринять идентичность сразу к двум социальным группам. Он либо будет относить себя к одной, либо создавать гибридные формы идентичности. В редких случаях, согласно исследованиям [22, с. 87], билингвальный человек может относить себя сразу к двум группам, но это формируется только с детства. Язык и социальное поведение существенно будут соотноситься друг с другом, поэтому билингвальные люди допускают ошибки в бытовых мелочах, в неформальном общении, поскольку в процессе персональной идентичности стараются найти универсализм, недопустимый, в частности, для римлян с их отношением к варварам. Являясь непосредственной частью процесса идентичности, язык воздействует на личность. Языковые средства, используемые в речи, оказывают влияние на уровень идентичности.

Процесс идентификации личности происходит при социальном взаимодействии индивидов, важнейшей составной частью которого является вербальное общение. Тезис о социальной сущности и природе языка является основополагающим в лингвистике, что признает «диалектическое единство языка и культуры, языка и общества» [5, с. 32]. Именно это единство формирует менталитет этноса, народа, нации. Так, получение римского гражданства было связано с возможностью получать римские имена, давать их своим детям, а это, наряду с другими факторами, запускало в свою очередь процесс осознания себя римлянином.

Понятие менталитета включает в себя склад ума, мироощущение, мировосприятие. Ментальные доминанты закреплялись в латинском языке последовательно в процессе становления римской цивитас, а затем их трансформация активизировалась под влиянием различных внешних и внутренних процессов, формируя в том числе и его лексический состав. Выявление доминирования того или иного компонента позволяет объяснить причины возникновения конкретных идентификационно-ментальных конфигураций. В частности, для римлян в большей степени характерен прагматизм-элитаризм. А вот эгалитаризм так и не получил развитие, изменилось только восприятие лидера, чья фигура и действия определялись политико-антропологическим пониманием, а вера и доверие насаждались сверху через императорский культ и пропаганду, путем цензуры и различных правовых аспектов (включая закон об оскорблении величия римского народа), систему доносительства.

Язык, являясь государственным идентификатором, в политике римских императоров, особенно II-IV вв., определяется весьма слабо. Мероприятия, направленные на поддержку латинского языка, в большей степени можно отметить в период Ранней империи, особенно Юлиев-Клавдиев, а также у Диоклетиана, который ввел обязательное знание латинского в Египте. Гораздо в большей степени можно проследить подобную политику в отношении греческого языка, который, наряду с ораторским искусством и философией, стал маркером высокой образованности среди интеллектуального общества Рима еще в эпоху Республики. Греческий язык объединил огромные пространства эллинистического мира, причем ряд городов, таких как Александрия, являлись центрами интеллектуальной жизни во всем Средиземноморье. Особое положение Малой Азии, на территории которой еще с Октавиана Августа разрешалось использование греческого языка наряду с латинским, явилось триггером для политики формирования государственной идентичности Римской империи. На греческом языке в этом регионе представлены надписи, посвящения императорам, имена и титулатура императоров, а также легенды на официальных монетах. Греческий язык являлся языком общения армии или ее частей, расположенных, либо происходивших с Востока. И хотя по большей части делопроизводство осуществлялось на латинском, греческий занял лидирующее положение, поддерживаемое благосклонностью некоторых римских императоров, которые весьма гордились знанием греческого языка и приобщением к культуре Эллады и особенно к философии. Яркими примерами могут служить император Адриан, входивший в число «пяти хороших императоров», который, согласно источникам, прошел посвящение в Элевсинские мистерии, а также получил должности в Греции [33, I, 13, 2; 19, 1], Марк Аврелий, чей философский труд написан на греческом языке, а также Галлиен, увлекавшийся греческой философией, литературой, поэзией и искусством [33, XXIII, 11].

Таким образом лидеры Империи, которые должны являться примером для остальных жителей государства, гарантами той идентификационной устойчивости, которая обеспечивает функционирование государства, личным примером не способствовали укреплению и сохранению латинского языка, как способа формирования и сохранения идентичности. С другой стороны, в III в. императоры и их семьи зачастую не знали латинского. Так Септимий Север, выходец из Африки,

говорил с сильным акцентом, а его сестра, прибывшая в Рим, вообще не знала латинского [33, X, 15, 7]. Немного позднее историки даже не акцентировали внимание читателей на этом факте и не указывали степень владения латинским языком императорами. В IV в. позиция греческого только усилилась в связи с переносом столицы в Новый Рим – Константинополь. Подтверждением этому служит замечание Аммиана Марцеллина о том, что образованность и воспитанность человека заключалась в равной степени владения латинским и греческим языками [32, XVIII, 5, 1]. Таким образом, римской идентичности зачастую соответствовала билингвальность. Более того, в условиях полиэтничности маркером гражданской идентичности являлся порой не латинский язык, а такие атрибуты, как например, ношение тоги.

Стоит отметить, что формирование государственной идентичности невозможно без совокупности представлений о прошлом, об исторических событиях, значимых для граждан, без осознания ими своей общности. Сравнение трудов авторов IV в. и позднейшего времени привело современных исследователей к мысли о существовании единого источника – «Имперской истории» [28, p.60; 29, s. 340; 24, p. 96]. Эта история, формируемая со времени становления принципата, была предназначена для сохранения памяти, формирования представлений о славном прошлом, традициях Рима, римской доблести, чести и, конечно, божественной миссии владычества над народами и божественного предназначения мирового господства Рима, даже если необходимо было этого достичь руками императоров, при чутком контроле сената. Это было целостное и последовательное изложение событий Римского государства, в которое каждый последующий вносил свое, ориентируясь на информацию, методы и принципы своих предшественников.

В III в. изменения, коснувшиеся роли латинского языка, как маркера идентичности, в том числе в аспекте передачи информации о прошлом, становятся наиболее заметны. Греческие историки, ранее старавшиеся сохранять *status quo*, в этот период пишут историю Рима на греческом языке, примером чего можно считать Диона Кассия, труд которого написан частично на латинском, частично на греческом языках. Авторы IV в. – Евтропий, Аврелий Виктор, а также более поздние историки – Зосим, Зонара, безусловно, пользовались «Имперской историей», но уже в разной степени сохранности. После Аммиана Марцеллина историки окончательно переходят в изложении деяний предков на греческий язык.

Римское государство в своей политике изначально, внедряя структуры для создания основы идентичности, не стремилось избавиться от опасного триггера – восприятия соотношения «свой-чужой», на основе которого стало развиваться отношение к другим народам, зарождался шовинизм, проводилась политика изоляционизма. Это и явилось показателем слабого развития социального уровня языковой идентичности, в условиях которой человек ощущал свою отчужденность от глобального пространства римской государственной и гражданской идентичности. Не спас положение и эдикт императора Каракаллы, оставив за пределами гражданского общества Римской империи некоторые группы населения – *laeti, dedititii* [7; 14; 21].

Неспособность правильно воспринимать речь, особенно нюансы ударений, произношения звуков ставили своеобразный код восприятия чужеземцев, которые тем самым выдавали себя. Мало того, у «чужаков» так полностью и не сформировались культурные нормы и правила поведения, более того, в условиях III века, когда образование утратило свое значение для большей части населения, в среде военных, более того, выходцев из варварских народов, культурные нормы и правила поведения перестали быть обязательными. Возрастание роли региональной идентичности в условиях патриотических настроений, перераставших в сепаратистские, многие провинциалы были поставлены перед сложным выбором. Сепаратистские настроения в сер. III в. стали детерминантой для потери латинского языка, как фактора государственной идентичности. Так, в середине III в. галльская знать подчеркивала свое особое положение, финансируя императоров «Галльской империи», из которых по крайней мере четверо имели галльское происхождение. Последний император Тетрик являлся римским сенатором [33, XXIV, 31, 1], но возглавил «Галльскую империю», противопоставив себя Риму, польстившись на статус императора и значительное вознаграждение [33, XXIV, 31, 1; 24]. И хотя его «патриотизм» продержался недолго, он может быть примером того, как человек готов быстро поменять свою идентичность. Хотя при этом необходимо учитывать, что Тетрик родился и воспитывался уже в

ИСТОРИЯ

Римской империи, и при всем при этом сохранил некоторые аспекты индивидуальной идентичности.

Миграционные процессы усложнили формы идентичности, практически разрушая их, особенно социальной идентичности. В этот период необходимо было консолидировать различные слои общества, активизировав образовательные компоненты и институты социализации для формирования гражданской идентичности, но римская власть в сложных условиях III века своей политикой способствовала дальнейшему усилению разобщенности не только социальной, но и этнической на территории Римской империи.

Лингвистические компоненты определяют различие этнических групп, отождествляют их с собственной средой. Появление новых форм, слов, структур в языке является неизбежным процессом. Так, детям свойственно изобретать свои слова, заменять и изменять плохо усвоенные, переставлять буквы и слоги. Этнически чужой человек будет поступать так же ввиду необходимости вербального общения, так как подобно ребенку не обладает необходимыми знаниями и достаточным словарным запасом. При контактах в этих обстоятельствах возникновение гибридных форм культурных моделей является крайне редким результатом, поэтому чаще всего в условиях конфликта идентичностей уникальная идентичность будет стремиться к обособлению, что ведет к распаду любых союзов и усилению сепаратистских настроений. Поэтому ясно, что отличительной чертой этого периода является создание смешанной или гибридной идентичности [22, с. 87].

С возрастанием патриотических настроений, в процессе углубления политической нестабильности империи, все более чувствовался разрыв между регионами, происходила консолидация этнических обществ. Италия теряла свое привилегированное положение. Она не справлялась со взятой на себя миссией центра и опоры государства, именно по этой причине императоры в своей политике все больше опирались на провинциалов, которые привлекались в сенат, армию, органы управления. По сути, развитие империи во II в. проходит под «знаком удельного веса провинции» [20, с.252]. При этом важно, что латинский язык, который и являлся основой этого региона, давно перестал был таковым. Провинциалы не могли не вносить изменения в разговорный язык, как в самой Италии, так и тем более в провинциях, в которых не было никакой особой администрации, следившей за правильностью и чистотой языка, используемого чиновниками и вспомогательным персоналом. И, тем не менее, до III в. большая часть все же, видимо, владела литературным языком, о чем свидетельствует пример императора Траяна, происходившего из Испании. Но для выполнения своих должностных обязанностей или для карьеры необходимо было знание латинского языка, основы которых провинциалы получали в римских школах, организованных в регионах в рамках политики латинизации населения и формирования общей государственной идентичности. Но со временем отношение к людям, плохо и слабо знающим латинский язык, постепенно менялось. Если, например, в правление Юлий-Клавдиев человека могли снять с должности и даже лишить гражданства (хотя при распространении гражданства римлян не интересовал уровень познаний в латинском языке), как это произошло с одним судьей – греком по происхождению [6, LX, 17], то с Септимия Севера, видимо, требования к знанию латинского уже не были столь принципиальными.

Третий век, по мнению известного филолога, стал отражением тенденций языка, происходивших в мировоззрении – это время застоя, грубых суеверий и упаднических течений [20, с. 256]. Язык перестает быть живым организмом, литературные формы костенеют и не способны больше отражать разговорный язык. Таким образом происходит сильнейший разрыв между литературным и разговорным языком. В процессе углубления политической нестабильности империи, на первый план все более выступала региональная идентичность. В Галлии III–IV вв. использовался кельтский язык, особенно в сельской местности. Не исчезали, по замечанию И.М. Тронского, иберийские и пунические говоры [20, с. 251], что говорит о сохранении их этнического ядра. Углубление разногласий по причине нерешенности и не решаемости проблем способствовало трансформации патриотизма в сепаратизм, в условиях проявления которого только италийское ядро сохраняло свою однородность [20, с. 224]. В этих условиях весьма трудно было сохранить государственную идентичность.

С изменением ситуации в Империи менялись литературные вкусы, причем по большей части, не в лучшую сторону [16, с.720]. На это указывает Аммиан Марцеллин, отмечая, что

ИСТОРИЯ

богатство не означает образованность, а те, кто причисляет себя к интеллектуальной элите, подчас ограничиваются чтением Ювенала [32, XXVIII, 4, 14]. Это также может указывать на весьма сильную тенденцию вульгаризации латинского языка. Лишь немногие авторы сохраняли размеренность литературной речи в своих трудах, как например, Авсоний и Клавдиан. Однако именно такие авторы способствовали сохранению государственной идентичности посредством языка, например, использовали строгие формы, порой архаические [16, с. 720]. Мало того, подобная тенденция становилась более частой, что может указывать на то, что авторы зачастую использовали для образца труды древних авторов, не зная некоторых правил образования форм в языке. Как указывает Садов, это могло быть связано с тем, что авторы обращались к прошлому Рима как идеалу, поэтому и формы языка того времени могли казаться для них образцом [16, с. 721]. Также обращение к ним могло быть сознательным для придания произведению большей привлекательности.

М.С. Гурычева отмечает, что изменения касались не только фонетики и грамматики, но более того, изменялся лексический состав латинского языка [4, с.8]. Литературный язык уже не мог в полной мере противостоять процессу варваризации языка и формированию в провинциях *barbarus sermo*. Реалии времени изменяли и литературный язык – фразы становились проще и короче, авторы избегали сложных конструкций. Изменялось и соответствие звуков некоторых гласных, закрытое *-e-* сменяется открытым звуком народной латыни *-i-*, все чаще использовалось написание дифтонгов в классическом языке там, где ранее была одна гласная при написании, происходило спонтанное изменение и согласных звуков, например *b/v* [9, с. 91], использование взаимозаменяемых согласных звуков, что ранее характерно было для народной латыни и что отражается в надгробных эпитафиях II-III вв. [27, V 8136; VI 16246], надписях, произведениях отдельных авторов, а также в диалектические особенности языка. В этих условиях традиция компиляции позволяла сохранять латинский язык в архаических и классических формах. На основе этих изменений, как указывают современные филологи, уже во II-III вв. начинают формироваться языки романской группы.

Процесс развития латинского языка таким образом был обращен в сторону упрощения и варваризации, что заметно уже в книге рецептов знаменитого Апиция I в. н.э. По мере усложнения внешней и внутренней ситуации в Римской империи, изменения в языке становятся более существенными, так как в подобных условиях влияние оказывает психологический фактор, проявляющийся в распространении интроверсии, как образа поведения людей, при котором ослабевают интерес и внимание к внешнему миру. В этой связи люди отвыкают выражать свои мысли словами и, как следствие, одновременно с упрощением синтаксических форм изменяется состав слов, становясь более упрощенным. Изменяется и манера речи, становясь более экспрессивной, манерной.

Триггером для сохранения идентичности служили и произведения христианской литературы, в которой народной латыни было сделано сознательное предпочтение [16, с. 721], но новая религия использовала также и терминологию греческого языка. В результате, латинский язык был наводнен потоком заимствований, а собственно латинские слова получили иное значение, смысл и трактование [20, с. 256]. Например, словом *gentes* обозначались племена, которые, по мнению римлян, являлись малоразвитыми в цивилизационном плане и находящимися в плане общественного устройства вне понимания государства как института. Христианские авторы стали использовать его для обозначения языческих племен, а презрительное смысл слова «*raganus*» стало обозначением язычников, перешедшим даже на Русь [20, с. 257]. Однако, в целом, христианские авторы соблюдали традиции латинского языка. Это означало лишь то, что заложенная идентичность пустила глубокие корни в христианство, ставшее в IV в. государственной религией, сокрушившей традиционные основы религии и мировоззрения.

Миграционные процессы, постепенное размывание, частое усыновление в связи с демографическими провалами в результате многочисленных и постоянных войн и эпидемий, подобных Антониновой чуме и ее продолжению в III в., но также и в связи с падением рождаемости, связанной с использованием свинца и свинцовых труб, приводили к появлению новых граждан, воспитанных совсем в другом менталитете, которые не принимали и не понимали сущности римской идентичности. Кроме того, в III в. в эпоху сложных политических процессов императоров, самих происходивших из германских и иных народов, меньше всего интересовали

ИСТОРИЯ

способы сохранения идентичности. Усиление этнических движений лишь ухудшало положение, отдаленность провинций в буквальном и переносном смысле от Рима, поставило Империю на грань краха.

Постепенно менялся носитель языка, да и для народов, расселявшихся на огромных пространствах Империи, устная речь и общение превалировали. Общее падение уровня образованности, в определенной мере, вело к неизбежным изменениям в языке, его фонетике. Исчезает падежное управление, его полностью заменяют предлоги, предложные конструкции [31, р. 208-210]. Продолжающуюся варваризацию языка уже невозможно было остановить, и с наступлением сложного III в. с его политической чехардой для формирования гражданской идентичности не оставалось времени, да и не было необходимости. Германцы не могли и не желали этого, а римляне не стремились к их ассимиляции, формированию их идентичности, которая возможна не только путем простого изучения языка, но и его важных институтов, которыми выступают труды историков, поэтов, философов и др. Важным обстоятельством является и тот факт, что в латинском языке были нарушены эстетика речи и языка, языковая и речевая гармония. Невозможно было восполнить ее даже самим римлянам путем чтения различных трудов. В обществе, где происходили смешение и фактическое размывание населения, вырождался художественный вкус [17, с. 49].

Из поливалентного языка латынь стала дифференцированной, что отразилось в поэзии в изменении рифмы, а также силовом ударении, которое в III–IV вв. стало ставится строго на предпоследнем слоге. Таким образом, музыкальность исчезает из предложений, выделяя каждое слово отдельно. Утрата музыкального характера латинского ударения привела к стиранию количественных различий у гласных: «и на первое место стали выступать различия качественные» [18, с.132]. И.М. Тронский отмечает, что этот процесс закончился к V в. н.э., когда «в живой речи различие долгих и кратких гласных становилось неощутимым, и грамматики могли определить долготу гласных лишь на основании старых поэтических образцов» [20, с.107; 31, р. 209-211].

Таким образом, к концу IV века латинский язык уже отражал процесс становления новых языков, а исчезновение гражданской идентичности началось еще до Эдикта Каракаллы и завершилось с упадком Римского государства [12, с.105]. Город Рим стал восприниматься только как символ, «храм всего мира» [32, XVII, 4, 13], хотя тремя веками ранее для Тацита это было место, «куда отовсюду стекается всё наиболее гнусное и негодное» [33, XV, 44].

С размыванием населения в сложных внешне- и внутреннеполитических условиях происходила потеря социальной идентичности, что отражается в усилении разбоев, в частности, в Галлии в этот период. Аммиан Марцеллин отмечал, что масштабы грабежей и количество шаек, в которые сбивались все, в том числе и варвары, было невероятным по размаху [32, XXVIII, 1, 11; 2.10]. Это лишь подтверждает перерождение и распространение «негативной» идентичности на всех уровнях, отражаемой в отрицании культурных форм, своей культуры, в развитии контркультурных тенденций, демонстрации девиантного и маргинального поведения даже не индивидуумом, а целыми сообществами. Индивидуумы с негативной идентичностью из-за порабощенности и стирания собственного «Я» были способны воспринимать навязанную им социальную роль, иную форму культуры. Это единственно возможный вариант выхода из кризиса идентичности.

Деструктивные элементы в народной идеологии [12, с. 86], разрыв между различными слоями общества, изменение состава населения, но, главное, основные постулаты официальной идеологии – о всеобщей гармонии, о едином мире – все это делало бессмысленным само служение разваливающейся и не сумевшей обеспечить благо человечеству Империи [12, с. 87]. Происходит внутренняя фрустрация общества в целом, вероятно, на всех уровнях, отражаемая в эмоционально тяжелом переживании неудач, развитии чувства безразличия. В этих условиях только христианство способно было психологически выровнять ситуацию.

До разделения Империи в 395 г. латинский язык трансформировался, пройдя сложный путь развития. Процесс романизации заложил основы новой идентичности, усилив центробежные силы этнического ядра других народов. Но при этом и латинский язык подвергнулся варваризации, сохранив фундамент идентичности Римской империи. Однако Восточная Римская империя стала центром греческого мира, а на территориях Западной Римской империи возникли варварские королевства со своими языками, но с латинской основой, что ярко прослеживается в архаических

формах французского, английского, испанского и др. языков романской группы [31, р. 210] Латинский язык продолжал жить, но, по словам А.И. Садова, в полуживом состоянии [16, с. 722], поддерживаемый Церковью. Однако скорее всего исследователь имел в виду, что, оставаясь идентификатором античного Рима, латынь перестала быть маркером государственной и гражданской идентичности Римской империи, поскольку это место заняли другие атрибуты и маркеры Восточной Римской империи.

Литература и источники

1. Арутюнян С.М. Нация и ее психический склад. - Краснодар, 1966.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. - М., 1990.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. - Волгоград, 1997.
4. Гурычева М.С. Народная латынь / предисл. и послесл. проф. Л.Г. Введенной. Изд.-е 2-е, доп. - М., 2008.
5. Громова В.М. Роль языка в конструировании идентичности // Вестник Удмуртского университета. История и филология. - 2008. - Вып. 3. - С. 31-34.
6. Дион Кассий Кокцейан. Римская история: кн. LI-LXIII / пер. с древнегр., под ред. А.В. Махляука. - СПб., 2014.
7. Ермолова И.Е. Laeti в Поздней Римской империи. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/laeti-v-pozdney-rimskoy-imperii/viewer> (дата обращения 01.05.2022).
8. Капицын В.М. Политическая идентификация как механизм институционализации политического участия: дисс. ... докт. полит. наук. - М., 1999.
9. Карасева Т.А. Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VIII-I вв. до н.э. - М., 2003.
10. Ковадло Г.П. «Інший» і «Чужий» в сучасному світі та феномен толерантності // Сучасне філософське антропологічне знання в контексті викликів доби: дев'ять Шинкаруківські читання: матеріали Міжнар. наук.-практ. конф., 18 квітня 2014 р. НАН України та ін. Хмельницький, 2014. - С. 109-119.
11. Куликова Ю.В. Образ императора Аврелиана в античной историографии // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время. Вып.14: сборник статей участников XII Всероссийской научной конференции (10-11 октября 2019 г.). - Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. - С. 89-99.
12. Культура Древнего Рима: в 2 частях / под ред. Е. С. Голубцовой. Ч.1. - М., 1985.
13. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. - М., 1992.
14. Ранович А. Эдикт Каракаллы о даровании римского гражданства населению империи // ВДИ. № 2. С. 66-80.
15. Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. - М.-Тверь, 2002.
16. Садов А. И. Латинский язык в его истории: очерк // Христианское чтение. - 1910. - № 5-6. - С.714-731. (репр. Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия, СПб., 2019).
17. Севастьянов А.Н. Русский язык как государственный: угрозы и вызовы // Национальные приоритеты России. - 2018. - № 3 (30). - С.45-51.
18. Сергиевский М.В. Введение в романское языкознание. - М., 1952.
19. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000.
20. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / отв. ред. Н.Н. Казанский. Изд.-е 2-е, доп. - М., 2001.
21. Штаерман Е.М. К вопросу о дедитици в эдикте Каракаллы // ВДИ. - 1946. - № 2. - С. 81-88.
22. Юдина Т.А. Идентичность сквозь призму языка // Идеи и идеалы. - 2011. - № 3(9). - Т. 2. - С.79-87.
23. Allison L. Right Principles. A Conservative Philosophy of Politics. - London, 1984.
24. Barnes T.D. The Sources of the Historia Augusta. - Brussels, 1978. (Coll. Latomus, 155).
25. Caesar Gaius Julius. De bello Gallico. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/caesar/gall1.shtml> (дата обращения 20.03.2022).
26. Cicero Marcus Tullius. De oratore URL: <http://www.thelatinlibrary.com/cicero/oratore.shtml> (дата обращения 11.03.2022).
27. Corpus Inscriptionum Latinarum / ed. Preuss. - Berlin, 1893-1936.
28. Drinkwater J.F. The Gallic Empire: separatism and continuity in the North-Western Provinces of the Roman Empire A. D. 260-274. - Stuttgart, 1987.
29. Enmann A. Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser // Philologus Supplementband. - 1884. 4. 337-501.
30. Horatius Q. Flaccus. Epistularum Lib. Secundus // URL: <http://www.thelatinlibrary.com/horace/epist2.shtml> (дата обращения 20.03.2022).
31. Latin alive. The survival of Latin in English and the Romance languages / ed. J.-B. Solodow. - Cambridge, 2010.
32. Marcellinus Ammianus. Res Gestae / Ed. J.C. Rolfe (Loeb). - London, 1963.
33. Scriptores Historiae Augusti / P. Magie. (Loeb). - London, 1954.
4. Tacitus Cornelius. Annales // URL: <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html> (дата обращения 02.05.2022).

References and Sources

1. Arutyunyan S.M. Nacya i ee psihicheskij sklad. - Krasnodar, 1966.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Yazyk i kul'tura. - M., 1990.
3. Vodak R. Yazyk. Diskurs. Politika / per.s angl. - Volgograd, 1997.
4. Gurycheva M.S. Narodnaya latyn' / predisl. i poslesl. prof. L.G. Vvedeninoj. Izd.-e 2-е, dop. - M., 2008.
5. Gromova V.M. Rol' yazyka v konstruirovani i identichnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya. - 2008. - Vyp. 3. - S. 31-34.
6. Dion Kassij Kokcejjan. Rimskaya istoriya: kn. LI-LXIII / per. s drevnegr., pod red. A.V. Mahlayuka. - SPb., 2014.
7. Ermolova I.E. Laeti v Pozdney Rimskoj imperii. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/laeti-v-pozdney-rimskoy-imperii/viewer> (data obrashcheniya 01.05.2022).
8. Kapicyun V.M. Politicheskaya identifikaciya kak mekhanizm institucionalizacii politicheskogo uchastiya: diss. ... dokt. polit. nauk. - M., 1999.
9. Karaseva T.A. Istoricheskaya fonetika latinskogo yazyka. Grammaticheskij kommentarij k latinskim tekstam VIII-I vv. do n.e. - M., 2003.
10. Kovadlo G.P. «Інший» і «CHuzhij» v suchasnomu sviti ta fenomen tolerantnosti // Suchasne filosof's'ke antropologichne znannya v konteksti viklikiv dobi: devyati Shinkarukivs'ki chitannya: materialy Mizhnar. nauk.-prakt. konf., 18 kvitnya 2014 r. NAN Ukraїni ta in. Hmel'nic'kij, 2014. - S. 109-119.

11. Kulikova Yu.V. Obraz imperatora Avreliana v antichnoj istoriografii // Politicheskaya zhizn' Zapadnoj Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i novejshee vremya. Vyp.14: sbornik statej uchastnikov XII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (10-11 oktyabrya 2019 g.). - Arzamas: Arzamasskij filial NNGU, 2019. - S. 89-99.
12. Kul'tura Drevnego Rima: v 2 chastyah / pod red. E. S. Golubcovej. Ch.1. - M., 1985.
13. Le Goff Zhak. Civilizaciya srednevekovogo Zapada. - M., 1992.
14. Ranovich A. Edikt Karakally o darovanii rimskogo grazhdanstva naseleniyu imperii // VDI. № 2. S. 66-80.
15. Romanov A.A. Politicheskaya lingvistika: Funkcional'nyj podhod. - M.-Tver', 2002.
16. Sadov A. I. Latinskij yazyk v ego istorii: ocherk // Hristianskoe chtenie. - 1910. - № 5-6. - S.714-731. (repr. Sankt-Peterburgskaya Pravoslavnaya Duhovnaya Akademiya, SPb., 2019).
17. Sevast'yanov A.N. Russkij yazyk kak gosudarstvennyj: ugrozy i vyzovy // Nacional'nye priority Rossii. - 2018. - № 3 (30). - S.45-51.
18. Sergievskij M.V. Vvedenie v romanskoe yazykoznanie. - M., 1952.
19. Ter-Minasova S. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. - M., 2000.
20. Tronskij I.M. Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka. Obsheindoevropejskoe yazykovoe sostoyanie (voprosy rekonstrukcii) / otv. red. N.N. Kazanskij. Izd.-e 2-e, dop. - M., 2001.
21. Shtaerman E.M. K voprosu o dediticii v edikte Karakally // VDI. - 1946. - № 2. - S. 81-88.
22. Yudina T.A. Identichnost' skvoz' prizmu yazyka // Idei i idealy. - 2011. - № 3(9). - T. 2. - S.79-87.
23. Allison L. Right Principles. A Conservative Philosophy of Politics. - London, 1984.
24. Barnes T.D. The Sources of the Historia Augusta. - Brussels, 1978. (Coll. Latomus, 155).
25. Caesar Gaius Julius. De bello Gallico. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/caesar/gall1.shtml> (data obrashcheniya 20.03.2022).
26. Cicero Marcus Tullius. De oratore URL: <http://www.thelatinlibrary.com/cicero/oratore.shtml> (data obrashcheniya 11.03.2022).
27. Corpus Inscriptionum Latinarum / ed. Preuss. - Berlin, 1893-1936.
28. Drinkwater J.F. The Gallic Empire: separatism and continuity in the North-Western Provinces of the Roman Empire A. D. 260-274. - Stuttgart, 1987.
29. Enmann A. Eine verlorene Geschichte der römischen Kaiser // Philologus Supplementband. - 1884. 4. 337-501.
30. Horatius Q. Flaccus. Epistularum Lib. Secundus // URL: <http://www.thelatinlibrary.com/horace/epist2.shtml> (data obrashcheniya 20.03.2022).
31. Latin alive. The survival of Latin in English and the Romance languages / ed. J.-B. Solodow. - Cambridge, 2010.
32. Marcellinus Ammianus. Res Gestae / Ed. J.C. Rolfe (Loeb). - London, 1963.
33. Scriptores Historiae Augusti / P. Magie. (Loeb). - London, 1954.
4. Tacitus Cornelius. Annales // URL: <http://www.thelatinlibrary.com/tac.html> (data obrashcheniya 02.05.2022).

КУЛИКОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА - кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.
KULIKOVA, JULIA V. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Historical Ancient World and Middle Ages, Institute of History and Polity, Moscow Pedagogical State University (glanam_yul@mail.ru).

УДК 94(411)«1530/1537»+ 22.06:283

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-22-26

ЧГУНОВА Т.Г.

ДЖОН ФРИТ VS ДЖОН РАСТЕЛЛ: ДВЕ ТРАКТОВКИ КЛЮЧЕВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОБЛЕМ

Ключевые слова: Джон Фрит, Джон Растелл, Томас Мор, Джон Фишер, Уильям Тиндел, Реформация, чистилище, добрые дела, вера, Священное Писание

В статье рассматривается полемика между двумя английскими мыслителями эпохи Реформации – Джоном Фритом и Джоном Растеллом. Ученые затрагивают в своих полемических сочинениях такие проблемы, как соотношение веры и добрых дел, трактовка чистилища, оправдание человека перед Богом, покаяние и многие другие. Однако основное внимание автор статьи уделяет интерпретации мыслителями учения о вере и добрых делах, ставшего дискуссионным в период Реформации в Европе. Подчеркивается трагизм исследуемой эпохи, свойственная ей острота религиозной борьбы, в силу которой Джон Фрит в 1533 году был сожжен, отказавшись признавать свою «ересь». Впрочем, и Джон Растелл в 1536 году был заключен в тюрьму, где вскоре умер. По мнению автора, показательно, что незадолго до этого он перестал общаться со многими друзьями-католиками, пересмотрел свои религиозные взгляды, и, возможно, благодаря его прежним связям с типографами, многие сочинения английских реформаторов увидели свет.

CHOUOUNOVA, T.G.

JOHN FRITH VS JOHN RASTELL: TWO INTERPRETATIONS OF KEY RELIGIOUS ISSUES

Key words: John Frith, John Rastell, Thomas More, John Fisher, William Tyndale, Reformation, purgatory, good works, faith, Holy Scripture

The article deals with the controversy between two English thinkers of the Reformation era - John Frith and John Rastell. Scholars in their polemical writings touch upon such problems as the relationship between faith and good works, the interpretation of purgatory, the justification of the person before God, repentance and many others things. However, the author of the article pays the main attention to the interpretation by thinkers of the doctrine of faith and good works, which became debatable during the Reformation in Europe. The tragedy of the era under study, the sharpness of the religious struggle inherent in it, due to which John Frith was burned in 1533, refusing to recognize his "heresy", is emphasized. However, John Rastell was imprisoned in 1536, where he soon died. According to the author, it is significant that shortly before that he stopped communicating with many Catholic friends, revised his religious views, and, perhaps, thanks to his former connections with printers, many writings of the English reformers saw the light.

Английская Реформация не лишена внимания со стороны отечественных медиевистов, однако жизнь и деятельность одной из самых ярких фигур этой эпохи – Джона Фрита (1503-1533) –

практически неизвестны российскому исследователю. Между тем в зарубежной историографии он рассматривается как выдающийся богослов, чьи идеи оказали существенное влияние на ход и результаты английской Реформации, а также духовно-интеллектуальную атмосферу первой половины XVI столетия [1-4].

За свою короткую жизнь Дж. Фрит написал несколько интересных сочинений, многие из которых являются полемическими. Одна из наиболее важных полемических работ реформатора – «Спор о чистилище» (1531 г.) – состоит из трех частей, каждая из которых была адресована конкретному мыслителю – Т. Мору (1478-1535), Дж. Фишеру (1469-1535), Дж. Растеллу (1475-1536) [5]. Все трое являлись весьма влиятельными персонами. Мор занимал пост канцлера королевства, Дж. Фишер – епископа Рочестера, Дж. Растелл – известный типограф и шурин Т. Мора – члена парламента. В данной статье речь пойдет о дискуссии между Фритом и Растеллом. В 1530 г. Растелл издал сочинение под названием «Новая книга о чистилище». Фрит, как уже было сказано выше, опубликовал «Спор о чистилище». Растелл продолжил полемику, и в ответ написал еще одно сочинение «Защита против Джона Фрита» (Apology against John Fryth), которое, к сожалению, не сохранилось, однако до Фрита, вероятно, дошла копия растелловской работы в то время, когда реформатор находился в тюрьме, поскольку в его сочинении мы находим следующие строки: «Брат Растелл, благодарю тебя за то, что ты был так благосклонен ко мне, бедному заключенному, что показал мне копию книги, которую ты написал, дабы опровергнуть мои доводы» [6, р. 211].

На сочинение коллеги Фрит ответил небольшим произведением «Защита против Джона Растелла». Эта работа была опубликована уже после смерти реформатора под названием «Другая книга против Растелла, именуемая опорой, или защитой первой книги, написанной Джоном Фритом, узником Тауэра» [6, р. 205-242]. Упоминание в названии «первой книги» лишний раз подтверждает, что полемика между мыслителями продолжалась некоторое время. Структура сочинения Дж. Растелла, по всей видимости, была трехчастной, это можно понять, исходя из структуры фритовского сочинения, которое состоит из пролога и трех частей, каждая из которых является ответом на таковую у Джона Растелла.

Протестантский историк, автор знаменитой «Книги мучеников» Дж. Фокс удивительно тонко подметил, что Фрит, «будучи Геркулесом, сражающимся не только против двух, но и со всеми тремя одновременно, настолько смутил их, что превратил Растелла в своего союзника» [7, р. 9]. Брайан Рейнор также высказывает предположение, что изменение убеждений Растелла впоследствии явилось результатом его дискуссий с Фритом [3, р. 125].

«Защита против Джона Растелла» – довольно интересное произведение по своему богословскому содержанию и стилю – временами непринужденному, временами слишком серьезному. Особенно впечатляют последние строки работы, где Фрит объясняет обстоятельства, при которых ему пришлось писать этот трактат: «Честно говоря, мы играем не на равных, ибо я человек связанный, у меня нет тех вещей, которые есть на свободе, у меня нет ни нужных мне книг, ни пера, ни чернил, ни бумаги, только то, что попадает ко мне тайком; я постоянно боюсь лейтенанта и смотрителя, шпионящих за мной, поэтому пусть вас не удивляет, что работа несовершенна, ибо, как только я слышу звон ключей в дверях, тотчас прячу бумаги, и всё, что в этот момент было у меня в голове, начисто забывается» [6, р. 242]. Соответственно, Фрит просил прощения у читателя за то, что его работа далеко небезупречна и порой грубовата.

В «Защите против Джона Растелла» Фрит не так подробно затрагивал проблему чистилища, поскольку он уже тщательно рассмотрел её в первой книге [8; 9], но поднял некоторые другие, не менее актуальные темы, среди которых: оправдание человека перед Богом, соотношение веры и добрых дел, покаяние и многие другие.

Рассуждения Джона Растелла можно практически восстановить по трактату Фрита. Как пишет Фрит, Растелл считает, что идеи и книги реформатора, скорее, приведут людей к пороку, нежели к добродетели [6, р. 215]. Растелл отмечает, что, ввиду своей молодости, Фрит дерзнул выступить против трех ученых мужей, к тому же умудренных жизненным опытом [6, р. 215]. Растелл называет реформатора хвастунишкой, который унижает ученых и клеветает на своих ближних [6, р. 215]. На подобные выпады Фрит старается ответить достойно и предлагает сверить его (Фрита) суждения со Священным Писанием, и если они окажутся ложными и противоречащими Библии, то предать их проклятию [6, р. 216]. Фрит справедливо замечает, что

«Дух Божий не связан ни с местом, ни с возрастом, ни с конкретной персоной, он (Дух) вдохновляет, где хочет, когда хочет и кого желает, как вдохновил молодого Тимофея» [6, р. 217]. По словам Фрита, Растелл во второй части своей книги бесконечно ругает реформатора, подсмеивается над ним, цепляется к каждому слову молодого ученого, только, чтобы вызвать отвращение к нему со стороны читателей [6, р. 221].

Джона Растелла особенно сильно возмущало, что молодой английский реформатор посмел тягаться с такими мэтрами богословия, как Томас Мор и Джон Фишер, особенно при разборе католического учения о чистилище [6, р. 223]. Однако Фрит ловко парировал доводы оппонента, отмечая, что эти самые великие богословы имеют идейные разногласия и не могут найти компромисса в интерпретации чистилища: Мор, по словам Фрита, утверждал, что в чистилище есть огонь и нет воды, Фишер – есть огонь и вода, причем, по мнению гуманиста, наказанием душ в чистилище занимаются дьяволы, а, по словам епископа Рочестера, – ангелы, Мор говорит, что благодать и милосердие посредством страданий в чистилище приумножаются, Фишер же считает, что души в чистилище не приобретают ничего, кроме того, что принесли с собой [6, р. 223].

В «Защите против Джона Растелла» Фрит предпочел несколько беззаботный стиль повествования, похожий на заигрывание со своим оппонентом. Poleмику со своими соперниками сам Фрит сравнивал с игрой в теннис, когда каждый из играющих, бросая мяч, ждет ответа от своего противника [6, р. 212]. Когда Растелл, с точки зрения Фрита, «неверно толковал текст», Фрит отмечал, что «Растелл ударил по мячу, отправив его за корт» [6, р. 212].

Одним из камней преткновения в споре Фрита и Растелла стал главный вопрос эпохи Реформации – соотношение веры и добрых дел. Растелл цитирует Послание апостола Павла к Ефесеям 2:10, желая показать, что Писание говорит о добрых делах, так необходимых для нашего спасения: «Мы созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» [6, р. 241]. Фрит, называя аргументы Растелла «игрой за кортом», рассматривает «добрые дела» в контексте предыдущих стихов Библии (Еф., 2:8-9): «Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» [6, р. 241]. Фрит, как и его старший коллега и единомышленник У. Тиндел, считал, что поистине верующий человек будет творить добрые дела, не ища никакой награды и выгоды, тайно, во славу Божию [10, р. 69].

Фрит прямо упрекает Растелла, который утверждал, что реформатор совершенно отвергает добрые дела, полагаясь на веру [6, р. 241]. Напротив, молодой ученый разрабатывает стройную концепцию необходимости совершения благочестивых дел: «Добрый читатель, запомни мои слова: во-первых, мы должны делать добрые дела, потому что Бог повелел это, нужно соблюдать заповеди Божьи, во-вторых, они приносят пользу нашим ближним; в-третьих, они помогают приручить нашу плоть; в-четвертых, добрые дела совершаются во славу Божию; в-пятых, они являются свидетельством тому, кто их делает, что они от Бога» [6, р. 241].

Подобные рассуждения мы находим и у Уильяма Тиндела. Он пишет о тройном назначении добрых дел: во-первых, они свидетельствуют о том, что верующие во Христа являются наследниками вечной жизни, и что Дух Божий находится в них; во-вторых, с помощью благочестивых дел христианин осаждаст свою плоть, убивая остатки греха в себе, идя, таким образом, по пути духовного самосовершенствования; в-третьих, добрыми делами человек удостоивается похвалы Бога [11, р. 379].

И Фрит, и Тиндел отмечают, что добрые дела совершаются не сами по себе, а по милости Божией, и человек, уповающий на то, что спасется только ими, похож на фарисея. Оба реформатора считают, что добрые дела естественным образом проистекают из истинной веры. Как дерево не нужно просить давать хорошие плоды, так и верующего человека не нужно просить делать добрые дела, они будут совершаться милостью Божией и во славу Божию [10, р. 73; 6 р. 232]. «Добрые дела являются плодами веры, полезны нашим ближним и свидетельствуют о том, что мы – дети Отца Небесного», - заключает Дж. Фрит [6, р. 239].

По ошибочному мнению Растелла, учение Фрита подразумевает, что добрые дела не приносят никакой пользы, а значит, христианин может свободно грешить, и нет никакой нужды в покаянии [6, р. 236]. Фрит же подчеркивал, что Растелл опять неправильно интерпретирует его идеи, так как он (Фрит) признает необходимость покаяния, не как простого сожаления о том, что человек сделал неправильно, но как глубокого и искреннего раскаяния, которое следует из понимания того, какой жертвы стоило Иисусу Христу простить все людские грехи; покаяния,

которое ведет к христианскому послушанию [6, р. 237]. Фрит говорил о двух видах покаяния: одно без веры, как у Иуды и растелловских сторонников, которые продолжают пребывать во грехе, другое следует тогда, когда человек верой воспринимает милосердие и доброту любящего Отца, пославшего Своего сына Иисуса Христа и примирившего нас через Его кровь, после такого покаяния верующие начинают ненавидеть всё греховное, плачут и сожалеют о том, что их члены столь слабы, что не могут исполнить закон Божий [6, р. 237]. Следует заметить, что для «покаяния» Фрит использовал английское *repentance* вместо католического *penance*. Первое означало «раскаяние» в самом широком смысле слова, а второе – покаяние с выполнением епитимьи, назначенной священником. Коллега Фрита, Тиндел в своем переводе Священного Писания также передавал древнегреческое слово *μετάνοια* (раскаяние, перемена мыслей) английским термином *repentance* [12].

Растелл, по словам Фрита, утверждал, что реформатор, беря на себя смелость утверждать, что нет ни чистилища, ни ада, тем самым ведет людей к греху [6, р. 226]. В этой связи Фрит вновь опровергал своего оппонента и писал, что он (Фрит) отрицает только чистилище. Но ад, по его мнению, существует, и представляет собой вечное проклятие [6, р. 227]. Растелл, по сведениям Фрита, ошибочно считал, что если Господь не проводит человека через чистилище, то Он и не ввергает его в ад, какой бы грех тот не совершил [6, р. 231]. В таком случае, делал заключение реформатор, Растелл плохо знает Священное Писание [6, р. 231].

В конце трактата, подводя итоги, Фрит писал о том, что выиграл бы эту игру у Растелла, если бы находился на свободе и имел нужные ему книги [6, р. 242].

Таким образом, Фрит и Растелл абсолютно по-разному интерпретировали ключевые религиозные проблемы, в частности, неодинаково подходили к учению о вере и добрых делах, поскольку первый мыслитель представлял протестантский лагерь, а второй – католический. Важно отметить, что в 1537 году в Лондоне был опубликован фритовский «Спор о чистилище» вместе с «Защитой против Джона Растелла» [3, р. 126]. Издатель этих работ (типография) неизвестны, но это был весьма смелый шаг, так как реформаторы всё еще подвергались гонениям. Джон Фрит в 1533 году был сожжен, отказавшись признавать свою «ересь». Впрочем, и Джон Растелл в 1536 году был заключен в тюрьму, где вскоре и умер [13, р. 149]. Известно, что незадолго до этого он перестал общаться со многими друзьями-католиками, пересмотрел свои религиозные взгляды, и, возможно, благодаря его прежним связям с типографами, многие сочинения английских реформаторов увидели свет.

Литература и источники

1. Daniell D. William Tyndale and the Making of the English Churches // Tyndale Society Journal. - 1998. - № 9.
2. Day J. T. Tyndale and Frith on Tracy's Will and Justification // Word, Church, and State. Tyndale Quincentenary Essays / Ed. by John. T. Day, Eric Lund, and Anne M. O'Donnel. – Washington: The Catholic University of America Press. – 1998.
3. Raynor B. John Frith : Scholar and Martyr. A Biography. – Sevenoak: Hawthorns Publications Limited, 2000. – 176 p.
4. Reid A. J. John Fryth (1503-1533) // Tyndale Society Journal. 1999. № 13.
5. Frith J. A Disputation of Purgatory made by John Frith, which is divided into three books // The Works of the English Reformers: William Tyndale and John Frith / Ed. T. Russel. - London: Printed by Samuel Bentley, 1831. - Vol. 3. - P. 81-204.
6. Frith J. Another book against Rastell, named the Subsidy, or Bulwark to his first book, made by John Frith, prisoner in the Tower // The Works of the English Reformers: William Tyndale and John Frith / Ed. T. Russel. - London: Printed by Samuel Bentley, 1831. - Vol. 3.
7. Foxe J. The acts and monuments of John Foxe: a new and complete edition / by the rev. George Townsend. 8 vols. - London: published by R. B. Seeley and W. Burnside, 1788-1857. – Vol. V.
8. Чугунова Т.Г., Софронова Л.В., Хазина А.В. Английский реформатор Джон Фрит о католическом богословии чистилища // Научный диалог. - 2020. - № 3. - С. 439-452.
9. Чугунова Т.Г. Интерпретация «очистительного огня» в трактате Дж. Фрита «Спор о чистилище» // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. - 2021. - № 1(70). - С. 67-72.
10. Tyndale W. Parable of the Wicked Mammon // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs collected and compiled in one Tome together / Ed. by John Foxe. - L.: Printed by J. Daye, 1573.
11. Tyndale W. A Pathway into the Holy Scripture // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs collected and compiled in one Tome together / Ed. by John Foxe. - L.: Printed by J. Daye, 1573.
12. Чугунова Т.Г. Трактовка ключевых библейских терминов в английском переводе Библии У. Тиндел // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. - 2012. - Вып. 38. - С. 82-99.
13. Geritz Albert J, Laine Amos Lee. John Rastell. - Boston: Twayne Publishers, 1983.

References and Sources

1. Daniell D. William Tyndale and the Making of the English Churches // Tyndale Society Journal. - 1998. - № 9.
2. Day J. T. Tyndale and Frith on Tracy's Will and Justification // Word, Church, and State. Tyndale Quincentenary Essays / Ed. by John. T. Day, Eric Lund, and Anne M. O'Donnel. – Washington: The Catholic University of America Press. – 1998.
3. Raynor B. John Frith : Scholar and Martyr. A Biography. – Sevenoak: Hawthorns Publications Limited, 2000. – 176 p.
4. Reid A. J. John Fryth (1503-1533) // Tyndale Society Journal. 1999. № 13.

5. Frith J. A Disputation of Purgatory made by John Frith, which is divided into three books // The Works of the English Reformers: William Tyndale and John Frith / Ed. T. Russel. - London: Printed by Samuel Bentley, 1831. - Vol. 3. - R. 81-204.
6. Frith J. Another book against Rastell, named the Subsidy, or Bulwark to his first book, made by John Frith, prisoner in the Tower // The Works of the English Reformers: William Tyndale and John Frith / Ed. T. Russel. - London: Printed by Samuel Bentley, 1831. - Vol. 3.
7. Foxe J. The acts and monuments of John Foxe: a new and complete edition / by the rev. George Townsend. 8 vols. - London: published by R. B. Seeley and W. Burnside, 1788-1857. - Vol. V.
8. Chugunova T.G., Sofronova L.V., Hazina A.V. Anglijskij reformator Dzhon Frit o katolicheskom bogoslovii chistolishcha // Nauchnyj dialog. - 2020. - № 3. - S. 439-452.
9. Chugunova T.G. Interpretaciya «ochistitel'nogo ognya» v traktate Dzh. Frita «Spor o chistolishche» // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. - 2021. - № 1(70). - S. 67-72.
10. Tyndale W. Parable of the Wicked Mammon // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs collected and compiled in one Tome together / Ed. by John Foxe. - L.: Printed by J. Daye, 1573.
11. Tyndale W. A Pathway into the Holy Scripture // The Whole works of W. Tyndall, John Frith, and Doct. Barnes, three worthy Martyrs collected and compiled in one Tome together / Ed. by John Foxe. - L.: Printed by J. Daye, 1573.
12. Chugunova T.G. Traktovka klyuchevykh biblejskikh terminov v anglijskom perevode Biblii U. Tindel // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. - 2012. - Vyp. 38. - S. 82-99.
13. Geritz Albert J, Laine Amos Lee. John Rastell. - Boston: Twayne Publishers, 1983.

ЧУГУНОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА – кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (tat-chugunova@yandex.ru).

CHOUGOUNOVA, TATYANA G. – Ph.D. in History, Associate Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

УДК 94(492)«146/153»:929Эразм

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-26-30

СОФРОНОВА Л.В., РОДИОНОВ А.В.

ШТРИХИ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКОГО

Ключевые слова: Эразм Роттердамский, междисциплинарные исследования, психоистория, эннеаграмма, тип личности, эпистолярное наследие, биография, самооценка.

В статье предпринимается попытка выявить базовые черты личности нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского путем использования учения об эннеаграмме личности. Исследуются автобиография Роттердамца и его эпистолярное наследие. Отмечено, что среди выделенных психологами типов личности Эразму Роттердамскому ближе всего IV эннеатип, для которого доминирующими являются представления о себе, как о страдающем человеке по причине негативных жизненных обстоятельств и действий окружающих, а также сильная зависимость от любви окружающих, постоянное чувство отверженности и тенденция к неудовлетворенности. В качестве структурных элементов личности Эразма выделяются сосредоточенность на страдании, постоянное внутреннее беспокойство, сильная потребность в любви окружающих, привязчивость, благовоспитанность, повышенная эмоциональность, высокомерие, эгоцентризм.

SOFRONOVA, L.V., RODIONOV, A.V.

STROKES TO THE PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF ERASMUS OF ROTTERDAM

Key words: Erasmus of Rotterdam, interdisciplinary research, psychohistory, enneagram, personality type, epistolary heritage, biography, self-esteem.

The article attempts to identify the basic personality traits of the Dutch humanist Erasmus of Rotterdam by using the doctrine of the enneagram of personality. The humanist's autobiography and his epistolary heritage are researched. It is noted that among the types of personality identified by psychologists, Erasmus of Rotterdam is closest to the IV enneatype, for which the dominant ideas are about oneself as a suffering person due to negative life circumstances and the actions of others, as well as a strong dependence on the love of others, a constant feeling of rejection and a tendency to dissatisfaction. As the structural elements of Erasmus' personality, the authors highlight the focus on suffering, constant internal anxiety, a strong need for the love of others, affection, good manners, increased emotionality, arrogance, egocentricity.

Изыскания, выполненные в жанре персональной истории, довольно часто вынуждены использовать научный инструментарий других гуманитарных дисциплин. Это вполне обоснованно ввиду общности предмета исследования – человека, со всей парадигмой его характеристик, свойств, связей и т.д. Междисциплинарный синтез предоставляет историкам возможность наиболее адекватно понять человека прошлого. Особенно это касается такого направления современной историографии, как психоистория, в центре внимания которой внутренний мир индивидуума. По меткому выражению французского медиевиста Л. Февра, «крупные открытия чаще всего совершаются на стыке наук. А раз так, то нет нужды долго доказывать, что психология (...) непременно должна вступить в тесную связь с (...) историей» [1, с. 97].

Наша статья является попыткой реконструкции характера выдающегося нидерландского гуманиста Эразма Роттердамского путем применения современных исследований в области психологии и психиатрии. В качестве инструмента авторами было использовано учение об эннеаграмме личности, разработанное в 1970-х гг. в работах Оскара Ичазо (1931-2020) и Клаудио Наранхо (1932-2019) [2]. Суть этого учения состоит в следующем: эннеаграмма – психологическая

ИСТОРИЯ

модель, описывающая девять типов личности (эннеатипов). Для их обозначения другие исследователи эннеаграммы используют метафорические названия: перфекционист, помощник, достигатель, индивидуалист, наблюдатель, лояльный скептик, энтузиаст, босс, миротворец [3].

Тип личности формируется под доминирующим влиянием неких внутренних мотивов, которые определяют характер человека, его восприятие мира и себя в нем, его эмоции, жизненные устремления. Для каждого типа характерны свои черты. Возможно, использование данного инструмента позволит лучше понять характер Эразма, наметить его психологический портрет. Многочисленные письма Роттердамца и его автобиография (*Compendium vitae*, 1524) составляют источниковую базу исследования [4; 5].

На наш взгляд, среди выделенных психологами типов личности Эразму Роттердамскому ближе всего IV эннеатип, для которого, по утверждению К. Наранхо, доминирующим является представление себя страдающим человеком по причине негативных жизненных обстоятельств и действий окружающих, а также сильная зависимость от любви окружающих, постоянное чувство отверженности и тенденция к неудовлетворенности [2].

Выделим базовые структурные элементы IV типа индивидуума, которые отчетливо обнаруживаются в характере Эразма Роттердамского. Во-первых, это сосредоточенность на страдании. В автобиографии гуманиста можно найти многочисленные свидетельства его пессимистического самовосприятия. К примеру, характеризуя свой жизненный путь как «Илиаду скорбей», Эразм утверждал, что он несчастнее кого бы то ни было из смертных [5, с. 5]. Такое депрессивное настроение прослеживается во многих посланиях Роттердамца, но особенно – в письмах из монастыря Стейн. Так, в письме своему другу Виллему Харвенсу из Гауды Эразм описывал свое душевное состояние следующим образом: «Все наполнено горечью и тревогой; куда бы я ни взглянул, я не вижу ничего кроме грусти и жестокости. Для меня нет ничего, кроме слёз <...>, от которых мой ум так притупился, а дух так сломлен, что у меня нет никакого желания вернуться к старым занятиям» [4, vol. I, p. 139].

Полагаем, что истоки столь глубоко пессимистичного отношения к жизни кроются в особых обстоятельствах детства Эразма. Прежде всего, он был внебрачным сыном священника и служанки. Это пятно незаконнорожденности тяготело над Эразмом большую часть его жизни и, вероятно, могло сформировать склонность к самоуничтожению, к негативному восприятию своей жизни. Только в зрелые годы он добился от Рима издания специальной папской буллы, освобождавшей его от статуса бастарда и связанных с ним социальных ограничений. Однако даже в 1524 г., уже будучи самым известным гуманистом Европы, в своей автобиографии Роттердамец попытался представить современникам и потомкам романтическую, но не соответствовавшую реальным фактам, версию своего появления на свет [5]. В данной ситуации трудно утверждать, что он был желанным ребенком, хотя его имя – Erasmus – означает «желанный». Возможно, дабы убедить всех и себя самого в том, что это так и есть, позже он добавил к первому второе имя – Desiderius, также означающее «желанный».

Другим тяжелым опытом детства было раннее сиротство. Когда ему было около 13 лет, от чумы умерли его родители. Мальчик оказался не нужен ни своим родственникам, ни назначенным опекунам, которые поспешили отправить его, вопреки его воле, в монастырь [5]. Вероятно, недостаток родительской любви и отсутствие доброго отношения со стороны семьи (у его отца было девять женатых братьев), жестокость и алчность опекунов и сформировали такие черты личности гуманиста, как пессимизм, всегдашнее чувство одиночества, отверженности. Возможно, здесь коренится и причина его слабого здоровья и частых болезней.

Вторая базовая черта данного эннеатипа – постоянное внутреннее беспокойство. На протяжении жизни Эразм действительно испытывал глубокое внутреннее беспокойство, которое выражалось в частых передвижениях по Европе. Роттердамец вел поистине кочевой образ жизни, постоянно пускаясь в сухопутные и морские путешествия. Биографы объясняют эту тягу к переездам вполне рациональными причинами: страхом чумы или другой болезни, волей патронов, поиском новых покровителей, стремлением к свободе [6]. Возможно, есть иной, глубоко внутренний мотив: такое беспокойство могло быть связано с бессознательным поиском семейной жизни, которой ему не хватало в детские годы и которой он был лишен, приняв постриг под давлением обстоятельств. Эразм привык видеть себя брошенной жертвой, у которой не было дома и близких людей, вынужденной передвигаться с места на место из-за превратностей судьбы.

Еще одним структурным элементом IV эннеатипа, обнаруживаемым в характере Роттердамца, является привязчивость. Она проявляется в настойчивом стремлении к тесным дружеским связям, в жажде любви со стороны окружающих. Вероятно, этой жаждой привязанности объясняются постоянно встречающиеся в переписке призывы к друзьям: «люби меня» [inter alia: 4, vol. I, p. 96, 100, 122, 127, 142]. Наиболее яркой иллюстрацией привязчивости Эразма могут служить его отношения с Серватием Рогером из монастыря Стейн в 1487-1488 гг. [4, vol. I, ep. 4-9, 11, 13, 15; 7, с. 16]. Данные послания свидетельствуют о том, что именно в дружбе гуманист, лишенный семьи, надеялся обрести душевную теплоту, эмоциональную близость, психологическую интимность.

В отношениях с Рогером проявляется еще одна базовая черта данного эннеатипа – благовоспитанность. На эту сторону его натуры обратил внимание Й. Хейзинга [9, с. 336-337], описав ее как деликатность и внутреннюю потребность в чистоте. По мнению К. Наранхо, люди, относящиеся к IV типу, являются миролюбивыми, мягкими, способными к самоотверженности, стремящимися к согласию. Именно таков Эразм в отношениях с друзьями. В одном из писем Эразм рисует свое представление об идеальной, с его точки зрения, дружбе: «Прежде всего, это то, что все друзья испытывают взаимное расположение; то, что один ничего не скрывает от другого; и охотно ему помогает; если один радуется, другой разделяет его радость; когда один страдает, второй сострадает; они оба должны полагать, что всякую мысль, всякое намерение и, наконец, ход жизни следует поверять друг другу» [4, vol. I, p. 82]. Нежная, почти по-женски сентиментальная натура Эразма пробуждает его к глубокой привязанности: «В тебе одном я полагаю всю мою надежду, всю жизнь, все утешение души; я стал всецело твоим, ничего своего у меня не осталось» [4, vol. I, p. 82]. Эразм был готов к подобной страстной самоотверженности и полагал, что может требовать того же от друга.

На протяжении всей жизни Эразм искал заботы со стороны других людей, которая выражалась, в том числе, и в финансовой поддержке со стороны покровителей [8]. Причем, если поиск патрона молодым Эразмом был связан с материальными резонами, то в более зрелые годы он чаще всего мотивировался именно потребностью обрести защиту от оппонентов в многочисленных дискуссиях. Нередко такая зависимость от друзей и патронов, от оценок окружающих приводила к разочарованиям, рождала подозрительность и скрытность [9, с. 235-237]. Позже в автобиографии гуманист сам объяснил эту черту своей личности: «Среди друзей был достаточно откровенен, иногда больше, чем нужно; и часто обманываемый, так и не смог научиться не доверять друзьям». [5, с. 431]. Обманы со стороны людей, которых Роттердамец считал друзьями, не могли не породить мнительности, осторожности и скрытности. Эти свойства Эразмовой натуры отмечены историками [9, с. 382]. Наиболее ярко они проявились в избранном им девизе для своего жизнеописания: «Жизнь должна сохраняться в тайне» [5, с. 422].

Желание избегать споров и распрей, стремление к согласию составляют важнейшую черту личности Роттердамца. В «Compendium vitae» он подчеркивает, что «к пятидесяти годам не нападал ни на одного автора», а в условиях противоборства лютеран и католиков «стремился примирить обе стороны» [5, с. 432]. Биографы Эразма объясняют это его нежелание включаться в межконфессиональную полемику стремлением к свободе, к сохранению независимости [9, с. 392]. Однако у этого вполне осознанного и рационального стремления к свободе может быть и неосознаваемый глубинный мотив.

Письма Эразма эмоционально насыщены, что побуждает нас увидеть в их авторе еще одну черту IV эннеатипа – повышенную эмоциональность. На поразительную, почти женскую сентиментальность молодого Эразма обратил внимание Й. Хейзинга [9, с. 218-220]. Особенно это характерно для посланий Рогеру, к которому Роттердамец обращал пылкие строки с почти любовными признаниями: «Ты всегда на моих устах и в моем сердце, ты моя единственная надежда, половина моей души, утешение моей жизни, <...> я никогда не перестану любить тебя» [4, vol. I, p. 79-80]. Гуманисту свойственна склонность к драматизации страданий [7], к долгой памяти о нанесенных обидах [9, с. 246-247].

Наконец, нельзя обойти вниманием такую черту IV эннеатипа, как высокомерие. Надо признать, что самооценка гуманиста выглядит двойственной. С одной стороны, Эразм представлял себя жалким и заслуживающим презрения и неуважения со стороны общества [10, p. 615; 9, с. 340], что свидетельствует о низкой самооценке. Однако наряду с этим, на более глубоком уровне,

существовал другой Эразм – высокомерный, стремящийся к самоутверждению и склонный к самолюбанию. Его девизом, высеченным на перстне, была горделивая фраза «Nulli concedo» («Я никому уступлю»). В более позднем (1514 г.) письме Серватию Рогеру, призывавшем гуманиста вернуться в монастырь Стейн, он описывает свой изменившийся статус: «Во всей Англии нет ни одного епископа, который не радовался бы моему приветствию, не стремился бы стать моим сотрапезником, не желал принять у себя дома <...> если б я захотел провести хоть немного месяцев при королевском дворе, я накопил бы сколько угодно бенефициев <...>. Архиепископ Кентерберийский <...> меня настолько ценит, что будь он моим отцом или братом, невозможно любить больше <...>. Здесь есть два университета: Оксфордский и Кембриджский, каждый из которых жаждет заполучить меня» [4, vol. I, p. 569-570]. По мнению К. Наранхо, противоречивость такого рода свойственна данному типу личности: «Хотя они могут захлебываться от самоунижения и ненависти к себе, тем не менее, их отношение к внешнему миру – это отношение «примадонны» или, по меньшей мере, очень выдающейся личности. В тех случаях, когда эти претензии на исключительность терпят крушение, к этому добавляется роль принесенного в жертву «непонятого гения» [2]. Подобные мысли встречаются в письмах периода Реформации-Контрреформации, когда Эразм в условиях религиозных столкновений протестантов и католиков пытался сохранить некий нейтралитет, но в результате оказался под огнем критики обеих религиозных партий. К концу двадцатых годов Эразм был уверен во всеобщей враждебности: «Нет такой секты, которая не ненавидела бы меня всецело» [4, vol. VIII, ep. 2136, p. 118].

В характере Эразма Роттердамского можно проследить определенные параноидальные черты. Жизнь казалась ему наполненной постоянными преследованиями со стороны брата, учителей, монахов, покровителей, Лютера, Гуттена, Ли. Эразму, по его собственным ощущениям, приходилось не жить, а выживать в столь невыносимых жизненных условиях [4, vol. V, p. 435; 11].

Нить, которая объединяет многие аспекты характера Эразма – это, если использовать термины психологии, травмированный нарциссизм. С самого начала его самооценка подвергалась атакам со стороны общества. Его юность, как она описана в письмах и автобиографии, была непрерывной цепью лишений, разочарований, обид, критики со стороны окружающих и неоправдавшихся ожиданий. Возможно, причины психологической травмы Эразма кроются в трудных обстоятельствах детства. В целом личность Эразма Роттердамского можно охарактеризовать как противоречивую. Выдающийся гуманист был отзывчивым, мягким, сердечным, миролюбивым, жаждвшим спокойствия, терпимости и согласия. Наряду с этим, это был человек, испытывавший неудовлетворенность от жизни, эгоцентричный, жаждущий признания, убежденный в собственной уникальности и мудрости.

Литература и источники

1. *Fevr L.* Бои за историю / Пер. с фр. - М.: Наука, 1990. - 627 с.
2. *Naranho K.* Характер и невроз / Пер. И.А. Каропы. - М.: Ганга, 2014. // URL: https://royallib.com/book/naranho_klaudio/harakter_i_nevroz.html (дата обращения: 13.06.22)
3. *Riso D.R., Hudson R.* The Wisdom of the Enneagram. - New York: Bantam, 1999. - 389 p.
4. *Erasmus Desiderius.* Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami / Ed. P.S. Allen, H.M. Allen, H.W. Garrod. - 11 vols. - Oxford: The Oxford University Press, 1906-1947.
5. *Софронова Л.В., Романова М.В.* Краткая автобиография Эразма Роттердамского // Преподаватель XXI век. - 2017. - № 2-2. - С. 421-434.
6. *Rummel E.* Fertile Ground: Erasmus's Travels in England // Travels and translation in Early Modern Period / Ed. C.G. Di Biase. - Amsterdam - New York: Rodopi, 2006. - P. 45-52.
7. *Софронова Л.В., Хазина А.В.* Язык дружбы в письмах Эразма Серватию Рогеру // Вестник Мининского университета. - 2016. - № 1-1 (13).
8. *Garrod H.W.* Erasmus and his English Patrons // The Library. 5th Series. - 1949. - Vol. 4. - №1. - P. 1-13.
9. *Хейзинга Й.* Эразм // *Хейзинга Й.* Культура Нидерландов в XVII веке. Эразм. Избранные письма. Рисунки / Сост., пер. с нидерл. и предисл. - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. - 680 с.
10. *Minnich N., Meissner W.W.* The character of Erasmus // The American Historical Review. - 1978. - Issue 83 (3). - P. 598-624.
11. *Волкова Ю.А., Суwegeина Е.С.* Sacra rhetorica: Джон Фишер и искусство проповедования // Современная научная мысль. - 2019. - № 5. - С. 10-14.

References and Sources

1. *Fevr L.* Boi za istoriyu / Per. s fr. - M.: Nauka, 1990. - 627 s.
2. *Naranho K.* Harakter i nevroz / Per. I.A. Karopy. - M.: Ganga, 2014. // URL: https://royallib.com/book/naranho_klaudio/harakter_i_nevroz.html (data obrashcheniya: 13.06.22)
3. *Riso D.R., Hudson R.* The Wisdom of the Enneagram. - New York: Bantam, 1999. - 389 p.
4. *Erasmus Desiderius.* Opus epistolarum Desiderii Erasmi Roterodami / Ed. P.S. Allen, H.M. Allen, H.W. Garrod. - 11 vols. - Oxford: The Oxford University Press, 1906-1947.
5. *Sofronova L.V., Romanova M.V.* Kratkaya avtobiografiya Erasma Rotterdamskogo // Prepodavatel' XXI vek. - 2017. - № 2-2. - S. 421-434.

6. Rummel E. Fertile Ground: Erasmus's Travels in England // Travels and translation in Early Modern Period / Ed. C.G. Di Biase. - Amsterdam - New York: Rodopi, 2006. - P. 45-52.
7. Sofronova L.V., Hazina A.V. Yazyk družby v pis'mah Erazma Servatiyu Rogeru // Vestnik Mininskogo universiteta. - 2016. - № 1-1 (13).
8. Garrod H.W. Erasmus and his English Patrons // The Library. 5th Series. - 1949. - Vol. 4. - №1. - P. 1-13.
9. Hyojzinga J. Erazm // Hyojzinga J. Kul'tura Niderlandov v XVII veke. Erazm. Izbrannye pis'ma. Risunki / Sost., per. s niderl. i predisl. - SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2009. - 680 s.
10. Minnich N., Meissner W.W. The character of Erasmus // The American Historical Review. - 1978. - Issue 83 (3). - P. 598-624.
11. Volkova Yu.A., Surovegina E.S. Sacra rhetorica: Dzhon Fisher i iskusstvo propovedovaniya // Sovremennaya nauchnaya mysl'. - 2019. - №5. - S. 10-14.

СОФРОНОВА ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина.

РОДИОНОВ АРТЕМ ВАЛЕРЬЕВИЧ - магистрант Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина (artem_rodionov_1998@inbox.ru).

SOFRONOVA, LIDIA V. – Doctor of History, Professor of the Department of General History, Classical Disciplines and Law, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (lidiasof@yandex.ru).

RODIONOV, ARTEM V. – Undergraduate of the Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University.

УДК 725.182:281.93+271

ОИ: 10.24412/2308-264X-2022-4-30-38

ТИХАНЫЧЕВА Е.О., ТИХАНЫЧЕВ О.В.

ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ МОСКВЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ «ДВОЙНЫХ» ТЕХНОЛОГИЙ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Ключевые слова: системы двойного назначения, фортификация, московские монастыри, история Москвы, оборонительные сооружения

В обзорной статье исследуются вопросы истории использования технологий двойного назначения в военном деле. В военном деле принято использовать технологии и сооружения двойного назначения – общедоступные в мирное время и специализированного применения с началом военных действий. Типичный пример систем двойного назначения – защитные здания и сооружения, в мирное время используемые в коммерческих целях, под склады или автостоянки. Исторический пример – монастыри, являющиеся не только культовыми, но и оборонительными сооружениями. Впрочем, дискуссия об оборонном значении монастырей до настоящего времени не завершена. Среди историков существуют различные мнения по этому вопросу. В статье, на примере истории монастырей Москвы, обоснован вывод в пользу сторонников версии использования монастырей в качестве крепостных сооружений двойного назначения.

TIKHANYCHEVA, E.O., TIKHANYCHEV, O.V.

ORTHODOX MONASTERIES OF MOSCOW AS A HISTORICAL EXAMPLE OF THE IMPLEMENTATION OF "DOUBLE" TECHNOLOGIES IN MILITARY MATTERS

Key words: Dual-use systems, fortification, Moscow monasteries, the history of Moscow, the fortress

The review article deals with the use of dual-use technologies in military affairs. In military affairs, dual-use technologies and facilities are often used - publicly available in peacetime and specialized in case of war. A typical example of dual-use systems: protective buildings and structures, for example, in peacetime used for commercial purposes. A historical example is the monasteries, which are not only religious, but also defensive structures. However, the discussion about the defensive significance of the monasteries has not yet been completed. Among historians there are different opinions on this issue. In the article, on the example of the history of the monasteries of Moscow, a conclusion is drawn in favor of the supporters of the version of the use of monasteries as dual-purpose fortifications.

В настоящее время в самых различных областях используются системы и технологии, по-разному эксплуатируемые в разных условиях. Подобную практику сегодня принято называть использованием технологий «двойного назначения». Например, в военном деле такой подход используется в интересах снижения оборонных расходов при создании различных защитных сооружений. Типичный пример подобных сооружений – бомбоубежища, которые в мирное время используются в качестве коммерческих складов или парковок, что удешевляет их поддержание в работоспособном состоянии, снижая военные расходы без потери потенциальной функциональности. Другой пример применения двойных технологий – предприятия с заложенными в производственный процесс мобилизационными возможностями, технологии связи и информатизации двойного назначения и т.п.

Однако указанная тенденция не является исключительно современным изобретением. Исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что подобные подходы использовались и много ранее. В частности, они нашли отражение в практике применения в военное время широко распространенных во всех странах культовых сооружений как оборонительных.

В рамках последнего тезиса, в среде историков периодически возникали и возникают дискуссии о возможном оборонном значении культовых сооружений, в том числе – православных

ИСТОРИЯ

монастырей. В частности, сторонниками версии об оборонительном значении монастырей являлись историки Н.Н. Воронин, М.А. Ильин, П.Н. Максимов, В.В. Косточкин и ряд других [1-3]. Известный скепсис в отношении версии об оборонительном назначении монастырей проявляли М.Н. Тихомиров, П.А. Раппопорт, В.П. Выголов [4-6]. Однозначного подтверждения достоверности той или иной версии нет, но формальным подтверждением или опровержением правоты тех или иных взглядов, может служить анализ истории и особенностей архитектуры. В данной связи нами предпринята попытка проведения подобного анализа на примере московских монастырей.

В качестве методологической основы исследования был избран системный подход, принципы историзма и объективности, методы сравнительно-исторического анализа и обобщения. Использование системного подхода, метода сравнительного анализа, дало возможность рассматривать в комплексе вопросы потенциального оборонного значения православных монастырей, на примере монастырей Москвы. Источниковую базу исследования составили исторические документы, находящиеся в открытом доступе.

1. Постановка проблемы.

Москва, как и подавляющее большинство старых русских городов, строилась от укрепленного центра, нарастая увеличивающимися окружностями укреплений: Кремль, Китай-город, Белый город, кольцо валов Земляного города и Камер-Колежский вал (хотя последний, впрочем, не являлся оборонительным сооружением в полном понимании этого термина). Следы этих укреплений и сейчас хорошо видны или прослеживаются в названиях улиц, бульваров и площадей столицы.

Первое, что обращает на себя внимание в рамках рассматриваемого вопроса, это расположение основных культовых сооружений. Если нанести на карту Москвы места размещения московских монастырей (рисунок 1), вырисовывается весьма интересная картина: практически все монастыри расположены у старых въездных дорог, вблизи воротных укреплений или рядом с переправами через реки. На представленной карте наглядно выделяются скопления монастырей у бывших проездных ворот Кремля и Китай-города, кольцо монастырей вблизи существовавших ранее проездных башен Белого города, южное полукольцо, прикрывавшее основные подходы по сухопутным и водным путям к Москве.

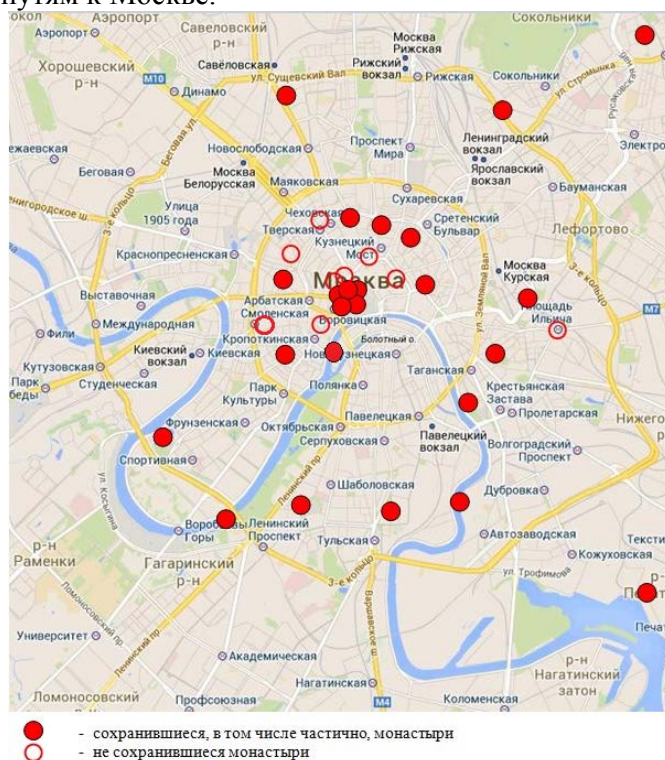

Рисунок 1. Схема расположения монастырей Москвы

Впрочем, оценивая данную схему, следует помнить, что однозначно провести классификацию местоположения культовых сооружений столицы проблематично. Ведь в разное

ИСТОРИЯ

время на территории Москвы располагалось довольно значительное число монастырей, которые иногда меняли место размещения, перестраивались, горели и восстанавливались, закрывались и открывались вновь. Менялась и сама Москва: расширялись границы города, перестраивались улицы и площади. Поэтому точно указать количество и расположение монастырей можно только применительно к определённому историческому периоду. Например, на гравюре XIX века «Вид Москвы с монастырями (Церковный град Москва)» (рисунок 2) можно насчитать 24 монастыря.

Рисунок 2. Гравюра «Вид Москвы с монастырями (Церковный град Москва)»

На современной карте Москвы – около двух десятков монастырей в той или иной степени сохранности. Список некоторых из них (без учёта новой Москвы) приведён в таблице 1.

Таблица 1.

Перечень наиболее известных московских монастырей

Название	Дата основания	Даты основных перестроек	Современное состояние
Богоявленский	XIII век	1610, 1687, 1737, 1929-33 годы	В основном разрушен. Представлен действующим Богоявленским собором
Новоспаский (до 1490 года Спаский в Кремле)	XIII век	1640-42 годы	Действующий
Даниловский	XIII век	1330, 1560, 1930 годы, вторая половина XVII в	Действующий
Спaso-Преображенский на бору	XIII век	В 1490 году вынесен из Кремля за Яузу, и продолжил своё существование как Новоспаский монастырь	Полностью утрачен. Оставшийся в Кремле собор Спаса-на-Бору снесён в 1932 году
Богородице-Рождественский	XIII век	1500, 1547 годы	Действующий
Зареченский «Никола старый» (Никольский, на болоте, монастырь)	XIII век	XVIII век	Не сохранился. Представлен более поздней действующей церковью Св.Николая чудотворца на Берсеневке 1625 года
Крутицкий	XIII век	1737, 1788, 1840 годы	Подворье закрыто с 1925 по 1991 год. Существенная часть зданий Крутицкого подворья восстановлена, передана церкви
Сретенский	XIV век	XVIII век, 1928-30 годы	Практически не сохранился. Представлен действующим собором Сретения Владимирской иконы Божией Матери
Никольский (Николо-Греческий монастырь)	XIV век	в XVII—XVIII веках	Разрушен в 1930-35 году. Сохранились корпуса и колокольня
Златоустовский	XIV век	1571, 1611 годы	Разрушен в 1933-34 годах
Зачатьевский	XIV век	1547, 1623, 1812 годы	Действующий, восстанавливается
Симонов Успенский	XIV век	1379, 1771, 1795, 1930 годы	Сохранился частично. Действующий
Спaso-Андронников	XIV век	1748, 1812, 1930 годы	Действующий, сохранились практически все постройки, колокольня и некрополь разрушены в 30-х годах прошлого века

ИСТОРИЯ

Алексеевский	XIV век	1382, 1445, 1451, 1514, 1547, 1625, 1639, 1812, 1837, 1922 годы	Восстановлен в 1850-1870 годах на новом месте. Ныне действующий
Афанасьевский	XIV век		Упразднён в конце XVIII века. В 1802 году на месте монастыря основан кремлёвский плац-парад
Богоявленский Троице-Сергиевский в Кремле	XIV век		Упразднён в 1763 год в рамках секуляризационной реформы, постройки не сохранились. Строения использовались под разные приказы, теперь на месте монастыря Оружейная палата
Высокопетровский (до 1505 года Петровский на высокоом, Петропавловский)	XIV век	1505, 1680-90, 1926 годы	Частично сохранился. Действующий
Чудов	XIV век	1382, 1771, 1812 годы	Разрушен в 1930 году
Николо-Перервинский	XV век	XIX век, 1940-70 годы	Действующий
Варсонофиевский, на Рву, Вознесенский	XV век	Упразднен в 1764 году	Разрушен. Оставшиеся монастырские здания снесли в начале 1930-х годов
Новинский	XV век	1540 год Упразднён в 1764 году и постепенно разрушался. Последний храм разрушен в 1933 году	Полностью утрачен, память осталась в названии бульвара
Чигасов	XV век	1547 год, после пожара, XVIII век	Упразднён в 1625 году. Оставшаяся Спасская церковь разрушена в 1920-х годах
Покровский Лыщиков	XV век		Упразднён в 1590-е годы. Осталась Покровская церковь, нынешний вид которой относится к 1895 году
Мироносицкий	XV век	Упразднён в XVII веке	Сохранился Храм Успения Пресвятой Богородицы на Чижевском подворье 1844-1854 годов
Саввинский	XV век		Упразднён в 1690 году, полностью разрушен в 1930-м году
Моисеевский	XVI век		Разрушен в XVIII веке
Георгиевский (Егорьевский, Юрьевский)	XVI век	Упразднен в 1812 году	Разрушен. Оставшиеся церкви снесли в 1935 году (кроме дворового здания келий)
Ивановский (Иоано-Предтеченский)	XVI век	1737, 1761, 1859, 1901, 1918 годы	Частично сохранился. Действующий
Заиконоспасский	XVI век	1737, 1812, 1851, 1929 годы	Сохранился действующий храм и колокольня
Воскресенский Высокий	XVI век		Упразднён в 1651 году, постройки не сохранились, в настоящее время на его месте расположено подворье Саввино-Сторожевского монастыря
Новодевичий (Богородице-Смоленский Новодевичий)	XVI век	начало XVII века	Действующий
Донской	XVI век	1684, 1692, 1927 годы	Действующий
Никитский	XVI век	1755, 1861-68 годы	Разрушен в 1935-37 годах
Ильинский	XVI век		Упразднён в 1626 году, осталась восстановленная церковь Ильи Пророка
Крестовоздвиженский	XVI век	1550, 1701 годы	Упразднён в 1814 году, постройки не сохранились
Знаменский	XVII век	1737, 1812, 1929, 1964 годы	Разрушен. Сохранился действующий собор в честь иконы Божией Матери «Знамение»
Андреевский	XVII век	1930-е годы	Действующий
Страстной	XVII век	1771, 1812 годы	Разрушен в 1937 году, память сохранилась в названии бульвара
Покровский	XVII век	1833-1855, 1926 годы	Действующий
Фёдоровский	XVII век		Закрыт в 1709 году. Сохранилась церковь Фёдора Студита у Никитских ворот
Всехсвятский	XIX век		Разрушен в 1922 году
Скорбященский	XIX век		Сохранился действующий собор в честь Спаса Всемилостивого
Никольский единоверческий монастырь	XIX век	1866 год	Упразднён в 1923 году. Большинство построек сохранилось и возвращено церкви

ИСТОРИЯ

Помимо монастырей в столице имелось и имеется более десятка подворий, большинство из которых по своим размерам и структуре построек сравнимы с монастырями: Крутицкое, подворье Афонского Пантелеймонова монастыря, Марфо-Мариинская обитель и другие. Многие из них по составу башен и структуре стен тоже напоминают небольшие крепости и могут использоваться в общем контексте оценки оборонных возможностей культовых сооружений.

В целом, даже на основе ограниченного перечня сохранившихся и утраченных монастырей и подворий, можно сделать предположение, что их расположение на местности явно указывает на замысел использования этих сооружений как оборонительных в случае возникновения опасности вторжения противника в город [7, 8].

Второй аспект данной проблемы – архитектура старых монастырских сооружений, которая носит явно выраженную фортификационную направленность.

К сожалению, многие из старых монастырей не сохранились, от некоторых остались только отдельные храмы, у части монастырей в XIX-XX веках были кардинально перестроены стены, что превратило их из системы боевых прясел и башен в заборчики «от лихого человека», как, например, у Николо-Перервинского монастыря. Но даже то, что сохранилось, пусть даже частично, позволяет сделать определённые оценки [9, 10]. В рамках поднятой в статье проблемы, прежде всего, обращают на себя внимание сохранившиеся башни и стены Симонова, Новоспасского, Новодевичьего, Донского монастырей. В них явно прослеживается реальное боевое предназначение. И становится понятно, что они не просто так построены в узловых транспортных точках столицы (рисунок 1), не только созданы для удобства паломников, путников и купцов. Сохранившиеся укрепления – это не вариант церквей старого русского стиля с узкими небольшими высокорасположенными окнами и толстыми стенами, которые служили укрытием для мирных жителей при опасности. Это полноценные оборонительные сооружения, выстроенные по всем правилам фортификационного искусства своего времени. Более ранние монастыри приспособлены для обороны и ведения огня из луков. Более поздние постройки оборудованы амбразурами для стрельбы из стрелкового оружия и артиллерии. Система амбразур в башнях и пряслах выстроена для организации прямого, косого и подошвенного огня. Наряду с расположением монастырей на высотах и использованием рек, как естественных преград, это обеспечивало их применение как крепостей, способных выдержать осаду крупных сил противника, что служит очередным подтверждением версии об их оборонном значении.

Наконец, подтверждение тезиса об оборонном назначении культовых сооружений дают многочисленные примеры, имеющиеся в истории крупнейших московских монастырей-крепостей, связанные с их участием в отражении осад города. Со времён монголо-татарского нашествия и до Смутного времени таких примеров имеется множество. Наиболее яркие примеры являет история монастырей-крепостей из состава полукольца, защищавшего Москву с юга (Новодевичий, Симонов, Данилов, Андронников и другие). Окруженные крепостными стенами и башнями, они могли служить и служили опорными пунктами обороны города (фото 3).

Фото 3. Святые ворота Андронникова монастыря (фото автора)

ИСТОРИЯ

Типичным примером такого монастыря-форпоста на западных подступах к Москве является Новодевичий монастырь. С момента основания этот монастырь находился передовом рубеже защиты города в ситуациях, когда противник приближался по старой или новой Смоленским дорогам. Этим обстоятельством определяются, в частности, участие Новодевичьего монастыря в обороне Москвы при набегах крымских татар Казы-Гирея и Девлет-Гирея, а также жестокие бедствия, постигшие монастырь в Смутное время.

Симонов монастырь тоже всегда играл важнейшую роль в обороне южных подступов к Москве. Пожалуй, ни один из монастырей-сторожей не имел таких мощных укреплений (фото 4). Ему неоднократно приходилось отражать нападения сначала крымско-татарского войска в 1571 и 1591 годах, а потом и польско-литовских интервентов в 1611-1612 годах, когда он был форпостом Первого и Второго ополчений. В советское время монастырь сильно пострадал, но сохранившиеся орудийные башни – Соляная и Дуло, оставшийся участок стены с бойницами – всё указывает на высокие оборонительные возможности.

Фото 4. Соляная башня Симонова монастыря (фото автора)

Новоспасский монастырь, как и вышеупомянутые, служил не только как место моления для православных верующих, но и как крепость на подступах к Москве, отражавшая в 1591 году набеги войска Казы-Гирея. Для усиления обороны, ограда монастыря – первоначально бревенчатая с бойницами – в 1640-1642 годах была заменена каменной стеной, сохранившейся до нашего времени (фото 5). Выступающие за линию стен круглые башни монастыря имеют артиллерийские и стрелковые бойницы, в стенах оборудованы стрелковые бойницы прямого и подошвенного боя (машикулы), а в их нижнем уровне – артиллерийские амбразуры.

Фото 5. Башни и прясла Новоспасского монастыря (фото автора)

ИСТОРИЯ

В рамках проводимого исторического анализа, можно вспомнить, что в том же 1591 году важную роль в обороне города сыграл Данилов монастырь.

Донской монастырь (фото 6) был последним по времени создания из южного полукольца крепостей. Он стал предмостным укреплением Калужских ворот «Скородома» - Московской крепости, воздвигнутой в 1591 году. Монастырь заполнил собой просвет, существовавший в южном оборонительном поясе между Новодевичьим и Даниловым монастырями.

Стены и башни указанных монастырей существенно пострадали при перестройках в ходе развития столицы, но архитектура сохранившихся строений наглядно напоминает о тех временах, когда монастыри ставились для защиты города на подступах к нему как «осадные дворы».

Фото 6. Угловая башня Донского монастыря (фото автора)

Символично, что монастыри играли определённую роль в защите Отечества и в более поздние времена: уже не как физические крепости, а как духовные центры. Например, собирая средства на закупку военной техники, как это было сделано в Донском монастыре в годы Великой Отечественной войны (фото 7).

Фото 7. Танк Т-34-85, ранее стоявший на территории Донского монастыря как напоминание о колонне «Дмитрий Донской», подаренной церковью армии в годы Великой Отечественной войны (в составе колонны были как Т-34, так и Т-34-85)

В аспекте проблемы, затронутой в статье, логично вспомнить историю укреплений Троице-Сергиевой лавры. Она хоть и находится в Сергиевом Посаде – в семидесяти километрах от Москвы – всегда относилась к Московской епархии. В центре Лавры, на площади у колокольни,

расположен обелиск, на сторонах которого описаны четыре события, когда Лавра существенно повлияла на историю страны, на ход и исход противостояния внешним захватчикам и внутренним врагам [10]:

1) выданное основателем Лавры – святым Сергием Радонежским благословение князю Дмитрию Донскому на Куликовскую битву, по сути, изменившую судьбу Руси;

2) помощь Лавры в Смутное время борьбе с оккупантами путём многочисленных пожертвований (позже и сама обитель выдержала страшную осаду 1608-1610 годов, защитив северную часть страны, положив начало освобождению столицы и всей Руси);

3) поддержка Лаврой Второго ополчения Минина и Пожарского, обеспечившая его победу и выборы царя Михаила Федоровича, завершившие Смуту на Руси;

4) укрытие в стенах Лавры подростка – будущего императора всероссийского Петра I от мятежников во время стрельецких мятежей.

В ракурсе проблемы, рассматриваемой в статье, наиболее показателен второй эпизод, когда Лавра, став крепостью в окружении превосходящего противника, в течение шестнадцати месяцев выдерживала осаду, «стояв за веру», отразив несколько попыток штурма и доказав всей России возможность и необходимость сопротивления оккупантам. Разумеется, основной силой сопротивления были люди – воины и монахи, оборонявшие Лавру. На начальном этапе их было около 2400 (стрельцов, монахов и обывателей), противостоявших 15-тысячной армии Лжедмитрия II. Но двенадцать башен и стены, которые тогда уже были внушительными, хотя и несколько ниже, чем сейчас, сыграли свою роль, позволив сделать из монастыря крепость, опираясь на которую и ведя активную оборону, защитники Лавры продержались с сентября 1608 по январь 1610 года.

Таким образом, проведенный анализ наглядно показывает, что православные монастыри Москвы играли роль не только оплота веры, обучения, излечения и призрения [11]. Не менее важен их вклад в военную историю нашей Родины, что подтверждается их участием в многочисленных ситуациях обороны столицы и страны. В их хронологии тесно переплетается история Православия и государства Российского, история сохранения Руси и самоидентичности русского народа, противодействия захватчикам.

С точки зрения истории военного искусства, история монастырей – типичный пример применения технологий двойного назначения. И анализ примеров их использования в военное время позволяет сделать вывод, что технологии двойного назначения, это не ноу-хау современности, а давно и успешно используемый подход, историю которого нужно изучать и обобщать.

Литература и источники

1. Гуляницкий Н.Ф. Древнерусское градостроительство X–XV веков / Под ред. Н.Ф. Гуляницкого. - М.: Стройиздат, 1993. - 393 с.
2. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. - М.: Искусство, 1988. - 192 с.
3. Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: столица и провинция. - М., 1994. - 223 с.
4. Раппопорт П.А. Древние русские крепости. - М.: Наука, 1965. - 87 с.
5. Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV вв. - М.: Московский рабочий, 1957. - 181 с.
6. Шперк В.Ф. История фортификации. - М.: Библиотека инженера, 1957. - 353 с.
7. Левыкин В.И. Фортификация: прошлое и современность. - М.: Воениздат, 1987. - 159 с.
8. Величко К.И. Инженерная оборона государств и устройство крепостей. Ч.1. Сухопутные крепости. - СПб: Литография Тиханова, 1903. - 226 с.
9. Тиханычев О.В. Крепости веры, и не только... // Гуманитарные научные исследования. - 2016. - №4. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/04/14562>
10. Тиханычев О.В. Не просто крепость веры... // Гуманитарные научные исследования. - 2018. - № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2018/01/2476>
11. Паламарчук П.Г. Сорок сороков. Кремль и монастыри. - М.: АСТ: Астрель, 2003. - 501 с.

References and Sources

1. Gulyanickij N.F. Drevnerusskoe gradostroitel'stvo X–XV vekov / Pod red. N.F. Gulyanickogo. - M.: Strojizdat, 1993. - 393 s.
2. Kradin N.P. Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo. - M.: Iskusstvo, 1988. - 192 s.
3. Vygolov V.P. Nadvratnye hramy drevnej Rusi (problemy evolyucii i proiskhozhdeniya) // Pamyatniki russkoj arhitektury i monumental'nogo iskusstva: stolica i provinciya. - M., 1994. - 223 s.
4. Rappoport P.A. Drevnie russkie kreposti. - M.: Nauka, 1965. - 87 s.
5. Tihomirov M.N. Srednevekovaya Moskva v XIV–XV vv. - M.: Moskovskij rabochij, 1957. - 181 s.
6. Shperk V.F. Istoriya fortifikacii. - M.: Biblioteka inzhenera, 1957. - 353 s.
7. Levykin V.I. Fortifikaciya: proshloe i sovremennost'. - M.: Voenizdat, 1987. - 159 s.
8. Velichko K.I. Inzhenernaya oborona gosudarstv i ustrojstvo krepostej. CH.1. Suhoputnye kreposti. - SPb: Litografiya Tihanova, 1903. - 226 s.
9. Tihanychev O.V. Kreposti very, i ne tol'ko... // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. - 2016. - №4. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://human.snauka.ru/2016/04/14562>

10. Tihanychev O.V. Ne prosto krepost' very... // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. - 2018. - № 1. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://human.snauka.ru/2018/01/2476>

11. Palamarchuk P.G. Sorok sorokov. Kreml' i monastyri. - M.: AST: Astrel', 2003. - 501 s.

ТИХАНЫЧЕВА ЕВГЕНИЯ ОЛЕГОВНА – сотрудник Московского музея современного искусства, Россия (etikhanycheva@mail.ru)

ТИХАНЫЧЕВ ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ - кандидат технических наук, профессор, ГК «Техносерв» (tow65@yandex.ru)

TIKHANYCHEVA, EVGENIA O. – Employee of the Moscow Museum of Modern Art (etikhanycheva@mail.ru)

TIKHANYCHEV, OLEG V. – Ph.D. in Technical Sciences, Professor, Technoserv Group of Companies, Russia, Moscow (tow65@yandex.ru).

УДК 94(47).05«1695/1696»

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-38-42

БАКУРАДЗЕ А.Б., КАЗАРЕЗОВ И.В., ТРУТ В.П.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ КАЗАКОВ В АЗОВСКИХ ПОХОДАХ ПЕТРА I

Ключевые слова: казаки, казачество, русско-турецкие войны, Азовские походы Петра I, крепость Азов, Фрол Минаев, Яков Лизогуб.

В статье рассматривается проблема участия казаков в Азовских походах Петра I. Показано, что в конце XVII турецкая крепость Азов являлась одной из самых сильных крепостей своего времени. В этой связи, помимо регулярных войск к штурму было решено привлечь казаков – запорожских и, особенно, донских, хорошо знавших не только противника, но и театр будущих военных действий. Уже в ходе первого похода (1695), когда в военных действиях были задействованы около семи тысяч донских казаков и несколько тысяч запорожских казаков, казаки отличились взятием двух укрепленных каменных башен («каланчи»), расположенных на подходах к крепости. В ходе второго похода (1696), уже в самом начале осады крепости, отряд донских казаков отличился, разгромив турецкий морскую флотилию, направлявшуюся в Азов с солдатами и припасами. Большое значение для взятия крепости имела атака казаков 17 июля, в ходе которой им удалось ворваться на крепостной земляной вал, что по существу предредило падение крепости и общий успех похода. Обоснован вывод о том, что участие в Азовских походах знаменовало начало нового периода в истории казачества, связанного с его полным и окончательным включением в общероссийскую государственно-политическую систему.

BAKURADZE, A.B., KAZAREZOV, I.V., TRUT, V.P.

TO THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF THE COSSACKS IN THE AZOV CAMPAIGNS OF PETER I

Key words: Cossacks, Cossacks, Russian-Turkish wars, Azov campaigns of Peter I, Azov fortress, Frol Minaev, Yakov Lizogub.

The article deals with the problem of participation of the Cossacks in the Azov campaigns of Peter I. It is shown that at the end of the 17th century the Turkish fortress of Azov was one of the strongest fortresses of its time. In this regard, in addition to regular troops, it was decided to involve the Cossacks in the assault - Zaporozhye and, especially, Don Cossacks, who knew well not only the enemy, but also the theater of future military operations. Already during the first campaign (1695), when about seven thousand Don Cossacks and several thousand Zaporozhye Cossacks were involved in hostilities, the Cossacks distinguished themselves by taking two fortified stone towers ("kalanchi") located on the approaches to the fortress. During the second campaign (1696), already at the very beginning of the siege of the fortress, a detachment of Don Cossacks distinguished themselves by defeating the Turkish naval flotilla, heading to Azov with soldiers and supplies. Of great importance for the capture of the fortress was the attack of the Cossacks on July 17, during which they managed to break into the ramparts of the fortress, which essentially predetermined the fall of the fortress and the overall success of the campaign. The conclusion is substantiated that participation in the Azov campaigns marked the beginning of a new period in the history of the Cossacks, associated with its full and final inclusion in the all-Russian state-political system.

Первые военные походы русской армии во главе с Петром I на Азов в 1695 и 1696 гг., явились важными событиями в истории России, русской армии и истории казачества. Однако вопросы активного участия в этих походах донских и запорожских казаков, их достаточного вклада в общую победу над сильным противником, в историографии рассмотрены недостаточно полно и всесторонне. Одним из первых на это обратил внимание непосредственный участник Азовских походов, известный сподвижник Петра I вице-адмирал российского флота К.И. Крюйс, который очень высоко оценил и боевые качества казаков, и их роль в этих походах – особенно во взятии азовской крепости [1, с. 16].

В конце XVII турецкая крепость Азов являлась одной из самых сильных крепостей мира данного периода времени. По свидетельству очевидцев, крепость непосредственно располагала тремя линиями очень мощных укреплений – земляным валом со рвом и палисадом, прочной и широкой каменной стеной, которая огораживала крепость по всему её периметру и на которой располагалось одиннадцать каменных башен с бойницами и укрепленными высокими и прочными каменными стенами внутренним каменным замком – цитаделью с многочисленными бойницами. Крепостная артиллерия состояла из 130 орудий различного типа и калибра. Гарнизон Азова, насчитывавший в это время 7000 османских солдат за крепостными стенами, прикрывала достаточно многочисленная конница крымских татар. Для внешнего прикрытия и усиления

ИСТОРИЯ

азовской крепости, выше по течению – примерно в 2 километрах от азовской крепости – по обоим берегам Дона турками были построены две каменные башни («каланчи») с бойницами, вооруженные малокалиберными пушками и фальконетами, и оборонявшиеся гарнизонами. Они были соединены между собой тремя толстыми металлическими цепями, которые, при их натяжении, перегораживали реку и тем самым преграждали путь к устью Дона всех судов и лодок. Если возникала необходимость пропустить по Дону свои суда, то турки из состава гарнизона данных башен, просто опускали цепи в воду и открывали путь по реке.

Кроме того, в непосредственной близости от азовской крепости, в Донском лимане у пересохшего русла Мёртвого Донца возвышался турецкий каменный форт Лютик (казаки называли его «Лютик-городок»). Этот каменный крепостной форт представлял собой весьма серьёзное крепостное сооружение. Он имел четыре восьмиугольные башни с пушками разного калибра, снаружи был обнесён рвом и земляным валом и имел хорошо подготовленный крепостной гарнизон. То есть, и без того мощная Азовская крепость, имела целую сеть достаточно серьёзных вспомогательных каменных укреплений с артиллерией. Важным являлось и то, что турецкий флот имел постоянную возможность в любое время доставить в Азовскую крепость любую необходимую военную помощь со стороны Азовского моря и постоянно доставлял туда пополнения солдатами, артиллерией, боеприпасами, снаряжением и продовольствием [2, с. 13].

Царь Петр I весьма долго и тщательно готовился к военному походу на Азов. План похода был утвержден 6 февраля 1695 г. военным советом, который проходил в московском Пушечном дворе. Понимая важность и значимость азовского похода, Петр I предписал военачальникам держать подготовку к нему в строгой тайне. С целью дезинформации неприятеля, было принято решение формировать две армии, одну из которых, причём более многочисленную, предполагалось направить для демонстрационного отвлекающего манёвра по направлению к Крыму, а вторую, меньшую по своей численности, но укомплектованную самыми лучшими, подготовленными и боеспособными частями, двинуть непосредственно на Азов. Командование этой второй русской армией осуществлял коллективный орган «консилия» (военный совет) из трех генералов: А. М. Головина, Ф. Я. Лефорта и П. И. Гордона, каждый из которых командовал дивизией. Решения консилии вступали в силу лишь после согласия «бомбардира Преображенского полка Петра Алексея» [2, с. 16]. В планах Петра было и привлечение к штурму Азова и донских и запорожских казаков, при этом особое внимание обращалось именно на донцов, хорошо знавших противника и театр будущих военных действий. Поэтому 16 марта специальным распоряжением царя, направленным атаманам донских казаков, им предписывалось усиленно готовиться к совместному походу с русской армией на Азов, вести постоянное наблюдение за азовской крепостью, осуществлять разведку и ждать прибытия русских войск, после чего сразу же к ним присоединиться и совместно двигаться на Азов [3, с. 10-11].

Главные силы русской армии подошли к Азову 5 июля 1695 года, начав планомерную осаду крепости. Выполняя приказ царя, казачьи отряды присоединились к корпусу Гордона. Во время начавшейся осады примерно семь тысяч донских казаков и несколько тысяч запорожских казаков, о точной численности которых до сих пор ведутся дискуссии, расположились непосредственно у стен крепости со стороны моря, примыкая к флангу войск Лефорта. Казакам, совместно с русской кавалерией, удалось отсечь от крепости многотысячную татарскую конницу. При этом казакам, помимо участия непосредственно в осаде крепости, было поручено внимательно наблюдать за действиями неприятеля за её пределами и вести постоянную разведку и поиск «языков» [3, с. 14].

Однако действия русской армии сильно сковывали располагавшиеся по обоим берегам реки небольшие турецкие крепости – каменные башни-каланчи. Поэтому было принято решение захватить обе турецкие башни-каланчи. Принимая во внимание, что данная задача является очень трудной и опасной, в поисках добровольцев обратились к донским казакам. Казаки, не раздумывая изъявили своё желание пойти на штурм и выставили примерно 200 человек добровольцев. На рассвете 14 июля они переплыли Широкий ерик и скрытно подошли к башням-каланчам. На одной из них располагалось 15 артиллерийских орудий, а на другой – 21 пушка. К железным воротам одной из них казаки прикрепили бомбу-петарду, однако её взрыв не повредил ворота, а потому казакам пришлось броситься на штурм. Ведя сильный огонь, они прорвались к амбразурам одной из башен и железными ломачами стали разбивать в них проходы, отбивая при этом яростные атаки турок. Пробив проход, казаки ворвались непосредственно в крепость и в ходе ожесточённого боя

ИСТОРИЯ

захватили одну из башен. Известие о славной победе донских казаков быстро облетело русскую армию и вызвало восторг и царя, и офицеров, и всех солдат. В честь этой победы, по приказу Петра I во всех полках русской армии были отслужены благодарственные молебны и был даже произведён торжественный пушечный салют [2, с. 30]. Спустя несколько казаки заняли и вторую башню-каланчу вместе с находившимися там 21 пушкой и значительным боезапасом [3, с. 18]. Достигнутая победа обрадовала царя и воодушевила русские войска. Эти башни - каланча были названы Новосергиевской крепостью [3, с. 19].

Но штурм Азова 5 августа окончился неудачно. Начатый 25 сентября второй штурм также оказался неудачным. Однако при этом вновь отличились донские казаки, тысяча добровольцев которых вместе с Преображенским и Семеновским полками переправились через Дон и вошли в город. Но не получив вовремя необходимого подкрепления под натиском намного превосходящих турецких сил они вынуждены были с потерями отступить [4, с. 193]. Таким образом, первый Азовский поход завершился неудачей.

Весной 1696 года начался Второй Азовский поход. В этом походе самое активное участие вновь приняли и донские казаки, численность которых, по данным известного дореволюционного историка В.Д. Сухорукова, составляла 5 120 человек [5, с. 247]. Совместно с донцами в новой осаде Азова приняли участие и отряды запорожских казаков во главе с наказным гетманом Яковом Лизогубом. Донским Войсковым атаманом по-прежнему был Фрол Минаев, который пользовался полным доверием царя [4, с. 193].

Уже с конца мая началась осада Азова с суши. Первыми подступили к Азову полки Белгородского разряда и отряд донских казаков – 400 человек под командой походного атамана Лукьяна Савинова [2, с. 71]. В это время, 27 мая турецкая флотилия с солдатами и припасами двинулась к Азову. Увидев это, донцы на своих лодках-чайках, на одной из которых находился лично Петр I, смело на нее напали и в результате ожесточённого морского боя полностью разгромили турецкие военно-транспортные корабли тунбасы. Казаки атаковали и большие многопушечные турецкие корабли, в результате чего один из них был взят казаками на абордаж, а другой был брошен в панике турецким экипажем и сожжен казаками [4, с. 193].

Между тем осада Азова продолжалась. Успешно действовавшая русская артиллерия разбила внешние валы Азова, а пехота без устали возводила земляные укрепления, постепенно придвигая их все ближе к крепости. В результате, 16 июня возводимые русскими солдатами земляные холмы вплотную приблизились к крепостным рвам. Турецкому гарнизону крепости предложили сдаться, но в ответ загремели выстрелы по парламентару. На следующий день произошли решающие события. 17 июля без приказа командования русской армии, по собственной инициативе, осознавая важность взятия крепости и высокий уровень своей боевой подготовки и воинского умения, две тысячи донских казаков, во главе с атаманом Фролом Минаевым и несколько тысяч запорожцев во главе с наказным гетманом Яковом Лизогубом, осуществили неожиданную и дерзкую атаку неприятеля. Они внезапно атаковали неприятеля и в ходе короткого, но ожесточённого боя прорвали его оборону и ворвались на крепостной земляной вал. Выбив оттуда турок, они обратили их в бегство и преследовали их вплоть до каменной крепости. Однако здесь турки получили подмогу, остановились, и, перегруппировавшись, бросились в контратаку на казаков. Но донцы и запорожцы, заняли упорную оборону в захваченном недавно одном из угловых бастионов с четырьмя пушками и успешно отразили все отчаянные атаки турок. По свидетельству служившего переводчиком в русской армии П. Вульфа, эти действия казаков имели очень большое значение для успешного взятия крепости [6, с. 267].

Довольный успехом донцов, Петр I принял решение 22 июля осуществить общий генеральный штурм крепости. Но развернувшиеся вскоре важные события его предвосхитили. Проанализировав сложившееся положение, полностью осознав уязвимость крепости, что наглядно продемонстрировал смелый штурм казаков, турки поняли своё безвыходное положение и решили сдать город-крепость. Уже 18 июля командовавший азовским гарнизоном Гассан-бей заявил о готовности начать переговоры о сдаче крепости и капитуляции её гарнизона [3, с. 38-39]. И буквально на следующий день, 19 июля турки сложили все свои шестнадцать знамен к ногам Шеина, которому Петр I поручил принимать капитуляцию. Турецкий комендант Азовской крепости Гассан-бей передал Шеину также ключи от крепости и высказал благодарность за неукоснительное, точное и честное выполнение достигнутого накануне договора и обеспечение, в

ИСТОРИЯ

полном соответствии с ним, безопасности сдавшихся турецких солдат и возможности их беспрепятственной эвакуации [2, с. 83].

После этих событий положение турецкой крепости Люттик было практически предрешено, турки понимали всю бесперспективность её дальнейшей обороны. Крепостной гарнизон насчитывал 115 солдат и офицеров при тридцати одном орудии. Учитывая весьма серьёзные крепостные сооружения, это была достаточно немалая сила, и крепость вполне могла ещё продолжать обороняться. Однако падение Азова сильно повлияло и на её стратегическое положение, и на боевой дух её защитников. Турки понимали, что дальнейшее сопротивление было явно бесперспективным и отчасти даже бессмысленным, и вскоре гарнизон крепости сдался русским частям [2, с. 83]. В качестве важных трофеев русской армии досталась вся уцелевшая неприятельская артиллерия, насчитывавшая 127 турецких орудий, в том числе 92 пушки и 4 мортиры Азовской крепости и 31 орудие из форта Люттик, а также все турецкие запасы оружия, пороха, провианта и воинского снаряжения.

Об активном участии донских казаков во взятии Азова, их боевой доблести свидетельствует роспись от 2 января 1697 г. казаков разных донских казачьих поселений, получивших ранения в боевых действиях по овладению крепостью.

Таким образом, Азовские походы Петра I и взятие являвшейся турецким форпостом в Приазовье мощной турецкой крепости Азов имели очень важное значение для Русского государства и его дальнейшего развития. Участие в этих походах донских и запорожских казаков сыграло немалую роль в успешных действиях всей русской армии. Данные события стали также важной вехой и в истории казачества. Территория Донского края, фактически, вошла в состав Российской империи, а казаки стали широко привлекаться к боевым действиям как иррегулярные части вооружённых сил государства. Всё это фактически знаменовало начало нового периода в собственно истории казачества, трансформации его взаимоотношений с русским государством и царской властью и, тем самым, полного и окончательного включения казачества в общероссийскую государственно-политическую систему в качестве одного из её элементов.

Участие казаков в Азовских походах царя Петра I стало очередной славной страницей в его славной и героической истории. Современная историческая память потомков казаков и всего русского народа о беззаветном служении казачества своему Отечеству, совершённых ими подвигах, мужестве и героизме, высоком уровне военной организации и боевой подготовки самым непосредственным образом влияют на формирование важнейших элементов мировоззрения современной молодёжи, способствуют формированию у неё чувств патриотизма, готовности к защите Родины, понимания необходимости овладения соответствующим сегодняшним реалиям уровнем военной организации и современным навыками военного дела.

Литература и источники

1. *Крюйс К.И.* Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове (с некоторыми сведениями о казаках), учиненные по повелению Петра Великого вице-адмиралом К. Крюйсом с поднесением царевичу Алексею Петровичу // Памятная книжка Области войска Донского на 1903 год. - Новочеркасск, 1903.
2. *Луни́н Б.В., Потапов Н.И.* Азовские походы Петра I (1695 и 1696 гг.). - Ростов-н/Д., 1940.
3. *Норов Н.* Участие Донских казаков в Азовских походах Петра Великого 1695-1696 г. - Ростов-н/Д., 1872.
4. История Донского казачества. В 3-х т. Т.1. - Ростов-н/Д., 2020.
5. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание Земли Войска Донского. Новочеркасск, 1903 / Переизд. ред. Н.С. Коршиков, В.Н. Королёв. - Ростов-н/Д., 2001.
6. *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. - СПб., 1889.

References and Sources

1. Kryujs K.I. Razyskaniya o Done, Azovskom more, Voronezhe i Azove (s nekotorymi svedeniyami o kazakah), uchinennye po povelenuyu Petra Velikogo vice-admiralom K. Kryujsom s podneseniem carevichu Alekseju Petrovichu // Pamyatnaya knizhka Oblasti vojska Donskogo na 1903 god. - Novocherkassk, 1903.
2. Lunin B.V., Potapov N.I. Azovskie pohody Petra I (1695 i 1696 gg.). - Rostov-n/D., 1940.
3. Norov N. Uchastie Donskih kazakov v Azovskih pohodah Petra Velikogo 1695-1696 g. - Rostov-n/D., 1872.
4. Istoriya Donskogo kazachestva. V 3-h t. T.1. - Rostov-n/D., 2020.
5. Suhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo. Novocherkassk, 1903 / Pereizd. red. N.S. Korshikov, V.N. Korolyov. - Rostov-n/D., 2001.
6. Druzhinin V.G. Raskol na Donu v konce XVII veka. - SPb., 1889.

БАКУРАДЗЕ АНДРЕЙ БОНДОВИЧ - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ) (bondovich@mail.ru).

КАЗАРЕЗОВ ИГОРЬ ВАЛЕНТИНОВИЧ - кандидат политических наук, заместитель атамана Всероссийского казачьего общества (cazareзов_iv@yandex.ru).

ТРУТ ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ - доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ) (trut.vladimir@rambler.ru).

BAKURADZE, ANDREY B. - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History, Philosophy, Literature and Continuing Cossack Education, K.G. Razumovsky Moscow State Technical University (PKU) (bondovich@mail.ru).

KAZAREZOV, IGOR V. – Ph.D. in Political Sciences, Deputy Ataman of the All-Russian Cossack Society.

TRUT, VLADIMIR P. - Doctor of History, Professor, Senior Researcher at the Department of History, Philosophy, Literature and Continuing Cossack Education, K.G. Razumovsky Moscow State Technical University (PKU) (trut.vladimir@rambler.ru)

УДК 94(47).06:929Щербатов

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-42-46

СКОПА В.А. ИСТОРИЯ ПРОСВЕЩЕНЧЕСКОЙ МЫСЛИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М.М. ЩЕРБАТОВА

Ключевые слова: эпоха Просвещения, Российская империя, М.М. Щербатов, история культуры, исторический источник, природа человека.

В статье рассматривается история просвещенческой мысли в России на примере творческого наследия князя М.М. Щербатова. Показано, что идеология Просвещения представляла собой квинтэссенцию философского осмысления действительности и определения новых траекторий развития личности, общества и государства. Отмечается, что идейные воззрения М.М. Щербатова, который являлся одним из ярких представителей эпохи русского Просвещения второй половины XVIII века, охватывали такие сферы как история, политика, государственное устройство, общественные нравы, принципы сосуществования людей. На формирование просветительских воззрений М.М. Щербатова существенное влияние оказали труды Д'Аламбера, Ч. Беккариа, И. Зоннельфелса, Дж. Локка, Д. Юма. С позиции Просвещения интересны суждения М.М. Щербатова о сущности человека и его природе (работы «О пользе наук» и «Размышление о самстве»). По мнению автора, нравственно-философская тематика сочинений указывает на то, что князь в своем творчестве отразил ранние масонские увлечения.

SKOPA, V.A.

THE HISTORY OF ENLIGHTENMENT THOUGHT IN THE CREATIVE HERITAGE OF M.M. SHCHERBATOV

Key words: Age of Enlightenment, Russian Empire, M.M. Shcherbatov, history of culture, historical source, human nature.

The article deals with the history of enlightenment thought in Russia on the example of the creative heritage of Prince M.M. Shcherbatov. It is shown that the ideology of the Enlightenment was the quintessence of philosophical understanding of reality and the definition of new trajectories for the development of the individual, society and the state. It is noted that the ideological views of M.M. Shcherbatov, who was one of the brightest representatives of the era of the Russian Enlightenment in the second half of the 18th century, covered such areas as history, politics, government, social mores, and the principles of human coexistence. On the formation of educational views M.M. Shcherbatov was significantly influenced by the works of D'Alembert, C. Beccaria, I. Sonnelfels, J. Locke, D. Hume. From the perspective of the Enlightenment, the judgments of M.M. Shcherbatov about the essence of man and his nature (works "On the Usefulness of Sciences" and "Reflection on the Self"). According to the author, the moral-philosophical theme of the writings indicates that the prince reflected early Masonic passions in his work.

Просвещенный абсолютизм, как наивысшая точка русского Просвещения XVIII века, дал сильнейший толчок процессу научного познания, формированию национальной идеи, ее определению и, вместе с тем, оформлению основных направлений в науке, культуре и искусстве [16, с. 3-4]. Современные общественно-политические процессы заставляют сегодня вновь обращаться к этой эпохе, несущей в себе идеи гуманизма и рациональности, объясняющей роль человека в мире. Трансформация ценностей (государственных, общественных, семейных, личностных) актуализирует рассматриваемую эпоху, заставляя переосмыслить и по-иному взглянуть на мировоззренческие установки того времени, соотнося их с реалиями. В данном случае творческое наследие М.М. Щербатова позволяет это сделать весьма объективно и целостно.

Эпоха русского Просвещения немыслима без такой личности как Михаил Михайлович Щербатов – государственный, политический, общественный деятель, внесший серьезный вклад в развитие философской, научной и общественной мысли. В его научных и публицистических работах подняты актуальные и злободневные проблемы, связанные с современным ему государственным устройством, с общественными институтами, исследованы вопросы сосуществования государства и личности, духовно-нравственного развития человека и т.д.

Историография заявленной проблемы обширна и охватывает многие аспекты, касающиеся Просвещения, как социокультурного феномена, а также самого М.М. Щербатова. Из всего массива выявленных работ особо выделим исследования Н.Н. Алексева, И.А. Дмитриевой, С.Г. Калининой, И.А. Федосова, в которых повествуется о самом М.М. Щербатове и его административно-государственной службе [1, 7, 10, 12, 18]. Исследования Т.В. Артемьевой, М.И. Козловой, Б.А. Назаренко, Н.В. Серенченко посвящены анализу работ Щербатова в разрезе

исторического развития российского государства [4, 11, 13, 14, 17]. В самостоятельную группу можно выделить работы С.В. Артанухина, Т.В. Артемьевой, И.А. Болдырева, И.Я. Щипанова, касающиеся проблем философии русского Просвещения и истории философской мысли [2, 3, 5, 6, 21]. В целом, несмотря на такой солидный массив исследований, проблема – просветительская мысль в творческом наследии М.М. Щербатова, представляется актуальной и своевременной, поскольку не получила всестороннего научного освещения и требует проработки в контексте заявленной исторической эпохи – эпохи Просвещения.

Эпоха Просвещения – это исторический период, который охватывает XVIII – начало XIX столетий. Идеология Просвещения в первую очередь связана с философским осмыслением действительности и определением новых траекторий развития личности, общества, государства [8]. Как отмечали представители философской мысли эпохи Просвещения, в это время «формировались условия, на которых мысль о том, что с помощью человеческого разума можно изменить человека, превратить в то, каким он действительно должен быть» [11, с. 234-235].

Определение понятия «Просвещение» в философских воззрениях начала XVIII столетия представляло собой, прежде всего концепцию существования данного человеку Богом «естественного света» разума, который дает основание избавиться от «интеллектуальной слепоты и открыть истинную природу вещей» [15, с. 60-62]. Именно эту концептуальную основу использовал Декарт, оказавший немалое влияние своими воззрениями на М.М. Щербатова.

Центры философского Просвещения – Англия, Германия, Франция создавали принципиально новую основу в понимании того, что есть разум, а впоследствии наделяли «разум статусом высшего авторитета» [3, с. 115]. Следствием этого являлось утверждение мысли о том, что «носитель разума – это просвещённый гражданин». Именно в этом духе и шло построение всего сущего и, на тот момент времени, «правильного» [15, с. 63].

В Российской империи идеи Просвещения во многом были связаны с представителями французского общества и их просветителей – Руссо, Вольтера, Дидро. Немалое влияние на идеи русского Просвещения и собственно просветительскую мысль оказали деизм, масонство, а также становление академической науки [5, 6, 18]. Синтез общественного, философского и научного находил отражение в работах каждого, кто был причастен к эпохе Просвещения. Убежденность в решающей роли науки и разума побуждала просветителей по-новому понимать действительность и подходить с новым обоснованием к трактовкам происходящих процессов, а вместе с тем и иначе определять роль человека во всём этом, все больше и больше отводя ему доминирующее начало.

Однако важно заметить, что просветительские воззрения в Российской империи отличались от европейских. В России значительно большее внимание уделяли вопросам нравственного, эстетического и религиозного характера. Проблемы социального неравенства, имевшие место быть, входили в противоречие с крепостнической системой, что во многом находило отражение в художественных стилях – сентиментализме и классицизме, которые, в свою очередь, также пропагандировали просветительские идеи [20, с. 114]. Существенное влияние на дух русского Просвещения оказали абсолютизм, особенности абсолютной монархии с ее неистовым стержнем. Одна из стратегических задач именно русского Просвещения в этой связи отчасти заключалась в укреплении идей монархизма, незыблемости самодержавия, что во многом и порождало как проимперские суждения, так и оппозиционные воззрения [21, с. 117].

Одним из ярких представителей эпохи русского Просвещения второй половины XVIII века является М.М. Щербатов, идейные воззрения которого охватывали такие сферы как история, политика, государственное устройство, общественные нравы, принципы сосуществования людей. На формирование просветительских воззрений М.М. Щербатова существенное влияние оказали труды представителей эпохи Просвещения – Д'Аламбера, Ч. Беккариа, И. Зоннелфельса, Дж. Локка, Д. Юма, несущие в себе дух гуманизма и стремление к благосостоянию каждого гражданина и всего государства в целом, основанные на культе разума [7, 8]. Увлечение античной традицией также нашло отражение в его мировоззрении [14, 16].

Начало научно-творческой деятельности Щербатова приходится на конец 50-х – начало 60-х годов XVIII столетия. К числу наиболее известных можно отнести его работы «О надобности и пользе градских законов», «Слово о спокойствии души, взятое из Иппарха, философа пифагорейского», «Из мнений, рассуждений и нравоучительных наставлений господина Оксеншерна» [9].

Нравственно-философская тематика сочинений указывает на то, что Щербатов в своем творчестве отразил масонские увлечения. Однако в его сочинениях, при всей близости к масонству, отчетливо проступает стремление к логической ясности, к всесторонней обоснованности выводов. Это выгодно отличает М.М. Щербатова от идеологов масонства, как русского, так и европейского [2]. Так, хотя Щербатов в своем «Путешествие в землю Офирскую, 1784» предлагал, по существу, масонский вариант «духовной» религии – без догматической ее кодификации, без авторитетов, преданий и священных писаний, фактически без богослужений и духовенства, тем не менее он выражал известную долю сомнения в иррациональных началах религиозной жизни, в пресловутой масонской «тайне». Идеальные жители идеального государства – офирцы – после двухминутной общей молитвы и призыва церковного иерарха-санкерея («Вознесите молитвы свои к Вышнему») должны, по словам Щербатова, начать свой духовный диалог с богом, который символически изображался в Офирской земле в виде солнца. При этом, подчеркивал Щербатов, «тайности никакой в их молениях нет» [7].

По сравнению с масонскими «доказательствами бытия бога Щербатов значительно принижает элемент мистицизма: вера офирцев «основана на одном видимом величии деяний Божиих... основание веры ни от каких откровений или преданий происходит, но от самого размышления и очевидного зрания вещей» [7, с. 89]. Разумность оказывается, таким образом, эквивалентна религиозности. Исходя из этого, Щербатов с большим критическим пылом выступал против любых проявлений атеизма: «Богохульники у нас наказуются яко безумные; ибо кто не чувствует естества Божия по видимым ему тварям, тот иначе как безумным счестся не может» [7, с. 95]. С другой стороны, Щербатов подвергал осторожной рационалистической критике догматы и мифологемы христианского учения, которые в масонской идеологии, например, у того же Сен-Мартена, не опровергаются, а, наоборот, активно обосновываются. Так, Щербатов указывал, что догмат о сотворении мира в шесть дней противоречит христианскому же учению о совершенстве бога, который мог бы для этого затратить и не столь долгое время, а вполне ограничиться и кратким земным мгновением; противоречит божественному «всемогуществу», «всеблагости» и несовершенство его «тварей», в том числе и человека. В русло такой критики некоторых стереотипов религиозного сознания, критики, которая была чрезвычайно далека от того, чтобы поставить под вопрос саму религию и веру, вливается и возмущенное отрицание Щербатовым многих народных суеверий, религиозно-антропологических предрассудков. Историческая деятельность Петра I по искоренению последних получила высокую оценку Щербатова [6].

Таким образом, Щербатов, будучи по мировоззрению объективным идеалистом, в изложении своих взглядов тяготел к внецерковным формам религиозности и, в отличие от масонства, отрицательно относился к мистицизму, алхимии и сложной ритуально-магической обрядности [19, с. 87].

Чуть позже знакомство с Г.Ф. Миллером, его наставления подтолкнули князя к изучению и написанию истории собственной страны – «Истории Российской с древнейших времен» [20].

В 1767 г. по рекомендации Миллера Екатерина II назначила Щербатова на должность историографа, что во многом предопределило его последующую научную судьбу, а также оформление его просветительских взглядов.

Отдельный научный интерес представляют воззрения М. М. Щербатова на формы правления. В его представлениях монархия обеспечивает соблюдение интересов всех сторон, всех элементов социума. В то же время он отмечал, что злоупотребление монархом своей властью ведет к самовластью. В этой связи его критике подвергалась и эпоха просвещенного абсолютизма, причем он сближал правление Екатерины II с самовластьем.

Весьма интересны суждения М.М. Щербатова о сущности человека и его природе. В своих работах «О пользе наук» и «Размышление о самстве» М.М. Щербатов касался вопросов, связанных с познанием человека. Важность и значимость рассмотрения человека с точки зрения его познания Щербатов подчеркивал постоянно. Если воспитание, как утверждали европейские просветители, «делает» человека, то Щербатов признает главнейшим продуктом воспитания – способность объективного самопознания, а на его основе – самовоспитания. Во многом данный аспект является ключевой идеей воспитания личности эпохи Просвещения [8, 9]. Так, в сочинении «Письмо к вельможам» он бросает обвинение высшим чинам феодально-бюрократического Российского государства, обвиняя их как раз в отсутствии критического самопознания: «Не природа есть

причина ваших пороков, но незнание самого объяснения вашей должности, забвение самих себя и страсти ваши, иже соделывают из вас не людей, но неких чудовищ» [9].

Столь большое морально-психологическое, социальное и философское значение, которое Щербатов придавал познанию человеком самого себя, проявляется и в том, что он специально выделяет общие принципы, подходы к анализу человека. С одной стороны, описывая жизнь и смерть человека, он обращался к достоверным положениям естествознания, стараясь «взять себе в проводники науку и наивернейшие испытания» [5, с. 65]. С другой стороны, он призывал полагаться на «благость Божию» в познании человека и природы человеческой души: «Я во все времена моей жизни полагался на благость Божию и бессмертие души почитал яко драгоценный дар нашего создателя» [17, с. 158]. В уста Никиты Федоровича Коковинского – персонажа его философического «Разговора о бессмертии души» Щербатов вкладывает немалую долю сомнения в правомерности научной постановки проблемы человека и, прежде всего, важнейшего вопроса о природе человеческой души, сознания в отношении к телу и его органам. «Как возможно, - говорил он, - чтобы через науку, имеющую себе в предмет единые тела, могли до познания невещественные вещи достигнуть?» [17, с. 184].

Затрагивая проблему взаимного сосуществования человека и государства, в контексте духа Просвещения, М.М. Щербатов уделял немалое внимание правовым аспектам государства, как института. Он полагал, что орган законодательной власти в законотворчестве обязан учитывать географическое положение государства, обычаи и нравы народов России, конфессиональные основы. Изучая природу государства и его институты, М.М. Щербатов выделял свойственные пороки данных структур, в частности, критически относился к действиям Уложенной комиссии.

Таким образом, просветительская мысль в творческом наследии М.М. Щербатова находит свое отражение фактически в каждом произведении. Влияние философии европейского Просвещения позволило Щербатову подходить к рассматриваемым проблемам в духе рационалистического объективизма. Несмотря на его консерватизм и принадлежность к патриархально-консервативному крылу русского Просвещения, идейные воззрения князя содержат в себе важные концептуальные основы государственного устройства, эволюции нравственности человека и миропорядка.

Литература и источники

1. *Алексеев Н.Н.* Российская империя в ее исторических истоках и идеологических предпосылках. Отдел третий: Политическая идеология различных классов русского общества в XVIII в. // Русский исторический журнал. - 1999. - Т. II. - № 3. - С. 117-156.
2. *Артанухин С.В.* Философские и общественно-политические взгляды русских масонов второй половины XVIII - первой четверти XIX вв.: Дис. ... докт. филос. наук. - Екатеринбург, 1996. - 391 с.
3. *Артемова Т.В.* История метафизики в России в XVIII веке. - СПб., 1996. - 215 с.
4. *Артемова Т.В.* Новая Атлантида Михаила Щербатова // Вопросы философии. - 2000. - № 10. - С. 104-108.
5. *Артемова Т.В.* Теория «Естественного права» как философское основание русской социально-политической мысли второй половины XVIII в. // Философия и освободительное движение в России. Межвузовский сборник. - Л., 1989. - С. 115-129.
6. *Болдырев А.И.* Проблема человека в русской философии XVIII века. - М., 1986. - 122 с.
7. *Вагеманс Э.* К истории русской политической мысли: М.М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. - 1989. - № 4.
8. *Дмитриева И.А.* Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790) // Историки России: Биографии. - М., 2001. - С. 41-47.
9. *Дьяконов М.А.* Выдающийся русский публицист XVIII века // Вестник права. - 1904. - Кн.7. - С. 1-27.
10. *Ермичев А.А.* Имена и сюжеты русской философии. - СПб., 2014. - 285 с.
11. *Калинина С.Г.* Государственная деятельность М.М. Щербатова: идеи и практика. 1767-1790 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. - М., 2004. - 194 с.
12. *Калинина С.Г.* Историографические проблемы изучения жизни и творческого наследия князя М. М. Щербатова // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. - М., 2002. - С. 233-237.
13. *Калинина С.Г.* Проблемы реконструкции биографии князя М.М. Щербатова // Архив русской истории. - М., 2002. - Вып. 7. - С. 125-148.
14. *Козлова М.И.* Изучение творчества М.М. Щербатова советской историографией // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (Тамбов). - 2012. - № 11 (25). - В 2 ч. - Ч. I. - 92-94.
15. *Назаренко Б.А.* Государственно-правовые взгляды М.М. Щербатова (Историко-правовое исследование). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 22 с.
16. *Посконин В.В.* Естественно-правовые воззрения М.М. Щербатова и А.П. Сумарокова // Известия ВУЗов. Правоведение. - 1980. - № 6. - С. 58-64.
17. *Рустам-Заде З.П.* М.М. Щербатов, его публицистические и литературно-художественные произведения: Дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1967. - 294 с.
18. *Серенченко Н.В.* Консерватизм князя М.М. Щербатова // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. - М., 2006. - Ч. 3. - 251 с.
19. *Федосов И.А.* Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. - М., 1967. - 293 с.

20. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. - СПб, 1770-1791. - Т. 1-7.
21. Щипанов И.Я. Общественно-политические и философские воззрения русских просветителей второй половины XVIII в. // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. В 2-х т. - Т. 2. - М., 1955. - 351 с.

References and Sources

1. Alekseev N.N. Rossijskaya imperiya v ee istoricheskikh istokah i ideologicheskikh predposylkah. Otdel tretij: Politicheskaya ideologiya razlichnykh klassov russkogo obshchestva v XVIII v. // Russkij istoricheskij zhurnal. - 1999. - Т. II. - № 3. - С. 117-156.
2. Artanuhin S.V. Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady russkikh masonov vtoroj poloviny XVIII - pervoj chetverti XIX vv.: Dis. ... dokt. filos. nauk. - Ekaterinburg, 1996. - 391 s.
3. Artem'eva T.V. Istoriya metafiziki v Rossii v XVIII veke. - SPb., 1996. - 215 s.
4. Artem'eva T.V. Novaya Atlantida Mihaila Shcherbatova // Voprosy filosofii. - 2000. - № 10. - С. 104-108.
5. Artem'eva T.V. Teoriya «Estestvennogo prava» kak filosofskoe osnovanie russkoj social'no-politicheskoy mysli vtoroj poloviny XVIII v. // Filosofiya i osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Mezhdvuzovskij sbornik. - L., 1989. - С. 115-129.
6. Boldyrev A.I. Problema cheloveka v russkoj filosofii XVIII veka. - M., 1986. - 122 s.
7. Vagemans E. K istorii russkoj politicheskoy mysli: M.M. Shcherbatov i ego «Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu» // Russkaya literatura. - 1989. - № 4.
8. Dmitrieva I.A. Shcherbatov Mihail Mihajlovich (1733–1790) // Istoriki Rossii: Biografii. - M., 2001. - С. 41-47.
9. D'yakonov M.A. Vydayushchijysya russkij publicist XVIII veka // Vestnik prava. - 1904. - Kn.7. - С. 1-27.
10. Ermichev A.A. Imena i syuzhety russkoj filosofii. - SPb., 2014. - 285 s.
11. Kalinina S.G. Gosudarstvennaya deyatel'nost' M.M. Shcherbatova: idei i praktika. 1767-1790 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. - M., 2004. - 194 s.
12. Kalinina S.G. Istoriograficheskie problemy izucheniya zhizni i tvorcheskogo naslediya knyazy M.M. Shcherbatova // Istocnikovovedenie i istoriografiya v mire gumanitarnogo znaniya. - M., 2002. - С. 233-237.
13. Kalinina S.G. Problemy rekonstrukcii biografii knyazy M.M. Shcherbatova // Arhiv russkoj istorii. - M., 2002. - Vyp. 7. - С. 125-148.
14. Kozlova M.I. Izuchenie tvorchestva M.M. Shcherbatova sovetskoj istoriografiej // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Tambov). - 2012. - № 11 (25). - V 2 ch. - Ch. I. - 92-94.
15. Nazarenko B.A. Gosudarstvenno-pravovye vzglyady M.M. Shcherbatova (Istoriko-pravovoe issledovanie). Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2009. - 22 s.
16. Poskonin V.V. Estestvenno-pravovye vozzreniya M.M. Shcherbatova i A.P. Sumarokova // Izvestiya VUZov. Pravovedenie. -1980. - №6. -С.58-64.
17. Rustam-Zade Z.P. M.M. Shcherbatov, ego publicisticheskie i literaturno-hudozhestvennye proizvedeniya: Dis. ... kand. filol. nauk. - L., 1967. - 294 s.
18. Serenchenko N.V. Konservatizm knyazy M.M. Shcherbatova // Filosofiya hozyajstva. Al'manah Centra obshchestvennykh nauk i ekonomicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova. - M., 2006. - Ch. 3. - 251 s.
19. Fedosov I.A. Iz istorii russkoj obshchestvennoj mysli XVIII stoletiya. M.M. Shcherbatov. - M., 1967. - 293 s.
20. Shcherbatov M.M. Istoriya Rossijskaya ot drevnejshih времен. - SPb, 1770-1791. - Т. 1-7.
21. Shchipanov I.Ya. Obshchestvenno-politicheskie i filosofskie vozzreniya russkikh просветителей vtoroj poloviny XVIII v. // Ocherki po istorii filosofskoj i obshchestvenno-politicheskoy mysli narodov SSSR. V 2-h t. - Т. 2. - М., 1955. - 351 s.

СКОПА ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ - доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Алтайского государственного педагогического университета (sverhtitan@rambler.ru).

SKOPA, VITALY A. - Doctor in History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Altai State Pedagogical University (sverhtitan@rambler.ru).

УДК 94(47).07:377.5

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-46-51

ИБНЕЕВА Г.В., ШАКИРОВА А.И. ФИНАНСИРОВАНИЕ И МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА УЕЗДНЫХ УЧИЛИЩ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: Казанская губерния, уездные училища, народное образование, материально-техническая база, финансирование, благотворительность.

Статья посвящена малоизученному аспекту истории становления отечественного школьного образования. На основе архивных материалов были выявлены особенности финансирования уездных училищ Казанской губернии в первой половине XIX в., а также представлена характеристика их материально-технической базы. Авторами анализируются результаты попыток государственной власти решить проблему финансирования уездных училищ за счет привлечения средств благотворительных обществ и организаций. Раскрыты различные формы и способы привлечения негосударственных средств для решения проблемы. Авторы приходят к выводу, что ведущим источником пополнения училищного бюджета было государственное финансирование. Привлечение средств местных благотворителей, как правило, было недостаточным для эффективного функционирования уездных училищ.

IBNEEVA, G.V., SHAKIROVA, A.I. FINANCING AND MATERIAL AND TECHNICAL BASE OF DISTRICT SCHOOLS OF THE KAZAN PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Key words: Kazan province, district schools, public education, material and technical base, financing, philanthropy.

The article is devoted to a little-studied aspect of the history of national school education. On the basis of archival materials, the sources and features of financing the district schools of the Kazan province in the first half of the 19th century were studied, as well as a description of their material and technical base. The authors analyze the results of attempts by the state authorities to solve the problem of financing district schools by attracting funds from charitable societies and organizations. Various forms and methods of attracting non-state funds to solve the problem are disclosed. The authors come to the conclusion that state funding was the leading one when using the funds of local philanthropists, which, as a rule, were not always enough for the effective functioning of district schools.

ИСТОРИЯ

В ряду серьезных преобразований общественной жизни Российской империи в первой половине XIX века важное место занимали вопросы реформирования системы образования. При сохранении сословной структуры общества складывавшаяся школьная система должна была приспособиться к реалиям существующей социально-политической системы. Это обстоятельство обусловило наличие в России многообразия типов начальных школ [1, с. 60].

В течение всего XIX в. среди различных типов российской начальной школы, как по своему статусу (выполнение функции главной начальной школы в уезде), так и по организации учебного процесса (повышенный уровень знаний) особо выделялись уездные училища. На территории Казанской губернии в первой половине XIX в. начали функционировать двенадцать уездных училищ: Казанское, Чебоксарское, Чистопольское, Ядринское, Козьмодемьянское, Царевококшайское, Лайшевское, Мамадышское, Свияжское, Спасское, Тетюшское, Цивильское уездные училища.

Основой для успешного функционирования и развития учебных заведений являлось наличие прочной и стабильной материальной базы. Формирование абсолютно нового типа начальных школ требовало значительных финансовых вложений. Поэтому состояние материальной базы во многом зависело от не только от органов управления, отвечавших за благосостояние учебных заведений, но и об широкой общественности.

До утверждения устава 1804 г. государство не брало на себя обязательств по финансированию народных училищ. Материальным и финансовым оснащением учебных заведений начальной ступени занимались приказы общественного призрения, которые, как правило, должны были самостоятельно искать средства на обеспечение школ. Однако с начала XIX в. приказы общественного призрения стали небрежно относиться к оснащению училищ книгами и пособиями. Особенно плачевным являлось и состояние уже обветшалых училищных домов, как правило, тесных и неудобных. Приказы постоянно задерживали и без того уменьшавшиеся суммы на освещение, отопление и ремонт.

Устоявшаяся практика показывает, что, как правило, большая часть сумм, выделявшихся приказами общественного призрения на содержание народных училищ, шла на оснащение главного училища. Малые училища фактически оставались без сколько-нибудь существенного финансирования. Поэтому в 1807 г. по ходатайству министра народного просвещения Министерство народного просвещения предписало приказу отпускать ежегодно по 4000 руб.: 2000 руб. – на четыре малых училища, 2000 руб. – на главное [2, л. 51]. Однако данной суммы было явно недостаточно, учитывая, что она не увеличивалась в течение многих последующих лет. Это, возможно, объяснялось переходным статусом данных учебных заведений. Считалось, что по новому Уставу 1804 г., главные и малые училища, долженствующие стать уездными училищами, перешли в ведомство Министерства народного просвещения. Однако на деле казенных средств для училищ Казанской губернии не выделялось, поскольку они еще не получили статус уездных училищ. Перемены в материальном положении происходили крайне медленно, и потому в первой четверти XIX века народные училища Казанской губернии влачили жалкое существование.

Статус уездных училищ учебные заведения Казанской губернии получили лишь в 1817–1819 гг. С этого времени начинает также проявляться тенденция к увеличению финансовых средств, выделявшихся для нужд уездных училищ. Так, «Предварительные правила» народного просвещения» 1804 г. устанавливали, что уездные училища содержатся за счет доходов городских обществ вместе с государственным ассигнованием [3, с. 803]. В зависимости от дороговизны содержания уездных училищ в разных губерниях, все уездные училища губернии были разделены на три разряда. В губерниях первого разряда на содержание училищ по штату предполагалось 1600 руб. в год, в губерниях второго разряда – 1410 руб., третьего – 1250 рублей. Казанская губерния относилась к третьему разряду. В результате, средства местных училищ здесь были весьма ограниченными, причем все финансирование, как правило, уходило на оплату годового жалованья уездному смотрителю училищ – 400 руб., двум учителям – по 150 руб. каждому, законоучителю – 100 руб., учителю рисования – 100 руб. Кроме того, выделялось 350 руб. на содержание училищного здания и «прочие расходы» [4, с. 563].

Наиболее информативным источником при изучении вопросов финансирования и материально-технической базы уездных училищ Казанской губернии является делопроизводственная документация, отложившаяся в Государственном Архиве Республики

Татарстан. Среди находящихся здесь документов особое место занимают отчеты о приходах и расходах народных училищ Казанской губернии, которые, помимо общих сведений об ассигновании средств для уездных школ, включают также подробные статьи расходов на определенные нужды школ. Анализ данного вида источников дал возможность оценить финансовое и материальное благосостояние изучаемых типов учебных заведений в первой половине XIX века.

Согласно отчетам о приходах и расходах народных училищ Казанской губернии, средства для училищ отпускались три раза в год. Но этого казенного финансирования было крайне недостаточно для нормального функционирования уездных училищ, поскольку оно не предполагало ни покупку, ни аренду училищного дома. Другими словами, местные училищные чиновники должны были сами изыскивать на это средства, в связи с чем организация самих училищ без какой-либо благотворительной помощи была невозможной.

На протяжении всего изучаемого периода губернское и училищное начальство пыталось пробудить инициативу благотворителей для оказания материальной и финансовой помощи школам. Пополнить материальную базу училищ власти надеялись за счет благотворительной помощи городских сообществ и частной благотворительности состоятельных граждан. Так, в 1805 г. казанским губернатором Б.А. Мансуровым было направлено предписание в уездные городские сообщества, в котором жителей губернии призывали к пожертвованиям в пользу уездных училищ. Предполагалось собрать со всего городского общества средства, которые мог по возможности выделить каждый из горожан на организацию уездных училищ [5, л. 92].

К сожалению, ни городские думы, ни жители не располагали средствами на организацию училищ. Для них представлялось фактически невозможным одновременно финансировать и уездные, и приходские училища. В связи с этим, думы отдавали предпочтение приходским училищам, полагая, что государственного финансирования будет достаточно для содержания уездных училищ. Нежелание городских сообществ участвовать в финансировании уездных училищ, как правило, объяснялось «бедностью и малолюдством» уездных городов. Так, ядринский городничий П. Ермолаев в 1815 г. сообщал, что, ввиду малочисленности купцов и мещан в уезде, излишние городские средства отсутствуют. В связи с вышеизложенным, дополнительное финансирование уездных училищ становится невозможным [2, л. 51]. Таким образом, несмотря на все предпринимавшиеся на местах меры, размеры пожертвований в пользу уездных училищ были незначительны.

Неблагоприятное материальное состояние училищ Казанской губернии отразилось и на численности учащихся, которая в первые десятилетия составляла в среднем 80–120 учеников год, редко достигая 150. В целом, по России в начале XIX века наблюдалось снижение числа учащихся в сравнении с концом XVIII столетия. Чиновники, проводившие ревизию в это время, не раз отмечали, что жители охотнее отдадут своих детей к частным учителям, нежели в народные училища. Причины подобной низкой наполняемости училищ учениками, ревизоры видели в «не столько слабой уверенности в пользе дальнейшего просвещения, сколько в бедности их родителей и воспитателей» [2, л. 51]. Несмотря на то, что получение образования в училище декларировалось как бесплатное, в действительности обучение в нем сопровождалось определенными материальными затратами со стороны семьи ученика. Каждый ученик обязан был приобрести соответствующие книги и принадлежности, что не каждый родитель мог себе позволить.

Желая замотивировать зажиточную часть населения к пожертвованиям, Министерство народного просвещения в 1816 г. издало постановление «О наградах для благотворителей училищ», в котором определялись поощрения и награды для меценатов в зависимости от внесенных средств. Так, за небольшие денежные пожертвования имя благотворителя записывали в училищную книгу, за внесенную сумму в 3000 руб. – в актовом зале школы помещали портрет мецената. За 5000 руб. жертвователю объявлялось высочайшее благоволение за личной подписью императора, либо он награждался золотой медалью [6, с. 930]. Однако и этот указ оказался мало результативным: он не обеспечил поступления достаточной финансовой поддержки учебным заведениям.

Другим дополнительным источником дохода стало введение в феврале 1819 г. платы за обучение в уездных училищах в размере 10 руб. в год. В постановлении Министерства народного просвещения «О назначении платы за учение по тем училищам, где сие окажется нужным»

указывалось, что уездные училища, несмотря на «якобы выделяемые финансовые средства от городских дум», в действительности оставались на одном содержании от государственной казны. В связи с этим отмечался явный недостаток финансирования училищ [7, с. 286]. Министерство народного просвещения полагало, что введение платы за обучение закроет брешь в материальном обеспечении школ. Планировалось, что уездные училища смогут обустроить удобные помещения, укомплектовать школьные библиотеки, увеличить жалованье и пенсии педагогам. Однако из-за малочисленности учеников в провинциальных уездных школах надежды на изменение скудного материального положения училищ были не оправданы.

Важным способом привлечения дополнительных средств со стороны меценатов стало издание в 1811 г. постановления Министерства народного просвещения «О почетных смотрителях». Согласно данному постановлению, вводился новый институт почетных смотрителей, которые, как правило, назначались из числа местных помещиков. Появление в училищах почетных смотрителей облегчало решение ряда проблем, в том числе финансового свойства. Смотрители помогали обратить на училища общественное внимание, жертвовали свои средства и привлекали пожертвования других лиц, чтобы снабдить эти заведения необходимыми пособиями, обеспечить условия для работы штатных смотрителей и учителей [8, с. 666]. Труд почетных смотрителей приравнивался к государственной службе и давал возможность получать различные чины и награды [9, л. 136]. Кандидатуру на эту должность утверждал сам министр народного просвещения. Устав 1828 г. подтвердил компетенцию почетных смотрителей. Однако должность почетного смотрителя не включалась в систему административного управления училищами. Смотрители добровольно принимали на себя обязанности по оказанию финансовой помощи школам.

В Казанской губернии в первой половине XIX в. почетными смотрителями уездных училищ, как правило, являлись бывшие военные, отставные чиновники и купцы. Судя по сохранившимся архивным ведомостям первой половины XIX в., должность почетных попечителей они занимали недолго. Как правило, внесенные ими суммы составляли в среднем от 10 до 150 руб. в год. Соответственно, подобные небольшие суммы не могли сильно повлиять на материальное благосостояние училищ. Вместе с тем, были и исключения. Так, в 1834 г. почетный смотритель Мамадышского уездного училища Николай Афанасьев обязался выплачивать не менее 300 руб. в год [10, л. 9].

При несоблюдении правила по привлечению дополнительных финансов почетных смотрителей освобождали от занимаемой должности. Продолжительное время на должности почетных смотрителей в первой половине XIX в. состояли: в Чистопольском училище – П.А. Буженинов (1839–1853), в Ядринском и Козьмодемьянском – Н.С. Арцыбишев (1818–1832), в Чебоксарском – В.С. Посыпкин (1812–1820) [11, с. 49]. Примечательно, что во многих письмах попечителю Казанского учебного округа за первую половину XIX в., где директора народных училищ рапортовали о благотворителях начальных школ, пожертвования вышеуказанных лиц упоминались как одни из самых значимых вкладов в благосостояние уездных училищ. Так, В.С. Посыпкин в 1812 г. сделал единовременный взнос в пользу Чебоксарского училища в 1000 руб. и обязался выплачивать по 200 руб. каждый год на оснащение уездного училища. П.А. Буженинов взял на себя расходы по найму и строительству помещения для нового училища, по покупке учебных книг и выплате жалованья учителям, а Н.С. Арцыбишев ежегодно в течение десяти лет вносил по 200 руб. [12, л. 74]. Все вышесказанное дает возможность констатировать факт успешной и активной деятельности упомянутых лиц по улучшению финансового благосостояния начальных школ.

Одной из наиболее уязвимых статей финансирования функционирования уездных училищ являлись учебные помещения. Обычно уездные училища Казанской губернии не имели специально оборудованных школьных помещений. Изначально они располагались в общественных зданиях, которые принадлежали Приказам общественного призрения или городским жителям, чьи дома сдавались в наем (как Ядринское, Козьмодемьянское, Чистопольское училища в первые десятилетия своего существования). Все они были плохо приспособлены для полноценного обучения [10, л. 4].

Как правило, в училищных зданиях вместе с классным помещением помещались квартиры учителей. Ввиду того, что зачастую в училищах отсутствовали свободные комнаты, некоторым

ИСТОРИЯ

преподавателям приходилось располагаться прямо в классе. В сложных условиях, например, находилось уездное училище в Козьмодемьянске. В своем отчете по посещению Козьмодемьянского уездного училища в 1812 г. штатный смотритель В.С. Поликарпов описывал состояние училищного класса как не способного вместить всех учеников. Он писал, что из-за многочисленности учащихся и тесноты помещения занятия проходили в душной обстановке, вредной для здоровья. Отмечалось, что само здание было ветхим и растрескавшимся, а также «весьма неудобным для училища и для проживания».

Ввиду отсутствия достаточных училищных средств выбор здания для расположения уездных училищ, во многом, зависел от финансирования и распоряжений городского общества. Часто уездные училища располагались в одном доме с сиротским судом, городским магистратом и другими органами местного самоуправления. Так, Чебоксарскому уездному училищу в 1826 г. было отведено городское общественное здание [12, л. 74]. Некоторые из уездных училищ Казанской губернии, такие как Ядринское, Чистопольское и Козьмодемьянское училища, размещались до середины 20-х гг. XIX в. в арендуемых частных домах за 120–170 руб. в год [13, л. 4]. Эти арендованные дома, как правило, представляли собой небольшие по размеру классные помещения, в которые сложно было вместить всех желающих пройти обучение в уездном училище [14, л. 15]. В связи с тем, что затраты на содержание училищных домов не предусматривались уставами, долгое время эти здания оставались в состоянии упадка.

Лишь во второй четверти XIX в. за счет накопленных средств с продажи книг, платы за обучение и пожертвований со стороны городского населения, для ряда училищ стало возможным провести ремонтные работы. Вместе с тем, для некоторых школ, функционировавших еще с начала XIX в., стало возможным приобрести новые здания, которые больше подходили под нужды уездных училищ. Так, например, в Казанской губернии в 1818 г. был приобретен каменный дом для Цивильского училища, в 1839 г. – деревянный дом для Козьмодемьянского училища [5, л. 92].

Касаясь проблемы училищных зданий, стоит также отметить новое явление в благотворительной деятельности городского населения в пользу уездных училищ. Так, новые уездные училища, открывавшиеся в 1816–1818 гг. (Мамадышское, Лаишевское, Царевококшайское и т.д.), расположились в домах, которые были пожертвованы местными меценатами [12, л. 74]. В частности, из 6 новых уездных училищ 5 обустроились именно в таких домах. Особым событием в жизни Лаишевского уездного училища стало пожертвование в июне 1823 г. Петром Сергеевичем Кондыревым деревянного дома для нужд училища, за что тот был награжден золотой медалью. В письме Дирекции училищ попечителю Казанского учебного округа М.Л. Магницкому о пожертвовании деревянного дома от 27 июня 1823 г. представлен подробный план и фасад здания, который был впоследствии использован как основное здание училища [13, л. 4].

Другим видом благотворительности стали пожертвования в виде книг. Весомый вклад в дело развития училищных библиотек внес один из чебоксарских меценатов Д.А. Васильев. В 1827 г. он пожертвовал в адрес Чебоксарского уездного училища 69 учебных пособий ценою 406 руб. 22 коп. [11, л. 74]. Это событие послужило отправной точкой развития книжного дела в уезде. Вышеупомянутый П. Кондырев в 1818 г. приобрел для Ядринского уездного училища 27 учебных книг. Для училища стало хорошей традицией дальнейшее расширение библиотеки [15, л. 83].

Однако, пожалуй, самым распространенным видом пожертвований стали денежные выплаты. Так, значительный взнос в виде 480 руб. в пользу Свияжского уездного училища внес Я.И. Коробов в 1833 г. [15, л. 8]. Вместе с тем, благотворительность подобного масштаба была редким явлением. Как уже отмечалось ранее, основная часть денежных пожертвований не превышала 100–150 рублей. Поэтому чаще всего надежды улучшения материального состояния уездных училищ за счет благотворительной поддержки дворянства и купечества не оправдывались.

В итоге, согласно отчетам о приходах и расходах уездных училищ Казанской губернии за вторую четверть XIX в., большая часть училищных денег, выданных казной, уходила на жалование преподавателям, смотрителю и сторожу уездных училищ (около 70% от общей сметы). Меньшая часть средств (около 30%) уходила на наем училищного здания, покупку канцелярских принадлежностей, свечей, дров, книг для училищной библиотеки и т.д. Таким образом, казна практически полностью финансировала уездные училища на протяжении всей первой половины XIX

века. Если говорить о материальной поддержке со стороны горожан, то для городских дум основным объектом расходования денежных средств были приходские училища. Ввиду этого, думы, как правило, ограничивались лишь выделением средств уездным училищам на аренду самого училищного здания, оставляя содержание уездных училищ за государством. Стоит отметить, что при отсутствии финансов, а также нехватке преподавателей уездные училища могли длительное время не функционировать. Так, в связи вышеперечисленными проблемами, в 1814 г. почти на полтора года было закрыто Царевококшайское уездное училище [13, л. 4].

Таким образом, в первой половине XIX в. сложилась разносторонняя система финансирования школьного образования. Среди источников финансирования уездных училищ Казанской губернии были: государственная казна, Приказ общественного призрения (до 1810-х гг.), ученики уездных училищ, оплачивавшие свое обучение, городские общества. Их дополняли пожертвования попечителей, частных лиц и благотворительных обществ. На различных этапах доминировали различные источники финансирования. Однако, в целом, на протяжении длительного времени, основу финансирования уездных училищ Казанской губернии составляли государственные ассигнования. И поскольку, как правило, денежные средства выделялись по остаточному принципу, существовавшего бюджета не хватало для решения материально-технических проблем уездных училищ. Именно поэтому была востребована выработанная в качестве антикризисной меры система благотворительной помощи.

Литература и источники

1. Неупокоев И.В. Управление школьным делом в Tobольской губернии в конце XVIII – начале XX вв. // Образование и наука. - 2013. - № 1.
2. Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 160. Оп. 1. Д. 528.
3. Предварительные правила народного просвещения // ПСЗ. - Собр. 1. - Т. 27. - СПб., 1803. - № 20597.
4. О примерном исчислении сумм на казодогодное содержание Университетов, Гимназий и Уездных Училищ в России // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. - СПб., 1864. - Т. 1.
5. ГАРТ. Ф.92. Оп. 1. Д. 231.
6. О наградах для благотворителей училищ // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. - СПб., 1864. - Т. 1.
7. О назначении платы за учение по тем училищам, где сие окажется нужным // Журнал Министерства народного просвещения. - 1821. - Ч. 2.
8. Относительно назначения при уездных училищах Почетных смотрителей // ПСЗ. - Собр. 1. - СПб., 1811. - № 24754.
9. ГАРТ. Ф.92 Оп. 1. Д. 479.
10. ГАРТ. Ф.160. Оп. 1. Д. 235.
11. Суходоев Н.С. Начальное образование в городах Казанской губернии во второй половине XIX– начале XX вв.: дис ... канд. ист наук. - Казань, 2002.
12. ГАРТ. Ф.160. Оп. 1. Д. 636.
13. ГАРТ. Ф.160. Оп. 1. Д. 159.
14. ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 93.
15. ГАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 317.

References and Sources

1. Neupokoev I.V. Upravlenie shkol'nym delom v Tobol'skoj gubernii v konce XVIII – nachale XX vv. // Obrazovanie i nauka. - 2013. - № 1.
2. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan (GART). F. 160. Op. 1. D. 528.
3. Predvaritel'nye pravila narodnogo prosveshcheniya // PSZ. - Sobr. 1. - T. 27. - SPb., 1803. - № 20597.
4. O primernom ischislenii summ na kazhdogodnoe sodержanie Universitetov, Gimnazij i Uezdnyh Uchilishch v Rossii // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. - SPb., 1864. - T. 1.
5. GART. F.92. Op. 1. D. 231.
6. O nagradah dlya blagotvoritelej uchilishch // Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. - SPb., 1864. - T. 1.
7. O naznachenii platy za uchenie po tem uchilishcham, gde sие okazhetsya nuzhnym // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. - 1821. - CH. 2.
8. Otnositel'no naznacheniya pri uezdnyh uchilishchah Pochetnyh smotritelej // PSZ. - Sobr. 1. - SPb., 1811. - № 24754.
9. GART. F.92 Op. 1. D. 479.
10. GART. F.160. Op. 1. D. 235.
11. Suhodoev N.S. Nachal'noe obrazovanie v gorodah Kazanskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX– nachale XX vv.: dis ... kand. ist nauk. - Kazan', 2002.
12. GART. F.160. Op. 1. D. 636.
13. GART. F.160. Op. 1. D. 159.
14. GART. F. 92. Op. 1. D. 93.
15. GART. F. 92. Op. 1. D. 317.

ИБНЕЕВА ГУЗЕЛЬ ВАЗЫХОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Казанского федерального университета (Guzel.Ibneyeva@yandex.ru).

ШАКИРОВА АЙСЫЛУ ИЛЬГИЗОВНА – аспирант кафедры отечественной истории Казанского федерального университета (nasibullina-aysylu@mail.ru).

IBNEEVA, GUZEL V. – Doctor of History, Professor of the Department of National History of the Kazan Federal University.

SHAKIROVA, AYSYLU I. – Ph.D. student, Department of National History of the Kazan Federal University.

ЛИСИЦЫНА О.И.
МАТРИМОНИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ключевые слова: гендер, семья, брак, российское дворянство, первая половина XIX в., традиционный гендерный порядок

В статье охарактеризовано брачное поведение российского дворянства в первой половине XIX в., составляющее важную часть повседневной жизни любого традиционного общества (нобилитет Российской империи – не исключение). Анализируются особенности мужского и женского матримониального поведения. Отмечено, что, хотя оно априори направлено на противоположный пол, стратегии поведения мужчин и женщин в данной сфере существенно различались. Так, дворянки в значительно более раннем возрасте попадали в категорию «невест» и, по сути, всё пребывание «барышни» в свете было подчинено исключительно матримониальным целям. Мужчины-дворяне, как правило, напротив, не спешили вступать в брак, отдавая предпочтение, в первую очередь, карьере. Совершенно различными были и возможности выбора: дворянка практически всегда подчинялась решению родителей в вопросе выбора брачного партнёра, в то время как мужчина гораздо чаще осуществлял выбор самостоятельно – руководствуясь или «склонностью», или экономическими и иными прагматическими соображениями.

LISITSYNA, O.I.

MATRIMONIAL BEHAVIOR OF THE RUSSIAN NOBILITY IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Key words: gender, family, marriage, Russian nobility, the first half of the XIX century, traditional gender order.

The article describes the marital behavior of the Russian nobility in the first half of the 19th century, which is an important part of the daily life of any traditional society (the nobility of the Russian Empire is no exception). The features of male and female matrimonial behavior are analyzed. It is noted that, although it is a priori directed at the opposite sex, the behavioral strategies of men and women in this area differed significantly. So, noblewomen at a much earlier age fell into the category of "brides" and, in fact, the entire stay of the "young lady" in the world was subordinated exclusively to matrimonial goals. Male nobles, as a rule, on the contrary, were in no hurry to marry, preferring, first of all, a career. The possibilities of choice were also completely different: the noblewoman almost always obeyed the decision of her parents in the matter of choosing a marriage partner, while the man more often made the choice on his own - guided either by "inclination" or economic and other pragmatic considerations.

Цель статьи – охарактеризовать брачное поведение российских дворян и дворянок в первой половине XIX в. Для этого в качестве источников были привлечены как литературные произведения, так и эго-документы – и «мужского», и «женского» авторства. Следует отметить, что для обозначенной проблематики воспоминания, дневники и письма являются наиболее репрезентативными источниками, поскольку в большей степени сосредотачивают своё внимание на частном, приватном, семейном, в отличие от более «официальных» видов, зачастую не отражающих повседневную жизнь.

В первой половине XIX в. в дворянской среде Москва считалась идеальным местом для поиска брачного партнёра и вступления в брак – в противовес Петербургу, куда мужская часть дворянской молодёжи устремлялась, как правило, из соображений карьеры. «Москва женского рода, Петербург мужеского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи» – пишет Н.В. Гоголь в «Петербургских записках» [1], однако, именно потому, что известный гендерный дисбаланс, действительно, существовал, и в Петербурге в рассматриваемый период мужское население превышало женское, дворяне обоего пола, решившие вступить в брак, как правило, устремлялась на зиму в Москву, где шли балы, известные нам из «Евгения Онегина» как московская «ярманка невест» [2, с. 303]. Свообразные «смотрины» потенциальных «невест» происходили не только во многих домах (например, у П.Ю. Кологривовой на Тверском бульваре, о которой А.С. Грибоедов устами Молчалина говорит: «Балы даёт нельзя богаче, // От Рождества и до поста» [3]), но и в Московском благородном собрании (том самом «Собрании», куда старушка Ларина и привозит Татьяну [2, с. 312]), и у танцмейстера П.А. Йогеля, устраивавшего знаменитые «детские балы». К нему часто приходили вполне взрослые мужчины, в числе которых был и А.С. Пушкин, чтобы посмотреть на 14–15-летних девочек, ещё не получивших официальный статус «невест» [4].

Такие, ещё не «вывозившиеся» в свет, юные барышни, как правило, подвергались самому строгому контролю и надзору со стороны старших домочадцев и не только не имели практически никакой возможности для общения с противоположным полом, но и сознательно лишались доступа к какой-либо информации о взаимоотношении полов. Подавляющему большинству дворянок запрещалось даже чтение романов: «рядом с залой находится библиотека, и там на всех столах и диванах валяются соблазнительные томики иностранных романов... Мне строго-настрого запрещено касаться их, так как гувернантка моя очень разборчива насчет дозволенного для меня

чтения» [5]; «мы <...> окружали всю ночь горевший ночник, чтоб прочесть запрещенную книгу (романы нам не позволялись)» [6]. Недаром одна из так называемых «институток» резюмировала: «мы по выходе из института были совсем неопытны в кокетстве» [7]. Это было напрямую связано с господствовавшей тогда системой представлений о «девичьей чести» и делалось с целью сохранения «непорочности» девушки до брака. Причем, как видим, подразумевалось не только буквальное, но и – в значительно большей степени – символическое сохранение «девичьей чести», что влекло за собой целую систему жестких запретов и ограничений – даже по сравнению с аналогичной ситуацией в крестьянских семьях [8, с. 18].

Касались запреты и поведения, и внешнего вида юных дворянок. Так, знаменитая современница и близкая знакомая А.С. Пушкина А.П. Керн вспоминает, как «тётушка», заботам которой она была вверена, опасаясь за «честь» юной барышни, отрезала ей волосы «по-солдатски», чтобы она «не кокетничала ими» [9]. Это притом, что самой Анне на момент описываемых событий было около 13 лет – казалось бы, не так мало, чтобы подобным образом нарушать её личные границы и принимать решения относительно её внешнего вида. Хотя и «взрослой барышней», способной к осознанному кокетству, которое могло бы повлечь за собой последствия, «губительные для репутации юной особы», её тоже назвать сложно, ведь дворянские девочки, как показано выше, были совершенно непросвещёнными в вопросе отношения полов. Характерно, что этот случай не был единичным. Так, в институтах благородных девиц девочкам-подросткам также были запрещены такие проявления «кокетства», как «перетянутая талия», «пелеринка, спущенная с одного плеча», волосы, «счесанные со лба, между тем как им полагалось низко спускаться на лоб» [10]. Подчеркнем, что эти требования предъявлялись не на показ, по крайней мере – не для мужских глаз, ведь речь идёт о закрытом для мужчин сообществе.

Действительно, воспитанницы подобных закрытых воспитательных учреждений имели крайне мало возможностей не то что для «флирта» с мужчиной, но даже для общения с ним (если, конечно, это не был отец, брат или другой близкий родственник, но и с ними «институтки» виделись крайне редко и только в присутствии третьих лиц [11, с. 260], а некоторых барышень семья и вовсе практически не навещала на протяжении всего периода пребывания в институте). Так, мать мемуаристки Е.Н. Водовозовой по пути домой в имение отца по окончании института на станции «в первый раз в жизни с посторонним мужчиною разговаривала!» [7]. В институте же девицам – даже не по отдельности, а всем классом – запрещено было находиться наедине с учителем [7], то есть заходить в учебный класс без классной дамы, специально приставленной следить за их поведением во время занятий [8, с. 19].

Разумеется, описанные выше «практики» с современной точки зрения даже «кокетством» как таковым назвать довольно сложно. Более очевидные проявления флирта, как мы понимаем, были и вовсе недоступны для юной дворянки. Судя по всему, для подрастающей барышни, не входившей ещё в категорию «невест», и вовсе не предусматривалось каких-либо «легитимных», не осуждаемых обществом и дозволяемых семьёй практик флирта. Поэтому они могли общаться с мужчинами лишь тайно и весьма фрагментарно, а развитие соответствующих навыков было крайне затруднено. Женские эго-документы, изученные в ходе исследования, по понятным причинам не содержат каких-либо упоминаний о «непозволенном» поведении, однако тексты мужчин позволяют утверждать, что в некоторых случаях девицам всё же удавалось обходить запреты: «родство, короткая связь с сестрою её, способность всякий день её видеть, – всё обещало мне успех, – пишет приятель А.С. Пушкина А.Н. Вульф о своей кузине Лизе, ещё незамужней девушке – сначала он мне даже показался скорым, ибо уже во второй день нашего знакомства, вообще видев её только несколько часов, я вечером, обнимая её, лежавшую на кровати, хотел уже брать с неё первую дань любви» [12]. Однако, вероятнее всего, такие случаи были довольно редки.

В то же самое время в процессе воспитания у дворянки формировались представления о вступлении в брак и рождении детей как о главной жизненной цели, о её предназначении. В данном контексте строгие запреты и на контакты с противоположным полом, и на доступ к информации о взаимоотношении мужчины и женщины, об их физиологии кажутся не вполне логичными. Однако это было общей чертой и российского, и европейского высшего общества в рассматриваемый период. И сколько-нибудь меняться ситуация для девушки начинала только с началом её официальных «вывозов» в свет. Данное событие имело большое значение для юной дворянки, ведь уже оно одно меняло её статус: отныне она переходила в категорию «невест».

Разумеется, в ситуации, когда замужество являлось центральным событием жизни, значение периода поиска жениха сложно переоценить. Поэтому для дворянки и широкого круга её родственников «выход в свет» был значимым событием, которое тщательно планировалось заранее и для подготовки которого старались привлечь тех, кто имел связи в «лучшем обществе» [13, л.л. 1-1об.].

Однако в ситуации, когда «вновь прибывшие» молодые особы становились «предметами бесжалостного внимания» [14] со стороны общества («странный шёпот встретил // Её явление: свет её заметил» [15, с. 717]; «все кинули на неё испытующий взгляд; даже старые сановники... удостоили её мгновенным одобрительным осмотром» [16, с. 243]), а также при отсутствии соответствующих навыков общения с противоположным полом дворянские девушки едва ли могли реализовать свои романтические мечты, оказавшись на «ярмарке невест». Многие из них достаточно быстро находили брачного партнёра и, вступив в брак, погружались в череду беременностей и родов. Менее «удачливые» дворянки, не обладавшие привлекательной внешностью или солидным приданым, могли «засидеться в невестах». С женихами дело обстояло иначе. Для них также начало «выходов в свет» знаменовало собой взросление: «Когда же юности мятежной // Пришла Евгению пора, // Пора надежд и грусти нежной, // Monsieur прогнали со двора. Вот мой Онегин на свободе; // Острижен по последней моде, // Как dandy лондонский одет – // И наконец увидел свет» [2, с. 188]. Однако данное событие существенно не приближало его ни к женитьбе (обычно в брак дворяне вступали в значительно более зрелом возрасте – выйдя в отставку), ни к контактам с противоположным полом, поскольку они, как правило, имели место в жизни дворянских юношей ещё до начала «выходов в свет»: «трудно вообразить себе юного дворянского сынка, сколь угодно религиозного и нравственного, который бы начал половую жизнь не с крестьянкой. Это было совершенно в порядке вещей. Если здесь и видели нравственную проблему, то исключительно проблему собственной моральной и физической чистоты» [17, с. 85]. К тому же, молодые дворяне нередко имели близость с замужними дворянками, как, например, уже упомянутый ранее А.Н. Вульф.

В то же время следует отметить, что, несмотря на двойной контроль, который в свете за «молодёжью» обоего пола теперь осуществляла не только семья, но и общество, контакты девушек и юношей там становились активнее. Отныне для них оказывался не только возможным, но и социально поощряемым флирт, осуществляемый в публичном пространстве, в первую очередь – через танцы [18, с. 91]. Танцы интересны тем, что, будучи одной из наиболее распространённых и универсальных практик досуга российского дворянства, они представляли собой единственную в своём роде «легитимную» практику близкого тактильного контакта между мужчиной и незамужней женщиной: «молодая особа, легко одетая, бросается в руки молодого человека, который её прижимает к своей груди, который её увлекает с такой стремительностью, что сердце её невольно начинает стучать, а голова идет кругом! Вот что такое этот вальс!» [19, с. 95]. Очевидно, танцы, а особенно, столь критикуемый за свою «неприличность» вальс, были очень важной составляющей матримониального поведения российского дворянства. Из источников следует, что вальс являлся излюбленным танцем дворянской молодёжи, и ждали его с нетерпением [20, Л. 2]. Хотя в провинции большой ажиотаж имел уже сам факт танцев как таковых, в особенности – у девушек: «Уездных матушек отрада, // Приехал ротный командир; // Вошел... Ах, новость, да какая! // Музыка будет полковая! // Полковник сам её послал. Какая радость: будет бал! // Девчонки прыгают заране» [2, с. 270]. Ведь у них альтернативных возможностей для реализации своих романтических устремлений было значительно меньше, чем у юношей.

Сложно переоценить значение тактильного флирта, осуществляемого в ходе танцев, для межполового общения в российской дворянской среде. Однако важно отметить, что он дополнялся ещё и вербальным – танцы предполагали разговор, причём, манера этого разговора зависела и видоизменялась в зависимости от танца: «“мазурочная болтовня” требовала поверхностных, неглубоких тем», тогда как вальс создавал романтическую обстановку «для нежных объяснений». Характерно, что эти объяснения делались не только вербально, но и письменно, так как «соприкосновение рук позволяло передавать записки. Вальс танцевали долго, его можно было прерывать, присаживаться и потом снова включаться в очередной тур» [18, с. 96].

Очевидно, не меньшую свободу для «приватного» общения в рамках публичных «веселостей» давали и нижеописанные практики: «Зоя сидела возле Веры Яковлевны, князь стоял

за нею, прислонясь к колонне... Они говорили и говорили, не замечая, как из всех углов посматривали на них зоркие глаза цензоров в чепцах и шалях» [21]; «кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на неё, маменька самодовольно поправляла свой чепец» [14]. Как видим, известная «вольность» подобного общения молодых людей нивелировалась контролем, осуществлявшимся так называемыми «цензорами в чепцах и шалях». Этому способствовали и общепринятые правила светского поведения, и институт общественного мнения, значение которого в замкнутом дворянском сообществе, где многие прямо или опосредованно знали друг друга, сложно переоценить.

Однако даже легитимизированные подобным образом практики флирта, вовлекающие девушку-дворянку в межполовое общение, могли восприниматься её семьёй по-разному. В этой связи А.В. Белова пишет о двух моделях сексуального поведения, которые могли быть реализованы девушкой в российском дворянском обществе в первой половине XIX в. Первая модель – «репрессированная сексуальность» – подразумевала под собой максимальный и всесторонний контроль за барышней со стороны старших членов её семьи и целенаправленное подавление её сексуальности и имела место в большинстве случаев, в том числе – в семье уже упомянутой выше А.П. Керн. Вторая – «контролируемая сексуальность» – допускала «коккетство», если оно осуществлялось барышней с ведома и одобрения родителей или старших членов семьи [11, с. 279–284]. В частности, такой модели придерживалась в воспитании своих дочерей Н.Н. Пушкина-Ланская. То или иное отношение семьи к флирту дочери могло определяться «взглядами» родителей, но зачастую ключевым фактором в данном вопросе всё же становилась личность избранного девушкой «партнёра»: «Коккетство... Мари... относилось к человеку, который был вполне подходящей партией» [22, с. 284].

Следует ещё раз подчеркнуть, что сколько-нибудь серьёзное внимание к юной, незамужней дворянке со стороны представителя противоположного пола ею самой, ее родителями и обществом в целом воспринималось исключительно в контексте брака. Соответственно, переход из одной категории в другую являлся чрезвычайно важным событием в жизни российской дворянки. Мужчины, безусловно, также учитывали этот фактор, выстраивая своё поведение при общении с противоположным полом. Так, Грушницкий у М.Ю. Лермонтова говорит: «я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчас *отстал, потому что не хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах*» [23]. В свою очередь, «преуспевший» в «волокитстве» А.Н. Вульф, отмечает в дневнике, что «связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девушкою» [12], поскольку для неё любовник ценен уже сам по себе, а не как потенциальный «жених».

В контексте изложенного выше, любой неженатый мужчина, публично проявлявший выходящий за рамки обычной светской любезности интерес к барышне, воспринимался окружающими с позиции того, годится он в женихи или нет («богат, хорош собою Ленский // Везде был принят как жених; Таков обычай деревенский...» [2, с. 212] или: «Грушницкий, как тень, следует за княжной везде; их разговоры бесконечны – когда же он ей наскучит?.. Мать не обращает на это внимания, *потому что он не жених. Вот логика матерей!*» [23]). Как видим, и у провинциальных соседей Ленского, и у москвички Лиговской – одна и та же логика рассуждений и схожие задачи: выбрать наиболее достойного жениха из широкого круга знакомых холостых мужчин. Вот почему в «Княжне Мери» княгиня, да и сама княжна, не могут понять логику поведения Печорина, который добивается любви княжны, а после не делает ей ни предложения, ни даже ответного признания.

Если мужчина расценивался родителями девушки как подходящая для неё «партия», то для «сосватанных» молодых людей делались уже некоторые послабления (иногда их могли оставлять наедине). Кстати, именно поэтому последующий отказ жениться или расторжение помолвки женихом без видимых на то причин наносили существенный удар не только по чувствам девушки, но и по её репутации. Так, в 1825 г. состоялась дуэль К.П. Чернова, защищавшего честь сестры, с В.Д. Новосильцевым, сделавшим ей предложение, но не спешившим жениться из-за того, что его мать не давала согласия на этот брак [8, с. 19]. Действительно, роль родителей в брачном выборе дворянина не следует отрицать, однако, она была далеко не такой основополагающей, как у девушки-дворянки. Часто это было связано с тем, что жених был существенно старше невесты –

вплоть до того, что его родителей могло уже не быть в живых на момент его сватовства и женитьбы (ситуация, когда жених был вдвое старше невесты была достаточно распространена, а порой эта разница была и более существенной). К тому же ключевым здесь оказывался вопрос правоспособности и экономической независимости мужчин и женщин дворянского, «дворянского» [24, с. 32] общества.

Если избранник девушки оказывался «неподходящим» женихом, молодым людям, которые всё равно виделись на светских мероприятиях, не позволяли общаться и танцевать вместе: «Вера Яковлевна объявила Зое, что запрещает ей не только танцевать, но и видаться с князем и даже думать о нём» [21]; «князь танцевал очень мало, был печален, стоял поодаль... между тем как она, невольница, выплясывала посреди залы кадрили с советником, летя и взорами и душою к другому. Лишь только под конец бала <...> князь не выдержал; он завладел Зоею в глазах советника и ... увел её на другой конец залы... Все это заметили, так что Вера Яковлевна притворилась больною и увезла Зою из мазурки, бросив на князя взор раздраженной Юноны» [21]; «...когда, две недели спустя, Надежда Осиповна (бабушка автора по матери – О.Л.) увидела на бале отца (отца автора, ищущего руки матери автора – О.Л.), то запретила дочери с ним танцевать. Во время одной из фигур котильона отец сделал с нею тура два. Об этом доложили Надежде Осиповне, забавлявшейся картами в соседней комнате. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, *не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь. Мать моя упала в обморок*» [25].

С учетом приведенных данных, по-видимому, для самих «молодых» поиск «подходящей партии» и вступление в брак часто имели мало общего с любовными переживаниями и порой даже взаимной симпатией, а браки «по склонности», как правило, были возможны только при так называемом «умыкании» невесты. Однако у мужчины в данной ситуации всё же мог быть выбор – жениться «по склонности» или по расчёту: «...скорее заключить можно, что они в биржевой, а не в бальной зале. “Эта девушка прелестна, – думает один, – но отец её молод, бог знает, сколько проживет он лет и денег. Эта умна и образованна, дядя её на важном месте, но, говорят, он колеблется, – тут надобно подумать ... Вот эта, правда, не очень красива и очень недалеко, зато как одушевлена! чертовски одушевлена тремя тысячами душ... Я невольник её!”» [26, с. 35–36]. Девушка же, по сути, вынуждена была мириться с тем «избранником», выбор которого осуществили её родители или другие старшие родственники, в зависимости от которых она продолжала оставаться до свадьбы. Таким образом, формально замужество лишь меняло источник власти, довлевшей над ней, однако в действительности, по-видимому, вступление в брак всё же давало ей ряд значимых преимуществ перед незамужними представительницами дворянского сословия. Во-первых, она получала доступ к более обширной информации сексуального характера, которая до этого была для неё под запретом. Правда, это происходило в значительной мере лишь за счёт личного – и часто травматичного – сексуального опыта. Во-вторых, дворянка, вступив в брак, наконец, выходила из-под опеки тех лиц, которые были заинтересованы в сохранении ею «девичей чести» и потому всячески ограничивали свободу её поведения.

Итак, дворянки в значительно более раннем возрасте попадали в категорию «невест» и, по сути, всё пребывание «юной барышни» в свете было подчинено исключительно матримониальным целям. Мужчины же, как правило, не спешили вступать в брак, отдавая предпочтение, в первую очередь, карьере. Комплекс представлений о том, как нужно строить отношения с противоположным полом, также существенно различался у «невест» и «женихов». Дворянские девушки воспитывались в условиях целенаправленной внутрисемейной цензуры, блокировавшей информацию о взаимоотношении полов, реальные же практики флирта строго регламентировались. Вдобавок, они становились возможными для барышни лишь с началом её «выходов в свет», когда она официально приобретала статус «невесты». Совершенно различными были и возможности выбора: дворянка практически всегда подчинялась решению родителей в вопросе выбора брачного партнёра, в то время как мужчина гораздо чаще принимал решение самостоятельно – руководствуясь или «склонностью», или экономическими и иными прагматическими соображениями.

Литература и источники

1. Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // [Электронный ресурс]. URL: <http://gogol.velchel.ru/?cnt=15&sub=2&page=1> (дата обращения: 09.05.2022).
2. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Сочинения. В 3-х т. М., 1986. Т. 2. Поэмы; Евгений Онегин; Драматические произведения.

3. Грибоедов А.С. Горе от ума // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/5/p.3/index.html> (дата обращения: 08.05.2022).
4. Бецкая А. Московская ярмарка невест // [Электронный ресурс]. URL: <https://storyfiles.blogspot.com/2018/03/blog-post.html> (дата обращения: 09.05.2022).
5. Ковалевская С.В. Воспоминания детства // [Электронный ресурс]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaia_memoirs.htm (дата обращения: 17.04.2022).
6. Стерлигова А.В. Воспоминания о Екатерининском институте // [Электронный ресурс]. URL: <http://duchesselisalivejournal.com/78186.html> (дата обращения: 25.04.2022).
7. Водовозова Е.Н. На заре жизни // [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 09.05.2022).
8. Лисицына О.И. Категория «чести» в российской дворянской культуре первой половины XIX в.: гендерный аспект // Современная научная мысль. - 2022. - № 2. С. 16-21.
9. Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Из воспоминаний о моём детстве // Воспоминания, дневники, переписка [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (дата обращения: 02.05.2022).
10. Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни бывшего времени // [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-oldrussia.livejournal.com/88880.html> (дата обращения: 04.05.2022).
11. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. - СПб.: Алетейя, 2010. - 480 с.
12. Вульф А.Н. Дневник Алексея Николаевича Вульфа. 1828–1831 гг. // [Электронный ресурс]. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (дата обращения: 19.04.2022).
13. Письмо Волконской С.Н. к Бахметевой А.П. от 1832; на франц. яз. // Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1204. Л.Л. 1-1об.
14. Ган Е.А. Идеал. Повесть // [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2.booksgid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html> (дата обращения: 14.04.2022).
15. Лермонтов М.Ю. Сказка для детей // Сочинения... Т. 1. Стихи и поэмы. С. 709-719.
16. Соллоуб В.А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей / сост., вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. - М.: Правда, 1990. - С. 194-262.
17. Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. - М.: ОГИ, 1995.
18. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). - СПб.: Искусство – СПб, 2006. - 413 с.
19. Жанлис М.Ф. Критический и систематический словарь придворного этикета // Цит. по: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 95.
20. Письмо Е. Строгановой к С. Бобринской от 1821; на франц. яз. // ЦГАМ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2.
21. Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге. Повесть // [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 10.05.2022).
22. Письмо Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому от 13/25 июля 1851 г. // Цит. по: Белова А.В. «Четыре возраста женщины» ... С. 284.
23. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/12/p.6/index.html> (дата обращения: 10.05.2022).
24. Листова Т.А. По поводу статьи Т.Б. Щепанской «Мир и миф материнства» // Этнографическое обозрение. - 1994. - № 5.
25. Из воспоминаний Павлищева о романе родителей // Цит по: Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nravny_i_byt_pushkinskoi_erohi.pdf (дата обращения: 17.04.2014).
26. Бестужев-Марлинский А.А. Испытание // Дуэль. Повести русских писателей / сост., вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. - М.: Правда, 1990. - С. 35–36.

References and Sources

1. Gogol' N.V. Peterburgskie zapiski 1836 goda // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://gogol.velchel.ru/?cnt=15&sub=2&page=1> (data obrashcheniya: 09.05.2022).
2. Pushkin A.S. Evgenij Onegin // Sochineniya. V 3-h t. M., 1986. T. 2. Poemy; Evgenij Onegin; Dramaticheskie proizvedeniya.
3. Griboedov A.S. Gore ot uma // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ilibrary.ru/text/5/p.3/index.html> (data obrashcheniya: 08.05.2022).
4. Beckaya A. Moskovskaya yarmarka nevest // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://storyfiles.blogspot.com/2018/03/blog-post.html> (data obrashcheniya: 09.05.2022).
5. Kovalevskaya S.V. Vospominaniya detstva // [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/memoirs/kovalevskaia_memoirs.htm (data obrashcheniya: 17.04.2022).
6. Sterligova A.V. Vospominaniya o Ekaterininskom institute // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://duchesselisalivejournal.com/78186.html> (data obrashcheniya: 25.04.2022).
7. Vodovozova E.N. Na zare zhizni // [Elektronnyj resurs]. URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (data obrashcheniya: 09.05.2022).
8. Lisicyna O.I. Kategoriya «chesti» v rossijskoj dvoryanskoj kul'ture pervoj poloviny XIX v.: gendernyj aspekt // Sovremennaya nauchnaya mysl'. - 2022. - № 2. S. 16-21.
9. Kern (Markova-Vinogradskaya) A.P. Iz vospominanij o moyom detstve // Vospominaniya, dnevniki, perepiska [Elektronnyj resurs]. URL: http://az.lib.ru/k/kern_a_p/text_0050.shtml (data obrashcheniya: 02.05.2022).
10. Engel'gardt A.N. Oчерki institutskoj zhizni bylogo vremeni // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ru-oldrussia.livejournal.com/88880.html> (data obrashcheniya: 04.05.2022).
11. Belova A.V. «Chetyre vozrasta zhenshchiny»: Povsednevnyaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v. - SPb.: Aletejya, 2010. - 480 s.
12. Vul'f A.N. Dnevnik Alekseya Nikolaevicha Vul'fa. 1828–1831 gg. // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181652345-dnevnik-alekseya-nikolaevicha-vulfa-1828-1831-gg.html> (data obrashcheniya: 19.04.2022).
13. Pis'mo Volkonskoj S.N. k Bahmetevoj A.P. ot 1832; na franc. yaz. // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskvy (CGAM). F. 1845. Op. 1. D. 1204. L.L. 1-1ob.
14. Gan E.A. Ideal. Povest' // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://fb2.booksgid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html> (data obrashcheniya: 14.04.2022).
15. Lermontov M.Yu. Skazka dlya detej // Sochineniya... T. 1. Stihi i poetry. S. 709-719.

16. Sollogub V.A. Bol'shoj svet // Duel'. Povesti russkikh pisatelej/ sost., vst. st. N.P.Utekhina; posl. V.V.Doroshevicha. -M.: Pravda, 1990. - S.194-262.
17. Kon I.S. Seksual'naya kul'tura v Rossii. Klubnichka na berezke. - M.: OGI, 1995.
18. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). - SPb.: Iskusstvo – SPb, 2006. - 413 s.
19. Zhanlis M.F. Kriticheskij i sistematicheskij slovar' pridvornogo etiketa. Cit. po: Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture... S. 95.
20. Pis'mo E. Stroganovoj k S. Bobrinskoj ot 1821; na franc. yaz. // CGAM. F. 1341. Op. 1. D. 1257. L. 2.
21. Zhukova M.S. Dacha na Petergofskoj doroge. Povest' // [Elektronnyj resurs]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (data obrashcheniya: 10.05.2022).
22. Pis'mo N.N. Pushkinoj-Lanskoj k P.P. Lanskomu ot 13/25 iyulya 1851 g. // Cit. po: Belova A.V. «CHetyre vozrasta zhenshchiny»... S. 284.
23. Lermontov M.Yu. Geroj nashego vremeni // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ilibrary.ru/text/12/p.6/index.html> (data obrashcheniya: 10.05.2022).
24. Listova T.A. Po povodu stat'i T.B. Shchepanskoj «Mir i mif materinstva» // Etnograficheskoe obozrenie. - 1994. - № 5.
25. Iz vospominanij Pavlishcheva o romane roditelej// Cit po: Marchenko N. Primety miloj stariny. Nravny i byt pushkinskoj epohi. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nravny_i_byt_pushkinskoj_epohi.pdf (data obrashcheniya: 17.04.2014)
26. Bestuzhev-Marlinskij A.A. Ispytanie // Duel'. Povesti russkikh pisatelej / sost., vst. st. N.P. Utekhina; posl. V.V. Doroshevicha. - M.: Pravda, 1990. - S. 35–36.

ЛИСИЦЫНА ОЛЬГА ИГОРЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет (olglisitsyna@yandex.ru).

LISITSYNA, OL'GA I. – Ph.D. in History, Department of General History, Tver State University (olglisitsyna@yandex.ru).

УДК 94(47).083/084:929Познышев

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-58-63

МАТВЕЕВА Е.С., БАЦУКИН А.А., КУЗНЕЦОВА Е.В.

РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМ РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗАКЛЮЧЁННЫХ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ С.В. ПОЗНЫШЕВА

Ключевые слова: С.В. Познышев, тюремноеведение, психология, религиозное воздействие, пенитенциарная система, религия, исправление, заключённые.

В статье исследовано творческое наследие выдающегося юриста и психолога Сергея Викторовича Познышева, показан его вклад в изучение проблем религиозного воздействия на заключённых. Анализ законодательных актов, специализированной литературы и прессы XIX века, а также общей пенитенциарной практики показал, что, в условиях объективно назревших проблем тюремного реформирования, на основе усвоения передовых идей своего времени и в контексте известной гуманизации системы заключения, труды С.В. Познышева, сочетавшие в себе своеобразное соединение классических представлений, опирающихся на этико-социологические установки и достижения русского тюремноговедения, стали во многом новаторскими. В частности, по мнению С.В. Познышева, для каждого вида заключения следовало создавать разные пенитенциарные учреждения. В идеале, каждый вид заключения должен был иметь свою особую задачу и, при согласовании с администрацией места отбывания наказания, следовало определять условия содержания, режим и специализированные способы воздействия для конкретного преступника. Познышев считал, что в перспективе для каждой категории преступников будут существовать особые «социальные клиники», в основе которых будут соответствующие методы «социального лечения».

MATVEEVA, E.S., BATSUKIN, A.A., KUZNETSOVA, E.V.
DEVELOPMENT OF PROBLEMS OF RELIGIOUS IMPACT ON PRISONERS
IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF S.V. POZNYSHV'S

Key words: S.V. Poznyshev, prison studies, psychology, religious influence, penitentiary system, religion, correction, prisoners.

The article explores the creative heritage of the outstanding lawyer and psychologist Sergei Viktorovich Poznyshev, shows his contribution to the study of the problems of religious influence on prisoners. An analysis of legislative acts, specialized literature and the press of the 19th century, as well as general penitentiary practice showed that, in the context of the objectively urgent problems of prison reform, based on the assimilation of the advanced ideas of his time and in the context of the well-known humanization of the prison system, the works of S.V. Poznyshev, combining a peculiar combination of classical ideas based on ethical and sociological attitudes and the achievements of Russian prison studies, became innovative in many respects. In particular, according to S.V. Poznyshev, for each type of imprisonment, different penitentiary institutions should be created. Ideally, each type of detention should have had its own specific task and, in agreement with the administration of the place of serving the sentence, it was necessary to determine the conditions of detention, the regime and specialized methods of influence for a particular criminal. Poznyshev believed that in the future, for each category of criminals, there would be special "social clinics", which would be based on appropriate methods of "social treatment".

Сергей Викторович Познышев (1870–1943 гг.) по праву считается признанным русским юристом и психологом своего времени. Он был востребованным профессором ведущих специализированных вузов страны. Его вклад в развитие отечественного правоведения и юридической психологии до настоящего времени является общепризнанным, а его труды считаются классическими, базовыми при подготовке профильных специалистов по всему миру. Основываясь на глубоких познаниях и международном опыте, он опубликовал целый ряд всемирно известных трудов, посвящённых вопросам нравственности, религии, теории наказания в уголовном праве, детской преступности, устройству тюрем, общего устройства системы наказания и т.д. Устанавливая ключевые принципы действующего права, он пытался выработать

ИСТОРИЯ

систему идеальных норм, которые бы в качестве проектов могли быть полезны российскому тюрьмоведению, отечественному законодателю.

Отдельным блоком следует выделить работы ученого, раскрывающие особенности взаимодействия государства и религии в вопросах перевоспитания преступников. По его мнению, государство в отношении религии должно было руководствоваться принципом религиозной свободы, только в этом случае все спорные вопросы и сомнения отпали бы сами собой [1, с. 2]. В России, по сравнению с «культурным Западом», достаточно длительный промежуток времени принцип религиозной свободы воспринимался критически. По существу, он последовательно игнорировался, и только к началу XX века появились надежды на его переосмысление и обоснование. Познышев, выступая за признание религиозной свободы, в то же время поддерживал К.К. Арсеньева, выступавшего за установление некоторых исключений и ограничений. Прежде всего, именно государство, по их мнению, не должно было допускать свободного развития вероучений, противостоящих вечным законам нравственности и призывающих к убийствам, «изувечиям» и разврату [2, с. 21]. Поэтому уголовно-правовая защита и охрана религиозной свободы должна была отвечать существующим общественным условиям не только на уровне научных размышлений, но иметь естественное продолжение и необходимое завершение в соответствующих нормах права, с принятием которых, эта сфера жизни приобретает известную гармонию.

По мнению С.В. Познышева, определяя цели воздействия на арестанта в тюрьме, необходимо сосредотачиваться именно на тех составляющих, которые создают возможности отказаться или устоять от совершения преступления. Причем они нуждаются в коррекции и поддержке во избежание рецидива. Постепенно воздействуя на слабые стороны арестанта, по его мнению, нужно было вырабатывать у него так называемое нравственное самоуправление [3, с. 158]. Это предполагало развитие душевного самообладания, устойчивости перед соблазном совершения того или иного поступка, который противоречит закону. Практические двигатели поведения должны были взвешивать все последствия и предупреждать желание совершить противоправный поступок. Человек в процессе исправления, через различные ассоциативные ряды и чувства, должен был пропустить свои идеи и эмоции, повлияв на «течение психической жизни». А для того, чтобы правильные эмоции были более сильными, их следовало подкреплять благоприятствующими идеями, соответствующими поступку. Характер чувствований и эмоций при этом следовало связать с ощущениями, восприятиями, представлениями и, отчасти, с отвлечёнными идеями и суждениями. Некоторые из них связывались с конкретными познаниями, к примеру, со знанием законов и устоявшихся правил поведения. Не менее важной была выработка более абстрактных, но не менее важных стереотипов – таких, как стремление к истине, чувство справедливости, чести, честности, уважение к человеческому достоинству и т.д. [4, с. 202].

Тюремное воспитание, по мнению Познышева, могло развиваться путём «оживления и развития конкретных чувств» отдельно взятого арестанта. Это направление, связанное с саморазвитием, было более трудным, так как многие арестанты были на исправлении не первый раз и обладали устойчивыми представлениями преступного мира. Также возможно было «обучение и насаждение абстрактных чувств», способствующих появлению нового направления в наклонностях арестанта, при которых преступные формы уходили бы на второй план. Вторым путём исправления был более действенным и во многом зависел от личности и авторитета наставника. Для более действенного результата работа должна была осуществляться сразу по двум направлениям – во-первых, человек должен был сам стремиться к положительным результатам, а во-вторых, правильное наставление и воспитание тоже приводило к хорошему результату. Одно без другого было очень трудно реализовать.

Анализируя процесс исправления, Познышев, старался обратить внимание на определённые закономерности, приводя их в систему.

Во-первых, различные цели исправления, по его мнению, должны достигаться постепенно. Наставник, работая с конкретной личностью, должен был разбивать процесс на более частные цели. При получении промежуточных результатов необходимо подопечного «поощрять и подбадривать», дополняя общение новыми идеями в том же направлении. Арестант должен был сам захотеть выстроить новый жизненный план, который мог быть двигателем по направлению к нужным целям. Во-вторых, выстраивая индивидуализированную концепцию исправления,

ИСТОРИЯ

необходимо понимать какими средствами и возможностями располагает конкретное пенитенциарное учреждение. Каторжная тюрьма, обычная тюрьма или рабочий дом имели свою специфику в организации исправления, что в большей степени отражалось на составлении графика бесед, условий их проведения и определения степени поэтапного влияния [5, с. 117]. Первые два исправительных заведения были в наибольшей степени закрытые, поэтому можно было пробовать оказывать воздействие для развития ассоциаций и мыслей непреступных людей, снижая уровень враждебности, агрессии, гнева, развивая сострадание и сопереживание и к конкретным людям, и к обществу в целом. Специфика рабочих домов была иная, поэтому воздействие могло затрагивать, кроме вышеупомянутых чувств, ещё и отношение к имущественным благам, к их приобретению и потреблению» [3, с. 161]. В некоторых случаях необходимо было помочь человеку получить профессию [6], которая помогла бы в дальнейшем самостоятельно получать прибыль законным путём. В-третьих, Позднышев отмечал исключительную субъективность процесса исправления. Интенсивность воздействия зависела от тяжести и направленности совершённого правонарушения (убийство, разбой, воровство, мошенничество или др.).

Также исследователь призывает учитывать тип арестанта по разработанной им классификации, так как уровень развития психики достаточно разнился. По его мнению, различаются эндогенные правонарушители, которые при совершении действий, противоречащих закону, учитывали лишь свои внутренние факторы, и экзогенные – нарушающие закон в силу различных внешних мотивов и обстоятельств. Первая категория правонарушителей обладала, по мнению Позднышева, устоявшимся комплексом мнений и представлений, облегчающим появление в их сознании идей о преступной деятельности при отсутствии внутреннего стремления к противодействию этим чувствам. Это постоянное «ядро ассоциаций» стремится и допускает различного рода враждебные проявления, заглушая идеи здравого смысла. Первая категория, по мнению исследователя, была не однородной и включала себя, во-первых, профессиональных преступников и убийц, отбывавших наказания достаточно часто. Они трудно поддавались различного рода внушениям, так как внутренние их представления в качестве средств удовлетворения своих потребностей избирали только преступные методы. Во-вторых, в эту группу, кроме профессионалов, входили и различные по содержанию криминолоиды. Психическое развитие этой категории могло сопровождаться различными насильственными действиями, безжалостными, извращёнными половыми отношениями и др. В отличие от профессионалов они долгое время из-за страха наказания или ввиду иных мотивов могли избегать или подавлять в себе преступные проявления своих склонностей. Но перейдя раз тонкую грань преступления, они достаточно часто утверждались в этом направлении. При этом достаточно часто они формулировали для себя особую «житейскую философию», поэтому если они и совершали преступление впервые, то вероятность рецидива была очень высока, так как на уровне психики присутствовали серьёзные изменения. Именно поэтому воспитательные воздействия на эту категорию были достаточно условными.

Вторая категория правонарушителей, прочного сочетания ассоциаций, склоняющих на психическом уровне к совершению преступлений, не имела. Исходя из мотивов, Позднышев вторую категорию также делил на несколько подгрупп. Во-первых, в отдельную группу им выделялись преступники с высокой возбудимостью и эмоциональным характером. При назначении наказания особое значение в этой категории имело наличие реального болезненного расстройства нервной системы или, наоборот, отсутствие отклонений. Во-вторых, ко второй категории преступников он относил «нравственно-расслабленных людей», не способных морально оценить тот или иной поступок. Именно недостаток нравственных сил способствовал, по его мнению, совершению преступления. В качестве основных причин такого состояния выделялись – отсутствие должного воспитания с детства; длительный промежуток разгульной жизни или в результате жизненных обстоятельств или травм, выведших его из нормальной жизни. Отдельного внимания заслуживала категория «бывших» людей [3, с. 165], в которую Позднышев включал тех, кто длительный промежуток времени принимал алкоголь или наркотики, которые ввиду профессии имели половую распущенность и различные извращения, которые привыкли нищенствовать или бродяжничать и др. В-третьих, С.В. Позднышев отмечал, что однозначной привязки к отдельной категории очень мало. Чаще встречаются правонарушители, соединяющие в себе и высокую эмоциональную возбудимость, и нравственное бессилие. Вполне очевидно, что

ИСТОРИЯ

один и тот же субъект мог принадлежать ко многим подгруппам, так как нравственная деградация – это всё же системный сбой в становлении личности и причин может быть много – воспитание, профессиональная принадлежность, пагубные привычки и т.д. В-четвёртых, выделялась нестабильная и непредсказуемая группа нравственно-расслабленных лиц, совершивших правонарушение после приёма алкоголя или наркотических средств. Здесь встречались и случайные люди и те, которые систематически прикрывались этими причинами.

Определяя методы тюремного воспитания, правильным конечно являлось уточнение принадлежности к той или иной категории правонарушителей. Если у правонарушителя сложился уже устоявшийся комплекс чувств и представлений по отношению к совершению преступлений, то основной задачей тюремного воспитания являлось формирование и укрепление нового комплекса представлений. Тюремный священник или наставник должны были обращать внимание на состояние мышления таких арестантов [5] при помощи мер религиозного просвещения, чтения духовной и художественной литературы, способной оживить сознание и породить в нём соответствующие идеи.

Первая категория, состоящая из профессиональных преступников и криминолоидов, вкладывающих в свои поступки враждебные и эмоциональные чувства, нуждалась в иных по содержанию ассоциациях. Пройдя первоначальные штрафные разряды, они постепенно переходили к процессу тюремного воспитания. Духовные наставники должны были провоцировать их для внутреннего саморазвития, постепенно формируя самообладание. На основании рассуждений, нравоучительных бесед, правильных примеров, в некоторых случаях основанных на Житиях Святых, необходимо было попытаться привить правопослушный стиль жизни, основанный на получении законной прибыли от труда, оказывая уважение и поддерживая близких и т.д. [7]. Различные воздействия необходимо было фиксировать, для дальнейшего усиления отмеченных методик. По окончании воздействия отмечались изменения в процессе исправления, особенно это действенно было с юными правонарушителями.

Воспитательные воздействия на вторую категорию преступников, по мнению Позднышева, были более действенными, так как они были осуждены и отбывали наказания впервые, некоторые по незнанию, неосторожности или вовсе случайно. Отклонения в психике на уровне заболеваний, конечно, требовали специального врачебного и медикаментозного содержания, поэтому уже в XIX веке начала складываться пенитенциарная специализация мест заключения [7]. Так, алкоголики и наркоманы требовали особого содержания и лечения. В соединении с воздействием религии, правильно подобранных литературных произведений, в их привычках и пристрастиях могли произойти позитивные изменения. На наш взгляд, это были идеализированные представления Позднышева, как исследователя, основывавшего свои классификации и теории знаний половозрастной характеристики преступников

Различные неблагоприятные стечения обстоятельств могли негативно повлиять на жизнь человека, ставшего жертвой нужды или иных событий. И некоторые могли переступить эту тонкую грань, совершив преступление. В процессе предполагаемого тюремного воспитания необходимо было обращать внимание на личность осужденного. Не профессиональным преступникам можно было что-то внушить, разъяснить и предупредить, во избежание повторения. Необходимо было, к примеру, через получение профессии, сблизить их с обществом, так как вернуться в него всё же ещё предстояло. Полезным для такого рода арестантов было общение с предполагаемым представителем общественного патроната или обеспечение свиданий с лицами, от которых в большей или меньшей степени зависело их дальнейшее будущее [8, с. 32].

Вопросы религии, как отдельный элемент в пенитенциарии стал особо актуальным с середины XIX века. Наравне с обновлением уголовного законодательства началось переосмысление международного опыта и современных особенностей при рассмотрении религиозных правонарушений [1]. Начали определяться различные региональные особенности многонациональной России [9]. Стараясь применять существующие мировые достижения к пенитенциарной системе, в России активно обсуждались возможные варианты тюремного воспитания и исправления при использовании методов религиозного воздействия на заключённых. Различные виды заключения, по мнению С.В. Позднышева, должны были отбываться в особых пенитенциарных учреждениях, причём для каждого вида заключения следовало создавать разные пенитенциарные учреждения. В идеале, отдельно взятый вид

ИСТОРИЯ

заклучения должен был иметь свою особую задачу и, при согласовании с администрацией места отбывания наказания, можно было бы продумывать условия содержания, режим и специализированные способы воздействия для конкретного преступника. Позднышев надеялся, что в дальнейшем будут существовать для каждой категории преступников или для отдельной категории правонарушений особые «социальные клиники», в основе которых будут соответствующие методы «социального лечения» [7].

Во второй половине XIX века мы видим уже сложившуюся систему мест заключения. К ним относились – исправительные дома, трудовые дома и арестные дома. В зависимости от условий содержания, целей и контингента, эти виды заключения имели специальные подвиды. Были женские, мужские и места для заключения детей. Были исправительные трудовые дома сельскохозяйственного и ремесленного типов. Для детей не было особых трудовых домов. Были также, хоть и незначительное число, тюрем-изоляторов, с более тяжёлым режимом содержания (Петроград, Орёл). Для отдельных, наиболее нестабильных лиц в нервно-психическом развитии и физическом состоянии, планировалось создание специальных пенитенциарных «социальных клиник», но для второй половины XIX века это было серьёзным пробелом в законодательстве.

Тюремное воспитание должно было быть, по мнению С.В. Позднышева, гуманным и равным для всех групп правонарушителей. Первоначально, на профессиональную составляющую пенитенциарного персонала не обращали внимания. А с момента появления идей о моральной поддержке и духовном перевоспитании осуждённых, мнения понемногу начали меняться. С 1879 года по данному вопросу постепенно начала формироваться теоретическая платформа, ввиду создания Главного тюремного управления, пытавшегося использовать международный опыт и достижения в российской действительности. Первоначально всё же это были священнослужители и духовники [8], использовавшие свои навыки для достижения целей перевоспитания и духовного воздействия. На интуитивном уровне происходило их общение и взаимодействие с осуждёнными. И только с начала XX столетия ситуация постепенно начала меняться. Стала возможной несистемная и эпизодическая первичная подготовка пенитенциарного персонала на базе ведомственных школ. Она заключалась в практической подготовке и обучению в самих местах заключения. Иногда обращали внимание на наличие конкретных профессиональных компетенций, но только для конкретного места или субъекта [10, с. 8]. С 1910 начало работу первое профессиональное учебное заведение – «Московская школа тюремных надзирательниц», но основной упор всё же здесь был сделан на обучение распорядку и дисциплине, а духовному началу внимание особого не уделялось. Ввиду этого духовным развитием и перевоспитанием занимались также тюремные увещатели и штатные священники при тюрьмах. Именно на них возлагалась основная миссия по духовному росту осуждённых.

В целом, идеи системного религиозного воздействия на заключённых впервые в России начали высказываться на уровне государства с середины XIX века. Представители различных сфер деятельности высказывались по этому вопросу. И многие, такие как С.В. Позднышев, предлагали свою точку зрения, основанную на обоснованных классификациях и типологиях. По мнению С.В. Позднышева, тюремное воспитание должно было быть гуманным и равным для всех групп правонарушителей. В этой связи объективно возрастало значение профессиональной составляющей в подготовке пенитенциарного персонала, на которую прежде не обращали внимания. С момента появления идей о моральной поддержке и духовном перевоспитании осуждённых, мнения понемногу начали меняться.

Литература и источники

1. *Позднышев С.В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. - М.: Университетская типография Страстной бульвар, 1906. - 380 с.
2. *Арсеньев К.К.* Свобода совести и веротерпимость: сборник статей. - СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1904.
3. *Позднышев С.В.* Очерки тюремоведения. - М.: Издательство Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнёва, 1915.
4. *Позднышев С.В.* Об изучении преступника в науку уголовного права // Вопросы права. - 1911. - Книга VIII.
5. *Матвеева Е.С.* Тюремный священник в дореволюционной России // Вестник государственного и муниципального управления. - 2021. - Т. 10. - №1.
6. *Матвеева Е.С., Ливцов В.А., Филонов В.И.* Деятельность Комиссии Духовных училищ по вопросам организации и поддержки системы духовного образования в XIX веке (на материалах Орловской губернии) // Былые годы. Российский исторический журнал. - 2021. - № 16 (1). - С. 126-137.
7. *Позднышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. - М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. - 342 с.
8. *Матвеева Е.С.* Увещатель в церковно-пенитенциарной системе дореволюционной России // Вестник государственного и

муниципального управления. - 2020. - Т.9. - №1.

9. *Елисеев А.Л., Матвеева Е.С.* Вопросы модернизации церковно-пенитенциарной системы России второй половины XIX века // Заметки ученого. - 2015. - № 1-1. - С.38-43.

10. *Волошин Д.В.* Подготовка пенитенциарного персонала в дореволюционной России (1879 – 1917 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2018. - № 2.

References and Sources

1. Poznyshv S.V. Religioznye prestupleniya s toчки zreniya religioznoj svobody. K reforme nashego zakonodatel'stva o religioznyh prestupleniyah. - M.: Universitetskaya tipografiya Strastnoj bul'var, 1906. - 380 s.
2. Arsen'ev K.K. Svoboda sovesti i veroterpimost': sbornik statej. - SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1904.
3. Poznyshv S.V. Oчерки tyur'movedeniya. - M.: Izdatel'stvo G.A. Lemana i B.D. Pletnyova, 1915.
4. Poznyshv S.V. Ob" izuchenii prestupnika v naukѣ ugolovnago prava // Voprosy prava. - 1911. - Kniga VIII.
5. Matveeva E.S. Tyuremnyj svyashchennik v dorevolucionnoj Rossii // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. - 2021. - T.10. - №1.
6. Matveeva E.S., Livcov V.A., Filonov V.I. Deyatel'nost' Komissii Duhovnyh uchilishch po voprosam organizacii i podderzhki sistemy duhovnogo obrazovaniya v XIX veke (na materialah Orlovskoj gubernii) // Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal. - 2021. - № 16 (1). - S. 126-137.
7. Poznyshv S.V. Osnovy penitenciarnoj nauki. - M.: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta, 1923. - 342 s.
8. Matveeva E.S. Uveshchevatel' v cerkovno-penitenciarnoj sisteme dorevolucionnoj Rossii // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. - 2020. - Т.9. - №1.
9. Eliseev A.L., Matveeva E.S. Voprosy modernizacii cerkovno-penitenciarnoj sistemy Rossii vtoroj poloviny XIX veka // Zаметки uchenogo. - 2015. - № 1-1. - S.38-43.
10. Voloshin D.V. Podgotovka penitenciarного personala v dorevolucionnoj Rossii (1879 – 1917 gody) // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. - 2018. - № 2.

МАТВЕЕВА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл) (evgmatveeva@bk.ru).

БАЦУКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл) (batsukin.alexei@yandex.ru).

КУЗНЕЦОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА – аспирант, кафедра истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл) (timokhinelena@yandex.ru).

MATVEEVA, EVGENIA S. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of Public Economy and Civil Engineering (Russia, Oryol).

BATSUKIN, ALEKSEY A. – Ph.D. student, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russia, Oryol) (batsukin.alexei@yandex.ru).

KUZNETSOVA, ELENA V. - Ph.D. student, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Oryol).

УДК 94(47)«1914/1918»:908

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-63-68

ГАВРИКОВ Ф.А.

РОЛЬ ГОРОДОВ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОРГАНИЗАЦИИ РАЗМЕЩЕНИЯ БОЛЬНЫХ И РАНЕННЫХ ВОИНОВ, БЕЖЕНЦЕВ И ВОЕННОПЛЕННЫХ, А ТАКЖЕ ПОМОЩИ ФРОНТУ И СЕМЬЯМ ПРИЗВАННЫХ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Первая мировая война, Курская губерния, беженцы, военнопленные, города, госпитали, лазареты, благотворительность, семьи призванных, пособия, органы власти.

В самом начале Первой мировой войны в повседневной жизни городов Курской губернии произошли значительные изменения. Прежде всего они коснулись структуры городского населения. Часть горожан была призвана в действующую армию. В городах появились новые жители, организация жизни которых легла тяжелым грузом на местные власти, общественные организации и обычных обывателей. В статье рассмотрены проблемы размещения в городских поселениях региона беженцев и переселенцев из оккупированных и прифронтовых районов империи, оказания им помощи, а также создания в городах разветвленной сети эвакуационных пунктов, госпиталей и лазаретов для раненых и больных воинов. Рассматривается также организация помощи семьям призванных на фронт, а также солдатам на передовых позициях

GAVRIKOV, F.A.

THE ROLE OF THE CITIES OF THE KURSK PROVINCE IN ORGANIZING THE ACCOMMODATION OF SICK AND WOUNDED SOLDIERS, REFUGEES AND PRISONERS OF WAR, AS WELL AS ASSISTANCE TO THE FRONT AND THE FAMILIES OF THE DIRECTED DURING THE WORLD WAR I

Key words: World War I, Kursk province, refugees, prisoners of war, cities, hospitals, infirmaries, charity, families of those drafted, benefits, authorities.

At the very beginning of the First World War, significant changes took place in the daily life of the cities of the Kursk province. First of all, they touched upon the structure of the urban population. Some of the townspeople were drafted into the army. New residents appeared in the cities, the organization of whose life laid a heavy burden on local authorities, public organizations and ordinary inhabitants. The article deals with the problems of accommodating refugees and migrants from the occupied and frontline regions of the empire in the urban settlements of the region, providing them with assistance, as well as creating an extensive network of evacuation centers, hospitals and infirmaries for the wounded and sick soldiers in cities. The organization of assistance to the families of those called to the front, as well as to soldiers at the forefront, is also being considered.

В статье «Организация жизни городов Курской губернии в условиях Первой мировой войны» нами были рассмотрены вопросы работы органов городской власти в чрезвычайных условиях военного времени, попытки создания военного производства в городах Курской губернии, исследованы причины и последствия влияния войны на экономику городского хозяйства, а также на жизнь простых горожан. В частности, было показано возникновение и деятельность в регионе таких общественных организаций, как Союз городов и Военно-промышленный комитет [1]. Данная статья продолжает изучение темы жизни провинциальных городов России в условиях Первой мировой войны. В качестве примера нами взята типичная губерния европейской части страны – Курская. В ней рассматриваются проблемы размещения и оказания помощи в городах губернии беженцам и переселенцам из оккупированных и прифронтовых районов империи, создания в них разветвленной сети эвакуационных пунктов, госпиталей и лазаретов для раненых и больных воинов, помощи граждан семьям призванных на фронт и солдатам на передовых позициях.

В структуре городского населения Курской губернии после начала боевых действий на фронтах Первой мировой войны произошли существенные изменения. Как было указано в предыдущей статье городские поселения стали центрами мобилизации, где концентрировались призванные, ратники ополчения, воинские контингенты и канцелярии, мобилизованные лошади, припасы и снаряжение. Определенное количество городских жителей было призвано на фронт, но общая численность горожан, среди солдат на фронте, была не значительной, что показывает в большинстве случаев крестьянское происхождение российской армии периода Первой мировой войны. В тыловых городах Российской империи в массовом порядке стали открываться госпитали и лазареты для больных и раненых воинов, с приписанным к ним медицинским персоналом. Большинство медицинских учреждений относилось к военному ведомству и находилось на его обеспечении. Но кроме этой категории, в городах появилась и другая, сугубо мирная, группа горожан – это беженцы Первой мировой войны. Обеспечение их продовольствием, жильем и лечение легли, в том числе, на плечи городских властей губернии.

Самым тяжелым для городских управ стал 1915 год. В ходе «Великого отступления» (апрель – декабрь 1915 года) тысячи людей снимались с родных мест и уходили в глубь страны вместе с отходящей русской армией. Помимо этого, власти стали практиковать вынужденное отселение различных категорий граждан (прежде всего немцев-колонистов) из прифронтовой зоны. Объяснялось это необходимостью обезопасить тылы действующей армии от возможных шпионов и предателей. Всего под оккупацию попала территория Российской империи, на которой проживало около 25 мил. человек. Из них 3 мил. оказались в статусе беженцев и вынужденных переселенцев. Такого хода войны не ожидал никто.

Потоки беженцев из оккупированных областей скопились на всех дорогах, ведущих в глубь страны, что стало серьезным затруднением в организации снабжения действующей армии. Ни государственные, ни местные органы власти не были готовы к приему такой массы переселенцев. Эвакуация велась не организованно, без какого-либо плана или видения дальнейших действий. В начале эвакуации, как выход из ситуации, для размещения беженцев решено было использовать товарные вагоны. Это поспешное решение привело к тому, что к осени 1915 года железная дорога не досчиталась 120 тыс. вагонов, которых и так катастрофически не хватало как в тылу, так и для снабжения действующей армии [2, с. 87, 103].

В Курской губернии по плану Верховного командования планировалось разместить 300 тыс. вынужденных переселенцев из Волынской губернии. Основной поток беженцев проходил через узловые железнодорожные станции Курск и Белгород, являвшиеся также местом пересечения крупных грунтовых дорог. Именно они и приняли на себя основной поток жертв войны [3, с. 38–43]. Всего за годы войны в Курской губернии было размещено 100 тыс. беженцев. По этому показателю губерния занимала 10 место в России. К 1 февраля 1916 года в городах региона проживало 16742 беженцев, что составляло 20,4 % от всего числа вынужденных переселенцев или каждый пятый. В 1916 году беженцы составляли 6% от общего числа жителей губернии. Больше всего переселенцев проживало в г. Курске. На 1 ноября 1916 г. в нем было размещено около 10,5 тыс. человек данной категории, что составляло примерно 10 % от общего числа горожан. Большие группы беженцев разместились также в городах Белгород, Дмитриев, Короча, Обоянь и др. Их общая численность по городам губернии в начале зимы 1916 года

ИСТОРИЯ

составляла 16,8 тыс. человек – это примерно 24,4 % от общего числа беженцев, размещенных в Курской губернии или 6 % городского населения региона [4, л. 49].

Появление такого большого количества новых жителей стало неприятной неожиданностью для городских властей. Для их приема не хватало элементарного – одежды, обуви, продуктов питания. Помещений не было, или они были не готовы к приему большого количества людей. Но самое главное – в бюджетах городов на эти расходы не было предусмотрено финансирование. Тем не менее, такая помощь все же выделялась, причем размер помощи в городах губернии был больше, чем в сельской местности. Так в г. Курске размер пособия в начале 1916 года составлял 20 копеек в день на взрослого (6 рублей в месяц) и 4 руб. в месяц на ребенка. Дополнительно выплачивалось квартирное пособие, колебавшееся от 1 рубля 20 копеек до 2 рублей в месяц в зависимости от города. Власти старались не оставлять беженцев в городах, а поскорее отправлять их в сельскую местность, где для них всегда была работа. В апреле 1916 года было издано распоряжение о снятии с довольствия 15% беженцев, проживающих в городах. В г. Рыльске пособия в январе-феврале 1917 года получали всего 24 семьи (78 человек), хотя на 1 мая 1916 года в городе числилось 277 беженцев. Размер пособия в городе составлял 6 рублей на взрослого; ребенок до 5 лет получал от 2 до 5 рублей [5, л.л. 31-31об.]

Важно отметить, что Россия изначально готовилась к короткой победоносной войне, не предусматривавшей большого количества беженцев и переселенцев. Первое время управам помогали благотворительные акции, проводимые в городах, но собранные на них средства быстро заканчивались, а поступления новых не предвиделось. Хотя местное население, в целом, с готовностью шло на помощь жертвам войны, но были и исключения. Особую неприязнь у местных горожан вызывали прибывавшие из мест своего постоянного проживания немцы-колонисты, которых государственные органы насильственно переселяли вглубь страны. Коренное население считало их шпионами и предателями всех, без исключения [6, л.л. 4, 6-6 об, 13, 14 об, 18 об, 19].

В вопросе оказания помощи беженцам органам местного самоуправления активную помощь оказывали благотворительные организации. К примеру, такие как «Татьянинский комитет», который специализировался на помощи детям беженцев и продолжил свою работы даже после Февральской революции [3, с.52]. В городах губернии стали возникать и национальные общественные организации, созданные для помощи беженцам. Беженцы-католики, к примеру, попали под опеку курского настоятеля римско-католического прихода Ф. Ушинского [3, с.56]. 22 ноября 1914 г. в Курске был организован комитет «Вспомоществования бедным семействам поляков, участвующим в войне и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий». Его состав на момент основания насчитывал 19 человек [7, л.л. 105, 108].

Для помощи беженцам еврейской национальности был организован «Курский временный комитет по оказанию помощи семьям евреям записанным в Курской губернии и еврейскому населению, пострадавшему от военных действий». Комитет открыл специальные школы (ходеры) для детей беженцев с изучением иврита и иудаизма в городах Курске, Белгороде, Старом Осколе и Обояни. Уроженцев Прибалтики опекал «Курский отдел Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны», а также «Курский отдел латышского ремесленного общества», организованный в январе 1917 года. После эвакуации в Курск Рижского машиностроительного завода, его директор Р.К. Дутцен организовал «Курское отделение Латышского общества вспомоществования «Родина». Отделение «Родина» первоначально оказывало помощь 120 рабочим завода и их семьям. Впоследствии под его опекой оказалось 400 латышей. Организацией была создана в Курске школа для латышских детей на 24 места, приют для 47 детей и стариков и амбулатория [3, с.57]. Уже после Февральской революции 7 мая 1917 года в Курске было зарегистрировано «Украинское общество помощи беженцам» [8, л. 69].

Дестабилизирующее влияние на жизнь провинциального города Курской губернии оказывало появление в нем солдат противника, но уже в качестве военнопленных. Пленных также необходимо было одевать, кормить и размещать. Власти городов пытались как можно быстрее избавиться от этих «гостей» и отправить их на работу в сельскую местность, где их распределяли среди местных крестьян. В городах находилась лишь незначительная часть военнопленных. Губернский центр не был предназначен для размещения пленных. В нем находились только те, кто нуждался в лечении. Также в Курске под стражей находился австрийский униатский митрополит граф Шептицкий [9, л.л. 26-26об.]. Если брать данные за 23 февраля 1915 г, то

ИСТОРИЯ

наибольшее количество военнопленных находилось в Белгороде – 11 офицеров и 600 солдат, затем шел г. Обоянь – 20 офицеров и 400 нижних чинов. Всего на конец 1915 года в 11 городах Курской губернии (Белгороде, Грайвороне, Короче, Льгове, Обояни, Путивле, Рыльске, Старом Осколе, Тиму и Щиграх) располагалось 11 офицеров и 2060 рядовых [10, с. 59].

Отношение местного населения с военнопленными складывалось по-разному. Немцев – откровенно ненавидели. Отношения к подданным Австро-Венгрии славянского происхождения колебалось от нейтрального до откровенной симпатии и жалости. Солдаты данной категории свободно ходили по городам, вступали в общение с местными жителями (сказывалось сходство языков). Данные факты не могли не беспокоить власти. Очень часто в разговорах с горожанами военнопленные рассказывали о трудностях и ужасах войны, сравнивали свою жизнь и жизнь русских людей. Это сравнение не было в пользу последних. В этой связи 30 марта 1915 г. вышел приказ по Московскому военному округу, запрещающий пленным праздное «шатание» по улицам городов и общение с местными жителями [11, л. 40].

Как и по всей России, в городах Курской губернии стали открываться госпитали и лазареты для больных и раненых воинов. Особую роль в организации лечения солдат играли органы местного самоуправления. Высокую оценку официальных лиц получили организованные в городах региона госпитали курского земства. В отзывах Верховных санитарных инспекторов – генералов Евдокимова и Сандецкова отмечалось отличное состояние госпиталей Курского земства. Они благодарили местные власти за выдающуюся их деятельность на благо Родины. А Его Императорскому высочеству принцу Ольденбургскому принадлежит следующее высказывание: «...в госпиталях Курского земства есть все то, что имеют лучшие столичные учреждения такого рода» [12, с. 1544].

Не остались безучастными к судьбам наших солдат и учителя. Они отчисляли часть своей зарплаты на нужды раненых, собирали и распределяли пожертвования среди нуждающихся, отправляли на фронт подарки, участвовали в деятельности благотворительных организаций, вели среди населения разъяснительную работу, устраивали в госпиталях и лазаретах спектакли для солдат и многое другое [10, с. 83–93]. Не осталось в стороне и Православная церковь. Так подготовкой сестер милосердия для курских госпиталей занялась Курская Знаменская община российского общества Красного Креста. Во всех приходах губернии после службы проходили сборы пожертвований для нужд фронта. В монастырях были организованы приюты для сирот и нуждающихся [13, л. 52].

Многие горожане, общественные и государственные деятели не остались равнодушными к судьбе наших солдат, пострадавших за царя и Отечество. Они помогали в лечении больных и раненых, поставляли продовольствие, белье и оборудование. Большую помощь госпиталям и лазаретам оказали член Государственной Думы, предводитель путивльского дворянства Г.А. Шечнов, князь и княгиня Л.И. и Н.В. Дондуковы-Изьединовы, земский начальник Тимского уезда П.С. Глазов, секретарь Курского дворянства Н.Д. Решетинский. Отдельно необходимо выделить персонал курских госпиталей – врачей Л.П. Олицкую, И.С. Галицкого, М.А. Маркович, В.А. и А.Я. Шиле, а также сестер милосердия и оказывавший им содействие Курский Дамский комитет во главе с председателями А.Я. Камелининой и К.А. Пятаковой. Не остались в стороне от всеобщего горя и простые горожане – Л.В. и Л.Н. Сверчевские, В.Г. Тимонин, Н.Н. Каменев и многие другие [14, с. 4]. Всего за годы войны только в одном Курске было организовано и действовало 36 госпиталей и лазаретов. Уже с 1915 года в городе действовали 9 эвакуационных госпиталей. Только за июнь-июль 1917 г. через Курский распределительный пункт прошло более 66 тыс. раненых и больных солдат. По всем городам Курской губернии было развернуто 49 госпиталей и лазаретов. В самом большом – лазарете Всероссийского союза городов – одновременно можно было разместить 420 человек [15, л. 36].

Подготовкой сестер милосердия для госпиталей занялась Курская Знаменская община сестер милосердия Российского общества Красного Креста, которую курировала дочь Николая II – Татьяна, в следствии чего, организация получила название Татьянинский комитет. Только за первый месяц войны 320 жительниц городов Курской губернии изъявили желания обучаться на курсах сестер милосердия. Из них были приняты 140 курянок, 98 – успешно сдали выпускные экзамены. Из всех выпускниц 66 получили назначения в курские сводные эвакуационные госпитали, 5 были приписаны к запасным госпиталям военного ведомства, трое – командированы

ИСТОРИЯ

в лазареты Курского губернского земства, а оставшиеся 24 работали в частных лазаретах Курской губернии [16, с. 80-90]. В свою очередь, горожане, особенно в начале войны, трепетно заботились об ушедших на фронт земляках. Для них собирали одежду, белье, табак, продукты. К праздникам на передовую обязательно отправлялись подарки. По городам губернии практиковался сбор денежных средств для особых рождественских «гостинцев» фронтовикам [17, л. 5].

Одной из основных задач органов городского самоуправления стало обследование семей призванных на предмет выдачи им пайков и пособий от государства. Первейшей проблемой являлось составление списков получателей казенной помощи. Пособия и пайки выдавались только особо нуждающимся семьям военнослужащих. Поэтому в городах были созданы специальные комиссии по обследованию материального положения претендентов на получение помощи. Размеры пособия были вполне скромными, пересматривались редко и не успевали за ростом цен. В городах на 1914 год размер помощи составлял 2 р. 30 коп. на каждого члена семьи призванного [18, с. 4]. Для нормального существования этого явно не хватало, поэтому местным властям приходилось изыскивать средства для оказания дополнительной помощи семьям военнослужащих действующей армии. Для детей призванных, сирот и полусирот по всем городам губернии была создана разветвленная система приютов и пансионатов. Большую помощь оказала Русская Православная Церковь. При церквях и монастырях открывались приюты, в приходских школах создавались специальные классы для нуждающихся в помощи солдатских детей. Самый большой приют для 120 детей был создан при Стрелецкой церковно-приходской школе [19, с. 3].

Если анализировать общее число призванных из городов Курской губернии в действующую армию, то их число было незначительным. С учетом числа выдаваемых пособий, можно определить, что численность мобилизованных городских жителей составляла 3,2 % от общего количества отправленных на фронт. Большинство горожан находило способы избежать призыва, получая отсрочки. Так, например, губернский Курск, население которого на 1914 год составляло 87,8 тыс. человек, отдал фронту всего около 3 тысяч жителей. В уездной Обояни, где проживало 14,5 тысяч горожан, было призвано 500 человек. Таким образом, в среднем плотность призыва составляла 1 мобилизованный на 29 жителей города [20, с. 67].

Кроме подарков фронтовикам на Пасху и Рождество в Курске были организованы и отправлены на передовую: отряд сестер милосердия, поезд-баня, передвижные госпитали. Но творившаяся в прифронтовых районах неразбериха, халатность воинских начальников, загруженность железных дорог не позволила им работать на полную мощность, хотя их помощь была крайне необходима для действующей армии [10, с.134].

В итоге необходимо констатировать, что города Курской губернии в основном смогли перестроить жизнь под требования военного времени. Тем не менее, власти не могли организовать вполне удовлетворительное снабжение увеличившегося городского населения продовольствием и предметами первой необходимости. С каждым военным годом трудностей становилось все больше, а местные власти справлялись с ними все хуже. Как следствие, отношение к войне у населения сменилось от восторженного к резко негативному. В результате, местная элита и простые граждане без труда приняли переход власти в стране к Временному правительству.

Литература и источники

1. Гавриков Ф.А. Организация жизни городов Курской губернии в условиях Первой мировой войны// Современная научная мысль. - 2022. -№2. - С. 53-59.
2. Яковлев Н.Н. Экономические кризисы в России. - М.: Госполитиздат, 1955.
3. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в Курской губернии: 1914–1917 // Курские тетради: Тетрадь первая. - Курск, КГПУ, 1997. - С.33-59.
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9121.
5. ГАКО. Ф. 302. Оп. 2. Д. 15.
6. ГАКО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 214.
7. ГАКО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАКО. Ф. 302. Оп. 2. Д. 16.
9. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 548.
10. Обзор Курской губернии за 1915 год: Приложение. - Курск: электрическая типолитография губернского правления, 1916.
11. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8877.
12. Журналы заседаний очередного Курского губернского земского собрания за 1914 год. - Курск, 1915.
13. Журналы заседания, обновленного Курского губернского экстренного земского собрания за 19–21 апреля. - Курск, 1917.
14. Курская бль. - 1915. - 21 февраля. - № 49.
15. ГАКО. Ф. 302. Оп. 1. Д. 668.
16. Обзор Курской Губернии за 1914 год: Приложение. - Курск: электрическая типолитография губернского правления, 1916.

17. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10729.
18. Курская быль. - 1915. - 22 февраля. - № 50.
19. Курская быль. - 1916. - 28 июля. - № 196.
20. Объяснительная записка к смете доходов и расходов г. Курска на 1915г. - Курск, 1916.

References and Sources

1. Gavrikov F.A. Organizaciya zhizni gorodov Kurskoj gubernii v usloviyah Pervoj mirovoj vojny//Sovremennaya nauchnaya mysl'. - 2022. -№ 2. - S. 53-59.
2. Yakovlev N.N. Ekonomicheskie krizisy v Rossii. - M.: Gospolitizdat, 1955.
3. Kurcev A.N. Bezheny Pervoj mirovoj vojny v Kurskoj gubernii: 1914–1917 // Kurskie tetrad'i: Tetrad' pervaya. - Kursk, KGPU, 1997. - S.33-59.
4. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti (GAKO). F. 1. Op. 1. D. 9121.
5. GAKO. F. 302. Op. 2. D. 15.
6. GAKO. F. 230. Op. 1. D. 214.
7. GAKO. F. 148. Op. 1. D. 12.
8. GAKO. F. 302. Op. 2. D. 16.
9. GAKO. F. 1642. Op. 2. D. 548.
10. Obzor Kurskoj gubernii za 1915 god: Prilozhenie. - Kursk: elektricheskaya tipolitografiya gubernskogo pravleniya, 1916.
11. GAKO. F. 1. Op. 1. D. 8877.
12. Zhurnaly zasedanij ocherednogo Kurskogo gubernskogo zemskogo sobraniya za 1914 god. - Kursk, 1915.
13. Zhurnaly zasedaniya, obnovlennogo Kurskogo gubernskogo ekstrennogo zemskogo sobraniya za 19–21 aprelya. - Kursk, 1917.
14. Kurskaya byl'. - 1915. - 21 fevralya. - № 49.
15. GAKO. F. 302. Op. 1. D. 668.
16. Obzor Kurskoj Gubernii za 1914 god: Prilozhenie. - Kursk: elektricheskaya tipolitografiya gubernskogo pravleniya, 1916.
17. GAKO. F. 1. Op. 1. D. 10729.
18. Kurskaya byl'. - 1915. - 22 fevralya. - № 50.
19. Kurskaya byl'. - 1916. - 28 iyulya. - № 196.
20. Ob'yasnitel'naya zapiska k smete dohodov i raskhodov g. Kurska na 1915g. - Kursk, 1916.

ГАВРИКОВ ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент Курского государственного университета.
GAVRIKOV, FEDOR A. – Ph.D. in History, Associate Professor, Kursk State University (gavrikovf81@mail.ru).

УДК 94(510).091/092

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-68-74

СИНЬ ВЭЙ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН В ПЕРИОД КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1911-1949)

Ключевые слова: Китайская Республика, Хэйлунцзян, этнические меньшинства, экономическое развитие, хозяйственный уклад, освоение земель.

В статье рассмотрены особенности региональной экономической политики в сфере регулирования хозяйственного развития этнических меньшинств в период Китайской Республики. Показано, что, стремясь способствовать экономическому развитию местных этносов, правительство Хэйлунцзяна сформулировало ряд перспективных направлений этнической политики, таких как освобождение этнических меньшинств от обязанности платить дань, освобождение от военной службы и т.д. Одновременно был взят курс на расселение в районе Хэйлунцзяна большого количества ханьцев. Отмечается, что, в результате реализации данной политики, контакты между этническими меньшинствами и ханьцами существенно усилились, что способствовало прогрессивному влиянию передовых технологий ханьской народности на производство и образ жизни этнических меньшинств и, в целом, ускорило процессы экономического развития этнических меньшинств в Хэйлунцзяне.

XIN WEI

ON THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE ETHNIC MINORITIES IN THE HEILONGJIANG DURING THE PERIOD OF THE REPUBLIC OF CHINA (1911-1949)

Key words: Republic of China, Heilongjiang, ethnic minorities, economic development, economic structure, land development.

The article considers the features of regional economic policy in the sphere of regulation of the economic development of ethnic minorities during the period of the Republic of China. It is shown that, in an effort to promote the economic development of local ethnic groups, the Heilongjiang government formulated a number of promising areas of ethnic policy, such as the release of ethnic minorities from the obligation to pay tribute, exemption from military service, etc. At the same time, a course was taken to resettle a large number of Han people in the Heilongjiang region. It is noted that, as a result of the implementation of this policy, contacts between ethnic minorities and Hans have increased significantly, which contributed to the progressive influence of advanced technologies of the Han people on the production and lifestyle of ethnic minorities and, in general, accelerated the processes of economic development of ethnic minorities in Heilongjiang.

Характеризуя особенности этнической политики правительства провинции Хэйлунцзян в период Китайской Республики (1911-1949), нельзя не обратить внимания на тот факт, что оно формировало ее на более прогрессивных, чем прежде, принципах, в частности, способствовавших экономическому развитию этнических меньшинств региона. Во-первых, новый курс властей состоял в стремлении облегчить налоговое бремя путем освобождения представителей всех национальных меньшинств от обязанности платить дань. Во-вторых, преследуя цели

ИСТОРИЯ

сосредоточения населения на производстве, они освободили от воинской повинности представителей различных национальных меньшинств, ранее включенных в «восьмизнаменные» войска (маньчжурские, монгольские, китайские). Одновременно с этим ставка была сделана на то, чтобы широко привлекать в регион ханьцев, призванных продолжить реализацию политики мелиорации, начатую с конца династии Цин. По статистике, только с 1918 по 1922 год в Хэйлунцзян за пять лет переселилось более 766 тысяч ханьских крестьян, в среднем 140 тысяч человек в год [1, с. 69]. В результате проведения данного курса, за время существования Китайской Республики большое количество ханьцев поселилось в районе Хэйлунцзян. Благодаря частым контактам между этническими меньшинствами и народностью хань передовые технологии производства, освоенные ханьцами, стали оказывать большее влияние на этнические меньшинства, что ускорило процесс их экономического развития в провинции Хэйлунцзян.

(1) Маньчжурская экономика.

В период Китайской Республики наиболее быстрого и значительного хозяйственного прогресса добились маньчжуры. В силу этого была закреплена тенденция к тому, что основным источником дохода для маньчжур стало сельское хозяйство, при этом рыболовство и охота занимали всё меньшую и меньшую часть их жизни. Многие маньчжуры стали крупными землевладельцами с большим количеством земли. Улучшилась и техническая оснащённость маньчжурских хозяйств. Орудия труда у маньчжур, в основном, были такими же, как и у ханьцев, причем маньчжуры, жившие вдоль реки Хэйлунцзян, использовали самые передовые сельскохозяйственные орудия, импортированные из Советского Союза. Основные сорта культивируемых в то время сельскохозяйственных культур составляли пшеница, сорго, просо, соя и др. В полеводстве были приняты прополка и окучивание, осенью проводилась дополнительная обработка земли, была освоена технология внесения удобрений. В целом, в своей хозяйственной практике маньчжуры обобщили уникальный и эффективный производственный опыт многолетней производственной практики.

(2) Монгольская экономика.

Характеризуя политику в сфере хозяйственного развития монгольского этноса, нужно отметить, что правительство Китайской Республики в первую очередь проводило курс на содействие монгольскому народу (его поселениям) в деле освоения пустынных и залежных земель, что имело своим результатом значительное усиление экономического потенциала Монголии. По статистике, с 1914 по 1927 год только в таких поселениях как Тайлай, Далай, Анда, Гоэрлос-Хоуци и ряде других монгольских населенных пунктах было освоено 579 270 гряд целинных земель [2, с. 258], в результате чего здесь возникли процветающие территории, на которых рядом жили монголы и ханьцы, совместно развивая животноводство, растениеводство, промышленность и торговлю. При этом, несмотря на реализацию в регионе масштабных программ мелиорации, значительное количество сельскохозяйственных и пастбищных угодий были сохранены за монгольским народом. В результате развития аграрного сектора экономики, регион расширил производство сорго, пшеницы, картофеля, конопли, огородных культур и пр., усовершенствовал методы обработки земли. У домов местных жителей были разбиты сады. В целом, животноводство и растениеводство достигли здесь значительного прогресса. Наряду с этим, правительство также поощряло развитие промышленности и торговли, что, в определенной степени, раскрыло творческий потенциал монгольского народа.

В рассматриваемый период были открыты кожевенные, масляные, столярные, войлочные мастерские, винокурни, сушильные печи, а также другие ремесленные мастерские в Гоэрлос-Хоуци (Внутренняя Монголия), Дурбэт (Монгольский автономный район), Жалайд и Икеминьань-Гунци. Широкую известность приобрела, в частности, китайская водка из Жалайди Дурбэд-Монгольского хошуна (административная военно-феодалная территория с потенциалом около 1 дивизии ополчения; удельное княжество – ред.). Как правило, основой производства являлось ручное ремесло. В целом, местная кустарная промышленность развивалась довольно успешно. В общем ряду производимых товаров следует выделить, прежде всего, кареты, вальтрапы, конскую упряжь, соевое масло, бобовый жмых, подковы, мебель, телеги и тележки (Lele), плуги, войлок, фетровые шляпы, войлочные носки и иные предметы первой необходимости для пастухов и фермеров. В новых городах, таких как Датун, Тайлай, Анганси, Далай и Сяохаоцзы, сложилась сеть коммерческих банков, что сделало более удобной покупку и продажу товаров.

ИСТОРИЯ

В целом, в период Китайской Республики монгольский народ все еще имел архаичные формы организации хозяйственной и социальной жизни. Князья и аристократы занимали в данном регионе не только господствующее положение в политическом плане, но и монопольное положение в экономическом отношении. Тем не менее, в это время наблюдалось известное совершенствование трудовых отношений. В данной связи следует выделить два основных вида занятости населения – индивидуальную и коллективную. Поскольку обычные пастухи не имели возможности нанимать людей для выпаса скота, то нередко несколько семей объединялись, чтобы по очереди пасти скот всех этих семей. Как следствие, достижения в области животноводства позволили значительно увеличить поголовье скота. В поздний период существования Китайской Республики монгольское население только в западной части Хэйлунцзяна имело более 3,44 миллионов лошадей, крупного рогатого скота и овец [3, с. 701]. Несмотря на это, устаревшие формы ведения хозяйства в регионе в то время все еще преобладали. В частности, в животноводстве все еще в основном применялись экстенсивные, отсталые методы.

Тем не менее, в результате осуществления программ мелиорации, сокращения площадей пастбищ и повышения рентабельности земледелия, монгольское сельское хозяйство быстро развивалось, расширялось разнообразие выращиваемых культур. В частности, здесь выращивались просо, соевые бобы, черная фасоль, кукуруза, фасоль адзуки, маш. Среди овощных культур наибольшее значение имели капуста, редис, зелень горчицы, баклажаны, перец, картофель, фасоль, огурцы, дыни, сельдерей, лук и т.д. Все большее значение для крестьян приобретали такие товарные культуры, как конопля и семена конопли. Нужно отметить, что сельскохозяйственного орудия труда также были значительно усовершенствованы. Монголы традиционно использовали множество легких мотыг, легких деревянных лопат, к которым добавились такие инструменты, как каменные катки, катки и вентиляторы. В результате этого сельскохозяйственное производство увеличилось. Монголы собирали по 2-3 ши с 10 му (ши - мера веса, равная примерно 71,6 кг. – авт.) сои, гречихи и пшеницы, 3-4 ши проса и 4-5 ши кукурузы.

В то время у монгольского народа появилась и новая отрасль – рыболовство. На фоне реализации программ мелиорации, монгольский народ под влиянием ханьцев также занялся рыбным промыслом и образовал множество рыболовных угодий. Только в двух знаменах Залайд и Дуэрбот насчитывалось 238 рыболовных угодий. Орудия и методы рыбной ловли также постепенно совершенствовались. Одновременно развивалась монгольская торговля. Как отмечалось учеными, они «в основном ходили в близлежащие города, чтобы покупать и продавать товары. Такие, как город Датун, Тайлай, Анганси, Далай, Тайкан и другие места. В каждом хошуне также имелись торговцы, что делало покупки и продажи товаров более удобными. Например, в Дурбэд-Монгольском автономном хошуне имелись 3 больших лавки, которые продавали бакалею, одежду и т.д., а также большой бакалейный магазин; а в больших деревнях были маленькие магазины» [4, с. 143].

(3) Киргизская экономика.

Киргизы всегда жили среди монголов. В период Китайской Республики в сельскохозяйственном отношении киргизы имели 51 двор в деревне Уцзязи уезда Фую, в том числе 7 дворов с 10-30 шан земли (земельный участок в среднем площадью 10 му; на северо-востоке – 15 му, на северо-западе – 3-5 му), 4 двора – с 1-10 шан и 40 дворов – без земли. К этому времени они отказались от традиционного деревянного плуга и перешли на железные плуги, которые существенно повысили эффективность производства и сформировали экономическую форму с преобладанием растениеводства. Киргизы выращивали сою, кукурузу, пшеницу, огурцы, баклажаны, перец, картофель, бахчевые культуры и т.д. Вместе с тем, в их хозяйственном укладе определенное значение сохраняла охота. Киргизы использовали для охоты одноствольные ружья, китайские многозарядные арбалеты лянчжун и различные скорострельные винтовки, продаваемые русскими купцами. Актуальным для местного хозяйства оставалось и скотоводство. Для выпаса скота и лошадей здесь выделялись специальные пастухи. Также жители рыли на окраине села и перед домами траншеи, и за ними строили деревянные заборы для содержания скота в неволе, чтобы предотвратить падеж скота.

(4) Эвенкийская экономика.

К рассматриваемому периоду эвенки распрощались с традиционными формами охотничьего хозяйства и выпаса животных и перешли к оседлому земледельческому образу жизни.

ИСТОРИЯ

Такое изменение образа жизни стало важным шагом вперед в социальном развитии эвенков. В первые годы Китайской Республики среди эвенков усилилось расслоение, появились землевладельцы и бедные крестьяне. В частности, семья, известная в народе как «Амидабаин» (богатый человек с севера), нанимала до пятидесяти или шестидесяти только постоянных рабочих. Помимо них, на период проведения посевных и уборочных работ также нанимались сезонные рабочие. Позже помещики передали всю свою землю для обработки ханьским арендаторам. И независимо от того, хорошим или плохим был урожай, годовая рента составляла один ши за шан или один ши и пять доу (мера веса в 2,5 цзинь или 1,25 килограмма). При этом чистая рента за камень исчислялась в 500 цзинь (1 цзинь = 500 грамм – ред.), или прибыль делилась в пропорции 70:30 живой ренты, размер которой устанавливался в зависимости от урожая.

Определенное значение для хозяйства эвенков имели лесозаготовительные работы. Помимо производства древесного угля, эвенки производили деревянные плоты. Ежегодно – в феврале - марте – они отправлялись в горы за лесом, а в апреле и мае спускали заготовленные пиломатериалы на равнину и собирали вместе. В июне и июле они изготавливали большие колесные повозки, которые перевозились затем в храм Ганьчжуэр в автономном районе Внутренняя Монголия для обмена с монголами на лошадей.

(5) Даурская экономика.

В 1914 году правительство Китайской Республики сформулировало правила мелиорации, и число ханьцев, осваивавших земли на севере Хэйлунцзяна в районах рек Немор (Немоэр) и Цицикар, резко возросло. В этих условиях, проживавшие здесь дауры стали перенимать у ханьцев глубокую пахоту и более прогрессивные приемы тщательной обработки земли, применяя легкие и тяжелые плуги, бороны и другие сельскохозяйственные орудия. При этом для работы с одним тяжелым плугом использовались две плужные упряжки. В хозяйственный обиход дауров вошли внесение удобрений, перелопачивание, обучение выращиванию сорго, кукурузы и других культур. Сельскохозяйственная техника даурского народа быстро развивалась, масштабы производства непрерывно расширялись, увеличивалось число крупных хлебных хозяйств, а также все выше становилась товарность производивших зерно хозяйств.

В этот период также развивалось освоение даурами лесных ресурсов. С быстрым развитием промышленности Цицикара спрос на древесину значительно увеличился, что привело к росту цен на нее. В результате, некоторые дауры валили лес в верховьях реки Нэн (Нэнцзян; Nen River), увязывали бревна в деревянные плоты и перевозили вниз по течению в Цицикар, Мерген, Лаха, Фулаэрджи и другие места для продажи. Объем реализации древесины «составлял около 3000-5000 кубометров древесины в год» [5, с. 20-23].

В начале XX века была открыта для движения Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), и на северо-восточной границе региона один за другим стали появляться торговые городки. Рога оленя, плод оленя, кровь оленя, желчь медведя, лапа медведя и многие другие продукты стали товаром и стоили все дороже. С тех пор в охотничьем хозяйстве стали использовать современные винтовки, и даурское охотничье хозяйство вступило в период расцвета.

С ростом населения в таких городах, как Мерген, Бордо, Нирджи, Лаха и Цицикар, дауры, живущие по обе стороны реки Нэнцзян, в основном продавали дрова и древесный уголь в обмен на товары народного потребления. Кроме того, каждое лето и осень в городе Цицикар собирались торговые суда. Дауры с реки Нэнцзян отправлялись в Цицикар на лодках, чтобы продавать сельскохозяйственные и побочные продукты и купить производственные материалы и товары широкого потребления. Позднее в более крупных даурских деревнях появились открытые представителями народности хань продовольственные магазины. Ханьские купцы, выезжавшие в сельскую местность, представляли собой торговцев, передвигавшихся на ослиных повозках. При этом обмен материалами между городскими и сельскими районами был очень активным.

(6) Экономика Хэчжэ (нанайцев).

Как отмечалось выше, в период Китайской Республики ханьские иммигранты в Хэйлунцзяне все более перемещались из мест с удобным транспортным сообщением в отдаленные районы. В результате, ханьское население существенно увеличилось в районе Саньцзян. С усилением контактов между народами Хэчжэ и Хань их социальное и экономическое развитие получило дальнейшее развитие. Хотя ханьские фермеры в Чжили, Шаньдуне и других местах не были знакомы с рыболовством, их миграция сюда оказала влияние на рыболовство народа хэчжэ.

ИСТОРИЯ

Рыбаки хэчжэ перешли от домашнего потребления к продаже рыбной продукции. Развитие рыбного производства способствовало совершенствованию орудий лова хэчжэ. Наряду с этим, первоначальные устаревшие модели «ствольного кожуха» и «ляньчжун» были заменены усовершенствованным одноствольным ружьем в качестве охотничьего орудия, что расширило способность хэчжэ охотиться на медведей, кабанов и других крупных зверей. Наряду с этим, у народа хэчжэ в этот период стало все большую популярность приобретать земледелие. В результате, каждая семья имела здесь небольшой участок земли для выращивания овощей, картофеля, небольшого количества зерна. Таким образом, этот народ накапливал опыт развития сельского хозяйства. Тем не менее, аграрное хозяйство у народа хэчжэ всегда имело в основном подсобное значение.

Экономическое развитие региона привело также к развитию торговли. Однако поскольку у хэчжэ своих торговцев не было, все сделки осуществлялись ими путем продажи своей продукции ханьским торговцам и покупки нужных им предметов у них же. Поскольку большинство из них не понимали по-китайски и не разбирались в деловых делах, некоторые люди хэчжэ даже специально нанимали ханьцев, чтобы они занимались вопросами закупок и реализации продукции. Кроме того, хэчжэ часто торговали с русскими. Они везли часть пойманной рыбы в Россию в обмен на хлеб, крючки и другую продукцию – прежде всего предметы первой необходимости. Также хэчжэ часто ходили в лес заготавливать дрова, чтобы продать их в качестве топлива для русских кораблей, плававших по реке Хэйлунцзян.

(7) Экономика орокенской национальности.

В ранний период Китайской Республики местное правительство Хэйлунцзяна проводило политику «отказа от охоты и возвращения к земледелию» и «приема и воспитания» народа орокен. Это было продолжением прежней политики конца династии Цин, призывавшей народ орокен спуститься с гор на равнину и перейти к фермерству. С этой целью для орокен выделялось большое количество пустошей в качестве земли для пропитания, строились дома и выделялись средства на поселение, обустройство, строительство, оплату расходов на мелиорацию земель, покупку скота и лошадей, сельскохозяйственных орудий, транспортных средств и т.д. Данную программу планировалось завершить в течение пяти лет. В результате, многие орокены с дорог Кумар и Билал отказались от охоты и спустились с гор, чтобы поселиться на фермах. Данная политика принесла свои плоды: сельскохозяйственное производство оседлых ороконов достигло неплохих результатов, сельское хозяйство быстро развивалось. В 1913 году начальник округа Хэйхэ выделил 12 голов крупного рогатого скота, и некоторые из ороконов начали разводить крупный рогатый скот. Согласно статистике, к 1923 году на Кумар-роуд было построено 12 деревень (93 дома) и освоено 450 акров открытой земли. 25% от общего числа охотничьих хозяйств на дороге составляли фермеры. На Билаер-роуд возникли 11 деревень (48 домов) с 275 гребней открытой земли и 43 фермерскими хозяйствами. Однако вновь построенные деревни и освоенные земли в основном были сосредоточены в руках Цзо Лин и других. Они нанимали постоянных и сезонных рабочих, превращаясь в крупных землевладельцев. При этом обычные охотники значительно меньше занимались сельским хозяйством, имели мало лошадей и плохие сельскохозяйственные орудия. В результате, большинство ороконов, поначалу обратившихся к сельскому хозяйству, в итоге, в конце периода Китайской Республики покинули свои поля и вернулись в горы, где занялись охотой в горах. При этом охотничье хозяйство ороконов также быстро развивалось. Их охотничьи инструменты были улучшены, огнестрельное оружие – обновлено, а эффективность охоты значительно возросла. В результате, в последующем население горных районов увеличилось, тогда как условия для охоты, напротив, ухудшились. В этой ситуации продовольственные трудности вновь заставили некоторых охотников обратиться к земледелию. Орокены, проживавшие в предгорьях, строили «коновязи», и работали вместе с другими этническими группами, обрабатывая землю.

(8) Экономика хуэй.

В период Китайской Республики в провинции Хэйлунцзян быстро развивались индустрия общественного питания и продажа говядины и баранины народностью хуэй. По статистике, в 1912 году только в Харбине проживало более 50 тысяч иностранцев. Увеличение числа иностранных граждан обеспечивало все более широкий рынок для пищевой промышленности мусульман хуэй и продажи говядины и баранины. В то же время пастбищные районы Хэйлунцзяна были богаты

ИСТОРИЯ

ресурсами, необходимыми для разведения крупного рогатого скота и овец. Все это обеспечивало производство достаточного количества продукции и для народа хуэй, и для продажи. Чтобы облегчить жизнь народа хуэй, в рассматриваемый период появились хозяйства по забою крупного рогатого скота и овец. Значительно расширилась сеть ресторанов, активизировались торговцы едой и т.д. Только в Цицикаре действовало не менее 20 мусульманских ресторанов, которыми управляли представители народности хуэй. В Ачэне имелось 25 мусульманских боен скота. Домохозяйства местных жителей хуэй составляли 27,8% от их общей численности. В Харбине были открыты мусульманские предприятия пищевой промышленности, такие как «Хуншунлун», «Чжимейсян», «Чжимейчжай», «Ишуньшэн», «Хунтайский продовольственный магазин» и «Ичанлун». Как правило, их производственный персонал был немногочисленным – максимально до 6 человек, а чаще – всего 2-3 человека. Работники таких предприятий использовали разнообразные производственные инструменты, такие как горшки, подвесные печи, панели и сита, для работы вручную. Каждое такое предприятие производило около 50 кг муки в день. Ими производились 7 видов тортов, в том числе торт Чанбай, пекинский вонтон, бисквиты и знаменитый пекинский десерт «Восемь сокровиц Пекина» (мучное изделие круглой формы с начинкой из финикового повидла, зеленых слив, изюма, роз, бобового пюре, сахара, банана, смеси перца и соли и др.). Коммерческий имидж данных магазинов хуэйцев был очень хорош. При этом они издавна контактировали с даурами, обращая особое внимание на отношения доверия, владели монгольским и даурским языками, являясь контрагентами дауров в сфере торговли скотом.

Тем не менее, являясь носителями идеологии мелких крестьян, хуэйцы, даже добиваясь процветания в бизнесе, в основном использовали средства не для расширения производства, а для покупки земли, так что промышленность и торговля хуэйцев развивались на основе ручных мастерских. Некоторые представители хуэй, занимавшиеся сельским хозяйством, также начинали расширять свою хозяйственную деятельность за счет развития торговли и мелких ремесел. В первые годы существования Китайской Республики в Цицикаре было 60 кожевенных магазинов, 50 из которых принадлежали мусульманам. В Аченге – 8 кожевенных магазинов, 6 из которых принадлежали мусульманам.

В 1920 году Хун Баокюань, переехавший из Цзилиня, открыл фабрику по производству солений в районе Даовай, где проживал народ хуэй, чтобы удовлетворить потребности народа хуэй. Из-за нехватки средств он использовал тележку для разъездной продажи продуктов на улице. Позже он приобрел дополнительное оборудование и нанял 3-5 временных рабочих, которые, помимо обработки различных солений, перемалывали кунжутное масло, делали соевый соус и уксус. Перебазировавшись затем на 14-ю улицу Тайкоо, он преобразовал свой бизнес в завод по производству солений «Ваньлунцюань», а в 1926 году – открыл два филиала в Чанчуне и Чжухэ (округ Шанчжи).

В конце эпохи Китайской Республики Ми Шуанцин открыл мыловаренный завод, соответствующий обычаям и привычкам народа хуэй, на улице Бао, район Даовай, город Хаши.

(9) Корейская экономика.

В 1910 году Япония аннексировала Корею. При этом японские агрессоры поощряли проникновение в Китай корейцев. В таких условиях в районе Хэйлунцзян отмечался большой приток северо-корейских иммигрантов. Согласно статистике, в 1930 г. только в 11 уездах и городах региона, включая Хайлинь, Нинъань, Харбин, Мулин, Илан, Тунхэ, Ашихе, Мишань, Учан, Баян и Мулан проживали 30 523 корейца (63 266 человек во всем районе Хэйлунцзян) [6, с. 144]. Почти все корейцы, переселившиеся в Хэйлунцзян, занимались выращиванием риса. К 1930 г. «на всем северо-востоке насчитывалось 98 900 гряд рисовых полей, из них 63 800 гряд обрабатывалось корейцами, что составляло 64% от общей площади рисовых полей» [7, с. 76].

Возделывая рисовые поля, во времена Китайской Республики корейцы начали проводить крупные ирригационные работы. Например, в ирригационном районе Хэдун города Шанчжи, созданном с 1918 г., рис выращивался на площади около 1000 му (1 му = 666 2/3 кв. м.), в ирригационном районе Хэйлунгун, созданном в 1922 г., рис выращивался на площади более 1500 му [8, с. 82]. В 1926 году Цуй Вэньси и Цзинь Бинсюань, переехавшие из Северной Кореи, привели с собой более 60 семей корейских беженцев в деревню Наньсин, городок Хэдун, уезд Шанчжи, где они построили плотину на реке Муравей и отвели воду для выращивания риса. Рисоводство стало развиваться в высоких широтах и высокогорьях. К концу периода Китайской Республики 12

корейских фермеров возделывали уже 15 рисовых полей в округе Хума, отодвинув границы выращивания риса в провинции Хэйлунцзян в северный альпийский регион почти на две широты. В то же время 60 семей корейских фермеров успешно засадили 120 рисовых полей в районе Гаолинцзы на горе Чжангуанцай, создав прецедент выращивания риса в высокогорных районах. Корейские фермеры также побудили ханьцев сажать рис, заставив их присоединиться к развитию рисовых полей, быстро расширив площадь рисовых полей в Хэйлунцзяне.

В данной ситуации все большее значение для региона прибрало освоение новых земель для выращивания сельхозпродукции. Весной 1927 года, комендант провинции Хэйлунцзян У Цзюньшэн «приобрел в Советском Союзе пожарный плуг, то есть старомодный трактор, который можно было использовать только для расчистки пустырей. Дешевая рабочая сила – более 300 семей корейских беженцев основали там компанию «Fufeng Rice Field Company» [9, с. 175]. В 1929 году площадь рисовых полей в уезде Учан составляла уже более 16 500 му, в 1930 году площадь рисовых полей в уезде Нинань достигала более 50 000 му. Кроме того, расширение рисовых полей также пропагандировалось и поддерживалось некоторыми просвещенными представителями местных властей.

Литература и источники

1. Ли Дебинь, Ши Фан. Обзор иммигрантов Хэйлунцзяна. - Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1987. (на кит. языке).
2. Сунь Чжаньвэнь. Исследование истории провинции Хэйлунцзян. - Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1983. (на кит. языке).
3. Чжан Боин. Хроника Хэйлунцзяна / под ред. Ли Синьшэна. - Т. 16. - Харбин: Народное издательство Хэйлунцзяна, 1992. (на кит. языке).
4. Отчет об исследовании монгольской социальной истории в провинции Хэйлунцзян / Институт этнических национальностей Китайской академии наук, Хэйлунцзянская группа по исследованию социальной истории меньшинств // Этническая серия Хэйлунцзян. - 1985. - № 1. (на кит. языке).
5. Булин. Традиционный народный промысел даурского народа // Цикларские литературно-исторические материалы. - 1989. - Т. 19. (на кит. языке).
6. Ли Дебинь, Ши Фан. Обзор иммигрантов Хэйлунцзяна. - Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1987. (на кит. языке).
7. Сюй Минсюнь. Предварительное исследование по процессам миграции корейцев на северо-восток // Этническая серия Хэйлунцзян. - 1985. - № 3. (на кит. языке).
8. Инь Хуншань. Предварительное исследование истории производства риса в провинции Хэйлунцзян // Этническая серия Хэйлунцзян. - 1985. - № 3. (на кит. языке).
9. Джин Чангён. Аромат риса и зерна целины, беженцы поднимаются на ветру // Культурно-исторические материалы Цзямусы. - 2014. - т. 19. (на кит. языке).

References and Sources

1. Li Debin', Shi Fan. Obzor immigrantov Hejlunczyana. - Harbin: Hejlunczyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 1987. (na kit. yazyke).
2. Sun' Chzhan'ven'. Issledovanie istorii provincii Hejlunczyan. - Harbin: Hejlunczyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 1983. (na kit. yazyke).
3. Chzhan Boin. Hronika Hejlunczyan / pod red. Li Sinshena. - T. 16. - Harbin: Narodnoe izdatel'stvo Hejlunczyana, 1992. (na kit. yazyke).
4. Otchet ob issledovanii mongol'skoj social'noj istorii v provincii Hejlunczyan / Institut etnicheskikh nacional'nostej Kitajskoj akademii nauk, Hejlunczyanskaya gruppa po issledovaniiyu social'noj istorii men'shinstv // Etnicheskaya seriya Hejlunczyan. - 1985. - № 1. (na kit. yazyke).
5. Bulin. Tradicionnyj narodnyj promysel daurskogo naroda // Cicikarskie literaturno-istoricheskie materialy. - 1989. - T. 19. (na kit. yazyke).
6. Li Debin', Shi Fan. Obzor immigrantov Hejlunczyana. - Harbin: Hejlunczyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 1987. (na kit. yazyke).
7. Syuj Minsyun'. Predvaritel'noe issledovanie po processam migracii korejcev na severo-vostok // Etnicheskaya seriya Hejlunczyan. - 1985. - № 3. (na kit. yazyke).
8. In' Hunshan'. Predvaritel'noe issledovanie istorii proizvodstva risa v provincii Hejlunczyan // Etnicheskaya seriya Hejlunczyan. - 1985. - № 3. (na kit. yazyke).
9. Dzhin Changyon. Aromat risa i zema zeliny, bezhency podnimayutsya na vetru // Kul'turno-istoricheskie materialy Czyamusy. - 2014. - t. 19. (na kit. yazyke).

СИНЬ ВЭЙ - старший научный сотрудник Института истории Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян.

XIN WEI - Senior Research Fellow, Institute of History, Heilongjiang Provincial Academy of Social Sciences (xinwei1969@126.com)

УДК 94(510).091/092

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-74-80

ШЭН СИНЬ

ИЗМЕНЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ УКЛАДЕ ЖИЗНИ ХАРБИНА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ (1898-1931 гг.)¹

Ключевые слова: Харбин, Хэйлунцзян, традиционное общество, аграрное общество, модернизация в Китае, общественная жизнь, династия Цин, Китайская Республика.

В статье рассматриваются процессы социальной эволюции регионального сообщества в Харбине на стадии перехода от поздней Цин и этапе становления Китайской Республики. Показано, что огромное значение для региона имело строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), под влиянием которой Харбин стремительно вышел из состояния застоя и господства натурального хозяйства, начав движение по пути модернизации. Отмечается, что социальная жизнь Харбина в

¹ Статья выполнена в рамках Хэйлунцзянского проекта истории и культуры: «Исследование истории городской жизни Харбина (1898-1945)».

ИСТОРИЯ

рассматриваемый период приобретала качественно новый облик под влиянием традиционных и современных, эндогенных и внешних факторов. При этом ее эволюцию определило переплетение двух сил - традиционного уклада жизни, присущего аграрным сообществам (кланам) с сильным влиянием семейных начал, с одной стороны, и глубоких модернизационных процессов, обусловленных развитием капиталистических отношений и товарного хозяйства, – с другой. Три основных аспекта - повседневная экономическая жизнь, социальные обычаи и культурная деятельность - дают четкое представление о течении традиционной общественной жизни в Харбине в рассматриваемый период.

SHENG XIN

CHANGES IN THE TRADITIONAL WAY OF LIFE IN KHARBIN IN CONDITIONS OF MODERNIZATION (1898-1931)

Key words: Harbin, Heilongjiang, traditional society, agrarian society, modernization in China, public life, Qing Dynasty, Republic of China.

The article deals with the processes of social evolution of the regional community in Harbin at the stage of transition from the late Qing and the stage of formation of the Republic of China. It is shown that the construction of the Chinese Eastern Railway (CER) was of great importance for the region, under the influence of which Harbin rapidly emerged from the state of stagnation and the dominance of subsistence economy, starting to move along the path of modernization. It is noted that the social life of Harbin in the period under review acquired a qualitatively new look under the influence of traditional and modern, endogenous and external factors. At the same time, its evolution was determined by the interweaving of two forces - the traditional way of life inherent in agrarian communities (clans) with a strong influence of family principles, on the one hand, and deep modernization processes due to the development of capitalist relations and commodity economy, on the other. Three main aspects - daily economic life, social customs and cultural activities - give a clear picture of the course of traditional social life in Harbin during the period under review.

Харбин – это мегаполис на Севере Китая, процесс модернизации которого отличался относительно независимым региональным – экономическим, социальным и культурным – характером. Исторически Харбин был местом проживания преимущественно северных национальных меньшинств. При этом их кочевой образ жизни и способ производства обусловили более позднее развитие различных модернизационных процессов, в сравнении с Центральной равниной. По-настоящему лишь строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) с конца XIX века дало толчок к быстрому превращению традиционного общинного социального устройства населения Харбина, в котором до периода Китайской Республики доминировала натуральная деревенская экономика, в космополитический город и экономический центр Северной Маньчжурии. В данном контексте представляется безусловно интересным изучить местное провинциальное сообщество в качестве примера региональных социальных изменений, чтобы исследовать путь Китая от традиционного общества к современному.

В 1896 году, согласно китайско-российскому договору, подписанному с цинским правительством, Российское правительство (в лице фактически подконтрольного российскому Министерству финансов Русско-Китайского банка) получило право на строительство КВЖД [1], и уже через несколько лет эта крупная железная дорога через северо-восток Китая, с Харбином в качестве узлового пункта, была открыта для движения. Таким образом, по существу, появление КВЖД стало огромной «социальной революцией» в районе Харбина, позволив ему всего за одно или два десятилетия перейти от примитивной системы разрозненных натуральных деревенских хозяйств к социальному строю и экономике нового типа. При этом сам Харбин быстро превратился в современный город.

Под влиянием КВЖД в конце цинского и начале республиканского периода в Китае начался период интенсивных социальных изменений. Под мощным влиянием иностранного капитализма развернулась болезненная социальная и цивилизационная трансформация Харбина, трансформация, характеризующаяся жесткими модернизационными переменами и вынужденными переходами. В экономической сфере, созданные иностранным капиталом современные промышленные и торговые предприятия можно считать первым шагом на пути утверждения капиталистического способа производства в регионе, который объективно сыграл роль пионера в подготовке технических сил для трех основных национальных отраслей промышленности – мукомольной, пивоваренной и маслостроительной, возникших позднее и определивших экономический облик Северной Маньчжурии.

Характеризуя процессы в культурной сфере, нужно отметить быстрое увеличение в Харбине числа «иностранцев». Они издавали газеты, создавали учебные заведения, то есть проводили целый ряд мероприятий, к примеру, таких как гуманитарные исследования. Благодаря этому в регионе получили распространение новые знания о философии, устройстве мира, технике, пришло понимание оптики и электричества, теории гражданского договора и эволюционного

развития и т.д. Большой спрос на рабочую силу, который предъявляла КВЖД, как важнейшая транспортная магистраль, привел к тому, что оформился мощный поток перемещения сюда трудовых ресурсов. Большое количество бедных крестьян – в основном из северных регионов, но также из Центрального Китая (Гуанчжоу, Шаньдун, Чжили и пр.) – направлялись в Харбин, чтобы заработать себе на жизнь. Воспитанные в условиях традиционного аграрного общества с преимущественно натуральной сельскохозяйственной экономикой, они неожиданно столкнулись в Харбине с городским сообществом, отличавшемся совершенно непривычным для них ритмом и содержанием жизни. Все это изменяло их прежние привычки «работы от рассвета до заката», в том числе, приучало к экономической деятельности, связанной с машинным производством и конкуренцией, постепенно меняло характер и менталитет представителей традиционного аграрного общества.

В статье будут рассмотрены особенности социальной жизни в Харбине на этапе перехода от позднецинской империи к Китайской Республике, пережившей в 1911-1920-е годы трудный период становления, обрисованы основные контуры городского сообщества, в рамках которого Харбин развивался как торговый город. При этом, в ретроспективе истории становления новых форм социальной жизни, изучаются образ жизни, привычки и состояния людей в Харбине в отмеченный период.

I. Повседневная жизнь в общинном хозяйстве аграрного сообщества.

Местное сообщество в общепринятом социологическом смысле когда-то обозначало, в первую очередь, естественные, территориальные, малые группы, члены которых как правило были знакомы друг с другом, часто взаимодействовали на ежедневной основе, помогали друг другу и разделяли определенный образ жизни. При этом издавна сложившиеся условия жизни данных социумов поддерживали взаимозависимость и привязанность их членов, к организованным, масштабным социальным образованиям, которые в основном ассоциировались с определенными местностями и регионами. Эти условия поддерживали взаимозависимые, эмоциональные связи членов внутри организации в масштабах всего субъекта [2, с. 9].

Отмеченные сообщества представляли собой своего рода группы, связанные вместе на основе механической солидарности, где общий опыт и общие убеждения объединяли людей друг с другом, что являлось продуктом сельскохозяйственного общества. В частности, Ду Цзаньци [3] особо подчеркивает сплоченность деревенского сообщества, которая включает следующие моменты: (1) четкие и стабильные границы, (2) сильное чувство закрытости, четкое «исключение» чужеродного элемента и различие идентичностей деревенских и чужаков, а также строгие условия для приобретения статуса деревенского жителя, (3) высокое чувство коллективной идентичности и коллективный интерес к выживанию за счет объединения на надындивидуальном уровне, (4) относительно тесное внутреннее взаимодействие, (5) сотрудничество на низших уровнях, с коллективными действиями и ритуалами, (6) значение сообщества в качестве морального авторитета. Одним словом, деревня в традиционном китайском обществе была полностью структурно закрытой и полифункциональной базовой социальной единицей [4, с. 194].

Повседневная жизнь в деревенской экономике вращалась вокруг двух основных аспектов: население и производственная жизнь. С точки зрения численности населения, в конце Цин и начале эпохи Китайской Республики сообщество Харбина претерпело значительные изменения. В этой связи, прежде всего, отметим, что Харбин имеет многовековую историю и культуру и с далекой древности был местом, где работали и жили представители самых разнообразных этнических групп севера Китая. При этом издревле подавляющее большинство территории всего бассейна реки Хэйлунцзян, включая район Харбина, было заселено предками маньчжуров – одного из этнических меньшинств современного Китая. После середины XVII века маньчжуры, установили власть династии Цин, и район Харбина попал под юрисдикцию заместителя города Алэчуха (совр. Ачэн), ставшей резиденцией Алэчухаского фудутуна (с 1906 г. уезд – ред.).

Характеризуя местных хозяйственный строй, отметим, что многие маньчжурские и китайские фермеры занимались здесь земледелием. Например, в селе Гу Сянтун, которое было отвоевано ханьцами еще в пятьдесят третьем году эпохи Цяньлун (1788 год). В период правления под девизом «Цзяцин» (Прекрасное и радостное – ред.), в контексте политики «Цзинциикэнь» и особенно в связи с последовавшим снятием запретов на мелиорацию, к концу XIX века в районе Харбина были созданы условия для принятия большого количества переселенцев и ханьской

мелиорации деревни, давших толчок проведению мелиорации деревни. В итоге, в последней четверти XIX века здесь проживало много маньчжур и ханьцев, занимавшихся земледелием и рыболовством. Согласно статистике второго года правления Гуансюй (1876 г.), только в императорской деревне Шуйшиин насчитывалось 3 730 домохозяйств и 28 275 человек. При этом многие переселенцы – ханьцы (незарегистрированные люди и домохозяйства) в эту статистику не включались. В южной части города в районе Сянфан уже в это время существовали ремесленные магазины и мастерские, например, по производству котлов, что привело к образованию кварталов с большим количеством жителей, где люди всех этнических групп жили мирной трудовой жизнью. С точки зрения производственной жизни, в конце правления династии Цин в Харбинском районе доминировало натуральное хозяйство. В то же время, определенное развитие получили товарные растениеводство и животноводство, развивалось маслоделие (маслобойни), железоплавильное производство, торговля. Однако развитие местной экономики замедлялось политикой запретов, проводимой династией Цин. В то время Цзяннаньский район Харбина находился под юрисдикцией заместителя главы столицы – города Алэчуха, которая была под Цзилинем. В период Цзяцин (7-ой император династии Цин) количество знаменитых деревень в районе Харбина постепенно увеличивалось в связи с политикой «миграции и рекультивации пекинских знамен».

В первые годы правления под девизом «Гуансюй» (Славная преемственность; 1875-1908), район Харбина к югу от реки Сынхуа находился под юрисдикцией «залов» Шуанчэн и Бинчжоу, подчиненных заместителю генерал-губернатора Алэчуха. Северная часть реки находилась под юрисдикцией Хулана, подчиненного главе Хэйлунцзяна [5, с. 46]. После начала строительства Китайско-Восточной железной дороги царская Россия воспользовалась полученными в ходе строительства железной дороги привилегиями, и постепенно захватила право проезда, коммерческие права, права на землю вдоль железной дороги и пр.

Уже к началу китайско-японской войны (1894 г.) в Харбине уже было много коммерческих магазинов, благодаря чему коммерческая торговля достигла здесь довольно значительных масштабов. В результате строительства КВЖД, с 1898 г. Харбин фактически стал центром пересечения всех его веток, шедших из Приморья, Забайкалья и Порт-Артура. В результате он стал ключевым северо-восточным центром распределения всех транспортных потоков. В декабре 1905 года Харбин открылся для внешнего мира как крупный торговый центр. Благодаря иностранным инвесторам он стал рынком для значительных объемов иностранных товаров и базой поставок сырья. Вторжение иностранного коммерческого капитала объективно способствовало развитию коммерческого Харбина, харбинский бизнес становился все более процветающим. К 1914 году, перед Первой мировой войной, в Харбине насчитывалось уже более 1800 промышленных и торговых предприятий. Объем импортно-экспортной торговли в 1913 году здесь составил 56,86 млн. таможенных таэлей [6, с. 328-329].

II. Новые социальные практики в семейных системах и иерархиях.

Семья – это микрообъединение на основе родственных и половых связей и, разумеется, общей культуры, при этом семейная система ценностей объединяет и синхронизирует цели ее отдельных членов с целями всего данного микросоциума и создает стимулы для усердной работы на общее благо. В традиционных обществах преобладала система натурального хозяйства, а товарное производство было не развито, хотя отдельные элементы товарного хозяйства здесь и присутствовали [7, с. 80]. В этой преимущественно натуральной экономике семья была основной ячейкой производства и жизни. При этом и в самой семье практиковалась традиционная феодально-патриархальная система, при которой глава мужского пола имел абсолютную власть над членами своей семьи. В то же время воспроизводство и дальнейшее развитие патриархальных семей привело к их социальной группировке в рамках кланов, связанных кровными узами, с различными степенями родства между первыми и вторыми.

Клановая система сохранялась на протяжении всей истории феодального общества, особенно в общинах со стабильным натуральным хозяйством, труднодоступных и изолированных, где специфика местной жизни предоставляла мало возможностей для мобильности населения, а сочетание кровных и географических связей укрепляли ее изолированность. Пытаясь описать ее жизнь, мы неизбежно создадим типичную поэму об идиллической жизни родовой общины, с подробными описаниями производственной жизни родового общества, браков и похорон. Но это не вся история жизни клана. По сути, клан, связанный кровными узами, сформировал строгую

ИСТОРИЯ

систему с властью патриарха в качестве ядра и генеалогией, правилами, родовыми связями и родовыми полями в качестве средств, став неотъемлемой частью структуры феодального общества. Клан, по сути, стал расширенным семейным управлением, с семьей в качестве основной единицы управления. В этом смысле клановая система была семейной системой.

Возникновение и развитие семейной системы являлось результатом влияния и взаимодействия природных, экономических и социальных факторов. С естественной стороны, основой для формирования семейной системы было кровное родство. С экономической стороны, в условиях преимущественно натурального земледелия, для поддержания семейного дохода требовалось большое количество рабочих рук. Соответственно, эта модель неизбежно усиливала взаимодействие и связи между членами рода. Вместе с тем, с социальной стороны, неуклонное развитие региональной политики, связанные с этим изменения, напротив, предоставляли все больше возможностей для развития и модернизации в том числе и семейной системы.

На закате империи Цин, когда классовая напряженность усилилась в связи с аннексией земель, а стихийные бедствия часто обрушивались на многие северные провинции в пределах Шанхайского перевала, в результате комплексного влияния природных и человеческих факторов, бедные люди в поисках средств существования все чаще мигрировали из Шаньдун и Хэбэя в Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян (исторически известный как Сягуаньдун или Гуаньдун), что привело к скоплению групп перемещенных ханьцев вокруг Цитунгуаньчжуан в Харбине. В конечном счете, когда северо-восток был «открыт для освоения», те, кто приехал первыми, призвали своих родственников приводить на новые места людей из своих родных кланов, или тех, кто мигрировал, чтобы присоединиться к своим родственникам и друзьям. Таким образом, Харбин становился все более и более кланово-жилым районом [8, с. 238-242]. Появление крупных кланов такого рода заложило основу для создания и развития разветвленных клановых организаций.

Стоит отметить, что клановая организация была характерна не только для ханьцев, но и для маньчжурского народа, у которого была схожая социальная структура. Как отмечалось, клановая организация основывалась на патриархальных принципах. Возглавлявший ее «патриарх» являлся «родоначальником клана, главой клана» и обладал большой властью внутри него, выступая воплощением «власти клана», председательствующим и контролирующим общие нормы поведения членов клана. Такой патриарх должен был получить одобрение всего клана. И обычно на эту роль избирался старший по возрасту и добродетельный человек, который мог убедить и повести за собой сообщество. Естественно, определенную роль здесь также играли личные качества и индивидуальные достоинства лидера.

Однако экономическое и социальное развитие района Харбин не позволило клану стать «огромным кланом» с «10 000 джиннов». Проживавшие здесь коренные народы, как и ханьское население, переселявшееся сюда различными способами в течение ста лет, не оформились настолько, чтобы дать клану внушительную организацию. Как уже упоминалось выше при характеристике клановой организации в районе Харбина, ее акцент на «клан» и уклон в сторону «родства», а также некоторые политические, экономические и социальные факторы, сделали ее более рыхлой, свободной организацией, в сравнении с чисто кровнородственными кланами материка. Клан в Хэйлунцзяне стал представлять собой скорее широкое, свободное объединение, в отличие от кланов материка. Несмотря на это, в конце династии Цин Харбин все еще был окружен обширной отсталой сельской экономикой. Хотя товарное хозяйство в регионе начало процветать, экономическая основа феодального общества здесь еще не рухнула. Промышленные и торговые люди со всего мира занимались в регионе коммерческой деятельностью, но это не означало, что они были представителями новой экономики. Класс горожан стал городским, но отпечаток сельскохозяйственной цивилизации не мог быть преодолен одновременно. Даже в интеллектуальном мире молодые ученые пишут книги и говорят о мире, наполняя бумагу новыми словами и фразами; старые ученые читают книги и газеты. Короче говоря, Харбин, находясь на этапе перехода от традиционной к современной социальной цивилизации, также демонстрировал смешение старого и нового в своей народной психологии. С точки зрения жизни и верований, новое и старое составляли дихотомию в народной психологии.

III. Рекреация и культурная жизнь сельского сообщества.

Сельская община являлась не только организационной основой сельской жизни в целом, но и средством передачи существующих норм, идей и правил, декретируемых государством.

Сельская община в традиционных социальных условиях базировалась в основном на аграрных экономических структурах, и на этой основе сложилась целая система общинного существования, обладающая как исторической преемственностью, так и реалистической изменчивостью. В данном контексте, рекреационная и культурная жизнь харбинской деревенской общины характеризовалась двумя аспектами. С одной стороны, рекреационная и культурная деятельность в районе Харбина к концу династии Цин и началу эпохи Китайской Республики была региональной, а с другой стороны – подверженной глубоким изменениям под влиянием извне.

В конце XIX и начале XX веков, вместе со строительством и запуском КВЖД, в регион Хэйлунцзян въехало большое количество русских, и русская культура широко распространилась в зоне КВЖД, особенно в Харбине, во многом повлияв на различные стороны жизни местного китайского населения. Конечно, культурам других стран, в большей или меньшей степени, также нашлось место в регионе Хэйлунцзян. В данной связи, в частности, необходимо признать, что сферы досуга и развлечений в Харбине характеризовались очень значительным присутствием продуктов внешнего воздействия, то есть сильным влиянием иностранной культуры, которая стала основным движущим фактором развития досуга и развлечений в Харбине.

В Харбине, как центральном городе региона Хэйлунцзян, оказались смешанными Восток и Запад. Харбин стал витриной для самых разных людей и культур. Но, несомненно, что среди множества иностранных культур основное влияние здесь оказывала русская культура, имевшая определенный региональный и областной размах. Именно русская культура оказала наиболее глубокое влияние на жителей Хэйлунцзяна. Деятельность русских по распространению культуры в регионе Хэйлунцзян охватывала широкий спектр областей. В частности, среди них отметим внедрение кино, которое действительно имело историческое значение и далеко идущее социальное влияние на культурную жизнь в Харбине, которое невозможно недооценить. Кроме того, русские основали в Харбине культурные учреждения. Например, в 1901 году Временная фабрика КВЖД открыла библиотеку и клуб в Даоли. В 1902 году библиотека и клуб КВЖД были созданы в Нанганге. В 1903 году Ширков и другие основали в Харбине первый театр, а Иванов основал театральную компанию. Русские цирки и литературные группы также гастролировали в Харбине и других районах вдоль КВЖД. Одним из наиболее заметных явлений культурной жизни здесь стали, конечно, выступления русского певца, мирового короля баритона Сарыбина.

Очевидно, что российская культурная сцена в Харбине была исключительно богатой и разнообразной, и этот город стал важной платформой для демонстрации российской культуры и культуры других европейских стран. Многогранная культурная деятельность и достижения русских обогатили культурную историю региона Хэйлунцзян и во многом оказали свое благотворное влияние на китайское население.

Под влиянием КВЖД, процесс модернизации Харбина в период заката империи Цин и начального этапа становления Китайской Республики характеризовался масштабными изменениями. Социально-экономические и культурные изменения, связанные с постройкой КВЖД, стали мощной движущей силой модернизации Харбина. Что касается повседневной жизни, общественных обычаев, досуга и культурных мероприятий, то процесс модернизации Харбина был изменен, прежде всего, внешним влиянием. Однако при этом специфические реалии и движущие факторы развития, присущие традиционным аграрным сообществам, продолжали оказывать на Харбинскую область большее влияние, чем стимулирующее и преобразующее воздействие внешних факторов. Таким образом, процесс модернизации Харбина характеризовался двойственностью, в силу которой сильные традиции соседствовали с признаками модернизации. Это обусловило сложное взаимодействие традиционных и современных сил.

Литература и источники

1. Турицын И.В., Турицын Д.А. Российско-китайское сотрудничество в банковской сфере: исторический опыт и реалии эпохи цифровизации // Вопросы истории. - 2021. - №1. - С.121-135.
2. 毛丹.《村落共同体的当代命运：四个观察维度》//社会学研究.2010(1):9 (Мао Дань. Современная судьба деревенских общин: четыре измерения наблюдения // Социологические исследования. - 2010. - №1).
3. Ду Цзаньци. Культура, власть и государство / пер. Ван Фумин. - Нанкин: Народное издательство Цзянсу, 1996.
4. 刘玉照.《村落共同体、基层市场共同体与基层生产共同体—中国乡村社会结构及其变迁》//社会科学战线.2002 (5) : 194 (Лю Юйчжао. Деревенская община, низовая рыночная община и низовая производственная община: социальная структура китайских деревень и особенности ее эволюции // Фронт социальных наук. - 2002. - № 5).
5. 薛连举.《哈尔滨人口变迁》.哈尔滨:黑龙江人民出版社,1998年:46 (Сюэ Ляньцзюй. Демографические изменения в Харбине. - Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1998).

6. 辛培林等.《黑龙江开发史》.哈尔滨:黑龙江人民出版社,1999年:328-329 (*Синь Пэйлинь и др.* История развития Хэйлунцзяна. - Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1999).
7. 石方,高凌.《传统与变革—哈尔滨近代社会文明转型研究》.哈尔滨:黑龙江人民出版社,1995年:80 (*Ши Фан, Гао Лин.* Традиции и перемены: исследование трансформации цивилизации в современном харбинском обществе. - Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1995).
8. 石方.《黑龙江移民史》[M].北京:社会科学文献出版社,2019年:238-242 (*Ши Фан.* История миграции в Хэйлунцзян. - Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2019).

References and Sources

1. Turicyn I.V., Turicyn D.A. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo v bankovskoj sfere: istoricheskij opyt i realii epohi cifrovizacii // Voprosy istorii. - 2021. - №1. - S.121-135.
2. Mao Dan'. Sovremennaya sud'ba derevenskih obshchin: chetyre izmereniya nablyudeniya // Sociologicheskie issledovaniya. - 2010. - №1.
3. Du Czan'ci. Kul'tura, vlast' i gosudarstvo / per. Van Fumin. - Nankin: Narodnoe izdatel'stvo Czyansu, 1996.
4. Lu Yuichzhao. Derevenskaya obshchina, nizovaya rynochnaya obshchina i nizovaya proizvodstvennaya obshchina: social'naya struktura kitajskih dereven' i osobennosti ee evolyucii // Front social'nyh nauk. - 2002. - № 5.
5. Syue Lyan'c'yu. Demograficheskie izmeneniya v Harbine. - Harbin: Hejlunczyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 1998.
6. Sin' Pejlin' i dr. Istoriya razvitiya Hejlunczyana. - Harbin: Hejlunczyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 1999.
7. Shi Fan, Gao Lin. Tradicii i peremeny: issledovanie transformacii civilizacii v sovremennom harbinskom obshchestve. - Harbin: Hejlunczyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 1995).
8. Shi Fan. Istoriya migracii v Hejlunczyan. - Pekin: Izdatel'stvo literatury po obshchestvennym naukam, 2019.

ШЭН СИНЬ - старший научный сотрудник Института социологии Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян.
SHENG XIN - Senior Research Fellow, Institute of Sociology, Heilongjiang Provincial Academy of Social Sciences (shengxin65@163.com).

УДК 94(47)«1919/1921»:338.22

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-80-87

НИКУЛИН В.В.

ЗАПОЗДАЛОЕ РЕШЕНИЕ: ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О ПЕРЕХОДЕ К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Ключевые слова: Советская Россия, военный коммунизм, кризис, новая экономическая политика, большевистская партия, крестьянство.

В статье анализируются экономические и политические условия, сложившиеся в Советской России к началу 1921 г. и вынудившие руководство РКП(б) принять решение о переходе к нэпу. Уточняется хронология событий и обстоятельств, сопровождавших принятие соответствующего решения. Рассматривается история возникновения идеи нэпа в контексте ее первородства и авторства. Подчеркивается, что идея продналога возникла среди политических оппонентов большевиков. Отмечено, что авторство идеи нэпа, принадлежало не Ленину, а вначале меньшевикам, а затем – внутри партии – Л. Троцкому. И сформулирована она гораздо раньше 1921 года. В то же время, нельзя отказать Ленину в инициативе, хотя запоздалой и вынужденной, принятия в конкретный исторический момент решения о смене экономического курса.

NIKULIN, V.V.

BELATED DECISION: ON THE CIRCUMSTANCES OF THE DECISION-MAKING ON THE TRANSITION TO A NEW ECONOMIC POLICY

Key words: Soviet Russia, war communism, crisis, new economic policy, Bolshevik party, peasantry.

The article analyzes the economic and political conditions that prevailed in Soviet Russia by the beginning of 1921 and forced the leadership of the RCP(b) to decide on the transition to the NEP. The chronology of events and circumstances that accompanied the adoption of the relevant decision is specified. The history of the emergence of the NEP idea in the context of its birthright and authorship is considered. It is emphasized that the idea of a tax in kind originated among the political opponents of the Bolsheviks. It is noted that the authorship of the NEP idea did not belong to Lenin, but first to the Mensheviks, and then - within the party - to L. Trotsky. And it was formulated much earlier than 1921. At the same time, one cannot deny Lenin's initiative, although belated and forced, to make a decision at a specific historical moment to change the economic course.

Резкий переход в 1921 году от жесткой экономической системы «военного коммунизма» к новой экономической политике стал для большевиков практически сложным и мировоззренчески мучительным шагом, поскольку сама идея возвращения к капитализму в любой форме и размерах противоречила основополагающим идеалам революции. При более благоприятных условиях развития революции, сомнительно, чтобы она вообще появилась. Но в силу чрезвычайно сложного развития событий, переход к нэпу стал абсолютно необходимым для большевиков с точки зрения экономического и, следовательно, политического выживания. Выбор дальнейших действий был минимален – либо продолжение курса на полную ликвидацию капиталистических элементов с неизбежными в этом случае экономическим крахом и, в ближайшей перспективе, утратой власти, либо возвращение к быстрому и экономически эффективному средству восстановления экономики

ИСТОРИЯ

- частному предпринимательству, способному быстро решить первичные экономические задачи и тем самым предотвратить катастрофическое развитие событий.

Современная историография новой экономической политики весьма обширна и представлена широким кругом исторических, экономических, юридических работ, а также публицистической литературой, в том числе зарубежной. В ней освещаются различные стороны и проявления нэпа, дается всесторонняя оценка задачам и целям новой экономической политики. Но исследовательские вопросы остаются, проблема в целом не уходит из поля зрения научного интереса. Одной из проблем является выявление обстоятельств, сопровождавших принятие решения о переходе к нэпу. Решение было скоротечным, неожиданным для партии и принималось под давлением высокой вероятности фатального развития событий в случае продолжения политики «военного коммунизма». Исследовательский замысел, реализуемый в данной статье, состоит в уточнении обстоятельств принятия решения о нэпе, возникновения самой идеи нэпа, в своей основе антагонистичной и никоим образом не идентифицированной с целями и задачами российской революции. В этом аспекте представляется весьма важным выявление реальных событий, объективно сыгравших основную роль в этом историческом выборе.

Решение о переходе к новой экономической политике стало скорее экспортом, чем продуманным планом, скоротечным по времени обсуждения, принятым под воздействием катастрофического ухудшения продовольственной и политической ситуации в стране в промежуток между декабрем 1920 г. и февралем 1921 г. Об экстренности принятия данного решения говорят многие факты. 22 - 29 декабря 1920 года в Москве проходил VIII Всероссийский съезд Советов, который обсуждал вопросы перехода к мирному строительству. В докладе ВЦИК и СНК «О внешней и внутренней политике», который делал В.И. Ленин, ни слова не говорилось о каком-либо принципиальном изменении общего курса на строительство социализма ускоренными темпами и экономической политики. Главная задача определялась как восстановление экономики, прежде всего, крестьянского хозяйства. Однако решать задачу восстановления планировалось опять же на основе государственного принуждения, лишь несколько приспособленного к условиям мирного времени.

Ленин убеждал делегатов, что в стране мелкого крестьянства главная задача состоит в умении перейти к плановому государственному принуждению, чтобы поднять крестьянское хозяйство. В этой связи Ленин говорил, как о крайней необходимости, об укреплении аппарата принуждения для того, чтобы организованно провести весеннюю посевную кампанию [1, с. 147]. Результаты продразвёрстки он расценивал как скромный, недостаточный, но все-таки как успех, достигнутый правда ценою громадных лишений, голода и бескормицы в крестьянстве. Он напомнил, что в 1918 г. было заготовлено 50 млн. пудов хлеба, 1919 г. - 100 миллионов; 1920 г. - 200 миллионов. Удвоение происходило каждый год, указывал Ленин, и именно поэтому мы в первый раз становимся на ноги [1, с. 149]. Это вселяло, по его мнению, уверенность в том, что на данном пути возможно создать необходимый продовольственный фонд для восстановления народного хозяйства. По его оценке, как минимум, этот фонд должен составлять 320 миллионов пудов (столько было заготовлено в период с 1 августа 1916 по 1 августа 1917 г.). Этот весьма скромный успех продразверстки укрепил уверенность Ленина в необходимости продолжения политики «военного коммунизма», и в возможности на ее основе создать восстановительный продовольственный фонд. В то же время, это принуждение мыслилось не как абсолютная копия «военного коммунизма», а как принуждение «гражданско-коммунистическое», адаптированное к мирным условиям, дополненное новыми приемами работы. К числу таковых он относил производственную пропаганду, имея в виду повышение общей культуры земледелия, и введение стимулирующей меры – премирования крестьян натурой. При этом ставка делалась на старательного хозяина» из середняков и бедняков.

Все эти меры носили характер улучшения, но они не меняли стратегического направления развития крестьянского хозяйства в русле концепции прямого перехода к социализму - государственное принуждение в форме продовольственной разверстки. Правда, Ленин пытался смягчить свои слова о принуждении, как способе перевода крестьян на социалистические рельсы, которые были расценены многими делегатами как попытка насильственного создания коллективных хозяйств. Ленин настаивал на неправильном толковании своих слов о насилии в отношении крестьян, убеждая делегатов съезда советов, что он категорически против

ИСТОРИЯ

насильственного создания коммун, поскольку «всякое насилие в этой области вредно и нелепо, сейчас надо опираться на единоличного крестьянина и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится. Речь шла, по его мнению, лишь о принуждении в форме выполнения крестьянами определенных обязательных правил, касающиеся основных приемов механической обработки полей, производства посевов и способов сохранения естественного плодородия почвы», необходимы для того, чтобы поднять крестьянское хозяйство и обеспечить проведение предстоящей посевной кампании [2, с. 178-184]. Но при этом продразверстка, к этому времени дополненная посевной и семенной разверсткой, не подвергались никакому сомнению. Государственное принуждение осталось главным методом регулирования сельскохозяйственного производства, что подтвердил Ленин в конце работы съезда. В ответ на вопрос можно ли конфисковывать теперь имущество у кулаков, не выполняющих продразверстку, Ленин однозначно ответил, что поступать надо, как и раньше, в строгом соответствии с декретом Советской власти и вашей коммунистической совестью: Поступайте впредь так же, как поступали до сих пор [2, с. 192].

Ставка на экономическое принуждение была зафиксирована и в резолюции, принятой VIII Всероссийским съездом Советов «О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства», закреплявшей продразверстку в качестве основной формы продовольственных заготовок с одновременной организацией помощи крестьянам живым и мертвым инвентарем, устройством ремонтных мастерских, прокатных и зерноочистительных пунктов, семенным материалом, удобрениями и т.п. [3, с. 186-191]. Это означало принуждение крестьян к повышению производительности труда крестьянского хозяйства на основе применения современных методов ведения хозяйства. Со своей стороны, государство обещало помощь в получении необходимых знаний и расширении стимулов поддержания и развития крестьянских хозяйств. Справедливо утверждение в данном контексте, что успехи гражданской войны, высокая эффективность жестко централизованных методов управления, простота и понятность установленных отношений экономики «военного коммунизма» привели к тому, что руководство РКП(б) в конце 1920 года приняло решение продолжить политику государственного принуждения, видя в ней основу выхода из экономического кризиса и хозяйственного возрождения страны [4].

Очевидно, что курс на быстрое построение социализма оставался неизменным, о чем свидетельствовали и все более настойчивые попытки расширить применение распределительно-коммунистических методов в экономике и общественной жизни. Национализация распространялась на мелкие предприятия, экономика переходила на плановое управление, для разработки текущих и перспективных планов хозяйственного развития страны создавался Госплан. Расширялся ассортимент продуктов сельского хозяйства, подлежавших продразверстке. Создавались Трудовые армии, что было продолжением политики милитаризации труда. В начале декабря 1920 г. приняли декрет СНК «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов». Бесплатными стали проезд на трамвае, коммунальные услуги и т.п. Готовился декрет об отмене денежного обращения. Стратегический курс на построение коммунистического общества, зафиксированный во второй программе партии, начал обретать первичные реальные черты. Однако прошел всего месяц с небольшим, и риторика резко изменилась.

Публично впервые изменение риторики заметно в ленинской речи на московской конференции металлистов Москвы и Московской губернии, состоявшейся 2-4 февраля 1921 г. В числе вопросов повестки дня стоял вопрос и об обеспечении населения продовольствием и проблема взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Ленин не принимал участия в работе конференции, но выступил с речью на последнем ее заседании. Главный тезис выступления – необходимость сохранения и развития союза рабочего класса и крестьянства, как основного условия существования советской власти, для чего надо наладить отношения рабочих и крестьян. Второй тезис – если для этого потребуется пересмотреть отношения рабочих к крестьянам, то партия готова к этому, «мы не против пересмотра этих отношений» [5, с. 307-308]. В.И. Ленин не упоминал продналог в качестве средства укрепления союза, но необходимость перехода к продовольственному налогу зафиксирована в итоговой резолюции конференции.

8 февраля 1921 г. вопрос о замене продразверстки продналогом был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК РКП(б). По докладу Н. Осинского (В.В. Оболенского) «О посевной кампании и положении крестьянства» было принято решение о создании комиссии по разработке

ИСТОРИЯ

программы по улучшению положения крестьян. В.И. Ленин передал в комиссию свои тезисы по введению продовольственного налога, написанные тут же на заседании Политбюро. Тезисы содержали перечень основных мероприятий по переходу от продразверстки к продовольственному налогу: 1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом. 2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой. 3. Одобрить принцип сообразования размера налога со старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при повышении старательности земледельца. 4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога [6, с. 333]. Данные положения были положены в основу проекта решения о замене разверстки натуральным налогом, принятого X съездом партии 15 марта 1921 года.

16 февраля по решению Политбюро, в порядке дискуссии и с целью подготовки партийного мнения к предстоящим переменам, разрешает публикацию статей московского губпродкомиссара П.С. Сорокина и заведующего московским губземотделом М.И. Рогова, которые и были опубликованы в «Правде» 17 и 26 февраля 1921 г. под общим названием «Разверстка или налог». В них доказывалось, что принудительной силой невозможно достигнуть увеличения сельскохозяйственного производства, показывались преимущества «продовольственного налога» перед продразверсткой. 24 февраля комиссия представила Пленуму ЦК РКП(б) «Проект постановления ЦК о замене разверстки натуральным налогом», который после обсуждения и доработки и был впоследствии предложен X съезду РКП(б). Наконец, на пленуме Моссовета 28 февраля 1921 г., обсуждавшем вопрос о продовольственном положении, В.И. Ленин впервые публично объявил о предстоящей смене экономического курса. Предвидя неприятие значительной частью партийцев идеи возвращения к капиталистическим методам регулирования экономики, он в своем выступлении выстраивает систему аргументов в обосновании смены курса. Во-первых, он признал ошибочность прежнего курса. Ошибка состояла в преувеличении возможностей продразверстки: Мы хотели улучшить положение рабочих, завысили план разверстки, но ошиблись, в результате продовольственный кризис, обострение «продовольственных страданий». Запасы истрачены, на черный день ничего не оставлено. В центральной России брать нечего, но хлеб есть в Сибири, Украине, С. Кавказе. Но крестьянин отдаст хлеб только за товары, которых сегодня нет. А пока мы не имеем машин, пока крестьянин не захочет сам перейти от мелкого хозяйства к крупному, мы с этой мыслью склонны считаться и на съезде партии через неделю вопрос этот поставим, разберем и вынесем решение, которое удовлетворит беспартийного крестьянина, удовлетворит и широкие массы. Иначе восстания неизбежны каждую весну. Серьезность обстановки с продовольственным снабжением требует срочной смены курса, для этого ускорен созыв партийного съезда, чтобы принять необходимые решения [7, с. 358-366].

Какие же события, воспринятые партийным руководством как в высшей степени опасные для революции, произошли в стране за месяц с небольшим? Настолько, что пришлось в экстренном порядке менять курс с построения «интегрального коммунизма» на возвращение к столь рьяно искореняемым до недавнего времени любым проявлениям капитализма. А произошло катастрофическое ухудшение продовольственного и политического положения. Ситуация достигла критического уровня, страна вплотную подошла к новому витку гражданской войны. Январь – февраль 1921г. – это обострение крестьянского протеста в виде массовых крестьянских восстаний, волнений среди рабочих и в армии. Резко ухудшается продовольственное снабжение городов, в связи с чем Московский Совет даже поставил вопрос о временной отмене в связи с продовольственным кризисом академических и совнаркомовских пайков.

Нарастали злоупотребления с продовольствием. Так, комиссия ЦК РКП(б) во главе с Каменевым, вскрыла в Москве громадные злоупотребления коммунистов в получении продовольственных пайков, что на фоне критического положения с продовольствием вызывало резко отрицательное отношение к РКП(б) [8]. Злоупотребления с продовольствием стали характерной чертой на всех уровнях власти. Типичной была ситуация, сложившаяся, например, в Козловском уезде Тамбовской губернии. В одном из писем в губком РКП(б) сообщалось: «Все стоящие у власти ни в чем не нуждаются и даже имеют предметы роскоши – мед, белая мука, варенье. Все это отобрано у крестьян. Конфискованные у крестьян коровы розданы ответственным работникам. Коммунисты, преследующие идею и несущие в равной степени с массами всю

ИСТОРИЯ

тяжесть революции так редки, как светлый маяк среди безбрежного моря. Взятчиничество и злоупотребления приняли громадные размеры. Местные работники, не чувствуя никакого контроля и вида, что все их безобразия проходят безнаказанно, что хотят, то и делают» [9].

Между тем положение с продовольствием в стране продолжало ухудшаться. Все заметнее становились проявления голода. Так, в Поволжье голодало до 13 млн человек. Катастрофическое положение с продовольствием и обострение политической ситуации обсуждалось на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 2 февраля 1921 года. С докладом о восстании в Тамбовской губернии выступил Н.И. Бухарин, в конце января побывавший вместе с А.В. Луначарским, в губернии. Обстановка была оценена как критическая, о чем свидетельствуют постановление Политбюро. Было решено, что политическое положение и восстание крестьян требуют обращения самого серьезного внимания на быстрое сокращение продналога в тех местах, где происходит восстание крестьян и где они нуждаются особенно сильно в продовольственном отношении. Признавалась необходимой выработка ряда мер для облегчения продовольственного положения крестьян в этих губерниях. Планировалось организовать общественное питание. Секретным письмом губкомам обращалось внимание местных организаций на серьезность переживаемого момента, на необходимость приготовиться к тяжелой весне, считаться с этим положением в своей работе и держать коммунистические силы в полной боевой готовности [10]. Партийным руководителям на местах давалось понять, что весной партия может столкнуться с массовыми крестьянскими восстаниями. 2 февраля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) решило снять продразверстку в 13 центральных губерниях.

Под влиянием складывавшейся политико-экономического положения к руководству РКП(б) наконец-то пришло понимание, что в такой ситуации единственное спасение революции – пойти навстречу крестьянам и заменить продразверстку продналогом. В законодательном порядке продразверстка отменялась декретом ВЦИК от 21 марта 1921 года [11]. 28 марта Совнарком принял декрет «О размере продовольственного натурального налога на 1921-1922 гг.», в котором размер продовольственного натурального налога на 1921-22 гг. вместо запланированных по продразверстке 423 млн пудов зерновых устанавливался в размере не свыше 240 миллионов пудов зерновых продуктов при среднем урожае [11].

Решения съезда о замене продразверстки продналогом детально рассмотрены в отечественной историографии и нет необходимости подробно их анализировать. Остановимся лишь на отдельных аспектах проблемы, в частности о первородстве самой идеи нэпа. Советской историографией рассматривалась лишь одна трактовка – идея нэпа исключительно продукт интеллектуальных усилий В.И. Ленина, который на основе мудрого марксистского анализа политической и экономической ситуации в стране пришел к выводу о необходимости нового курса в экономике, получившего впоследствии обозначение как новая экономическая политика. При этом позиция других руководителей партии, в частности, Троцкого представлялась исключительно как антинэповская, «милитаристская», направленная исключительно на дальнейшее «завинчивание гаек» в экономике. Сейчас становится понятным, что идея продналога, как первоосновы будущей новой экономической политики, подчеркнем, в условиях военного коммунизма первоначально возникла среди политических оппонентов Ленина, среди меньшевиков, которые ее последовательно отстаивали все последующие годы. В.И. Ленин же в период гражданской войны и в начале мирного периода ее последовательно отвергал и выступал за скорейшее движение к социализму посредством принуждения.

Альтернативные «военному коммунизму» экономические проекты предлагались меньшевиками еще в 1919 году, в пик «военного коммунизма». Меньшевики резко критиковали политику «военного коммунизма» из-за ее катастрофических социальных и экономических последствий. Альтернатива меньшевиков заключалась в использовании в противовес военной экономике в отношениях с крестьянами «мирной» экономики, способной материально заинтересовать крестьянина в увеличении производства и, соответственно, снизить степень их оппозиционности власти. Современные исследования вполне доказывают тот факт, что изначально концепция НЭПа была меньшевистской, и именно меньшевики были «крестными отцами» НЭПа. Меньшевик Н. Рожков вспоминал, что впервые идея заменить продразверстку продналогом была предложена Ленину в январе 1919 г., но он отверг ее, стремясь к скорейшему и прямому пути к социализму. Не случайно в письме П.Б. Аксельроду от 24 марта 1921 г. Ю.О.

ИСТОРИЯ

Мартов характеризовал доклад Ленина на X съезде РКП(б) «О замене развёрстки натуральным налогом» прямым заимствованием продовольственной программы меньшевиков [12]. Меньшевики и в дальнейшем последовательно отстаивали идею продналога. Так, на VIII съезде Советов представители меньшевиков Ф.И. Дан и В.К. Вольский, заявили о порочности продовольственной политики, основанной на насилии, ведущей к деградации сельского хозяйства и к росту контрреволюционных выступлений и решительно настаивали на замене системы, которая состоит в отбирании излишков и оставлении малых остатков, системой налогов [4].

Общепризнанным мнением в современной историографии стал тезис о том, что среди большевиков идею замены продразверстки продналогом впервые озвучил Л.Д. Троцкий в феврале 1920 г. Он внес на рассмотрение Политбюро тезисы «Основные вопросы продовольственной и земельной политики», в которых предлагал изменить продовольственную политику в сторону замены продразверстки продналогом ввиду резко отрицательной реакции на нее крестьянства. Но предложение было отвергнуто. Это было время, казалось бы, уверенного движения к социализму и подобные предложения не могли быть приняты руководством партии в принципе. В марте 1920 г. Троцкий, видя нарастающую угрозу революции из-за политики в деревне, в письме ЦК РКП(б) вновь предложил заменить прямое изъятие излишков натуральным налогом. Ленин опять решительно выступил против этого предложения [12].

Между тем предложения Троцкого начала 1920 г. были весьма своевременны, и их реализация могла уже тогда существенно ослабить продовольственную и политическую напряженность в стране. Об этом упущенном шансе на X съезде РКП(б) напомнил заведующий агитпропом ЦК РКП(б) Л.С. Сосновский: «Уступка, которую сейчас мы будем обсуждать, кое-где явится или запоздалой или недостаточной; она была бы гораздо более действительной в прошлом году об эту пору» [13, с. 79]. В итоге, принимать меры, предложенные в январе 1919 г. меньшевиками, а в феврале 1920 г. – Л.Д. Троцким, диктовавшиеся тогда элементарной политической и экономической логикой, пришлось принимать год спустя в срочном, аварийном порядке, не обдумав в полной мере систему экономических мероприятий, не подготовив ни общество, ни партию к переменам.

Закон о продналоге 1921 г. являлся практически полной копией соответствующего закона 1918 г. И в первом, и во втором законе вводился на одинаковых для всех крестьян основаниях (размер посевной площади, количества голов скота и числа едоков) прогрессивный натуральный налог. В том и другом случае процент отчисления для хозяйств середняков, маломощных хозяев и для хозяйств городских рабочих устанавливался пониженным. Хозяйства беднейших крестьян могли быть освобождены от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, оставались в полном их распоряжении и могли быть используемы для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства. Ответственность за выполнение налога возлагалась на каждого отдельного хозяина. Закон 1921 г. дополнился нормой о поощрении для старательных хозяев, которые получали льготы по выполнению натурального налога [11, 14]. Оба закона были законами мирного времени, но если закон 1918 г. был естественной государственной налоговой мерой, рассчитанной на длительное применение в условиях мирного развития и представлявшей собой шаг, продиктованный экономической логикой, то закон 1921 г. носил экстренный характер и рассчитан был на применение в ограниченные временные рамки.

С другой стороны, неверной представляется точка зрения, что идеи Ленина об использовании госкапитализма при строительстве социализма 1921 года есть возвращение к идеям, озвученным Лениным в 1918 году. Факты говорят, что нет прямой аналогии предлагаемым Лениным в 1918 г. экономическим мероприятиям с нэпом 1921 года, прежде всего, по мотивам принятия. Весной 1918 г. В.И. Ленин рассматривал госкапитализм как возможную основу для налаживания всеобщего учета и контроля для последующего осуществления социалистического, то есть полного обобществления, и связывал его использование, в первую очередь, с концессиями и кооперацией. Впрочем, все его рассуждения на этот счет в то время носили достаточно расплывчатый и неопределенный характер. Во всяком случае речь не шла об установлении свободы оборота и полноценных товарно-денежных отношениях. Речь шла о создании госкапитализма как гипотетически желательной, но не обязательной форме хозяйственного

устройства при переходе от капитализма к социализму. К тому же госкапитализм 1918 г. воспринимался не как целостная система, а как применение отдельных элементов, допущенных в ряд экономических областей, в частности в систему товарообмена [3].

Вопрос об авторстве самой идеи перехода от военного коммунизма к нэпу на сегодняшний день достаточно ясен. Авторство самой идеи нэпа, конечно не принадлежит Ленину, она была озвучена и вне партии большевиков, и внутри партии гораздо раньше 1921 года. Но нельзя отказать Ленину в инициаторстве, хотя запоздалой и вынужденной, принятия в конкретный исторический момент решения о смене экономического курса. Ленин был руководителем государства, обладавшим необходимыми полномочиями и авторитетом, и от его воли зависело принятие данного решения. Хотя по большому счету в самой идее нэпа нет ничего принципиально нового. Ссылаясь на мнение экономистов, заметим, что экономический механизм НЭПа не был каким-то гениальным изобретением. Это была обычная, давно используемая форма рыночных отношений, позволявшая достаточно быстро решать острые экономические проблемы, на что, как говорилось выше, неоднократно указывали меньшевики и Троцкий [8].

Однако теоретическая ограниченность рамками марксистской идеологии, общий настрой на скорейшее строительство социализма, долгое время не позволяли руководству большевиков принять рациональное решение. Понадобились чрезвычайные условия начала 1921 года, чтобы принять запоздалое, но столь необходимое для страны решение.

Литература и источники

1. Ленин В.И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров «О внешней и внутренней политике 22 декабря 1920 г. // Ленин В.И. Полн. соб. соч. Т. 42.
2. Ленин В.И. Речь при обсуждении законопроекта СНК «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» на фракции РКП(б) VIII Съезда Советов 24 декабря 1920 г. // Ленин В.И. Полн. соб. соч. Т. 42.
3. Ленин В.И. О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства: постановление VIII Всероссийского съезда советов // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. - М., 1967.
4. Горинов М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. - 1990. - №4. - С.20-39.
5. Ленин В.И. Речь на московской широкой конференции металлистов 4 февраля 1921 г. // Ленин В.И. Полн. соб. соч. Т. 42.
6. Ленин В.И. Предварительный набросок тезисов насчет крестьян // Ленин В.И. Полн. соб. соч. Т. 42.
7. Ленин В.И. Речь на заседании пленума Московского совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921. // Ленин В.И. Полн. соб. соч. Т. 42.
8. Протокол Политбюро № 84 от 8 февраля 1921 г. // Портал «Архивы России. Документы советской эпохи. Электронный ресурс. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru>.
9. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф.840. Оп.1. Д.188. Л.Л.105-106.
10. Протокол № 81 заседания Политбюро от 2.02. 21г. // Портал «Архивы России. Документы советской эпохи. Электронный ресурс. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru>.
11. О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом: Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г // СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 147.
12. Воейков М.И. Новая экономическая политика: проблемы изучения (к 100-летию НЭПа) // Альтернативы. - 2021. - № 2. - С. 5-22.
13. РКП(б). Съезд, 10-й. 1921. Стенографический отчет. - М. Госполитиздат, 1963.
14. Об обложении сельских хозяев натуральным налогом, в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов: Декрет ВЦИК от 30 октября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 82. ст. 864.

References and Sources

1. Lenin V.I. Doklad Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnyh Komissarov «O vneshnej i vnutrennej politike 22 dekabrya 1920 g. // Lenin V.I. Poln. sob. soch. T. 42.
2. Lenin V.I. Rech' pri obsuzhdenii zakonoproekta SNK «O merah ukrepleniya i razvitiya krest'yanskogo sel'skogo hozyajstva» na frakcii RKP(b) VIII S"ezda Sovetov 24 dekabrya 1920 g. // Lenin V.I. Poln. sob. soch. T. 42.
3. Lenin V.I. O merah ukrepleniya i razvitiya krest'yanskogo sel'skogo hozyajstva: postanovlenie VIII Vserossijskogo s"ezda sovetov // Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam. T. 1. - M., 1967.
4. Gorinov M.M., Cakunov S.V. Leninskaya koncepciya nepa: stanovlenie i razvitie // Voprosy istorii. - 1990. - №4. - S. 20-39.
5. Lenin V.I. Rech' na moskovskoj shirokoj konferencii metallistov 4 fevralya 1921 g. // Lenin V.I. Poln. sob. soch. T. 42.
6. Lenin V.I. Predvaritel'nyj nabrosok tezisov naschet krest'yan // Lenin V.I. Poln. sob. soch. T. 42.
7. Lenin V.I. Rech' na zasedanii plenuma Moskovskogo soveta rabochih i krest'yanskih deputatov 28 fevralya 1921 // Lenin V.I. Poln. sob. soch. T. 42.
8. Protokol Politbyuro № 84 ot 8 fevralya 1921 g. // Portal «Arhivy Rossii. Dokumenty sovetskoj epohi. Elektronnyj resurs. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru>.
9. Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tambovskoj oblasti (GASPIITO). F. 840. Op.1. D. 188. L.L. 105-106.
10. Protokol № 81 zasedaniya Politbyuro ot 2.02. 21g. // Portal «Arhivy Rossii. Dokumenty sovetskoj epohi. Elektronnyj resurs. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru>.
11. O zamene prodovol'stvennoj i syr'evoj razverstki natural'nym nalogom: Dekret VCIK ot 21 marta 1921 g // SU RSFSR. 1921. № 26. St. 147.
12. Voejkov M.I. Novaya ekonomicheskaya politika: problemy izucheniya (k 100-letiyu NEPa) // A'l'ternativy. - 2021. - № 2. - S. 5-22.
13. RKP(b). S"ezd, 10-j. 1921. Stenograficheskij otchet. - M. Gospolitizdat, 1963.
14. Ob oblozhenii sel'skih hozyaev natural'nym nalogom, v vide otchisleniya chasti sel'skohozyajstvennyh produktov: Dekret VCIK ot 30 oktyabrya 1918 g. // SU RSFSR. 1918. № 82. st. 864.

НИКУЛИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ - доктор исторических наук, профессор, кафедры конституционного и административного права Тамбовского государственного технического университета (viktor.nikulina@mail.ru).

СТАДНИК В.А.

«ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ» КК-РКИ: ОРГАНИЗАЦИЯ И УЧАСТИЕ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫХ ОТРЯДОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ДОНБАССА (КОНЕЦ 1920-х - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930-х ГОДОВ)

Ключевые слова: партийно-государственный контроль, Рабоче-Крестьянская инспекция, комсомол, комсомольско-молодежные отряды, «легкая кавалерия», Донбасс, модернизация, продовольственные ресурсы, нормированное снабжение, угольная промышленность.

В статье проанализированы отдельные аспекты становления и функционирования «легкой кавалерии» – комсомольско-молодежных отрядов (КСМ) Донбасса, показано их место в системе партийно-государственного контроля. Определяется общее значение привлечения молодежи к контрольно-проверочной деятельности в условиях социалистической модернизации важнейшего индустриального центра страны. Опираясь на архивные документы, впервые вводимые в научный оборот, а также ранее опубликованные материалы, автор освещает работу «легкой кавалерии» в Донбассе, направленную на организацию собственных продовольственных ресурсов, показывает роль комсомольских отрядов в искоренении бесхозяйственности и злоупотреблений в угольной промышленности. Обоснован вывод о том, что, несмотря на отдельные перегибы, которые в большинстве случаев были связаны с чрезмерным молодежным максимализмом и недостатком профессиональных навыков, юноши и девушки Донбасса активно участвовали в социалистическом строительстве и обучались управлению государством.

STADNIK, V.A.

THE WORKERS' AND PEASANTS' INSPECTORATE CONTROL COMMISSION "LIGHT CAVALRY": ORGANIZATION AND ACTIVITY OF THE KOMSOMOL AND YOUTH TEAMS IN THE CONDITIONS OF THE DONBASS SOCIALIST MODERNIZATION (LATE 1920s - FIRST HALF 1930s)

Key words: party-state control, Workers' and Peasants' Inspectorate, Komsomol, Komsomol youth detachments, "light cavalry", Donbass, modernization, food resources, rationed supply, coal industry.

The article analyzes certain aspects of the formation and functioning of the "light cavalry" - Komsomol youth detachments (KSM) of Donbass, shows their place in the system of party-state control. The general importance of involving young people in control and verification activities in the conditions of socialist modernization of the most important industrial center of the country is determined. Based on archival documents that are being introduced into scientific circulation for the first time, as well as previously published materials, the author highlights the work of the "light cavalry" in the Donbass, aimed at organizing their own food resources, shows the role of Komsomol detachments in eradicating mismanagement and abuse in the coal industry. The conclusion is substantiated that, despite some excesses, which in most cases were associated with excessive youth maximalism and a lack of professional skills, the boys and girls of Donbass actively participated in socialist construction and studied government.

В современных условиях глобального противостояния России и коллективного Запада – беспрецедентных экономических санкций, политического давления и попыток исключить Россию из мировых социокультурных процессов – актуальным становится вопрос о консолидации всех государственных институтов, структур власти и управления, в которых важнейшим элементом становится функция контроля и проверки исполнения реализации государственных программ во всех сферах общественной жизни. В этом контексте целесообразно обратиться к положительным результатам привлечения молодежи к общественной контрольно-проверочной деятельности, используя опыт комсомольских отрядов «легкой кавалерии» конца 1920-х – начала 1930-х гг. Научная новизна данной статьи обусловлена тем, что до недавнего времени отсутствовали полноценные исследовательские работы о деятельности территориальных партийно-государственных контрольных органов – КК-РКИ на Донбассе, а также введением в научный оборот новых архивных документов, раскрывающих процесс организации и деятельности отрядов «легкой кавалерии» в системе донецкого Рабкринна.

В контексте развития разнообразных форм контрольной деятельности Советского государства, в конце 1920-х - начале 1930-х гг. в системе партийно-государственного контроля важное место заняла так называемая «легкая кавалерия» (далее - «ЛК»). Принцип действий «легкой кавалерии» – внезапная, внеплановая проверка предприятий, организаций и учреждений на предмет защиты прав трудящихся, борьбы с бюрократией и нарушениями социалистической законности. Состав отрядов «легкой кавалерии», помимо рядовых бойцов, включал комсомольских активистов, членов Бюро жалоб РКИ, представителей комсомольской печати.

Особое внимание уделялось вопросу привлечение к работе «легкой кавалерии» беспартийной молодежи, в том числе девушек. Отряды «ЛК» без предупреждения администрации неожиданно появлялись на объектах проверки, и это давало заметный эффект [1].

Деятельность комсомольско-молодежных отрядов в системе партийно-государственного контроля в СССР была исследована достаточно широко и обстоятельно. О работе «легкой кавалерии», ее организации и структуре, полномочиях, функциях и направлениях деятельности написаны десятки монографий и диссертаций, опубликован широкий массив научных статей. Из современных исследователей, занимающихся изучением движения «ЛК» и его значением в процессе коллективизации, следует отметить В. Ипполитова [2, 3]. Работу молодежных отрядов «ЛК» в Татарстане описывает Ю. Марасов [4]. Особенности взаимодействия ВКП(б) и комсомола в решении важнейших политических и социально-экономических задач, в том числе и через систему партийно-государственного контроля, освящены в работе П. Меркулова [5]. Ведущим специалистом по проблемам организации молодежного движения в СССР в 1920-1930-е гг., в работах которого глубоко исследована специфика деятельности отрядов «легкой кавалерии» не только в отдельных субъектах Советского Союза, но и в целом по стране, является А. Слезин [6, 7]. Опираясь на архивные документы и материалы, автор проводит глубокий анализ работы «ЛК» в системе партийно-государственного контроля и определяет значение ее деятельности в период грандиозных социалистических преобразований.

Одним из основополагающих документов, послужившим началом кампании массового привлечения комсомольцев, беспартийной рабочей и учащейся молодежи Донбасса к контрольно-проверочной деятельности являлось совместное письмо ЦКК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ от 4 октября 1927 г., составленное в контексте соответствующей резолюции Объединенного пленума ЦКК и ЦК ВКП(б). В письме, которое получили все территориальные комитеты КСМ и комсомольские ячейки, комитетам ВЛКСМ предписывалось «...в борьбе с бюрократизмом и в улучшении государственного аппарата <...> выделять группы комсомольцев в обследованиях и ревизиях, проводимых РКИ» [8, с. 10]. На VIII съезде ВЛКСМ, который прошел в мае 1928 г., было принято решение об организации массового движения «легкой кавалерии» и активизации борьбы с бюрократизмом, волокитой и другими недостатками в госаппарате [9, с. 134].

В административно-территориальных единицах Донбасса – округах, городах и районах отрядами «легкой кавалерии» руководили специально организованные штабы при райкомах ЛКСМ, в состав которых входили представители РКИ. В Артемовске (Бахмуте) комсомольские «летучие отряды» имелись также при союзе печатников, на заводе «Победа труда», Окрисполкоме, Окрфинотделе. В Артемовском округе Донбасса в 1928-1930 гг. отряды «легкой кавалерии» были организованы в Рыково (Енакиево), Краматорске, Попасной, Лисичанске, Горловке, Ново-Славянске, Соледаре, Константиновке [10, с. 64-65]. Как было отмечено на XIV Окружной партийной конференции КП(б)У, состоявшейся 15-21 декабря 1928 г., в Артемовске опыт массовой работы отрядов «легкой кавалерии» в основном себя оправдал, однако было необходимо еще более широкое привлечение беспартийной молодежи в работу этих отрядов. Обращалось внимание на качественное усиление инструктирования «ЛК» перед контрольно-проверочными мероприятиями со стороны РКИ. Особое внимание в работе комсомольско-молодежных отрядов «...должно быть обращено на вопросы борьбы за новый быт, на вопросы повышения производительности труда и труддисциплины, на вопросы культурного строительства, в первую очередь на поднятие культурно-политического и теоретического уровня всей комсомольской организации и особенно ее актива» [11, с. 45].

В Донбассе молодежно-комсомольские отряды действовали как по специальным заданиям местных КК-РКИ (расследование жалоб и заявлений, проверка предприятий и учреждений с целью выявления и пресечения бюрократической волокиты), так и по инициативе собственно штабов «ЛК», находившихся при райкомах ЛКСМ. «Легкая кавалерия» участвовала в проверке жалоб, критических материалов, опубликованных в печати и стенгазетах. Объекты ее проверок-«налетов» были весьма разнообразными. В первой половине 1930-х гг. она чаще всего действовала в сфере торговли и бытового обслуживания, боролась со спекулянтами, мошенниками, расхитителями государственной и колхозной собственности, внося, таким образом, свой вклад в продовольственное обеспечение Донбасса [12, л.л. 77-77об.].

ИСТОРИЯ

«Легкая кавалерия» тесно взаимодействовала с различными подразделениями КК-РКИ и партийно-хозяйственными органами – секциями РКИ и исполкомами местных Советов, Бюро жалоб, группами содействия на предприятиях, парткомитетами, органами печати, радио, рабселькорами. Следует отметить, что, осуществляя проверочную работу, бойцы «ЛК» пользовались обычными правами, предоставленными трудящимся в общественном контроле. Исключением являлись специальные допуски-мандаты, которые получали командиры отрядов в штабах или местных КК-РКИ, - это было связано с особой важностью или срочностью проводимого обледрования. Были зафиксированы случаи, когда отряды «ЛК» старались получить мандат, чтобы контролировать абсолютно все государственные учреждения, в том числе и предприятия или организации, не входившие в номенклатуру компетенций деятельности «легкой кавалерии» [13, с. 144]. Вместе с тем, в информационном письме ЦКК-НК РКИ УССР в горкомы и райкомы ЛКСУ УССР 19 июня 1931 г. указывалось, что, наряду с определенными успехами, в деле организации работы «легкой кавалерии» были отмечены и некоторые существенные недостатки в результате «...невнимательного отношения со стороны Комитетов комсомола и органов КК-РКИ... а также органов КК-РКИ, что привело к упадку в развитии групп ЛК. В особенности это чувствуется на селе» [12, л. 77].

Действительно, профессионализм руководителей комсомольских отрядов в контрольно-проверочной деятельности не всегда находился на должном уровне и часто не соответствовал сложным задачам реконструктивного периода. К примеру, на Тамбовщине некоторых командиров «ЛК» называли «предводителями банды», причем местный партхозаппарат проявлял удивительную лояльность к перегибам «легкой кавалерии». Были отмечены факты прямых конфликтов «кавалеристов» с местными органами КК-РКИ [14, с. 51-54]. Подчеркнем, что такие факты были зафиксированы во многих районах СССР. Донбасс не был исключением. «Компетенций» членам «ЛК» поначалу хватало лишь на внезапное появление в конторах правлений артелей и совхозов, хаотичную выемку документации, взламывание зернохранилищ, безосновательное определение колхозников в категории кулаков, подкулачников или им сочувствующих. Разбросанные документы, в том числе и бухгалтерские документы строгой отчетности, горы мусора в конторах, выпотрошенные колхозные амбары, крики, нецензурная брань и револьверная стрельба – так часто заканчивались внезапные налеты «комсомолии». Эти далеко не редкие эпизоды стали причиной многочисленных жалоб в местные и центральные органы партийно-государственной власти, в том числе и в ЦКК – НК РКИ СССР [15, л. 15].

И все-таки не подлежит сомнению продуктивность участия комсомольско-молодежных отрядов «ЛК» в становлении аграрного потенциала и формировании продовольственных фондов важнейшего индустриального региона страны [15, л. 16]. Активизация модернизационных процессов в сельскохозяйственных районах Донбасса предусматривала не только создание крупного коллективного производства – колхозов и совхозов, которые в дальнейшем должны были иметь определенную специализацию (мясомолочную, зерновую, плодово-ягодную, овощную и пр.). Основопологающей целью сплошной коллективизации в Донбассе, прежде всего, являлось создание собственной аграрно-производственной базы. Этот процесс предусматривал постепенный отход от централизованных поставок продовольствия и организацию бесперебойного снабжения деятельного населения (шахтеров, металлургов, машиностроителей, ИТР), а также иждивенцев продуктами питания в жестких условиях нормированного снабжения. Важность решения данной задачи неоднократно подчеркивалась как центральными, так и местными органами партийно-государственной власти. В июле 1932 г. секретарь областного КП(б)У М. Чувьрин в своем докладе «Важнейшие задачи Донецкой парторганизации», используя материалы III Партконференции КП(б)У, при определении задач по созданию собственной продовольственной базы Донбасса, отмечал: «Сочетание интересов донецкой промышленности с задачами донецкого села есть основное условие успешного роста и развития области в целом» [16, с. 28]. Учитывая, что процесс хлебозаготовок в Донбассе находился под контролем всех партийно-государственных структур, в «битве за урожай» принимали участие и отряды «легкой кавалерии». В информационном письме Донецкой областной КК-РКИ от 13 сентября 1933 г. сообщалось, что перед началом уборочной кампании в Сватовском районе был проведен с Политотделом МТС «слет групп содействия РКИ, секций РКИ, печати, «легкой кавалерии» [17, л. 4].

ИСТОРИЯ

Необходимо отметить, что наиболее коррумпированными структурами в системе распределения продовольствия являлись организации и учреждения, ответственные за снабжение населения продуктами питания, и именно они находились под пристальным вниманием местного Рабкринна, в том числе и его молодежного крыла – отрядов «ЛК». Понятно, что тщательную проверку с выемкой документации строгой отчетности проводили штатные инспекторы КК-РКИ, выявлявшие расхитителей, взяточников и махинаторов с заборными документами. Однако контрольно-проверочные функции, не связанные с оборотом материальных и денежных средств, использованием продовольственных фондов и не требующих владения определенными профессиональными навыками, были вполне по силам и бойцам отрядов «легкой кавалерии». Так, отряды «ЛК» в течении 1932-1933 гг. проверяли объединение трестов общественного питания «Доннарпит»: столовые, буфеты, чайные, – на предмет качества приготовляемой пищи, выполнения санитарно-гигиенических норм работниками общепита, не допускали обвешиваний и обсчета посетителей. В последствии в «Доннарпите» при ячейке КСМ был организован собственный отряд «легкой кавалерии» [18, л. 68].

Партийно-государственное руководство СССР, уделяя пристальное внимание модернизации Донецкого бассейна, в годы первых пятилеток в резолюциях и решениях съездов и пленумов ВКП(б) неоднократно указывало на регулярные «прорывы» в каменноугольной отрасли и систематическое невыполнение производственных планов по добыче угля на донецких шахтах. Вследствие этого, по поручению партии, ЛКСМ УССР объявил комсомольско-молодежный «угольный поход», главной ударной силой в котором должны были стать отряды «ЛК». В течении ноября 1928 г. – февраля 1929 г. отряды «легкой кавалерии» проверили десятки шахт и рудников Донбасса. Цели и задачи налетов-проверок «кавалеристов» в «угольном походе» определялись по следующим направлениям:

- внедрение и практическое использование рационализаторских предложений на рудниках и шахтах;
- использование импортного оборудования, недопущение его простоев;
- соблюдение техники безопасности во время выполнения горных работ;
- проверка внутришахтного транспорта (наполнение вагонеток, полнота наполнения, выявление причин простоев);
- прохождение штреков под неправильным уклоном;
- изучение себестоимости добытого угля;
- участие производственных бригад в соцсоревновании;
- участие горнорабочих в производственных совещаниях и выполнение их решений;
- проверка культсоцбыта горнорабочих (столовые, бараки, фельдшерские пункты и пр.)
- борьба с пьянством на производстве, порчей оборудования и хулиганством.

При проведении проверок, требующих специальной подготовки, «кавалеристы» были обязаны «...обратить внимание на привлечение специалистов по расследуемым фактам» [19, л. 18]. Понятно, что специалистами в этом случае выступали штатные инспекторы местных КК-РКИ. К примеру, на шахте 4/5 г. Сталино бойцы «ЛК» выявили антисанитарное состояние рабочих казарм и незаконно прикрепленных лиц к шахтной столовой. На Буденновском руднике был обнаружен горевшим вышедший из строя газовый котел, что угрожало взрывом: он был потушен; проверены расценки начисления заработной платы шахтерам. При «налете» на шахту №9 «Капитальная» комсомольцами зафиксировано, что «...импортная сортировочная машина лежит уже 2 года без действия <...> не проверяются лампы перед выдачей их рабочим» [19, л. 8].

В Восточном Донбассе (Шахтинский округ Северокавказского края) первые отряды «Легкой кавалерии» были сформированы в начале июня 1928 г. По инициативе Шахтинского райкома ЛКСМ комсомольская ячейка шахты «Мировая коммуна» организовала отряд и провела несколько внезапных рейдов-проверок, материалы которых были освещены в местной печати. Чуть позже обобщенный опыт комсомольцев-шахтинцев был передан в районы. Пять отрядов (24 человека) были образованы в Морозовском районе, на заводах Сулинского района – два отряда (37 человек). Отряды донской «ЛК» от стихийных и плохо организованных наскоков-налетов, наводивших ужас на управленческий аппарат предприятий, организаций и учреждений, но не отличавшихся эффективностью и не имевших четкой плановой системы, постепенно перешли к систематической контрольно-проверочной деятельности, опираясь на опыт и компетенции

штатных сотрудников местных КК-РКИ. При этом кадровые работники территориального Рабкринана нередко руководили рейдами-налетами комсомольских «летучих отрядов».

Так, в Артемовском районе активисты «ЛК» проверили проведение производственных совещаний на шахтах и рудниках и выявили отсутствие протоколов, невыполнение решений совещаний. Они также установили, что частая смена заведующих шахтами срывала выполнение производственных планов. В Морозовском районе, принимая активное участие в коллективизации, «кавалеристы» выявили «чуждые элементы», причастные к хищениям сельскохозяйственной продукции, – не вымышленных, а вполне реальных врагов советской власти – вредителей и расхитителей коллективной собственности, лодырей, пьяниц. В то же время, «кавалеристы» старались не допустить злоупотреблений и нарушений социалистической законности среди членов правления колхозов и партхозактива [20, с. 72].

В целом, работа «легкой кавалерии» имела большое значение в деле вовлечения рабоче-крестьянской молодежи в осуществление массового контроля над выполнением директив партии и правительства [21, с. 144].

Таким образом, в Донецком бассейне в конце 1920-х – начале 1930-х годов в системе КК-РКИ были созданы и действовали комсомольско-молодежные отряды «легкой кавалерии», осуществлявшие общественный контроль, направленный на совершенствование госаппарата, борьбу с бюрократическими извращениями и бесхозяйственностью. Вовлечение молодежи в глубокие социалистические преобразования, происходившие в стране, способствовало воспитанию высоких морально-нравственных принципов – честности, порядочности, нетерпимости к несправедливости, злоупотреблениям партийно-хозяйственного чиновничества и нарушителям социалистической законности. Несмотря на отдельные перегибы, которые в большинстве случаев были связаны с чрезмерным молодежным максимализмом и недостатком профессиональных навыков, юноши и девушки Донбасса активно участвовали в социалистическом строительстве и обучались управлению государством.

Литература и источники

1. Чузунов А.И. Контроль в социалистическом государстве (1920-е – начало 1930-х годов) // Вопросы истории. - 1985. - №10 (октябрь). - С.95-107.
2. Ипполитов В.А. Деятельность групп «легкой кавалерии» тамбовского комсомола в первой половине 1930-х гг. // Вопросы современной науки и практики. Университет им. Вернадского. - 2014. - № 1. - С.219-223.
3. Ипполитов В.А. Роль комсомола в хлебозаготовительных кампаниях 1931-1935 гг. // Белые пятна российской и мировой истории. - 2015. - № 3. - С.47-65.
4. Марасов Ю.Г. Общественная и контрольная деятельность в Татарской АССР в 1920-1934 гг. // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2020. - №4(42). - С.402-408.
5. Меркулов П.А. ВКП(б) и комсомол в 1920-1930-е гг. // Управленческое консультирование. - 2016. - №11. - С.120-127.
6. Слезин А.А. Коллективизация сельского хозяйства в 1928-1930 годах: роль «легкой кавалерии» // Научный диалог. - 2019. - №3. - С. 292-306.
7. Слезин А.А. «Легкая кавалерия» в середине 1930-х гг.: возрождая надежды на справедливость // Вопросы истории. - 2020. - №10-2. - С.75-85.
8. О работе Легкой Кавалерии КСМ. - Баку: Издательство ЦКК-РКИ АССР, 1932.
9. Ленинская система партийно-государственного контроля и его роль в строительстве социализма (1917-1932 гг.) / гл. ред. И. Г. Рябцев; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра истории КПСС. - М.: Мысль, 1965.
10. Отчет Артемовской Окружной Контрольной Комиссии КП(б)У XIV Окружной Партийной конференции. - Артемовск: «Кочегарка», 1928.
11. Резолюции XIV Артемовской Окружной Партийной конференции КП(б)У 15-21 декабря 1928 г. - Артемовск: «Кочегарка», 1929.
12. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). Ф. П.-391. Оп.1. Д.11.
13. Иконников С.Н. Создание и деятельность объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923-1934 гг. / АН СССР. Ин-т истории СССР. - М.: Наука, 1971.
14. Слезин А.А. Молодежь и власть: из истории молодежного движения в Центральном Черноземье в 1921-1929 гг. - Тамбов: из-во ТГТУ, 2002.
15. ГА ДНР Ф. П-183. Оп.1. Д.25.
16. Чувьрин М. Важнейшие задачи Донецкой парторганизации: Доклад на I Донецкой областной партконференции (20.VII.1932 г.). - Харьков: «Український робітник», 1932.
17. ГА ДНР. Ф.Р-835. Оп.1. Д.25.
18. ГА ДНР Ф. П-1817. Оп.1. Д.1.
19. ГА ДНР. Ф. П-183. Оп.1. Д.33.
20. Федосеев А.Н. Комсомол Восточного Донбасса. Документальное издание. - Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2020.
21. Иконников С.Н. Организация и деятельность РКИ в 1920-1925 гг. / АН СССР. Ин-т истории. - М.: Изд-во АН СССР, 1960.

References and Sources

1. Chugunov A.I. Kontrol' v socialisticheskom gosudarstve (1920-e – nachalo 1930-h godov) // Voprosy istorii. - 1985. - №10 (oktyabr'). - S.95-107.
2. Ippolitov V.A. Deyatel'nost' grupp «legkoj kavalerii» tambovskogo komsomola v pervoj polovine 1930-h gg. // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. Vernadskogo. - 2014. - № 1. - S.219-223.

3. Ippolitov V.A. Rol' komsomola v hlebozagotovitel'nyh kampaniyah 1931-1935 gg. // Belye pyatna rossijskoj i mirovoj istorii. - 2015. - №3. - S.47-65
4. Marasov Yu.G. Obshchestvennaya i kontrol'naya deyatel'nost' v Tatarskoj ASSR v 1920-1934 gg. // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. - 2020. - №4(42). - S.402-408.
5. Merkulov P.A. VKP(b) i komsomol v 1920-1930-e gg. // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. - 2016. - №11. - S.120-127.
6. Slezin A.A. Kollektivizaciya sel'skogo hozyajstva v 1928-1930 godah: rol' «legkoj kavalerii» // Nauchnyj dialog. - 2019. - №3. - S. 292-306.
7. Slezin A.A. «Legkaya kavaleriya» v seredine 1930-h gg.: vozrozhdaya nadezhdy na spravedlivost' // Voprosy istorii. - 2020. - №10-2. - S.75-85.
8. O rabote Legkoj Kavalerii KSM. - Baku: Izdatel'stvo CKK-RKI ASSR, 1932.
9. Leninskaya sistema partijno-gosudarstvennogo kontrolya i ego rol' stroitel'stve socializma (1917-1932 gg.) / gl. red. I. G. Ryabcev; Akad. obshchestv. nauk pri CK KPSS. Kafedra istorii KPSS. - M.: Mysl', 1965.
10. Otchet Artemovskoj Okružnoj Kontrol'noj Komissii KP(b)U XIV Okružnoj Partijnoj konferencii. - Artemovsk: «Kochegarka», 1928.
11. Rezolyucii XIV Artemovskoj Okružnoj Partijnoj konferencii KP(b)U15-21 dekabrya 1928 g. - Artemovsk: «Kochegarka», 1929.
12. Gosudarstvennyj arhiv Doneckoj Narodnoj Respubliki (GA DNR). F. P.-391. Op.1. D.11.
13. Ikonnikov S.N. Sozdanie i deyatel'nost' ob"edinennyh organov CKK-RKI v 1923-1934 gg. / AN SSSR. In-t istorii SSSR. - M.: Nauka, 1971.
14. Slezin A.A. Molodezh' i vlast': iz istorii molodezhnogo dvizheniya v Central'nom Chernozem'e v 1921-1929 gg. - Tambov: iz-vo TGTU, 2002.
15. GA DNR F. P-183. Op.1. D.25.
16. Chuvyrin M. Vazhnejšie zadachi Doneckoj partorganizacii: Doklad na I Doneckoj oblastnoj partkonferencii (20.VII.1932 g.). - Har'kov: «Ukraïns'kij robitnik», 1932.
17. GA DNR. F.R-835. Op.1. D.25.
18. GA DNR F. P-1817. Op.1. D.1.
19. GA DNR. F. P-183. Op.1. D.33.
20. Fedoseev A.N. Komsomol Vostochnogo Donbassa. Dokumental'noe izdanie. - Rostov-na-Donu: OOO «Al'tair», 2020.
21. Ikonnikov S.N. Organizaciya i deyatel'nost' RKI v 1920-1925 gg. / AN SSSR. In-t istorii. - M.: Izd-vo AN SSSR, 1960.

СТАДНИК ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ – ведущий специалист научно-исследовательского отдела, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (vova.barin70@mail.ru).

STADNIK, VLADIMIR A. - Leading Specialist of the Research Department, Donetsk Higher All-Arms Command School.

УДК 94(47).084:37.01 «192/193»

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-92-102

БОРОДУЛИНА Е.В., СКОЧИН А.В.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СРЕДНИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ТЮМЕНИ В 1920–1930-Е ГГ. ²

Ключевые слова: советское образование, техникумы, учебная деятельность, воспитательная работа, кружки в Тюмени, образование в 1920–1930-е гг.

В ходе исследования педагогической деятельности в учебных заведениях города авторы изучают комплекс проблем, касающихся образовательной и воспитательной работы с учащимися. В статье подвергается анализу система управления учебными заведениями, прослеживается трансформация образовательных программ, изучается методическое обеспечение учебного процесса, выявляются основные направления внеурочной работы учащихся. Авторы делают вывод о влиянии различных факторов на качество подготовки специалистов, анализируют разнообразие и динамику воспитательной работы в учебных заведениях, оценивают техникумы как канал, через который осуществлялась социализация молодого поколения. Отмечается, что, несмотря на многообразие методов обучения, до конца 1930-х гг. ведущее место в преподавании, в основном, из-за недостаточной материальной базы, продолжали играть лекции и занятия с элементами беседы. Сохранялась и проблема обеспеченности студентов учебной литературой. Вследствие нехватки учебников педагоги нередко вынуждены были проводить групповые чтения одной книги даже по специальным предметам. В то же время, особое внимание в процессе обучения уделялось производственной практике.

BORODULINA, E.V., SKOCHIN, A.V.

PEDAGOGICAL ACTIVITY IN SECONDARY SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF TYUMEN IN THE 1920–1930s

Key words: Soviet education, technical schools, educational activities, educational work, circles in Tyumen, education in the 1920s–1930s.

In the course of the study of pedagogical activity in educational institutions of the city, the authors study a set of problems related to educational and upbringing work with students. The article analyzes the management system of educational institutions, traces the transformation of educational programs, studies the methodological support of the educational process, and identifies the main areas of extracurricular work of students. The authors draw a conclusion about the influence of various factors on the quality of training of specialists, analyze the diversity and dynamics of educational work in educational institutions, evaluate technical schools as a channel through which the socialization of the younger generation was carried out. It is noted that, despite the variety of teaching methods, until the end of the 1930s. leading place in teaching, mainly due to insufficient material resources, continued to play lectures and classes with elements of conversation. The problem of providing students with educational literature also remained. Due to the shortage of textbooks, teachers were often forced to conduct group readings of one book, even in special subjects. At the same time, special attention in the learning process was given to work practice.

В последние 20 лет интерес к развитию советской системы среднего профессионального образования в отечественной историографии заметно возрос [1-4]. Данная тема активно

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-49-720018

ИСТОРИЯ

разрабатывалась и на материалах отдельных регионов страны [5-9]. Однако несмотря на существенный интерес исследователей количество публикаций, посвященных истории среднего профессионального образования Тюмени в первые десятилетия советской власти, к настоящему времени остается небольшим [10-12]. Между тем, функционирование учебных заведений сельскохозяйственного, медицинского и педагогического профиля в Тюмени в 1920–1930-е гг., реализация в них педагогической деятельности не только отражают ряд особенностей формирования системы профессионального обучения, но и делают более целостной картину регионального образования изучаемого периода.

Первым шагом, определившим становление советской профессиональной школы, можно считать учреждение в ноябре 1918 г. секции профессионально-технического образования Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос), преобразованной 29 января 1920 г. декретом СНК РСФСР в Главный комитет профессионального образования (Главпрофобр) [13]. После возникновения Главпрофобра были созданы органы руководства профессионально-техническим образованием на местах. Так, в феврале 1920 г. в Тюменской губернии начал свою деятельность Тюменский губернский подотдел (с октября 1920 г. – комитет) профессионально-технического образования при губернском отделе народного образования [14, л.л. 10-15], который участвовал в создании в Тюмени сельскохозяйственного техникума [14, л.л. 25, 27], фельдшерско-акушерской школы (август 1921 г.) [15, л. 52] и педагогического училища (сентябрь 1921 г.) [16]. Первым, в августе 1920 г. был открыт сельскохозяйственный техникум, на основе которого уже в 1930 г. создали два самостоятельных учебных заведения – зерновой и мелиоративный техникумы. В 1932 г. мелиоративный техникум вошел в состав Пермского землеустроительного техникума, который в августе 1933 г. из Перми переехал в Тюмень. И лишь в мае 1934 г., после очередной реорганизации, вновь заработал единый Тюменский сельскохозяйственный техникум. В свою очередь, имевшая многолетнюю историю существования в Тобольске повивально-фельдшерская школа была переведена в Тюмень в августе 1921 г., где получила название «Фельдшерско-акушерская школа». С 1923 г. она стала называться фельдшерско-акушерским техникумом, а в 1928 г. была переименована в медицинский техникум (с 1931 г. – медицинский политехнический техникум), а с 1934/1935 уч. г. вновь стала именоваться фельдшерско-акушерской школой. Наконец, в сентябре 1921 года было организовано Тюменское педагогическое училище. В 1932 г. в Тюмень из Омска перевели еще одно педагогическое училище, которое объединили с местным учебным заведением, что привело к созданию Тюменского педагогического техникума, с 1937 г. вновь ставшего училищем.

Руководство средними специальными учебными заведениями было возложено на директоров (заведующих), обязанности которых были четко прописаны лишь несколько лет спустя. При этом директор единолично отвечал за всю учебную и административно-хозяйственную деятельность техникума [17]. При учебных заведениях также были организованы педагогические советы, принимавшие решения, касающиеся широкого круга вопросов учебно-воспитательной работы. В него входили директор, завуч, руководители предметных комиссий, преподаватели, заведующие мастерскими и библиотекой, представители от учащихся, а также секретарь, который выбирался из числа педагогов сроком на 1 год. Совет должен был собираться не реже одного раза в 2 месяца [18, л. 17], однако в действительности чаще всего собирался рабочий аппарат совета – его Президиум в составе 5 человек (директор, завуч, представитель от учащихся и двух преподавателей).

В первые годы после установления советской власти педагогическая деятельность в средних специальных учебных заведениях осуществлялось по старым учебным планам и программам. Однако в начале 1920-х гг., после широкого распространения в стране учебных заведений нового типа – техникумов – научно-техническая секция при Государственном Ученом Совете (ГУС) утвердила примерные учебные планы для средних специальных учебных заведений различных специальностей. На их основе в учебных заведениях стали формироваться учебно-производственные планы по дисциплинам. Если первоначально учебные планы утверждались в самих учебных заведениях, то с 1923 г. разработка и изменение документов, определяющих учебную работу, стали задачами Наркомпроса при участии заинтересованных ведомств. Учебные планы в обязательном порядке утверждались ГУСом. Срок обучения в образовательных учреждениях также определялся Наркомпросом по соглашению с соответствующими местными

ИСТОРИЯ

комитетами и утверждался СНК РСФСР [12, с. 187]. С момента введения такой системы учебный процесс стал приобретать более организованный характер.

Тем не менее, учебные планы тюменских техникумов, вследствие их частой реорганизации и изменения сроков обучения, нередко подвергались переработке. Например, в 1923 г. фельдшерско-акушерская школа была преобразована в Тюменский фельдшерско-акушерский техникум, что привело к расширению учебной программы [19, л.л. 3, 25, 32]. В 1928 г. техникум стал медицинским, в связи с чем изменились сроки обучения, которые теперь составляли 3 года, вместо 4, также было добавлено новое отделение – подготовительное (для национальных меньшинств). Ввиду того, что у поступающих в медтехникум отмечался низкий уровень общего образования, на I курсе у студентов было много общеобразовательных дисциплин, соответствующих учебной программе школы II ступени. Вместе с тем в учебном заведении преподавались и такие специализированные предметы, как история охраны матери и младенчества, физиология, гигиена, основы гистологии и эмбриологии, анатомия, бактериология и другие. Из медицинского техникума выпускали акушеров, фельдшеров, медицинских сестер [19, л. 10]. В педагогическом техникуме, в силу специфики учебного заведения, внедрение в программу общеобразовательного блока предметов не предполагалось. В учебных программах они сразу включались в перечень обязательных дисциплин. Это было связано с тем, что в учебном заведении готовились учителя начальных классов, воспитатели, руководители детских садов и других образовательных учреждений. Срок обучения в техникуме составлял 4 года [20, л. 109]. Первоначально общеобразовательного блока предметов не было и в сельскохозяйственном техникуме, где имелись лишь только узко-профильные дисциплины [21].

Помимо общеобразовательных и профильных дисциплин, в каждом техникуме велись и обществоведческие предметы, такие как политическая грамотность, история классово-борьбы, политическая экономия и обществоведение, которым придавалось очень большое значение [22, л. 268]. Наряду с общественно-политическими дисциплинами, действовали кружки политической грамоты, регулярно проводились политинформации, устраивались политические вечера, которые должны были повысить качество усвоения данных предметов. С 1936 г. обязательной дисциплиной в средних специальных учебных заведениях стала военная подготовка.

В конце 1920-х–1930-е гг. учебные планы средних специальных учебных заведений продолжали регулярно пересматриваться. В 1928 г. они подверглись существенному изменению по настоянию Наркомпроса. Тем не менее, в 1932 г. вышло постановление ЦИК СССР, в котором отмечались такие проблемы, как несоответствие программ профилям подготовки, отсутствие твердых учебных планов, преобладание в техникумах «многопредметности» и недостаток времени на изучение профильных дисциплин [17]. Отныне на освоение специальных предметов стало отводиться около 70 % всего учебного времени; устанавливались обязательные зачетные сессии; для выпускников вводились аттестаты; серьезное внимание стало уделяться производственной практике. Норма практики устанавливалась в 30–35 % учебного времени соответствующих курсов. Если ранее техникумы осуществляли обучение по пятидневной рабочей неделе, то с выходом нового постановления, они были переведены на шестидневную неделю с обязательными 50 учебными неделями в году. На обучение по новым планам были переведены все тюменские техникумы, и хотя до конца 1930-х гг. учебные программы еще неоднократно подвергались пересмотру, принципиального влияния на организацию учебного процесса это уже не оказало.

Деятельность средних специальных учебных заведений подвергалась жесткому контролю со стороны органов власти и общества. Результаты проверок, которые периодически проходили в учебных заведениях, нередко освещались в местной прессе. Так, в январе 1931 г. в газете «Красное знамя» вышла статья «В медтехникуме творятся вопиющие безобразия», обращавшая внимание на отсутствие учебных программ и производственных планов по отдельным дисциплинам, на бездеятельность учебной части, которая «не знает, что преподносят преподаватели учащимся», на «крайне нездоровые взгляды» студентов и некоторых преподавателей, состоявшие в том, что для специалиста «изучение политических дисциплин – второстепенное дело» [23]. А в ноябре 1936 г. эта же газета рассказала уже об успехах данного учебного заведения [24].

Образовательный процесс в тюменских техникумах ничем не отличался от процесса обучения в других средних специальных учебных заведениях страны. Урок по-прежнему оставался одним из основополагающих элементов обучения. Методические приемы,

ИСТОРИЯ

используемые преподавателями техникумов в 1920-е гг., везде были одинаковы: лекция, иллюстративный метод, беседа, экскурсия, лабораторно-практические занятия, устный опрос, самостоятельная работа. Специфика занятий заключалась лишь в их содержании. Применялись в этот период и методы обучения, направленные на формирование коллектива и развитие навыков работы в команде. Такие методы были популярны, но не признавались ведущими, приоритетной же оставалась форма стандартного урока при общей коллективной работе.

Существенную роль в процессе обучения студентов играла творческая инициатива самих преподавателей. Так, экспедиции учащихся, периодически проводившиеся директором сельскохозяйственного техникума П.А. Мартэном, не только позволили обновить гербарий, минералогическую коллекцию учебного заведения, накопить учебное сельскохозяйственное оборудование и оснастить агрономический кабинет, но также мотивировали студентов к учебной и творческой деятельности [25, с. 53]. Такие педагоги-энтузиасты были во всех техникумах, но целенаправленной методической помощи в 1920-е гг. преподаватели получить не могли. Для совместного решения методических проблем, обсуждения и проработки учебных программ и обмена опытом педагоги вынуждены были создавать т. н. «цикловые комиссии», объединявшие представителей смежных дисциплин. В 1927/1928 уч. г. 3 цикловых комиссии – общемедицинская, биологическая и обществоведческая – действовали в медицинском техникуме [26, л. 13]. То же наблюдалось и в других средних специальных учебных заведениях города.

Некоторые изменения в методике преподавания дисциплин произошли в 1930-е годы. Так, с 1932 г. была усилена самостоятельная работа студентов по индивидуальным заданиям под обязательным руководством преподавателей. Получили развитие «общественный буксир», проектный метод, различные виды учебных соревнований, использование в учебном процессе кино. Вместе с тем, некоторые методы ушли на второй план. Например, в Постановлении ЦИК СССР 1932 г. говорилось о признании нецелесообразным бригадно-лабораторного метода проведения занятий [27, л. 1]. Большое внимание в 1930-е гг. стали уделять использованию в учебном процессе специально оборудованных кабинетов и лабораторий. Так, в 1931/1932 уч. г. 2 оснащенных кабинета – по технике общего ухода и анатомический, находящиеся в больнице – появились у медицинского техникума [15, л. 52]. Несмотря на многообразие методов обучения, до конца 1930-х гг. ведущее место в преподавании, в основном, из-за недостаточной материальной базы, продолжали играть лекции и занятия-беседы. Сохранялась и проблема обеспеченности студентов учебной литературой. Вследствие нехватки учебников педагоги нередко вынуждены были проводить групповые чтения одной книги даже по специальным предметам [15, л. 52; 25, с. 57], преподавание многих дисциплин велось по конспектам лекций [28, л. 4].

Обязательной частью учебного процесса в техникумах являлась производственная практика, соответствующая профилю среднего специального учебного заведения. На базе медицинского техникума, например, действовала летняя школа, в которой студенты I–III курсов осуществляли свою практическую деятельность. Занятия в техникуме для них проводились до конца апреля, с 1 по 10 мая было время каникул, а с 11 мая до 1 июля работала летняя школа. Некоторых студентов I курса также отправляли на сбор лечебных трав. Учащиеся IV – выпускного – курса оставались либо в городе для работы в больницах и амбулаториях, либо распределялись в лечебно-профилактические учреждения сельской местности. Они наблюдали за лечением больных, «осуществляли медицинский уход» за ними, изучали на практике симптомы и лечение заболеваний. Выпускников акушерского отделения ожидала практика в виде самостоятельного проведения родов в родильных домах [29, л. 4]. Отметим, что с конца 1920-х гг. организация практики студентов-медиков берется на особый контроль. В декабре 1929 г. Главпрофобр обязал медицинские техникумы пересмотреть учебные планы с целью усиления их практической составляющей и рекомендовал установить равное соотношение теоретического и производственного обучения [30].

Студенты педагогического техникума проходили практику, начиная со II курса в качестве вожатых, помощников учителей и воспитателей, а также привлекались к занятиям с отстающими учениками, к проведению пробных уроков у младших школьников, а с 1929 г., после начала в Тюмени так называемого «дошкольного похода», еще и к работе на детских летних площадках. Например, в 1929 г. из 26 человек, работавших на таких площадках города, 16 составляли студенты-практиканты III курса педтехникума [31]. Итоговой практикой у студентов-

ИСТОРИЯ

выпускников в 1930-е гг. была непрерывная 12-дневная практика в школе. Как и студенты-медики, многие студенты-педагоги, отправлялись на практику в сельские районы Тюменского края.

При сельскохозяйственном техникуме для проведения практических занятий имелись собственные мастерские, в которых студенты обучались ремонту сельскохозяйственных машин. Сама практика для учащихся проводилась как в производственно-хозяйственных организациях, соответствующих их профилю обучения, так и в учебном хозяйстве, которое появилось у сельхозтехникума в 1924г., благодаря директору Павлу Августовичу Мартэну и одному из организаторов техникума – Василию Ермолаевичу Пакитову. Их стараниями образовательное учреждение приобрело за городом под создание и развитие опытного хозяйства заимку «Ульяновская» [25, с. 57; 37], получившую у тюменцев название «Учхоз». Данное хозяйство существует до сих пор уже как учебно-опытное для производственной практики студентов и полевая база для науки Государственного аграрного университета Северного Зауралья.

Руководство практикой осуществляли, с одной стороны, преподаватели техникумов, с другой, директора и инструкторы-наставники от предприятий, выступавших базами для проведения практики. Стоит отметить, что практика у студентов не всегда проходила успешно. Виной тому были не только студенты, нередко выезжающие на место практики позднее установленных сроков, но и организации, куда направляли учащихся, и где их труд часто использовался не по назначению. Кроме того, само отношение к практикантам со стороны представителей организаций нередко было пренебрежительным [12, с. 193].

Интересно, что студенческая практика преследовала не только реализацию учебных задач, но и включала в себя культурно-просветительную деятельность. Например, практикантам-агрономам рекомендовалось вести среди крестьян беседы о «научных способах обработки земли», а студентам-медикам «в повседневной своей работе доказать широкому крестьянскому населению, что медицина сильнее всяких ... знахарей и знахарок, сильнее всяких поповщины и разных предрассудков...» [23; 33]. Привлекались студенты-практиканты, особенно в 1930-е гг., и для участия в «вербовочных компаниях» молодежи в техникумы [34, л. 46; 35].

Борьба за абитуриентов в средних специальных учебных заведениях велась в течение всего исследуемого периода как через средства массовой информации, в которых размещались правила приема учащихся [36; 37] и отражалось все многообразие студенческой жизни [38-41], так и путем целенаправленной работы по привлечению студентов, которая проводилась в самих техникумах. Основные формы профориентационной работы со школьниками и трудящейся молодежью в учебных заведениях города сложились уже в 1920-е годы. Наиболее популярными среди них были студенческие агитбригады и «Дни открытых дверей», на которые ежегодно приглашались представители рабочей молодежи из тюменских предприятий и выпускники школ из близлежащих деревень. Так, 27 ноября 1923 г., по сообщению местной прессы, в сельскохозяйственный техникум прибыла группа делегатов из крестьян, для которых была проведена экскурсия и прочитана лекция «Электричество в домашнем быту» [42]. 23 марта 1925 г. этим же учебным заведением был организован вечер встречи с рабочими завода «Угольник», для которых в течение дня были открыты все кабинеты и лаборатории, где учащиеся и преподаватели вели консультации, а вечером «студентами техникума был поставлен спектакль» [43].

В 1920-е–начале 1930-х гг. при приеме абитуриентов в техникумы приоритетными являлись количественные показатели плана набора и социальное происхождение кандидатов, а не качественный отбор студентов, что в период обучения влекло за собой массовую неуспеваемость учащихся и отсеб. Для решения этой проблемы в техникумах стали практиковать оставление отстающих по программе студентов на второй год. Учащимся, которые не сдали итоговые испытания, назначалась переэкзаменовка, неявка на которую влекла за собой исключение из учебного заведения. В Постановлении 1932 г. отмечалось, что такое «однобокое» внимание к количественному росту при недостаточном внимании к «вопросам качества» учебной подготовки мешает эффективной работе средних специальных учебных заведений по подготовке специалистов соответствующего профиля [17]. 29 декабря 1935 г. вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «О приеме в вузы и техникумы», отменившее ограничения, связанные с социальным происхождением абитуриентов, ранее установленные при наборе в профессиональные учебные заведения [44, с. 426]. Эта мера положительно сказалась на качественных результатах приемной кампании и способствовала росту образовательного уровня студентов [24].

ИСТОРИЯ

В первой половине 1930-х гг. низкая успеваемость учащихся стала серьезно беспокоить органы просвещения [17; 45, л. 7]. В течение ряда лет был обозначен комплекс мер, направленных на решение данной проблемы. К их числу, в частности, относилась строгая регламентация периода обучения, упорядочение учебной нагрузки до 6 академических часов в день, запрет коллективных зачетов, введение в практику системы премий и поощрений за отличную успеваемость и т. д. Единственной уважительной причиной, по которой учащийся мог остаться на второй год, отныне могла быть только его длительная болезнь – не менее 5 месяцев.

С этого времени на директоров и педагогические коллективы техникумов стала возлагаться более серьезная ответственность за успеваемость учащихся. Этой проблемы они подробно касались в ежегодных отчетах [46]. Преподаватели отныне стали уделять больше внимание отстающим студентам, усилили контроль за выполнением ими домашних заданий, стали активнее проводить групповые и индивидуальные консультации. Кроме того, для стимулирования студентов к достижению успехов в обучении, на базе техникумов стали проводиться социалистические соревнования между студенческими группами, итоги которых подводились в конце каждого учебного года. Такие соревнования, ставшие во второй половине 1930-х гг. характерным явлением для тюменских техникумов, организовывались не только между группами учащихся. Так, в 1939 г. проводилось соревнование между тюменским сельскохозяйственным и педагогическим техникумами [20, л. 5]. В том же году газетой «Комсомольская правда» было объявлено социалистическое соревнование среди вузов, втузов и техникумов страны, в котором фельдшерско-акушерская школа Тюмени была признана лучшей из 250 участвовавших в соревновании учреждений среднего медицинского образования [12; 47, л. 57].

Большая роль в борьбе за повышение успеваемости отводилась классным руководителям: они проводили проверку общественной нагрузки каждого студента из своей группы, чтобы не допускать перегрузки; брали под особое наблюдение учащихся, не справляющихся с программой или, наоборот, тех, кто имел по одной из дисциплин «хорошо» при остальных отличных результатах. Такое наставничество способствовало снижению количества неуспевающих студентов и повышало качество подготовки учащихся.

В конце каждого учебного года в техникумах начинался процесс подготовки и проведения проверочных и выпускных испытаний, который имел несколько традиционных этапов: 1) организация собраний накануне экзаменов для подведения предварительных итогов учебного года и ознакомления с «программой испытаний»; 2) составление расписания консультаций и экзаменов; 3) подведение итогов и выставление оценок; 4) обсуждение результатов испытаний на педагогическом совете; 5) составление директором годового отчета о работе техникума. Лучших выпускников награждали, фотографии отличников учебы размещали на Доске почета учебного заведения, а иногда и публиковали в местной периодической печати [24].

Все выпускники техникумов, особенно в 1930-е гг., подлежали обязательному распределению. Значительная часть тюменских специалистов направлялась в районы той области, в административных границах которой находилась Тюмень (с апреля 1920 г. до ноября 1923 г. Тюмень являлась губернским центром; в 1923 г. - стала столицей округа в составе Уральской области; в 1934 г. – центром Обско-Иртышской области; с 1935 г. до образования 14 августа 1944 г. Тюменской области находилась в составе Омской области). Кроме того, во второй половине 1930-х гг. некоторые выпускники получали распределение в Челябинскую, Свердловскую области и другие районы СССР, несмотря на то, что потребность в специалистах в Тюменском крае удовлетворена не была [48]. Интересна не только география распределения выпускников, но и получаемые ими должности. Так, в 1937г. из 115 молодых специалистов педагогического училища 36 были рекомендованы для заведования начальной школой [49, л. 31], а по отчету одной из групп педагогического техникума за 1938г. – все 20 выпускников были трудоустроены, причем 7 человек стали заведующими школами, остальные – учителями начальных классов [50, л. 3].

Наряду с организацией учебного процесса, в средних специальных учебных заведениях города происходило постепенное совершенствование и внеурочной деятельности, формы которой в исследуемый период становятся более разнообразны. Наиболее популярной среди них была кружковая работа. Первые кружки появились в тюменских техникумах в начале 1920-х гг., однако их деятельность осложнялась слабым материальным положением учебных заведений: перебои с отоплением и водоснабжением; нехватка свободных кабинетов; дефицит литературы,

оборудования, инструментов, инвентаря и т. д., необходимых для проведения занятий – все это было причиной того, что кружки работали не регулярно, часто распадались [51]. К середине 1920-х гг. ситуация изменилась, и кружки стали действовать уже во всех техникумах города.

Прежде всего, с целью политического просвещения молодежи, в техникумах стали создаваться кружки текущей политики (кружки политической грамоты) [52]. На них изучалась история большевистской партии, биографии революционеров, национальный вопрос; заслушивались доклады о событиях в мире; прорабатывались решения партийных конференций и съездов; устраивались публичные чтения материалов газет с их последующим обсуждением. Наиболее активные участники кружков из числа старшекурсников проводили политинформации в своих учебных группах и для младших курсов. В 1930-е гг. политинформация (политчас) стала обычной практикой студентов-комсомольцев и части беспартийной молодежи. Особенно хорошо данная работа была организована в педагогическом техникуме [53, л.л. 47, 137].

Одновременно с политкружками в учебных заведениях появились и предметные кружки, которые выполняли две основные функции: с одной стороны, расширяли возможности в изучении той или иной дисциплины для заинтересованных студентов, с другой, готовили из учащихся лекторов для просветительской деятельности. Например, в медицинском техникуме с 1927 г. функционировал санитарный кружок, который в 1928/1929 уч. г. посещали 39 студентов. Каждую среду участники кружка проводили профильные беседы в Доме Крестьянина [26, л. 9].

В техникумах города в исследуемый период действовали также многочисленные творческие и физкультурные кружки, разнообразившие студенческий досуг. Наибольших масштабов деятельность кружков достигла в 1930-е годы. В этот период очень популярны среди студентов были драматические, музыкальные, литературные, шахматно-шашечные, физкультурные кружки, а также кружки Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) и ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона). В педагогическом и медицинском техникумах молодежь также активно посещала кружки кройки и шитья, рисования, хоровой, ГСО (готов к санитарной обороне). Студенты-педагоги охотно занимались в кружках западноевропейских танцев и киномехаников [54]. Участники кружков часто демонстрировали результаты своей деятельности на выставках, конкурсах, соревнованиях, студенческих вечерах. Подобные мероприятия регулярно освещались в местных средствах массовой информации. Так, в статье газеты «Красное знамя» от 29 мая 1930 г. рассказывалось о студенческом вечере, на котором силами драмкружка была исполнена шуточная оперетка «Евгений Онегин» [39], а в заметке от 9 февраля 1938 г. говорилось об успехе учащихся сельхозтехникума в городских лыжных соревнованиях [40].

В 1930-е гг. широкую популярность среди учащейся молодежи Тюмени приобрели физическая культура и спорт. В техникумах города студенты имели возможность заниматься лыжным, конькобежным спортом, спортивной гимнастикой, легкой атлетикой, волейболом. Молодые люди принимали активное участие и в различных спортивных праздниках и соревнованиях. Так, 12 мая 1936 г. в городе был официально открыт летний спортивный сезон, одним из главных мероприятий которого стал блиц-турнир по волейболу с участием 8 мужских и 6 женских команд. В соревнованиях I место заняла мужская команда сельскохозяйственного техникума, II место досталось медицинскому техникуму [55]. Волейбол стал одним из любимых развлечений тюменских студентов. Волейбольные площадки имелись как в парках города, так и при общежитиях отдельных учебных заведений, таких, например, как педагогический техникум [56]. В 1936 г. в Тюмени впервые состоялся городской физкультурный парад молодежи с участием, в том числе, студентов сельскохозяйственного и педагогического техникумов [57]. В 1938 г. в местной печати широко освещалась спартакиада средних учебных заведений, проводившаяся в Тюмени с 6 февраля по 18 марта. В программу соревнований входили игры в волейбол, баскетбол и хоккей, бег, прыжки, метание ручных гранат, лыжи. В спартакиаде с высокими показателями выступили учащиеся сельскохозяйственного техникума [40].

Во второй половине 1930-х гг., вслед за тенденцией по стране в целом, в Тюмени стала отчетливо проявляться оборонно-массовая специфика физкультурной работы, получили развитие прикладные и военно-технические виды спорта. Одним из наиболее ярких примеров такой тенденции стало, например, активное развитие при всех учебных заведениях города стрелкового спорта. В 1935/1936 уч. г. городской Совет физической культуры (ГорСФК) организовал

ИСТОРИЯ

масштабные соревнования, где одним из элементов оценивания была стрельба. Первое место в беге в противогазах на 5 км со стрельбой с места из винтовки заняла команда педагогического техникума [26, л. 15]. В конце 1930-х гг. в тюменском сельскохозяйственном техникуме популярным стал кружок гранатометчиков, где занималось, в среднем, около 40–45 человек [58].

Значимым направлением внеурочной работы техникумов являлась общественная деятельность студентов. Она состояла, прежде всего, в шефской работе, которая проявлялась в шефстве средних специальных учебных заведений над деревней, предприятиями, школами, детскими дошкольными учреждениями. Например, в 1928/1929 уч. г. студенты-медики приняли участие в «субботнике помощи школам» и «субботнике по сбору лома железа и бумаги». Совместно с производственной ячейкой ВЛКСМ завода «Механик» учащимся был поставлен спектакль, вырученные деньги от которого были сданы в Горком ВЛКСМ. 23 марта 12 студентов под руководством преподавателя физкультуры совершили экскурсию в деревню Новые Юрты, где выступили с докладом на тему «Аборт». Некоторые студенты учебного заведения в период каникул работали в сельских летних яслях [26, л. 9]. Учащиеся педагогического техникума в 1935/1936 уч. г. также участвовали в субботниках, а на собранные средства подготовили новогодний праздник для детей сотрудников учебного заведения [59, л. 2]. Студенты тюменских техникумов активно занимались просветительской работой [60], участвовали в кампаниях по выборам в местные органы власти, занимались ликвидацией неграмотности, помогали колхозникам в посевной работе и сборе урожая.

Внеурочная деятельность в тюменских техникумах так же, как и учебная работа, подвергалась контролю со стороны местных отделов народного образования, которые периодически проводили проверки качества ее организации и давали рекомендации для улучшения работы. Так, в 1929 г. в «Акте обследования общественно-политического воспитания в Тюменском медицинском техникуме», составленном тюменским окружным отделом народного образования, отмечалось отсутствие целенаправленной работы по интернациональному и антирелигиозному воспитанию студентов, плохая посещаемость кружков и секций, пассивность комсомольской ячейки в жизни техникума и т. п. Комиссия, обследовавшая техникум, вынесла ряд «основных практических постановлений по улучшению ситуации», к числу которых относились: прикрепление к техникуму обществоведа-партийца как основного работника; введение раз в неделю на всех курсах политчаса; организация читальни; привлечение учащихся к кружковой работе; помощь в культурном обслуживании заводу-шефу «Республиканец»; участие студентов и преподавателей в «ленинской неделе» [61, л.л. 1-3].

Вследствие большого внимания, которое уделялось внеурочной работе со студентами, годовые отчеты руководства средних специальных учебных заведений, как правило, содержали подробный анализ всех воспитательных мероприятий, которые в них проходили [62]. Наиболее подробные отчеты «по учебной, воспитательной, культурно-массовой и спортивной работе» обычно составлялись в педагогическом техникуме. Наконец, оперативно реагировала на многие проблемы педагогической, в том числе внеурочной деятельности в средних специальных учебных заведениях, местная периодическая печать [23].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в Тюмени происходит становление системы среднего профессионального образования. В городе появляется три первых техникума – сельскохозяйственный, медицинский и педагогический, которые начинают осуществлять выпуск специалистов для обеспечения потребностей тюменского края и соседних регионов. В течение исследуемого периода образовательные программы учебных заведений неоднократно подвергались трансформации, происходил интенсивный поиск системы обучения, позволяющей в короткие сроки решить проблему нехватки кадров для экономики и социальной сферы региона.

К началу 1930-х гг. эксперименты в области образования сменяются установлением единых подходов к обучению. Новые образовательные стандарты, принятые в этот период, ориентировали средние специальные учебные заведения на активное изучение профессиональных дисциплин. Возрастала и практическая составляющая в подготовке студентов. В 1930-е гг. происходило расширение методического арсенала обучения студентов, однако слабость материальной базы учебных заведений не всегда позволяла использовать в учебных классах новые образовательные подходы. Вместе с тем материальные сложности тюменских техникумов отчасти компенсировались энтузиазмом и творческой инициативой отдельных преподавателей и

ИСТОРИЯ

руководителей учебных заведений, которые прилагали серьезные усилия для достижения образовательных результатов. Комплекс разнообразных факторов, сложившихся к 1930-м гг., позволил повысить качество подготовки специалистов, потребность в которых, в условиях быстрой модернизации страны, существенно возросла.

В исследуемый период студенты средних специальных учебных заведений города, наряду с учебной работой, имели возможность принимать активное участие и во внеурочной деятельности. При техникумах существовала разветвленная сеть общественно-политических, творческих, физкультурных и других кружков, которые, с одной стороны, давали студентам возможность повысить свой образовательный уровень, а с другой – выступали площадками, на которых происходило воспитание молодого поколения. К началу 1930-х гг. разнообразие кружков существенно возросло, чему способствовал рост внимания государства к развитию физкультуры и спорта, а также необходимость обучения студентов навыкам начальной военной подготовки, в связи с угрозой нового мирового конфликта. Таким образом, средние специальные учебные заведения в исследуемый период позволяли не только осуществлять подготовку специалистов, но также выступали важными каналами социализации молодежи, способствовали приобщению представителей молодого поколения к ценностям нового общества, что являлось важным фактором, обеспечивающим его монолитность.

Литература и источники

1. Валько Е.Е. Формирование основ профессионально-технической системы образования в рамках государственного законодательства в 1920–1940 гг. // Теория и практика общественного развития. - 2013. - № 9. - С. 219-221.
2. Марченков А.В. История развития профессионального образования в России (1917–конец 1950-х гг.) // Тенденции развития науки и образования. - 2016. - № 11-1. - С. 42-47.
3. Попов В.П. Система среднего специального образования в СССР и Российской Федерации в 1917–2000-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М., 2001. - 25 с.
4. Соколова Т.Л. Правовое регулирование в сфере среднего профессионального образования в РСФСР в 1918–1920-х гг. (историко-правовой аспект) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - № 4. - С. 161-163.
5. Дамбаев Д.Н. Становление среднего сельскохозяйственного образования в Байкальском регионе в 20–30-е гг. XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. - 2017. - № 1 (27). - С. 53-59.
6. Пономарев С.А. Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930–1941 гг. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - М., 2018. - 22 с.
7. Романова Н.С. Развитие профессионального образования в Енисейской губернии (Красноярском крае) в 1920–1941 гг. Дис. ... канд. пед. наук. - Красноярск, 2003. - 287 с.
8. Скворцова С.Г. Система учебных заведений профессионально-технического образования в Башкирии в 1920–1930 годы // Сибирский педагогический журнал. - 2014. - № 6. - С. 231-236.
9. Харламов В.А. Становление и развитие среднего специального сельскохозяйственного образования в Советской России в 1917–1940 гг.: на материалах Центрально-Черноземного региона. Дис. ... канд. ист. наук. - Курск, 2006. - 303 с.
10. Животова А.Н. К истории становления системы профессионально-технического образования Тюменского края (1920–1921 гг.) // Краеведческая конференция «Наше наследие – 2016»: Материалы докладов и сообщений / под ред. Р.Г. Назаровой, Л.Н. Басовой, Т.С. Воеводиной, А.А. Севостьянова. - Ишим, 2016. - С. 20-21.
11. Животова А.Н. Новые факты по истории тюменского сельскохозяйственного техникума в 1920-е годы в документах ГБУТО «Государственный архив Тюменской области» // Документ в контексте универсальных практик: Материалы пятой Всероссийской научно-практ. Конф-ции с международным участием. - Тюмень: Типография «Печатник», 2018. - С. 241-243.
12. Соловьева Ю.А. Организация и содержание учебной деятельности в средних специальных учебных заведениях г. Тюмени в 20–30-е гг. 20 века // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея им. И.Я. Словцова: 2000. - Тюмень: Издательско-полиграфическое предприятие "Тюмень", 2001. - С. 182-197.
13. Об организации Главпрофобра в составе Наркомпроса: Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР. 29 января 1920 г. // Декреты Советской власти. - М.: Политиздат, 1974. - Т. 7: 10 декабря 1919-31 марта 1920 г. - С. 142–144.
14. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 21.
15. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 92.
16. Трудовой набат. - 1921. - 25 сентября.
17. Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах: Постановление ЦИК СССР 19 сентября 1932 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. док-тов. 1917–1973 гг. - М.: Педагогика, 1974. - С. 420-425.
18. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1000.
19. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 3.
20. ГАТО. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 121.
21. Трудовой набат. - 1924. - 12 апреля; 18 апреля; 8 июля.
22. ГАСПИТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 73.
23. Красное знамя. - 1931. - 24 января.
24. Красное знамя. - 1936. - 6 ноября.
25. История через три века: люди и судьбы / Под общей редакцией ректора Государственного аграрного университета Северного Зауралья Е.Г. Бойко. - Тюмень: ФГБОУ ВО ГАУ Северного Зауралья, 2019.
26. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 48.
27. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 70.
28. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 46.
29. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 4.

30. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 21. Л. 40; Д. 57. Л. 9.
31. ГАТО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 261.
32. Трудовой набат. - 1924. - 8 июля.
33. Трудовой набат. - 1924. - 14 мая.
34. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 79.
35. Красное знамя. - 1931. - 10 августа.
36. Красное знамя. - 1927. - 3 августа.
37. Красное знамя. - 1931. - 8 августа.
38. Трудовой набат. - 1923. - 11 августа.
39. Красное знамя. - 1930. - 29 мая.
40. Красное знамя. - 1938. - 9 февраля.
41. Красное знамя. - 1938. - 30 августа.
42. Трудовой набат. - 1923. - 29 ноября.
43. Трудовой набат. - 1925. - 25 марта.
44. О приеме в вузы и техникумы: Постановление ЦИК и СНК СССР 29 декабря 1935 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: Сб. документов. 1917–1973 гг. - М.: Педагогика, 1974.
45. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 80.
46. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 88. Л. 34; Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 95. Л. 67; Ф. Р-1202. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.
47. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 45.
48. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 88. Л. 56; Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 57. Л. 31; Ф. Р-1202. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
49. ГАТО. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 57.
50. ГАТО. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 95.
51. Трудовой набат. - 1923. - 20 января.
52. ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 343. Л. 14; Ф. 21. Оп. 1. Д. 13. Л. 20.
53. ГАТО. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 35.
54. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 70. Л.Л. 16–19; Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 95. Л.Л. 11, 17; Ф. Р-1202. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
55. Красное знамя. - 1936. - 18 июля.
56. Красное знамя. - 1936. - 18 мая.
57. Красное знамя. - 1936. - 4 августа.
58. Красное знамя. - 1939. - 17 января.
59. ГАТО. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 148.
60. ГАСПИТО. Ф. П-21. Д. 89. Лл. 4–8; ГАТО. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 35. Л. 15.
61. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 57.
62. ГАТО. Ф. Р-300. Оп. 1. Д. 70. 53 л.; Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 35. 187 л.

References and Sources

1. Val'ko E.E. Formirovanie osnov professional'no-tekhnicheskoy sistemy obrazovaniya v ramkakh gosudarstvennogo zakonodatel'stva v 1920–1940 gg. // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. - 2013. - № 9. - S. 219-221.
2. Marchenkov A.V. Istoriya razvitiya professional'nogo obrazovaniya v Rossii (1917–konec 1950-h gg.) // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. - 2016. - № 11-1. - S. 42-47.
3. Popov V.P. Sistema srednego special'nogo obrazovaniya v SSSR i Rossijskoj Federacii v 1917–2000-e gg. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. - M., 2001. - 25 s.
4. Sokolova T.L. Pravovoe regulirovanie v sfere srednego professional'nogo obrazovaniya v RSFSR v 1918–1920-h gg. (istoriko-pravovoj aspekt) // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. - 2020. - № 4. - S. 161-163.
5. Dambaev D.N. Stanovlenie srednego sel'skohozyajstvennogo obrazovaniya v Bajkal'skom regione v 20–30-e-e gg. XX v. // Problemy social'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. - 2017. - № 1 (27). - S. 53-59.
6. Ponomarev S.A. Razvitie pedagogicheskogo obrazovaniya v Zapadnoj Sibiri v 1930–1941 gg. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. - M., 2018. - 22 s.
7. Romanova N.S. Razvitie professional'nogo obrazovaniya v Enisejskoj gubernii (Krasnoyarskom krae) v 1920–1941 gg. Dis. ... kand. ped. nauk. - Krasnoyarsk, 2003. - 287 s.
8. Skvorcova S.G. Sistema uchebnyh zavedenij professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya v Bashkirii v 1920–1930 gody // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. - 2014. - № 6. - S. 231-236.
9. Harlamov V.A. Stanovlenie i razvitie srednego special'nogo sel'skohozyajstvennogo obrazovaniya v Sovetskoj Rossii v 1917–1940 gg.: na materialah Central'no-Chernozemnogo regiona. Dis. ... kand. ist. nauk. - Kursk, 2006. - 303 s.
10. Zhivotova A.N. K istorii stanovleniya sistemy professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya Tyumenskogo kraja (1920–1921 gg.) // Kraevedcheskaya konferenciya «Nashe nasledie – 2016»: Materialy dokladov i soobshchenij / pod red. R.G. Nazarovoj, L.N. Basovoj, T.S. Voevodinoj, A.A. Sevost'yanova. - Ishim, 2016. - S. 20-21.
11. Zhivotova A.N. Novye fakty po istorii tyumenskogo sel'skohozyajstvennogo tekhnikuma v 1920-e gody v dokumentah GBUTO «Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti» // Dokument v kontekste universal'nyh praktik: Materialy pyatoy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. - Tyumen': Tipografiya «Pechatnik», 2018. - S. 241-243.
12. Solov'eva YU.A. Organizaciya i sodержание uchebnoj deyatel'nosti v srednih special'nyh uchebnyh zavedeniyah g. Tyumeni v 20–30-e gg. 20 veka // Ezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. I.YA. Slovцова: 2000. - Tyumen': Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie "Tyumen'", 2001. - S. 182-197.
13. Ob organizacii Glavprofobra v sostave Narkomprosa: Dekret Soveta Narodnyh Komissarov RSFSR. 29 yanvarya 1920 g. // Dekrety Sovetskoj vlasti. - M.: Politizdat, 1974. - T. 7: 10 dekabrya 1919-31 marta 1920 g. - S. 142–144.
14. Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti (GATO). F. R-80. Op. 1. D. 21.
15. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 92.
16. Trudovoj nabat. - 1921. - 25 sentyabrya.
17. Ob uchebnyh programmah i rezhime v vysshej shkole i tekhnikumah: Postanovlenie CIK SSSR 19 sentyabrya 1932 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola: Sб. dokumentov. 1917–1973 gg. - M.: Pedagogika, 1974. - S. 420-425.
18. Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoy istorii Tyumenskoj oblasti (GASPITO). F. 3. Op. 1. D. 1000.
19. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 3.
20. GATO. F. R-689. Op. 1. D. 121.
21. Trudovoj nabat. - 1924. - 12 aprelya; 18 aprelya; 8 iyulya.
22. GASPITO. F. 3. Op. 1. D. 73.
23. Krasnoe znamya. - 1931. - 24 yanvarya.

24. Krasnoe znamya. - 1936. - 6 noyabrya.
25. Istoriya cherez tri veka: lyudi i sud'by / Pod obshchey redakciej rektora Gosudarstvennogo agrarnogo universiteta Severnogo Zaural'ya E.G. Bojko. - Tyumen': FGBOU VO GAU Severnogo Zaural'ya, 2019.
26. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 48.
27. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 70.
28. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 46.
29. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 4.
30. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 21. L. 40; D. 57. L. 9.
31. GATO. F. R-37. Op. 1. D. 261.
32. Trudovoj nabat. - 1924. - 8 iyulya.
33. Trudovoj nabat. - 1924. - 14 maya.
34. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 79.
35. Krasnoe znamya. - 1931. - 10 avgusta.
36. Krasnoe znamya. - 1927. - 3 avgusta.
37. Krasnoe znamya. - 1931. - 8 avgusta.
38. Trudovoj nabat. - 1923. - 11 avgusta.
39. Krasnoe znamya. - 1930. - 29 maya.
40. Krasnoe znamya. - 1938. - 9 fevralya.
41. Krasnoe znamya. - 1938. - 30 avgusta.
42. Trudovoj nabat. - 1923. - 29 noyabrya.
43. Trudovoj nabat. - 1925. - 25 marta.
44. O prieme v vuzy i tekhnikumy: Postanovlenie CIK i SNK SSSR 29 dekabrya 1935 g. // Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola: Sb. dokumentov. 1917–1973 gg. - M.: Pedagogika, 1974.
45. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 80.
46. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 88. L. 34; F. R-689. Op. 1. D. 95. L. 67; F. R-1202. Op. 1. D. 1. L. 17.
47. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 45.
48. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 88. L. 56; F. R-689. Op. 1. D. 57. L. 31; F. R-1202. Op. 1. D. 1. L. 5.
49. GATO. F. R-689. Op. 1. D. 57.
50. GATO. F. R-689. Op. 1. D. 95.
51. Trudovoj nabat. - 1923. - 20 yanvarya.
52. GASPITO. F. 7. Op. 1. D. 343. L. 14; F. 21. Op. 1. D. 13. L. 20.
53. GATO. F. R-689. Op. 1. D. 35.
54. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 70. L.L. 16–19; F. R-689. Op. 1. D. 95. L.L. 11, 17; F. R-1202. Op. 1. D. 1. L. 4.
55. Krasnoe znamya. - 1936. - 18 iyulya.
56. Krasnoe znamya. - 1936. - 18 maya.
57. Krasnoe znamya. - 1936. - 4 avgusta.
58. Krasnoe znamya. - 1939. - 17 yanvarya.
59. GATO. F. R-689. Op. 1. D. 148.
60. GASPITO. F. P-21. D. 89. Ll. 4–8; GATO. F. R-689. Op. 1. D. 35. L. 15.
61. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 57.
62. GATO. F. R-300. Op. 1. D. 70. 53 l.; F. R-689. Op. 1. D. 35. 187 l.

БОРОДУЛИНА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (borodulina.e@list.ru).

СКОЧИН АРТЁМ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (A.V.Skochin@utmn.ru).

BORODULINA, ELENA V. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and World Politics, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University (borodulina.e@list.ru).

SKOCHIN, ARTEM V. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History and World Politics, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University (A.V.Skochin@utmn.ru)

УДК 94:314.14-053.3(470.56)«193»

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-102-107

АЖИГУЛОВА А.И.

МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА³

Ключевые слова: Южный Урал, младенческая смертность, динамика, население, охрана материнства и младенчества.

Младенческая смертность является одним из важных показателей естественного прироста населения. На рост или снижение младенческой смертности влияет социальное благополучия населения, индикаторами которого являются: наличие своевременной медицинской помощи, материальное благосостояние, санитарно-бытовое просвещение. События первой половины XX века, происходившие в нашей стране, такие как революция, Гражданская война, голод 1932-1933 гг. отразились на здоровье матери и здоровье будущего ребенка. В 1930-е гг. в стране наблюдалась сложная ситуация в связи ростом младенческой смертности. На Южном Урале в Челябинской области смертность детей до одного года лидировала по РСФСР. Одной из причин сохранения высокой смертности среди населения Южного Урала было преобладание сельчан, что подчеркивало не только патриархальный уклад семьи, с большим количеством детей, но и ограниченность медицинского обслуживания на селе, нехватку там врачей, медикаментов.

³ Статья издается при финансовой поддержке молодых ученых в Оренбургской области (Закон Оренбургской области от 27 сентября 2012г. № 3806/871-IV-ОЗ «О государственной поддержке молодых ученых в Оренбургской области», на основании предложений Совета молодых ученых и специалистов Оренбургской области от 1 марта 2021 года. Указ Губернатора Оренбургской области от 19.04.2021 № 181-ук)

Key words: Southern Urals, infant mortality, dynamics, population, maternity and infancy protection.

Infant mortality is one of the important indicators of natural population growth. The growth or decrease in infant mortality is influenced by the social well-being of the population, the indicators of which are: the availability of timely medical care, material well-being, sanitary and household education. The events of the first half of the XX century that took place in our country, such as the revolution, the Civil War, the famine of 1932-1933, affected the health of the mother and the health of the unborn child. In the 1930 years. There was a difficult situation in the country due to the increase in infant mortality. In the Southern Urals in the Chelyabinsk region, the mortality of children under one year was leading in the RSFSR. One of the reasons for the persistence of high mortality among the population of the Southern Urals was the predominance of villagers, which emphasized not only the patriarchal structure of the family, with a large number of children, but also the limited medical care in the countryside, the lack of doctors and medicines there.

Одним из главенствующих факторов, определяющих численность населения, является смертность. Низкие показатели смертности характеризуют, в первую очередь, социальное благосостояние населения – обеспеченность медицинской помощью, наличие органов социальной защиты и т.д. Самым ярким показателем уровня смертности является младенческая смертность. Младенческая смертность – это смертность детей до 1 года. Автор данной статьи рассматривает причины и уровень младенческой смертности на Южном Урале во второй половине 1930-х годов.

Проблему младенческой смертности в первой половине XX в. рассматривает целый ряд авторов. Так, В.А. Журавлева выделяет причины роста младенческой смертности, среди которых – увеличение инфекционных заболеваний, ограниченность медицинского обслуживания, нехватка детских коек в больницах. Она приходит к выводу, что, несмотря на ряд шагов, предпринятых в этот период, таких как создание комиссий для отслеживания динамики воспроизводства среди населения, прививание, направление специальных медицинских бригад в особо сложные районы и пр., добиться снижения младенческой смертности в городах не получилось [4]. А.В. Фадеев рассматривает роль государства в 1920-1930-е годы в борьбе с детской смертностью, делая акцент на эффективной работе таких учреждений как дома матери и ребенка, дома ребенка, ясли, консультации, молочные кухни, численность которых увеличивалась. В то же время он приходит к выводу о неравномерности медицинской помощи, которая в основном концентрировалась в европейской части России и на Украине [13]. Проблему младенческой смертности рассматривают также Е.А. Кваша [5], Г.Е. Корнилов [6], Р.Р. Хисамутдинова, А.И. Ажигулова [14].

В целом, можно считать установленным, что важную роль в снижении младенческой смертности играет наличие медицинской помощи, родовспоможения, своевременного прививания. Сразу после революции 1917 года внимание Советской власти было обращено на проблемы охраны материнства и детства. С 1918 г. отдел охраны материнства и младенчества возглавляла В.П. Лебедева. В 1920-е годы началась организация домов младенца, детских больниц, приютов для грудных детей. В 1932 г. было принято постановление о развитии ясельного обслуживания в городах, колхозах и т.д. Детские ясли принимали детей в возрасте 2-3 месяцев и имели ряд преимуществ. Санитарные условия в них были лучше, чем в семейных жилищах. Здесь обеспечивались режим питания, вакцинация, профилактические осмотры [1].

Уже в начале 1930-х годов складываются три звена медицинского вспоможения для матерей и младенцев – это женская консультация, осуществляющая лечение гинекологических больных, наблюдение беременности и выдачу направлений на искусственный аборт. Второе звено – родильные дома и, наконец, третье – детские поликлиники [1]. Важным этапом в истории охраны материнства и младенчества следует считать постановление 1936 г., известное как документ, введший запрет на аборт. Однако постановление носило более широкий характер. Оно регламентировало алиментные выплаты, увеличение материальной помощи роженицам, расширение сети родильных домов и др. В результате, в СССР увеличивалось количество детских яслей, молочных кухонь, акушерских пунктов в селах и т.д.

Здоровье матери – один из основополагающих факторов здоровья ребенка. Население 1920-1930-х гг. было подвержено ряду стрессов в виде революции, Гражданской войны, голодных лет и т.д. Все это отразилось на иммунной системе людей. Кроме того, система здравоохранения, еще не могла полностью охватить все население. Особенно не хватало медицинских специалистов, медикаментов и т.д. в сельской местности.

ИСТОРИЯ

Характеристика здоровья населения Южного Урала в 1930-е годы складывалась из показателей эндогенных и экзогенных факторов. Так, группа эндогенных факторов включает в себя внутреннее развитие человеческого организма, например, болезни системы кровообращения, злокачественные новообразования и т.д. Экзогенные факторы складываются из воздействия внешней среды, например, травматизм, инфекции, эпидемии и т.д. Если эндогенные факторы зависят от самого человека, то экзогенные факторы демонстрируют состояние экономической, социальной политики в определенный период. Сложная экономическая ситуация влечет за собой недоедание, истощение, иногда голод. Нехватка витаминов, несбалансированное питание отражаются на иммунной системе организма. В то же время, налаженная социальная политика, направленная на поддержку населения, способствующая росту образованности, сознательности среди граждан, контролирующая санитарную обстановку и работу жилищно-коммунального хозяйства, способствует повышению показателей здоровья среди населения.

Важной проблемой рассматриваемого периода являлись сезонные вспышки инфекционных заболеваний, массовые перемещения населения, сопровождавшиеся переносом болезней. В 1920-е годы на Южном Урале из сезонных болезней распространение получила дизентерия, из детских – коклюш, корь, скарлатина [7, л.л. 18-20].

Первая половина 1930-х годов катастрофично отразилась на всем населении Советского Союза. Голод 1932-1933 годов стал общей трагедией и причиной высокой смертности населения. Самый яркий показатель смертности – младенческая смертность местами достигала трети от общего количества смертей. Голод наложил отпечаток и на ряд последующих лет, потому что ослабил организм матери, витаминным голоданием, отсутствием калорийного питания. Дети, появившиеся в этот период и после, рождались ослабленными, подверженными заболеваниям из-за низкой работоспособности иммунной системы.

В 1932-1934 годах в городских местностях Челябинской области и Башкирской АССР местами наблюдался отрицательный прирост населения. Особенно высокая смертность наблюдалась в весенне-летние периоды, примерно, с марта по октябрь [8, л.л. 27-29]. В этой связи, вопросы младенческой смертности оставались в регионе в зоне постоянного внимания. Так, в декабре 1934 г. в Оренбурге состоялась конференция работников здравоохранения, которая выделила основные методы борьбы с малярией, тифом, оспой [15, с. 10]. В 1935 году конференция медицинских работников проводилась в Орске, где обсуждались основные направления работы акушеров-гинекологов [15, с. 18]. Для улучшения охраны здоровья и санитарной обстановки в Оренбургской области в 1935 г. в ряд районов (Тепловский, Адамовский, Курманаевский, Акбулакский, Буртинский, Зиянчуринский) были направлены акушеры и помощники врачей-педиатров общим числом 31 человек [15, с. 14].

Борьба государства за улучшение санитарных условий продолжается во второй половине 1930-х годов (хотя районные здравотделы не всегда могли полностью проконтролировать ситуацию, а поэтому сведения, отправляемые Наркомздраву, не всегда были полными) [2, л. 24]. Имеющиеся в нашем распоряжении данные показывают, что численность заболеваний дизентерией, дифтерией, скарлатиной в регионе росла из года в год. В середине 1930-х годов младенческая смертность продолжала оставаться высокой. В 1935 г. младенческая смертность в Челябинской области достигала 37,9 % от общего количества смертей, в Оренбургской области – 25,8%, в Башкирской АССР – 30,2%. Всего по Южному Уралу умерло детей до одного года 48 027, что составляло 32,14% от общего числа смертей [9, л.л. 98-109 (об)].

В 1936 г. младенческая смертность составила по Челябинской области 43,1% от общего количества смертей, в Оренбургской области – 39%, в Башкирии – 35%. Всего на Южном Урале умерло младенцев 76 184, что более чем в полтора раза превысило показатели предыдущего года. Увеличение младенческой смертности было связано, во-первых, с последствиями голода, в связи с которым продолжала сказываться ослабленность материнского организма; во-вторых, с постановлением 1936 года о запрещении аборт, если на то нет специальных медицинских показаний, например, угроза жизни матери [12, с. 124]. В результате запрета возросло количество аборт, осуществленных вне лечебных учреждений. Часть младенцев появлялась на свет недоношенными, что также увеличивало смертность. Третьей причиной увеличения младенческой смертности являлась сложная эпидемическая обстановка. Продолжали негативно влиять врожденная слабость, скарлатина, корь, энтерит, диарея, колит.

ИСТОРИЯ

В 1937 г. в Челябинской области младенческая смертность составила 42,5%, в Чкаловской области – 39,2%, в Башкирской АССР – 36,8% от общего количества смертей. Всего на Южном Урале в 1937 г. умерли 73 415 детей до одного года [10, л.л. 115-179]. В 1938 году в Челябинской области доля младенческой смертности от общего числа смертей составила 40%, в Чкаловской – 38,8%, в Башкирской АССР – 33,4%. Всего по Южному Уралу умерло младенцев 57 418 [10, л.л. 115-179]. В 1939 г. в Челябинской области процент детских смертей до одного года составил 44,47%, в Чкаловской области – 39,93%, в Башкирии – 41,58%. Итого по Южному Уралу умерло 73 230 детей до года [10, л.л. 115-179], что составляло 42,5% от общего количества смертей.

Детская смертность являлась наиболее чувствительным элементом определения санитарного состояния населения. В 1938 г. в Челябинской области на 100 родившихся приходилось 17,8 младенческих смертей, в Башкирской АССР – 15,2, в Чкаловской области – 16. В 1939 г. на 100 родившихся в Челябинской области приходилось 25,3 умерших младенца, в Башкирской АССР – 18,5, в Чкаловской области – 16,7. Таким образом, в 1939 г. Челябинская область занимала второе место по числу детских смертей в РСФСР. Не резкое, но значительное увеличение детской смертности произошло в БАССР. Если сравнить показатели детской смертности по отношению к общему количеству умерших, то они еще выше. Так в 1939 г. на 100 умерших в Челябинской области в сельской местности приходилось 47,7, в городской – 39,9, в Башкирской АССР в сельской местности – 42,5, в городской – 36,8, в Чкаловской области в сельской местности – 41,6, в городской – 35,8 детей, умерших до 1 года [11, л.л. 99, 105].

Помесячный анализ смертности 1939 года позволит более подробно рассмотреть причины смертности среди детей до 1 года. В БАССР младенческая смертность в январе составила 2 463, в сельской местности – 2 097, в городской – 366, в феврале – 2 117, из них в селах – 1 832, в городах – 285, в марте – 2 313, в селах – 1 984, в городах – 329, в апреле – 1 864, в сельской местности – 1 562, в городской – 302, в мае – 1 704, в селах – 1 349, в городах – 355, в июне – 1 639, из них в селах – 1 285, в городах – 354, в июле – 3 939, в селах – 3 1 93, в городах – 746, в августе – 5 348, в селах – 4 770, в городах – 578, в сентябре – 2 403, в селах – 2 129, в городах – 274, в октябре – 1 543, в селах – 1 346, в городах – 197, в ноябре – 1 403, в селах – 1 171, в городах – 232, в декабре – 1 300, в селах – 1 033, в городах – 267. Всего за год умерло 28 036 младенцев, из них в сельской местности – 23 751 или 84,72%, в городской – 4 285 или 15,28% [11, л.л. 99, 105]. Таким образом, пик младенческой смертности приходится на июль, август, сентябрь. Меньше всего смертей среди младенцев наблюдалось в последнем квартале года (октябрь, ноябрь и декабрь).

В Челябинской области в январе младенческая смертность составила 2 056, из них в сельской местности – 1 216, в городской – 840, в феврале – 1 767, в селах – 987, в городах – 789, в марте – 2 063, в селах – 1 156, в городах – 907, в апреле – 1 978, в селах – 1 105, в городах – 873, в мае – 2 165, в селах – 1 267, в городах – 898, в июне – 2 942, в селах – 1 846, в городах – 1 096, в июле – 5 794, в селах – 4 248, в городах – 1 548, в августе – 5 190, в селах – 3 952, в селах – 1 238, в сентябре – 2 664, в селах – 1 973, в городах – 691, в октябре – 2 259, в селах – 1 622, в городах – 637, в ноябре – 1 842, в селах – 1 114, в городах – 728, в декабре – 1 778, в селах – 993, в городах – 785. Всего за год умерло младенцев – 32 498, в сельской местности – 21 470 или 66,07%, в городской – 11 028 или 33,93% [11, л.л. 99, 105]. Пик младенческих смертей пришелся на летние месяцы июль и август. Наименьшее количество смертей было отмечено в ноябре и декабре.

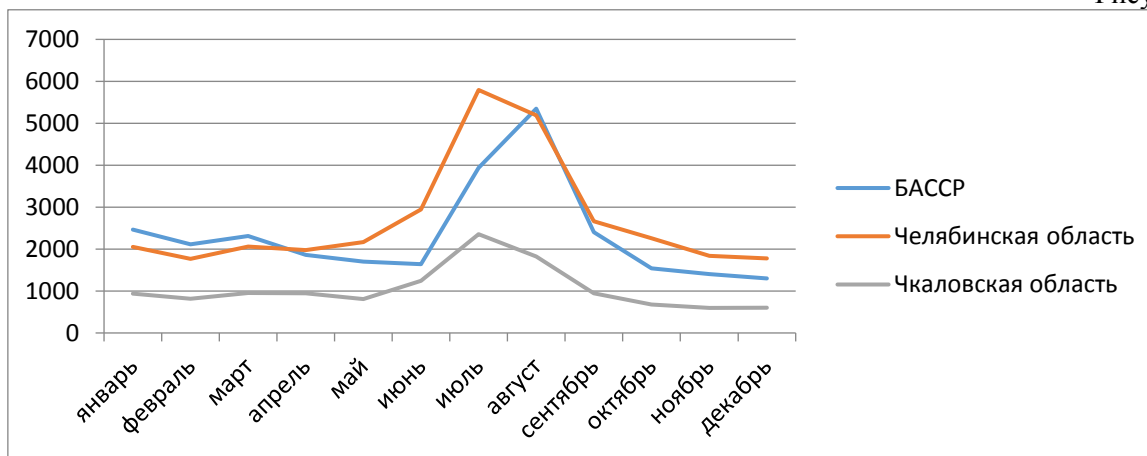
В Чкаловской области в 1939 году в январе умерло младенцев 935, из них в сельской местности – 779, в городской – 156, в феврале – 813, в селах – 649, в городах – 164, в марте – 954, в селах – 744, в городах – 210, в апреле – 943, в селах – 725, в городах – 218, в мае – 811, в селах – 609, в городах – 202, в июне – 1 242, в селах – 856, в городах – 386, в июле – 2 355, в селах – 1 708, в городах – 647, в августе – 1 821, в селах – 1 490, в городах – 331, в сентябре – 944, в селах – 792, в городах – 152, в октябре – 677, в селах – 536, в городах – 141, в ноябре – 597, в селах – 456, в городах – 141, в декабре – 604, в селах – 445, в городах – 159. Всего в Чкаловской области за 1939 год младенческая смертность составила 12 636, из них в сельской местности – 9 789 или 77 %, в городской – 2 907 или 23 % [11, л.л. 99, 105]. Наибольшее количество смертей приходится на летние месяцы июнь, июль, август. Наименьшее количество смертей - в ноябре, декабре.

Таким образом, полученные данные можно рассмотреть схематически на рисунке 1. Мы видим, что в весенне-летний период число детских смертей увеличивается, с мая и до октября показатели графика по Челябинской области и Башкирской АССР превышают пятитысячную

ИСТОРИЯ

отметку. Причины высоких показателей смертности в летние месяцы следующие: витаминное голодание матери в весенние месяцы, распространенность инфекционных заболеваний в летние месяцы, низкое качество медицинского обслуживания.

Рисунок 1.

Как следует из сведений научно-методического бюро санитарной статистики Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, детская смертность в 1939 г. незначительно повысилась в сельских местностях по сравнению с 1938 г. Как неблагополучная область по показателям смертности выделяется Челябинская, где детская смертность на 1000 человек составила 25,3. Причинами детской смертности, прежде всего, являлись такие заболевания как коклюш, корь, грипп и его осложнения, пневмония, дизентерия и острые желудочно-кишечные заболевания [2, л.л. 4-5]. Большая часть перечисленных заболеваний носит инфекционный характер и особенно быстро распространяется в весенне-летние месяцы. К 1939 г. продолжала оставаться проблемной и ситуация с укомплектованностью больниц штатными должностями. В сельских местностях Чкаловской области укомплектованность составляла всего 41% [2, л. 18]. Низкие показатели обеспеченности населения медицинской помощью были в Башкирской АССР, где не хватало санитарных врачей, среднего медицинского персонала, женских консультаций и т.д.

Таким образом, динамика младенческой смертности во второй половине 1930-х гг. на Южном Урале волнообразна. В 1935 г. количество младенческих смертей составило 48 027, в 1936 г. – 76 184, в 1937 г. – 73 415, в 1938 г. – 57 418, в 1939 г. – 73 230 человек. В этой ситуации действия советского государства были направлены на защиту материнства и детства. В 1930-е гг. увеличивается количество яслей, детских садов, молочных кухонь, растет число коек в родильных домах, медицинские специалисты направляются в отдаленные села. Одна из причин снижения младенческой смертности – смена жизненного уклада, наблюдавшаяся в нашей стране в первой половине XX века. Увеличивается благосостояние, растет уровень просвещенности, строятся ясли и детские сады и т.д. В этот период складывается государственная концепция системы охраны материнства и детства. Тем не менее, несмотря на ряд действенных шагов, проблема младенческой смертности в регионе сохраняла свою остроту. Одной из причин сохранения высокой смертности среди населения Южного Урала было преобладание сельчан, что подчеркивало не только патриархальный уклад семьи, с большим количеством детей, но и ограниченность медицинского обслуживания на селе, нехватку там врачей, медикаментов.

Литература и источники

1. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сборник статей. - 2-е изд. - М.: МАКС Пресс, 2010. С. 13-72.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 503.
3. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. - 280 с.
4. Журавлева В.А. Младенческая смертность в уральских городах и меры по ее снижению в 1920-е гг. // Уральский исторический вестник. - 2014. - № 3(44). - С. 96-102.
5. Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. - 2003. - № 6. - С. 47-55.
6. Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. - 2014. - № 3(44). - С. 80-89.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 20. Д. 41.
8. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 44.
9. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 4.

10. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 85.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 151А.
12. *Сакевич В.* Аборт – кривое зеркало демографической политики// Демоскоп. -2003. - №123// [Электронный ресурс]. URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0123/analit01.php> (дата обращения 25.06.2022 г.)
13. *Фадеев А.В.* Борьба с детской смертностью в СССР в 1920-1930е гг. // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья. Российская академия медицинских наук. - 2012. - № 1. - С. 123-125.
14. *Хисамутдинова Р.Р., Азигулова А.И.* Младенческая смертность на Южном Урале в 1930-е гг. // Современные исследования социальных проблем. - 2017. - Т.9. - № 4. - С. 92-106.
15. Хроника Оренбургской области. Т.1. 1934-1990/ под общ. ред. С.М. Муромцевой. - Оренбург: Печатный дом «Димур», 2009. - 308 с.

References and Sources

1. Avdeev A. Mladencheskaya smertnost' i istoriya ohrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR // Istoricheskaya demografiya: Sbornik statej. - 2-e izd. - M.: MAKSS Press, 2010. S. 13-72.
2. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R-8009. Op. 6. D. 503.
3. Zhiromskaya V.B. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gody. Vzgljad v neizvestnoe. - M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2001. - 280 s.
4. Zhuravleva V.A. Mladencheskaya smertnost' v ural'skih gorodah i mery po ee snizheniyu v 1920-e gg.// Ural'skij istoricheskij vestnik. - 2014. - № 3(44). - S. 96-102.
5. Kvasha E.A. Mladencheskaya smertnost' v Rossii v XX veke// Sociologicheskie issledovaniya. - 2003. - № 6. - S. 47-55.
6. Kornilov G.E. Evolyuciya mladencheskoj smertnosti na Urале v pervoj polovine XX v.// Ural'skij istoricheskij vestnik. - 2014. - № 3(44). - S. 80-89.
7. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE). F. 1562. Op. 20. D. 41.
8. RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 44.
9. RGAE. F. 1562. Op. 18. D. 4.
10. RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 85.
11. RGAE. F. 1562. Op. 20. D. 151А.
12. *Sakevich V.* Abort – kрivoe zerkalo demograficheskoi politiki// Demoskop. -2003. - №123// [Elektronnyj resurs]. URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0123/analit01.php> (data obrashcheniya 25.06.2022 g.)
13. *Fadeev A.V.* Bor'ba s detskoj smertnost'yu v SSSR v 1920-1930e gg. // Byulleten' nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya. Rossijskaya akademiya medicinskih nauk. - 2012. - № 1. - S. 123-125.
14. *Hisamutdinova R.R., Azhigulova A.I.* Mladencheskaya smertnost' na Yuzhnom Urале v 1930-e gg. // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. - 2017. - Т.9. - № 4. - S. 92-106.
15. Hronika Orenburgskoj oblasti. Т. I. 1934-1990 / pod obshchej red. S.M. Muromcevoj. - Orenburg: Pechatnyj dom «Dimur», 2009. - 308 s.

АЗИГУЛОВА АЛЬБИНА ИСЛАМОВНА - кандидат исторических наук, старший преподаватель Оренбургского государственного педагогического университета (azhigylova@mail.ru).

AZHIGULOVA, ALBINA I. Ph.D. in History, Senior Lecturer of the Orenburg State Pedagogical University (azhigylova@mail.ru).

УДК 94(47).084:323.328-058.232

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-107-113

ИЛЬИНА Е.Б.

СУДЬБЫ ВЛАДИМИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Ключевые слова: город Владимир, купечество, революция, репрессии, ограничение гражданских прав, эмиграция, адаптация, просветительство.

В статье рассматриваются судьбы владимирских купцов и членов их семей после 1917 года. Автором использованы архивные документы, воспоминания потомков предпринимателей, справочные материалы, биографические базы данных. Показано, что некоторые представители купечества принимали участие в революции и Гражданской войне, что уже тогда обусловило проведение против них репрессивных акций. После установления Советской власти значительная часть купечества, подвергшаяся ограничениям гражданских прав, эмигрировала в Европу или была репрессирована. В то же время многим бывшим купцам и их семьям удалось адаптироваться к новым условиям Советской России, а отдельным – сделать вполне приличную карьеру.

ILINA, E.B.

THE FATE OF THE VLADIMIR MERCHANTS AFTER THE REVOLUTION OF 1917: TO THE HISTORY OF THE QUESTION

Key words: city of Vladimir, merchants, revolution, repressions, restriction of civil rights, emigration, adaptation, enlightenment.

The article deals with the fate of Vladimir merchants and members of their families after 1917. The author used archival documents, memoirs of the descendants of entrepreneurs, reference materials, biographical databases. It is shown that some representatives of the merchant class took part in the revolution and the Civil War, which even then led to repressive actions against them. After the establishment of Soviet power, a significant part of the merchant class, subjected to restrictions on civil rights, emigrated to Europe or was repressed. At the same time, many former merchants and their families managed to adapt to the new conditions of Soviet Russia, and some - to make quite a decent career.

Октябрьская революция 1917 года выбила из привычной жизни миллионы людей, прежде всего из числа представителей имущих и привилегированных слоев населения Российской империи. По разным оценкам, собственности, материального достатка, положения в обществе лишились от 12 до 20 % населения страны [1, с. 1, 173]. В числе лиц, в массе пострадавших от

ИСТОРИЯ

смены социально-политического строя, оказались и представители российского купечества. Многие из них бежали за границу. Однако еще большее число купцов и членов их семей долго не могли представить себе, что могут потерять все и даже лишиться жизни, а потому остались на Родине. Тем, кто не смог или не захотел покинуть Россию, пришлось приспособливаться к новым реалиям жизни, что было непросто, поскольку всех представителей купечества, дворянства и буржуазии новая власть объединила под общим названием «бывшие люди» или просто «бывшие», рассматривая их как социальных изгоев. И все же они выжили. А некоторые «бывшие» даже заняли руководящие посты в партии или работали на ответственных должностях в различных государственных органах, хотя таких было немного.

Цель статьи заключается в исследовании судеб представителей купеческого сословия Владимирской губернии после 1917 года. Для этого потребовалось понять, какое место они занимали в новой социальной иерархии, изучить отношение купечества к революции и послереволюционным преобразованиям Советской власти, установить социальные связи и методы адаптации к новым экономическим и социально-политическим условиям. Теоретической и источниковой базой стал труд Т.М. Смирновой по политике новой власти по отношению к бывшим имущим классам, а также Книги памяти Владимирской и Нижегородской областей.

Рассматривая судьбы владимирских купцов, прежде всего, необходимо отметить, что буквально с момента установления Советской власти, к бывшим представителям купечества началось применение репрессий. При этом многим купцам и членам их семей не помогло даже их «революционное прошлое», участие в свержении царского режима. Тех же, кто встал на пути революции, ожидала скорая расправа. К примеру, муромский купеческий сын Сергей Алексеевич Зворыкин был воспитанником Алексеевского юнкерского училища. Юнкера до событий 1917 года приняли присягу царю и во время двоевластия в Москве в ноябре 1917 года оказались среди участников юнкерского мятежа, захвативших Кремль. Сопrotивление было мирным до момента, пока одна из пуль не попала в икону Успенского собора. По словам потомков, Сергей Алексеевич первым выстрелил в противника. Сергея, как и его товарищей, арестовали и отвезли в Арзамас, где их расстреляли [2, с. 294].

Такого рода события в последующем приобрели обыденный характер. Например, в 1918 году за участие в восстании в Муроме был сослан в военно-концентрационный лагерь муромский купеческий сын Пантелеймон Михайлович Первов [3]. Участвовал в антисоветском восстании 8-9 июля в Муроме и купеческий сын Борис Николаевич Русаков. Ему удалось скрыться, однако он был объявлен врагом народа и приговорен к расстрелу [4, с. 299]. Дальнейшая его судьба неизвестна. Казначеем муромского восстания также был купец А.Ф. Жадин. Алексей Федорович был заочно приговорен к расстрелу и расстрелян Владимирской губчека 14 октября 1920 года [5].

Вторая волна репрессий прошла в 20-30-е годы, причем некоторые попали под них только в 30-е и даже в 40-е годы. В годы революции и Гражданской войны были противниками большевиков, что естественно. В условиях перехода к мирной жизни это не было забыто.

Как правило, в 20-30-е годы купцы лишались гражданских прав, что можно рассматривать как вариант репрессий, а с момента свертывания нэпа и прямо репрессировались. Например, ковровский купец Иван Иванович (младший) Друнин (1899 г.р.), торговавший мукой и имевший в д. Ченцы мельницу, был выслан со всей семьей в Магнитогорск. В последствии он был реабилитирован и работал на Магнитогорском комбинате главным бухгалтером. Другим представителям этой семьи повезло гораздо меньше. Константин и Михаил Ивановичи Друнины, как представители купеческой семьи, были лишены гражданских прав. В 1929 году после переезда к родственникам в Сарыево, Константину Ивановичу удалось устроиться в лемпрохоз и восстановить свои права. Но восстанавливали в правах далеко не всех «бывших». В ГАВО сохранилась краткая переписка о восстановлении в 1929 г. в избирательных правах крупнейшего до революции Владимирского купца С.Н. Петровского, проживавшего в то время в городе Переславле. В архивном деле упоминаются постановления президиума ВЦИК от 20 октября 1929 г. и Владимирского губернского избирательного комитета от 26 февраля того же года об отказе Сергею Николаевичу в восстановлении его в избирательных правах, «как бывшего крупного торговца до революции» [6, л.л. 1-2].

Лишился гражданских прав и юрьев-польский купец Сергей Алексеевич Ганшин. До революции он владел усадьбой в селе Секерино Юрьев-Польского уезда. Там он занимался

ИСТОРИЯ

конеководством и выращиванием декоративных культур. 30 марта 1918 года Сергей Алексеевич обратился в земельный отдел Ильинского волисполкома с просьбой о восстановлении ему права использования имением сроком на 10 лет в сельце Секерине. За это он обещал на свои средства выстроить сельскохозяйственную школу. В этой просьбе ему было отказано [7].

От сталинского режима пострадал в 1937 году и Карп Константинович Первов, он был осужден и приговорен к 10 годам лишения свободы [8, л. 12]. Арестован и осужден на 5 лет исправительно-трудовых работ в 1941 году был сын александровского купца Николай Асафович Баранов (реабилитирован в 1995 году) [3]. Пострадали в результате репрессий и представители купеческой семьи Зворыкиных. Был расстрелян Зворыкин Владимир Васильевич, осужден Зворыкин Николай Алексеевич (1894 г.р.) [9, с. 234].

Ученый, агроном, муромский купеческий сын Петр Павлович Зворыкин также пострадал из-за советской власти. Окончив муромскую мужскую гимназию, получив затем диплом агронома, Петр Павлович до революции вел активную научно-практическую и просветительскую деятельность: участвовал в создании рассадников сельскохозяйственных культур, публиковал научные статьи в журналах, выпускал брошюры и листовки для работников сельского хозяйства. В 1914 году Зворыкин организовал Бекасовскую опытную станцию под Москвой. Эту должность он занимал до 1930 года; затем станцию преобразовали в Зерновой институт нечерноземной полосы. С 1915 по 1928 год Петр Павлович еще вел курс луговодства при Тимирязевской академии, а затем читал лекции на факультете сельскохозяйственной мелиорации. В 1930 году П.П. Зворыкин заведовал Отделом кормовых культур ВИРа (Всесоюзного института растениеводства). Сотрудник и друг ученого-ботаника Николая Ивановича Вавилова был арестован первый раз вместе с большой группой вировских ученых. Возможно, уже тогда власти начали готовить «вавилонское дело», но обвинили арестованных тогда в принадлежности к «Трудовой крестьянской партии». Под пытками Петр Павлович Зворыкин признал вину и подписал все необходимые бумаги, в том числе обвинения в адрес других лиц [10].

Вначале Зворыкина не сослали, но уже 21 апреля 1933 года тройкой ПП ОГПУ в ЛВО он был осужден по делу «эсеро-народнической организации в ВИРе», получив высылку на три года [11]. В 1935 году уже особым совещанием при НКВД СССР Петра Павловича Зворыкина осудили на пять лет «за участие в контрреволюционной группе». Отбывать наказание его отправили в Ташкент, где разрешили работать в пригородном совхозе НКВД. Вскоре условия наказания были изменены, и через несколько месяцев с юга страны Зворыкин отправился на север – под Ухту [12].

В это время в Коми, как и в других северных территориях, начиналось активное их освоение с использованием принудительного труда. В 30-50 годы в Коми было 19 исправительно-трудовых лагерей. Ухто-Печерский лагерь, созданный в Коми АССР, был первым. При лагере было создано несколько сельхозов. На один из таких сельхозов - «Чибью» осенью или зимой 1935 года и прибыл Петр Павлович Зворыкин [13]. Его освободили в феврале 1940 года. Однако из Коми АССР он не уехал, получив должность вольнонаемного начальника и научного руководителя Ухтинской опытной станции. Приказом наркома НКВД в 1941 году он получил благодарность, а в 1943 даже был награжден государственной наградой – медалью «За трудовое отличие» [12].

В апреле 1945 года Петр Павлович Зворыкин получил возможность работать в академическом учреждении. Но для этого Коми АН СССР в Сыктывкаре, куда его принимали старшим научным сотрудником, пришлось ходатайствовать перед ГУЛАГом об освобождении его от заведывания сельхозом Чибью. После положительного ответа Петр Павлович Зворыкин получил сектор растениеводства [12]. Даже года не удалось проработать Зворыкину в академии. Он умер 25 января 1946 года. Место захоронения его неизвестно.

Не менее трагична сложилась судьба Павла Николаевича Зворыкина. Она прошла две войны – Первую мировую и Гражданскую (на стороне Красной армии), но это не спасло его от репрессий. После войны Павел Николаевич преподавал немецкий язык в школе №15 города Муром. В январе 1938 года по доносу одного из «друзей» Зворыкин и еще пять бывших офицеров русской армии были осуждены и арестованы как враги народа. Вместе с другими репрессированными Павел Николаевич Зворыкин участвовал в строительстве Куйбышевской ГРЭС, потом работал на лесоповале в Архангельске, а в республике Коми принимал участие в строительстве железной дороги, где и умер в 1942 году от непосильных физических нагрузок. Реабилитирован Павел Николаевич Зворыкин был лишь в 1995 году.

ИСТОРИЯ

Чуть больше повезло Владимиру Васильевичу Зворыкину, высланному с семьей за границу. Владимир Васильевич не был вне политики ни до, ни после революционных событий. Он состоял старостой домовая церкви ИМТУ, был гласным Московской городской думы, с 1905 года являлся членом Басманного комитета партии кадетов. За свои политические взгляды арестован в 1918 году Московской ЧК, но через три недели был освобожден, возможно, как крупный ученый. Вновь Владимира Васильевича арестовали в 16 августа 1922 года по обвинению в том, что, являясь преподавателем МВТУ, он «стремился к независимости высшей школы с целью использования ее как контрреволюционного орудия в противовес интересам пролетарских масс. Свою контрреволюционную деятельность усиливал участием в забастовке профессоров МВТУ». В списке активной антисоветской интеллигенции Владимир Васильевич Зворыкин значился среди своих коллег профессоров Московского высшего технического училища под номером шесть. Кроме этих обвинений, за занимаемые в дореволюционный период должности в вину ученому было вменено и то, что он «определенный противник советской власти», ведущий монархическую агитацию среди студенчества. Приговор звучал так: «Произвести обыск, арест и выслать за границу». Обозначено и согласование вынесенного приговора: «Комиссия с участием т. Богданова и др. за высылку. Главпрофобр за высылку» [14, с. 422].

Это была акция под собирательным названием «философский пароход», инициированная В.И. Лениным, когда в 1922 году из страны выслали цвет российской интеллигенции. Ученых, деятелей культуры и пр. объявили врагами, но не уничтожили, а посадили на пароходы и отправили в Европу. По решению Коллегии ГПУ от 23 августа 1922 года Зворыкин с семьей также был выслан из пределов РСФСР за границу. Он вместе с женой и двумя сыновьями оказался среди пассажиров первого судна – зафрахтованного у немцев парохода «Обербургомистр Хакен». 29 сентября 1922 года пароход отплыл из Петрограда, а 30 сентября прибыл в немецкий Штеттин [15]. Информации о жизни Владимира Васильевича Зворыкина в Европе не очень много. Некоторое время семья жила в Чехословакии. В Праге Владимир Васильевич состоял членом академической группы. В 1933 году семья переехала во Францию. Жили в Париже. Владимир Васильевич Зворыкин в 1933-1935 годах читал в Русском высшем техническом институте курс «Паровые котлы». В 1937-1939 годах он состоял членом Русской колонии Бордо и юго-запада Франции, там же в Бордо в 1938-1939 был избран в Русскую иммигрантскую думу. Умер Владимир Васильевич в Бордо не позднее 1943 года. Он был реабилитирован лишь в 2000 году, когда стали открываться секретные архивы по «философскому пароходу» [16, с.585].

Как правило, бывшие представители буржуазии стремились покинуть Советскую Россию. К примеру, смогли уехать жена, две дочери и сноха с внуком александровского купца Асафа Ивановича Баранова. В годы Первой мировой войны и революции Барановы сдавали комнаты сотрудникам шведских дипломатических миссий в Москве и Петрограде. За двух сотрудников шведского консульства – Эрика Линделёфа и Густава Сандберга в 1918 году вышли Вера и Мария Асафовны Барановы [17]. В 1920 году в возрасте 31 года умер сын Асафа Ивановича, Асаф Асафович. Его жена, Августа Дмитриевна также решила уехать в Швецию, где проживали ее золотки. Шведскую визу Августе Дмитриевне, ее сыну и теще устроил Густав Сандберг – работник шведского Министерства иностранных дел. Однако покинуть Россию оказалось довольно непросто. «Только благодаря своей фантастической энергии и своему упрямству матери удалось в конце концов форсировать эту стену» – пишет Асаф Асафович Баранов в заметке о своей матери [18]. В середине февраля 1921 года Августа Дмитриевна Баранова с сыном Асафом и тещей уехали в международном вагоне в Ревель, а оттуда – в Стокгольм. [19]. В июле 1921 года Августа Дмитриевна Баранова начала работать в Стокгольмском отделении Российской железнодорожной Миссии за границей, возглавляемом профессором Юрием Владимировичем Ломоносовым. Не имея никакого формального образования или рабочего стажа, она уже через полгода стала заведующей канцелярией.

В 1922 году Юрий Владимирович Ломоносов отправился в Москву для переговоров с Лениным, до которого уже донеслись слухи об исключительной работоспособности, деловитости и порядочности заведующей канцелярией железнодорожной миссии. Барановы выехали из Советской России как частные лица, но так как Августа Дмитриевна работала в советском заведении, она боялась, что ее могут вызвать в Москву [18]. При получении нужных документов, Барановы должны были подписаться под удостоверением, согласно которому они обязываются не

ИСТОРИЯ

возвращаться в РСФСР. «Я была в восторге от содержания этого удостоверения. Оно полностью соответствовало моему желанию. И с величайшей радостью, может быть даже немного вызывающе или нагло подписала я три раза мою фамилию: Баранова, Баранова, Баранова» [18]. А Владимир Ильич Ленин, оказалось, хотел отправить Августу Дмитриевну Баранову в Америку. Юрий Владимирович Ломоносов, которому была хорошо известна позиция Барановой, сообщил ему, что она ни за что не уедет из Швеции. Владимир Ильич Ленин согласился на это условие, и Барановы действительно уже никогда не возвращались в СССР. Даже туристами.

После того, как была закончена работа железнодорожной миссии в Швеции, в самом конце 1923 года Августа Дмитриевна Баранова перешла работать в Представительство Главного Инженера Волховского Строительства («Волховстрой»), которое заказывало турбины в Швеции и имело свою контору в Стокгольме. Там она работала секретарем и делопроизводителем до начала 1927 года, когда была пущена в работу Волховская гидроэлектрическая установка. С 1940 года Августа Дмитриевна вела филателическую работу, а с 1946 года работала в качестве профессионального филателиста в стокгольмском Доме Филателии [17].

Очень немногим представителям купечества и предпринимательских кругов советская власть простила «буржуазное прошлое», и они смогли занять достойное место в обществе. Но это были по-настоящему редкие случаи. Так, советская власть не тронула еще одну дочь александровского купца Асафа Баранова – Елизавету Асафовну Саблину-Бартеневу. Благодаря ветеринарному образованию, в советское время по этому профилю она и работала. В 1918 году она со вторым мужем Владимиром Сергеевичем Бартеневым уехала в Бухару, где занималась ветеринарией. В 30-е годы Елизавета Асафовна уехала на Дальний Восток, где работала в системе Дальлага НКВД. Ее назначили директором оленеводческого хозяйства на острове Аскольд. Дочь Елизаветы Асафовны, Татьяна Борисовна, работала вместе с матерью на острове, окончила биолого-почвенный факультет Московского государственного университета, а затем продолжила научную жизнь в Институте эволюционной морфологии животных АН СССР. Кандидат биологических наук, она занималась копытными млекопитающими, гистологией, была заведующей лабораторией. Являлась помощницей директора Института академика Владимира Евгеньевича Соколова.

Сестра Татьяны Борисовны, Ирина Борисовна в 1939 году окончила географический факультет Московского государственного университета и поступила в аспирантуру к географу Ивану Александровичу Витверу. Для диссертации она взяла тему об экономическом потенциале Германии, но с началом 2-й Мировой войны тема была закрыта. Ирина Борисовна перебралась к матери на остров Аскольд, где вышла замуж. Ирина Борисовна Саблина 30 лет проработала в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Будучи эконом-географом преподавала региональную экономику для партийных работников из соцстран [20, с. 62].

В целом, те, кто не захотел покинуть страну и родные места, приспособивались к новым реалиям жизни. Бывшие купцы искали новые для себя занятия или превращали свои старые увлечения в новую профессию и, тем самым, не только смогли сохранить себе жизнь, но и создать основу «новой» интеллигенции советского государства. Например, муромский купец, городской голова, общественный деятель и фотограф-любитель Иван Петрович Мяздриков после революционных событий 1917 года полностью посвятил себя научно-краеведческой деятельности – работал сотрудником в Муромском музее. Благодаря его собраниям, музей пополнился гербарием, состоящим из растений муромских лугов, полей и оврагов [21].

Поскольку молодая Советская республика не имела для работы достаточного числа кадров, обладавших необходимой квалификацией, опорой в этом деле на первом этапе должны были стать представители «буржуазной» интеллигенции. Но условия, в которых необходимо было проводить культурное строительство, оказались исключительно трудными. Голод, разруха, гражданская братоубийственная война, мятежи и крестьянские восстания, белый и красный террор – именно в этих условиях интеллигенции предстояло сделать выбор между поддержкой политики Советской власти (или частично мероприятий в области культурного строительства), и отказом от какого-либо сотрудничества с нею (в т.ч. эмиграцией), а порой и открытым противодействием мероприятиям большевиков.

Немалое число представителей бывшего купеческого сословия остались на Родине, внося свой вклад в ее развитие. «Буржуазные» деятели искусств смогли обучать простых крестьян

музыке, декламированию и т.д. Наладить хороший контакт с населением им помогли их знания, высокий уровень культуры, опыт работы и желание трудиться ради культурного просвещения крестьянских масс.

К примеру, Александровский купец Владимир Васильевич Зубов открыл еще в 1912 году в собственном доме в городе Александрове воскресные музыкальные курсы [22]. Первыми учителями стали сам Владимир Васильевич Зубов и его жена. Неизвестно, существовала ли музыкальная школа во время революционных событий 1917 года и после них. Возможно, что она прекратила на время свою деятельность, так как материалы архива 1920 года свидетельствуют о том, что именно в это время Владимир Васильевич вновь ходатайствует перед властями об открытии в Александрове в своем доме музыкальной студии. В одном из извещений на его имя (от 22 октября 1920 года) сообщается, что музыкальная студия Пролеткульта может начать свою работу в доме Зубова, а он, в свою очередь, назначается ее заведующим [23].

В сентябре 1921 года студия прекратила свою деятельность до особого распоряжения Пролеткульта. В ноябре того же года Владимир Васильевич снова ходатайствовал об открытии студии и сумел получить на это разрешение, при условии, что девять мест будут оставлены для бесплатного обучения тех, кого буду командировать на данные курсы уездный исполнительный отдел народного образования. Именно на таких условиях музыкальная студия смогла возобновить свою деятельность [24]. Весной 1928 года, согласно постановлению по Александровскому уезду Губернского прокурора Кононова, дом Владимира Васильевича Зубова был национализирован, а результате чего его большой семье пришлось переехать в одно из старых помещений, предоставленных Александровским Коммунальным Хозяйством [25]. Последнее выступление слушателей александровских музыкальных курсов В. В. Зубова датируется 2 февраля 1930 г., о чем свидетельствуют программы выступлений из архива [26]. Любовь к музыке и желание преподавать не покидала Владимира Васильевича до конца жизни, вплоть до 1945 года.

После 1917 года в нашей стране шла массовая утрата индивидуальной и семейной генеалогической памяти. В пределах двух-трех поколений шло уничтожение ее носителей. Поэтому судьбы большинства представителей купечества Владимирской губернии после 1917 года до сих пор неизвестны. Но даже имеющаяся информация говорит о том, что большинство бывших купцов и их потомков нашли свое место на Родине. В то же время немалая часть из них оказалась в эмиграции. Ликвидация сословия, уничтожение или изгнание лучших представителей купечества, в итоге, привели к проседанию в культуре и в общественной жизни в целом.

На данном этапе в изучении судеб купечества нельзя ставить точку. Точное число эмигрировавших, адаптированных и репрессированных до сих пор не известно. Необходимы сбор дополнительной информации, поиск новых источников для воссоздания более полной картины.

Литература и источники

1. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. - М.: Финансы и статистика, 1987. - 765 с.
2. *Субботина Е.А.* Зворыкинские муромские. Из семейного архива // Сообщения Муромского музея – 2017: Материалы отчетной конференции МИХМ / под ред. Ю.М. Смирнова. - Владимир: Транзит ИКС, 2018. - 432 с.
3. База данных «Жертвы политического террора в СССР» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: Открытый список (openlist.wiki).
4. *Долгушева О.А.* Семья нотариуса Сергея Русакова // Сообщения Муромского музея 2020-2021 / под ред. Ю.М. Смирнова, Т.Б. Купряшиной. - Выкса: Издательство ИКСА, 2021. - 304 с.
5. *Постников Ф.И.* Муромское белогвардейское восстание // Муромский историко-художественный Музей.
6. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 590. Оп. 1. Д. 750.
7. ГАВО. Ф. Р-367. Оп. 1. Д. 13.
8. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 16. Д. 1056.
9. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. Т. 1 / Сост. М.Ю. Гусев, В.И. Жильцов, В.В. Смирнов, В.А. Харламов, С.М. Шимоволос. - Нижний Новгород: Нижегородский печатник, 1997. - 544 с.
10. *Трускинов Э. Н.И.* Вавилов. Драма жизни и смерти // Звезда. - 2007. - № 10. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/10/tr.html>
11. Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных). - М.: Современный писатель, 1998. - 208 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ihst.ru/projects/sohist/books/letters1-89.pdf>
12. *Котелина Н., Роцевская Л.* Исторический очерк об изучении клеверов на Севере // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ib.komisc.ru/add/old/t/ru/ir/vt/01-44/08.html>
13. *Казакова К.А.* Модернизация сельскохозяйственного производства в Коми АССР в 1930–1950-е годы: роль репрессированных ученых биологов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - 2009. - №. 115. С. 64–71. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-selskoho-zyaystvennogo-proizvodstva-v-komi-assr-v-1930-1950-e-gody-rol-repressirovannyh-uchenyh-biologov>
14. Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧКГПУ, 1921–1923 / сост. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. - М.: Русский путь, 2005. - 542 с.

15. На каждого интеллигента должно быть дело // Новая газета. - 2003. - № 52.
16. Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биографический словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. - М.: Наука, 2008–2010. Т.1: А-К. 2008. - 796 с.
17. Игорь Северянин: Письма к Августе Барановой, 1916–1938 = Igor' Severjanin: Letters to Augusta Baranova, 1916–1938 / сост., подгот. текста, введ. и коммент.: Бенгт Янгфельдт и Рейн Круус. - Stockholm: Almqvist & Wiksell intern., 1988. - 165 с.
18. Архив Б. Янгфельд. Assaff Baranoff. «Min mor». Рукопись.
19. Архив А. Баранова. Воспоминания А.Д. Барановой. Рукопись.
20. Саблины: Годы. События. Люди / сост. В.В. Саблина. - СПб.: Алетейя, 2007. - 208 с.
21. Гладкова Л.П. Гербарий И.П. Мяздрикова и Н.М. Эрлиха // Сообщения Муромского музея: материалы отчетной конференции / ред. колл.: Е.И. Сазонова, Ю.М. Смирнов. - Муром: Транзит-ИКС, 2012. - 171 с.
22. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-14497. Ф. 5. Оп. 1. № 44.
23. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-3208/375. Ф. 5. Оп. 1. № 321.
24. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-3208/401. Ф. 5. Оп. 1. № 448.
25. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-3208/433. Ф. 5. Оп. 1. № 485.
26. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-3208/415. Ф. 5. Оп. 1. № 462.

References and Sources

1. Narodnoe hozyajstvo SSSR za 70 let: Yubilejnyj statisticheskiy ezhegodnik. - M.: Finansy i statistika, 1987. - 765 s.
2. Subbotina E.A. Zvorykiны muromskie. Iz semejnogo arhiva // Soobshcheniya Muromskogo muzeya – 2017: Materialy otchetnoj konferencii MIHM / pod red. Yu.M. Smirnova. - Vladimir: Tranzit IKS, 2018. - 432 s.
3. Baza dannyh «Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR» // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: Otkrytyj spisok (openlist.wiki).
4. Dolgusheva O.A. Sem'ya notariusa Sergeya Rusakova // Soobshcheniya Muromskogo muzeya 2020-2021 / pod. red. Yu.M. Smirnova, T.B. Kupryashinoj. - Vyksa: Izdatel'stvo IKSA, 2021. - 304 s.
5. Postnikov F.I. Muromskoe belogvardejskoe vosstanie // Muromskij istoriko-hudozhestvennyj Muzej.
6. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti (GAVO). F. 590. Op. 1. D. 750.
7. GAVO. F. R-367. Op. 1. D. 13.
8. GAVO. F. R-19. Op. 16. D. 1056.
9. Kniga pamyati zhertvy politicheskikh repressij v Nizhegorodskoj oblasti. T. 1 / Sost. M. Yu. Gusev, V.I. Zhil'cov, V.V. Smirnov, V.A. Harlamov, S.M. Shimovolos. - Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij pechatnik, 1997. - 544 s.
10. Truskinov E. N.I. Vavilov. Drama zhizni i smerti // Zvezda. - 2007. - № 10. // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/10/tr.html>
11. Prosim osvobodit' iz tyuremnogo zaklyucheniya (pis'ma v zashchitu repressirovannyh). - M.: Sovremennyj pisatel', 1998. - 208 s. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ihst.ru/projects/sohist/books/letters1-89.pdf>
12. Kotelina N., Roshchevskaya L. Istoricheskij ocherk ob izuchenii kleverov na Severe // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://ib.komisc.ru/add/old/t/ru/ir/vt/01-44/08.html>
13. Kazakova K.A. Modernizatsiya sel'skohozyajstvennogo proizvodstva v Komi ASSR v 1930–1950-e gody: rol' repressirovannyh uchenyh biologov // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. -2009. -№115. S.64-71// [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa:<http://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-selskohozyajstvennogo-proizvodstva-v-komi-assr-v-1930-1950-e-gody-rol-repressirovannyh-uchenyh-biologov>
14. Vysylka vmesto rasstrela: deportatsiya intelligencii v dokumentah VCHKGPU, 1921–1923 / sost. V.G. Makarov, V.S. Hristoforov. - M.: Russkij put', 2005. - 542 s.
15. Na kazhdogo intelligenta dolzhno byt' delo // Novaya gazeta. - 2003. - № 52.
16. Rossijskoe zarubezh'e vo Francii: 1919–2000: biograficheskij slovar': v 3 t. / pod obshch. red. L. Mnuhina, M. Avriľ, V. Losskoj. - M.: Nauka, 2008–2010. Т.1: А-К. 2008. - 796 с.
17. Igor' Severyanin: Pis'ma k Avguste Baranovoj, 1916–1938 = Igor' Severjanin: Letters to Augusta Baranova, 1916–1938 / sost., podgot. teksta, vved. i komment.: Bengt Yangfel'dt i Rejn Kruus. - Stockholm: Almqvist & Wiksell intern., 1988. - 165 s.
18. Arhiv B. Yangfel'd. Assaff Baranoff. «Min mor». Rukopis'.
19. Arhiv A. Baranova. Vospominaniya A.D. Baranovoj. Rukopis'.
20. Sabliny: Gody. Sobytiya. Lyudi / sost. V.V. Sablina. - SPb.: Aleteya, 2007. - 208 s.
21. Gladkova L.P. Gerbarij I.P. Myazdrikova i N.M. Erliha // Soobshcheniya Muromskogo muzeya: materialy otchetnoj konferencii / red. koll.: E.I. Sazonova, Yu.M. Smirnov. - Муром: Транзит-ИКС, 2012. - 171 с.
22. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-14497. Ф. 5. Оп. 1. № 44.
23. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-3208/375. Ф. 5. Оп. 1. № 321.
24. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-3208/401. Ф. 5. Оп. 1. № 448.
25. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-3208/433. Ф. 5. Оп. 1. № 485.
26. Музей-заповедник «Александровская слобода». Фонд «Документы». АМ КП-3208/415. Ф. 5. Оп. 1. № 462.

ИЛЬИНА ЕЛИЗАВЕТА БОРИСОВНА – аспирант, Московский государственный областной университет.
ILINA, ELIZAVETA B. – Ph.D. student, Moscow State Regional University (elizaveta-ilina-1995@mail.ru)

УДК 94(47).084.8:377.5:358.4:93

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-113-117

ФЁДОРОВА А.В.

11-Я ШКОЛА МЛАДШИХ АВИАЦИОННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ (1941–1945 гг.)

Ключевые слова: Великая Отечественная война, авиация, Чкаловская (Оренбургская) область, Орск, военно-учебные заведения, подготовка авиационных специалистов, стрелок-радист, метеонаблюдатель.

Статья освещает историю 11-й школы младших авиационных специалистов (ШМАС), эвакуированной в город Орск Чкаловской (Оренбургской) области в 1941 году. Автор даёт подробную статистику выпусков по всем профилям обучения. В центре внимания проблемы комплектования школы курсантами, обучения женщин-курсантов, социалистического соревнования и др. Приводятся сведения о помощи личного состава школы жителям Орска во время наводнения 1942 года. 11 ШМАС в военное время подготовила 2600 специалистов разных профилей – мастеров по авиавооружению, стрелков-радистов, радиомастеров и т.д. Показано, что командно-преподавательский состав 11-й школы младших авиационных

ИСТОРИЯ

специалистов успешно справился с задачами обучения и воспитания курсантов, проявляя высокое мастерство. Итогом его работы стали выполнение и перевыполнение планов подготовки специалистов, повышение его качества.

FEDOROVA, A.V. 11th SCHOOL OF JUNIOR AVIATION SPECIALISTS (1941-1945)

Key words: *The Great Patriotic War, aviation, Chkalovskaya (Orenburg), region Orsk, military educational institutions, training of aviation specialists, radio operator, weather observer.*

The article highlights the history of the 11th School of Junior Aviation Specialists (SHMAS), evacuated to the city of Orsk in the Chkalovsky (Orenburg) region in 1941. The author gives detailed graduation statistics for all training profiles. The focus is on the problem of recruiting school cadets, training female cadets, socialist competition, etc. The information about the assistance of the school staff to the residents of Orsk during the flood of 1942 is given. 11 SHMAS in wartime trained 2,600 specialists of various profiles – masters in aircraft equipment, radio operators, radio masters, etc. It is shown that the command and teaching staff of the 11th school of junior aviation specialists successfully coped with the tasks of training and educating cadets, showing high skill. The result of his work was the implementation and overfulfillment of plans for training specialists, improving its quality.

К началу Великой Отечественной войны Военно-воздушные силы Красной Армии располагали по всей стране сетью школ младших авиационных специалистов (ШМАС) – специальных военных учебных заведений первоначального обучения молодого поколения для дальнейшего прохождения срочной службы в рядах военной авиации. На 1 января 1941 года в составе ВВС Красной Армии насчитывалось 69 школ младших авиационных специалистов [1, л. 15]. Большинство ШМАС в 1941–1942 гг. из западных регионов страны были своевременно эвакуированы в Поволжье, на Кавказ, на Урал, в Сибирь и в Среднюю Азию.

В условиях войны в Чкаловской (Оренбургской) области велась подготовка военных специалистов разных профилей, в том числе стрелков-радиостов, стрелков-оружейников, мастеров по авиаоборудованию, электрооборудованию, фотографов, метеонаблюдателей и т.д.

Накануне войны 11 школа младших авиационных специалистов (ШМАС) дислоцировалась в городе Торжок Калининской (ныне – Тверской) области. Летом 1941 года её перебазировали в Кострому, а затем 19 октября 1941 – на Южный Урал [2, л.л. 2-2об.]. 11 ШМАС прибыла в Орск 9 ноября 1941 года [3, л. 3]. При этом, в связи с отсутствием в городе помещений, эшелон не разгружали в течение шести дней. В этой связи, 12 ноября 1941 года на имя председателя Орского городского Совета депутатов трудящихся К. Милованова поступила телеграмма из Чкалова: «Срочно разместите воинскую часть ШМАС (в) Орске временно (в) школах. Радосельский» [4, л. 51]. В результате, прибывшим выделили здание орской средней школы №7 площадью 1232 м² [5, л. 61], где разместился личный состав военного учебного заведения, а также семьи офицеров. В урегулировании вопроса активное участие принял председатель Орского горсовета депутатов трудящихся К. Милованов [2, л. 35].

5 марта 1942 года три эвакуированные в город Орск школы младших авиационных специалистов – 11 ШМАС, 33 ШМАС, 35 ШМАС, а также 34 ШВСР (окружная школа воздушных стрелков-радиостов) объединили под общим наименованием – 11 ШМАС [2, л. 35]. Новое учебное заведение формировали на базе 34-й окружной школы воздушных стрелков-радиостов, которая с 25 апреля 1940 года действовала на базе 163-го авиационного резервного полка. Штат объединенного вуза составил 350 человек. Подготовка кадров отводилось шесть месяцев. Начальником школы был назначен капитан Григорьев Дмитрий Нилович [6, л. 1], военкомом – ст. политрук Сахончик Савва Максимович [7, л.л. 89, 92]. Командный состав школы в 1942 году представляли: Гришин, Гершелис – воентехники 1 ранга, Новочихин, Родионов, Соколов – воентехники 2 ранга и другие [7, л. 28]. Учебный процесс в школе проходил непрерывно. После окончания школы, 2 января 1942 года 38 стрелков-радиостов откомандировали в 7-й запасной авиаполк (город Бузулук). Среди них были Н.С. Чиждова, В.В. Прохорова, Б.В. Полина и др. [7, л. 1]. 20 января 1942 года прошедшие обучение получили назначение на новое место службы: 16 стрелков-радиостов – в город Чкалов, в/ч 429; 13 человек – в город Бугуруслан, в/ч 425; 14 человек – в город Бузулук, в/ч 428 [7, л. 10]. 5 апреля 1942 года в распоряжение ВВС Карельского фронта (г. Беломорск) убыли 64 мастера авиавооружения [7, л. 68].

Поскольку потребность в соответствующих кадрах была крайне острой, численность курсантов школы быстро увеличивалась. Так, если в марте 1942 года в ней осваивали программу 292 курсанта, то в апреле контингент обучаемых расширился до 450 человек, которых также устроили в орской школе №7. Во исполнение приказа командующего Красной Армией и отдела

ИСТОРИЯ

ВУЗ ВВС от 4 мая 1942 года, в 11 ШМАС зачислили 250 курсантов-женщин. Для них отвели помещение батальона аэродромного обслуживания (БАО). А к концу июня 1942 года их насчитывалось уже 1350 человек. Занятия для курсантов-женщин длились до 5 декабря 1942 года, и на протяжении всего срока обучения ощущался недостаток помещений. Выпускницы школы пополнили строевые части Южно-Уральского военного округа [2, л.л. 4, 4 об.].

Комплектование школы курсантами проводилось по разнарядке. Райвоенкоматы Челябинской области в мае 1942 года мобилизовали в школу несколько групп женщин: Полтавский РВК – 53, Магнитогорский – 40, Щучанский – 40, Варненский – 20, Троицкий – 8. Три райвоенкомата Чкаловской области направили на учебу 113 женщин: Бузулукский РВК – 48, Покровский – 36, Саракташский – 29. Военно-учебное заведение 25 мая 1942 года приняло также 228 женщин из Башкирской АССР. Казахскую ССР представляли две территории – Джетыгаринский район Кустанайской области (98 женщин) и Актюбинская область (37 женщин) [7, л.л.107, 110, 116, 118, 122, 128, 130]. Курсанты-женщины, освоившие курс стрелка-оружейника, убыли для прохождения дальнейшей службы. 140 женщин получили назначение в штаб ВВС Ленинградского фронта 20 июня 1942 года.

Несколько женщин 23 июня 1942 года откомандировали в распоряжение начальника штаба Восточно-Сибирского управления ГВФ, а 9 человек – в город Старая Ладога Ленинградской области [7, л.л. 171, 175]. 100 курсантов из числа женщин после курса стрелка-оружейника 14 июля 1942 года направили в город Малая Вишера Новгородской области. 30 женщин фотоспециалистов пополнили Военно-авиационное училище разведчиков в пос. Давлеканово Башкирской АССР, где они завершили обучение 22 июля 1942 г. [7, л. 213]. Заметим, что в годы Великой Отечественной войны стало широко практиковаться фотографирование важных объектов противника. Удельный вес фоторазведки в 1945 г. по сравнению с 1941 г. увеличился с 10% до 87% [8, с. 443]. Младших авиаспециалистов – женщин в 1942 году распределили в 3-й запасной авиаполк (Саратов), 963-й авиаполк (Саратов), 2-ю запасную авиабригаду, 17-й авиаполк (Пенза), 959-й авиаполк (Ярославль), 5-ю запасную авиабригаду (Новосибирск), 360-й авиаполк (Тула), 8-ю запасную авиабригаду (Казань), 6-й авиаполк (Иваново), 1-ю запасную авиабригаду (Куйбышев) и т.д.

Нужно особо подчеркнуть, что обучение курсантов проходило в крайне непростых условиях. К примеру, весной 1942 года Орск «постигло большое стихийное бедствие, весенним наводнением разрушило 1433 дома и привело в негодность, требующих капитального ремонта 2508 домов». Это цитата из материалов сессии Орского городского Совета депутатов трудящихся, проходившей 14 августа 1942 года [9, л. 121]. Во время наводнения 180 человек с первого этажа школы перевели в клуб 713 батальона аэродромного обслуживания. Но вода поднималась и пришлось эвакуировать ещё 192 курсанта. 10 мая 1942 года 278 человек перевели в палатки [2, л.л. 99-101]. С 27 апреля по 6 мая 1942 года личный состав школы оказывал помощь в спасении населения города Орска, его имущества, продуктов и пр. Курсанты использовали плоты и другие приспособления. К примеру, техник-лейтенант И.Н. Стругацкий спас 700 человек, техник-лейтенант Г.П. Морозов – 180, техник-лейтенанты А. С. Суворов и М. И. Оспенников по 150 человек [7, л. 106]. Всего из зоны затопления вывезли 1500 человек, из них 240 детей.

Несмотря на серьезные трудности, план выпуска курсантов за 1942 год был выполнен на 139,7% с общим баллом успеваемости – 4,61. В конце июля 1942 года школа имела 33 «круглых отличника» [7, л. 228 об.]. Высоких показателей в учебном процессе достигли, в частности, лейтенанты Н.И. Амелин, Сиренко, техник-лейтенант Корнилов, младший политрук Е. П. Ковальчук и другие [2, л. 8об; 7, л. 272].

С 1 января 1942 года по 15 марта 1942 года школа подготовила:

- стрелки-радисты – 128
- мастера по авиавооружению – 63
- метеонаблюдатели – 22
- мастера по электрооборудованию – 47
- фотоспециалисты – 27. Всего – 287 человек.

За летние месяцы – июнь – июль 1942 года были выпущены следующие специалисты:

- стрелки-оружейники – 240
- стрелки-радисты – 128
- мастера по авиаприборам – 31

ИСТОРИЯ

- мастера по авиавооружению – 210
- метеонаблюдатели – 27
- фотоспециалисты – 27
- мастера по электрооборудованию – 140
- мастера по кислородному оборудованию – 103. Всего 906 человек [2, л. 8].

Архивные документы позволяют проследить статистику выпусков за 1943–1944 гг. Так, с 1 марта 1943 года по 27 ноября 1943 года школа подготовила 220 специалистов различных профилей. 1 ноября 1943 года поступило 350 курсантов из Башкирской АССР и Первой Чкаловской военной авиационной школы пилотов им. К.Е. Ворошилова. После завершения обучения в апреле – мае 1944 года 200 мастеров авиавооружения и 150 авиамотористов направили в строевые части ВВС. 10 апреля 1943 года закрыли отделение метеонаблюдателей [2, л.5].

План подготовки младших авиационных кадров в 1943 году выполнили на 100%. Однако количество выпускников 1943 года нами не выявлено. В 1944 году школу окончили 813 человек, из них 316 – с отличными результатами, 353 – с хорошими и 144 – с посредственными [2, л.л. 9-9 об.].

За 1941 – 1944 годы Красная Армия получила пополнение, прошедшее обучение в 11 ШМАС:

- стрелки-радисты – 1104
 - радиомастера – 160
 - электромастера – 222
 - мастера по авиаоборудованию и кислородному оборудованию – 166
 - авиамотористы – 145
 - мастера по авиавооружению – 728
 - мастера по фотографированию – 26
 - метеонаблюдатели – 49.
- Всего – 2600 человек [2, л. 10].

В школе широко было развито рационализаторское движение. Совместные усилия коллектива принесли успехи в поисках повышения качества авиавооружения. Только за 1-е полугодие 1943 года поступило 67 рационализаторских предложений, из них 59 реализовали. Больше всего нововведений – 21 – подал цех авиаприборов. Начальники цехов лейтенанты Богданов и Карабанов внесли по 15 рационализаторских предложений каждый. Цех авиавооружения внедрил 11 усовершенствований, лучшим рационализатором признали старшего сержанта Ковалева [6, л. 28; 2, л. 99].

Курсанты 11 ШМАС на протяжении всего военного времени привлекались к работе на промышленных предприятиях Орска. Только в 1944 году здесь было выработано свыше 2300 человекодней. Они часто участвовали в погрузке военных транспортов [2, л.л. 2-2 об., 13].

Несомненно, школа не оставалась в стороне от культурной жизни. Коллектив школы взял шефство над орской средней школой №7. Ярким событием, например, стал концерт красноармейского ансамбля Южно-Уральского военного округа. 27 артистов дали концерт для курсантов 30 ноября 1942 года [6, л. 28]. В сентябре 1942 года курсанты школы О.Г. Масякина и А.Е. Розаева приняли участие в областной спортивной спартакиаде [7, л. 107]. С декабря 1944 года над авиашколой шефствовал коллектив завода № 322 Наркомата вооружения СССР.

Долгосрочную и безупречную службу девять офицеров школы отметили орденами и медалями. Начальник школы Д. М. Григорьев был удостоен ордена Красной Звезды [2, л. 15]. Дмитрий Нилович Григорьев являлся начальником школы с 15 декабря 1941 года по декабрь 1945 года. 17 мая 1944 года коллективу 11-й ШМАС вручили грамоту Президиума Верховного Совета СССР, а 24 сентября 1944 года – Революционное Красное Знамя [2, л. 19]. Большую группу офицерского состава школы в 1945 году наградили правительственными орденами и медалями. В архиве хранятся списки награжденных от 29 октября и 26 ноября 1945 года [10, л.л. 16, 18, 23].

Командно-преподавательский состав 11-й школы младших авиационных специалистов успешно справился с задачей обучения и воспитания курсантов, проявив высокое мастерство. Итогом его работы стало повышение качества подготовки выпускников.

Литература и источники

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф.35. Оп. 11284. Д.1629.
2. ЦАМО РФ. Ф.60432. Оп.36029. Д.1. Кор.4528.

ИСТОРИЯ

3. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 371. Оп. 6. Д. 580.
4. ОГАСПИ. Филиал в г. Орске. Ф.Р-1. Оп.1. Д.166.
5. ОГАСПИ. Филиал в г. Орске. Ф. Р-1. Оп.8. Д.135.
6. ЦАМО РФ. Ф. 60432. Оп. 36029. Д. 7. Кор. 4258.
7. ЦАМО РФ. Ф. 60432. Оп. 36029. Д. 2. Кор. 4258.
8. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне. - М.: Воениздат, 1968.
9. ОГАСПИ. Филиал в г. Орске. Ф.Р-1. Оп.1. Д.162.
10. ЦАМО РФ. Ф. 60431. Оп. 36029. Д. 17. Кор. 4258.

References and Sources

1. Central'nyj arhiv Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii (CAMO RF). F.35. Op. 11284. D.1629.
2. CAMO RF. F.60432. Op.36029. D.1. Kor.4258.
3. Orenburgskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (OGASPI). F. 371. Op. 6. D. 580.
4. OGASPI. Filial v g. Orske. F.R-1. Op.1. D.166.
5. OGASPI. Filial v g. Orske. F. R-1. Op.8. D.135.
6. CAMO RF. F. 60432. Op. 36029. D. 7. Kor. 4258.
7. CAMO RF. F. 60432. Op. 36029. D. 2. Kor. 4258.
8. Sovetskie Voenno-vozdushnye sily v Velikoj Otechestvennoj vojne. - M.: Voenizdat, 1968.
9. OGASPI. Filial v g. Orske. F.R-1. Op.1. D.162.
10. CAMO RF. F. 60431. Op. 36029. D. 17. Kor. 4258.

ФЁДОРОВА АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА - доктор исторических наук, профессор Оренбургского государственного аграрного университета (publcentr@mail.ru).

FEDOROVA, ALLA V. - Doctor of History, Professor of Orenburg State Agrarian University (publcentr@mail.ru).

УДК 94(47).084.8:338.439.02«1941/45»

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-117-122

ЖЕВАЛОВ С.А.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВКЛАД ЧИТИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЭКОНОМИКИ)

Ключевые слова: Советский Союз, Великая Отечественная война, Читинская область, советская колхозно-совхозная деревня, заготовки зерна, поставки сельскохозяйственной продукции.

Статья посвящена изучению проблемы поставок государству продуктов сельскохозяйственного производства Читинской областью в период Великой Отечественной войны. Показано количество зерновых, поставленных колхозами и совхозами Читинской области государству, определены объемы поставок продуктов полеводства и животноводства. В результате проведенного исследования подсчитано суммарное количество сельхозпродуктов области, поставленных государству во время войны. Установлено, что наибольшие трудности область испытывала в деле сохранения объемов хлебозаготовок, что объяснялось общим сокращением трудовых ресурсов и технической оснащенности хозяйств. Вместе с тем, несмотря на тяжелые условия военного времени, труженики области сумели нарастить объемы заготовок картофеля и овощей. Наряду с этим, увеличились поставки государству важнейших продовольственных продуктов сферы животноводства (мяса, молока, кожаного сырья).

ZHEVALOV, S.A.

FOOD CONTRIBUTION OF THE CHITA REGION TO THE GREAT VICTORY (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN STATE ARCHIVE OF ECONOMICS)

Key word: Soviet Union, Great Patriotic war, the Chita region, the Soviet collective-farm village, grain harvesting, agricultural products supplies.

The article is devoted to the study of the problem of supplies of agricultural products to the state by the Chita region during the Great Patriotic War. The quantity of grain delivered by collective farms and state farms of the Chita region to the state is shown, the volumes of supplies of field crops and livestock products are determined. As a result of the study, the total amount of agricultural products of the region supplied to the state during the war was calculated. It was established that the region experienced the greatest difficulties in maintaining the volume of grain procurements, which was explained by a general reduction in labor resources and technical equipment of farms. At the same time, despite the difficult wartime conditions, the workers of the region managed to increase the volume of potato and vegetable harvesting. Along with this, the supply of the most important food products of the livestock sector (meat, milk, raw hides) to the state increased.

Анализ советского опыта заготовок сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны обладает обширным научным и практическим значением. В рассматриваемый период в Союзе ССР были определены и реализованы в практической деятельности наиболее удачные пути и методы мобилизации внутренних источников государства. Не случайно интерес к данной проблематике длительное время остается устойчиво высоким.

Еще в 1947 году появилась книга Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» [1]. В этой фундаментальной работе была во всей целостности и многогранности раскрыта экономическая жизнь Советского государства в годы суровых

ИСТОРИЯ

испытаний, в том числе показаны пути решения продовольственной проблемы. В 1960-1965 гг. коллективом ученых была подготовлена и опубликована «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» [2]. В этом 6-томном исследовании, наряду с боевыми операциями, дано подробное освещение экономической жизни страны, показан трудовой вклад в Великую победу колхозно-совхозной деревни. В 1963 году вышла в свет монография Ю. В. Арутюняна «Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны» [3], которой автор показал, что, в силу утраты значительной части территории, в 1941–1943 гг. в сельскохозяйственном производстве СССР наблюдался спад. Тем не менее, уже с 1944 г. здесь начался новый период роста. Новые материалы по проблеме были введены в научный оборот в книге «Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» [4] (1970), а также в 5-томной «Истории крестьянства СССР. История Советского крестьянства» [5], где продовольственная проблема рассматривалась в третьем томе. Определенный интерес в данном отношении представляет собой также работа Я.Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [6], как и книга Н. А. Вознесенского, имеющая также источниковое значение, поскольку автор являлся непосредственным участником событий и не только ввел в научный оборот новые первичные материалы, но и представил собственные наблюдения.

Постсоветский период, в известном смысле, отличается определенным спадом интереса к проблеме. Тем не менее, и здесь мы наблюдаем очевидные достижения в осмыслении исследуемой темы. В частности, в 2011 году вышла из печати монография Н. И. Рыжкова «СССР и Германия: битва экономик» [7], которая встала в один ряд с комплексными исследованиями экономических факторов Победы Союза ССР над гитлеровской Германией. К 70-летию Великой Победы создан труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов» [8], седьмой том которого посвящен анализу оборонных и экономических возможностей Советского государства, а также нацистской Германии. В 2018 году вышли в свет второй и третий тома международного исследования «Страна в огне. Коренной перелом. 1942–1943» [9] и «Страна в огне. Освобождение. 1944–1945» [10]. Первый том серии – «1941 год. Страна в огне» вышел еще в 2011 году. В этих работах уделено достаточно много внимания изучению общего состояния экономики Советского государства, в том числе экономики сельскохозяйственного производства. В 2020 году на основе материалов Международной научной конференции, организованной Российским военно-историческим обществом и Музеем Победы на Поклонной горе 3 сентября 2020 года, составлен и издан сборник: «75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке» [11]. В 2021 году по результатам Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны, напечатан сборник «1941 год. От поражений к победам» [12].

Появление все новых исследований по проблеме доказывает, что она сохраняет свою актуальность. На наш взгляд, это особенно очевидно при обращении к материалам отдельных регионов страны. В представленной статье мы ставим перед собой задачу изучения статистики хлебозаготовок в условиях Читинской области. Соответствующие документы из фондов РГАЭ, прежде всего, представим в виде таблицы № 1, в которой подробно расшифруем поставки областью зерновых и бобовых в годы Великой Отечественной войны в распределении по сельскохозяйственным культурам.

Таблица № 1.

Хлебодача Читинской области в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Зерновые культуры	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Пшеница	66 551	60 759	38 765	38 719	16 097	16 642
Рожь	3 871	3 409	2 961	2 523	2 260	1 860
Овес	39 140	41 440	17 086	12 292	9 123	14 071
Ячмень	2 662	2 155	1 316	1 294	1 680	1 295
Просо	74	491	134	393	607	297
Гречиха	3 837	2 659	721	494	1 969	3 208
Кукуруза	–	5	–	–	–	–
Горох	2	2	–	–	3	82
Зерносмесь и не расшифровано	292	284	–	550	693	137
Итого	116 429	111 204	60 983	56 265	32 432	37 592

Источники: [13].

Архивные сведения таблицы № 1 позволяют установить, что в период войны труженики сельскохозяйственного производства Читинской области поставили государству почти 298,5 тыс.

ИСТОРИЯ

тонн зерна. Пшеницы из этого количества зерновых культур страна получила 171 тыс. тонн или 57% от объемов суммарных поступлений. Также область заготовил 13 тыс. тонн ржи (4%). Таким образом, работники сел и деревень области заготовили 184 тыс. тонн пшеницы и ржи или 61% от суммарного поступления всех зерновых культур. Наряду с этим, Читинская область поставила Союзу ССР более 94 тыс. тонн овса или 31,5% от общего количества зерновых культур. Следовательно, в целом, крестьяне и работники совхозов Читинской области заготовили Союзу ССР 278 тыс. тонн пшеницы, ржи и овса, что составляло 93% от суммарного поступления зерновых культур.

В данном контексте особенно показательной представляется динамика изменения объемов хлебозаготовок по годам, в частности, показывающая, что в 1941 году общие поступления зерновых от Читинской области составили более 111 тыс. тонн, что было на 4% меньше, чем СССР получил от области в 1940 году. Пшеницы в 1941 году поступило на 9%, а ржи – на 12% меньше, чем в 1940 году. Однако при этом область поставила в 1941 году на 6% больше овса, чем в 1940 году. В среднем за год из урожаев 1941–1945 гг. колхозники и работники совхозов Читинской области поставили Советскому государству в 5,2 раза больше проса относительно заготовок 1940 года. Несмотря на все усилия тружеников села, хлебопоставки Читинской области после 1941 года продолжали неуклонно уменьшаться. В 1942–1943 гг. они составили около половины от объемов заготовок зерна в 1940 году, а в 1944 году поступления зерновых сократились до 28% против 1940 года. Лишь в 1945 году поставки зерна Читинской области вновь несколько выросли, составив 32% относительно последнего предвоенного года.

По источникам Российского государственного архива экономики составлена таблица № 2, в которой отражаются заготовки зерна Читинской областью в период Великой Отечественной войны по источникам и видам поступлений.

Таблица № 2.

Поставки зерна Читинской областью в 1940–1945 гг. по источникам поступлений (в тыс. пудов)

Наименование источников поступления	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Обязательная поставка	2 963	3 028	1 676	1 731	659	546
Натуроплата МТС	3 317	3 015	1 352	1 113	508	476
Возврат ссуд колхозами	345	387	119	46	634	1 078
Хлебный фонд Красной Армии и фонд обороны	–	3	233	366	38	2
Хлебосдача совхозов	206	292	332	134	97	101
Возврат ссуд совхозов	57	1	–	–	3	44
Гарцевый сбор	–	–	–	7	19	17
Всего	6 888	6 726	3 712	3 397	1 958	2 264
Закупка	189	63	11	–	–	–
В счет других с/х прод.	31	–	–	–	–	6
Натуропл. и натуродерж.	–	–	–	38	22	25
Итого	7 108	6 789	3 723	3 435	1 980	2 295

Источники: [14].

Таким образом, согласно цифрам, представленным в таблице №2, заключаем, что в 1941–1945 гг. труженики агропромышленного комплекса Читинской области поставили Советскому Союзу свыше 18 млн. пудов хлеба. Из них 17 млн. пудов заготовили колхозы (94%) и 1 млн. пудов (6%) – совхозы. При этом страна получила от области только 74 тыс. пудов по закупке и 91 тыс. пудов – по другим источникам поступлений. Общие зернопоставки Читинской области во время Великой Отечественной войны достигли почти 18,2 млн. пудов, в том числе в хлебный фонд Красной Армии и фонд обороны поступило 642 тыс. пудов зерновых.

Данные таблицы № 2 дают основание сделать заключение, что в 1940–1941 гг. удельный вес натуроплаты МТС области составлял 45-48% от суммарных хлебозаготовок. Однако из-за мобилизации тракторов и автомашин в Красную Армию в 1942–1943 гг. он снизился до 33–36%. В 1944 году доля натуроплаты за машинно-тракторные работы сократилась до 26%, а в 1945 году – упала до 21%. Это говорит о серьезном дефиците тракторов, комбайнов и автомашин, в первую очередь, поставлявшихся в основные хлебородные республики, края и области Советского Союза.

В таблице № 3 представлены обобщенные данные обо всех поступлениях продуктов полеводства аграрного сектора экономики Читинской области за 1940–1945 гг.

ИСТОРИЯ

Таблица № 3.

Поступление продуктов полеводства Читинской области в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Сельхозкультуры	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Картофель	18 986	22 496	23 297	17 308	14 880	9 593
Овощи, всего	6 882	8 123	10 210	11 608	8 867	7 807
Капуста	4 773	5 258	6 189	7 225	5 950	4 724
Лук репчатый	148	183	208	244	120	76
Огурцы	585	952	762	784	390	354
Помидоры	29	20	–	–	–	–
Морковь	626	1 065	1 230	1 008	620	756
Свекла столовая	546	645	828	729	470	274
Прочие овощи	175	–	–	–	–	–

Источники: [15].

Данные таблицы № 3 показывают, что в 1941–1945 гг. колхозно-совхозная деревня Читинской области сдала государству почти 88 тыс. тонн картофеля. Причем в 1941–1942 гг. его поступало больше, чем в 1940 году. Среднегодовые поступления этой сельскохозяйственной культуры в 1941–1944 гг. были 19,5 тыс. тонн, что на 3% больше, чем в 1940 году.

В годы войны труженики агропромышленного комплекса Читинской области заготовили для страны свыше 46,6 тыс. тонн овощей. Как видно, поступления овощей от области в 1941–1945 гг. были выше, чем в 1940 году. В среднем за год в указанный период они составляли более 9,3 тыс. тонн, что на 35,5% превышало показатели 1940 года. В частности, в 1941–1945 гг. страна получила от области 29,3 тыс. тонн капусты, 831 тонну репчатого лука, 3,2 тыс. тонн огурцов, 20 тонн помидоров в 1941 году, 4,7 тыс. тонн моркови и 3 тыс. тонн свеклы столовой. При этом среднегодовые поставки капусты за военный период были выше на 23%, репчатого лука – на 12%, огурцов – на 11%, моркови – в 1,5 раза, столовой свеклы – на 8%, чем в 1940 году.

Цифры архивных документов по заготовкам животноводческих продуктов Читинской области во время Великой Отечественной войны внесем в таблицу № 4.

Таблица № 4.

Заготовки животноводческих продуктов Читинской области в 1940–1945 гг. (в тоннах)

Продукты животноводства	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Мясо	12 637	7 945	17 392	16 461	15 454	12 500
Молоко	19 633	23 282	20 546	20 847	14 543	13 205
Брынза-сыр (центнеры)	–	–	1 273	1 338	1 061	944
Яйца (тыс. шт.)	–	2 954	3 364	1 918	2 038	2 024
Шерсть	1 271	1 368	1 167	1 028	899	914
Кожевенное сырье:						
Крупное (тыс. шт.)	130	158	128	87	110	94
Мелкое (тыс. шт.)	433	520	448	384	508	361
Свиное (тыс. шт.)	82	76	44	24	18	13

Источники: [16].

Данные таблицы № 4 показывают, что за годы войны трудящиеся сел и деревень Читинской области сдали Советскому государству почти 70 тыс. тонн живого зачетного веса скота. Причем в 1942–1944 гг. мясоставки превышали поступление мяса в живом весе в 1940 году, а среднегодовые заготовки в 1941–1945 гг. составляли 13 950 тонн, что на 10% больше, чем в 1940 году. Также Союз ССР в период 1941–1945 гг. получил от области свыше 92 тыс. тонн молока. По таблице № 4 видно, что заготовки молока в Читинской области в 1941–1943 гг. были выше, чем в 1940 году. В среднем за год поступление молока от области в 1941–1944 гг. составляло 19 805 тонн, что превосходило объемы поставки 1940 года. Советское государство в период 1941–1945 гг. получило от Читинской области также почти 12,3 млн. шт. яиц и 4 616 центнеров брынзы-сыра.

Во время Великой Отечественной войны труженики аграрного сектора экономики Читинской области поставили Союзу ССР почти 5,4 тыс. тонн шерсти. Поставки шерсти от области в 1941 году были выше, чем в 1940 году.

Показатели таблицы №4, дают возможность вычислить суммарное количество кожевенного сырья, поставленное Читинской областью по заготовкам и закупкам в 1941–1945 гг. и определить, что крупного кожсырья поступило 577 тыс. штук, мелкого – 2 221 тыс. штук и 175 тыс. штук свиного. Среднегодовые поступления мелкого кожевенного сырья области в 1941–1944 гг. составляли 465 тыс. штук, следовательно, они превышали на 7,5% поставки 1940 года.

ИСТОРИЯ

Рассмотрение опыта заготовок сельскохозяйственных продуктов в Читинской области в годы Великой Отечественной войны позволяет сделать следующие выводы.

Хлеборобы Читинской области заготовили для государства почти 298,5 тыс. тонн зерна. При этом пшеницы и ржи страна получила 184 тыс. тонн. Также от Читинской области в годы войны поступило более 94 тыс. тонн овса. Таким образом, трудящиеся агропромышленного комплекса области заготовили Советскому Союзу 278 тыс. тонн пшеницы, ржи и овса.

В годы войны среднегодовые поступления картофеля и овощей от колхозов и совхозов, колхозников и единоличников Читинской области превысили объемы заготовок в 1940 году. В период войны крестьянство Читинской области поставляло в среднем за год больше капусты, огурцов и репчатого лука, моркови и столовой свеклы, чем в 1940 году.

Особенно существенный вклад в Великую Победу сделали животноводы Читинской области. Главным достижением работников сельскохозяйственного производства области стало то, что они сумели в среднем за год превзойти заготовки молока и мясopоставки скота в живом весе последнего довоенного 1940 года. Также, воюющий Советский Союз получил от области в военный период больше мелкого кожевенного сырья, чем в 1940 году.

Таким образом, колхозно-совхозная деревня Читинской области сумела в сложнейших условиях войны увеличить поставки государству важнейших продовольственных продуктов – мяса, молока и мелкого кожевенного сырья, картофеля и капусты, огурцов и репчатого лука, моркови и столовой свеклы, а также овощей в целом. В этом состоит трудовой подвиг сельскохозяйственных тружеников Читинской области

Литература и источники

1. Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. - 192 с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти т. - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960-1965.
3. Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. - М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. - 460 с.
4. Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / ред. И.А. Гладков. - М.: Наука, 1970. - 504 с.
5. История крестьянства СССР. История Советского крестьянства. В 5-ти т. - М.: Наука, 1986-1988.
6. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Мысль, 1985. - 494 с.
7. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. - М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. - 448 с.
8. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. - М.: Кучково поле, 2014.
9. Страна в огне: в 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943: в 2 кн./ отв. ред. Литвин А.М., Никифоров Ю.А. - М.: «Абрис», 2018. - 734 с.
10. Страна в огне: в 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945: в 2 кн. / отв. ред. Литвин А.М., Мягков М.Ю. - М.: «Абрис», 2018. - 717 с.
11. 75 лет Победы: Советский Союз и завершение Второй мировой войны на Дальнем Востоке. - СПб.: Нестор-История, 2020. - 696 с.
12. 1941 год. От поражений к победам: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны (Москва, 21 июня 2021 г.) / Отв. ред. Ю. А. Никифоров. - М.; СПб.: Нестор-История, 2021. - 512 с.
13. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 8040. Народный комиссариат заготовок СССР. Оп. 3: Д. 603. Л. 128–130, 133–135; Д. 610. Л. 78; Д. 619. Л. 1–3; Д. 865. Л. 5–6, 66; Д. 865 а. Л. 11, 22; Д. 980. Л. 1–2; Д. 982. Л. 3–4; Д. 1108. Л. 21, 25–28; Д. 1307. Л. 140–145; Д. 1308. Л. 1–3.
14. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 603. Л. 128–130, 133–135; Д. 749. Л. 10–12; Д. 865. Л. 40, 51–52, 67–68; Д. 865 а. Л. 5–6; Д. 979. Л. 23, 31; Д. 982. Л. 5; Д. 987. Л. 98–99; Д. 988. Л. 35–36, 68, 256–257; Д. 989. Л. 159; Д. 1108. Л. 21, 30–34, 58–59; Д. 1126. Л. 68–70, 155–156, 237–238; Д. 1307. Л. 70–71, 111–112, 118–133.
15. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 296. Л. 1–18; Д. 479. Л. 40; Д. 636. Л. 1–15; Д. 639. Л. 1, 13–14; Д. 645. Л. 5–9, 16–17; Д. 647. Л. 2; Д. 768. Л. 1, 16, 19, 21–23; Д. 772. Л. 25; Д. 773. Л. 1; Д. 775. Л. 8; Д. 776. Л. 1–3; 60; Д. 777. Л. 5–6; Д. 781. Л. 1; Д. 879. Л. 1–4, 20–29; Д. 881. Л. 4, 10–11, 21; Д. 882. Л. 1–2, 25, 35–36; Д. 883. Л. 25; Д. 885. Л. 2–3; Д. 995. Л. 5, 7–9, 13–15; Д. 996. Л. 1–2; Д. 998. Л. 25–26; Д. 1000. Л. 1–2, 5–6, 9–10; Д. 1004. Л. 3; Д. 1009. Л. 3; Д. 1123. Л. 2–5, 29; Д. 1124. Л. 1–3; Д. 1128. Л. 16; Д. 1131а. Л. 17–19; Д. 1136. Л. 1–4; Д. 1141. Л. 1–2; Д. 1313. Л. 1–8, 28–29; Д. 1318. Л. 8; Д. 1319. Л. 1–4; Д. 1320. Л. 16; Д. 1321. Л. 1–2; Д. 1324. Л. 1–2; Д. 1443. Л. 3–4; Д. 1534. Л. 4, 5, 10–12; Д. 1892. Л. 1.
16. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3: Д. 65. Л. 198–201; Д. 65а. Л. 200–201; Д. 683. Л. 52–58, 68; Д. 814. Л. 1, 10; Д. 803. Л. 12–14, 18–19, 22–28, 30, 33–34, 40–42, 51–59, 83; Д. 816. Л. 3–4; Д. 820. Л. 1–2; Д. 821. Л. 1–2, 8; Д. 929. Л. 31–33; Д. 931. Л. 4–10; Д. 935. Л. 1–2, 57–58; Д. 937. Л. 32; Д. 938. Л. 1–2; Д. 939. Л. 30–31; Д. 1022. Л. 65–66; Д. 1022а. Л. 38, 69–70; Д. 1032. Л. 71–72, 77–79; Д. 1068. Л. 1–2, 63; Д. 1069. Л. 1–2; Д. 1070. Л. 1–2; Д. 1081. Л. 1–2, 37–39; Д. 1082. Л. 49, 60–62; Д. 1151. Л. 23–24; Д. 1151а. Л. 25–26, 59–62, 65–66; Д. 1242. Л. 1–2, 94; Д. 1244. Л. 31–32; Д. 1341. Л. 48–51, 54–55; Д. 1384. Л. 1–2, 21–22; Д. 1441. Л. 1–10; Д. 1442. Л. 1–2; Д. 1447. Л. 15; Д. 1448. Л. 3–4, 98–99.

References and Sources

1. Voznesenskij N.A. Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny. - M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947. - 192 s.

2. Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuz 1941–1945. V 6-ti t. - M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1960-1965.
3. Arutyunyan Yu.V. Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. - M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. - 460 s.
4. Sovetskaya ekonomika v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. / red. I.A. Gladkov. - M.: Nauka, 1970. - 504 s.
5. Istoriya krest'yanstva SSSR. Istoriya Sovetskogo krest'yanstva. V 5-ti t. - M.: Nauka, 1986-1988.
6. Chadaev Ya.E. Ekonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) / 2-e izd., pererab. i dop. - M.: Mysl', 1985. - 494 s.
7. Ryzhkov N.I. Velikaya Otechestvennaya: bitva ekonomik i oruzhie Pobedy. - M.: Izdatel'skij dom «Ekonomicheskaya gazeta», 2011. - 448 s.
8. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov. V 12-ti t. - M.: Kuchkovo pole, 2014.
9. Strana v ognе: v 3 t. T. 2. Korennoj perelom. 1942–1943: v 2 kn. / otv. red. Litvin A.M., Nikiforov Yu.A. - M.: «Abris», 2018. - 734 s.
10. Strana v ognе: v 3 t. T. 3. Osvobozhdenie. 1944–1945: v 2 kn. / otv. red. Litvin A.M., Myagkov M.Yu. - M.: «Abris», 2018. - 717 s.
11. 75 let Pobedy: Sovetskij Soyuz i zavershenie Vtoroj mirovoj vojny na Dal'nem Vostoke. - SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. - 696 s.
12. 1941 god. Ot porazhenij k pobedam: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 80-letiyu nachala Velikoj Otechestvennoj vojny (Moskva, 21 iyunya 2021 g.) / Otv. red. YU. A. Nikiforov. - M.: SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. - 512 s.
13. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (dalee RGAE). F. 8040. Narodnyj komissariat zagotovok SSSR. Op. 3: D. 603. L. 128–130, 133–135; D. 610. L. 78; D. 619. L. 1–3; D. 865. L. 5–6, 66; D. 865 a. L. 11, 22; D. 980. L. 1–2; D. 982. L. 3–4; D. 1108. L. 21, 25–28; D. 1307. L. 140–145; D. 1308. L. 1–3.
14. RGAE. F. 8040. Op. 3: D. 603. L. 128–130, 133–135; D. 749. L. 10–12; D. 865. L. 40, 51–52, 67–68; D. 865 a. L. 5–6; D. 979. L. 23, 31; D. 982. L. 5; D. 987. L. 98–99; D. 988. L. 35–36, 68, 256–257; D. 989. L. 159; D. 1108. L. 21, 30–34, 58–59; D. 1126. L. 68–70, 155–156, 237–238; D. 1307. L. 70–71, 111–112, 118–133.
15. RGAE. F. 8040. Op. 3: D. 296. L. 1–18; D. 479. L. 40; D. 636. L. 1–15; D. 639. L. 1, 13–14; D. 645. L. 5–9, 16–17; D. 647. L. 2; D. 768. L. 1, 16, 19, 21–23; D. 772. L. 25; D. 773. L. 1; D. 775. L. 8; D. 776. L. 1–3; 60; D. 777. L. 5–6; D. 781. L. 1; D. 879. L. 1–4, 20–29; D. 881. L. 4, 10–11, 21; D. 882. L. 1–2, 25, 35–36; D. 883. L. 25; D. 885. L. 2–3; D. 995. L. 5, 7–9, 13–15; D. 996. L. 1–2; D. 998. L. 25–26; D. 1000. L. 1–2, 5–6, 9–10; D. 1004. L. 3; D. 1009. L. 3; D. 1123. L. 2–5, 29; D. 1124. L. 1–3; D. 1128. L. 16; D. 1131a. L. 17–19; D. 1136. L. 1–4; D. 1141. L. 1–2; D. 1313. L. 1–8, 28–29; D. 1318. L. 8; D. 1319. L. 1–4; D. 1320. L. 16; D. 1321. L. 1–2; D. 1324. L. 1–2; D. 1443. L. 3–4; D. 1534. L. 4, 5, 10–12; D. 1892. L. 1.
16. RGAE. F. 8040. Op. 3: D. 65. L. 198–201; D. 65a. L. 200–201; D. 683. L. 52–58, 68; D. 814. L. 1, 10; D. 803. L. 12–14, 18–19, 22–28, 30, 33–34, 40–42, 51–59, 83; D. 816. L. 3–4; D. 820. L. 1–2; D. 821. L. 1–2, 8; D. 929. L. 31–33; D. 931. L. 4–10; D. 935. L. 1–2, 57–58; D. 937. L. 32; D. 938. L. 1–2; D. 939. L. 30–31; D. 1022. L. 65–66; D. 1022a. L. 38, 69–70; D. 1032. L. 71–72, 77–79; D. 1068. L. 1–2, 63; D. 1069. L. 1–2; D. 1070. L. 1–2; D. 1081. L. 1–2, 37–39; D. 1082. L. 49, 60–62; D. 1151. L. 23–24; D. 1151a. L. 25–26, 59–62, 65–66; D. 1242. L. 1–2, 94; D. 1244. L. 31–32; D. 1341. L. 48–51, 54–55; D. 1384. L. 1–2, 21–22; D. 1441. L. 1–10; D. 1442. L. 1–2; D. 1447. L. 15; D. 1448. L. 3–4, 98–99.

ЖЕВАЛОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – соискатель кафедры новейшей Отечественной истории, Института истории и политики, Московского педагогического государственного университета (szhevalov@mail.ru).

ZHEVALOV, SERGEY A. – External PhD student, Contemporary Russian History Department, Institute of History and Politics, Moscow State University of Education.

УДК 94(47).«194»:316.485

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-122-130

ДАВЫДОВ С.Г.

ОТ СТИХОВ ДО ДИССИДЕНТСТВА: ИЗ ИСТОРИИ НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ 1940-Х ГОДОВ

Ключевые слова: советская молодежь, зарубежная кинопродукция, стилизми, криминальная субкультура, культуротворческие кружки, стихи, компании по интересам, нелегальные политические организации, дети репрессированных, нацистская атрибутика и литература, троцкизм, марксизм-ленинизм, теракт.

В статье исследуются самостоятельные инициативы советской молодежи 1940-х годов не совпадающие по вектору с официальными идеологическими и мировоззренческими установками, нормативно заданным образом советского человека. Они располагались в широком диапазоне - от желания самостоятельно определять для себя культурный ассортимент и субкультурных феноменов до нелегальных групп, выступавших с критикой существующего порядка вещей и предлагавших свое видение переустройства государства и общества. Хронологическая близость к исследуемому периоду репрессий 1930-х годов определила специфические мотивы участия многих молодых людей в оппозиционной деятельности. Анализ источников показывает, что основной социальной базой неинституциональных практик выступала учащаяся молодежь. Именно она являлась движущей силой неформальной активности молодого поколения.

DAVYDOV, S.G.

FROM POEMS TO DISSIDENCE: FROM THE HISTORY OF NON-INSTITUTIONAL PRACTICES OF THE SOVIET YOUTH IN THE 1940S

Key words: Soviet youth, foreign film production, dudes, criminal subculture, cultural circles, poems, interest companies, illegal political organizations, children of the repressed, Nazi paraphernalia and literature, Trotskyism, Marxism-Leninism, terrorist attack.

The article examines the amateur initiatives of the Soviet youth of the 1940s, which do not coincide in vector with the official ideological and worldview guidelines, the normatively given image of the Soviet person. They were located in a wide range - from the desire to independently determine for themselves the cultural range and subcultural phenomena to illegal groups that criticized the existing order of things and offered their own vision of the reorganization of the state and society. The chronological proximity to the studied period of repressions of the 1930s determined the specific motives for the participation of many young people in opposition activities. An analysis of the sources shows that the main social base for non-institutional practices was student youth. It was she who was the driving force behind the informal activity of the younger generation.

К началу Великой Отечественной войны советский режим достиг известных успехов в вопросе гомогенизации общественного сознания. Используя весь арсенал силовых методов подавления оппонентов и создав мощную пропагандистскую машину, государство смогло

ИСТОРИЯ

добиться внешнего доминирования официальной идеологии и норм социального поведения. Выросло первое поколение, появившееся на свет при советской власти. Война стала своего рода испытательным полигоном проверки на прочность новых мировоззренческих устоев. Они оказались крепкими. Народная энергия канализировалась в массовом героизме на фронте и в тылу, в сопротивлении захватчикам на оккупированной территории, в движениях по оказанию помощи Красной Армии и т.д. Вместе с тем «пограничная ситуация» войны, стихийно расширившая границы дозволенного, породила общественные феномены, не совпадавшие по вектору с задаваемыми сверху стандартами и конфликтующие с ними. Неотъемлемой частью социального пространства 1940-х годов стали настроения и поведенческие практики молодежи, отклоняющиеся от официально утвержденного образа советского человека и предписанных ему мировоззренческих канонов.

Одним из направлений неинституциональной активности советской молодежи было деятельное расширение ею рамок дозволенного, выход за нормативные установки в вопросах потребления культурного материала. Школьники, студенты и молодые рабочие начали проявлять повышенное внимание к «мещанским» ценностям, не одобряемым писателями и поэтами, в книгах которых искали изображения простых человеческих чувств, отвлечения от трудной и напряженной повседневности. Приходя в библиотеку, молодые люди интересовались произведениями, в которых они могли бы отыскать ответы на волнующие их вопросы, которые не поднимала официальная литература, погрузиться в мир грез и мечтаний, отвлекшись от унылой и серой повседневности. Популярной была тема личных отношений. Часто спрашивали не конкретных авторов, а «что-нибудь про любовь». При этом предпочтение отдавалось не советским авторам, а романам западно-европейских писателей и русских классиков. Увлекались также книгами и брошюрами о хиромантии, спиритизме, литературой религиозного содержания. Последней, например, в конце 1940-х годов буквально зачитывались студенты Казанского государственного университета [1, л. 22]. Проявление интереса к табуированным темам было далеко не безопасным занятием. За пристрастие к религиозной философии и чтение крамольных писателей можно было получить вполне реальный срок, как например это произошло с будущим участником диссидентского движения В. Красиным [2, с. 62].

Без должного контроля со стороны комитетов комсомола «отбивалась от рук» художественная самодеятельность. В Воронежском сельскохозяйственном институте, например, драмкружок в 1950 году не поставил ни одной пьесы советских авторов, отдавая предпочтения водевилям [3, л. 286]. Не лучше обстояли дела с репертуаром самодеятельных студенческих кружков и в других областях.

Обозначившийся вектор художественных пристрастий молодого поколения беспокоил комсомольских и партийных функционеров, видевших в этом досадное недоразумение, отвлекающее молодых граждан от непосредственных задач социалистического строительства, порождающее «пессимизм и уныние» [4, л. 32] и ведущее к отрыву от общественной жизни. Равным образом недовольство вызывало самодеятельное сочинительство на неодобряемые темы. Так, желание студентов Саратовского института механизации сельского хозяйства выразить свое «Я» в лирических стихах собственного сочинения и обратиться к личным, «мещанским» темам было заклеено как копание в «обывательском мирке» и проповедование «упадочнических настроений» [5, л. 96]. Еще большее раздражение и порицание вызвали попытки отразить в художественной форме непарадные реалии правды жизни послевоенного времени. В издевательствах над советской действительностью обвинили московского студента Урину, нарисовавшего в стихотворении «Продавец песен» типичный для 1940-х годов образ инвалида, вернувшегося с войны и вынужденного выживать, распевая по вагонам веселые песни со слезами на глазах. В другом стихотворении – «Письмо матери» – автор отразил продовольственные проблемы советских людей [6, л. 62]. Такой «социалистический реализм» идеологическим функционерам был, конечно же, не нужен. Однако тенденция обращения к стихотворчеству, как форме самовыражения и описания окружающего мира, прочно утвердилась в молодежной среде, предвосхищая феномен повального увлечения молодежью поэзией в 1950-1960-е годы.

Фактом послевоенной жизни, не вызывавшим восторг у начальства, было повальное увлечение молодых зрителей зарубежной кинопродукцией. Трофейные и купленные за границей кинофильмы, выпущенные на экраны советских кинотеатров, имели оглушительный успех. Их

ИСТОРИЯ

просмотр принимал массовый характер, с повсеместным нарушением установленных возрастных ограничений. На один и тот же фильм ходили 10-15 раз подряд. В 1947 году в Одессе во время показа «Девушки моей мечты», в местном медицинском институте все лекции оказались сорваны, а зал до отказа забит студентами [7, л. 125]. В условиях труднодоступности иных способов узнать о реальной загранице, зарубежная кинопродукция выступала едва-ли не единственным источником расширения представления о мире по ту сторону «железного занавеса», становясь для молодой аудитории «буквальным окном в Европу» [8, с. 238]. Образы полубившихся персонажей примерялись на себя, у экранных героев перенималась манера ходить, говорить, жестикулировать и даже драться. Настоящий фурор вызвал выпущенный на экраны в 1952 году фильм «Гарзан – человек обезьяна». Его посмотрели более 40 миллионов зрителей, а в среде подростков и молодежи началась настоящая «тарзаномания».

Условия бытовой повседневности, в которых оказались миллионы советских граждан в 1940-х годах, были спартанскими. Не хватало самого необходимого – кастрюль, чайников, ложек, шкафов, подушек, столов, стульев, кроватей и многого другого. Люди донашивали довоенную одежду. На улицах городов и в войну, и после нее, обыденностью были одетые в гимнастерки и шинели обыватели, занимающиеся попрошайничеством нищие. На этом фоне ярким пятном, резко контрастирующим с серым городским интерьером, высветились «стиляги». Сам факт их появления был вопиющим нарушением советской моностилистической культуры, резонансной формой культурной девиации, обозначившим стремление молодежи к конструированию своего культурного кода, строящегося вокруг модного культурологического течения – джаза, а также зарубежной моды, предлагавшей образцы промтоваров, с которыми советские производители конкурировать были не в состоянии.

Это была эстетическая «антисоветчина», первая советская прозападная субкультура. Примечательно, что ее носителями стали прежде всего представители «золотой молодежи», имевшие доступ к продуктам зарубежной культуры и возможности их потребления. Подвергая критике данную разновидность «преклонения перед Западом», с чем в рамках очередного «идеологического неистовства» боролись жестко и ригористично, власть не понимала, что перед ней не просто предосудительное увлечение верхов молодого поколения советских граждан, а процесс включения его в общее движение послевоенной поколенческой общности, свойственное индустриальному миру в целом. «Стиляги» демонстрировали срыв политики создания некоего особенного, огражденного от внешнего «вражеского» влияния молодого поколения, с незамутненным коммунистическим сознанием и высокой степенью управляемости. Усвоенный «мажорами» 1940-х «стиль» подхватывался городской молодежью других социальных категорий, закладывая основы культа западного «рая» достигшего пика в эпоху «застоя» и на обывательском уровне прочно фундирующего двойную мораль советского общества и процессы деградации титульной мировоззренческой парадигмы.

Однако гораздо многочисленнее «стиляг» были носители криминальной субкультуры. Обстоятельства времени способствовали эскалации деликвентно ориентированной активности молодежи. Хулиганские поступки, кражи, грабежи, разбои, убийства в послевоенном СССР совершались с удручающей частотой, превратившись в обыденные явления. Совершали их часто молодые люди, в том числе члены ВЛКСМ и даже комсомольские вожаки. Преступная среда генерировала собственные ненормативные нормы и правила, вырабатывала свой «стиль», навеянный блатной романтикой. В послевоенное время оформилась мода подростковых полукриминальных образований. Обязательными атрибутами одежды участников таких объединений были: «серая кепка из букле, называвшаяся по таинственным причинам «лондонка», ... белый шелковый шарф и черное двубортное драповое пальто. Широкие брюки лихо заправлялись в сапоги» [9, с. 46]. Как и собственно преступность криминальная субкультура имела тенденцию к самовоспроизводству и обладала высокой проникающей способностью, транспонируя свои составляющие в повседневный быт и другие культурные феномены. Известный джазовый музыкант и композитор А.С. Козлов подчеркивал: «Большинство слов стилижного жаргона пришло от одесских блатных и лабухов» [10, с. 49].

В 1940-х годах обозначается тяга молодежи к восстановлению практики организационного оформления своей самостоятельной активности, сведенной практически на нет в 1930-е годы. Значительная часть возникавших в то время объединений представляла собой культуротворческие

кружки, в которых молодежь искала возможность узнать то, что запрещалось жестко заданными сверху правилами, найти единомышленников, повысить свой культурный уровень и попробовать силы в художественном творчестве. Известно о действовавшем в середине 1940-х годов «Поэтическом семинаре», собиравшемся в Московском Политехническом музее. Приблизительно в то же время в Уральском университете на факультете журналистики сложился студенческий «Литературно-творческий кружок» [11, с. 42]. Довольно многочисленное культурно-просветительское общество под названием «Чайка» сумела создать в городе Якутске студентка педагогического училища М. Богатырева. В организацию входили 23 молодых человека, окончившие городские техникумы. Общество имело программу из 16-ти пунктов, ориентировавших его участников на повышение культурного и политического уровня, на то, чтобы быть культурными и вежливым, помогать друг другу во всем, проводить беседы по разным темам, устраивать диспуты на которых обсуждать прочитанные книги. Предусматривался сбор денег на посещение фильмов и театральных постановок [12, л. 63].

Схожие цели ставили перед собой старшекласники «Академии-школы философов» из города Татарска Новосибирской области. Им хотелось во всем разбираться самим, на все важные вопросы иметь свою точку зрения. Конечно, далеко не каждое самостоятельное объединение учащейся молодежи имело подобную программу действий. Зачастую это были просто дружеские «тусовки» наподобие московского «Братства нищих сибаритов». Входившие в него пятеро молодых людей практиковали дружеские встречи с употреблением алкоголя, и стремились к утверждению «всепроникающего чувства юмора и античинопочитания» [13, с. 238]. В 1949 году в Московском государственном университете существовало студенческое объединение «Тесное содружество», преследовавшее цель поддерживать дружеские связи и по сути являвшееся обычной компанией по интересам, возникшей на почве комплементарности. Никакой крамолы студенты не замыслили, если не считать таковой написания шуточного устава «Содружества», но тем не менее сам факт стремления к неформальному общению был достаточен для инкриминирования им намерений «противопоставить себя комсомолу», «замкнуться в себе» [14, л. 118]. В атмосфере доходившей до абсурда компании по выявлению и искоренению недостатков идейно-политического воспитания молодежи неблагонадежность усмотрели даже в том, что на одной из вечеринок студенты «плохо пили» при провозглашении тоста за XI съезд ВЛКСМ.

Студенческая среда, по природе своей склонная к фрондерству и противоречию взрослому миру, демонстрировала тенденцию к эскалации неблагонадежного поведения. В университетах и институтах уже в первые послевоенные годы началось стихийное формирование атмосферы, противоположной по вектору нормативному курсу на единомыслие и формализацию человеческих отношений. По воспоминаниям Л.Н. Краснопевцева: «У нас на историческом факультете Московского университета не только отдельные студенты и группы близких друзей, но и целые курсы... уже в конце 40-х годов выключались из традиционной атмосферы громкой комсомольской идейности, мягко убирали из своего актива протокольных товарищей в сталинках и создавали себе нравственную человеческую обстановку, ... стремление к личной свободе охватывало большинство молодежи нашего поколения» [15, с. 107.]. Определенную роль в этом процессе играли пришедшие на студенческую скамью демобилизованные солдаты и офицеры. Они привносили в молодежную среду фронтовую принципиальностью и зрелое гражданское мужеством, не боясь противопоставлять свой взгляд на вещи навязываемым сверху установкам.

Рассогласование официальной точки зрения и неформального общественного мнения наглядно демонстрировала студенческая «пресса» – стенные газеты и журналы. В 1947 году студенты третьего курса исторического факультета МГУ в стенной газете «Летопись» вынесли на обсуждение вопрос – действительно ли действующих лиц романа «Молодая Гвардия» можно считать героями современности, и если нет, то почему? В рукописном журнале этого же факультета «Юность» обнаружили «аполитичные, безыдейные» стихотворения студента Архипенко, заявлявшего, что он признает советскую идеологию постольку, поскольку в «данной географической точке признают эту идеологию» [6, л. 62]. Уходя от цензуры, студенты практиковали выпуск нелегальных журналов, фактически делая первые попытки того, что позже назовут «самиздатом».

Высказывая собственные оценочные суждения, касающиеся тех или иных сторон советской действительности и решений партийного руководства, стихийно самоорганизуясь в компании по

ИСТОРИЯ

интересам, студенты переступали опасную черту, попадая под прицел силовых органов. Поэтому вполне логично, что студенчество стало одной из главных «целевых аудиторий» репрессивной политики конца 1940-х годов. Аресты неформальной молодежи прошли в Москве, Рязани, Тбилиси, Челябинске, Актюбинске и некоторых других городах. Компания по искоренению инакомыслия среди учащейся молодежи стоила многим фрондирующим студентам сломанных судеб и утраты свободы. Только в вузах Ленинграда в 1947/1948 учебном году по обвинению в антисоветских действиях были арестованы и осуждены десятки студентов [16, л. 53].

Объективные трудности, недоработки и промахи комсомольских и пионерских организаций в вопросах налаживания работы с молодежью, формальное отношение к ее запросам подталкивали юношей и девушек к самостоятельной организации своего времяпровождения, нередко принимавшего форму игры. Именно такой характер носило тайное общество учениц десятого класса Челябинской Троицкой женской школы № 13 под названием «Итальянская республика». Его участницы, величавшие себя герцогинями и виконтессами, вели между собой разговоры о любви, дружбе, о своих любимых литературных героях. Школьницы «с удовольствием играли в республику» [17, л. 178]. Но если челябинские «аристократки» просто хотели отвлечься от будничности и «играли в республику», поскольку это представлялось им красивым и романтичным занятием, то организации школьников Кировской области конца 1940-х годов сложились на базе романтики другого рода. Советская пропаганда и искусство, тиражируя образы положительных героев и увековечивая подвиги, совершенные в годы войны на оккупированных территориях участниками сопротивления, оказывала сильное воздействие на представителей подростковой категории молодежи. Магия художественного слова и кадра побуждали ее к немедленному действию. После просмотра фильмов «Тимура и его команда» два пятиклассника средней школы поселка Буйска объединились в «Добровольное тайное общество «Неведимка», а учащиеся другой школы – в «Тимуровскую команду», переименованную впоследствии в «Веселые ребята» [18, л. 68.].

Расследованием причин создания подпольных школьных организаций органы МГБ уделяли самое пристальное влияние, надеясь обнаружить руководящее влияние взрослых из разряда неблагонадежных элементов. Однако оказалось, что дети партработников и сотрудников правоохранительных органов действовали самостоятельно, без чье-либо влияния. В самом Кирове в 1948 году возникла «Тайная организация седьмого класса». Вдохновляясь фильмом «Молодая Гвардия», одиннадцать юношей и девушек из школ № 28 и № 39 клялись быть готовыми встать на защиту страны в случае новой войны, клялись в этом в актовом зале перед портретом И.В. Сталина. Все участники организации имели членские билеты и платили членские взносы – один рубль в месяц [18, л. 67]. Собственно, деятельность новых «краснодонцев» заключалась в изготовлении дома лозунгов, которые брались в основном из газеты «Пионерская правда», и вывешивании готовой «продукции» в коридорах школ. Ребят привлекал сам характер таинственности, которой они окутывали свою работу, так как по их признанию так было «значительно интереснее», чем легально, в рамках официальной организации. Игра в умение сохранить тайну быстро исчерпала себя и собрания прекратились.

В разгар Великой Отечественной войны в Москве в школе №175 учеником В. Шахуриным – сыном наркома авиационной промышленности СССР А.И. Шагурина образуется группа «Роза Юга», в апреле 1943 года получившая новое звучное название – «Четвертая империя». Это, пожалуй, единственная молодежная группа 1940-х годов, результаты следствия по делу которой доводились до сведения высшего руководства страны – И.В. Сталина, Л.П. Берии, В.М. Молотова. Это не удивительно. Кроме Шагурина в «имперцах» состояли отпрыски известных родителей, в частности, В.А. Микоян – сын видного государственного и партийного деятеля, наркома А.В. Микояна. Члены «Четвертой империи» тоже играли, но во что! В отличие от своих сверстников из Кирова и других городов Шагурина вдохновляли не подвиги советских героев, а национал-социализм. Сам он присвоил себе звание рейхсфюрера, остальным раздавал звания, также заимствованные у Третьего Рейха. Арестованный по делу «Империи» А.Р. Хмельницкий показал, что Шагурин вообще «любил все немецкое» [19, л. 103]. Доморощенный «рейхсфюрер» проштудировал книги А. Гитлера «Моя борьба», Бальдера Ольдера «История одного наци», которые оказали на него сильное влияние. Шагурин любил зачитывать и цитировать «господам»

ИСТОРИЯ

(именно так обращались друг к другу члены «Четвертой империи») из своей группы особенно полюбившиеся ему пассажи нацистского лидера.

Следствие отмечало «полудетский характер» деятельности «имперцев» заключавшийся в том, что входившие в нее ученики занимались слежкой за девочками, написанием разного рода «дипломатических нот», и «указов», препираниями с членами другой группы этой же школы, возглавляемой П. Бакулевым. С этим можно согласиться, хотя факт увлечения нацистской атрибутикой и литературой вряд ли можно этим оправдать. Намерения же самого Шахурина были далеки от невинных шалостей. В его фантазиях созданная им организация после войны должна была захватить власть в СССР, а сам он планировал занять пост главы государства, стать диктатором. Помочь ему в этом должна была Япония, которой за помощь Шахурин был готов отдать Дальний Восток [19, л. 16]. Внутри страны планировалось восстановление частной собственности и торговли.

Сам В. Шахурин погиб в июне 1943 года и избежал ареста. Что касается судьбы других «имперцев», то, поскольку дело касалось детей элиты, суровых мер к ним не применили.

1940-е годы ознаменовались неприятной и опасной для власти тенденцией. Рабочая и, особенно, учащаяся молодежь демонстрировала стремление уйти от идеологической накачки, неадекватных ее запросам форм и методов воспитательной работы. В рамках компании по усилению идеологической работы среди молодежи комсомольские и партийные структуры ориентировались на резкое повышение КПД сети политической учебы, но схоластическое преподавание основ марксизма-ленинизма давало плохие результаты. Повсеместно отмечались недостатки в области изучения общественно-политических дисциплин, непонимание студентами «жизненно важного для них значения марксистско-ленинской» теории [20, л. 9].

Отсутствие возможности услышать свежие слова, неординарную мысль на лекциях по этим предметам делало их скучными и неинтересными для молодых людей. В Казани в 1948 году на государственных экзаменах в юридическом институте из 242 выпускников 35 получили неудовлетворительную оценку по основам марксизма-ленинизма [21, л. 18]. В Ленинграде в 1947 году, согласно официальным отчетам: «Абсолютное большинство студентов старших курсов не изучают марксистско-ленинскую теорию» [21, л. 65]. А учащиеся Алма-Атинского пединститута открыто высказывали крамольные мысли о том, что марксизм-ленинизм – второстепенная наука, в жизни она не пригодится и посещать занятия по ней - пустая трата времени [17, л. 178]. На философском факультете Киевского государственного университета некоторые студенты вообще усомнились в том, что марксизм является единственной научной теорией познания [21, л. 167].

Обратной стороной скептического и пренебрежительного отношения к ортодоксально трактуемым идеологическим вопросам было стремление части учеников старших классов и студенчества самостоятельно разобраться в вопросах теории марксизма и практике осуществления его положений в СССР. Участники одной из первых групп «ревизионистов» в декабре 1941 года были осуждены военным трибуналом в Омске. Это были два девятиклассника одного из населенных пунктов, которые объединились, чтобы исправить ошибки, допущенные партийным и советским руководством в деле строительства социализма в стране. Случай в Западной Сибири не был единичным. Органы безопасности регулярно вскрывали здесь подпольные группы молодежи радикальной направленности, с общей задачей улучшить жизнь людей. С известной долей уверенности можно предположить, что на умонастроения молодых сибиряков, помимо других факторов, оказывали влияние контингенты спецпереселенцев – бывших священников, участников антибольшевистских восстаний и родственников репрессированных, которыми регион был буквально переполнен и которых трудно было заподозрить в лояльности режиму.

Специфической чертой молодежного подполья 1940-х годов стало принятие молодыми людьми решения встать на путь участия в антисталинских нелегальных организациях под влиянием личных мотивов, а именно, судеб родителей, попавших в жернова репрессий и осужденных как враги народа. В 1939 году в Абхазии были арестованы участники «контрреволюционной террористической группы молодежи». Создал группу Р.Н. Лакоба, родители которого были осуждены за троцкизм. Помимо него в группу вошли его родственники Т.В. Лакоба, Н.М. Лакоба и К.К. Инал-Ипа. Все они, как отмечалось, были «озлоблены против советской власти за разоблачение своих родителей» [22, л.л. 253-254] и намеревались отомстить за них. В марте 1940 года по статье 58, п.п. 8, 10, 11 УК РСФСР арестовывается студент второго

ИСТОРИЯ

курса Московского мединститута Ю.Н. Быховский. Ему вменялась в вину организация из детей «врагов народа» и студентов и учащихся средних школ нелегальной организации антисоветской направленности [22, л. 83]. Участница послевоенного «Союза борьбы за дело революции» М. Улановская на суде над членами организации прямо заявила: «Я вас ненавижу! Никогда не поверю, что мои родители – враги. Если они и сделали что-то, то сделали правильно [23, с.107]. По-видимому, схожими соображениями руководствовался учащийся школы ФЗУ Ленинградской кондитерской фабрики им. Самойловой А.И. Быстров, в конце 1940-х годов входивший в подпольную молодежную организацию в Ленинграде. Дед его был раскулачен, а отца в 1937 году арестовали сотрудники НКВД [24, л. 14]. В конце 1940-х – начале 1950-х годов МГБ Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики отмечало «...антисоветские проявления, носителями которых являются дети репрессированных органами МГБ» [25, л. 1].

Нередко участниками, а часто и инициаторами создания нелегальных, политически ориентированных молодежных объединений, выступали наиболее мобильные и энергичные комсомольцы, бывшие на хорошем счету у руководства. Формальным вожакам, обладавшим задатками лидеров и организаторскими способностями, было нетрудно увлечь за собой молодежь. Именно такой фигурой, активистом райкома комсомола, был А. Запорощенко вовлекший в 1945 году молодежь села Александровское Ставропольского края в «Общество разбитых оков», в дальнейшем – «Союз борьбы за свободу». В «Союз» вошли одноклассники Запорощенко – ученики 8-го класса и студенты сельскохозяйственного техникума, всего двадцать человек. Это было одно из самых многочисленных неинституциональных объединений молодежи 1940-х годов. Как и другие нелегалы, Запорощенко и его соратники полагали, что ВКП (б) и правительство исказили учение К. Маркса и В.И. Ленина. На допросе Запорощенко определял существующий строй как капиталистическо-рабовладельческий, так как государство наживается за счет того, что скупает у крестьянина продукцию по низким ценам, а продает подороже [12, л. 45]. Отсюда главной задачей «Союза борьбы за свободу» ставилась защита интересов крестьянства. В этом участники группы Запорощенко оказывались солидарны с «коллегами» из других нелегальных молодежных групп, возникавших в сельской местности и небольших городах. Молодые люди прекрасно видели, в каких условиях живут колхозники, знали о ходивших среди сельского населения слухах о скором роспуске колхозов, так как Сталин это обещал союзникам.

Практически шаги группы Запорощенко были мало похожи на подростковые игры в запретное. Пользуясь своим статусом активистов лидер группы и его товарищ Розенбаум похищали из райкома комсомольские документы, писали на домах антисоветские лозунги, изготавливали и распространяли листовки в которых говорилось о том, что в СССР нет свободы слова и печати, что труда колхозников не оплачивается, «издавали» газету «Искра свободы». Пытаясь сорвать хлебозаготовки, в июле 1946 года нелегалы через листовки обратились к комсомольцам и молодежи с призывом «Не вывозите хлеб государству!» [12, л.л. 46-47]. Были у Запорощенко и намерения использовать оружие для достижения своих целей. Суд оценил деяния Запорощенко в десять лет тюремного заключения. Остальные участники «Союза борьбы за свободу» получили от пяти до восьми лет лишения свободы.

Теоретической платформой, с которой велась критика сталинского режима для почти всех оппозиционеров 1940-х годов служили работы К. Маркса и В.И. Ленина. Тот же Запорощенко призывал к изучению «Капитала» и «Коммунистического манифеста». В логических построениях и схемах книги В.И. Ленина «Государство и революция» виделся участникам «Армии революции» и «Союза борьбы за демократию» образец социальной справедливости, к которому они планировали вернуть народ и страну, преодолев ошибки, допущенные партией после смерти Ленина. Собственные сочинения молодых революционеров не выходили за рамки марксистской парадигмы, хотя уже тогда зарождалась тенденция опереться на альтернативные теоретические разработки и философские концепции. По этому пути пошел, например, лидер московского подразделения «Всесоюзной демократической партии» А.И. Тарасов. Под влиянием чтения А. Смита и Э. Бем-Баверка он пришел к выводу, что рыночное хозяйство, ничуть не хуже, а возможно и эффективнее плановой экономики [26, с. 134]. Причудливую смесь из национализма, тезисов, заимствованных из работ субъективного идеалиста Д. Беркли, и критики советских порядков представляли собой взгляды студента из Бурятии Ч.З. Дондубона. Отрицая существующий политический строй, он считал необходимым обретение обществом новой, истиной свободы, для

чего, по его мнению, необходимо было упразднить технику и науку, разрушить все фабрики и заводы [25, л. 2]. Эти идеи Дондубон активно распространял среди студенческой молодежи.

Вполне вероятно, что таких неординарных точек зрения было бы больше, однако подавляющая масса критически мыслящей молодежи 1940-х годов испытывала понятные трудности с доступом к соответствующей литературе не одобряемых и запрещенных авторов, спрятанным в спецхран источникам информации, в силу чего марксистская идеология оставалась основным способом уяснения и осознания наличной реальности.

Часть нелегалов ориентировалась на взгляды Л.Д. Троцкого, в частности, через стенограммы судебных заседаний 1930-х годов по делам обвиняемых в троцкизме граждан СССР. К примеру, возглавлявший ленинградскую «Марксистскую рабочую партию (коммунистов)» Л.З. Берлин на следствии признавал: «На меня... показания, данные на суде главарями правотроцкистского блока, произвели сильное впечатление...» [24, л. 14]. Сторонников идей Троцкого он считал последовательными марксистами-ленинцами. Не чуждый художественного сочинительства, он даже написал пьесу под названием «Мистерия» в которой «восхвалял врагов народа Троцкого, Зиновьева и Каменева» [24, л. 37], видя в них подлинных героев революции.

Не меньшее влияние на Берлина оказала случайно обнаруженная в Ленинградской центральной городской библиотеке работа М.А. Ларина-Лурье 1929 года выпуска «Антисемитизм в СССР», которую он превратил в свою настольную книгу. Находясь под впечатлением от нее Берлин сел за написание брошюры «К критике еврейского вопроса». Имея свою точку зрения по проблеме еврейской государственности он, после опубликования в 1948 году в газете «Правда» статьи Э. Эренбурга «По поводу одного письма», обратился к последнему с письмом, в котором отстаивал тезис о том, что объединение евреев вокруг государства Израиль не носит реакционный характер [24, л. 36]. Такой способ выражения своей позиции не являлся характерным для молодых оппозиционеров 1940-х годов, однако Берлин был не единственный, который использовал его в деле. В январе 1940 года двадцатилетний секретарь Ишимского районного земельного отдела Омской области Н.А. Покрышкин направил на имя председателя СНК Союза СССР В.М. Молотова два письма, точное содержание которых автору установить не удалось, но которые, как указывало следствие, носили злобный, «... антисоветско оскорбительный характер» [27, л. 53].

Группа Берлина собиралась у него на квартире, маскируясь под занятия драмкружка. Здесь были приняты устав и программа партии, возводилась «троцкистская клевета на ВКП(б)» и строились планы практической деятельности. Помимо работы над расширением состава организации, подготовки к распространению листовок, вынашивались планы покушения на титульных партийных функционеров. Роль новой Фанни Каплан отводилась воспитательнице санаторно-лесной школы в Костроме Э.Б. Молчановой. Она должна была совершить теракт в Москве. К силовым методам воздействия на власть склонялись и участники некоторых других молодежных группировок.

В ряде случаев отмечались попытки подпольных молодежных объединений преодолеть локальность и найти единомышленников в других городах. Однако успехов эти инициативы, по большому счету, не имели. Как правило, формации нелегалов были нестабильны и, в силу агрессивности среды, недолговечны. Средняя продолжительность «жизнедеятельности» молодежных групп не превышала 1,5 - 2-х лет. Ужесточение репрессивной политики в конце 1940-х – начале 1950-х годов, направленное на укрепление запретительных норм и правил, позволило режиму минимизировать проявления нонконформизма и диссидентства в молодежной среде. Однако оно не устранило причин, их породивших. С началом «оттепели» открылась новая страница истории неинституциональных молодежных движений в СССР.

Литература и источники

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 1. Оп. 40. Д. 74.
2. *Амальрик А.* Записки диссидента. - М., 1991.
3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 285.
4. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 32. Д. 345.
5. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 76.
6. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 74.
7. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 70.
8. *Сергеев А.* Omnibus. Альбом для марок. - М., 1997.
9. *Рейн Е.* Мне скучно без Довлатова. Новые сцены из жизни московской богемы. - СПб., 1997.
10. *Белжеларский Е.* Сегодня он играет джаз// Итоги. - 2013. - №46 (10).
11. *Прищепина А.И.* Инакомыслие на Урале. - Сургут, 1998.

12. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 32. Д. 471.
13. Судьба «Нищих сибаритов» // Память. - М., 1976. - Вып. 1.
14. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 101.
15. Краснопецев Л. Н. Дело молодых историков // Вопросы истории. - 1994. - № 4.
16. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 87.
17. РГАНИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 71.
18. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 221.
19. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 213. Д. 213.
20. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 86.
21. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 370.
22. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 171. Д. 421.
23. Туманова А. Шаг влево, шаг вправо. - М., 1995.
24. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 215.
25. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 32. Д. 639.
26. Тарасов А.И. Всесоюзная демократическая партия // Вопросы истории. - 1995. - № 7.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 420.

References and Sources

1. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 1. Op. 40. D. 74.
2. Amal'rik A. Zapiski dissidenta. - M., 1991.
3. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). F. 1. Op. 2. D. 285.
4. RGASPI. F. 1. Op. 32. D. 345.
5. RGASPI. F. 1. Op. 6. D. 76.
6. RGASPI. F. 1. Op. 46. D. 74.
7. RGASPI. F. 1. Op. 46. D. 70.
8. Sergeev A. Omnibus. Al'bom dlya marok. - M., 1997.
9. Rejn E. Mne skuchno bez Dovlatova. Novye sceny iz zhizni moskovskoj bogemy. - SPb., 1997.
10. Belzhelarskij E. Segodnya on igraet dzhaz// Itogi. - 2013. - №46 (10).
11. Prishchepa A.I. Inakomyслиe na Urale. - Surgut, 1998.
12. RGASPI. F. 1. Op. 32. D. 471.
13. Sud'ba «Nishchih sibiritov» // Pamyat'. - M., 1976. - Vyp. 1.
14. RGASPI. F. 1. Op. 46. D. 101.
15. Краснопецев Л. Н. Дело молодых историков // Вопросы истории. - 1994. - № 4.
16. RGASPI. F. 1. Op. 46. D. 87.
17. РГАНИ. Ф. 1. Оп. 46. Д. 71.
18. RGASPI. F. 1. Op. 7. D. 221.
19. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 213. Д. 213.
20. RGASPI. F. 1. Op. 46. D. 86.
21. RGASPI. F. 1. Op. 5. D. 370.
22. RGASPI. F. 1. Op. 171. D. 421.
23. Tumanova A. Shag vlevo, shag vpravo. - M., 1995.
24. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 215.
25. RGASPI. F. 1. Op. 32. D. 639.
26. Tarasov A.I. Vsesoyuznaya demokraticeskaya partiya // Voprosy istorii. - 1995. - № 7.
27. RGASPI. F. 17. Op. 171. D. 420.

ДАВЫДОВ СТАНИСЛАВ ГЕННАДЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, НИИ истории, экономики и права (Москва) (a105trk@yandex.ru).

DAVYDOV, STANISLAV G. – Doctor of History, Professor, History, Economics and Law Research Institute (Moscow).

УДК 94(47)«1944/1949»:323.12

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-130-136

ИСАКИЕВА З.С.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ, ДЕПОРТИРОВАННЫХ В КАЗАХСТАН И СРЕДНЮЮ АЗИЮ (1944-1949 гг.)

Ключевые слова: депортация, репрессивная политика, чеченцы, ингуши, спецпоселение, смертность, Казахстан, Киргизия.

В статье с опорой на архивные материалы и свидетельства очевидцев рассматривается процесс насильственного переселения чеченцев и ингушей в Казахстан и Среднюю Азию. На основе анализа различного рода свидетельств воссоздается общая картина депортации, дающая представление о масштабах и характере преступлений, совершенных тоталитарным режимом. Показано, что адаптация чеченцев и ингушей на необжитых местах с тяжелыми климатическими условиями без необходимых средств существования проходила крайне тяжело. Местные власти, несмотря на все попытки, не могли предоставить им достойные условия жизнедеятельности, а также обеспечить возникающие потребности в полном объеме. В первые годы пребывания моральное состояние, неустроенность, непривычный климат, отягощенные отсутствием продовольствия, бедственным экономическим положением, болезни приводили к высокой смертности. Тем не менее, в первых же дней пребывания в новых местах пребывания спецпереселенцы стали трудиться в колхозах, совхозах, шахтах, рудниках и т.д. Труд для них стал фактором выживания в условиях специального режима. Многие чеченцы и ингуши, успешно освоив производство, стали ударниками труда.

ISAKIEVA, Z.S.

**SOCIO-DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE CHECHEN AND INGUSH
DEPORTED TO KAZAKHSTAN AND CENTRAL ASIA (1944-1949)**

ИСТОРИЯ

Key words: deportation, repressive policy, Chechens, Ingush, special settlement, mortality, Kazakhstan, Kyrgyzstan.

Based on archival materials and eyewitness accounts, the article examines the process of forced resettlement of Chechens and Ingush to Kazakhstan and Central Asia. Based on the analysis of various types of evidence, a general picture of the deportation is recreated, giving an idea of the scale and nature of the crimes committed by the totalitarian regime. It is shown that the adaptation of Chechens and Ingush in uninhabited places with severe climatic conditions without the necessary means of subsistence was extremely difficult. Local authorities, despite all attempts, could not provide them with decent living conditions, as well as meet the emerging needs in full. In the first years of stay, morale, disorder, unaccustomed climate, aggravated by lack of food, poor economic situation, diseases led to high mortality. Nevertheless, in the very first days of their stay in new places of residence, special settlers began to work in collective farms, state farms, mines, mines, etc. Labor for them has become a factor of survival in the conditions of a special regime. Many Chechens and Ingush, having successfully mastered the production, became shock workers.

Массовые депортации целых народов, осуществленные в годы Великой Отечественной войны, можно считать одной из наиболее печальных страниц советской истории. В этой связи карательная машина сталинизма затронула судьбы сотен тысяч людей самых разных национальностей, среди которых оказались также чеченцы и ингуши. В ночь на 23 февраля 1944 г., в рамках секретной операции НКВД под кодовым названием «Чечевица», расположенные на равнине Чечено-Ингушской АССР селения были блокированы войсками. На рассвете всех мужчин вызвали на сельские сходы, где они сразу же задерживались. В небольших горных селениях сходы не вообще проводились. Вслед за этим население региона было выселено из родных мест. Местами ссылки репрессированных народов были избраны территории Казахстана и Средней Азии, для развития которых требовалась дешевая рабочая сила.

Сегодня среди чеченцев и ингушей нет ни одной семьи, в которой не вспоминали бы этой даты, этой трагедии. Живые очевидцы, которым довелось испытать горькую судьбу спецпереселенцев, хорошо помнят минувшие времена. Многие сообщения информаторов совпадают с общеизвестными историческими фактами и официальными документами, характеризующими события прошлого. История изгнания, первые тяжелые годы адаптации спецпереселенцев, регистрация в спецкомендатурах, трудовая и общественная деятельность – все, связанные с этим временем факты, бережно хранятся в памяти и передаются из поколения в поколение [1, с.147]. Особенно трагичным, на наш взгляд, являлось то, что многие семьи еще перед загрузкой в товарные вагоны и в дороге к местам поселений оказались рассоединены, а люди потеряли родных и близких.

Так, к примеру, выглядит депортация в воспоминаниях Любви Рапиевны Гайрабековой: «Я родилась в Казахстане 19 декабря 1948 г. Мои родители – уроженцы с. Бено-Юрт, Надтеречного района. Моя мама (звали Зулпат) до выселения жила с тремя детьми-мальчиками и младшей сестрой 15 лет недалеко от поселка Горагорск, называла она это место поселок «Кирпичный завод». Мужа она потеряла, как она рассказывала, его забрали в трудовую армию, и он больше не вернулся. Бабушка моя по матери Дубаева Яха жила в Бено-Юрте со своим братом. 22 февраля 1944 года мама оставила свою семью под присмотром соседней и поехала поведать свою мать, обещав вернуться на утро. А утром злополучного 23 февраля 1944 г началась страшная трагедия. По рассказу матери она умоляла, просила, плакала, чтобы пустили ее к своим детям, но конвоиры запретили и сказали, что встретитесь по пути. С надеждой, что так и будет убитая горем мать Зулпат вместе со своими родственниками отправилась в далекую, страшную неизвестность. Она до последнего надеялась, что в соседних вагонах могут быть ее дети и сестры. После прибытия в конце марта 1944 г. в Караганду, она сразу кинулась искать детей и родственников, но безрезультатно. И так прошли дни, недели, месяцы, годы в долгих поисках. В 1947 г. мама вышла замуж за моего отца. Он был вдовец – жена умерла, остались двое детей, которых распределили в детский дом. Мама забрала их домой и воспитывала. Так в нашей семье было четверо детей: Султан – 1936 г., Лида 1938 г., я – 1948 г. и младший брат Висхан – 1949 г. Матери было очень тяжело, но все время ждала, верила, говорила, что где-то они есть. В 1957 году мы вернулись на историческую родину, началась новая жизнь. Однако тревоги матери жили вместе с нами. Она много ездила, спрашивала, хотела найти хотя бы одного человека из бывшего поселка «Кирпичный завод». И в один из расспросов узнала, что в соседнем селении «Знаменское» проживают люди, жившие тогда в поселке-заводе. Мать нашла несколько человек из своих бывших соседей, оставшихся в живых. Сколько было волнений, впечатлений, слез. ... От них мать узнала, что по дороге в Казахстан умерли все дети, старшие. Эти люди вместе со своими

ИСТОРИЯ

похоронили как-то ее троих сыновей и сестру. До самой смерти мать не могла забыть события того злополучного периода. Но видно такова была судьба, а против нее не пойдешь» [2].

По сообщению информантки Хавы Мусаевны Яндаровой, 1933 г.р., уроженки с. Ведено: «...в день выселения мужчин собрали в клубе, а машины с их семьями подогнали к центру, где располагалась больница, затем доставили мужчин и присоединили к семьям. На каждой машине сидели автоматчики. Нас привезли в Грозный и стали погружать в товарные вагоны в сопровождении большого числа солдат с автоматами. Некоторые из них были сострадательные. Раздавался плач женщин, детей, мужчины держались стойко, успокаивали нас» [3].

Историк М.А. Арапиев, исследовавший проблемы выселения чеченского и ингушского народов отмечает, что «...главная особенность депортации двух братских народов состоит, в том, что ее возглавил сам нарком НКВД Л.П. Берия, что в определенной степени характеризует ту значимость, которую правительство страны придавало планируемым мероприятиям. По общим подсчетам в ЧИАССР прибыло порядка 19 000 оперативных работников органов внутренних дел и государственной безопасности и 96073 офицера и солдата внутренних войск НКВД. От депортации не освобождался никто, даже партийно-советский актив. В заснеженных горных районах имели место не только потери, но и акты жестокого обращения военнослужащих с гражданскими лицами» [4].

Так, 27 февраля 1944 г. в горном ауле Хайбах Галанчожского района ЧИАССР были собраны и заперты в конюшне местного колхоза «нетранспортабельные жители» — больные, дети, старики и женщины. Каратели, руководимые полковником НКВД М. Гвишиани, обложив конюшню сеном подожгли свыше 700 человек, а кто пытался вырваться, расстреливали из автоматов [5]. Из воспоминаний ингушского писателя, драматурга И. Кодзоева: «...выселяемых поделили на категории, нетранспортабельных приказано было оставить дома – якобы потом придет специальная санитарная команда и их повезут на поезде с врачами в хороших условиях. Некоторые с радостью оставляли таких людей. Приходила команда солдат, стариков и больных отвозили, клали на возвышенное место и с другого кургана расстреливали» [6].

Спустя месяц операция была закончена. К 29 февраля 1944 года из республики вывезли около 478 479 человек, из них 387 229 чеченцев и 91 250 ингушей. Затем последовали акции по депортации представителей чеченского и ингушского народов из других регионов СССР. В Докладной записке от 21 марта 1944 г. начальника ОСП НКВД СССР М.В. Кузнецова заместителю наркома НКВД СССР В.В. Чернышеву о приеме и разгрузке эшелонов со спецпереселенцами чеченцами и ингушами сообщалось, что «...прием и разгрузка эшелонов со спецпереселенцами чеченцами и ингушами в Казахстане и Киргизии закончены. По состоянию на 21 марта 1944 г. всего в Казахскую и Киргизскую ССР прибыло и разгружено 180 эшелонов с общей численностью 494 456 чел., в том числе в Казахскую ССР – 147 эшелонов в составе 405 941 чел.; в Киргизскую ССР – 33 эшелона в составе 88 515 чел. В пути следования во всех эшелонах умерло 1361 чел., или 0,27 %, госпитализировано 1070 чел. (Опущены сведения по Киргизской ССР)» [7, с. 344].

Как пишет Н.Ф. Бугай: «...последующие 13 лет чеченцы, ингуши, как и другие спецпереселенцы, будут находиться на спецпереселении, подчиняясь особому режиму проживания. Правовые отношения спецпереселенцев регламентировались инструкциями НКВД – НКГБ СССР, постановлениями ГКО и положением от 8 января 1945 г. «О спецкомендатуре», а также другими инструкциями» [8, с. 52].

Материальное и моральное состояние депортированных граждан во время пребывания в новых местах жительства характеризовались исключительной сложностью. Основная задача по предоставлению переселенцам жилья и рабочих мест легла на местные колхозы и предприятия. Однако местные власти, несмотря на все попытки, не могли предоставить им достойные условия жизнедеятельности, а также обеспечить возникающие потребности в полном объеме. В первые годы пребывания моральное состояние, неустроенность, непривычный климат, отягощенные отсутствием продовольствия, бедственным экономическим положением, болезни приводили к высокой смертности не только среди стариков и детей, но и совсем еще молодых людей из числа чеченцев и ингушей. Так, в Кзыл-Ординскую область в 1944 г. было завезено 26 924 чеченцев и ингушей. На 1 июля 1944 г. смертность среди них составила 1121 человек. Большое количество смертных случаев падало на детей и стариков (у детей – 46%, стариков – 38%, взрослых – 16%). Из общего количества умерших погибли от сыпного тифа 24%, истощения – 15%,

ИСТОРИЯ

неинфекционных заболеваний – 55%, старости – 6%. Только за июнь умерли 87 человек, в том числе 43 ребенка, 32 старика и 12 взрослых. Также по области было выявлено беспризорных детей 352 чел., из них устроены в детдомах Наркомпроса – 325 чел., в детдомах колхозов – 25 чел., переданы на воспитание гражданам – 2 человека. Из 49 491 спецпереселенцев из Северного Кавказа, прибывших в Южно-Казахстанскую область, на 15 июня 1944 г. были трудоустроены всего 16052 человек. Причем трудоустройство этого контингента, как было установлено проверкой, в большинстве случаев проводилось формально. В результате отсутствия минимальных бытовых условий и варварского отношения к спецпереселенцам, в колхозах и совхозах области они массово гибли от болезней и голода. К примеру, в совхозе «Куюк» было трудоустроено 248 семей (1630 чел.). Находились они в крайне тяжелых жилищных условиях. Общественного питания организовано не было. Эти переселенцы вынуждены были питаться дикорастущими травами. В результате, с марта по июнь 1944 г. заболели свыше 200 чел., из них умер 101 человек. Большинство из них скончались от истощения. В Чайновском районе в течение 10 дней голодания от истощения умерло 35 человек. В Аурахматстрое 896 чеченцев жили в палатках при большой скученности и антисанитарии, вследствие чего распространился тиф и умерли 13 человек. Другой проблемой стали конфликты с властями и местным населением. Над переселенцами нередко фактически издевались; дело доходило до избиений и убийств.

Особенно тревожное положение сложилось, в частности, в Бостандыкском районе, где разнузданность превышала всякие пределы человеческой этики. Проверкой на месте было установлено, что здесь РК КП(б)К и райсовет своим бездействием поощряли антагонизм между местным населением и чеченцами. Пользуясь этим, над спецпереселенцами буквально творили самосуды. К примеру, в колхозе им. Калинина Хайалыкского сельсовета на почве антагонистических настроений в начале мая колхозниками были выгнаны из занимаемых квартир 13 семей, или 64 чеченца. Несколько дней они вынуждены были жить на улице и только после вмешательства НКВД были вселены снова в квартиры. Кроме того, проверка установила, что спецконтингент не в полной мере обеспечивался и продуктами питания, специально отпускаемыми государством («Случаи неправильного использования продовольствия имеются во всех районах») [7, с. 381, 375, 376].

Не удивительно, что материалы органов НКВД Северо-Казахстанской области за 1944 год зафиксировали высокую смертность среди чеченцев и ингушей. Из умерших 1002 человек 411 составляли дети (41 %), 400 (40 %) – старики и 191 – взрослые чеченцы и ингуши (19 %) [9, с. 88]. В 1945-1946 гг. по Карагандинской области умерли 3474 чеченцев и ингушей, из которых 1636 составляли дети. И если в мае 1944 года по области насчитывалось 36702 переселенцев, то на 1 января 1949 года их осталось всего 31197 человек [10, л. 324]. Еще тяжелее ситуация складывалась в Джелал-Абадской области Киргизской ССР, где из прибывших в марте 1944 г. 26378 человек к июню 1946 года умерли 10366 человек. В отдельных районах этой области смертность переселенцев была еще выше. С марта по декабрь 1944 года в колхозах Алабугинского района из 2664 умерло 1610 человек, или 60% всех переселенных сюда чеченцев и ингушей [11, с. 283].

В течение первых лет пребывания рассматриваемых народов на территории Казахстана и Киргизии, в их отношении прослеживалась откровенная враждебность со стороны партийных работников и других представителей власти, в результате чего они утратили нормальный образ жизни, привычное существование, возможность пользоваться родным языком, соблюдать традиции. Переселение лишило их также возможности получить образование, в том числе базового уровня. Был ограничен допуск переселенцев к социально-политической жизни.

В постановлении ЦК КП (б) Казахстана «О трудовом устройстве спецпереселенцев» от 17 мая 1944 г. отмечалось, что «в ряде областей и районов хозяйственно-бытовое устройство Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев), вовлечение их в производственную работу, прием в члены колхозов, проходят недопустимо медленно. Особенно плохо проходят эти мероприятия в Кустанайской области, где из 17 857 трудоспособных спецпереселенцев на работах используются только 12 660 человек, из расселенных в колхозах – 10 954 семейств, принято в члены сельхозартелей- 1093 семьи. По Семипалатинской области из 13000 трудоспособных работает – 8000 чел., из 7901 семьи в колхозы вовлечено 2074 семьи.

Из числа неработающих значительный процент занимают женщины, имеющие детей, которым не создано необходимых условий, дети не устроены в детплощадки и ясли.

ИСТОРИЯ

Исключительно медленно проходит нарезка приусадебных участков и обеспечение спецпереселенцев семенами. Так, в Восточно-Казахстанской области не отведены приусадебные участки 2138 семьям, Северо-Казахстанской области – 6152 семьям. Аналогичное положение с нарезкой приусадебных участков в Акмолинской, Семипалатинской, Павлодарской, Кустанайской и других областях.

Отдельные председатели колхозов, особенно в Семипалатинской, Восточно-Казахстанской областях, вместо максимального привлечения спецпереселенцев на колхозные работы, поощрения хорошо работающих спецпереселенцев, обеспечения им нормальных жилищно-бытовых условий, под разными предлогами пытаются вытеснить их из колхозов, незаконно переселяют в непригодные под жилье помещения и таким образом создают нежелательные настроения и почву для отказов от работы и переездов внутри районов.

Все это явилось результатом недооценки обкомами и райкомами КП (б)К, облисполкомами и райисполкомами депутатов трудящихся всей важности этой работы и непонимания того, что быстрое проведение мероприятий по хозяйственному и бытовому устройству спецпереселенцев имеет целью закрепление этого контингента в местах расселения и приспособление его к нормальной производственной жизни в условиях Казахстана» [12, л.л. 95-97].

В секретном письме руководства треста «Казгидроэнергострой» секретарю ЦК КП(б)К Н. Скворцову о неблагоприятной обстановке в рабочем поселке, вызванной внеплановым размещением спецконтингента, сообщалось: «В середине с. г. по настоянию областных организаций Восточно-Казахстанской области в рабочих поселках ИртышГЭСстрой был размещен приехавший в область спецконтингент из Чечено-Ингушской АССР. Размещение спецконтингента было вызвано бездорожьем и отсутствием навигации на р. Иртыш, не позволившим областным организациям отправить людей в районы, и носило временный характер, с грубым нарушением жилищно-санитарных норм и элементарных бытовых условий. Во временные жилые и наскоро приспособленные под жилье общие бараки с 2-ярусными нарами были вселены мужчины, женщины и дети в количестве 3400 чел., хотя при сравнительно нормальном расселении туда едва ли позволительно было помещать более 2000 чел. Председатель исполкома облсовета т. Черных и начальник областного управления НКВД т. Иванов с ведома руководителей ОК КП (б) К заверили нас, что немедленно после открытия навигации часть людей, до 1500 чел., непригодные для работы на строительстве, будут переотправлены в сельскую местность.

С момента размещения спецконтингента прошло более 2 месяцев, с начала навигации 1,5 месяца, т.е. срок, вполне достаточный для вывоза людей со строительства, но областные организации до настоящего времени никаких мер в этом направлении не приняли.

Скученность и невозможность создания необходимых бытовых условий способствовали распространению на строительстве эпидемии сыпного тифа, со значительным числом смертных случаев. С апреля по настоящее время зарегистрирован 681 случай заболевания сыпным тифом, из них 46 случаев заболевания постоянных работников строительства и персонала, поставленного на обслуживание спецконтингента. Хотя для размещения больных в рабочих поселках строительством наспех оборудованы специальные изоляторы, в которых сейчас находится 286 чел., больных сыпняком, но этого явно недостаточно. Помимо эпидемии сыпного тифа среди спецконтингента имеются массовые заболевания дистрофией с большим процентом смертности, учет которых ведется комендатурой НКВД.

Органы здравоохранения (горздрав и облздрав) не принимают достаточных мер к организации решительной борьбы с эпидемией.

По рабочим поселкам бродят без надлежащего надзора женщины, старики и дети из числа спецпоселенцев. Многие из них больные.

Расселенные на строительстве спецпоселенцы ранее работали в сельском хозяйстве и имеют тяготение к колхозам. Им свое время разъяснили, что они на строительство направлены временно, до открытия навигации. Теперь, когда это обещание не выполнено, а бытовое положение их в связи с эпидемией сыпного тифа и недостаточным продовольственным снабжением ухудшилось, среди спецпереселенцев стали проявляться настроения озлобленности, которые находят свое выражение в беседах, в отношении к государственной собственности и государству. Из принятых временно на работу 1003 чел. выходят ежедневно 350-450 чел.

ИСТОРИЯ

Производительность их труда в среднем составляет 30-40%, а заработок до 3-х руб., т.е. не обеспечивающий прожиточный минимум» [13, л.1].

К середине 1950-х гг. на спецпоселении находились 191 479 чеченцев, из них в Казахской ССР было сосредоточено 146 522 чел., что составляло 76%. В Карагандинской области проживали – 26 125 чел., Алма-Атинской – 15 379 чел., Джамбульской – 13 534 чел., Талды-Курганской – 13 316 чел., Восточно-Казахстанской – 12 747 чел., Чимкентской областях – 10 243 чел.

В Киргизской ССР были сосредоточены 44 517 чеченцев, в том числе во Фрунзенской области – 22 612 чел., Ошской области – 3 244 чел., Джалал-Абадской области – 8650 человек. В российских регионах на спецпоселении числились 317 чеченцев.

В Казахстане было размещено 45 906 ингушей (94 % ингушей), в том числе в Акмолинской области – 11 674, Кустанайской – 7 514, Павлодарской – 6906, Кокчетавской – 6 150, Карагандинской – 4737, Алма-Атинской – 3848. В Киргизской ССР находились 2 102 ингуша. В основном они концентрировались во Фрунзенской области (1812 человек) [14 с. 413].

Одной из важных составляющих акции, безусловно, являлось трудовое использование спецпереселенцев. В тяжелых условиях спецрежима чеченцы и ингуши в составе спецконтингента использовали любую возможность, чтобы заработать и содержать семьи. Работали не только трудоспособные спецпоселенцы, а иногда даже и те, кого считали нетрудоспособным. Особенно это замечалось в первые годы проживания. Чеченцы и ингуши были задействованы в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства, на стройках, при создании транспортных коммуникаций и т.д.

В докладной записке Актюбинского облисполкома и обкома КП(б) Казахстана секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н.А Скворцову от 04.05.1944г. сообщалось, что спецпереселенцы из числа чеченцев и ингушей расселены в 10 районах: Актюбинском, Челкарском, Темирском, Родниковском, Степном, Мартукском, Хобдинском, Джурунском, Ключевом и Новороссийском. Из числа прибывших спецпереселенцев были приняты в колхозы 1337 семейств. Среди них учли трудоспособных 7536 человек, из которых оказались занятыми на работах 5354 человек (по колхозам - 1254 чел., совхозам – 435, промпредприятиям - 493 чел.). Большинство из не работавших составляли женщины, имевшие малых детей. Отмечались также случаи невыхода на работу мужчин. Однако объяснялось это отсутствием обуви и одежды, а также неумением отдельных хозяйственников полностью освоить рабочую силу. По сообщениям из районов, спецпереселенцы, как в промышленности, так и в колхозах, в ходе весенне-посевной кампании к работе относились удовлетворительно. При этом нужно учитывать, что они жили в крайне тяжелых условиях. Приобретения домов спецпереселенцами не наблюдалось, к постройке новых они не приступили. Удавалось лишь восстанавливать бесхозяйственные строения [15, л.л. 16-17].

В целом, тяжелое положение переселенцев было обусловлено отсутствием материальных и хозяйственных ресурсов, суровыми климатическими условиями, в некоторых случаях – халатным отношением местных властей. Из-за плохих социально-бытовых условий (недостаток жилья, еды, одежды, скученности) наблюдалась массовая гибель спецпереселенцев. Тем не менее, с первых же дней пребывания спецпереселенцы стали трудиться в колхозах, совхозах, шахтах, на рудниках и т.д. Труд для них стал фактором выживания и адаптации в местах проживания [16, с. 174, 175].

Там, где правильно была организована работа среди спецпереселенцев и проводилась массово-разъяснительная работа со стороны местных советско-партийных организаций, и где уделялось достаточное внимание со стороны председателей колхозов и руководителей предприятий, спецпереселенцы показывали образцы труда. Так «в Чилийском районе Кзыл-Ординской области бригады, созданные из спецпереселенцев с Северного Кавказа от колхозов «Гигант», «Большевик» и «Авангард», на сооружение канала на начало июля 1944г. перевыполняли нормы и получили переходящее Красное Знамя и более 30 чел. получили персональные премии. В Аральском районе, в тресте «Аралсоль» бригады из чеченцев перевыполнением норм выработки обеспечили получение Аралсолью переходящего Красного Знамени НКПС СССР. Многие из них премированы индивидуально деньгами от 1000 до 2000 руб. и промтоварами. В этом же районе из молодежи (чеченцев) организованы курсы шоферов и механиков для солесосов, часть чеченцев за образцовую работу выдвинуто на ответственную работу бригадиров, зав. участками и т.д. Общее количество советско-партийных работников учтено по области в 55 чел. Отмечалось, что большинство чеченцев, расселенные в

Красноармейском районе Кокчетавской области как в колхозах, так и в промпредприятиях работали активно, без принуждения и показывали замечательные образцы производительности труда. Много стахановцев и ударников, вырабатывающих от 200 до 400, 500, 600 и 800 трудодней, среди спецпереселенцев имеется и в Арыкбалыкском районе» [7, с.383,421].

Постепенно у чеченцев и ингушей формировались теплые отношения с местным населением, которое делилось со спецпереселенцами кровом, теплом, хлебом, сочувственно относилось к их нуждам. К 1946 г. многие жилищные проблемы для переселенцев были решены, хоть и не до конца. Многие чеченцы и ингуши, успешно освоив производство, стали ударниками труда и тем самым получили признание местных жителей, вследствие чего межнациональная напряженность постепенно начала спадать.

Литература и источники

1. Информант Гайрабекова Любовь Рапиевна, 1948 г., уроженка с. Бено-юрт // Полевые материалы автора (ПМА). 2022.
2. Ермекбаев Ж. А., Исакиева З. С. Этнография жизни чеченцев в Центральном Казахстане // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 20. - С. 147–150.
3. Информант Хава Мусаевна Яндарова, 1933 г., уроженка с. Ведено // ПМА 2022.
4. Арапиев М.А. Выселение чеченского и ингушского народов: развитие, решение и последствия проблемы (1940-е - 1950-е гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Пятигорск, 2006. - 27 с.
5. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX - середина XX в.) / авт. коллектив: В. А. Козлов (рук.), Ф. Бенвенути, М. Е. Козлова, П. М. Полян, В. И. Шеремет; сост. и авт. коммент.: И. А. Зюзина (отв. сост.), В. А. Козлов, М. Е. Козлова (ч. V-VI), Н. Л. Поболь (ч. II-IV), П. М. Полян (ч. II-IV), Т. В. Царевская-Дякина, В. И. Шеремет (ч. I). - М.: РОССПЭН, 2011. - 1094 с.
6. Депортация чеченцев и ингушей глазами свидетелей // <https://arzas.academy/mag/934-deportation> (дата обращения 26.07.2022).
7. Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов. Т. 3. - Алматы, 2019. - 708 с.
8. Бугай Н.Ф. Региональный фактор в истории народов СССР: принудительному переселению чеченцев, ингушей и балкарцев – 70 лет // Приволжский научный вестник. - 2014. - № 3 (31). - Ч. 1. - С.44-56.
9. Казиев С. Ш. Парии, партнеры и конкуренты: «Наказанные» народы и местное население в Казахстане (1941–1953 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - № 14 (369). - С. 83-93.
10. Государственный архив Карагандинской области (ГАКО). Ф.18.Оп.1. Д.1107.
11. Максудов С. Чеченцы и русские. Победы, поражения, потери. - М.: ИГПИ, 2010. - 480 с
12. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 708.Оп.1/1. Д.7.
13. АП РК. Ф. 708. Оп.8. Д.186.
14. Мьякшев А. П. Заключительный этап насильственного перемещения населения в СССР: специфика и его влияние на изменение национальной структуры (1945–1956 гг.) // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. - 2016. - Т. 16. - Вып. 4. - С. 410-415.
15. АП РК. Ф. 708.Оп.8. Д.113.
16. Исакиева З.С. К вопросу о депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны// International research journal (Екатеринбург). - 2021. - № 7 (109). - С.172-177.

References and Sources

1. Informant Gajrabekova Lyubov' Rapievnna, 1948 g., urozhenka s. Beno-yurt // Polevye materialy avtora (PMA). 2022.
2. Ermekbaev Zh. A., Isakieva Z. S. Etnografiya zhizni chechencev v Central'nom Kazahstane // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. - 2014. - № 20. - S. 147–150.
3. Informant Hava Mусаevna Yandarova, 1933 g., urozhenka s. Vedeno // PMA 2022.
4. Arapiev M.A. Vyselenie chechenskogo i ingushskogo narodov: razvitie, reshenie i posledstviya problemy (1940-e - 1950-e gg.). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. - Pyatigorsk, 2006. - 27 s.
5. Vajnahi i imperskaya vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX - sredina XX v.) / avt. kolektiv: V. A. Kozlov (ruk.), F. Benvenuti, M. E. Kozlova, P. M. Polyan, V. I. Sheremet; sost. i avt. komment.: I. A. Zyuzina (otv. sost.), V. A. Kozlov, M. E. Kozlova (ch. V-VI), N.L. Pobol' (ch. II-IV), P.M. Polyan (ch. II-IV), T. V. Carevskaya-Dyakina, V.I. Sheremet (ch.I). - M.: ROSSPEN, 2011.- 1094 s.
6. Deportaciya chechencev i ingushej glazami svidetelej // <https://arzas.academy/mag/934-deportation> (data obrashcheniya 26.07.2022).
7. Iz istorii deportacij. Kazahstan. 1939–1945 gg. Sbornik dokumentov. T. 3. -Almaty, 2019. - 708 s.
8. Bugaj N.F. Regional'nyj faktor v istorii narodov SSSR: prinuditel'nomu pereseleniyu chechencev, ingushej i balkarcev – 70 let // Privolzhskij nauchnyj vestnik. - 2014. - № 3 (31). - Ch. 1. - S.44-56.
9. Kaziev S. Sh. Parii, partnery i konkurenty: «Nakazannye» narody i mestnoe naselenie v Kazahstane (1941–1953 gody) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2015. - № 14 (369). - S. 83-93.
10. Gosudarstvennyj arhiv Karagandinskoj oblasti (GAKO). F.18.Op.1. D.1107.
11. Maksudov S. Chechency i russkie. Pobedy, porazheniya, poteri. - M.: IGPI, 2010. - 480 s
12. Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan (AP RK). F. 708.Op.1/1. D.7.
13. AP RK. F. 708. Op.8. D.186.
14. Myakshev A. P. Zaklyuchitel'nyj etap nasil'stvennogo peremeshcheniya naseleniya v SSSR: specifika i ego vliyanie na izmenenie nacional'noj struktury (1945-1956 gg.)// Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. - 2016. - T. 16. - Vyp. 4. - S. 410-415.
15. AP RK. F. 708. Op.8. D.113.
16. Isakieva Z.S. K voprosu o deportacii narodov SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny// International research journal (Ekaterinburg). - 2021. - № 7 (109). - S.172-177.

ИСАКИЕВА ЗУЛАЙ СУЛИМОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры правовых дисциплин, Чеченский государственный педагогический университет (Zulai-787@mail.ru).

ISAKIEVA, ZULAY S. – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of Legal Disciplines, Chechen State Pedagogical University (Zulai-787@mail.ru)

ПЕЛИХ А.Л., ПРОТАСОВА И.В.
**ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ
И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Ключевые слова: послевоенное восстановление, сеть образовательных учреждений Кубани, подготовка кадров, система здравоохранения.

В статье рассматриваются некоторые особенности действий органов власти Краснодарского края, направленных на восстановление и развитие системы образования и здравоохранения после окончания Великой Отечественной войны. Показано, что в крае ощущалась нехватка квалифицированных кадров в системе образования и здравоохранения, особенно остро эта проблема проявлялась в сельской местности. Не хватало материальных ресурсов. Но в целом за годы четвертой пятилетки сеть учебных заведений и медицинских учреждений была не только восстановлена, но и расширена. Основные потребности населения Краснодарского края в сфере образования и здравоохранения были удовлетворены. Был заложен фундамент для дальнейшего развития и совершенствования данных отраслей.

PELIKH, A.L., PROTASOVA, I.V.
**FEATURES OF STATE POLICY IN THE FIELD OF EDUCATION AND HEALTH CARE IN THE FIRST POST-WAR
YEARS (ON THE EXAMPLE OF THE KRASNODAR TERRITORY)**

Key words: post-war reconstruction, Kuban educational institutions network, personnel training, healthcare system

The article discusses some features of the actions of the authorities of the Krasnodar Territory aimed at restoring and developing the education and health care system after the end of the Great Patriotic War. It is shown that there was a shortage of qualified personnel in the education and health care system in the region, this problem was especially acute in rural areas. There were not enough material resources. But in general, during the years of the fourth five-year plan, the network of educational institutions and medical institutions was not only restored, but also expanded. The basic needs of the population of the Krasnodar Territory in the field of education and health care have been met. The foundation was laid for the further development and improvement of these industries.

После окончания Великой Отечественной войны одной из основных задач, стоявших перед органами власти, была задача восстановления системы образования и здравоохранения и их развития на современном для того периода уровне. Заметим, что еще во время военных действий, сразу после деокупации большей части региона, в апреле 1943 года, крайком партии и крайисполком Краснодарского края обратились в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР с письмом «О неотложных мерах по восстановлению народного хозяйства». В мае того же года Совнарком СССР утвердил программу восстановительных работ на Кубани, а в декабре 1943 г. вышло постановление «О дополнительных мероприятиях по восстановлению хозяйства Краснодарского края», в котором, среди других первоочередных задач, значились организация нормальной деятельности органов здравоохранения, социального обеспечения, школ, культурно-просветительных учреждений [1, с. 131].

Окончание Великой Отечественной войны Краснодарский край встретил с разрушенной экономикой. Ситуация осложнялась нерешенными социально-бытовыми проблемами. Первоочередными задачами четвертого пятилетнего плана в области образования и культуры стали восстановление обязательного семилетнего обучения детей, воссоздание старых и создание новых очагов культурно-просветительной работы, расширение подготовки и переподготовки специалистов для народного хозяйства. Помимо средств из государственного бюджета, на восстановление школ, техникумов, училищ, для решения этой задачи выделялись средства промкооперации, профсоюзов, промышленных предприятий. Возникло массовое патриотическое движение восстановления и развития школ методом народной стройки. Общими усилиями в Краснодарском крае в период с 1943 по 1949 годы было восстановлено 855 школьных зданий. В этой работе особенно активное участие принимали жители Краснодара, Новороссийска, Курганинского, Усть-Лабинского, Кореновского и Выселковского районов [2, с. 486]. Примером такой деятельности на уровне конкретных предприятий может служить Армавирский завод железнодорожного машиностроения, где для этой работы была создана соответствующая укомплектованная группа [3, л. 25].

Для восстановления экономики региона требовались, в первую очередь, рабочие кадры. В этой ситуации большая часть молодежи края получала образование через систему профессионально-технического обучения. Особенно много ремесленных училищ было открыто в

ИСТОРИЯ

первые послевоенные годы. Только в г. Краснодаре к 1952 году действовало 12 средних специальных учебных заведений с численностью учащихся в 4633 человека [4, с. 648].

Начала быстро восстанавливаться и сеть высших учебных заведений, которые в столице края к концу пятилетки практически догнали по количеству обучающихся в них средние специальные заведения: в Краснодаре в это время насчитывалось 5 высших учебных заведений с 5909 студентами [4, с. 648]. При этом необходимо отметить, что детям из семей погибших воинов, инвалидов Отечественной войны и труда высшие и средние учебные заведения обязаны были предоставлять льготы на обучение [5, л. 18].

Но трудности в сфере образования были связаны не только с послевоенной разрухой и бытовыми проблемами. Одной из важнейших проблем стала нехватка квалифицированных специалистов в самих учебных заведениях. Эта проблема решалась разными способами, которые касались как материального стимулирования самого труда педагогов, так и способов непосредственной подготовки кадров. К первым относится существенное увеличение заработной платы учителям, преподавателям вузов и научным сотрудникам, а также предоставление им ряда льгот. Нехватка количества подготовленных педагогов решалась путем развития системы краткосрочных курсов, а также введения в учительских институтах укороченных программ обучения. Конечно, это ударило по качеству подготовки учителей, но решало главную проблему – их катастрофическую нехватку.

Для профессионального роста учителей Кубани по всему Краснодарскому краю разворачивается сеть педагогических кабинетов, основным назначением которых было определено всемерное содействие «повышению квалификации учителей, качества обучения» [6, с. 3]. Так, в г. Армавире педагогический кабинет открылся в 1949 г. по улице Кирова в каменном двухэтажном особняке, комнаты которого были оформлены в светлых тонах, что должно было настраивать учителей на стремление к новым успехам. В педагогическом кабинете располагались библиотека учителя, комната дошкольного образования и помещения для других методических целей. Эти учреждения должны были способствовать передаче передовых педагогических знаний и технологий как учителям того города, где они располагались, так и педагогам сельской округи.

Как итог проделанной работы, только в г. Краснодаре за годы четвертой пятилетки было сдано в эксплуатацию 12 новых и восстановленных школьных зданий. Школьников насчитывалось в городе теперь 32 тысячи, а педагогов – почти 1,5 тысячи [7, с. 288]. Всего же по краю, по данным на 1950 год, насчитывалось более 25 тысяч учителей, которые осуществляли обучение и воспитание молодого поколения [2, с. 486].

В работе дошкольных учреждений также наблюдался ряд нерешенных проблем. Одним из главных недостатков в детских садах, яслях и площадках Краснодарского края являлся их слабый кадровый состав. Например, в г. Армавире работало 19 воспитателей, не имеющих дошкольного педагогического образования [8, с. 3]. При этом они были обязаны пройти заочно обучение по данной специальности, но этого не сделали. Наиболее распространёнными недостатками в организации работы дошкольных учреждений считались: плохое снабжение продуктами питания; отсутствие условий для полноценного физического воспитания детей; неукомплектованность учреждений музыкальными работниками и т.д. [8, с. 3]. Несмотря на все сложности, уже в 1948 году в детских дошкольных учреждениях г. Армавира было более 800 воспитанников [9, с. 4].

В целом, советская система образования постепенно восстанавливалась и развивалась. Об этом говорят цифры статистики. В СССР к 1951 году действовало уже 880 высших учебных заведений, в которых, как очно, так и заочно, обучались 1247 тысяч студентов, что было на 115 тыс. больше чем всего годом ранее. Общая численность специалистов, окончивших вузы и техникумы и приступивших к работе в народном хозяйстве, в 1950 г. увеличилась на 9% по сравнению с 1949 г. [10, с. 4]. Эта тенденция прослеживалась и в городах Краснодарского края. Например, в г. Тихорецке в 1947 году начинает работу с учениками СШ № 28. А на базе школы фабрично-заводского ученичества № 9 начинает функционировать железнодорожное училище №2. А уже в 1952 г. в Тихорецке в полном объеме вели работу три средних, одна семилетняя и девять начальных школ. Система профессионального образования города была представлена железнодорожным техникумом, железнодорожным училищем и двумя школами фабрично-заводского обучения [11, с. 151]. В г. Краснодаре уже к марту 1948 г. были восстановлены почти все институты, техникумы, школы и дошкольные учреждения [12, с. 184].

ИСТОРИЯ

Общую картину системы образования края в 1951 г. характеризуют следующие слова из доклада Е.Е. Санина, озвученного на Собрании краевого актива по вопросам народного образования: «...только в одном нашем крае в текущем 1951 году работает 2954 школы, в которых обучается 648387 учащихся. Кроме того, создано 246 школ рабочей и сельской молодежи. Однако, несмотря на некоторые улучшения, качество работы школ края, уровень обучения и воспитания учащихся продолжают оставаться низкими. Из 591996 учащихся в прошлом году на второй год осталось свыше 69 тысяч человек. При этом в нашем крае работает 25869 учителей, профессиональная подготовка некоторых из них оставляет желать лучшего» [13, с. 3].

Итак, в анализируемый период в крае ощущалась нехватка квалифицированных кадров в системе образования. Особенно остро эта проблема проявлялась в сельской местности. Причинами сложностей в системе образования Краснодарского края были тяжелые условия послевоенного восстановительного периода, а также недостаточное финансирование отраслей образования и здравоохранения со стороны органов управления государством в целом и краем в частности. В целом же, за годы четвертой пятилетки сеть учебных заведений и культурно-просветительных учреждений, несмотря на все трудности послевоенного периода и тяжелые бытовые условия, была не только восстановлена, но и расширена. Основные потребности населения Краснодарского края в сфере образования удалось удовлетворить. Был заложен фундамент для дальнейшего развития и совершенствования данной области.

Похожие процессы наблюдались и в области здравоохранения. Прошедшая война нанесла этой сфере огромный ущерб. Множество медицинских пунктов, лечебниц и санаториев региона были уничтожены нацистскими оккупантами. В Краснодарском крае до войны действовало 166 больниц; после освобождения их осталось 55, большинство из них – в плачевном состоянии [14, л. 131]. В одной лишь Анапе гитлеровцы разрушили 28 зданий санаториев, 2 поликлиники и больницы [15, с. 63]. С окончанием военных действий местные органы власти изыскивали возможности для возрождения и развития сети медицинских учреждений. Уже к 1947 году городские больницы начали получать новое оборудование, необходимое для оказания медицинской помощи. Так, городская поликлиника г. Тихорецка получила оборудование для рентгенкабинета, а в конце 1947 г. в западной части города открыли фельдшерский пункт, с рабочими местами для врача и санитарки. В 1949 г. начала работу молочная кухня железнодорожной больницы, которая была рассчитана на обслуживание 50 детей [11, с. 150]. В октябре 1949 г. собственную базу получил краевой онкологический диспансер, расположенный в г. Краснодаре [16, л. 74]. В этом же году утверждается количество станций скорой помощи в Краснодарском крае, их число равняется четырнадцати [16, л. 235].

В целом, к 1949 году в Краснодарском крае действовало 13 городских и районных больниц, 28 амбулаториев и поликлиник, 4 детские консультации, 4 женские консультации, детская поликлиника и детский амбулаторий, кожно-венерологический диспансер, онкодиспансер и т.д. [16, л. 230]. В больницах существуют различные отделения, специализирующиеся на определенных заболеваниях: хирургическое, гинекологическое, травматологическое и т.д.

Отметим, что, несмотря на финансовое субсидирование медицинских учреждений, работу по обеспечению их оборудованием, они часто не могли нормально работать из-за перебоев в подаче электроэнергии. В качестве примера подобной ситуации можно назвать первую городскую больницу г. Армавира, где больные глазного отделения почти всегда находились без электричества. Свет подавался изредка, по воскресеньям, а обычно отделение освещалось керосиновой лампой [17, с. 4]. Плохо работали по причине несвоевременной подачи электроэнергии четыре армавирских стационарных рентгеновских кабинета [18, с. 2]. Да и сами помещения, выделяемые медицинским учреждениям, не всегда были пригодны для врачей и пациентов. Такая ситуация сложилась, например, в 1950 г. в Армавире, где гинекологическое отделение объединили с родильным домом в выделенном непригодном здании.

Несмотря на отмеченные трудности, в рассматриваемый период начинается строительство медицинских учреждений в ряде сельских районов Краснодарского края. Среди них: туберкулезные больницы, родильные дома, дома инвалидов, дома престарелых, районные поликлиники и т.п. К 1950 г. в крае было уже 358 сельских врачебных участков, 270 из которых были расположены вне районных центров. При этом остро ощущался недостаток станций скорой

ИСТОРИЯ

медицинской помощи [16, л. 235]. Кроме того, на селе не было необходимого количества санэпидемстанций, аптек, не хватало врачебных пунктов с квалифицированными специалистами.

В тяжелых условиях первых послевоенных лет особое значение имела работа по купированию угроз распространения острых инфекционных заболеваний. Сразу после окончания войны во многих районах Краснодарского края вновь стали действовать противомаларийные станции. Работа медиков привела к тому, что с 1948 г. малярия перестала быть в крае массовым заболеванием. Отдельные случаи заболеваний малярией также постепенно сошли на нет [11, с. 150]. Одним из самых распространенных заболеваний в этот период в крае был паротит: в первые послевоенные годы ежегодно регистрировалось около 500 заболевших [16, л. 230].

Задачей государственной важности было строительство лечебниц для ветеранов. Еще до завершения войны 5 августа 1944 года был начат прием на лечение первых таких больных в здравницах г. Горячий Ключ [19, с. 38]. В июле 1945 года в г. Анапе был закончен ремонт двух спальных корпусов, столовой и грязелечебницы санатория им. В.И. Ленина. Он первым на этом курорте принял инвалидов Великой Отечественной войны [20, с. 19]. В 1946 году возобновили свою деятельность 23 санатория г. Сочи, а к концу 1947 г. его санаторное хозяйство по своей мощности достигло довоенного уровня [12, с. 186].

По окончании войны стала постепенно восстанавливаться вся система санаторно-курортного лечения. В Конституцию РСФСР были внесены соответствующие изменения, после которых в 1948-1950 гг. около 5,5 млн. рабочих и служащих страны получили путевки за счет профсоюзов в санатории, профилактории и дома отдыха [1, с. 252]. В частности, из г. Краснодара за первое полугодие 1951 г. на санаторно-курортное лечение было направлено 176 человек. Кроме того, оздоровительными мероприятиями – в санаториях, на детских площадках и в пионерских лагерях – было охвачено 885 детей [21, л. 1]. Число отдыхающих в санаториях края горожан и их детей в пионерских лагерях постоянно увеличивалось. При этом улучшалось и качество отдыха. В курортных городах (Анапа, Сочи и др.) строились новые учреждения рекреации. Сам облик санаториев также изменяется: вместо одноэтажных зданий появляются двух- и трехэтажные, улучшается внешний и внутренний вид этих учреждений.

С 1950 года начинается новый период в организации лечебно-профилактической помощи в Краснодарском крае. Начал функционировать институт главных специалистов, что существенно улучшило оказание населению специализированной медицинской помощи. Началось проведение плановой медицинской профилактической работы, профилактических осмотров воспитанников детских домов, яслей, детских садов, учащихся школ и отдельных категорий взрослого населения. Медицинские пункты, организованные на промышленных предприятиях, в учреждениях, совхозах для оказания доврачебной и первой врачебной помощи, были взяты под контроль врачей городских поликлиник. Было введено диспансерное обслуживание больных. Многие врачи края стали направляться на специализированные курсы усовершенствования в ведущие медицинские вузы страны. Так, например, окулисты г. Армавира усовершенствовали свое мастерство в институтах гг. Москвы и Казани. Врачи, бывшие участниками Великой Отечественной войны, могли получать специальные дотации, в основном, в виде персональных надбавок к заработной плате [22, л. 27]. Постепенно создаются условия для наблюдения за развитием детей, а также для их лечения одними и теми же врачами. Для этого в городах края производится изменение организационной системы медицинского обслуживания детей, в результате чего детские консультации объединяются с детскими поликлиниками. Работа начинает строиться по принципу единого педиатра. Такая практика улучшила медицинское обслуживание детей и подростков.

С 1950 г. вводится участковый принцип противотуберкулезной помощи населению. Для этого территория Краснодарского края была поделена на участки – сектора обслуживания. Например, г. Армавир был так разделен на части, что способствовало систематизации проводимой лечебной и профилактической работы. С 1949 г. впервые проводится ревакцинация школьников. Наряду с ежегодной вакцинацией против туберкулеза новорожденных, она стала с этого времени надежным барьером от распространения этой опасной болезни. Также, благодаря усилиям врачей и комплексу профилактических мер, снижается количество зараженных венерическими болезнями. Эта тенденция наблюдается в Краснодарском крае с 1947 года, а уже к 1951 году такие заболевания сводятся к единичным случаям.

ИСТОРИЯ

В начале 1950-х гг. в Краснодарском крае продолжается как восстановление и расширение старых медицинских учреждений, как и строительство новых. В частности, в г. Краснодаре к 1952 г. количество больниц увеличилось с 4 до 13, с числом койко-мест в них с 1190 до 1856. К этому времени краевой центр имел уже три родильных дома. Всего же в Краснодарском крае сеть больничных учреждений увеличилась с 8899 койко-мест в начале четвертой пятилетки до 10523 по итогам 1951 года. Количество врачей увеличилось за это время на 653 человека, а число врачебных должностей – на 310 [12, с. 187].

Планы восстановления и развития городов Кубани, включая вопросы, связанные со здравоохранением, рассматривались и утверждались на самом высоком государственном уровне. Так, в 1952 году Совет Министров СССР рассмотрел вопрос о дальнейшем развитии г. Анапы: намечено было строительство новых санаториев, домов отдыха и пионерских лагерей [20, с. 19]. В целях обеспечения медицинских учреждений всем необходимым, увеличивалось производство необходимых им аппаратуры, инструментов и лабораторного оборудования, росло производство современных медикаментов [23, с. 3]. Все это, конечно, положительно влияло на качество медицинского обслуживания. Для обобщения и распространения передового опыта и знаний наиболее квалифицированных медицинских работников по всему Краснодарскому краю была создана сеть научных обществ врачей. Целью данных организаций объявлялось: «...подхватывать, обобщать, рекомендовать для широкого пользования все ценное из опыта лечебных учреждений и отдельных врачей, продвигать достижения новаторов – медицинских работников; поднимать идейно-политический уровень врачей, знакомить их с новейшими достижениями советской медицинской науки» [24, с. 3]. Эти общества включали большую часть медицинских работников края. Например, в Армавирском научном обществе к марту 1952 года состояло 103 человека, при этом всего в городе было 167 муниципальных врачей (были еще медицинские работники, относящиеся к железнодорожному узлу).

Итак, в период 1945-1953 гг. в Краснодарском крае развернулось масштабное восстановление, а затем совершенствование системы здравоохранения. Во многих городах были восстановлены, расширены и построены медицинские учреждения. Принимались меры для организации всеобщего медицинского обслуживания, действовала система профилактики заболеваний (ревакцинации, просветительские работы, противовирусные станции и т.д.). Увеличивалось число медицинского персонала и количество больниц, поликлиник, санаториев и т.д. Но существовал ряд негативных факторов, которые в основном были связаны с тяжелыми условиями послевоенного периода, а также с недостатком квалифицированных кадров. Но, в целом, медицинское обслуживание, в первую очередь в городах региона, было поднято на вполне приемлемый уровень за сравнительно короткий промежуток времени.

Литература и источники

1. Щетнёв В.Е., Смородина Е.В. История Кубани. XX век. - Краснодар: Перспективы образования, 2001.
2. Очерки истории Краснодарской организации КПСС. - Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1966.
3. Архивный отдел администрации г. Армавира (АОАА). Ф. 1271. Оп. 1. Д. 100.
4. Екатеринодар – Краснодар. 1793-1993 гг. - Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1993.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 1395. Оп. 1. Д. 203.
6. Мазанов М. Дом учителя // Армавирская коммуна. - 1949. - 6 мая.
7. Краснодар: исторический очерк / Сост. Л.А. Солдухин и др. - Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1968.
8. Больше внимания детским учреждениям // Армавирская коммуна. - 1948. - 6 июля.
9. Внимание дошкольному воспитанию // Армавирская коммуна. - 1948. - 13 октября.
10. Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1950 г. // Армавирская коммуна. - 1951. - 30 января.
11. Сидоров Е.М. Земля Тихорецкая. - Краснодар: Тихорецкие вести, 1995.
12. Хрестоматия по истории Кубани (1917-1967 гг.): Документы и материалы / Под ред. Г.П. Иванова. - Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1982. - Т.2.
13. Собрание краевого коммуналтива по вопросам народного образования // Армавирская коммуна. - 1951. - 7 января.
14. ГАКК. Ф. 1378. Оп. 1. Д. 316.
15. История советского рабочего класса / Под ред. В.Б. Тельпуховского. - М.: Наука, 1988. - Т. 4.
16. ГАКК. Ф. 1246. Оп. 3. Д. 680.
17. Когда дадут свет в глазную больницу? // Армавирская коммуна. - 1947. - 1 апреля.
18. Дятлерёв А. Улучшить работу рентген кабинетов // Армавирская коммуна. - 1947. - 11 апреля.
19. Зверев К. Горячий Ключ. - Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1984.
20. Курбацкий В.И. Анапа. - Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1985.
21. ГАКК. Ф. 1395. Оп. 1. Д. 203.
22. АОАА. Ф. 1271. Оп. 1. Д. 119.

23. Об итогах выполнения государственного плана развития народного хозяйства СССР в 1950 г. // Армавирская коммуна 1951. - 30 января.
24. Мазанов М. Ближе к людям, к жизни ближе // Армавирская коммуна. - 1952. - 9 марта.

References and Sources

1. Shchetnyov V.E., Smorodina E.V. Istoriya Kubani. XX vek. - Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya, 2001.
2. Ocherki istorii Krasnodarskoj organizacii KPSS. - Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966.
3. Arhivnyj otdel administracii g. Armavira (AOAA). F. 1271. Op. 1. D. 100.
4. Ekaterinodar – Krasnodar. 1793-1993 gg. - Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1993.
5. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. 1395. Op. 1. D. 203.
6. Mazanov M. Dom uchitelya // Armavirskaya kommuna. - 1949. - 6 maya.
7. Krasnodar: istoricheskij ocherk / Sost. L.A. Soloduhin i dr. - Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968.
8. Bol'she vnimaniya detskim uchrezhdeniyam // Armavirskaya kommuna. - 1948. - 6 iyulya.
9. Vnimanie doskol'nomu vospitaniyu // Armavirskaya kommuna. - 1948. - 13 oktyabrya.
10. Ob itogah vypolneniya gosudarstvennogo plana razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR v 1950 g. // Armavirskaya kommuna. - 1951. - 30 yanvarya.
11. Sidorov E.M. Zemlya Tihoreckaya. - Krasnodar: Tihoreckie vesti, 1995.
12. Hrestomatiya po istorii Kubani (1917-1967 gg.): Dokumenty i materialy / Pod red. G.P. Ivanova. - Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. - T.2.
13. Sobranie kraevogo kommunaktivna po voprosam narodnogo obrazovaniya // Armavirskaya kommuna. - 1951. - 7 yanvarya.
14. GAKK. F. 1378. Op. 1. D. 316.
15. Istoriya sovetskogo rabocheho klassa / Pod red. V.B. Tel'puhovskogo. - M.: Nauka, 1988. - T. 4.
16. GAKK. F. 1246. Op. 3. D. 680.
17. Kogda dadut svet v glaznuyu bol'nicu? // Armavirskaya kommuna. - 1947. - 1 aprelya.
18. Dyagteryov A. Uluchshit' rabotu rentgen kabinetov // Armavirskaya kommuna. - 1947. - 11 aprelya.
19. Zverev K. Goryachij Klyuch. - Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984.
20. Kurbackij V.I. Anapa. - Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985.
21. GAKK. F. 1395. Op. 1. D. 203.
22. AOAA. F. 1271. Op. 1. D. 119.
23. Ob itogah vypolneniya gosudarstvennogo plana razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR v 1950 g. // Armavirskaya kommuna 1951. - 30 yanvarya.
24. Mazanov M. Blizhe k lyudyam, k zhizni blizhe // Armavirskaya kommuna. - 1952. - 9 marta.

ПЕЛИХ АЛЕКСЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (pelich1976@mail.ru).

ПРОТАСОВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – учитель средней общеобразовательной школы №10 г. Армавира.

PELICH, ALEXEY L. – Doctor of History, Professor of the Department of General and National History of Armavir State Pedagogical University (pelich1976@mail.ru).

PROTASOVA, IRINA V. – teacher of secondary school No. 10 in Armavir (irina-pro00@mail.ru).

УДК 94(47).«195»:930.86

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-142-150

КИСЕЛЕВ А.Г.

ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРНЫХ ПЕДУЧИЛИЩ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОТРУДНИКОВ МИНПРОСА РСФСР СЕРЕДИНЫ 1950-х ГОДОВ

Ключевые слова: национальная образовательная политика и школа Севера, национальное педагогическое училище, родной язык, руководители Министерства просвещения РСФСР, эксперты, директора педагогических училищ.

В статье исследуются представления сотрудников Министерства просвещения РСФСР о работе педагогических училищ северных округов Республики – основного поставщика учительства национальной начальной школы. На основе анализа стенограммы совещания 27-29 апреля 1955 г. в Минпросе выявлены разные уровни информированности, понимания приоритетов в отношении проблем северной школы. Наблюдения и выводы проливают свет на особенности северного педагогического дискурса, место и роль в нем министерских руководителей и экспертов, в конце концов, помогают понять причины, вполне обнаружившейся к середине 1950-х гг. неустойчивости курса поддержки национальной школы Севера.

KISELEV, A.G.

PROBLEMS OF NORTHERN PEDAGOGICAL SCHOOLS IN THE REPRESENTATIONS OF EMPLOYEES OF THE RSFSR MINISTRY OF EDUCATION IN THE MIDDLE 1950s

Key words: national educational policy and the school of the North, national pedagogical school, native language, leaders of the Ministry of Education, experts, directors of pedagogical schools.

The article examines the views of employees of the Ministry of Education of the RSFSR on the work of pedagogical schools in the northern districts of the Republic – the main supplier of teachers for the national elementary school. Based on the analysis of the transcript of the meeting on April 27-29, 1955, the Ministry of Education revealed different levels of awareness, understanding of priorities in relation to the problems of the northern school. Observations and conclusions shed light on the features of the northern pedagogical discourse, the place and role of ministerial leaders and experts in it, and, in the end, help to understand the reasons for the completely revealed by the mid-1950s. instability of the support course of the national school of the North.

Политика – есть результат взаимодействия и борьбы, произрастающей из разницы определенным образом понимаемых ценностей и интересов [1, с. 104; 2, с. 13]. Этим объясняется актуальность избранной темы. Новизна её связана не только с фактом отсутствия работ, анализирующих представления сотрудников Министерства просвещения РСФСР о национальной

ИСТОРИЯ

северной школе середины 1950-х гг., но и с непреодоленной еще традицией освещать политику, в том числе национальную, образовательную как единые действия правительства и его агентов на местах. Образ мыслей руководителей в этом случае представляется монолитным, а причины коррективки и смены курса видятся обычно в изменившихся обстоятельствах.

В массиве литературы о сфере советского образования, образовательной политике, в том числе, о подготовке учителей отметим три группы наиболее близко стоящих к нашей теме работ. В первую включим труды по истории советской, в том числе национальной школы [3, с. 173-242; 4-6; 7, с. 175-226]. Во вторую – статьи, посвященные вопросам управления образованием, взаимодействия органов и учреждений отрасли [8-10]. Их хронологические границы не всегда совпадают, использованы они преимущественно в качестве источника информации ретроспективного, контекстного свойства и образцы исследования истории образования как истории борьбы идей и проектов. Третью группу составляет литература о национальной школе Севера, в том числе педагогических училищах послевоенного времени [11, с. 90-107; 12-15; 16, с. 310-325; 17; 18, с. 128-208].

Изучение представлений местных работников народного образования [19; 20] предполагает исследование и взглядов деятелей Минпроса, а также Академии педагогических наук, Института народов Севера. Характеристика роли сотрудников министерства в «дискурсе» совещания на отдельных примерах дает возможность за общим подходом руководства национальным педагогическим образованием увидеть порождающие и поддерживающие его векторы – отдельные позиции, суждения, настроения «вокруг» северных педучилищ, – основных поставщиков учительства национальной начальной школы. Цель статьи – характеристика поведения названных акторов в ходе апрельского совещания 1955 г., их представлений о состоянии педучилищ и национальной образовательной политике на Севере в целом.

Основным источником послужили три тома [21-23] стенограммы совещания о педучилищах Севера 27-29 апреля 1955 г. В первых двух заключены выступления директоров и заведующих облоно, в третьем – итоговые выступления некоторых директоров, а также сотрудников Минпроса, Академии педагогических наук, Института народов Севера. Интересны, прежде всего, вопросы и реплики представителей министерства, а также их выступления. К сожалению, стенограмма оборвана: первый том – на выступлении директора педучилища Салехарда В.П. Карса, третий – на выступлении инспектора министерства Ф.Ф. Кронгауз. По этой же причине не удалось познакомиться и с заключительным выступлением председательствовавшего 29 апреля И.Е. Кубарева. Изучены и другие аналогичные материалы Минпроса раннего времени – приказы, протоколы заседаний коллегии 1945-1954 гг.

Наряду с общенаучными методами, использованы методы работы с текстом, в том числе количественный, метод интерпретации, ретроспекции. Хронологические рамки работы определяются значимостью середины 1950-х гг. в истории как советского Севера и его коренных народов (канун индустриализации, политика создания крупных поселков) [24, с. 7], так и образования и просвещения северян (развитие проекта национальной школы и усиление борьбы вокруг него) [16, с. 310-325; 14, с. 582-583].

На названном совещании председательствовали руководящие работники Минпроса А.Г. Орлов, А.Г. Наумов, И.Е. Кубарев. При этом, если оставить за скобками формулировку темы, в коммуникативном отношении инициатива принадлежала не им. С докладами выступали местные руководители, и только в последний день 29 апреля слово, наряду с директорами педучилищ, было предоставлено сотрудникам министерства. В итоге, выступили его инспектор, сотрудники Академии педагогических наук и Института народов Севера. Высказался и председательствующий И.Е. Кубарев.

Ведомый характер представительства министерства на совещании выразился и в смене председателей на заседаниях, и в характере вопросов, адресованных докладчикам министерскими работниками и экспертами, зачастую риторических, уточняющих, закрытых, предполагающих односложный ответ: «А средством общения является русский язык?» [21, с. 21] / «А они умеют играть на скрипке?» [21, с. 29] / «У вас и коми учат язык ненцев?» [21, с. 50].

В стенограмме двух первых дней работы 27-28 апреля налицо более 130 вопросов и реплик. При этом из сотни вопросов (в наличествующих листах стенограммы – 102) к категории с указанными особенностями относилась половина (53). Вторую половину составляли вопросы

открытого типа, подразумевавшие неоднозначный, содержательный ответ: «У меня один вопрос к Вам: в отношении вопроса о передаче педагогического училища непосредственно в ведение Окрона? Это правильно?» [22, с. 29] / «Как Вы представляете себе эту реформу?» [22, с. 56]. Именно подобные вопросы могли быть инструментом направления разговора в определенное русло, вопросы закрытые, равно как реплики, могли влиять на ход выступлений докладчиков лишь в случае их применения «сериями», один за другим.

Количественный анализ показывает, что именно, в какой степени интересовало сотрудников Минпроса в положении северных педучилищ. Большинство вопросов и реплик (27) были связаны с проблемами родного языка, прежде всего, отношения к нему русских учащихся [21, с. 19, 132; 22, с. 32-33], знания языка преподавателями [21, с. 62, 74, 135; 22, с. 41], а также с выбором языков для изучения в каждом конкретном педагогическом училище [21, с. 50, 52, 88, 103]. Злободневным представлялся далее вопрос набора в педучилища (20 вопросов и реплик) полнота раскрытия которого докладчиками, очевидно, не удовлетворяла, прежде всего, резолютивной слабостью – половина вопросов была посвящена планированию в соответствии с этническим, языковым составом населения [21, с. 50, 52, 88, 103, 106, 107; 22, с. 33]. Чуть меньше внимания уделили спрашивающие учащимся – будущим учителям (17 вопросов), при этом 6 вопросов были связаны с национальным и языковым составом классов и групп [21, с. 106, 107, 122; 22, с. 60, 64]. 16 вопросов и реплик посвящались теме управления педучилищами, половина из них – отношения с областными и окружными отделами народного образования [21, с. 69, 102; 22, с. 29, 31]. В части организации учебного процесса министерских работников более всего интересовало наличие на местах учебных программ и литературы (13 вопросов) [21, с. 25, 27-29, 100, 102, 132; 22, с. 22, 66], организация базовой школы и практики (10 вопросов) [21, с. 30, 31, 42, 118, 130, 131, 135; 22, с. 33, 34].

В целом, тематика вопросов была тождественна содержанию докладов местных руководителей за одним исключением. На периферии внимания оказалась значимая для директоров педучилищ тема преподавательских кадров (всего 6 вопросов) [21, с. 74; 22, с. 13].

От описания «средней картины» обратимся к анализу отдельных эпизодов коммуникации, рассмотрим вопросы и ответы как в ходе докладов, когда вопросы и реплики могли оказать на него влияние, так и во время дискуссии после докладов, когда спрашивающие имели возможность побудить докладчиков откорректировать / дополнить картину, а также сообщить таким образом собственные соображения и оценки.

Начнем с диалога председательствовавшего 27 апреля А.Г. Орлова и первого докладчика – директора Ханты-Мансийского педучилища Г.Т. Величко. После рассказа последнего о трудностях набора учащихся из отдаленных районов округа, председатель собрания спросил: «Следовательно, можно сделать вывод, что ваше педагогическое училище свою основную задачу – подготовку учителей из коренного населения решает неудовлетворительно?» [21, с. 5]. С позиций докладчика вопрос был неуместным. Доклад только начался. Величко вынужден был отклониться от заготовленного текста, объясняя причины неудачи нецелевого распределения выпускников [21, с. 6]. Понято, что ответ не выглядел исчерпывающим, сюжет о проблемах распределения, запланированный докладчиком, был озвучен им позднее. С позиций спрашивающего за вопросом могло стоять более широкое содержание, – установка докладчикам на критически-деловой подход к предмету. Возможна и психологическая подоплёка – А.Г. Орлов в начале работы заявлял о себе в качестве председательствующего.

Следом он задал еще один вопрос такого же свойства: «А какие же, по вашему, меры нужно провести и училищу, и нам, и области, и округу с тем, чтобы решить задачу о подготовке учителей из коренных национальностей более удовлетворительно. Что делать?» [21, с. 6]. Заместитель министра, таким образом, требовал деловитости, давая при этом еще одну установку – на дружную, системную работу всех заинтересованных сторон. Но сам вопрос носил настолько масштабный характер, что ответом на него мог стать только отчет директора в целом. Величко, только что парировавший первый вызов, со вторым не справился, вновь обратился к теме выпуска, сообщив, что количество выпускников растет. Видимо осознавая общий характер своего вопроса Орлов «снял» его репликой: «Тенденция сейчас идет более благоприятная» [21, с. 7].

В приведенном примере налицо попытка руководителя, возможно не вполне осознанная, с помощью вопросов задать совещанию некоторые направления, общим знаменателем которых

ИСТОРИЯ

была деловитость, кооперация усилий и инициатива. И если с первой интенцией заместитель министра «ломился в открытую дверь», то вторая действительно была актуальной и для директоров, и для органов власти и народного образования на местах, тогда как инициативность для директоров училищ неизменно требовала, по их мнению, санкции министерства [21, с. 112].

Следующий пример – короткий диалог И.Е. Кубарева с директором Игарского педучилища А.М. Ляпустиным, завязавшийся вокруг темы планирования набора в прениях после доклада последнего 27 апреля:

«Тов. Кубарев: Относительно разработки перспективного плана потребности в учителях, ставился ли раньше этот вопрос или нет?

Тов. Ляпустин: Никогда не ставился. Мы варились в собственном соку.

Тов. Кубарев: Вы чувствуете необходимость решения этой проблемы?

Тов. Ляпустин: Когда я послал в Министерство по этому поводу документ и стал собирать материалы, написал Жуковскому и Матюшко, – они даже не ответили.

Тов. Кубарев: У вас есть учителя с высшим образованием, работавшие раньше в начальной школе, знающие родной язык?» ...» [21, с. 108-109].

В отношении планирования Игарское (наряду с Николаевским-на-Амуре) училище находилось в наиболее сложном положении, так как обслуживало два национальных округа – Эвенкийский и Таймырский [22, с. 77]. Очевидно, вопрос Кубарева не был вполне корректным, его уместнее было ставить перед органами народного образования округов. Понятно также и то, что ответ Ляпустина компрометировал министерство и Кубарев предпочел тему планирования – важную тему – в данный момент не развивать.

Еще одна, заслуживающая внимания мини-дискуссия имела место 28 апреля между председательствовавшим А.Г. Наумовым и одним из директоров (в тексте стенограммы реплики последних маркированы «с места»):

«Председатель: У меня один вопрос к Вам: в отношении вопроса о передаче педагогического училища непосредственно в ведение Окроно. Это правильно?

С места: Нет, я противник. Мы в достаточно хороших отношениях с Окроно и Облоно, а тогда нас будут постоянно урезать в бюджете, потому что у Окроно много своих надобностей.

Председатель: По-моему, округу Вы ближе и роднее, он должен больше заботиться о вас и помогать.

С места: А кто в Окроно? Там один заведующий и больше никого. Другое дело в вопросах контроля» [22, с. 29].

Если в первом случае с Орловым и Величко председатель стремился задать настроение и важные, по его мнению, направления, а директор отвечал не попадая, потому что кратко ответить по существу заданных вопросов не было возможности, а во втором случае Кубарев не смог должным образом завершить диалог по насущному вопросу планирования, то в третьем, несмотря на разность позиций, обмен мнениями между Наумовым и неизвестным способствовал выяснению одного из аспектов взаимоотношений между педучилищем, с одной, и местными органами народного образования – с другой. Вопрос о педучилище в системе управления народным образованием на местном уровне, как минимум, нуждался в дальнейшем изучении.

Описанные примеры показывают: в разбиравшихся вопросах уровень профессиональной компетенции министерских сотрудников уступал их местным визави. Задать тон, сформулировать общие принципы, актуализировать направления работы руководящие работники Минпроса могли, а вот знания реальностей на местах и даже в «собственном доме» подчас не хватало.

Приведем еще один характерный в последнем отношении диалог, случившийся сразу после доклада Г.Т. Величко между ним и профильным министерским работником Мошковским:

«Мошковский: Почему вы непременно хотите по плану нерусских, а по программам русских (училищ)? О русском языке мы договорились частным образом, как составить программу по русскому языку, а по другим предметам?

Величко: Других программ нет. В училище работают только по русской <...> Часов меньше, некоторые вопросы опущены.

Относительно нормы оценок. Нормы оценок нужно каким-то образом предусмотреть. Для нерусских педучилищ мы имеем нормы оценок.

ИСТОРИЯ

Мошковский: Почему Облоно не внес необходимых изменений? Мы дали им право. Облоно и крайно, и административные (так в тексте – верно автономные) республики вносят требующиеся изменения, учитывая местные особенности» [21, с. 31].

Профильный работник не знал того, что учебных программ для педучилищ народов Севера не существует (!). Ссылался на местные органы народного образования, оставляя без ответа вопрос о нормах оценок, регулировавшийся министерской инструкцией.

Действительно, ведущей стороной этого дискурса были местные работники. Анализ их выступлений 27-28 апреля показал всю сложность положения национальной северной школы, в целом, а также насущные проблемы педучилищ – в частности.

Многоязычный состав учащихся, диалектные различия в языках и, как следствие, смешанные в языковом отношении классы [21, с. 3-4, 35, 56, 81-82; 16, с. 321; 18, с. 110-112, 116-122, 135] затрудняли преподавание на родном языке учащихся, что пагубно сказывалось на начальном этапе образования детей, не знакомых с русским языком. Это, наряду с другими причинами социального порядка, приводило к тому, что в 5-7 классах учебу продолжали немногие, что, в свою очередь, обуславливало недобор и невысокое качество подготовки принимаемых в педагогические училища учащихся [21, с. 79, 123-124; 22, с. 10, 58; 16, с. 315-316; 18, с. 95].

На преподавании в училищах, наряду с отмеченными диалектными различиями и смешанным в языковом отношении составом классов, отрицательно сказывались невнимание к научению разговорной речи, отсутствие методик, текучесть кадров преподавателей языка, дефицит необходимой школе учебной литературы [21, с. 15, 19-20, 21, 23-24, 37-38, 58-61, 64, 89-90, 96, 97, 104; 22, с. 19, 34, 40, 70].

Круг замыкался – в национальную школу приходило мало квалифицированных учителей, знающих родной язык детей [21, с. 9-10, 46-47, 50, 52, 74], тем более что лучших выпускников зачастую забирали из школы советские и партийные органы [21, с. 6, 47, 111-112; 22, с. 4-6].

Положение дел на местах в значимых деталях по отдельным округам, не было вполне известно руководству: «Министерство просвещения педагогическим училищам уделяло недостаточно внимания», – самокритично признавалась Ф.Ф. Кронгауз [23, 72]. Благодарность в словах председателя собрания 28 апреля А.Г. Наумова, адресованных директорату («И за то, что вы в своих докладах раскрыли много того, что нам не было известно, вам большое спасибо» [22, с. 66]) – не просто этикетная формула. Вместе с тем замысел совещания состоял отнюдь не в том, «чтобы проинформироваться, как дело обстоит на месте, но главным образом, чтобы решить некоторые вопросы», – заявил тот же Наумов [22, с. 67]. Вопрос А.Г. Орлова «что делать?» приобрел у него форму программы из 5 пунктов, включая материально-финансовую поддержку, планирование этноязыкового состава контингента учащихся, инвентаризацию изданной на родных языках литературы с привязкой к каждому педучилищу, организацию теплиц и мастерских и улучшение руководства училищем [22, л. 67]. «Не языком единым», ведомственные, учрежденческие потребности несколько потеснили политику. Как и для директоров [20, с. 354], для руководителей министерства, педагогические училища были важны, в том числе сами по себе, так сказать, помимо их национального статуса и культурной миссии.

Однако этот подход разделялся не всеми. Сильная сторона кадровой политики заключалась в наличии в министерстве уникальных специалистов, в том числе исследователей и практиков северного образования (Ф.Ф. Кронгауз, Д.П. Корж [16, с. 319; 18, с. 138]), в привлечении к обсуждению проблем в качестве экспертов сотрудников Академии педагогических наук, Института народов Севера (Г.Н. Никулина, Л.А. Варковицкой, З.Н. Куприяновой, К.Ф. Хватай-Мухи и др.). Их выступления фактически сломали предложенную А.Г. Наумовым повестку дня, в чем неожиданным образом поучаствовал и председательствовавший 29 апреля И.Е. Кубарев. Вместо пяти вопросов, он, скорее всего после кулуарного обсуждения, поставил перед собравшимися один: какие языки изучать [23, л. 1]. Формально этноязыковой, по существу вопрос показался некоторым участникам элементарным. Исчерпывающий ответ сформулировал Д.П. Корж: «определяется это наличием письменных языков на Крайнем Севере. Мы их имеем 9, сейчас прибавилось еще 2». Что же касается иных «надо будет обязать учителя усвоить основы этого языка и использовать в преподавании, сколько окажется ему по силам» [23, л. 30].

Можно сказать, что участники дискуссии 29 апреля почти не заметили вводного кубаревского вопроса, говорили о том, что волнует: о различных аспектах методики преподавания,

взаимоотношений училища, школы с органами народного образования, местными организациями, партийным руководством, о связи педучилищ с выпускниками, о продуктивности работы Института народов Севера.

Анализируя выступления местных работников, мы отмечали заметное доминирование логического (информационно-аналитического) над этическим и пафосным (ценностно-смысловым) началами [20, с. 354]. Объективным сложностям осуществления проекта национальной северной школы директорат, наряду с усилиями методического характера, пытался противопоставить меры планирования, подбора кадров, улучшения условий учебы и проживания учащихся и т.п. Всё было «правильно», но шатко – и не только из-за бедности ресурсов и возможных просчетов, но, главным образом из-за выхолащивания революционного духа «политического априори», сталинской формулы культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию». Характерно, что слово ‘культура’ в стенограмме было упомянуто всего три раза, при этом однажды в негативном значении, как ‘архивные данные’ = ‘пережитки прошлого’ [20, с. 353-354].

Главными защитниками национальной школы показали себя именно эксперты, признанные «северники». Ф.Ф. Кронгауз – автор известной апологетической книги о северной школе [25], четко сформулировала лично близкую ей установку, в которой отчетливо просматривается: а) политическая направленность, б) понимание школы как важнейшего элемента советской культуры:

а) «Мы имеем недостатки, о которых здесь говорили, в работе национальных школ. И не просто недостатки, а невыполнение закона о всеобуче, отсутствие национальных кадров и больше того, вообще отставание в отношении массовой, культурной, политической работы с населением районов Севера» [23, л. 72];

б) «Это совещание поможет внести полную ясность в дальнейшие перспективы развития культуры народов Севера» [23, л. 72] и далее «У населения настроения очень отсталые, никто к ним на их родном языке не старается привить других настроений и имеются настроения против школы, и не только школы» [23, л. 78].

Подводя итоги, отметим:

1) Модерирование совещания министерскими руководителями выступало в виде не всегда удачных, зачастую односложных или напротив, слишком общих вопросов и реплик, в попытках определения тона и направлений разговора при отсутствии, во всяком случае, видимой согласованности в разные дни совещания;

2) при описанной роли ведущего из министерских руководителей, по существу, главную роль местных работников и экспертов в ходе совещания;

3) разный уровень информированности, профессиональной компетентности у сотрудников Минпроса, прежде всего, у руководителей, с одной стороны, и экспертов – с другой;

4) эпизодически заметное преобладание ведомственности над политикой в позициях большинства участников совещания – педучилища воспринимались, прежде всего, как средние учебные заведения, и только во вторую очередь, как национальные северные;

5) ситуационно-практический подход к делу, слабое влияние культурной политической установки, близко принимавшейся только некоторыми экспертами.

В порядке обсуждения ограничимся тремя соображениями, могущими стать предметом дискуссии.

Начнем с вопроса о преемственности. Проблемы совещания 1955 г. не раз рассматривались и прежде. Так, например, 13 июля 1946 г. появился приказ № 467 «О мероприятиях по улучшению работы школ народностей Крайнего Севера». В качестве поставленных, но нерешенных проблем в нем фигурировали: обучение учителей национальных школ и учащихся педучилищ родному языку, организация снабжения национальных школ учебниками, учреждение при училищах национальных начальных школ для прохождения производственной практики [26, л.л. 1-2].

12-13 мая 1948 г. работа школ Крайнего Севера обсуждалась на коллегии министерства. Министр А.А. Вознесенский недвусмысленно высказался за превращение северных училищ в по-настоящему национальные учебные заведения [27, л. 20]. В 1949 г. на свет появился очередной приказ об обучении учителей, также оставшийся не реализованным [23, л.л. 28-29].

5 сентября 1950 г. коллегия министерства вновь констатировала распространение в начальных классах преподавания на незнакомом детям русском языке, дефицит знающих язык учителей, отсутствие каких-либо результатов в части их обучения, самоустранение органов народного образования от решения проблем северной школы [28, л.л. 6-7].

Административного ресурса для исполнения этих и других аналогичных решений у Министерства не доставало? Унифицированная система управления народным образованием на уровне северных округов не срабатывала? У коренных народов (у Ю.Л. Слѣзкина «последние среди равных» [29, с. 345]) не было стремления и / или возможностей оказывать соответствующее влияние на школьную политику «на земле»? Вопрос о причинах беспомощности Минпроса нуждается в отдельном изучении.

Теперь о роли идеологии в развитии советского общества 1950-х гг.

1) Середина десятилетия – начало «оттепели», страх отпускает, прежние символы тускнеют, перестают освящать, во всяком случае, некоторые проекты революционных 30-х. В полной мере это относится к северной школе. О сталинской культуре «национальной по форме и социалистической по содержанию» забывают. Не все. Незаметно выпадающей из mainstream'a идеологеме остаются верны ее рыцари без страха и упрека, ее Донкихоты, в том числе деятели просвещения, отдавшие служению советизации Севера лучшие годы своей жизни. Этот тип воплощен в фигурах Ф.Ф. Кронгауз и Д.П. Коржа.

Чиновники все более становятся чистыми прагматиками, в еще большей степени прагматизм поражает местных руководителей, за исключением лишь немногих – отдельных директоров и учителей, которые стоят слишком близко к учащимся, к этнокультурной почве, отдаются работе по совести, но и они постоянно сталкиваются с бедностью и предельной сложностью правильной организации обучения. Им не до идеологии. И это пусть далекий и слабый, но предвестник краха не только отдельных проектов, но и советизма, как такового.

2) Традиционно просвещенческим как для советской, так и для либеральной историографии является противопоставление прогресса и реакции, освещаемых определенными программами. Сталинская реформа культуры признавала за ней право быть национальной, пусть только по форме. Поэтому, несмотря на критику, во многом справедливую (этническая традиция подлежала уничтожению), следует признать, что в условиях быстрой интернационализации Севера в середине 1950-х гг. вышеназванная идеологема оказалась щитом в руках министерских «северников», защищавших школу коренных народов от ассимиляции.

Литература и источники

1. Гончаров В.Н. Понятие и особенности политических процессов // Система ценностей современного общества. - 2012. - № 22. - С. 101-108.
2. Калеменева Е.А. «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950-1960-е гг. Резюме дис. ... канд ист. наук. - М., 2019. - 35 с.
3. Аманжолова Д.А., Красовицкая Т.Ю. Культурная сложность Советской России: идеология и практики управления. 1917-1941 гг. - М.: Новый хронограф, 2020. - 384 с.
4. Ендовицкий С.Н. Социально-педагогические проблемы становления и развития национальной школы. На материале школ коренных малочисленных народов Севера. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. - М., 2001. - 21 с.
5. Красовицкая Т.Ю. Модернизация российского образовательного пространства. От Столыпина к Сталину (конец XIX века – начало (20-е годы) XX в.). - М.: Новый хронограф, 2011. - 680 с.
6. Половецкий С.Д., Милованов К.Ю. Основные направления и механизмы реализации отечественной образовательной политики (первая половина XX века). - М.: МПГУ, 2021. - 160 с.
7. Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Красовицкая Т.Ю., Тихонов В.В. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. - М.: Новый хронограф, 2021. - 576 с.
8. Алмаев Р.З. Обеспечение кадрами советских школ Южного Урала в послевоенный период (1945-1956 гг.) // Вестник РУДН. Серия История России. - 2018. - Т. 17. - № 4. - С. 914-941.
9. Гуркина Н.К. Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развития образовательной системы) // Управленческое консультирование. - 2020. - № 10. - С. 146-156.
10. Пашенцев Д.А., Ладнушкина Н.М., Феклин С.И. Становление нормативных основ государственного контроля качества образования в республиканский период российской истории // Образование и право. - 2018. - № 6. - С. 239-243.
11. Городенко Д.В. Образование народов Севера как фактор развития поликультурного пространства региона (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). - Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2013. - 143 с.
12. Кирилук Д.В. Национальный состав учителей Югры в 1945-1953 гг. // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945-1950-е гг.). Сб. науч. ст. - Екатеринбург: Альфа Принт, 2020. - С. 127-145.
13. Кирилук Д.В. Обучение родному языку учащихся ханты и манси в национальных школах Югры в середине 1940-х – середине 1960-х годов // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Е. Ф. Фурсова. - Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. - С. 505-508.
14. Киселев А.Г., Онина С.В. Национальная – нерусская – русская: школа Югры в 40–50х годах XX века // Вестник угроведения. - 2019. - Т. 9. - № 3. - С. 577–587.

ИСТОРИЯ

15. Просвещение на Советском Крайнем Севере. Из истории развития просвещения народов Крайнего Севера. - Вып. 8. - Л.: Гос. учебно-методическое изд-во Минпроса РСФСР, Ленинградское отд., 1957. - 490 с.
16. Севильгаев Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. - Л.: «Просвещение», 1972. - 423 с.
17. Файзулина Н. К. Школьное образование в Западной Сибири в середине 1950-х – середине 1960-х гг. (на материалах Омской, Томской и Тюменской областей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Тюмень, 2010. - 22 с.
18. Чумак Е.Г. Становление и развитие системы образования обско-угорских народов Северо-Западной Сибири в 1920-1950-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Тюмень, 2008. - 22 с.
19. Киселев А.Г., Онина С.В. История Ханты-Мансийского национального педагогического училища: опыт источниковедческого прочтения // Вестник угроведения. - 2019. - Т. 9. - № 1. - С. 167-183.
20. Киселев А. Г., Онина С. В. Северная школа в представлениях местных руководителей образования середины 1950-х гг. // Вестник угроведения. - 2022. - Т. 12. - № 2. - С. 347-357.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 73. Д. 1283.
22. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 73. Д. 1284.
23. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 73. Д. 1285.
24. Стась И.Н., Кирилук Д.В., Иванов А.С. Конкретно-исторический подход в изучении Югры 1945-1950-х гг. // Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945-1950-е гг.). Сб. науч. ст. - Екатеринбург: Альфа Принт, 2020. - С. 3-9.
25. Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. - М.: Учпедгиз, 1948. - 124 с.
26. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 281.
27. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 215.
28. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 71. Д. 558.
29. Слёзкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. - М.: Новое литературное обозрение, 2017. - 512 с.

References and Sources

1. Goncharov V.N. Ponyatie i osobennosti politicheskikh processov // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. - 2012. - № 22. - S. 101-108.
2. Kalemeneva E.A. «Povorot k cheloveku» v proektah i praktike urbanizacii Krajnego Severa SSSR v 1950-1960-e gg. Rezyume dis. ... kand. ist. nauk. - M., 2019. - 35 s.
3. Amanzholova D.A., Krasovickaya T.Yu. Kul'turnaya slozhnost' Sovetskoy Rossii: ideologiya i praktiki upravleniya. 1917-1941 gg. - M.: Novyj hronograf, 2020. - 384 s.
4. Endovickij S.N. Social'no-pedagogicheskie problemy stanovleniya i razvitiya nacional'noj shkoly. Na materiale shkol korennykh malochislennykh narodov Severa. Avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. - M., 2001. - 21 s.
5. Krasovickaya T.Yu. Modernizatsiya rossijskogo obrazovatel'nogo prostranstva. Ot Stolypina k Stalinu (konec XIX veka – nachalo (20-e gody) XX v.). - M.: Novyj hronograf, 2011. - 680 s.
6. Poloveckij S.D., Milovanov K.Yu. Osnovnye napravleniya i mekhanizmy realizacii otechestvennoj obrazovatel'noj politiki (pervaya polovina XX veka). - M.: MPGU, 2021. - 160 s.
7. Amanzholova D.A., Drozdov K.S., Krasovickaya T.Yu., Tihonov V.V. Sovetskij nacional'nyj proekt v 1920–1940-e gody: ideologiya i praktika. - M.: Novyj hronograf, 2021. - 576 s.
8. Almaev R.Z. Obespechenie kadrami sovetskikh shkol Yuzhnogo Urala v poslevoennyj period (1945-1956 gg.) // Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii. - 2018. - T. 17. - № 4. - S. 914-941.
9. Gurkina N.K. Rossijskaya shkola v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (osobennosti upravleniya i razvitiya obrazovatel'noj sistemy) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. - 2020. - № 10. - S. 146-156.
10. Pashencev D.A., Ladnushkina N.M., Feklin S.I. Stanovlenie normativnykh osnov gosudarstvennogo kontrolya kachestva obrazovaniya v respublikanskij period rossijskoj istorii // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 6. - S. 239-243.
11. Gorodenko D.V. Obrazovanie narodov Severa kak faktor razvitiya polikul'turnogo prostranstva regiona (na primere Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga – Yugry). - Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2013. - 143 s.
12. Kirilyuk D.V. Nacional'nyj sostav uchitelej Yugry v 1945-1953 gg. // Nakanune «Bol'shoj nefi»: Yugra v poslevoennye gody (1945-1950-e gg.). Sb. nauch. st. - Ekaterinburg: Alfa Print, 2020. - S. 127-145.
13. Kirilyuk D.V. Obuchenie rodnomu yazyku uchashchihsya hanty i mansi v nacional'nykh shkolah Yugry v seredine 1940-h – seredine 1960-h godov // Etnokul'turnaya identichnost' narodov Sibiri i soprodel'nykh territorij / otv. red. E. F. Fursova. - Novosibirsk: IAET SO RAN, 2019. - S. 505-508.
14. Kiselev A.G., Onina S.V. Nacional'naya – nerusskaya – russkaya: shkola Yugry v 40–50h godah XX veka // Vestnik ugrovedeniya. - 2019. - T. 9. - № 3. - S. 577–587.
15. Prosveshchenie na Sovetskom Krajnem Severe. Iz istorii razvitiya prosveshcheniya narodov Krajnego Severa. - Vyp. 8. - L.: Gos. uchebno-metodicheskoe izd-vo Minprosa RSFSR, Leningradskoe otd., 1957. - 490 s.
16. Sevil'gaev G. F. Ocherki po istorii prosveshcheniya malyh narodov Dal'nego Vostoka. - L.: «Prosveshchenie», 1972. - 423 s.
17. Fajzulina N. K. SHkol'noe obrazovanie v Zapadnoj Sibiri v seredine 1950-h – seredine 1960-h gg. (na materialah Omskoj, Tomskoj i Tyumenskoj oblastej). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. - Tyumen', 2010. - 22 s.
18. Chumak E.G. Stanovlenie i razvitie sistemy obrazovaniya obsko-ugorskih narodov Severo-Zapadnoj Sibiri v 1920-1950-e gg. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. - Tyumen', 2008. - 22 s.
19. Kiselev A.G., Onina S.V. Istoriya Hanty-Mansijskogo nacional'nogo pedagogicheskogo uchilishcha: opyt istochnikovedcheskogo prochteniya // Vestnik ugrovedeniya. - 2019. - T. 9. - № 1. - S. 167-183.
20. Kiselev A. G., Onina S. V. Severnaya shkola v predstavleniyah mestnykh rukovoditelej obrazovaniya serediny 1950-h gg. // Vestnik ugrovedeniya. - 2022. - T. 12. - № 2. - S. 347-357.
21. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. A-2306. Op. 73. D. 1283.
22. GARF. F. A-2306. Op. 73. D. 1284.
23. GARF. F. A-2306. Op. 73. D. 1285.
24. Stas' I.N., Kirilyuk D.V., Ivanov A.S. Konkretno-istoricheskij podhod v izuchenii Yugry 1945-1950-h gg. // Nakanune «Bol'shoj nefi»: Yugra v poslevoennye gody (1945-1950-e gg.). Sb. nauch. st. - Ekaterinburg: Alfa Print, 2020. - S. 3-9.
25. Krongauz F.F. K istorii sovetskoy shkoly na Krajnem Severe. - M.: Uchpedgiz, 1948. - 124 s.
26. GARF. F. A-2306. Op. 71. D. 281.
27. GARF. F. A-2306. Op. 71. D. 215.
28. GARF. F. A-2306. Op. 71. D. 558.
29. Slyozkin Yu. Arkticheskie zerkala. Rossiya i malye narody Severa. - M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. - 512 s.

КИСЕЛЕВ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (kiselev1954@mail.ru).

НАГОРНЫХ О.С.

К ВОПРОСУ О РАБОТЕ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КНР В 1949-1960 гг. (НА ПРИМЕРЕ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ)

Ключевые слова: история науки, медицина, врач, советско-китайское сотрудничество, советские специалисты, повседневность, советская помощь.

В статье на примере деятельности медицинских работников анализируются особенности организации работы советских специалистов в Китайской Народной Республике в период сотрудничества с этой страной в 1949-1960 гг. Исследуются направления работы врачей, научных сотрудников в области медицины и здравоохранения, а также условия пребывания советских граждан, организация их быта, взаимоотношения с китайскими коллегами, специфика их повседневности. На основе отечественных архивных материалов реконструируются основные черты организации труда советских врачей и специалистов за границей. В качестве основных источников выступают информационные материалы министерств иностранных дел и здравоохранения СССР, записки, справки, письма отделов ЦК КПСС, ведомств СССР. Основной акцент в статье сделан на изучении научных и социальных медицинских проектов, которые были реализованы СССР в Китае, а также на условиях работы советских сотрудников. Внимание уделено процедуре отзыва специалистов из КНР и отношению к ней как самих работников, так и китайских коллег. По материалам архивов прослеживается реакция советских граждан, работавших в Китае, на Ноту 1960 г. Обоснован вывод о том, что отзыв специалистов в 1960 г. стал полной неожиданностью как для китайских коллег, так и для советских сотрудников.

NAGORNYKH, O.S.

ON THE QUESTION OF THE WORK OF SOVIET SPECIALISTS IN THE PRC IN 1949-1960 (ON THE EXAMPLE OF MEDICAL WORKERS)

Key words: History of science, medicine, physician, Soviet-Chinese cooperation, Soviet specialists, everyday life, Soviet assistance.

The article analyzes the peculiarities of the organization of the work of Soviet specialists in the People's Republic of China during the period of cooperation in 1949-1960 by the example of the activities of medical workers. The directions of work of doctors, researchers in the field of medicine and healthcare, as well as the conditions of stay of Soviet citizens, the organization of their life, relationships with Chinese colleagues, and the specifics of their daily life are investigated. The main features of the organization of work of Soviet physicians and specialists abroad are reconstructed by means of domestic archival materials. The main sources are information materials of the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Health of the USSR, notes, references, letters of departments of the Central Committee of the CPSU, departments of the USSR. The focus of the work is on the study of scientific and social medical projects that were implemented by the USSR in China, as well as the working conditions of Soviet employees. Attention is paid to the procedure for recalling specialists from the CPR and the attitude of both employees and Chinese colleagues to it. According to the materials of the archives, the reaction of Soviet citizens working in China to the 1960 Note is traced. It is concluded that the recall of specialists in 1960 was a complete surprise for both Chinese colleagues and Soviet employees.

1. Постановка проблемы.

Помощь Советского Союза, своевременно оказанная Китайской Народной Республике, сыграла ключевую роль в последующей модернизации и развитии страны. Комплексная поддержка, эффективная работа советских специалистов почти во всех областях экономики, в социальной и научной сферах, в т.ч. в сфере медицины, позволили молодому государству осуществить экономический подъем, сформировать собственные национальные кадры, укрепить материальную базу, производственную сферу, расширить сеть промышленных предприятий и пр.

Актуальность заявленной темы определяется современным состоянием мировой науки и техники, преимущественно медицинских инновационных программ, а также ролью Китая в процессах глобального здравоохранения и медицинских исследований. В аналитической работе А.В. Островского, А.В. Афоняевой, П.Б. Каменнова отмечается, что быстрое социально-экономическое развитие современного Китая выражается не только в высоких темпах роста ВВП, промышленности и сельского хозяйства, заметно превышающих среднемировые, но и в новых достижениях науки и техники [1, с. 8]. Указывая на высокую инновационную активность научных проектов Китая и рассматривая комплекс факторов внутреннего развития, особенности политики и курса китайского правительства, необходимо учитывать также исторический опыт, заложенный в 1950-60-е гг. в процессе сотрудничества с СССР.

Интенсивное развитие общественно-политической и научной коллаборации двух государств с единой идеологической платформой в середине XX в. определило необходимость налаживания двусторонних военно-политических, торгово-экономических отношений, что было

обусловлено также геополитическими и культурно-историческими доминантами в указанный исторический период. При этом многоаспектность советской медицины включала научно-практическое сотрудничество в области здравоохранения с рядом стран, среди которых Китай занял особое место. Это направление стало той «мягкой силой», аспекты которой модифицировались с учетом международной обстановки, политической, культурной и идеологической повестки. Сектор медицины и здравоохранения приобрел особую важность и оказался в центре внимания и правительства КНР с ее многочисленным населением и непростым наследием прошлого.

Отмеченная тема стала предметом исследования ряда зарубежных авторов. Так, бывший председатель Азиатского фонда (ТАФ), автор ряда книг о развитии медицины и здравоохранения в Китае во второй половине XX века Дэвид Лэмптон объясняет изменения в политике здравоохранения КНР, начиная с 1949 г., и в период последующей «культурной революции», акцентируя внимание на общей важности данной повестки в политике китайского руководства [2]. По его мнению, острый дефицит квалифицированных сотрудников-врачей, научных работников, чьи сферы профессиональных интересов затрагивали такие направления как микробиология, эпидемиология, кардиология, биология, физиология и т.д., обуславливала потребность в регулировании обменов специалистов и в привлечении советских ученых.

В отмеченном контексте тема пребывания советских специалистов-медиков за границей, их отношения с коллегами, основные направления работы в области медицины с точки зрения социальной истории и истории науки приобретает особую важность и научный интерес.

Вопросы работы советских специалистов и советников за границей периодически поднимались в отечественной историографии, в частности, и применительно к Китаю. Так, в работах А.Л. Верченко присутствует комплексный анализ вклада советских работников в развитие различных отраслей народного хозяйства в Маньчжурии и Китае, приводятся данные о численности специалистов [3, с. 72]. Много внимания советским специалистам в Китае уделено в статьях И.В. Турицына, отличающихся глубоким источниковедческим анализом отечественных архивов, преимущественно в финансовой, банковской и научно-технической сферах [4, 5]. Как правило, упоминания о медиках в исследовательских работах присутствуют, в основном, в качестве сравнения с деятельностью работников других профессий. Среди немногих исследований, специально посвященных медицинской повестке, можно отметить труды П.Э. Ратманова [6], В.Г. Дацышена [7, 8]. Также интересен аспект, связанный с рассмотрением не просто условий труда, но и специфики повседневности, внутренних отношений в коллективе своих же сограждан и китайских коллег. Особенно это актуально в плане осмысления отношений работников медицины, взаимоотношений между работниками больниц, руководством, даже студентами-практикантами. Важность такого подхода в процессе анализа условий труда, влияния различных социально-экономических факторов на его производительность, а также межличностных отношений поднимается в статье В.В. Тихонова [9].

Наша статья основана как на опубликованных, так и неопубликованных источниках, отложившихся в фондах Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) [10, 11], Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), где особенно информативны материалы Министерства здравоохранения СССР [12-14], а также Российского государственного архива экономики (РГАЭ) [15]. Данный источниковый комплекс дает возможность исследователю реконструировать основные черты организации работы, быта, жизни научных работников, врачей, специалистов технического профиля в 1949-1960 гг. за границей и позволяет посмотреть на проблему советских специалистов в КНР в ракурсе их окружения, повседневности, общения с коллегами, социализации, поведения, политической грамотности и пр. Интересным дополнением являются работы самих врачей, сквозь призму восприятия которых лучше ощущается атмосфера, в которой они работали, межличностные отношения. В этом плане выделим, например, книгу профессора Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова В.Г. Вогралика [16].

Обращение к советским врачам за помощью протекало в длительной исторической динамике и имело глубокие корни. Более близкие контакты в области медицины наблюдались уже в 1940-е гг. Это находило отражение в организации советских медицинских пунктов, амбулаторий на территории некоторых китайских провинций [17]. Достаточно вспомнить случай 1947-1949 гг. когда советские эпидемиологи помогли остановить чуму на территории Северо-Восточного Китая,

а впоследствии и в провинции Чахар. Говоря об общей численности специалистов и советников, работавших в 1949-1960 гг. в Китае, можно привести подсчеты исследователя А.Л. Верченко, указывающей на количество «от 9 до 15 тыс.» [3, с. 72].

В рамках исследования, прежде всего, необходимо четко определить, какие категории советских специалистов в области медицины и здравоохранения имеются в виду. Во-первых, это врачи-клиницисты, как правило, работавшие в крупных советских медицинских вузах, больницах, во-вторых, научные работники научно-исследовательских институтов, развивавшие отдельные направления медицинской науки. В-третьих, на наш взгляд, нельзя забывать и о специалистах, трудившихся на строительстве медицинских объектов, которые, хотя и не относятся напрямую к категории медицинских работников, внесли важный вклад в реконструкцию медицинской инфраструктуры.

2. Основные направления работы советских медиков в контексте сотрудничества стран.

Многие авторитетные советские ученые, особенно врачи, приезжали как в длительные, так и в краткосрочные командировки (подробнее об организации командировок советских врачей в КНР в статье Нагорных О.С., Шок Н.П.) [18]. Они помогали в организации науки, составлении учебных планов, конструировании системы высшего медицинского образования, участвовали в совместных научных исследованиях, клинических разборах сложных случаев. В данной статье определены приоритетные направления работы советских медиков (хотя приведены в качестве примера имена лишь некоторых врачей, работавших в КНР в 1950-е гг.) и специалистов, реализовавших проекты реконструкции и строительства отдельных объектов медицинского назначения с целью создания необходимой инфраструктуры.

Важной исторической вехой в динамике советско-китайских отношений в области науки и технологий стало подписанное в 1954 г. Соглашение о культурном сотрудничестве и технической помощи между Советским Союзом и Китаем. Наряду с предоставлением значительного массива научно-технической документации, важной составляющей в сфере научно-медицинского сотрудничества стало откомандирование в КНР советских специалистов для передачи опыта практической работы на предприятиях, в лечебных учреждениях, медицинских организациях, часть которых собственно была построена усилиями советской стороны. Так, в соответствии с упомянутым соглашением, с 1954 г. значительно увеличилась экономическая помощь со стороны Советского Союза, а также увеличилось число специалистов, направляемый в Китай. Большую роль в регулировании связей между двумя странами играло Управление по научно-техническому сотрудничеству (УНТС).

Целями поездок советских медиков служило проведение разноплановой работы (клинической, организационной, административной и научной) в китайских больницах, реорганизация высшего медицинского образования; развитие научной работы в китайской медицинской ассоциации, а также организация помощи различным лечебным учреждениям. Важное место занимала консультативная и экспертная работа, осуществляемая советскими врачами, которая впоследствии была высоко оценена не только политическими деятелями КНР, но и китайскими врачами, а также студентами высших медицинских учебных заведений. При активном участии советских ученых стали составляться планы дальнейшего перспективного развития науки Китая с учетом достижений мировой науки и, что самое главное, в будущем это должно было обеспечить КНР достаточным количеством собственных научных кадров.

Следует отметить важную роль в научном сотрудничестве на уровне Академий наук и министерств члена-корреспондента АМН СССР И.Г. Кочергина. В 1947 г. И.Г. Кочергин был утвержден членом Высшей аттестационной комиссии, в 1952 г. был избран членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР. В период с 1952 по 1956 гг. он работал в должности заместителя министра здравоохранения СССР и одновременно с этим был председателем Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения СССР. Особый интерес, с точки зрения исторической науки и заявленной темы, представляет китайский период профессиональной деятельности И.Г. Кочергина. С 1956 г. И.Г. Кочергин был назначен старшим советником Министерства здравоохранения в Китайской Народной Республике. В течение трех лет он выполнял возложенные на него Министерством здравоохранения СССР задачи по диспансеризации высшего командного и военного состава КНР, проведению комплекса

ИСТОРИЯ

мероприятий научно-медицинского характера, оказании помощи в организации системы высшего медицинского образования. Во второй половине 1950-х гг. в КНР благодаря организационной деятельности И.Г. Кочергина развернулась большая научно-исследовательская работа в сфере народной медицины.

Благодаря работе советских специалистов немалых успехов удалось добиться в борьбе с опасными заболеваниями, угрожавшими китайским гражданам. К примеру, командой советских специалистов была разработана теоретическая основа мероприятий по искоренению малярии в Китае, подготовлена группа китайских работников для борьбы с малярией [19, с. 378].

В целом, российские медики, совместно с китайскими коллегами, успешно проводили противоэпидемические мероприятия по борьбе с особо опасными инфекционными заболеваниями. Причем, это направление сотрудничества оставалось приоритетным на протяжении всего исследуемого периода.

Другой приоритетной формой научно-технического сотрудничества, имевшей прямое отношение к области медицины, стала помощь в строительстве медицинских объектов на территории как крупных китайских городов, так и провинций при финансовой и организационной поддержке Советского Союза. В 1950-е гг. было построено более ста объектов различного назначения, среди которых были и фармацевтические заводы (в т.ч. по производству антибиотиков), клинических городков (подробно анализ проекта «156» был проведен в монографии Мамаевой Н.Л., Сотниковой И.Н., Верченко А.Л.) [20].

Подчеркнем, что сами советские медицинские работники считали пребывание в Китае чрезвычайно важным для своего профессионального роста. Отметим, что контакты в указанной сфере взаимоотношений проходили по самым разным ведомствам. К примеру, на уровне министерств культуры обеих стран предполагались, в частности, двусторонние приглашения «[советских] специалистов для совместного изучения с китайскими специалистами опыта лечения средствами китайской народной медицины диабета, нефрита...»; «[китайских]... специалистов для обмена опытом по вопросам акупунктуры и прижиганий со сроком пребывания в стране до 30 дней...» [13, д. 435, л.16]. Важным элементом налаживания контактов стала договоренность между странами об «обмене планами научных работ, научными трудами и взаимной информацией о результатах проводимых научных исследований» [13, д. 435, л. 70]. Например, обсуждалось развитие сотрудничества «между 1 Московским институтом и Пекинским медицинским институтом, 2 Московским медицинским институтом с 2-м Шанхайским медицинским институтом, 1 Ленинградским медицинским институтом с 1 Шанхайским медицинским институтом» [13, д. 435, л. 70]. Важным пунктом сотрудничества стал книгообмен между Центральной медицинской библиотекой Министерства здравоохранения СССР и медицинской библиотекой Академии медицинских наук КНР [13, д. 435, л.71].

Со временем Китай стал больше настаивать на условиях равенства в союзе с советской стороной и более настойчиво отстаивать свои позиции по ряду ключевых вопросов. Изменение характера общения между сторонами демонстрировалось и в вопросах сотрудничества в медицине.

Так, в 1958 г. в Пекине состоялись межсессионные встречи представителей двух частей советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству – Ученых секретарей советской части советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству Ф.И. Клейменова и китайской части Чен Бин для решения текущих вопросов и подготовки необходимых материалов к VIII сессии Советско-китайской комиссии по научно-техническому сотрудничеству, утверждения сроков ее проведения и порядка подготовки к проведению [15, д. 952, л. 43]. Они обсудили вопросы взаимного обмена научно-технической документацией и откомандирования специалистов. Также состоялся обмен мнениями о целесообразности пересмотра некоторых пунктов Соглашения от 12 октября 1954 г. Особое внимание в ходе диалога уделялось установлению непосредственного сотрудничества между заводами СССР и КНР. В том числе, в повестку будущей сессии (которую решили провести в период с 25 ноября по 15 декабря 1958 г.) предлагалось внести рассмотрение вопросов непосредственных связей между научно-исследовательскими институтами и проектными организациями КНР и СССР.

Еще 18 января 1958 г. было подписано советско-китайское Соглашение «О совместном проведении важнейших исследований в области науки и техники» [15, д. 952, л. 47].

Договоренности по этому направлению продемонстрировали заинтересованность китайской стороны в расширении такого сотрудничества. Заместитель министра внешней торговли КНР Ли Цзян выразил благодарность «китайского народа братскому Советскому народу за огромную помощь, оказанную КНР по линии НТС» [15, д. 952. л. 48]. В итоге, были достигнуты договоренности по ознакомлению с работой научно-исследовательских институтов КНР и совместной разработке планов непосредственного сотрудничества между институтами двух стран. Китайская сторона заверила, что их организации примут и ознакомят советских специалистов с «хлорными заводами, системой угольных месторождений... новыми образцами текстильных машин и прочей наукой, и техникой в медицине, с методом лечения иглотерапией и т.д.» [15, д. 952. л. 52].

Особенно китайская сторона была заинтересована в активном внедрении советских достижений в области профилактики основных видов заболеваний и в исследовании новых видов лекарственных препаратов. Согласно договоренностям сторон, можно определить четыре направления их сотрудничества: во-первых, исследования антибиотиков и основных групп лекарственных препаратов; во-вторых, профилактика основных видов заболеваний в Китае с акцентом на эпидемические болезни, сохранявшие актуальность в стране; в-третьих, медицинская охрана труда и профессиональные болезни; в-четвертых, заимствование клинического опыта советских врачей и помощь в становлении системы высшего медицинского образования. Постепенно сформировалось еще важное направление – изучение советскими медиками теоретических основ и практики китайской народной медицины, а именно – акупунктуры, прижигания, фитотерапии, что стало отдельным исследовательским направлением как в истории науки, так и в истории отношений СССР и КНР.

3. Об отдельных особенностях пребывания советских специалистов в КНР: специфика повседневности.

Укрепление дружбы между народами СССР и КНР проводилась на основе демонстрации фактической помощи, оказываемой Советским Союзом на протяжении 10 лет в области науки и техники. При этом ключевое значение имело то, что подписанные между странами соглашения о сотрудничестве в сфере медицины успешно выполнялись и реализовывались. Идеологический фактор являлся тем механизмом, который позволял наладить общение между коллегами, особенно в условиях работы советских сотрудников за границей.

Социокультурная среда, в которой приходилось работать советским медикам и организаторам здравоохранения требовала особенного такта, тонкой дипломатии, выдержки, самоорганизации, глубоких знаний, понимания политической повестки и профессионализма. Это усиливалось спецификой самой профессии врача, медицинского работника, поведение которого должно одновременно находиться в рамках морали и этики медицины. В данной связи, требования, которые предъявлялись медицинским работникам, выезжавшим за границу, были очень строгими. При составлении характеристик учитывались профессиональный опыт, политическая грамотность, высокие моральные качества, требования соблюдения этики поведения. Заработная плата, получаемая в иностранной валюте, четко обговаривалась, включая командировочные расходы. При этом для советских граждан продолжала сохраняться выплата членских взносов. Отметим, что и последующий контроль за сотрудниками уже в стране пребывания был постоянным.

Научный, культурный вклад советских специалистов, безусловно, ценился китайцами. Профессор Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова В.Г. Воргалик 21 сентября 1956 г. на заседании Ученого совета Горьковского медицинского института после двухлетней командировки в КНР отмечал: «...жить и работать было хорошо. Если принять в качестве индикатора отношение к человеку в стране, отношение детей, то в Китае это очень характерно. Дети, увидев, что вы советский человек, кричат, бегут к вам через улицу и со всеми надо поздороваться за ручку... я встретил учеников, приехавших из Шанхая на экскурсию. Они подошли и попросили написать в книгу пожелание. Я написал. Через некоторое время они говорят, что мы Вам, советскому товарищу, очень благодарны за Ваше пожелание, просим принять от нас письмо на память и значок нашей школы... если принять во внимание... отношение детей, которых, видимо, так воспитывают, то это показывает, что отношение к советским людям в Китае очень хорошее» [21, д. 936. л. 75].

ИСТОРИЯ

Другой пример. Осенью 1955 г. группа советских врачей в Пекине была приглашена на празднование Дня середины осени – Лунного праздника, что стало символом укрепления доверия, дружбы и взаимоуважения. Позже в знак солидарности появился даже плакат, изображающий символ национального праздника Лунного Зайца в космосе, олицетворяющего достижения советской науки, с текстом: «...передайте советским ученым, что, когда они прилетят в Лунный дворец... им заварят чай и угостят лунными пряниками» (репродукция плаката представлена в книге В.Г. Вогралика) [16, с. 173].

В то же время, нельзя не отметить, что отношение к советским специалистам со стороны населения в Китае имело разные проявления. Иногда отношение китайцев, например, к условиям быта, предоставленным советским командированным в гостинице «Дружба» (по сути, иностранцам), было довольно болезненным и находило отражение в весьма эмоциональных оценках: «Поезжайте в гостиницу Си Цзяо, увидите там хорошие условия у [советских] специалистов, а китайским специалистам не уделяют никакого внимания» [10, д. 233. л. 173]. Также были и высказывания относительно оплаты: «...советские специалисты в Китае получают высокую зарплату...» [10, д. 233. л.168].

Интересным с точки зрения исторической оценки общественного мнения среди китайской молодежи стал документальный комплекс, хранящийся в РГАНИ в фонде ЦК КПСС, представляющий собой сборник высказываний преимущественно китайских студентов относительно помощи со стороны СССР и работающих в Китае специалистов. Так, встречались мнения о том, что бытовая сторона и факт «заграницы» для советских граждан был определяющим. Можно привести в качестве иллюстративного материала некоторые выдержки из источника. Студент юридического факультета Хуан Чен-е, согласно собранным данным, говорил: «Цены на советские товары высокие, а на китайские – низкие. Советские специалисты с особым удовольствием приезжают работать в Китай, имея целью немножко поработать и уехать, набив до краев полную торбу» [10, д.233. л. 158]. Конечно, подобные высказывания выглядели оскорбительными для советского человека. Особенно много негативных высказываний наблюдалось в адрес потенциального расширения советского влияния посредством культуры, образования и иной помощи: «помощь Советского Союза в отношении нас не искренняя, обманывают нас...» [10, д.233. л. 168].

Сложность моральной и исторической оценки таких свидетельств всегда есть. В подобных случаях при анализе материалов исследователю важно грамотно разграничить нравственность, политическую необходимость, дипломатию общения. Осознание своей ответственности таких сотрудников было превыше всего, поскольку облик советского специалиста должен был создавать впечатление о стране, демонстрировать миролюбивость, высокие нравственные и политические образы СССР и советского человека в целом. Надо отметить, что контроль за поведением специалистов любого уровня был высоким. При ненадлежащем поведении специалист мог быть выслан на родину, а о его ненадлежащем поведении незамедлительно сообщалось.

В данном плане в качестве примера можно привести инцидент, связанный с недостойным поведением одного из сотрудников. В 1955 г. при строительстве в КНР завода антибиотиков в отделение Торгпредства товарищу А.С. Богдасарову от руководителя группы авторского надзора поступило сообщение о недостойном поведении инженера С.М. Клеменко, работавшего на строительстве завода – безусловно, важном объекте медицинского назначения, которому придавалось особое внимание – на то, что он срывает лекции и не выполняет полностью возложенные на него обязанности: «то в течение дня читает газеты, журналы, пишет письма, курит без зазрения совести сигареты китайцев... также он выпивает... это безобразие надо прекратить... китайские юани надо получать за помощь...» [13, д. 173. л.12]. Очевидно, что подобное поведение дискредитировало советского гражданина и было недопустимым.

При организации командировки сотрудника на длительный срок вставал вопрос о его семье и возможности выезда вместе с супругом (супругой). В подобных случаях советская сторона старалась идти на уступки, стараясь поддержать командированного, особенно если дело касалось выдающихся специалистов-врачей. Так, к примеру, было удовлетворено ходатайство вице-президента АМН СССР Ф.Г. Короткова, выезжавшего в КНР для чтения лекций по гигиене на два месяца, о его супруге И.Л. Коротковой, как члене семьи. На предложение Ф.Г. Короткова вести

жену за свой счет поступил отказ, а супруга была оформлена через Комиссию по выездам за границу при ЦК КПСС [11, Д. 99. Л.69-71].

Среди ряда документов, содержащих записки, информацию, письма МИД СССР, материалы ТАСС о развитии народного хозяйства КНР, встречаются оценки советских специалистов с различными взглядами и формами поведения: «Среди ученых немало реакционно настроенных, но так как они приносят пользу и обладают большими знаниями, к ним относятся терпимо» [11, д. 308 л. 186]. Но, конечно, среди китайской общественности и самих коллег встречались и противники советских методов. Интересно, с точки зрения изучения мнений китайской общественности, взглядов на вклад советских врачей. В частности, можно привести высказывание студента юридического факультета Китайского народного университета Лин Си-лина, который сослался на беседу со своими товарищами, изучавшими медицинские науки: «В области социальных наук мы учимся у Советского Союза, однако в области естественных наук нечему учиться, в настоящее время в Советском Союзе совсем отсутствует такой уровень работы, как в китайской больнице Се Хэ, отсутствует метод лечения путем подсадки тканей, хотя и используется метод обезболивания родов, но все равно испытывают боль. Все это является бессмысленным и не имеет никакой научной основы. Преподают специалисты-догматики, отсутствует критика в отношении учебы у Советского Союза» [11, д. 308 л. 177]. Конечно, к подобным высказываниям необходимо относиться критически, анализируя ситуацию, авторство и пр. В некоторых случаях, подобные тезисы могли быть надуманными, характерными для китайской молодежи и представляющими собой элементы своеобразной борьбы с «низкопоклонством пред иностранным». Прежде всего, это касается сферы медицины, в которой Советский Союз неоспоримо играл в указанный период ключевую роль. Приведенные отдельные факты, во-первых, могли быть сознательно искажены, во-вторых, представлять собой единичные примеры, которые не могут экстраполироваться на общую оценку советского вклада в китайскую систему оказания медицинской помощи.

4. Разрыв отношений и реакция на официальную Ноту об отзыве специалистов из КНР 1960 г.

Существенные изменения в отношениях между странами стали наблюдаться с конца 1950-х гг. В преддверии празднования 9-й годовщины подписания Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР, а также 10-й годовщины образования Китайской Народной Республики актуализировались вопросы освещения в китайской печати вопросов советско-китайских отношений и внутрисполитической жизни СССР, распространения советской литературы в Китае и нового взгляда на вклад советских специалистов во все отрасли хозяйства и науки. Отмечалось, в частности, что «китайская печать в последнее время усилила освещение материалов XXI съезда и 7 плана развития народного хозяйства... но сообщения о внутренней жизни в СССР приводятся без достаточного комментирования, в печати недостаточно освещаются вопросы экономического сотрудничества СССР и КНР. В связи с этим есть предложения шире привлекать к творческому сотрудничеству в журналах видных советских ученых и специалистов» [10, д. 233. л. 122]. Авторитет советской медицинской науки должен был укрепляться, а сотрудники - сохранять уважительное отношение к Советскому Союзу на должном уровне.

К 1959 г. ситуация заметно изменилась. Указанный год занимал особое место в истории развития как Советского Союза, так и КНР. С одной стороны, через многие технические, военные, космические достижения СССР демонстрировала возросшую экономическую мощь страны. Но, с другой стороны, в КПК началась переоценка собственных возможностей, национального опыта и достижений. В 1959 г. в «Жэньминь жибао» были приведены слова государственного и общественного деятеля Китая, вдовы Сунь-Ятсена Цин-лин: «Ныне Советский Союз и Китай как носители вновь родившихся светлых и растущих явлений, пользуются весьма высоким авторитетом в мире» [10, д. 332. л. 235]. Это говорило о сохранении уважительного отношения к Советскому Союзу, сохранении духа дружбы и сотрудничества между странами. Но, в целом, изменение ситуации было уже налицо.

Среди информационных материалов МИД СССР относительно вопросов состояния научно-технического сотрудничества СССР и КНР, хранящихся в РГАНИ, можно обнаружить комментарии относительно некоторых изменений в характере взаимоотношений и организации работы: «...к сожалению, если ранее довольно обширная и важная информация давалась

руководителям Управления по делам иностранных специалистов для ориентировки наших людей, находящихся в КНР, то в последнее время поступление информации по данному каналу существенно сократилось» [10, д. 332. л. 49]. Таким образом, состояние обмена информацией между советскими и китайскими сторонами через посольство СССР в КНР в 1959 г. претерпевало некоторые изменения, что не могло не быть отмечено советскими дипломатами.

Конечно, смена настроения китайского правительства была вызвана целым комплексом внутренних политических причин. Но очевидно, что новая волна противников всего иностранного коснулась, прежде всего, советского опыта: «Выдвинутый в 1958 г. в КНР призыв покончить со слепой верой во все иностранное и больше использовать и применять свое китайское, в основе своей являющийся правильным, поскольку он был направлен на возрождение всего национального, т.е. опыт тоже должен изучаться в критическом плане» [10, Д. 240. Л. 92]. Встречались и более категоричные высказывания: «мы идем по пути Советского Союза, учеба у Советского Союза – выслуживание перед иностранцами, выслуживание перед Советским Союзом» [10, д. 240. л. 168]. Или даже конкретные рекомендации: «...поменьше увлекаться иностранным, нельзя всему учиться у Советского Союза...» [10, д. 240. л. 171].

На основании архивных материалов можно утверждать, что смена отношения и поведения коллег и даже общественности стала очевидной, поскольку в 1958-1959 гг. наблюдалось снижение должного внимания к значимости помощи и заимствованию опыта СССР.

Анализируя итоги десятилетия советско-китайского экономического сотрудничества, в 1959 г. по итогам пребывания советских делегаций в Китае отмечалось: «...в результате ряда увлечений и ошибочных тенденций, возникших в КНР в 1958 г. и в первой половине 1959 г., заметно снизилось внимание со стороны китайских товарищей к изучению и использованию советского опыта... В китайской печати стало публиковаться значительно меньше статей, посвященных различным сторонам жизни Советского Союза. Министерства, ведомства и руководители предприятий... стали меньше внимания уделять рекомендациям советских специалистов, основанным на опыте Советского Союза, а многие рекомендации просто откладывались в сторону без всякого рассмотрения» [10, д. 240. л. 92]. Во второй половине 1959 г. были зафиксированы некоторые факты снижения качества продукции, возможно, по причине пренебрежения техническим нормам, а также нехватки опыта.

Министерство внешней торговли в августе 1960 г. информировало ЦК КПСС о положении дел с распространением советских книг в КНР. В частности, оно уведомяло, что «...в Синьцзян-Уйгурском автономном округе из продажи изъята вся советская литература, за исключением научно-технической и медицинской, в которых не содержатся материалы, говорящие об успехах Советского Союза... с августа [1960 г.] прекращена розничная продажа газет и журналов из СССР» [10, д. 332. л. 277]. Отмечалось также, что если «ранее довольно важная информация доводилась руководителям групп советских специалистов в Китае с тем, чтобы правильнее ориентироваться в своей работе, то в последнее время эта практика сузилась, беседы носят общий характер» [10, д. 240. л. 93].

Тем не менее, на фоне очевидного охлаждения отношений, можно утверждать, что отзыв специалистов стал абсолютно неожиданным как для советских граждан, пребывавших в Китае, так и для большинства китайских руководителей. Непонимание ситуации, беспокойство порождали нестабильность и напряженную обстановку как внутри коллективов, в которых трудились советские специалисты, так и между китайскими гражданами: «китайцы спрашивали – что случилось, когда вернетесь, всех ли это касается или давно приехавших?» [10, д. 333. л. 96]. Надо отметить, что, как правило, советские граждане, работавшие в КНР, сохраняли выдержку, самообладание, вежливость и остро не демонстрировали свои эмоции. Многие отмечали, что до 26-29 июля они ничего не знали о>Note, врученной МИДу КНР еще 16 июля 1960 г., и заявление вызвало у них неподдельное огорчение и тревогу за судьбу производств, начатых работ и пр. [10, д. 333. л. 46].

Советская сторона обосновала свое решение об отзыве специалистов тем, что китайские предприятия якобы нарушают технические требования, работники предприятий и чиновники не прислушиваются к мнению советских специалистов, нанося тем самым урон престижу советского оборудования и техники. Анализируя указанную советскую>Note и обоснования к ней, исследователи О. Борисов и Б. Колосков характеризуют объяснения советской стороны

ИСТОРИЯ

следующим образом: «...советским специалистам созданы невыносимые условия, на них оказывается психологическое давление, советские специалисты подвергаются слежке, их склоняют к работе против Советского Союза и партии» [22, с. 210–211]. При подобном подходе напрашивался единственный вывод – подобные действия китайской стороны явно не представляли возможным оставить советских специалистов в Китае.

Однако заявления советских чиновников были надуманными. Активная работа советских клиницистов, их общение с китайскими врачами и пациентами показывали, что китайская сторона продолжает остро нуждаться в реализации намеченных планов по борьбе с рядом заболеваний, в ведении научной работы по основным направлениям, в завершении строительства фармацевтических предприятий и заводов по производству антибиотиков и т.д. М. Ключко в своей работе «Советский ученый в Красном Китае» приводит слова одного из советских профессоров, отозванного в 1960 г.: «Нигде я не слышал, чтобы хоть один советский специалист поддерживал эту бесстыжую советскую ноту, поддерживал идею нашего отзыва. Вполне естественно, что решение о нашем отзыве из Китая продиктовано не тем, что условия нашей жизни здесь плохие, - более 90 % наших специалистов жили в Китае лучше, чем в Советском Союзе» [23, р. 101].

С китайской стороны было принято решение передать содержимое Ноты советским гражданам с просьбой разъяснить причины и мотивы действий советского правительства. В большинстве случаев это было решено сделать после крупных обедов и банкетов, на которые работники были приглашены. Реакция китайских коллег была разной, но в большинстве случаев выражалась благодарностью за проделанную работу. Советским коллегам дарили памятные ценные подарки, медали. Их награждали благодарственными грамотами.

К примеру, старший группы медицинских работников при госпитале советско-китайской дружбы так описывает беседу между директором госпиталя У Синь-мином, секретарем парткома госпиталя Чжан Ши, его заместителем Чжан Цзао-нань и советскими медиками через переводчицу Гань Юй. О предстоящей беседе советские медики были предупреждены переводчицам за 45 минут до ее начала, с комментариями о том, что китайская сторона намерена получить мнение о дальнейших планах работы в связи с предстоящим возвращением в СССР. Беседа началась с заявления секретаря парткома Чжан Ши о том, что госпиталь китайско-советской дружбы, переданный советским правительством КНР 12 марта 1957 г., остается базой для изучения и передачи опыта передовой советской медицинской науки и «кузницей подготовки медицинских кадров - красных специалистов, вооруженных передовыми материалистическими идеями и учением Павлова» [10 д. 333. л. 138]. В процессе беседы неоднократно выражалось сожаление о возвращении советских специалистов и вынужденном завершении совместных работ. В ходе беседы переводчик пыталась зачитать содержательную часть Ноты советского правительства, несмотря на протесты советских врачей, которые заявляли, что «комментировать эти документы не уполномочены». Таким образом, беседа переходила в русло вопросов лечебной, научной и учебной работы в госпитале на ближайший период, а о факте и характере беседы было сообщено руководству [10 д. 333. л. 138].

Отсутствие четкой информации о мотивах официальной Ноты об отзыве специалистов местами накаляло обстановку и порождало слухи. В одном из архивных источников РГАНИ, посвященном итогам работы по выполнению решения Советского правительства об отзыве из КНР советских специалистов и советников, приводятся примеры таких дезинформирующих сводок. «...Ходят слухи, что в Шанхае перед домом [советских] специалистов группа людей устроила демонстрацию, выкрикивая лозунги «Советские специалисты, вон из Китая!», установили слежку, подслушивали их телефонные разговоры, проверяли содержимое столов и чемоданов» [10, д. 333. л. 70], так отмечалось в письмах советников. Отдельная информация отличалась особой радикальностью: «...в Баотоу кто-то стрелял в советского специалиста...» [10, д. 333. л. 73]. По большей части, это была дезинформация, появление которой стало следствием недопонимания ситуации, неожиданности действий Советского Союза, повышенной подозрительности.

Однако, в целом, за период «золотого десятилетия дружбы стран» было сделано многое. Полученный в течение почти 10 лет опыт советской медицины уже к 1960 г. позволил Китаю структурировать систему высшего и среднего медицинского образования, создать Академию медицинских наук по образцу АМН СССР, создать национальную систему здравоохранения с учетом советского опыта. По состоянию на 1 января 1960 г. в КНР находились 1234 советских

специалиста [10, д. 240. л.107]. В 1959 г. в Шанхае было 140 советских делегаций, из которых 13 – из числа работников медицины и санитарии [10, д. 240. л.389]. Приехавшие из СССР специалисты продолжали готовить врачей как общего профиля, так и узкой специализации.

5. Заключение.

Безусловно, организация условий труда, а также пребывание в Китае в 1950-е гг. советских врачей, научных работников еще требует дальнейшего изучения. Однако приведенный архивный и историографический материал позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, несомненно, что деятельность советских медиков оказывала глубокое влияние на китайский народ, оставив позитивное впечатление от научных достижений, клинического опыта, высокого профессионализма советского врача, готового при любых условиях оказать необходимую помощь и поддержку.

Во-вторых, при анализе особенностей пребывания советских граждан за границей, их профессиональных и межличностных контактов с китайскими коллегами необходимо принимать во внимание человеческий фактор общения. В данном контексте профессия врача имеет свою особенность, связанную с сохраняющимся строгим этическим компонентом. Среди командированных врачей были видные советские ученые, исследователи и организаторы здравоохранения. При этом демонстрировалось глубокое уважение к национальным традициям медицины и собственному опыту Китая.

В-третьих, историографический обзор архивных материалов иллюстрирует, в том числе, отдельные негативные стороны поведения советских граждан, связанные с бытовыми и иными условиями, которые безусловно имели место. В подобных случаях осуществлялся жесткий централизованный контроль, позволявший вовремя пресечь подобные действия с целью сохранения морального облика советского гражданина. Но это касалось, в основном, единичных инцидентов, и не связанных с именами крупных ученых, врачей.

В-четвертых, проанализированный корпус архивного материала дает возможность утверждать, что официальная Нота 1960 г. оказалась полной неожиданностью для советских специалистов и советников, искренне переживавших за продолжение работ, начатых научных исследований и сохранение достигнутых результатов. Можно предположить, что этот фактор стал определяющим в стремлении завершить сотрудничество, оказав максимальную помощь дружественной стране, о чем свидетельствуют продолжение передачи технической документации, а также сохранявшиеся поездки специалистов (в частности, медиков) до начала 1967 года.

В-пятых, по образцу СССР в китайском государстве строились санитарно-эпидемиологическая служба, медицинское образование, наука. Но, вместе с тем, там сохранялись свои особенности. К середине 1950-х гг. в Китае насчитывалось почти полмиллиона народных врачей, которые собственно и оказывали основную медицинскую помощь населению страны. Это было достигнуто в том числе и благодаря усилиям советских специалистов.

В-шестых, несмотря на некоторые примеры недружелюбных высказываний со стороны китайцев, можно утверждать, что в целом отношение китайской общественности и коллег к советским врачам было уважительным, дружелюбным, с высокой оценкой значимости и профессионализма советских специалистов. Контакты пролонгировались, выходили совместные публикации, а в некоторых случаях личная дружба врачей обусловила дальнейшие контакты и переписку между ними.

Таким образом, комплексная реконструкция истории советских международных контактов в области медицины, изучения условий и итогов работы советских специалистов сохраняют свою актуальность и открывают новые перспективы исследования. Предполагая, что в рамках глобальной научно-технической революции современный Китай станет основным игроком на мировом рынке медицинских инноваций, необходимо помнить об исторических истоках этого развития и фундаменте, заложенном в 1950-60-е гг. в рамках интенсивного разнопланового сотрудничества с Советским Союзом.

Литература и источники

1. *Островский А.В., Афоняева А.В. Каменнов П.Б.* Перспективы развития науки и техники и инноваций в КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2019. – № 2. – С. 6-10.
2. *Lampton David.* The policies of medicine in China: the policy process, 1949-1977. Boulder, CO: Westview Press, 1977. 301 p.
3. *Верченко А.Л.* Советские специалисты в экономическом, научно-техническом, гуманитарном строительстве КНР (1949-1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 5. – С. 71–79.

ИСТОРИЯ

4. Турицын И.В., Турицын Д.А. Российско-китайское сотрудничество в банковской сфере: исторический опыт и реалии эпохи цифровизации // Вопросы истории. – 2021. – № 1. – С. 121–135.
5. Турицын И.В. К вопросу об использовании КНР опыта советской финансовой политики (1949–1959 гг.) // Отношения между Россией и Китаем: прошлое, настоящее, будущее. – М., 2019. – С. 205–227.
6. Ратманов П.Э. Советско-китайское сотрудничество в области здравоохранения в 50–60-е гг. XX в. // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. – 2012. – № 1. – С. 1–16.
7. Чэн Хун, Дацышен В.Г. Советские специалисты в Шичзячжуане: из истории советско-китайского сотрудничества в 1950-е гг. // Отношения между Россией и Китаем: прошлое, настоящее, будущее. – М., 2019. – С. 73–88.
8. Дацышен В.Г. Сюй Хайцзяо Отправка рабочих из провинции Хэбэй в СССР в 1955 г. из истории русско-китайских отношений. // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 445. – С. 102–106.
9. Тихонов В.В. Научный сотрудник позднесоветского времени и его работа: условия труда и их оценка // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Вып. 4 (114).
10. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.5. Оп. 49.
11. РГАНИ. Ф.5. Оп. 28.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 86а.
13. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 34.
14. ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 10.
15. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 9493. Оп. 1.
16. Вогралик В.Г. Два года в Китае. – Горький: Горьковское книжное издательство, 1959.
17. Нагорных О.С. Деятельность советских медицинских пунктов в Северо-Западном Китае в 1930–1940-х гг // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2019. – № 1 (49). – С. 51–59.
18. Нагорных О.С., Шок Н.П. Командировки советских врачей в КНР в 1950—1960-е гг.: реализация планов сотрудничества в сфере медицины и здравоохранения // Вестник Томского государственного университета. История. – 2020. – № 65. – С. 75–85.
19. Капица М.С. Советско-китайские отношения. – М.: Госполитиздат, 1958. – 424 с.
20. Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. – М.: «Весь Мир» 2018. – 608 с.
21. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.2533. Оп.3а.
22. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1970. – М.: Мысль, 1971. – 479 с.
23. Klochko M.A. Soviet Scientists in Red China. – London, 1964. – 192 p.

References and Sources

1. Ostrovskij A.V., Afonas'eva A.V. Kamennov P.B. Perspektivy razvitiya nauki i tekhniki i innovacij v KNR // Vostochnaya Aziya: fakty i analitika. – 2019. – № 2. – С. 6–10.
2. Lampton David. The policies of medicine in China: the policy process, 1949–1977. Boulder, CO: Westview Press, 1977. 301 p.
3. Verchenko A.L. Sovetskie specialisty v ekonomicheskom, nauchno-tekhnicheskom, gumanitarnom stroitel'stve KNR (1949–1960 gg.) // Problemy Dal'nego Vostoka. – 2009. – № 5. – С. 71–79.
4. Turicyn I.V., Turicyn D. A. Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo v bankovskoj sfere: istoricheskij opyt i realii epohi cifrovizacii // Voprosy istorii. – 2021. – № 1. – С. 121–135.
5. Turicyn I.V. K voprosu ob ispol'zovanii KNR opyta sovetskoj finansovoj politiki (1949–1959 gg.) // Otnosheniya mezhdru Rossiej i Kitaem: proshloe, nastoyashchee, budushchee. М., 2019. S. 205–227.
6. Ratmanov P.E. Sovetsko-kitajskoe sotrudnichestvo v oblasti zdruvoohraneniya v 50–60-e gg. XX v. // Vestnik obshchestvennogo zdorov'ya i zdruvoohraneniya Dal'nego Vostoka Rossii. 2012. S. 1–16.
7. Chen Hun, Dacyshen V.G. Sovetskie specialisty v SHiczyachzhuane: iz istorii sovetsko-kitajskogo sotrudnichestva v 1950-e gg. // Otnosheniya mezhdru Rossiej i Kitaem: proshloe, nastoyashchee, budushchee. М., 2019. S. 73–88.
8. Dacyshen V.G. Syuy Hajczyao Otpravka rabochih iz provincii Hebej v SSSR v 1955 g. iz istorii rusko-kitajskih otnoshenij. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta 2019. № 445 s. 102–106.
9. Tihonov V. V. Nauchnyj sotrudnik pozdnesovetskogo vremeni i ego rabota: usloviya truda i ih ocenka // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». – 2022. – Т. 13. – Vypusk 4 (114)
10. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). – F.5. Op. 49.
11. RGANI. F.5 Op. 28.
12. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). – F. 5446. Op. 86а.
13. GARF. F. 8009. Op. 34.
14. GARF. F. 8009. Op. 10.
15. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE) – F. 9493. Op. 1.
16. Vogralik V.G. Dva goda v Kitae. – Gor'kij: Gor'kovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959.
17. Nagornyh O.S. Deyatel'nost' sovetskih medicinskih punktov v Severo–Zapadnom Kitae v 1930–1940-h gg // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. – 2019. – № 1 (49). – С. 51–59.
18. Nagornyh O.S., Shok N.P. Komandirovki sovetskih vrachej v KNR v 1950—1960-e gg.: realizaciya planov sotrudnichestva v sfere mediciny i zdruvoohraneniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – 2020. – № 65. – С. 75–85.
19. Kapica M.S. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. – М.: Gospolizdat, 1958. – 424 s.
20. Mamaeva N.L., Sotnikova I.N., Verchenko A.L. Uchastie SSSR v rekonstrukcii i stroitel'stve «156 proizvodstvennyh ob'ektov» v KNR v 1950-e gody. Noveye fakty i obstoyatel'stva sovetsko-kitajskogo sotrudnichestva. М.: «Ves' Mir» 2018. 608 s.
21. Central'nyj arhiv Nizhegorodskoj oblasti (CANO). – F.2533. Op.3а
22. Borisov O.B. B.T. Koloskov. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1945–1970– М.: Mysl', 1971. – 479 s.
23. Klochko M.A. Soviet Scientists in Red China. – London, 1964. – 192 p.

НАГОРНЫХ ОЛЬГА СТАНИСЛАВОВНА - кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных наук, Приволжский исследовательский медицинский университет (aldan12@yandex.ru).

NAGORNYKH, O.S. - PhD in History, Associate Professor, Social Science and Humanities Department, Privolzhsky Research Medical University (aldan12@yandex.ru).

ШИХАМЕТОВА Э.Р., БОРИСОВ С.Д.**ВКЛАД В.А. ПОПОВОЙ В РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ
(К ИСТОРИИ БИБЛИОТЕКИ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО
ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА)⁴**

Ключевые слова: В.А. Попова, высшее образование, библиотечное дело, вузовская библиотека, Севастопольский приборостроительный институт, личная история, деятели сферы образования.

Статья посвящена изучению истории жизни первого директора библиотеки Севастопольского приборостроительного института В.А. Поповой. Показаны формирование жизненных принципов, становление героини, как личности, в годы Великой Отечественной войны, ее вклад в Победу. Акцентируя внимание на участии В.А. Поповой в развитии высшего образования города Севастополя, авторы анализируют различные направления деятельности возглавлявшейся ею библиотеки Севастопольского приборостроительного института во второй половине XX века, специфику развития библиотечной сферы в советскую эпоху, особенности повседневной работы библиотекаря. Отмечая колоссальные изменения в области библиотечного дела, авторы показали, что за время директорства В.А. Поповой из небольшого помещения в 56 квадратных метров с фондом порядка 10 тысяч экземпляров библиотека к 1982 г. превратилась в мощный образовательный центр – здание площадью 4200 квадратных метров с фондом, превышавшим 600 тысяч единиц.

SHIKHMETOVA, E.R., BORISOV, V.D.**CONTRIBUTION V.A. POPOVOY IN THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN SEVASTOPOL (TO THE HISTORY OF THE LIBRARY OF THE SEVASTOPOL INSTRUMENT-MAKING INSTITUTE)**

Key words: V.A. Popova, higher education, librarianship, university library, Sevastopol Instrument-Making Institute, personal history, educators.

The article is devoted to the study of the life history of the first director of the library of the Sevastopol Instrument-Making Institute V.A. Popova. The formation of life principles, the formation of the heroine as a person during the Great Patriotic War, her contribution to the Victory are shown. Focusing on the participation of V.A. Popova in the development of higher education in the city of Sevastopol, the authors analyze various areas of activity of the library of the Sevastopol Instrument-Making Institute headed by her in the second half of the 20th century, the specifics of the development of the library sector in the Soviet era, and the features of the daily work of a librarian. Noting the colossal changes in the field of librarianship, the authors showed that during V.A. Popova, from a small room of 56 square meters with a fund of about 10 thousand copies, the library has turned into a powerful educational center - a building with an area of 4200 square meters with a fund exceeding 600 thousand items.

Вторая половина XX столетия стала ключевой в формировании системы высшего образования в городе Севастополе, так как после Великой Отечественной войны учебные заведения создавались в городе фактически заново. Учитывая сплошные разрушения, которым подвергся Севастополь, необходимо было заново воссоздавать всю материальную базу, набирать кадровый потенциал. В особенности это касалось создания нового вуза – единственного в советский период базового гражданского вуза Севастополя – Севастопольского приборостроительного института, ключевую роль в развитии которого, как образовательного и научного центра того времени, сыграла библиотека [1, с. 9].

Вузовская библиотека как социальный институт, в котором студент реализует всевозрастающее количество своих культурных и образовательных запросов, традиционно привлекает к себе внимание историков. Исследователи обращаются и к проблеме истории отдельно взятых вузовских библиотек [2, с. 70]. В историографии библиотек вузов они, как правило, рассматриваются в качестве одной из составляющих обучения. Проблема роли и предназначения библиотек высших учебных заведений с момента их формирования в первых российских вузах анализировалась еще в трудах таких известных ученых как В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, Ф.Г. Дильтей, Ф.С. Салтыков и др. [3, с. 6].

Много сделали российские просветители и для реального развития библиотек вузов. Так, в соответствии с принципами просветительской идеологии, В.Н. Татищев внес значительный вклад в создание Екатеринбургской библиотеки, а также являлся обладателем собственной, ставшей в свое время одной из лучших, частных библиотек России. В фондах его библиотеки находилась иностранная литература, книги самых выдающихся ученых и специалистов в области горнозаводского дела, химии, физики, математики, естествознания, медицины, фармакологии,

⁴ Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ № 20-49-920005 р_а_Севастополь «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя».

ИСТОРИЯ

лучшие издания языковых словарей, энциклопедии, труды самых выдающихся историков и географов Античности, Средневековья, Нового времени, новейшие издания российской Академии наук. Высоко ценил роль и значение библиотек в развитии российской науки и просвещения также М.В. Ломоносов, проявлявший большую заинтересованность в развитии библиотечного дела. Как известно, он стал инициатором создания библиотеки Московского университета [4, с. 513], установил основные принципы работы библиотеки – светский характер, общедоступность и бесплатность. Более ста лет библиотека Московского университета оставалась единственной публичной библиотекой Москвы и была очень популярна среди студентов и исследователей.

С течением времени происходила трансформация взглядов на предназначение вузовской библиотеки в сравнении с начальным этапом ее формирования, но гуманистические принципы эпохи Просвещения сохранялись. По мере развития вузовских библиотек, как социального института, прослеживался процесс усложнения исторически сложившихся функций, возложенных на библиотеки. В советский период вузовская библиотека, осуществляя свою деятельность, способствовала приобщению читателей к тем духовным ценностям, освоения которых требовали новые условия жизни общества. Приняв статус идеологических учреждений, способствовавших воспитанию нового поколения, библиотеки вузов сохранили неизменной направленность своей деятельности на реализацию задач образования, поставленных конкретной исторической эпохой.

В данном контексте отметим, что одной из главных задач для вузовских библиотек в 1960-1980-е гг. являлось развитие библиографической обеспеченности учебных дисциплин и ключевых тем научно-исследовательской работы. Эта задача была поставлена перед библиотеками в связи с активизацией научных исследований, увеличением выпуска новых научных публикаций и, вместе с тем, отсутствием должной оперативной и полной информации о них. Важным условием для вузовских библиотек становилось выполнение информационной функции. В стране возникла необходимость в создании специальной развернутой системы научно-технической информации, которая осуществляла бы поиск, обработку материалов и доведение до специалистов сведений с необходимым раскрытием их содержания. Не менее важной задачей, по мнению известного специалиста-библиотековеда А.Н. Ванеева, стала «гуманистическая миссия библиотеки – формировать Читателя с большой буквы, его ценностные ориентации, а не только удовлетворять утилитарные потребности в чтении» [5, с. 104]. На конференции с символическим названием «Крым-2012» многие исследователи обращали внимание на формирование представлений о том, что миссия библиотеки состоит в преобразовании общества в соответствии с определёнными идеалами, при этом особую значимость приобретает личность библиотекаря, через которого ценности транслируются обществу [6].

На современном этапе в исторической науке актуализируется необходимость применения биографического метода, поскольку именно взаимодействие личностей определяет ход истории. Авторы данной статьи ставят перед собой задачу показать роль ветеранов Великой Отечественной войны в развитии системы высшего образования в Севастополе через призму биографии Веры Александровны Поповой – первого директора библиотеки Севастопольского приборостроительного института. Источниковой базой для реконструкции биографий как В.А. Поповой, так и других преподавателей и сотрудников севастопольских вузов – участников Великой Отечественной войны, стали документы, хранящиеся в ГКУ «Архив города Севастополя». Фонд Р-503 содержит документы Севастопольского национального технического университета за 1952-2014 гг. (ранее – Севастопольский приборостроительный институт, ныне входит в состав Севастопольского государственного университета). Значительный интерес также представляет периодическая печать, прежде, всего материалы университетской многотиражки «За приборостроительные кадры». В ней помещались статьи В.А. Поповой и других ветеранов Великой Отечественной войны, заметки об их профессиональной деятельности, военной биографии.

Выдающийся русский учёный Д.С. Лихачёв писал, что для сохранения культуры не так важно иметь университет, как библиотеку [7, с. 207]. В жизненном пути Веры Александровны Поповой переплетены оба упомянутых Дмитрием Сергеевичем способа сохранить культуру.

В стенах Севастопольского приборостроительного института трудились немало ветеранов Великой Отечественной войны, передававших свой богатый опыт и ценные знания не одному

поколению высококвалифицированных специалистов города Севастополя. Одним из таких выдающихся людей была Вера Александровна Попова – бессменный директор библиотеки Севастопольского приборостроительного института, а позднее – Севастопольского национального технического университета (Фото 1).

«Библиотека! Родная моя, любимая». Так говорила Вера Александровна Попова в день сорокалетней годовщины со дня основания «храма науки, культуры, прозы и поэзии» [8, с. 1]. Вера Александровна посвятила библиотеке половину своей жизни, внося огромный вклад в развитие Севастопольского университета, продолжая здесь свою богатую биографию, начатую на фронтах.

Вера Александровна Попова родилась 22 июля 1923 года в городе Сызрань, в семье военного комиссара Красной Армии. В 1940 году окончила среднюю школу в станице Тимашевской Краснодарского края и поступила в Ленинградский институт инженеров водного транспорта на судомеханический факультет.

Однако стать инженером Вере Александровне было не суждено. Уже с первых дней войны (июнь 1941 г.) студентка Вера Попова начала учиться на курсах медсестер, одновременно выполняя задания комсомола по эвакуации детей, строительству оборонительных сооружений, занимаясь обучением сандружинниц [9, л. 1]. 8 октября 1941 года В.А. Попова была мобилизована и направлена для прохождения службы в 268 эвакогоспиталь, формировавшийся в здании Ленинградского технического училища зенитной артиллерии на Петроградской стороне [10, с. 57].

Блокадная зима была очень тяжелой. Город не отапливался, не работали канализация и водопровод, отсутствовало электричество. Палаты госпиталя освещали коптилки. Санитарки и медсестры ходили за водой на Неву, там же стирали бинты, постельное и нижнее солдатское бельё. Но особенно дожимал голод. Утром раненым и медперсоналу выдавали по 250 граммов черного хлеба на весь день, в обед – по пол-литровой банке жидкой болтушки из муки, заваренной кипятком. На ужин ничего не полагалось. Эта болтушка казалась Вере настолько вкусной, что она мечтала после войны есть только её. Примечательно, что на почве голода в госпитале произошёл инцидент. Выздоровливающие, которые разносили порции хлеба по палатам, остатки стали сбрасывать в урны с мусором, чтобы потом тайком достать и съесть. Узнав об этом, лежащие раненые возмутились и попросили командование госпиталя, чтобы хлеб разносили сестры, которым они абсолютно доверяли. После этого все положенное продовольствие стало попадать к раненым в полном объеме [10, с. 58].

Город-герой Ленинград мужественно выдержал шестнадцать месяцев осады. 18 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов в результате семидневных боев прорвали вражескую блокаду, в связи с чем была восстановлена сухопутная связь. Питание людей улучшилось, появились силы и, как явный признак оживления, – настроение на художественную самодеятельность в госпитале, которую и возглавила Вера Попова.

В 1944 году 268 эвакогоспиталь передали 2-му Белорусскому фронту, с окончанием войны преобразованный в Северную группу войск. Госпиталь расформировали, медперсонал распределили по медицинским учреждениям, а Веру Попову с подругой, как талантливых самодеятельных артисток, направили в ансамбль песни и пляски. Однако, работая в ансамбле, Вера добивалась возвращения к медицинской работе и добилась своего. Вскоре, Вера Александровна стала работать медсестрой в воинской части [10, с. 59]. Примечательно, что эта ее работа оставила неизгладимую память у многих ее подопечных. «Здравствуй, уважаемая сестричка Вера! Сообщаю тебе свою радость: я дождался того дня, когда меня снова призвали на защиту Родины! Уничтожая врагов под Ленинградом, я горд!» [9, л. 5]. Десятки подобных писем от спасенных бойцов получала во время войны медсестра В.А. Попова.

Будучи молодой девушкой, она прошла военными дорогами, освобождала Польшу и Восточную Пруссию. В.А. Попова была награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги» [11; 12]. В 1946 году Вера Александровна парткомиссией 105 мотострелкового корпуса была принята в члены ВКП (б). Однако в 1948 году рядовую Веру Попову демобилизовали, и встал вопрос о ее

ИСТОРИЯ

дальнейшем обучении. Быть инженером или врачом ей уже не хотелось, а что касается актерского искусства, то она уже тогда объективно оценивала свои способности. «Самодетельность – это замечательно, но хорошей актрисы из меня не получится» – говорила она [10, с. 59].

В госпитале вместе с В.А. Поповой работала медсестра Антонина Николаева, к которой все обращались за помощью и поддержкой. Перед войной она закончила Московский библиотечный институт. Вере Александровне казалось, что таких добрых, мудрых и отзывчивых людей готовит только это учебное заведение, поэтому она и поступила в Московский библиотечный. Она прекрасно училась, возглавляла студенческий профком, избиралась депутатом Химкинского райсовета и, конечно, участвовала в самодеятельности. После четырех лет обучения, Вера Александровна по распределению была направлена в Севастополь. Здесь ей предложили несколько должностей: инспектора Управления культуры и директора Центральной библиотеки. Вежливо спросили: «Куда желаете пойти?» Как фронтовичка и член КПСС Попова ответила: «Куда Родина прикажет». Родина направила в Управление [10, с. 60].

Работая в управлении культуры, в период с 1952 по 1960 гг. В.А. Попова открыла в Севастополе библиотечный коллектор и 11 библиотек – в Стрелецкой, Ушаковой и Георгиевской балках, на Микензиевых горах, в поселках Бартеневка и Андреевка, на улице Горпищенко, в Камышовой бухте и другие. В те же годы Вера Александровна возглавляла горком профсоюзов работников культуры, а в 1957 году она была избрана делегатом на первую конференцию профсоюзных работников [9, л. 1]. В сентябре 1960 г. Веру Александровну назначили заведующей библиотекой Севастопольского филиала Одесского политехнического института, преобразованного в 1963 году в Севастопольский приборостроительный институт. Библиотека тогда представляла собой небольшое помещение площадью всего в 56 квадратных метров с библиотечным фондом всего порядка 10 тысяч экземпляров, доставшимся в наследство от филиала Николаевского кораблестроительного института. При этом штат сотрудников библиотеки составлял всего 4 человека.

В первые годы после открытия учебная литература в библиотеку активно поступала из книжных собраний разных вузов страны, в том числе МГУ имени М.В. Ломоносова, Московского энергетического института, Ленинградского политехнического института, Одесского политехнического института, Киевского политехнического института и др. В результате, в 1965 году фонд библиотеки составил 157 тыс. экземпляров. Чуть ранее, в 1962 г. добились расширения библиотечных площадей, что дало возможность открыть отдельно читальный зал и абонемент, а также часть книг разместить в книгохранилище, а в 1964 году был открыт читальный зал в студенческом общежитии №2 на ул. Николая Музыки. В 1974 году было организовано большое книгохранилище в новом общежитии института в Студгородке (Стрелецкая бухта), а немного позднее был открыт читальный зал № 3, в новом учебном корпусе. О работе библиотеки в январе 1974 г. сообщалось в статье, опубликованной в газете «За приборостроительные кадры» библиотекарем Т. Соболевой: «В начале первого семестра учебная библиотека в кратчайший срок обеспечила студентов литературой, и теперь они идут сюда сдать, поменять или найти одну, единственно необходимую сейчас для экзамена книгу. И если ее нет здесь, путь один – читальный зал. Дверь тут почти не закрывается – свободных мест нет. Сессия вступила в свои права. В среднем ежедневно за книгой в читальный зал обращаются 300 человек. А кому-то еще нужно узнать автора учебника, заглянуть в каталог, пролистать атлас «Деталей машин»...» [13, с. 1].

В 1982 году было закончено и принято госкомиссией новое 4-х этажное здание библиотеки в Студгородке бухты Стрелецкой, построенное по проекту московского архитектора Е.В. Рыбицкого, площадью 4200 квадратных метров. У библиотеки в этот период появились большие, светлые читальные залы, два двухъярусных книгохранилища, абонементы, помещения для обработки литературы, кабинеты для администрации и пр. 1 апреля 1982 года начался переезд и осваивание нового здания. Была проведена огромная работа по упаковке, погрузке, перевозке, разгрузке, распределению фонда, который составлял свыше 600 тысяч томов. Несмотря на многие трудности уже 1 сентября библиотека смогла начать выдачу литературы к новому учебному году.

Под руководством В.А. Поповой была проделана огромная работа по реорганизации и обеспечению сохранности книжных фондов, совершенствованию систем обслуживания читателей. Наряду с этим, особое внимание отводилось воспитательной работе среди студенческой молодежи. Работники библиотеки проводили регулярные встречи с ветеранами

ИСТОРИЯ

Великой Отечественной войны, прежде всего из числа преподавателей Севастопольского приборостроительного института. Они организовывали открытые лекции, а также тематические вечера. Участие в мероприятиях по сохранению памяти о героях Великой Отечественной войны, научно-поисковая работа, общение с ветеранами, изучение подвигов прошлого воспитывало в студентах Института такие ценности, как гражданственность, патриотизм, ответственность и коллективизм. В библиотеке проходили научные конференции, диспуты, вечера отдыха, студенты имели возможность заниматься самодеятельностью. (Фото 2-4).

Фото 2. Лекция Поповой В.А. о культуре поведения. 1973 г.

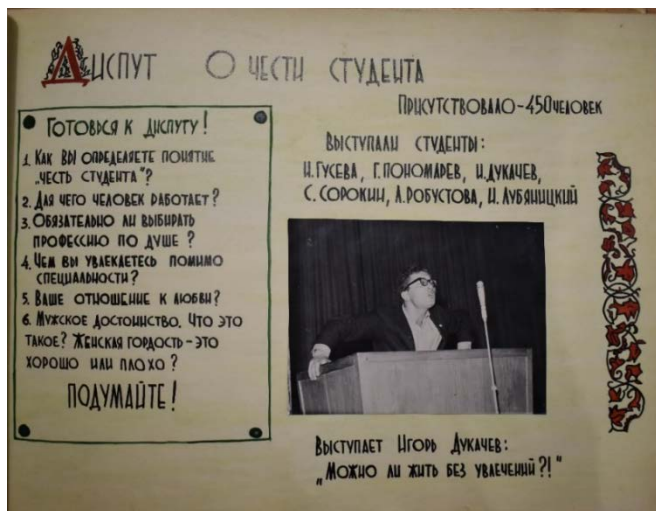

Фото 3. Диспут «О чести студента», 1962 г.

Рис. 4. «Спутник» - коллектив самодеятельности. 1962 г.

ИСТОРИЯ

Осенью 1962 года Вера Александровна организовала «Литературную гостиную», из которой позже и вырос Студенческий театр эстрадных миниатюр (СТЭМ). Более 40 лет на общественных началах она бесценно руководила театром, который отличался высоким актерским мастерством, гражданственностью позиции и злободневностью исполняемых миниатюр. Ее режиссерский почерк и самобытность творческого мышления были видны во всех сценических работах. За многолетнюю творческую жизнь театр представил сотни постановок, одержал не один десяток побед в различных конкурсах. А сама Вера Александровна многие годы играла в городском Народном театре. «Я, когда была студенткой, занималась под руководством Веры Александровны, а с 1994 года стала работать вместе с ней, будучи вторым режиссёром», – вспоминает руководитель театра в наши дни Светлана Фатеева [14].

За 40 лет своей плодотворной работы Вера Александровна помогла тысячам студентов сформировать свою личность. Так, в современном Севастопольском университете работают многие преподаватели, которые играли в СТЭМе. Некоторые СТЭМовцы занимают руководящие посты на различных предприятиях города. Все они с большим теплом и огромной благодарностью в сердце отзываются о Вере Александровне. Светлана Фатеева отмечает: «Она научила нас отличать хорошее от плохого, привила нам вкус к прекрасному, сформировала в нас понимание морально-этических норм и научила мыслить в правильном направлении» [14].

Библиотека университета принимала активное участие и в общественной жизни [16]. Вера Александровна была председателем комиссии содействия Советскому фонду мира. И это тоже нашло отражение в газете «За приборостроительные кадры»: «Дорогие товарищи! Мы вступили в 1986 год, объявленный городом мира. Каждый из нас не на словах, а на деле готов сделать все для укрепления мира. Одним из средств является пополнение Советского фонда мира. Ежегодно коллектив института вносит в этот фонд однодневный заработок, студенты – часть стипендии, премии» Уверена, что коллектив института по обыкновению горячо откликнется на важное и доброе дело. Забота о мире – дело каждого» [15, с. 1] (Рис.5).

Фото 5. Участие библиотеки в общественной жизни, 1973 г.

Таким образом, Вера Александровна Попова внесла значительный вклад в развитие Севастопольского приборостроительного института и современного Севастопольского государственного университета. Прекрасный человек с удивительной биографией... Благодаря фронтовой закалке, ей удалось достичь больших успехов во многих сферах университетской жизни: и образовательной, и научной, и культурно-творческой, и воспитательной. Выпускники и преподаватели говорят о ней только самые добрые слова.

Коллектив библиотеки по сей день бережно хранит традиции чествования ветеранов Великой Отечественной войны и труда, ведения Летописи библиотеки (Рис.6). Каждые 5 лет отмечается юбилей библиотеки.

Фото 6. Первая страница Летописи библиотеки СПИ, 1960 г.

Во многом благодаря Вере Александровне, в наши дни книжный фонд библиотеки Севастопольского государственного университета насчитывает около 1 миллиона 200 тысяч томов, а сама библиотека является центром культуры и воспитания молодежи.

Литература и источники

1. Долгова Н.Ю. Роль библиотеки в современном образовательном процессе (на примере НБ НГУЭУ) // Библиотека в пространстве современной культуры. Сб. науч. тр. Всероссийской научно-практической конф-ции с международным участием, Новосибирск, 20 мая 2020 г. - Новосибирск, 2020. - С. 8-14.
2. Подрезов К.А., Иванова Ю.В. Историческая роль библиотеки университета как культурно-просветительского центра // Научные и технические библиотеки. - 2018. - № 5. - С. 68–80.
3. Кудряшова Г.Ю. Миссия библиотеки вуза: исторический аспект и современное обоснование // Библиотеки вузов Урала. - 2004. - №5. - С. 5-9.
4. Неверова Т.А. Вклад М.В. Ломоносова в развитие библиотечного дела в России // Вестник ТГУ. - 2012. - Т.17. - Вып. 2. - С. 512-513.
5. Ванеев А.Н. Библиотечное дело. Теория. Методика. Практика. - СПб.: Профессия, 2004. - 368 с.
6. Соколов А.В. Гуманистическая миссия библиотек в цифровую эпоху // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: м-лы конференции. М.: ГПНТБ России, 2012. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2012/disk/129.pdf> (дата обращения: 31.07.2022).
7. Лихачёв Д.С. Я вспоминаю. - М.: Прогресс, 1991. - 256 с.
8. «С Днем рождения поздравляем» // Севастопольский университет. - 2003. - 22 июля. - № 2034.
9. Летопись библиотеки СПИ 1960-1965 гг.
10. Ислентьев С.И. Победители (Солдаты великой войны)/ 2-е изд., испр. и доп. - Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2010. - 164 с.
11. Ислентьев С.И. На войне и в труде // За приборостроительные кадры. - 1989. - 8 марта. - №10.
12. Попова Вера Александровна // Память народа. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/sV5V5> (Дата обращения: 31.07.2022).
13. Библиотека – в дни сессии // За приборостроительные кадры. - 1974. - 23 января. - №3.
14. Устное интервью со Светланой Фатеевой.
15. Попова В.А. Забота о мире – дело каждого // За приборостроительные кадры. - 1986. - 19 февраля. - № 8(780).
16. Летопись библиотеки СПИ 1971-1973 гг.

References and Sources

1. Dolgova N.Yu. Rol' biblioteki v sovremenном obrazovatel'nom processe (na primere NB NGUEU) // Biblioteka v prostranstve sovremennoj kul'tury. Sb. nauch. tr. Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konf-cii s mezhdunarodnym uchastiem, Novosibirsk, 20 maya 2020 g. - Novosibirsk, 2020. - S. 8-14.
2. Podrezov K.A., Ivanova Yu.V. Istoricheskaya rol' biblioteki universiteta kak kul'turno-prosvetitel'skogo centra // Nauchnye i tehnicheckie biblioteki. - 2018. - № 5. - S. 68–80.
3. Kudryashova G.Yu. Missiya biblioteki vuza: istoricheskij aspekt i sovremennoe obosnovanie // Biblioteki vuzov Urala. - 2004. - №5. - S. 5-9.
4. Neverova T.A. Vklad M.V. Lomonosova v razvitie bibliotecnogo dela v Rossii // Vestnik TGU. - 2012. - T.17. - Vyp. 2. - S. 512-513.
5. Vaneev A.N. Bibliotecnnoe delo. Teoriya. Metodika. Praktika. - SPb.: Professiya, 2004. - 368 s.
6. Sokolov A.V. Gumanisticheskaya missiya bibliotek v cifrovuyu epohu // Biblioteki i informacionnye resursy v sovremenном mire nauki, kul'tury, obrazovaniya i biznesa: m-ly konferencii. M.: GPNTB Rossii, 2012. // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2012/disk/129.pdf> (data obrashcheniya: 31.07.2022).
7. Lihachyov D.S. Ya vspominayu. - M.: Progress, 1991. - 256 s.
8. «S Dnem rozhden'ya pozdravlyаем» // Sevastopol'skij universitet. - 2003. - 22 iyulya. - № 2034.
9. Letopis' biblioteki SPI 1960-1965 gg.
10. Islent'ev S.I. Pobediteli (Soldaty velikoj vojny) // 2-e izd., ispr. i dop. - Sevastopol': Izd-vo SevNTU, 2010. - 164 s.
11. Islent'ev S.I. Na vojne i v trude // Za priborostroitel'nye kadry. - 1989. - 8 marta. - №10.
12. Popova Vera Aleksandrovna // Pamyat' naroda. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://clck.ru/sV5V5> (Data obrashcheniya: 31.07.2022).
13. Biblioteka – v dni sessii // Za priborostroitel'nye kadry. - 1974. - 23 yanvarya. - №3.
14. Ustnoe interv'y'u so Svetlanoj Fateevoj.
15. Popova V.A. Zabota o mire – delo kazhdogo // Za priborostroitel'nye kadry. - 1986. - 19 fevralya. - № 8(780).
16. Letopis' biblioteki SPI 1971-1973 gg.

ШИХАМЕТОВА ЭЛЬЗАРА РЕФАТОВНА – заместитель директора по образовательной деятельности Института дополнительного профессионального образования, ассистент кафедры истории, Севастопольский государственный университет (zara097@mail.ru).

БОРИСОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – магистр истории, исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (sergei.borisoff99@gmail.com).

SHIKHAMETOVA, ELZARA R. – Deputy Director for Educational Activities of the Institute of Additional Professional Education, Assistant of the Department of History, Sevastopol State University (zara097@mail.ru).

BORISOV, SERGEY D. – Master of History, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

УДК 94(477.75).084.9:378«195/199»

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-168-176

БОЙЦОВА Е.Е., ХАПАЕВ В.В., БОРИСОВ С.Д., ШИХАМЕТОВА Э.Р., АНДРЕЕВА А.И. ВКЛАД ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РАЗВИТИЕ ВУЗОВ СЕВАСТОПОЛЯ: ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ⁵

Ключевые слова: история вузов, Севастопольский государственный университет, Великая Отечественная война, ветераны, грантовый проект.

В статье представлены результаты исследовательского проекта РФФИ № 20-49-920005 р_а_Севастополь на тему: «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя». Охарактеризована источниковая база проекта, включающая архивные документы, периодическую печать, экспонаты ведомственного музея, информацию специализированных онлайн-порталов, сайтов, баз данных и социальных сетей. Представлены основные методы исследования, применявшиеся в ходе проекта. Намечены перспективы дальнейших исследований по теме. В результате реализации проекта выявлена роль ветеранов Великой Отечественной войны в развитии системы высшего образования Севастополя. Биографические сведения о ветеранах и оцифрованные фотографии представлены на созданном сайте «Наш бессмертный полк».

BOITSOVA, E.E., KHAPAEV, V.V., BORISOV, S.D., SHIKHAMETOVA, E.R., ANDREEVA, A.I.

**CONTRIBUTION OF VETERANS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR TO THE DEVELOPMENT OF SEVASTOPOL
UNIVERSITIES: THE MAIN RESULTS OF THE STUDY**

Key words: history of universities, Sevastopol State University, Great Patriotic War, veterans, grant project.

The article presents the results of the research project of the Russian Foundation for Basic Research No. 20-49-920005 r_a_Sevastopol on the topic: "Studying the contribution of the participants of the Great Patriotic War to the formation and development of higher educational institutions in Sevastopol". The source base of the project is characterized, including archival documents, periodicals, exhibits of the departmental museum, information from specialized online portals, websites, databases and social networks. The main research methods used during the project are presented. The prospects for further research on the topic are outlined. As a result of the project implementation, the role of veterans of the Great Patriotic War in the development of the higher education system of Sevastopol was revealed. Biographical information about veterans and digitized photographs are presented on the created site "Our Immortal Regiment".

С 03.11.2020 г. по 31.08.2022 г. группа исследователей Севастопольского государственного университета (СевГУ) и МГУ имени М.В. Ломоносова работали над реализацией грантового проекта РФФИ № 20-49-920005 р_а_Севастополь на тему: «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя». Его целью было изучение вклада ветеранов Великой Отечественной войны в становление и развитие системы высшего образования послевоенного Севастополя. Для ее реализации необходимо было решить ряд исследовательских задач: 1. Выявить и систематизировать источниковую базу по теме исследования; 2. Разработать и апробировать методику проведения историко-биографического исследования на крупном социальном срезе; 3. Выявить или уточнить военную (фронтовую) биографию изучаемых лиц, их роль в обороне и освобождении Севастополя (в случае выявления таковой); 4. На основе анализа полученных данных выявить закономерности профессиональной миграции участников Великой Отечественной войны в Севастополь / из Севастополя в 40–70-е годы XX века; 5. Определить роль участников войны в развитии военных и гражданских вузов Севастополя; 6. Сформировать историко-биографическую иллюстрированную базу данных о ветеранах войны, принимавших участие в создании и развитии вузов Севастополя.

Для выявления вклада ветеранов Великой Отечественной войны в развитие высших учебных заведений Севастополя после 1945 года были изучены опубликованные и архивные

⁵ Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ № 20-49-920005 р_а_Севастополь «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя».

ИСТОРИЯ

документы по теме, материалы региональной и ведомственной периодической печати, фонды ведомственного музея Севастопольского государственного университета «Севастопольская Голландия». Активно применялись методы устной истории и методики исторических исследований в социальных сетях.

Источники и литература по теме исследования. Важным элементом источниковой базы для изучения биографий преподавателей и сотрудников севастопольских вузов – участников Великой Отечественной войны, являются документы, хранящиеся в ГКУ «Архив города Севастополя» (АГС). Фонд Р-503 содержит документы Севастопольского национального технического университета (СевНТУ) за 1952–2014 гг. (ранее – Севастопольский приборостроительный институт (СПИ), ныне входит в состав Севастопольского государственного университета). Материалы фонда хорошо структурированы по хронологии и направлениям деятельности структурных подразделений вуза, что нашло отражение в 23 описях. Документы, характеризующие самый ранний период истории СПИ, – в качестве филиала сначала Николаевского корабельного института, а затем Одесского политехнического института – составляют 94 дела (оп. 1, 2). Среди прочего, в них содержится информация о штатах профессорско-преподавательского состава [1, л. 1] и протоколы общих собраний преподавателей [2, л.л. 1-22]. Наиболее информативны по тематике исследования документы, вошедшие в опись № 3, массив которых составил 3049 дел (с 1963 по 1987 гг.). Сохранились не только планы и отчеты о работе вуза, учебные планы подготовки по специальностям, но и аналитические материалы по реализации комплексных целевых программ, таких как «Общественные науки и коммунистическое воспитание» [3], «Наука» [4], «Кадры» [5], «Учебный процесс» [6] и др. Значительный интерес представляют штатные формуляры руководителей вуза и профессорско-преподавательского состава [7], журнал учёта представлений к ученым званиям [8], протоколы вручения медалей «Ветеран труда» [9] и личные дела преподавателей (260 дел за период с 1967 по 1987 гг.) [10].

В фонде Р-392 отложились архивные материалы еще одного вуза, вошедшего в 2014 году в состав СевГУ, – Севастопольского городского гуманитарного университета (СГГУ) за период с 1944 по 2014 годы. Это 876 дел, в том числе нормативные и правоустанавливающие документы, протоколы заседаний Ученого совета этого вуза и его кафедр, личные дела профессорско-преподавательского состава. Материалы фонда отражают историю развития не только первого высшего гуманитарного учебного заведения Севастополя, но и системы севастопольского школьного образования, так как университет начинал свою работу как Педагогический кабинет Севастопольского городского отдела народного образования в мае 1944 г. сразу после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков [11]. Особый интерес представляют аналитические материалы о развитии образования в Севастополе за 50 лет советской власти [12].

Документы Севастопольского национального университета ядерной энергии и промышленности (СНУЯиЭП - правопреемник Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища (СВВМИУ)), также вошедшего в состав СевГУ в 2014 году, сохранились в фонде Р-625 – 865 дел за 1996–2014 годы, в том числе планы и отчеты по основным направлениям деятельности вуза, протоколы заседаний его структурных подразделений, личные дела преподавателей и сотрудников. Особый интерес представляют 48 дел СВВМИУ, предшественника СНУЯиЭП за 1957–1992 годы [13], включающие планово-отчетную документацию по учебной и научной работе, в том числе сборник сообщений о зарегистрированных и внедренных в учебный процесс изобретениях.

Большой массив документальных, нарративных и визуальных источников хранится в фонде ведомственного музея «Севастопольская Голландия» Севастопольского государственного университета. Это делопроизводственная документация и изобразительные материалы СВВМИУ и СПИ, в том числе анкеты ветеранов войны, собранные в 1980 г. к 35-летию Победы. Уникальным источником, хранящимся в музее и изученным в ходе нашего исследования, стали опубликованные документы и рукописные материалы о работе клуба «Поиск» СПИ [14], в т.ч. публикации членов клуба о ветеранах войны в ведомственной многотиражной газете «За приборостроительные кадры» [15, с. 1; 16, с. 2; 17, с. 1, 18, с. 2], фотодокументы из личного архива члена клуба «Поиск», а впоследствии его председателя В.С. Домашенко (с разрешения автора) [19].

ИСТОРИЯ

В числе опубликованных источников важная роль принадлежит воспоминаниям ветеранов – участников Великой Отечественной войны, в том числе мемуары преподавателей СВВМИУ [20-22]. В них представлены порой уникальные сведения по истории вузов Севастополя. Поскольку эти мемуары были написаны людьми, прошедшими Великую Отечественную войну, в них отражена созидательная деятельность ветеранов войны (самих авторов и их коллег) в развитии их учебных заведений. В ходе исследования учитывалась высокая степень субъективности данного вида источников. Поэтому зафиксированные в них сведения по возможности сопоставлялись с информацией из других, в первую очередь, документальных источников.

Значительный интерес для реконструкции биографий преподавателей Севастопольского приборостроительного института – участников Великой Отечественной войны, представляет периодическая печать. Для этого были изучены материалы региональной прессы и многотиражки СПИ «За приборостроительные кадры».

В процессе работы анализировались выпуски ежедневной городской газеты «Слава Севастополя» [23] и печатного органа Черноморского флота «Флаг Родины» [24]. Оба издания были основаны ещё до образования СССР, так что они в полной мере охватывают хронологические границы проекта. Значительным информационным потенциалом обладают некрологи, биографические и аналитические статьи. В них освещены военные подвиги и трудовые достижения ветеранов, связавших судьбу с севастопольскими вузами [25-27].

Газета «За приборостроительные кадры» выходила с 5 мая 1969 года по 9 мая 2014 года. С момента создания и до 1995 г. она носила первоначальное название, а потом была переименована в «Севастопольский университет». В библиотеке университета сохранилась подшивка газеты, охватывающая лишь период с 1979 г. по 2014 г. Поэтому, значительный пласт информации оказался утраченным. Всего было выпущено 2246 номеров. Количество выпусков газеты достигало 47 номеров в год. С 1991 года количество номеров уменьшилось до 10–12 в год, а в 2014 году вышел всего один спецвыпуск. В газете помещались статьи, написанные самими ветеранами и заметки об их профессиональной деятельности, военной биографии, освещались мероприятия, проводившиеся в стенах вуза: тематические вечера, концерты, организация трудовых отрядов и клубов по интересам. Большой интерес представляют опубликованные в многотиражке сведения о проведении праздников и дней памяти, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Согласно отчетам студентов, организовывались экскурсии в музей боевой славы, встречи с ветеранами, походы по местам партизанских боев, спортивные соревнования, военно-спортивные эстафеты, просмотры кинофильмов на военно-историческую тематику, занятия на боевых кораблях ВМФ. Ежегодно ко Дню Победы публиковались статьи-поздравления с наступающим праздником, адресованные, в первую очередь, ветеранам Великой Отечественной войны. Статьи о ветеранах появлялись и в течение года, в связи с юбилеем работника, занесением его данных на Доску почета, победами в соцсоревновании и приближающимися знаменательными датами.

Газета «За приборостроительные кадры» стала важным источником информации об истории СПИ и биографий тех, кто в нём работал. Благодаря тому, что редакторы освещали всё, что происходило в стенах вуза, участники грантового проекта смогли изучить вклад ветеранов в его развитие в логической последовательности. Сохранившийся материал представляет собой богатый источник информации об учебно-научной, культурной и общественной жизни студентов и преподавателей. Газета имеет большой потенциал для дальнейших исследований в этой области.

Историографической базой исследования стали книги и статьи по истории СПИ и СВВМИУ [22; 28; 29, с. 36-39], а также специализированные Интернет-сайты, на которых аккумулируется информация об участниках ВОВ: «Память народа» [30], «Подвиг народа» [31], «Дорога памяти» [32], «Бессмертный полк» [33], «Мемориал» [34], «Победа» [35], «1941–1945 Победители» [36], «Крымский виртуальный некрополь» [37], «Виртуальный некрополь Севастополя» [38] и форумы выпускников СВВМИУ [39].

Методология исследования. Методология исследования включала в себя как традиционные общенаучные и специальные исторические методы, так и утверждающиеся в исторической науке методы устной истории и работы с материалами социальных сетей и – шире – всего пространства Интернета. Источниковедческому и методологическому аспектам посвящена специальная статья [40, с. 188-198]. Со второй половины XX века всё большую популярность приобретает применение в исторических изысканиях метода интервьюирования. В ходе реализации проекта проводились

ИСТОРИЯ

интервью с ветеранами или их коллегами и учениками для выявления основных вех жизненного пути, уточнения белых пятен в биографии [41, с. 71-73]. Сведения, полученные в ходе беседы, фиксировались в паспорте интервью и заверялись подписью респондента.

Огромный массив информации о боевом пути изучаемых персоналий получен благодаря анализу баз данных, размещенных на специализированных онлайн-порталах, посвящённых участникам Великой Отечественной войны: «Память народа», «Бессмертный полк», «Подвиг народа», «Победа 1945», «Книга памяти» и др. Кроме того, на официальном сайте СевГУ и интернет-страницах его подразделений публикуются новостные материалы о сотрудниках вуза, в том числе о ветеранах войны. В социальных сетях в ходе исследования выявлены специализированные группы, администрируемые и наполняемые самими участниками. Это открывает исследователю доступ к личным архивам и воспоминаниям не только (и не столько ветеранов, сколько их учеников). Контент онлайн-ресурсов рассматривался нами как потенциальный исторический источник: добытые сведения верифицировались сопоставлением с информацией из традиционных источников.

Приоритеты исследования и основные научные результаты. Углубленному изучению были подвергнуты биографии наиболее видных сотрудников вузов Севастополя, ветеранов – от руководителей до технических специалистов. Среди них ректор СПИ М.З. Лавриненко [41, с. 71-73; 42, с. 45-49], начальники СВВМИУ М.А. Крастелёв [43, с. 55-59] и А.А. Саркисов, директор библиотеки СПИ В.А. Попова, преподаватель СВВМИУ инженер-капитан I ранга В.М. Руденко [44, с. 189-191], начальник автобазы СВВМИУ В.К. Муха [45, с. 73-74], профессора СПИ И.А. Джусь [46, с. 50-51], А.И. Доценко [47, с. 183-184], И.К. Бондаренко [48, с. 185-186], доцент А.И. Погудин, ассистент кафедры физики П.И. Заблоцкий [49, с. 168-169] и другие. Участники проекта проследили их боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны, изучили работу в вузе, научную, педагогическую и общественную деятельность.

Изучаемые работники были видными представителями поколения 1910–1920-х годов рождения, прошедшими войну и участвовавшими в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства СССР. Это поколение победителей, вынесшее на себе основную тяжесть войны и послевоенного восстановления. Именно им довелось воссоздавать и совершенствовать систему высшего образования Севастополя.

Ярким примером этого являются заслуги ректора СПИ (СевГТУ) в 1975–1999 годы Михаила Захаровича Лавриненко. Именно под его руководством институт перерос рамки чисто технического вуза. Он инициировал открытие блока гуманитарных специальностей, чем обеспечил повышение статуса вуза до университета в 1994 году. Именно при М.З. Лавриненко осуществлялось ускоренное развитие материально-технической базы СПИ: в дополнение к уже существовавшим учебным корпусам на ул. Гоголя и общежитиям на ул. Николая Музыки было осуществлено строительство большого Студенческого городка на холме над бухтой Стрелецкая: двух общежитий, учебно-административного корпуса, спорткомплекса, фундаментальной библиотеки [41, с. 71-73]. Начальник СВВМИУ М.А. Крастелёв был не только героем Великой Отечественной войны, крупным учёным и изобретателем (автор 40 научных трудов и патентов), но и успешным администратором – в период его руководства на базе Севастопольского ВВМИУ была создана самая мощная в стране система подготовки офицеров-инженеров для атомного подводного флота [43, с. 55-59]. Годы службы в рядах Красной армии оставили глубокий след в памяти П.И. Заблоцкого. Работая в СПИ, он инициировал создание военно-патриотического клуба «Поиск», в котором студенты вели исследование боевого пути 315-й Мелитопольской Краснознаменной стрелковой дивизии, участвовавшей в освобождении Крыма и Севастополя и закончившей свой боевой путь на Крымском полуострове [49, с. 168-169]. Благодаря П.И. Заблоцкому и другим работавшим в СПИ ветеранам большое внимание там уделялось патриотическому воспитанию студенческой молодёжи.

Анализ научной и преподавательской деятельности ветеранов СПИ и СВВМИУ, воспоминаний их родственников, коллег и особенно выпускников позволяет сделать вывод, что это были высококвалифицированные специалисты, яркие, харизматичные личности, чей авторитет среди студентов и курсантов был непререкаем.

Сведения о ветеранах, полученные в ходе работы с источниками и литературой, были сведены в общедоступную базу данных, размещенную на специально созданном Интернет-сайте

«Наш бессмертный полк» [50]. Опубликованы полные фамилии, имена, отчества 297 ветеранов, в разные годы служивших или работавших в СВВМИУ и СПИ. По 127 из них установлены и опубликованы основные данные о биографии, службе в РККА или РК ВМФ, послевоенной карьере в вузе. В результате за 1,5 года работы удалось не только восстановить основные биографические данные 43% ветеранов, бывших объектами поиска, но и найти, отреставрировать и колоризовать их фотопортреты, которые также опубликованы на сайте [51]. Благодаря переписке с родственниками и коллегами ряда изучаемых лиц количество опубликованных фотографий значительно увеличилось [52]. Опубликованы также фотокопии представлений значительного числа ветеранов к наградам, изначально размещенные на специализированных Интернет-ресурсах [53]. Приведены списки публикаций тех ветеранов, кто сделал в послевоенные годы научную и/или преподавательскую карьеру ([54]). В отдельном разделе собраны (и пополняются) все публикации, выполненные участниками грантового проекта в процессе его реализации [55].

Для установления основных вех биографии 170 ветеранов, о которых известны только их фамилии, имена и отчества, на сайте содержится обращение к пользователям с просьбой поделиться имеющейся у них информацией.

Сбор и систематизация информации о ветеранах дали возможность провести ее статистический анализ. При этом были получены следующие результаты. Статистическая выборка составила 127 человек или 43% от общего количества ветеранов Великой Отечественной войны, работавших в вузах Севастополя, т.е. является достаточно репрезентативной [50].

Абсолютное большинство ветеранов – мужчины (95%). Большинство из них (74%) появились на свет в период с 1916 по 1925 год, еще 19,5% родились с 1906 по 1915 год. Большая часть родилась на территории Центра Европейской части России (38,7%) и в УССР в границах 1938 года (27%). Доля севастопольцев (1,7%), крымчан (2,5%), уроженцев Москвы (1,7%) и Ленинграда (3,4%) крайне невелика. Абсолютное большинство родились в сельской местности (62%). Таким образом, типичный сотрудник послевоенного вуза Севастополя – мужчина, уроженец европейской части СССР, выходец из крестьян.

Около половины ветеранов воевали в составе сухопутных войск (48,6%), в том числе и те, кто уже после войны связал свою судьбу с Военно-морским флотом. Примерно столько же воевало в составе ВМФ (46,8%), причем на кораблях и в береговых частях примерно поровну (24,3% и 22,5% соответственно). Доля служивших в ВВС чуть выше статистической погрешности – 4,6%. При этом лётный состав практически отсутствует. В боях за Крым участвовало лишь 12,6% ветеранов. В основном они принимали участие в обороне Севастополя (9,5%). Таким образом, локализация участия в боях в период Великой Отечественной войны не стала значимым побудительным мотивом для выбора послевоенного места жительства и трудовой самореализации для изучаемой группы ветеранов. Все они без исключения были удостоены боевых наград.

Послевоенная карьера у большинства изучаемых персоналий была связана с научно-педагогической деятельностью (58%), 32% стали руководителями различного уровня. Отказались от получения высшего образования и выполняли функции вспомогательного персонала лишь 10 человек. Это говорит о серьезных карьерных устремлениях ветеранов войны. Данные о получении ими ученых степеней, научных и учебно-методических публикациях пока не полны и отрывочны. Имеются данные о 7% кандидатов и 1,5% докторов наук. Научные публикации зафиксированы у 14%, учебно-методические – у 6% изучаемых лиц. 7% имели государственные награды за трудовую деятельность. Уточнить эти данные позволит изучение личных дел ветеранов, хранящихся в Архиве города Севастополя. В связи с карантинными ограничениями, в период реализации грантового проекта сделать это не удалось. Поэтому исследования будут продолжены.

Количество ветеранов, работавших/служивших в СПИ и СВВМИУ, примерно одинаковое – 49% и 51%, соответственно. Учитывая специфику вузов, 79% ветеранов из числа профессорско-преподавательского состава имели техническое образование, 12% - гуманитарное и 9% - естественнонаучное.

Таким образом, основные итоги реализации проекта РФФИ № 20-49-920005 р_а_Севастополь на тему: «Изучение вклада участников Великой Отечественной войны в становление и развитие высших учебных заведений Севастополя» следующие:

ИСТОРИЯ

1. Выявлен, систематизирован и изучен комплекс источников по теме исследования. В дальнейшем планируется продолжить исследование материалов из фондов Р-503, Р-625 и Р-392 ГКУ «Архив города Севастополя».

2. Разработана и апробирована на широком социальном срезе методика проведения историко-биографического исследования. Сделан вывод о необходимости применения как традиционных общенаучных и специально-исторических методов, так и активного использования материалов сети Интернет и интервьюирования.

3. Выявлены и уточнены военные и трудовые биографии 127 ветеранов, работавших в севастопольских высших учебных заведениях. Это позволило определить роль участников Великой Отечественной войны в развитии военных и гражданских вузов Севастополя.

4. Составлена и проанализирована историко-биографическая иллюстрированная база данных по теме проекта. На основе анализа этой информации прослежены закономерности профессиональной миграции участников войны в Севастополь / из Севастополя в 40–70-е годы XX века, охарактеризован коллективный портрет ветеранов, связавших судьбу с системой высшего образования послевоенного Севастополя.

5. Результаты проведенного исследования представлены в серии научных публикаций и докладов на всероссийских и международных научных конференциях.

Литература и источники

1. Архив г. Севастополя (АГС). Ф. Р-503. Оп. 1. Д. 9.
2. АГС. Фонд Р-503. Оп. 1. Д. 20.
3. АГС. Ф. Р-503. Оп. 3. Д. 266. 68 л.
4. АГС. Ф. Р-503. Оп. 3. Д. 268. 32 л.
5. АГС. Ф. Р-503. Оп. 3. Д. 269. 41 л.
6. АГС. Ф. Р-503. Оп. 3. Д. 267. 28 л.
7. АГС. Ф. Р-503. Оп. 3. Д. 63. 57 л.
8. АГС. Ф. Р-503. Оп. 3. ДД. 38, 56 и др.
9. АГС. Ф. Р-503. Оп. 3. Д. 2082. 9 л.
10. АГС. Ф. Р-503. Оп. 10. ДД. 1-260.
11. АГС. Фонд Р-392. Оп. 1. ДД. 1, 5, 7 и др.
12. АГС. Ф. Р-392. Оп. 1. Д. 345. 128 л.
13. АГС. Ф. Р-625. Оп. 7. ДД. 1-48.
14. *Заблоцкий П.И.* Мои боевые воспоминания, апрель 1991 г. (рукопись).
15. *Заблоцкий П.И.* Встречи на родной земле // За приборостроительные кадры. - 1984. - 23 мая. - № 22 (706).
16. *Заблоцкий П.И.* Героическая летопись в фото // За приборостроительные кадры. - 1979. - 6 июня. - №23 (474).
17. *Заблоцкий П.И.* За Крым, за Севастополь! // За приборостроительные кадры. - 1984. - 9 мая. - № 20 (704).
18. *Заблоцкий П.И.* Никто не забыт // За приборостроительные кадры. - 1979. 28 февраля. - №9 (460).
19. Личный фотоархив В.И. Домашенко. // [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/album439588969_272461017; https://vk.com/album439588969_281772286 (дата обращения: 09.05.2022).
20. *Саркисов А.А.* Воспоминания. Встречи. Размышления. 2-е изд. испр. и доп., 2-я ред., актуализов. - М.: Комтехпринт, 2012. - 563 с.
21. *Боднарчук В.И.* Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище. Выпуск за выпуском. - Севастополь: РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2016. - 292 с.
22. *Чупрынин С.Я.* Севастопольское инженерное: Очерк истории Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища. - Севастополь: Флаг Родины, 1976. - 180 с.
23. «Слава Севастополя»: чтим прошлое, смотря в будущее // Слава Севастополя. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://slavasev.ru/oredaktsii-gazetyi/> (дата обращения: 08.08.2022).
24. Газете «Флаг Родины» исполнилось 92 года // Информационный портал «ForPost» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sevastopol.su/news/gazete-flag-rodiny-ispolnilos-92-goda> (дата обращения: 08.08.2022).
25. Они познакомились в день снятия блокады и пронесли свою любовь через всю жизнь // Слава Севастополя, 24 января 2014. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://slavasev.ru/2014/01/24/oni-poznakomilis-v-den-snyatiya-blokady-i-pronesli-svoyu-lyubov-cherez-vsuyu-zhizn/> (дата обращения: 08.08.2022).
26. *Жолковский Е.А.* Его призвание // Слава Севастополя. - 1986. - 23 сентября.
27. *Хронопуло М.Н., Некрасов В.П.* и др. Крастелёв Михаил Андроникович // Слава Севастополя. - 1988. - 30 января. - №21.
28. *Троценко В.И.* Севастопольский национальный технический университет: очерки становления и развития. - Севастополь: СевНТУ, 2005. - 180 с.
29. *Гимпилович Ю.Б., Афонин И.Л.* Кафедре радиотехники и телекоммуникаций Севастопольского национального технического университета – пятьдесят! // 6-я Международная молодежная научно-техническая конференция «Современные проблемы радиотехники и телекоммуникаций РТ-2010»: материалы конференции. Севастополь, 19-24 апреля 2010 г. - Севастополь: СевНТУ, 2010. - С. 36-39.
30. Память народа. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).
31. Подвиг народа 1941–1945 // [Электронный ресурс]. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 08.08.2022).
32. Дорога памяти // [Электронный ресурс]. – URL: <https://1418museum.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).
33. Бессмертный полк. Официальный сайт движения. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.moypolk.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).

34. Обобщенный банк данных «Мемориал»/[Электронный ресурс]. – URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 08.08.2022).
35. Победа 1945. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pobeda1945.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).
36. 1941–1945 Победители. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pobediteli.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).
37. Крымский виртуальный некрополь. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.memento-sevastopol.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).
38. Виртуальный некрополь Севастополя. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tombs-sevastopol.ru/> (дата обращения: 08.08.2022).
39. СВВМИУ.ру. // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.svvmiu.ru/forum/index.php> (дата обращения: 08.08.2022).
40. *Ханаев В.В., Борисов С.Д.* Роль ветеранов Великой Отечественной войны в создании и развитии высших учебных заведений Севастополя: источниковедческие и методологические аспекты // Современная научная мысль. - 2022. - № 3. - С. 188-198.
41. *Лекарева В.Д., Николаева М.Ю.* Роль ветерана Великой Отечественной войны М.З. Лавриненко в развитии Севастопольского приборостроительного института // Ломоносов-2021. Материалы XXVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - Севастополь, 2021. - С. 71-73.
42. *Лекарева В.Д.* История крейсера «Молотов» в контексте биографии М.З. Лавриненко // Севастополь-Сталинград: одна война, одна история. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 76-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. - Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2021. - С. 45-49.
43. *Николаева М.Ю.* Военная и трудовая биография вице-адмирала М.А. Крастелёва // Севастополь-Сталинград: одна война, одна история. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 76-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне. - Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2021. - С. 55-59.
44. *Николаева М.Ю.* Роль ветерана Великой Отечественной войны инженер-капитана I ранга В.М. Руденко в развитии Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища // Потемкинские чтения. Сборник материалов V Международной научной конференции. - Севастополь, 2021. - С. 189-191.
45. *Лекарева В.Д.* Военная и трудовая биография ветерана Великой Отечественной войны Виталия Кириловича Мухи // Ломоносов-2021. Материалы XXVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - Севастополь, 2021. - С. 73-74.
46. *Андреева А.И.* Джусь И.А.: Жизненный путь и вклад участника Великой Отечественной войны в патриотическое воспитание молодежи // Ломоносов-2021. Материалы XXVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. - Севастополь, 2021. - С. 50-51.
47. *Лекарева В.Д.* Александр Иванович Доценко: боевой путь от курсанта до инженер-капитана I ранга и кандидата технических наук // Потемкинские чтения. Сборник материалов V Международной научной конференции. - Севастополь, 2021. - С. 183-184.
48. *Лекарева В.Д.* Вклад профессора И.К. Бондаренко в развитие кафедры радиоэлектроники и телекоммуникаций севастопольского приборостроительного института // Потемкинские чтения. Сборник материалов V Международной научной конференции. - Севастополь, 2021. - С. 185-186.
49. *Андреева А.И.* Заблочкий Павел Иванович: жизненный путь и вклад в сохранение памяти об участниках Великой Отечественной войны в Севастопольском приборостроительном институте // Потемкинские чтения. Сборник материалов V Международной научной конференции. - Севастополь, 2021. - С. 168-169.
50. Интернет-сайт «Наш Бессмертный полк» // [Электронный ресурс]. – URL: <https://veteran.sevsu.ru/> (дата обращения: 06.08.2022).
51. Фотогалерея. // [Электронный ресурс]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=398 (дата обращения: 08.08.2022).
52. Саркисов Ашот Аракелович // [Электронный ресурс]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=796 (дата обращения: 08.08.2022).
53. Василенко Александр Алексеевич // [Электронный ресурс]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=1450 (дата обращения: 08.08.2022).
54. Джусь Иван Абрамович. // [Электронный ресурс]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=1561 (дата обращения: 08.08.2022).
55. Публикации. // [Электронный ресурс]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=3453 (дата обращения: 08.08.2022).

References and Sources

1. Arhiv g. Sevastopolya (AGS). F. R-503. Op. 1. D. 9.
2. AGS. Fond R-503. Op. 1. D. 20.
3. AGS. F. R-503. Op. 3. D. 266. 68 l.
4. AGS. F. R-503. Op. 3. D. 268. 32 l.
5. AGS. F. R-503. Op. 3. D. 269. 41 l.
6. AGS. F. R-503. Op. 3. D. 267. 28 l.
7. AGS. F. R-503. Op. 3. D. 63. 57 l.
8. AGS. F. R-503. Op. 3. DD. 38, 56 i dr.
9. AGS. F. R-503. Op. 3. D.2082. 9 l.
10. AGS. F. R-503. Op. 10. DD. 1-260.
11. AGS. Fond R-392. Op. 1. DD.1, 5, 7 i dr.
12. AGS. F. R-392. Op. 1. D. 345. 128 l.
13. AGS. F. R-625. Op. 7. DD. 1-48.
14. Zablockij P.I. Moi boevye vospominaniya, aprel' 1991 g. (rukopis').
15. Zablockij P.I. Vstrechi na rodnoj zemle // Za priborostroitel'nye kadry. - 1984. - 23 maya. - № 22 (706).
16. Zablockij P.I. Geroicheskaya letopis' v foto // Za priborostroitel'nye kadry. - 1979. - 6 iyunya. - №23 (474).
17. Zablockij P.I. Za Krym, za Sevastopol'! // Za priborostroitel'nye kadry. - 1984. - 9 maya. - № 20 (704).
18. Zablockij P.I. Nikto ne zabyt // Za priborostroitel'nye kadry. - 1979. 28 fevralya. - №9 (460).
19. Lichnyj fotoarhiv V.I. Domashenko. // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://vk.com/album439588969_272461017; https://vk.com/album439588969_281772286 (data obrashcheniya: 09.05.2022).
20. Sarkisov A.A. Vospominaniya. Vstrechi. Razmyshleniya. 2-e izd. ispr. i dop., 2-ya red., aktualizov. - M.: Komtekhpriint, 2012. - 563 s.

21. Bodnarchuk V.I. Sevastopol'skoe vysshee voenno-morskoe inzhenernoe uchilishche. Vypusk za vypuskom. - Sevastopol': RIICM FGAOU VO «Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet», 2016. - 292 s.
22. Chuprynin S.YA. Sevastopol'skoe inzhenernoe: Ocherk istorii Sevastopol'skogo vysshego voenno-morskogo inzhenernogo uchilishcha. - Sevastopol': Flag Rodiny, 1976. - 180 s.
23. «Slava Sevastopolya»: chtim proshloe, smotrya v budushchee // Slava Sevastopolya. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://slavasev.ru/oredaktsii-gazety/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
24. Gazete «Flag Rodiny» ispolnilos' 92 goda // Informacionnyj portal «ForPost» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://sevastopol.su/news/gazete-flag-rodiny-ispolnilos-92-goda> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
25. Oni poznakomilis' v den' snyatiya blokady i pronesli svoyu lyubov' cherez vsyu zhizn' // Slava Sevastopolya, 24 yanvara 2014. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://slavasev.ru/2014/01/24/oni-poznakomilis-v-den-snyatiya-blokady-i-pronesli-svoyu-lyubov-cherez-vsyu-zhizn/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
26. Zholkovskij E.A. Ego prizvanie // Slava Sevastopolya. - 1986. - 23 sentyabrya.
27. Hronopulo M.N., Nekrasov V.P. i dr. Krastelyov Mihail Andronikovich // Slava Sevastopolya. - 1988. - 30 yanvara. - №21.
28. Troshchenko V.I. Sevastopol'skij nacional'nyj tekhnicheskij universitet: ocherki stanovleniya i razvitiya. - Sevastopol': SevNTU, 2005. - 180 s.
29. Gimpilevich Yu.B., Afonin I.L. Kafedre radiotekhniki i telekommunikacij Sevastopol'skogo nacional'nogo tekhnicheskogo universiteta – pyat' desyat' // 6-ya Mezhdunarodnaya molodezhnaya nauchno-tekhnicheskaya konferenciya «Sovremennye problemy radiotekhniki i telekommunikacij RT-2010»: materialy konferencii. Sevastopol', 19-24 aprelya 2010 g. - Sevastopol': SevNTU, 2010. - S. 36-39.
30. Pamyat' naroda. // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
31. Podvig naroda 1941–1945 // [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
32. Doroga pamyati // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://1418museum.ru/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
33. Bessmertnyj polk. Oficial'nyj sayt dvizheniya. – [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.moypolk.ru/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
34. Obobshchennyj bank dannyh «Memorial»/[Elektronnyj resurs]. – URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
35. Pobeda 1945. // [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.pobeda1945.su/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
36. 1941–1945 Pobediteli. // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.pobediteli.ru/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
37. Krymskij virtual'nyj nekropol'. // [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.memento-sevastopol.ru/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
38. Virtual'nyj nekropol' Sevastopolya. // [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.tombs-sevastopol.ru/> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
39. SVVMIU.ru. // [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.svvmiu.ru/forum/index.php> (data obrashcheniya: 08.08.2022).
40. Hapaev V.V., Borisov S.D. Rol' veteranov Velikoj Otechestvennoj vojny v sozdanii i razvitii vysshih uchebnyh zavedenij Sevastopolya: istochnikovvedcheskie i metodologicheskie aspekty // Sovremennaya nauchnaya mysl'. - 2022. - № 3. - S. 188-198.
41. Lekareva V.D., Nikolaeva M.YU. Rol' veterana Velikoj Otechestvennoj vojny M.Z. Lavrinenko v razvitii Sevastopol'skogo priborostroitel'nogo instituta // Lomonosov-2021. Materialy XXVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. - Sevastopol', 2021. - S. 71-73.
42. Lekareva V.D. Istoriya krejsera «Molotov» v kontekste biografii M.Z. Lavrinenko // Sevastopol'-Stalingrad: odna vojna, odna istoriya. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 76-letiyu so dnya Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne. - Sevastopol': Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet, 2021. - S. 45-49.
43. Nikolaeva M.YU. Voennaya i trudovaya biografiya vice-admirala M.A. Krastelyova // Sevastopol'-Stalingrad: odna vojna, odna istoriya. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 76-letiyu so dnya Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne. - Sevastopol': Sevastopol'skij gosudarstvennyj universitet, 2021. - S. 55-59.
44. Nikolaeva M.YU. Rol' veterana Velikoj Otechestvennoj vojny inzhener-kapitana I ranga V.M. Rudenko v razvitii Sevastopol'skogo vysshego voenno-morskogo inzhenernogo uchilishcha // Potemkinskie chteniya. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. - Sevastopol', 2021. - S. 189-191.
45. Lekareva V.D. Voennaya i trudovaya biografiya veterana Velikoj Otechestvennoj vojny Vitaliya Kirilovicha Muhi // Lomonosov-2021. Materialy XXVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. - Sevastopol', 2021. - S. 73-74.
46. Andreeva A.I. Dzhus' I.A.: Zhiznennyj put' i vklad uchastnika Velikoj Otechestvennoj vojny v patrioticheskoe vospitanie molodyozhi // Lomonosov-2021. Materialy XXVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. - Sevastopol', 2021. - S. 50-51.
47. Lekareva V.D. Aleksandr Ivanovich Docenko: boevoy put' ot kursanta do inzhener-kapitana I ranga i kandidata tekhnicheskikh nauk // Potemkinskie chteniya. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. - Sevastopol', 2021. - S. 183-184.
48. Lekareva V.D. Vklad professora I.K. Bondarenko v razvitie kafedry radioelektroniki i telekommunikacij sevastopol'skogo priborostroitel'nogo instituta // Potemkinskie chteniya. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. - Sevastopol', 2021. - S. 185-186.
49. Andreeva A.I. Zablokij Pavel Ivanovich: zhiznennyj put' i vklad v sohranenie pamyati ob uchastnikah Velikoj Otechestvennoj vojny v Sevastopol'skom priborostroitel'nom institute // Potemkinskie chteniya. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. - Sevastopol', 2021. - S. 168-169.
50. Internet-sajt «Nash Bessmertnyj polk» // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://veteran.sevsu.ru/> (data obrashcheniya: 06.08.2022).
51. Fotogalereya. // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=398 (data obrashcheniya: 08.08.2022).
52. Sarkisov Ashot Arakelovich // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=796 (data obrashcheniya: 08.08.2022).
53. Vasilenko Aleksandr Alekseevich // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=1450 (data obrashcheniya: 08.08.2022).
54. Dzhus' Ivan Abramovich. // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=1561 (data obrashcheniya: 08.08.2022).
55. Publikacii. // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://veteran.sevsu.ru/?page_id=3453 (data obrashcheniya: 08.08.2022).

БОЙЦОВА ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «История» Севастопольский государственный университет (elenaboicova@list.ru).

ХАПАЕВ ВАДИМ ВАДИМОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедра «История», заместитель директора Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

ШИХАМЕТОВА ЭЛЬЗАРА РЕФАТОВНА – заместитель директора по образовательной деятельности Института дополнительного профессионального образования, ассистент кафедры «История», Севастопольский государственный университет (zara097@mail.ru).

БОРИСОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – магистр истории, исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (sergei.borisoff99@gmail.com).

АНДРЕЕВА АЛИНА ИГОРЕВНА – магистрант, кафедра «Музейное дело и охрана памятников историко-культурного наследия» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (alinka302000@mail.ru).

BOITSOVA, ELENA E. – Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the History Department, Sevastopol State University.

КНАПАЕВ, VADIM V. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History, Deputy Director of the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (khapaev007@mail.ru).

SHIKHAMETOVA, ELZARA R. – Deputy Director for Educational Activities of the Institute of Additional Professional Education, Assistant of the History Department, Sevastopol State University (zara097@mail.ru).

BORISOV, SERGEY D. – Master of History, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

ANDREEVA, ALINA I. – undergraduate, Department of Museum Affairs and Protection of Monuments of Historical and Cultural Heritage, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (alinka302000@mail.ru).

УДК 94(569.1)«2000/2011»:327.56

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-176-180

ХАДЖИЕВА Б.М.

ОТ «ДАМАССКОЙ ВЕСНЫ» К ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТНОСТИ (К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССАХ В СИРИИ В 2000-2011 гг.)

Ключевые слова: «дамасская весна», Сирийский кризис, этнорелигиозная конфликтность, вооруженная оппозиция, межконфессиональные отношения.

В статье исследованы процессы эскалации этнорелигиозной конфликтности в Сирии в 2000-2011 гг., когда эта страна вошла в фазу острого многостороннего противостояния различных групп данного социума. Показано, что в оформившемся в рассматриваемый период кризисе особое значение приобрела вооруженная борьба исламистов, стремившихся усилить своё влияние на власть, отстаивавших фундаменталистские интересы во власти, противопоставлявших их светскому правлению. Автор исследует основные направления преобразований, начатых пришедшим к власти в июле 2000 года Башаром Асадом. Показано, что «дамасская весна», стимулировав рост общественной активности, с определенного момента неизбежно обернулась усилением давления на оппозицию, подпитываемую исламистскими организациями не только внутри страны, но и извне.

KNADZHIEVA, B.M.

FROM "DAMASUS SPRING" TO ESCALATION OF CONFLICT (ON THE QUESTION OF ETHNO-RELIGIOUS PROCESSES IN SYRIA IN 2000-2011)

Key words: "Damascus spring", Syrian crisis, ethno-religious conflict, armed opposition, interfaith relations.

The article examines the processes of escalation of ethno-religious conflict in Syria in 2000-2011, when this country entered a phase of acute multilateral confrontation between various groups of this society. It is shown that in the crisis that took shape in the period under review, the armed struggle of the Islamists, who sought to strengthen their influence on power, defended fundamentalist interests in power, and opposed them to secular rule, acquired particular importance. The author examines the main directions of reforms initiated by Bashar al-Assad, who came to power in July 2000. It is shown that the "Damascus spring", having stimulated the growth of public activity, from a certain moment inevitably turned into increased pressure on the opposition, fueled by Islamist organizations not only within the country, but also from outside.

Рассматривая проблемы развития современной Сирии в аспекте наиболее значимых для нее социальных противоречий, одним из основных факторов, по-прежнему порождающих острую внутривнутриполитическую конфликтность, следует считать религиозно-конфессиональный, который, по мнению многих аналитиков, является определяющим в социально-политической диспозиции. Однако так ли он однозначен на самом деле? Так ли внезапно произошло обострение борьбы между представителями различных конфессий? Можно ли это считать лишь отражением противостояния государства и различных религиозных течений, причем радикально настроенных против легитимной власти, прикрывающиеся внешней религиозной оболочкой? А может это просто неудовлетворённые амбиции лидеров, стремящихся к самоутверждению во власти в условиях отсутствия социальных лифтов и воспользовавшихся расслоением общества? Постараемся найти ответы на эти вопросы.

На наш взгляд, начать нужно с момента, когда в июле 2000 года к власти пришёл Башар Асад, который начал проводить серьёзные изменения в стране, опираясь на разработанный им курс по демократизации и либерализации общества, что позже получило название «дамасской весны». Впоследствии усиливается давление на оппозицию, подпитываемую исламистскими организациями не только внутри страны, но и извне. Об этом свидетельствуют события, развернувшиеся весной 2011 года, когда возник конфликт с местными исламистами, приведший к интервенции сил так называемого Исламского государства (ИГ). Как показали данные события, стремительно развивавшиеся с этого времени в сторону обострения, сторонами конфликта всё чаще стали использоваться конфессиональные точки напряженности (как с одной, так и с другой стороны), что привело к страшным последствиям.

Так в чем заключался религиозно-политическая составляющая «дамасской весны»? – Как известно, еще президент Хафез Асад дал старт кампании масштабных преобразований, начав с реформирования социально-политической и экономической системы. Им были предприняты также попытки изменений идеологического характера, меры по борьбе с коррупцией и пр. В своей монографии «История Сирии: XX век» историк-арабист Э.П. Пир-Будагова отмечает: «В июне

ИСТОРИЯ

1999 г. сирийские власти сообщили о начале широкой кампании борьбы с коррупцией, проводимой под руководством Башара аль-Асада. В результате ряд ведущих военных и гражданских представителей власти были арестованы. А перед этим в конце сентября 1998 г. прошла волна многочисленных арестов спецслужбами в Дамаске и Латакии лиц, связанных с коррупцией» [1, с. 310]. Таким образом, еще в 1999 г. сыну президента Башару были преданы важные полномочия, касающиеся внешней политики. Кроме того, он контролировал вопросы, связанные с защитой интересов Сирии в Ливане, в том числе «...по налаживанию контактов с представителями христианской общины, особенно с маронитами» [1, с. 310].

Став в 2000 г. президентом страны, относительно молодой политик Башар Асад начал реализацию курса, который выстраивался на основах демократии и либеральных составляющих, что было отмечено видными критиками с Запада. Например, Дэвид Леш в своей книге «Падение дома Асадов» отметил следующее: «В течение нескольких месяцев после того, как Башар вступил в должность, ощущалась более открытая политическая среда, что дало основание многим назвать этот период «дамасской весной». Семь-восемь месяцев «дамасской весны» были отмечены общей амнистией политзаключенных всех толков, лицензированием частных газет, встряской аппарата контролируемых государством СМИ, появлением политических форумов и салонов, в которых допускались открытая критика и инакомыслие» [2, р. 80]. Фиксируя начавшееся потепление внутривосточного климата, Леш оправдывает незаконченность реформ Башара тем, что ему пришлось столкнуться с резко возросшей критикой в адрес власти и правительства, а также с увеличением количества про-демократических групп и организаций.

Пытаясь в данном контексте определить религиозную составляющую набравших силу деструктивных процессов, необходимо обратиться к давнему противостоянию баасистского светского консерватизма со стоявшим в оппозиции к нему исламским экстремизмом, с идеей борьбы за права мусульманского общества. На наш взгляд, свертывание реформ как раз и было в первую очередь следствием того, что ближайшее окружение президента, так называемая «старая гвардия», вовсе не горела желанием дать шанс на широкое участие в политической деятельности религиозным фундаменталистам. Кроме того, всеми силами необходимо было избежать открытой конфронтации (как это было в начале 80-х годов) с оппозиционерами-радикалами, настроенными против правящего режима, который их не устраивал.

Нельзя не заметить, что в тот момент вопрос об арабо-израильском противостоянии находился на стадии решения и, как многим казалось, завершающей. Ещё весной 2000 года, при непосредственном участии в переговорах президента США Б. Клинтона, появилась вероятность передачи Сирии Голанских высот. Спустя год представитель администрации американского президента на Ближнем Востоке Дэннис Росс заявил, что на протяжении всего года наблюдались существенные сдвиги в арабо-израильских отношениях, обнадеживающие в дальнейшей перспективе их развития [3, с. 49]. Хотя, конечно, не обошлось без интриг и разнообразных инсинуаций со стороны тех, кого не устраивало такое развитие событий. Всячески затягивалось решение проблемы путем нагнетания внутривосточной обстановки в стране в области госбезопасности, а также во взаимоотношениях между конфессиями. Израильцы совершили авианалёт на территорию Ливана, последствиями которого среди прочего стали жертвы среди военных сирийской армии (трое погибших и шестеро раненых бойцов) [4, с. 10]. Это стало причиной того, что был упущен удобный момент для компромиссных договоренностей. На заре правления Б. Асада были вновь предприняты аморфные попытки достижения договоренностей: «...Вполне объяснимо, что он был сосредоточен на внутренних проблемах. Мы чувствовали интерес с его стороны, но время еще не пришло» [5].

Таким образом, региональный элемент будущего масштабного инцидента был достаточно значимым. При этом он усугублялся вопросами, связанными с внутренней защищённостью. Нередко Сирия оказывалась специфическим перевалочным пунктом для зарубежных радикальных элементов, стремившихся выстраивать свою собственную религиозную борьбу на землях других стран, к примеру, в Ираке, Палестине и пр. На активизацию исламистских сил в Сирии в некоторой степени могли повлиять и события в Турции, где развернулась общественная дискуссия между сторонниками кемализма и «исламскими консерваторами» по вопросам проведения светской политики, превратившейся, по мнению исламистов, в антирелигиозную [6, р. 163].

ИСТОРИЯ

Данные события, без сомнения, многими рассматривались, прежде всего, в контексте Большого Ближнего Востока. При этом наиболее знаковый подход здесь, в частности, нашел отражение в периодическом издании – журнале «Foreign Affairs», ещё в 2005 году определявшем «дамасскую весну» как явление, в котором сирийский народ увидел начальные задатки растущей свободы, которой можно добиться лишь посредством так называемой «силовой «демократизации» в Ираке и «кедровой революции» в Ливане: «Сирийцы, долго жившие в тисках автократии теперь оказываются на перекрестке перемен. К востоку от них пытается пустить корни новая иракская демократия, уйти от династической преемственности, культа статуй и высших руководителей. К западу от них доблестные (и стильные) молодые ливанцы вышли на улицы, чтобы заявить о своей приверженности свободе» [7, р. 34].

Однако для властей Сирии это не выглядело столь радужно. Опасаясь дестабилизации межобщинных отношений на территории своей страны, сирийские власти с тревогой наблюдали как развиваются события в соседних государствах, откуда нередко проникали призывы к смене режима демократическим путем. Так, «Братья мусульмане» предлагали модель «современного государства», отошедшего от прошлого и функционирующего на уровне договоренностей, опубликовав свою программу. Но отношение властей к этой организации осталось неизменным – запрет на её деятельность оставался в силе. Правительственная администрация Асада была вынуждена следить за каналами общения Братьев мусульман и других исламистских группировок и их поддержки из стран региона, чтобы не допустить их укрепления на территории Сирии. Руководящая Партия арабского социалистического возрождения (БААС) крайне отрицательно относилась к Братьям мусульманам, чем вызвала неприязнь к себе во всем регионе.

В итоге, народный демократический энтузиазм, вызванный реформами нового молодого лидера страны, был погашен последующими действиями его администрации. Закрытие дискуссионных клубов, усиление цензуры печати, арест публичных деятелей и др., вероятно, эти меры были не безосновательны, так как ещё недавно, в 80-90-х годах исламисты провели массовые теракты на территории страны: 1986 г. – мощный взрыв в Дераа в январе, в марте того же года – на Дамасской площади Аббасидов, а позднее произошло столкновение трамвая с пассажирами с заминированным автомобилем. В других городах страны также прошла череда терактов – в Хомсе, Латакии и Тартусе. Аналогичные страшные события были и в других областях страны, причем ответственность за совершение этих действий брали на себя ранее никому неизвестные группировки, такие как «Армия за освобождение Сирии», «Организация исламского освобождения – верные» и т.п. Но следует заметить, что все совершенные теракты того периода не были проявлением борьбы суннитов с режимом меньшинства – алавитами. Скорее это можно назвать противостоянием исламистов светскому правлению баасистов.

Так в первом десятилетии 2000-х гг. складывалась устойчивая позиция правящего режима по отношению к различного рода радикальным исламистским направлениям, что, в свою очередь, вызывало своего рода нападки и давление с разных сторон. В частности, непосредственно от исламистов, региональных сил, для которых было выгодно, чтобы усиливались сирийские суннитские общества в стране, а также со стороны стран Запада, стремившихся переделать на свой лад всю систему авторитарных государств Ближнего Востока. Если искать логическое объяснение, то скорее всего все заинтересованные стороны прилагали усилия для свержения режима Асада, используя различные способы политического и дипломатического давления, финансовые влияния и определённые политические обещания для «новой Сирии» и т.п., а также своего рода информационно-идеологическую обработку всех заинтересованных сил.

В частности, повсеместно распространялась информация о том, что алавиты, являющиеся меньшинством, находятся у власти, в то время как суннитское большинство вынуждено мириться с этой ситуацией, к тому же всё остальное население просто запугано. В данной связи заметим, что на территории Сирии многочисленные христианские общины некоторое время оставались в тени, как бы выпадая из контекста, в котором рассматривался религиозный шиитско-суннитский вопрос, в том числе и борьба оппозиции с меньшинством алавитов, находящихся у власти. Приверженцы общественно-политического ислама рассматривали христиан как своеобразных «подзащитных» (ахль аз-зима) в своей стране и относились к ним с осторожностью, понимая, что они остаются сторонниками гражданского равноправия и светской власти в государстве.

Довольно проблематично определить долю влияния извне на процесс, развернувшийся в религиозных взаимоотношениях того периода. Очевидно, в середине первого десятилетия XXI века алавиты пытались найти свои выгоды из создавшегося положения, проникая на выгодные места в спецслужбах и занимая высокие руководящие посты. Это вызывало острые противоречия в межконфессиональных отношениях, в результате чего обстановка накалялась. Как следствие, по стране прокатился ряд провокаций, что привело к определённым последствиям: в мае 2011 года была проведена операция спецслужб по «умиротворению» с участием спецслужб [8]. Поначалу разыгравшийся конфликт имел, как казалось, черты межконфессионального противоборства, причем стало понятно, что боевики рассматривали как мишень в борьбе с президентской властью алавитов, поддерживающих его априори.

Но надо отметить, что правительственная армия в сложившихся сложных условиях, была достаточно сплоченной и боеспособной, готовой защищать интересы страны, возглавляемой Асадом, хотя большинство офицеров и не были из числа алавитов. В Сирии, кроме суннитов и алавитов, проживали христиане разных конфессий, которые склонялись к мирному разрешению вопросов путем реформ и преобразований. Это было понятно, так как они понимали, что могут стать невольными жертвами вооруженного конфликта внутри страны, поэтому как никто другой были озабочены сложившимся положением. Нельзя забывать и о сирийцах, что вели кочевой и полукочевой образ жизни. Племенная община представляла собой особый мир, в котором отражались взгляды на религию, основанную на суннитском учении, где не было места для экстремизма и каких-либо радикальных идей относительно существующей власти.

К сожалению, даже сегодня, при обсуждении вопроса о характере режима Б. Асада, часто можно услышать мнение о том, что Сирией правит «алавитская верхушка», хотя большинство населения – сунниты. Таким образом, характер внутривосточной проблемы сводится лишь к узкому религиозному контексту. Однако, как нам представляется, вопрос стоит значительно шире. В частности, есть доля справедливости в позиции нидерландского посла в Ираке Николаоса (Коос) Ван Дама, который сформулировал следующую точку зрения: «Сирией никогда не правило «алавитское меньшинство» и совершенно естественно, что среди противников есть и алавиты, которые также пострадали от баасистского режима. Этот диктаторский режим правил регионами Сирии, районами и группами населения, где преобладали алавиты. Многие алавиты желали политических перемен в стране, как и другие сирийцы» [9].

Обращаясь к фактам, можно также отметить следующее: общество Сирии испытывало мощное внешнее воздействие, в результате которого оно разъединилось по своим политическим предпочтениям. В то же время, большинство осознавало, что только светская власть сможет гарантировать своего рода безопасность всем конфессиональным меньшинствам, следовательно, дать им возможность участвовать в политической жизни страны. В данной связи, при любом исходе, для Сирии вопросы конфессионального характера не стали критическими, потому что и ранее они существовали в той или иной форме, но не были новы и вовсе не разделяли страну на какие-либо «линии разлома», как зачастую это пытаются преподнести в некоторых формулировках. Полагаем, что все эти воображаемые линии не приобретут другие - более реальные свойства жестких границ и не отбросят арабские государства назад, в прошлое.

Литература и источники

1. Пир-Будагова Э.П. История Сирии, XX век. - М.: ИВ РАН, 2015.
2. Lesch, David W. The Uprising That Wasn't Supposed to Happen: Syria and the Arab Spring // The Arab Spring: change and resistance in the Middle East / ed. by Mark L. Haas, David W. Lesch. Westview Press, 2013.
3. Компас (ИТАР-ТАСС). - 2001. - 19 апреля. - № 16.
4. Компас (ИТАР-ТАСС). - 2001. - 26 апреля. - № 17.
5. Dennis Ross's Exit Interview to "New York Times" / By Clyde Haberman March 25, 2001. URL: <http://www.nytimes.com/2001/03/25/magazine/dennis-ross-s-exit-interview.html>
6. Kuru, Ahmet T. Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey. Cambridge University Press, 2009.
7. Ajami, Fouad. The Autumn of the Autocrats // Foreign Affairs, Vol. 84, No. 3 (May–Jun., 2005). <https://doi.org/10.2307/20034347>
8. Sweeping arrests in Syria as tanks roll in // Independent, May 8, 2011. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/sweeping-arrests-in-syria-as-tanks-roll-in-2281073.html>.
9. Van Dam, Nikolaos. Syria: The Dangerous Trap of Sectarianism / Syria Comment, April 14, 2011. URL: <http://www.joshualandis.com/blog/syria-the-dangerous-trap-of-sectarianism-by-nikolaos-van-dam>.

References and Sources

1. Pir-Budagova E.P. Istoriya Sirii, XX vek. - M.: IV RAN, 2015.
2. Lesch, David W. The Uprising That Wasn't Supposed to Happen: Syria and the Arab Spring // The Arab Spring: change and resistance in the Middle East / ed. by Mark L. Haas, David W. Lesch. Westview Press, 2013.

3. Kompas (ITAR-TASS). - 2001. - 19 aprelya. - № 16.
4. Kompas (ITAR-TASS). - 2001. - 26 aprelya. - № 17.
5. Dennis Ross's Exit Interview to "New York Times" / By Clyde Haberman March 25, 2001. URL: <http://www.nytimes.com/2001/03/25/magazine/dennis-ross-s-exit-interview.html>
6. Kuru, Ahmet T. Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey. Cambridge University Press, 2009.
7. Ajami, Fouad. The Autumn of the Autocrats // Foreign Affairs, Vol. 84, No. 3 (May–Jun., 2005). <https://doi.org/10.2307/20034347>
8. Sweeping arrests in Syria as tanks roll in // Independent, May 8, 2011. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/swEEPing-arrests-in-syria-as-tanks-roll-in-2281073.html>.
9. Van Dam, Nikolaos. Syria: The Dangerous Trap of Sectarianism / Syria Comment, April 14, 2011. URL: <http://www.joshualandis.com/bl-og/syria-the-dangerous-trap-of-sectarianism-by-nikolaos-van-dam>.

ХАДЖИЕВА БЕЛЛА МАГОМЕДОВНА – заместитель декана исторического факультета по учебно-методической работе, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный
KHADZHIEVA, BELLA M. - Deputy Dean of the Faculty of History for Educational and Methodological Work, Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny (bella@mail.ru).

УДК 94(470):947: 656.61

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-180-187

МЕДВЕДЕВА Л.М.

ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Ключевые слова: российская Арктика, транспорт, Северный морской путь, ледокольный флот, морские перевозки, международный транзит, стратегия развития Арктики.

В статье рассматриваются условия, в которых формировалась инфраструктура Северного морского пути (СМП) и осуществлялась его транспортная деятельность в последние два десятилетия. Показано, что конкретизация комплекса мер, направленных на развитие Арктической зоны, произошла в связи с принятием в 2008 г. «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Отмечаются влияние экономических и политических факторов на развитие СМП и системные изменения в оценке его роли в решении национальных задач. Анализируются результаты работы по обеспечению внутренних и международных перевозок. Исследованы основные положения стратегии развития СМП и проблемы их реализации. Обозначены необходимые для модернизации и повышения эффективности СМП ресурсы. Отмечено, что, несмотря на санкции со стороны Запада первой половины 2022 г., правительство России в рамках проекта «Развитие Северного морского пути» намерено субсидировать грузовые перевозки по СМП, выделяя ежегодно на эти цели по 560 млн. рублей. Финансовую поддержку получают регулярные каботажные перевозки из портов Санкт-Петербург и Мурманск на Дальний Восток и обратно, которые позволят нарастить объем транспортировок грузов по СМП и обеспечат эффективность поставок в рамках северного завоза.

MEDVEDEVA, L.M.

THE DEVELOPMENT TRAJECTORY OF THE NORTHERN SEA ROUTE IN THE CHANGING CONDITIONS OF THE LAST DECADES

Key words: Russian Arctic, transport, Northern Sea Route, icebreaking fleet, shipping, international transit, strategy for the development of the Arctic.

The article deals with the conditions under which the infrastructure of the Northern Sea Route (NSR) was formed and its transport activities were carried out in the last two decades. It is shown that the specification of a set of measures aimed at the development of the Arctic zone occurred in connection with the adoption in 2008 of the "Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the Arctic for the period up to 2020 and beyond." The influence of economic and political factors on the development of the NSR and systemic changes in the assessment of its role in solving national problems are noted. The analysis of the results of work on ensuring domestic and international transportation is proposed. The main provisions of the NSR development strategy and the problems of their implementation have been studied. The resources necessary for the modernization and improvement of the efficiency of the NSR are indicated. It was noted that, despite sanctions from the West in the first half of 2022, the Russian government, within the framework of the project "Development of the Northern Sea Route", intends to subsidize freight traffic along the NSR, allocating 560 million rubles annually for these purposes. Financial support will be provided to regular coastal transportation from the ports of St. Petersburg and Murmansk to the Far East and back, which will increase the volume of cargo transportation along the NSR and ensure the efficiency of deliveries within the northern delivery.

История Арктической зоны отмечена чередованием периодов медленного освоения ее водных просторов и прорывов, сопровождавшихся расширением границ транспортного сообщения в сложной обстановке Ледовитого океана. В последние десятилетия мореплавание в Арктике стало значительно более интенсивным. Согласно базе данных рабочей группы по защите арктической морской среды (Protection of Arctic Marine Environment), с 2013 по 2019 г. количество заходивших в Арктическую зону судов различных стран увеличилось на 25%, а пройденное ими расстояние – на 75% [1]. В этих условиях заметно активизировалась политика России, направленная на повышение эффективности использования Северного морского пути (СМП). Прежде всего, были приняты важные решения и действия по развитию ледокольного флота и

ИСТОРИЯ

портов, техническому обслуживанию движения судов и подключению к коммерческим перевозкам зарубежных партнеров. Изменение международной обстановки после событий февраля 2022 г., ужесточение антироссийских санкций и осложнение экономических проблем оказали негативное влияние на все стороны общественной жизни нашей страны, в том числе и на планы расширения возможностей СМП. Но в то же время в это время был получен импульс для нового витка внутреннего развития. И в значительной степени это касается транспортной системы, которая должна совершенствоваться на основе оценки прошлых достижений и перспектив.

Проблемам Северного морского пути в отечественной историографии уделяется много внимания. Исследователи анализируют условия, влияющие на эксплуатацию СМП, указывают на ее конкурентные преимущества и сдерживающие факторы [2-4]. В частности, А.Б. Николаева, рассматривая транзитный потенциал СМП, отмечает, что его увеличение требует, во-первых, дополнительных затрат на строительство судов ледового класса, и это вопрос времени; во-вторых, изменения правового статуса СМП в направлении расширения свобод третьих стран в его использовании, что является более сложной задачей, затрагивающей стратегические интересы России. Автор полагает необходимым развивать СМП, прежде всего, как национальную транспортную артерию [5, с. 84]. Особая роль в российской историографии отводится расширению портовой инфраструктуры и состоянию ледокольного флота [6-9]. Авторы акцентируют внимание на требованиях, предъявляемых к уровню обеспечения международных перевозок. Так, Э.А. Попова и Ю.С. Сизов справедливо замечают, что полномасштабное круглогодичное транзитное судоходство по СМП нуждается в другой физической инфраструктуре и вспомогательных услугах. Ее создание – дорогостоящий проект, поэтому необходимо его совместное финансирование заинтересованными сторонами [10].

Исследователей волнует проблема безопасности плавания в Арктической зоне. Они высказываются за сотрудничество стран в этом вопросе [11]. Большое внимание уделяется международному взаимодействию в области перевозок грузов по СМП [12, 13]. В.Л. Ерохин подчеркнул, что Китай наращивает присутствие своих судов на СМП, но, чтобы повысить интенсивность их движения, необходимо преодолеть имеющиеся технические, инфраструктурные и экономические барьеры [14, с. 26]. Авторы сходятся во мнении, что масштаб освоения территорий Крайнего Севера будет возрастать, и Россия должна укреплять там свое присутствие.

На эксплуатацию СМП сильное влияние оказывают тренды внутреннего состояния экономики и внешнеполитической ситуации. Цель данной статьи – выявить факторы и тенденции развития СМП последних десятилетий.

В советское время СМП использовался для обеспечения северных территорий страны. В 1990-е годы были приняты нормативно-правовые акты, которые позволяли расширить сферу применения СМП в коммерческих целях, в том числе в рамках международного сотрудничества. Однако в постсоветской России, в результате кризисных явлений в экономике и отсутствия государственной поддержки, транспортная деятельность на СМП сократилась. Объем перевозок снизился с 4,8 млн. тонн в 1991 г. до 1,6 млн. тонн в 2000 г. [15]. Транзитные перевозки носили случайный характер. Российский северный коридор не мог конкурировать с Суэцким каналом в безопасности плавания, комфорте обслуживания и финансовых затратах. В начале 2000-х годов заметного прогресса в совершенствовании инфраструктуры СМП не происходило. На государственном уровне разрабатывалась и обсуждалась концепция развития пути, но проекты, которые могли бы стать его драйверами не реализовывались. Иностранные компании проявляли интерес к СМП, как потенциальному средству транспортировки углеводородов. Однако их действия ограничивались исследованием условий его эксплуатации.

Конкретизация комплекса мер, направленных на развитие Арктической зоны, произошла в связи с принятием в 2008 г. «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Согласно принятым установкам, Арктическую зону предстояло превратить в ведущую стратегическую ресурсную базу Российской Федерации. Северному морскому пути отводилась роль национальной единой транспортной коммуникации. Отмечалась необходимость расширения его участия в обеспечении международного судоходства [16].

Особое внимание уделялось организации транзита. В сентябре 2010 г. балкер «Nordic Varents», перевозивший железорудный концентрат из Норвегии в Китай, пройдя трассу за 8 дней,

ИСТОРИЯ

стал первым транспортным судном под иностранным флагом, прошедшим через Арктику без захода в российские порты и оформления разрешения на пересечение границы. Рост транзита был связан с введением нового гибкого тарифа на услуги ледокольного флота, что повысило привлекательность использования трассы судовладельцами, в том числе и иностранными. Накапливался опыт использования оптимального скоростного режима проводки судов и обеспечения безопасного движения крупнотоннажных судов в районах минимальных глубин. Китайские ученые изучали состояние вод региона. С этой целью научно-исследовательское судно ледового класса «Хуе Лонг» в 2012 г. совершило плавание по СМП. Всего в 2012 г. транзитом по СМП было перевезено 1,2 млн. тонн, что на 30% больше чем в 2011 г. При этом количество задействованных судов почти не увеличилось. В 2013 г. объем транзитных перевозок держался примерно на уровне предыдущего года. Открывались перспективы повышения активности транспортировки нефти и газа зарубежными компаниями [17]. С 2000 по 2013 г. объем перевозок по СМП увеличился почти в 2,5 раза. Обслуживающие Арктический бассейн 17 российских морских портов в 2013 г. переработали 46,2 млн. т грузов, что составило 7,8% общего грузооборота российских портов, в том числе 12,3 млн. т каботажных грузов (34,2% общего объема перевалки каботажных грузов в стране) [18]. Необходимо, однако, подчеркнуть, что при росте транспортировки грузов техническая оснащенность СМП изменилась незначительно. Требовались дальнейшие организационные меры и инвестиционные вложения для улучшения ситуации.

Утвержденная указом Президента РФ в 2013 г. «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.» [19] в качестве приоритетных направлений развития Арктической зоны определяла ее комплексное социально-экономическое развитие, внедрение достижений науки и технологий, международное сотрудничество, обеспечение военной безопасности. На основе принятых стратегических документов была разработана государственная программа «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. [20]. В планах модернизации Арктической зоны предусматривались создание условий круглогодичного и безопасного функционирования СМП и тяготеющих к нему меридиональных речных, железнодорожных и авиационных коммуникаций; совершенствование транспортной инфраструктуры в целях диверсификации основных маршрутов поставки российских углеводородов на мировые рынки; реструктуризация и рост объемов грузоперевозок по СМП; государственная поддержка строительства ледокольного, аварийно-спасательного и вспомогательного флотов; развитие береговой инфраструктуры и т.д. Проекты развития СМП стимулировались активизацией разработок нефтегазовых месторождений в Арктической зоне. Создание совместных с иностранными компаниями предприятий по добыче углеводородов создавало предпосылки для существенного наращивания экспорта. Обустройство СМП ориентировалось на складывание благоприятных условий международных перевозок.

В 2014 г. финансово-экономическая и политическая конъюнктура претерпела существенные изменения. На 51 % за год снизились цены на нефть и тенденция сохранялась в 2015 г. [21]. При падении стоимости топлива перестала иметь значение экономия времени при движении по СМП в сравнении с Суэцким каналом. К сокращению деловых международных контактов привели санкции, введенные против России западными странами в связи с ее позицией по украинскому кризису. Высокие риски и сложности технического обеспечения плавания в северных водах также сдерживали использование СМП иностранными компаниями. В итоге, транзит по СМП в 2014 г. сократился до 274 тыс. тонн. При этом тенденция роста общего объема перевозок, заметно обозначившаяся с 2011 г., продолжалась. Генеральных грузов в 2014 г. по СМП было перевезено на 53,9% больше, чем в 2013 г. Доля нефтепродуктов в общих объемах перевозок составила 20,4%, а генеральных грузов – 67,8%. Опираясь на анализ работы транспортного коридора, российские эксперты сделали вывод, что значение каботажного плавания в развитии Арктики выше, чем предполагалось [22, с. 26].

Увеличению объемов перевозок способствовала деятельность нефтегазовых компаний. Исполнителями крупных проектов, связанных с разведкой и добычей углеводородов, стали «Газпром», «Газпромнефть», «Роснефть», «НОВАТЭК», «Лукойл». Кроме того, они внесли свой вклад в реализацию инфраструктурных проектов: строительство судов ледового класса, нефтеналивных танкеров и газозовозов; укладку автомобильных и железнодорожных линий. В

ИСТОРИЯ

соответствии с потребностями компаний велось сооружение новых и переоборудование действующих портов.

Меры, предпринимаемые для развития Арктической зоны, повлияли на социально-экономические показатели. В период с 2014 по 2018 г. миграционный отток населения из арктических районов сократился на 53%; снизился уровень безработицы; с 5% до 6,2% увеличилась доля произведенного в Арктической зоне валового регионального продукта в суммарном валовом региональном продукте субъектов Российской Федерации [23].

Рост регионального потенциала отразился на динамике грузоперевозок СМП. В 2013-2020 гг. на трассе работали преимущественно российские суда. Кроме них на маршрут выходили суда 45 стран, среди которых лидировали в количественном отношении транспортные средства, принадлежащие Нидерландам и Китаю [24, с. 18-19]. Если в 2013 г. всего по СМП было перевезено 3,9 млн. тонн, в том числе внутренние перевозки составили 2,7 млн. т, международные – 1,2 млн. т, то в 2020 г. эти показатели составили, соответственно, – 32,9; 31,7 и 1,3 млн. тонн [24, с. 16].

В 2020 г. произошел значительный спад мировой торговли и мирового ВВП. Основными причинами выступили экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19, а также наложенные на Россию международные санкции и ее ответные меры. Российская экономика продемонстрировала снижение по большинству макроэкономических показателей. Ее реакцией на проблемы международного сотрудничества стало углубление переориентации российских торговых потоков с западного направления на восточное, что отразилось на росте перевозок и расширении транспортной инфраструктуры на востоке страны. Доля стран, осуществляющих деятельность в рамках Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, увеличилась в структуре внешнеторгового оборота России с 23% в 2010 г. до 34% в 2020 г., а доля стран Европейского союза сократилась с 49% до 38% [25, с. 3-4].

В стратегии, определяющей задачи развития Арктики до 2035 г., принятой в октябре 2020 г. заметно сместились акценты в сторону внутреннего развития Арктической зоны, на что указывает постановка задач социального развития, перехода к экономике замкнутого цикла, создания производства глубокой переработки углеводородов и биоресурсов. Определенный поворот в сторону развития регионального потенциала ощущался и в планах повышения роли СМП, направленных на установление более тесного контакта СМП с транспортной сетью, пассажирскими и грузовыми перевозками местного значения. Согласно стратегии, должны быть объединены транспортно-логистические услуги на основе цифровой платформы; расширены возможности судоходства по Беломоро-Балтийскому каналу, бассейнам рек Онега, Северная Двина, Мезень, Печора, Обь, Енисей, Лена, Колыма и других рек; увеличены возможности использования сжиженного природного газа на морском и речном транспорте, а также для энергообеспечения населенных пунктов в зоне влияния СМП. Для пополнения флота намечено строительство атомных ледоколов, аварийно-спасательных, буксирно-спасательных, гидрографических и лоцмейстерских судов. Для расширения возможностей международного сообщения предусмотрена реконструкция и строительство морских и речных портов, в том числе с услугами российского контейнерного оператора [23]. Планируется строительство к 2035 г. 10 терминалов в Арктике и транспортных хабов в Мурманске и Петропавловске-Камчатском.

Ледокольный флот России в 2019 г. насчитывал около 30 дизельных ледоколов, атомные ледоколы «Вайгач» (введен в строй в 1990 г.), «Гаймыр» (1989), «Ямал» (1992), «50 лет Победы» (2007) и грузовое судно с ядерной энергетической установкой лихтеровоз «Севморпуть» (1988) [26]. Во исполнение государственных программ пополнения ледокольного флота России на Балтийском заводе было заложено 5 не имеющих аналогов по мощности судов проекта 22220 («Арктика», «Сибирь», «Урал», «Якутия» и «Чукотка»). В 2020 г. «Росатому» в эксплуатацию был передан ледокол «Арктика». Ледокол «Сибирь» вошел в строй в начале 2022 г. В 2020 г. на дальневосточной верфи «Звезда» заложили ледокол проекта «Лидер», прокладываемый канал во льдах шириной 50 метров и предназначенный для круглогодичной навигации по СМП. Ледокол получил имя «Россия» и его строительство планируется завершить в 2027 г.

По итогам 2021 г. перевозки по СМП достигли 33,5 млн. т [27], что выше показателя, предусмотренного федеральным проектом «Развитие Северного морского пути», согласно которому в акватории СМП в указанном году предполагалось перевезти 30 млн. т грузов [28]. В структуре грузооборота основная доля принадлежала сжиженному природному газу и

ИСТОРИЯ

газоконденсату (свыше 19,5 млн. т), второе место заняли нефть и нефтепродукты (7,7 млн. т), третье – другие грузы, в том числе технологическое оборудование, стройматериалы, железорудный концентрат, древесина, уголь. Рост перевозок грузов компаниями Китая, Норвегии, Германии и Дании способствовал увеличению транзита до 2,3 млн. т (в 2020 г. – 1,4 млн. т.) [27].

Санкции со стороны Запада в первой половине 2022 г. привели к прекращению ряда международных проектов, связанных с нефтегазовым комплексом России, что вызвало сомнения в возможности достижения показателей грузооборота СМП, которые должны к 2024 г. достичь 80 млн. т, к 2030 – 120 млн. т, а к 2035 г. – 180 млн. т. Однако правительство России в рамках проекта «Развитие Северного морского пути» намерено субсидировать грузовые перевозки по СМП, выделяя ежегодно на эти цели по 560 млн. руб. [29]. Финансовую поддержку получают регулярные каботажные перевозки из портов Санкт-Петербург и Мурманск на Дальний Восток и обратно, которые позволят нарастить объем транспортировок грузов по СМП и обеспечат эффективность поставок в рамках северного завоза.

Позитивные прогнозы развития СМП строятся на оценке имеющихся ресурсов и перспективных планах его модернизации, включающих переоборудование портов согласно их специализации и мощностям, пополнение флота и его диверсификацию в зависимости от запросов разного уровня потребителей, создание сервисных и спасательных баз. Как отмечалось на заседании государственной комиссии по вопросам Арктики в июне 2022 г. в рамках совершенствования инфраструктуры СМП предусмотрено строительство 37 судов, включая 8 ледоколов, 16 аварийно-спасательных и 13 гидрографических судов, в том числе ледоколы проекта 22220 и проекта «Лидер» [30].

Одним из условий эффективной эксплуатации трассы является обеспечение круглогодичной навигации. Этому в значительной степени препятствует слабая гидрометеорологическая и гидрографическая изученность Арктического сектора, особенно его восточной части. В последние годы научно-исследовательские центры академических и образовательных учреждений проводят изучение проблем управления ледовой обстановкой, метеорологии, гидрологии, мониторинга айсбергов, разработки подробных карт глубин и островов, аэрогеофизических и геохимических методов разведки залежей полезных ископаемых, технологий арктического судостроения и т.д.

К разряду ключевых задач модернизации СМП относится создание платформы цифровых сервисов, которая даст возможность синхронизации логистических операций и диспетчеризации флота; предоставления оперативной информации о навигационной, гидрометеорологической, ледовой, экологической обстановке в акватории Северного морского пути. Разработкой Единой платформы цифровых сервисов СМП, которая осуществляется в рамках утвержденной распоряжением правительства РФ в октябре 2021 г. инициативы социально-экономического развития РФ до 2030 г. «Круглогодичный Северный морской путь», занимается входящий в «Росатом» IT-интегратор «Гринатом». Платформа рассчитана на обслуживание 1,5 тыс. пользователей, и в нее планируется инвестировать 2,9 млрд. руб. Срок завершения проекта намечен на первый квартал 2024 г. [31]. Обновление СМП и превращение его в оборудованную согласно современным требованиям магистраль требует больших финансовых вложений. В условиях сокращения иностранных инвестиций в российскую экономику надежды возлагаются на расширение объемов производства нефтегазовых компаний. В частности, важным проектом должен стать «Восток Ойл» компании «Роснефть», благодаря которому планируется отгрузить по СМП 30 млн. т нефти к 2024 г.

В глобальном энергобалансе доля углеводородов составляет 80%, и это дает основание полагать, что они во многом определяют развитие мировой экономики. Наличие высокого спроса на нефть и газ позволяет России маневрировать на рынке и эффективно использовать свои ресурсы. Если в начале 2022 г. три четверти российской нефти шло в Европу, то по окончании первого полугодия половина нефти поставлялась на азиатский рынок [32]. Значительная роль в наращивании загрузки СМП отводится также транспортировке сжиженного газа.

Наращивание производственного потенциала северных территорий служит гарантией того, что СМП имеет перспективы стать активно действующей транспортной магистралью. Предполагается, что вклад в ВВП страны уже проинвестированных предприятий по добыче нефти,

газа, металлов, производству удобрений в западном секторе Арктической зоны России до 2035 г. составит 35 трлн. руб. и 13,5 трлн. – это ожидаемые доходы федерального бюджета [33].

В целом, следует заметить, что существенное усложнение условий развития СМП в последние десятилетия привело к изменению пространственного и экономического вектора его развития, который мобилизовал внутренние резервы, поддерживающие функционирование магистралей и внешние, стимулирующие ее качественный рост. Произошел парадигмальный сдвиг в оценке роли СМП в решении национальных задач, а также пересмотр методов и средств, способных компенсировать ограниченность его потенциала в конкуренции на международном рынке транспортных услуг. Несмотря на наличие трудностей, курс на более фундаментальное освоение СМП представляется логичным и обоснованным. Масштабы обустройства транспортных путей рассчитаны не только на сиюминутные, но и на ожидаемые в долгосрочном будущем потребности. Эффективность вложений в развитие СМП будет определяться не только размерами грузоперевозок, но и уровнем его влияния на социально-экономические процессы на прилегающих территориях. Поворот российской политики на восток обуславливает перестройку коммуникационной системы страны, и СМП – важнейшая составляющая ее новой структуры.

Литература и источники

1. PAME – Arctic Shipping Status Report № 1. // URL: <https://www.pame.is/document-library/pame-reports-new/pame-ministerial-deliverables/2021-12th-arctic-council-ministerial-meeting-reykjavik-iceland/793-assr-1-the-increase-in-arctic-shipping-2013-2019/file> (Дата обращения 18.05.2022).
2. Арский А.А. Комплексный анализ конкурентных факторов проекта Северного морского пути // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. - 2020. - № 2. - С. 11-16.
3. Журавель В.П., Назаров В.П. Северный морской путь: настоящее и будущее // Вестник Московского государственного областного университета. - 2020. - № 2. - С. 140-158.
4. Красулина О.Ю. Северный морской путь в условиях растущей торговли и последствий повышения уровня моря // Экономика. Налоги. Право. - 2021. - Т. 14. - № 1. - С. 91-99.
5. Николаева А.Б. Конкурентоспособность Северного морского пути // Север и рынок: формирование экономического порядка. - 2020. - № 3 (69).
6. Веретенников Н.П. Интеграционные аспекты управления морскими портами Северного морского пути // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. - 2021. - № 4 (68).
7. Эглит Я.Я., Галин А.В., Дмитриев А.А. Влияние эксплуатации Северного морского пути на работы морских портов Северо-Западного региона Российской Федерации // Транспортное дело России. - 2020. - № 2. - С. 167-171.
8. Александров М.А., Бордученко Ю.Л. Перспективы атомного ледокольного флота по освоению Северного морского пути // Морской вестник. - 2021. - № 2 (78). - С. 17-23.
9. Елисеев Д.О., Наумова Ю.В. Инфраструктурные проблемы и перспективы развития Северного морского пути // Modern Economy Success. - 2021. - № 5. - С. 134-141.
10. Попова Э.А., Сизова Ю.С. Пути реализации государственных программ развития Северного морского пути за счет привлечения частных инвестиций // Вопросы региональной экономики. - 2020. - № 2 (43). - С. 134-135.
11. Бхагват Д. Судоходство на Северном морском пути: необходимо уделять больше внимания сотрудничеству и безопасности: Часть II // Арктика и Север. - 2020. - № 40 (40). - С. 5-25.
12. Захаров А.Н., Рахимзода М.А. Роль Северного морского пути в развитии торговли // Вестник Института мировых цивилизаций. - 2021. - Т. 12. № 3 (32). - С. 66-70.
13. Синиченко В.В., Ракитский В.В. Северный морской путь в геополитических планах Китая и позиция России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. - 2020. - Т. 33. - С. 50-57.
14. Ерохин В.Л. Международные перевозки по Северному Морскому пути: роль Китая // Маркетинг и логистика. - 2022. - № 1 (39).
15. Северный морской путь. // URL: https://ruxpert.ru/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C (Дата обращения 18.05.2022).
16. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175140U0K46x4SsKRHGfUO.pdf> (Дата обращения 18.05.2022).
17. Возрождение Северного морского пути – главная забота российских полярников. // URL: <http://rareearth.ru/ru/pub/20160601/02203.html> (Дата обращения 18.05.2022).
18. Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года (одобрена Морской коллегией при Правительстве РФ 28.09.2012). – М., 2015. – 284 с. // URL: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitija-morskoi-portovoi-infrastruktury-rossii-do-2030-goda/#101577> (Дата обращения 20.05.2022).
19. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. // URL: <https://legalacts.ru/doc/strategija-razvitija-arkticheskoi-zony-rossiiskoi-federatsii-i/> (Дата обращения 30.05.2022).
20. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349853&rdk=&backlink=1> (Дата обращения 30.05.2022).
21. Динамика цен на нефть с 2014 года. Досяе. // URL: https://tass.ru/info/3315320?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (Дата обращения 01.06.2022).
22. Кудряшов Е.В., Зайков К.С. Новый этап развития Арктической зоны Российской Федерации нужно начинать с арктических портов // Аналитический вестник. № (559). Проблемы законодательного регулирования в сфере развития Северного морского пути и Арктической зоны Российской Федерации (к выездному заседанию Комитета Совета Федерации по федеративному

- устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера и Комитета Совета Федерации по экономической политике, 27-28 марта 2015 года, г. Салехард). - М., 2015.
23. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (Дата обращения 01.06.2022).
24. *Ерохин В.Л.* Северный морской путь: каботаж и международный транзит в 2013-2020 гг. // Маркетинг и логистика. - 2021. - № 3 (35).
25. Обзор отрасли грузоперевозок в России. 2020 год. // URL: <file:///C:/Users/%D0%9B%D0%9C/Downloads/ey-russia-transportation-services-2020.pdf> (Дата обращения 01.06.2022).
26. Ледоколы Арктики: самый мощный ледокольный флот в мире // <https://arctic-russia.ru/article/ledokoly-arktiki-samyu-moshchnyy-ledokolnyu-flot-v-mire/> (Дата обращения 01.06.2022).
27. Перевозки по Северному морскому пути побили новый рекорд. // URL: <https://rg.ru/2022/01/18/reg-szfo/perevozki-po-severnomu-morskomu-puti-pobili-novyy-rekord.html> (Дата обращения 01.06.2022).
28. Паспорт федерального проекта «Северный морской путь». // URL: <file:///C:/Users/%D0%9B%D0%9C/Downloads/pasport-smp.pdf> (Дата обращения 23.06.2022).
29. Как западные санкции изменят планы по загрузке Северного морского пути. // URL: <https://rg.ru/2022/04/05/kak-zapadnye-sankcii-izmeniat-planu-po-zagruzke-severnogo-morskogo-puti.html> (Дата обращения 25 мая 2022).
30. В России планируют построить 37 судов для Северного морского пути. // URL: <https://regnum.ru/news/economy/3628078.html> (Дата обращения 27.06.2022).
31. «Росатом» создаст цифровую платформу для навигации по Севморпути за 3 млрд. рублей // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/08/03/880554-rosatom-platformu/> (Дата обращения 23.06.2022).
32. Глобальные вызовы энергодисбаланса – 2022. // URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-globalnye-vyzovy-energobalansa-2022/discussion/> (Дата обращения 23.06.2022).
33. На ПМЭФ обозначили перспективы развития Северного морского пути. // URL: <https://regnum.ru/news/economy/3620987.html> (Дата обращения 23.06.2022).

References and Sources

1. PAME – Arctic Shipping Status Report № 1. // URL: <https://www.pame.is/document-library/pame-reports-new/pame-ministerial-deliverables/2021-12th-arctic-council-ministerial-meeting-reykjavik-iceland/793-assr-1-the-increase-in-arctic-shipping-2013-2019/file> (Дата обращения 18.05.2022).
2. Arskij A.A. Kompleksnyj analiz konkurentnykh faktorov proekta Severnogo morskogo puti // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta. - 2020. - № 2. - S. 11-16.
3. Zhuravel' V.P., Nazarov V.P. Severnyj morskoy put': nastoyashchee i budushchee // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. - 2020. - № 2. - S. 140-158.
4. Krasulina O.Yu. Severnyj morskoy put' v usloviyah rastushchej trgovli i posledstviy povysheniya urovnya morya // Ekonomika. Nalogi. Pravo. - 2021. - Т. 14. - № 1. - S. 91-99.
5. Nikolaeva A.B. Konkurentosposobnost' Severnogo morskogo puti // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. - 2020. - № 3 (69).
6. Veretennikov N.P. Integratsionnye aspekty upravleniya morskimi portami Severnogo morskogo puti // Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal. - 2021. - № 4 (68).
7. Eglit Ya.Ya., Galin A.V., Dmitriev A.A. Vliyanie ekspluatatsii Severnogo morskogo puti na raboty morskikh portov Severo-Zapadnogo regiona Rossijskoj Federatsii // Transportnoe delo Rossii. - 2020. - № 2. - S. 167-171.
8. Aleksandrov M.A., Borduchenko YU.L. Perspektivy atomnogo ledokol'nogo flota po osvoeniyu Severnogo morskogo puti // Morskoy vestnik. - 2021. - № 2 (78). - S. 17-23.
9. Eliseev D.O., Naumova Yu.V. Infrastrukturnye problemy i perspektivy razvitiya Severnogo morskogo puti // Modern Economy Success. - 2021. - № 5. - S. 134-141.
10. Popova E.A., Sizova Yu.S. Puti realizatsii gosudarstvennykh programm razvitiya Severnogo morskogo puti za schet privlecheniya chastnykh investitsij // Voprosy regional'noj ekonomiki. - 2020. - № 2 (43). - S. 134-135.
11. Bhagvat D. Sudohodstvo na Severnom morskoy puti: neobhodimo udelyat' bol'she vnimaniya sotrudnichestvu i bezopasnosti: Chast' II // Arktika i Sever. - 2020. - № 40 (40). - S. 5-25.
12. Zaharov A.N., Rahimzoda M.A. Rol' Severnogo morskogo puti v razvitii trgovli // Vestnik Instituta mirovykh civilizatsij. - 2021. - Т. 12. № 3 (32). - S. 66-70.
13. Sinichenko V.V., Rakitskiy V.V. Severnyj morskoy put' v geopoliticheskikh planah Kitaya i pozitsiya Rossii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. - 2020. - Т. 33. - S. 50-57.
14. Erohin V.L. Mezhdunarodnye perevozki po Severnomu Morskoy puti: rol' Kitaya // Marketing i logistika. - 2022. - № 1 (39).
15. Severnyj morskoy put'. // URL: https://ruxpert.ru/%D0%A1%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C (Дата обращения 18.05.2022).
16. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federatsii v Arktike na period do 2020 goda i dal'nejshuyu perspektivu. URL: <http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLNI175140U0K46x4SsKRHGfUO.pdf> (Дата обращения 18.05.2022).
17. Vozrozhdenie Severnogo morskogo puti – glavnyaya zabota rossijskikh polyarnikov. // URL: <http://rarearth.ru/pub/20160601/02203.html> (Дата обращения 18.05.2022).
18. Strategiya razvitiya morskoy portovoy infrastruktury Rossii do 2030 goda (odobrena Morskoy kollegiej pri Pravitel'stve RF 28.09.2012). – М., 2015. - 284 s. // URL: <https://legalacts.ru/doc/strategiya-razvitiya-morskoi-portovoi-infrastruktury-rossii-do-2030-goda/#101577> (Дата обращения 20.05.2022).
19. Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2020 g. // URL: <https://legalacts.ru/doc/strategiya-razvitiya-arkticheskoi-zony-rossiiskoi-federatsii-i/> (Дата обращения 30.05.2022).
20. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federatsii ot 21 aprelya 2014 g. № 366 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federatsii «Social'no-ekonomicheskoe razvitiye Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii» // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102349853&rdk=&backlink=1> (Дата обращения 30.05.2022).
21. Dinamika cen na nef' s 2014 goda. Dos'e. // URL: https://tass.ru/info/3315320?utm_source=google.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=google.ru&utm_referrer=google.ru (Дата обращения 01.06.2022).
22. Kudryashov E.V., Zajkov K.S. Novyj etap razvitiya Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii nuzhno nachinat' s arkticheskikh portov // Analiticheskij vestnik. № (559). Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya v sfere razvitiya Severnogo morskogo puti i Arkticheskoy zony Rossijskoj Federatsii (k vyezdnomu zasedaniyu Komiteta Soveta Federatsii po federativnomu ustrojstvu, regional'noj politike, mestnomu samoupravleniyu i delam Severa i Komiteta Soveta Federatsii po ekonomicheskoy politike, 27-28 marta 2015 goda, g. Salekhard). - М., 2015.
23. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (Дата обращения 01.06.2022).
24. Erohin V.L. Severnyj morskoy put': kabotazh i mezhdunarodnyj tranzit v 2013-2020 gg. // Marketing i logistika. - 2021. - № 3 (35).

25. Obzor otrasli gruzoperevozok v Rossii. 2020 god. // URL: file:///C:/Users/%D0%9B%D0%9C/Downloads/ey-russia-transportation-services-2020.pdf (Data obrashcheniya 01.06.2022).
26. Ledokoly Arktiki: samyy moshchnyy ledokol'nyy flot v mire // <https://arctic-russia.ru/article/ledokoly-arktiki-samy-moshchnyy-ledokolnyy-flot-v-mire/> (Data obrashcheniya 01.06.2022).
27. Perevozki po Severnomu morskomu puti pobili novyy rekord. // URL: <https://rg.ru/2022/01/18/reg-szfo/perevozki-po-severnomu-morskomu-puti-pobili-novyy-rekord.html> (Data obrashcheniya 01.06.2022).
28. Pasport federal'nogo proekta «Severnyj morskoy put'». // URL: file:///C:/Users/%D0%9B%D0%9C/Downloads/pasport-smp.pdf (Data obrashcheniya 23.06.2022).
29. Kak zapadnye sankcii izmenyat plany po zagruzke Severnogo morskogo puti. // URL: <https://rg.ru/2022/04/05/kak-zapadnye-sankcii-izmeniat-plany-po-zagruzke-severnogo-morskogo-puti.html> (Data obrashcheniya 25 maya 2022).
30. V Rossii planiruyut postroit' 37 sudov dlya Severnogo morskogo puti. // URL: <https://regnum.ru/news/economy/3628078.html> (Data obrashcheniya 27.06.2022).
31. «Rosatom» sozdast cifrovuyu platformu dlya navigacii po Sevmorputi za 3 mlrd. rublej // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/08/03/880554-rosatom-platformu> / (Data obrashcheniya 23.06.2022).
32. Global'nye vyzovy energobalansa – 2022. // URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-globalnye-vyzovy-energobalansa-2022/discussion/> (Data obrashcheniya 23.06.2022).
33. Na PMEF oboznachili perspektivy razvitiya Severnogo morskogo puti. // URL: <https://regnum.ru/news/economy/3620987.html> (Data obrashcheniya 23.06.2022).

МЕДВЕДВА ЛЮДМИЛА МИХАЙЛОВНА – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, археологии и этнологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

MEDVEDEVA, LUDMILA M. - Doctor of History, Professor, Head of the Department of History, Archeology and Ethnology of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (medvedeva_l@mail.ru).

УДК 94(338.246.8)

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-187-192

ШАГОВ А.Е.

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ГИБРИДНЫХ ВОЙН: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА

Ключевые слова: военное искусство, история войн, гибридная война, специальная военная операция, информационная война, средства невоенного воздействия, коллективный Запад.

В статье исследуется феномен так называемых «гибридных войн», – категории, в последнее время прочно утвердившейся в научных и политических исследованиях, рассматриваемый сегодня как серьезная проблема мировой безопасности. Отмечается, что по данной проблематике существует богатая литература, в основном посвященная анализу текущей военно-политической практики. В свою очередь, автор настаивает на том, что элементы «гибридной войны» можно обнаружить во многих военных столкновениях прошлого, начиная с глубокой древности. Им приведены исторические примеры ведения гибридных войн. При этом отмечается, что со временем коренным образом меняются в основном характеристики оружия и военных технических средств. В то же время, определенные приемы ведения войны и подготовки к ней, а также формы и методы вооруженных конфликтов в основе своей остаются вполне консервативными. Они простираются в глубину времен, открывая рельефную панораму – единую в своей сквозной идее и, в то же время, мозаичную – в результате демонстрации множества однопорядковых гибридных конфликтов в различных частях мира. Делается вывод о том, что гибридная война представляет собой мощное средство воздействия на политику, экономику и военный потенциал государства, в связи с чем целесообразно изучение исторического опыта ее ведения.

SHAGOV, A.E.

TO THE QUESTION OF THE PHENOMENON OF HYBRID WARS: A HISTORIAN'S VIEW

Key words: military art, history of wars, hybrid war, special military operation, information war, means of non-military influence, collective West.

The article examines the phenomenon of the so-called "hybrid wars", a category that has recently become firmly established in scientific and political studies, and is now considered a serious problem of world security. It is noted that there is a rich literature on this issue, mainly devoted to the analysis of current military-political practice. In turn, the author insists that elements of the "hybrid war" can be found in many military clashes of the past, starting from ancient times. They are given historical examples of conducting hybrid wars. At the same time, it is noted that over time, the characteristics of weapons and military technical means are mainly changing. At the same time, certain methods of waging war and preparing for it, as well as the forms and methods of armed conflicts, basically remain quite conservative. They extend into the depths of time, revealing a relief panorama - united in its through idea and, at the same time, mosaic - as a result of demonstrating many single-order hybrid conflicts in various parts of the world. It is concluded that a hybrid war is a powerful means of influencing the politics, economy and military potential of the state, and therefore it is advisable to study the historical experience of its conduct.

Как показывает даже самый поверхностный анализ глобальной военно-политической обстановки, в последнее время мир неуклонно движется по пути активизации собственно военных способов разрешения международных проблем. В этих условиях, в свете обострения конкурентной борьбы в сфере международной политики, национальная безопасность Российской Федерации подвержена новым вызовам и угрозам. В условиях усиления геополитической напряженности, связанной с проведением специальной военной операции на Украине, а также с

эскалацией антироссийских настроений правящих кругов ряда западных стран, в первую очередь Соединенных Штатов, приобретает особую злободневность осмысление феномена современной войны, в рамках которого широкое распространение получила концепция так называемой «гибридной войны» [1, с. 15-23].

В понимании большинства современных аналитиков, «гибридные войны» (далее по тексту ГВ), включающие в себя всевозможные санкции, подрывную деятельность спецслужб, различные технологии манипулирования населением в собственных странах и на территории противника и т.д. получили самое широкое распространение и, в частности, составляют основу усилившегося в последнее время противостояния коллективного Запада и России. В этой борьбе наши «западные партнеры», как показывают текущие события, не придерживаются каких-либо правил международного общения. Главное для них – уничтожить, или, в крайнем случае, значительно ослабить экономическую и военную мощь России (а возможно, и саму державу). И для этого все средства хороши.

После начала специальной военной операции на территории Украины ГВ в отношении Российской Федерации стала очевидной. Коллективный Запад разрабатывает отвечающие поставленным задачам планы, накапливает резервы, ведет работу по сплочению внутренней оппозиции в России. В подобной военно-политической обстановке становится особенно актуальным изучение и анализ исторического опыта ведения ГВ – от концепции и мероприятий «мягкой силы» до непосредственных военных столкновений. При этом необходимо отметить, что для коллективного Запада, под которым следует понимать, прежде всего, США и НАТО, именно сила оружия является основным доводом в разрешении разногласий. Такой подход приводит к тому, что в ближайшем будущем актуальные вопросы, стоящие перед мировым сообществом, будут разрешаться с опорой на военную силу, что, в свою очередь, делает проблемы укрепления Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов первоочередными для обеспечения национальной безопасности [2].

В данной ситуации в мире особую актуальность приобретает изучение феномена гибридных войн как профессиональными военными, политиками, так и учеными разных отраслей научного знания. В числе ведущих западных аналитиков, в частности, можно выделить И.М. Пачепа, Б.Л. Гарта, М.А. Лайнбарджера, А. Сибровски и Дж. Гарстка, С. Манна, Э. Фишмана, С. Хеннесси, Дж. Ная, Д. Перцеффа, Дж. Кучера, М. Калдора, Э. Корыбко, Д. Франклина, Дж. Эндрюса, И. Илиопулоса, Г. Саймонса, Р. Ньюберга, Г. Джузеппе, Ф.В. Каппа, Р. Триведи и др. Среди российских военных и политических аналитиков различные аспекты проблемы рассмотрены в трудах В. Герасимова, Л. Ивашова, Г. Почепцова, Ю. Першина, В. Марченкова, И. Николайчука, А. Подберезкина, М. Захарова, К. Сивкова, М. Гареева, Л. Терновой и других. Информационная компонента гибридных войн рассматривалась в работах И.Н. Панарина, С. Маркова, В.К. Новикова, В.В. Винокурова, В. Коровина, В.Ш. Сургуладзе, Л. Савина, С.Н. Гриняева, П.С. Позубенкова, Н. Тимирбаевой, Н. Сережкина, В.Ю. Бельского, В. Журавеля, П.Н. Красильниковой, А. Зиновьева, С.П. Расторгуева, Д. Кузнецова, Г.И. Могилевской, Т.Г. Авдеева, Ю.В. Алексеенко, В. Иванова, Ю. Паниева, И.В.Сергеева, С. Машкина и других. Комплексный теоретический и политэкономический подходы характерны для исследований А. Бартоша, Н.А. Комлевой, И. Кононова, М.В. Васильева, П.А. Цыганкова, А. Владимирова, Л.Г. Князевой, В.Н. Коньшева, С. Клименко, О. Половенко, Н.С. Данюка, В. Усенко, И. Ходакова, А. Тварковской, А.В. Манойло, Ю. Радковца, А. Авакова, Ю. Светова, М. Тулеева, В. Откина, А.В. Демидова, Г. Филимонова, Ю. Тавровского, А.Г. Перемитина, Б. Максимова, А.И. Неглесса, М. Вильданова, А. Сидорчика, А. Девятова, Т. Кудрявцевой, Д. Булгару, С. Цатуряна, Д.С. Попова, Ю. Каграманова, М. Амирова, В.В. Кочеткова, В. Н. Ксенофонтова и др.

В той или иной степени, данные авторы обращались и к общей истории войн, в том числе к теме использования в прошлом элементов ГВ странами Запада против России, что представляется вполне оправданным. Ведь несмотря на то, что со временем технологии, силы и средства ведения войны, возможности вооружения и военной техники, восприятие пространства и времени, само человеческое общество, безусловно, меняются, подходы, концепции и формы противостояния в политико-дипломатическом, информационно-психологическом, экономическом, военном и иных пространствах, в основе своей остаются прежними. В данной связи, в статье мы обращаемся к наследию известных классиков военного дела/искусства, древних и средневековых мыслителей и

экспертов в военном деле, таких как Аристотель, Сунь-Цзы, Н. Макиавелли, А. Суворов, Карл фон Клаузевиц и др., чтобы выявить примеры наличия и использования элементов «гибридных войн» в прошлом.

Проведенный анализ источников и литературы дает автору основание утверждать, что, несмотря на многочисленность и разнообразие работ, отдельного военно-исторического исследования по заявленной теме предпринято не было. В рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачу исследования какого-то конкретного вооруженного конфликта, а лишь попытаемся понять, где находятся истоки так называемых «гибридных» войн. Основная проблема заключается в следующем: является ли ГВ образцом борьбы новейшего времени, или похожее на ГВ уже было в исторической ретроспективе? Поэтому при скромном объеме изложенного материала его рамки весьма пространны и простираются в глубину истории, которая показывает рельефную панораму – единую в рамках определенной выше сквозной идеи и, в то же время, мозаичной – в результате демонстрации множества однопорядковых гибридных конфликтов в различных частях мира, в различные эпохи его истории.

В данной связи важно отметить, что каноны военного искусства вырабатывались с глубокой древности и нашли отражение как в специальных трактатах, так и в догматике мировых религий. К примеру, вторая половина 1-го тыс. до н.э. была ознаменована появлением даосизма [3, с. 15]. В любом классическом даосском храме посетитель окажется в окружении изваяний божеств, облаченных в доспехи и вооруженных до зубов. Но такое преимущество в материально-боевой компоненте имеет значение только при лобовом столкновении. Если же противник решил уклониться от боя и с волей к победе, маневрируя, ищет своего шанса, сохраняя личный состав, наращивая материальную базу, то первоначальные преимущества в вооружении будут уже не столь очевидны. Между тем, военная история охотно доносит до нас описания великих сражений, сдачи в плен многочисленных армий, но образцы долгой и упорной борьбы без генеральных сражений, массовых столкновений, причем даже без формального объявления войны, не столь известны.

Нельзя уверенно утверждать, но, на наш взгляд, если не прямые аналоги, то столкновения с использованием элементов гибридной войны, использовались еще с античности. Ее история содержит немало примеров того, как неприятели нередко не рвались испытать судьбу в открытом сражении, а употребляли военную смекалку и использовали вначале различные способы дезорганизации и ослабления противника (подкуп и пр.). Так, к примеру, в Пелопонесской войне (431 – 404 гг. до н. э.) Афины в войне со Спартой сделали ставку на выступление рабов, поддержав повстанцев – своеобразную «пятую колонну» в тылу противника [4, с. 196].

Другой характерный пример, довольно типичный для военных кампаний с глубокой древности, связан с неудачами Римской империи, которая при захвате Иберийского полуострова, столкнулась с самоотверженным, устойчивым местным населением, прекрасно ориентировавшимся на местности и обладавшим целым арсеналом военных хитростей. Римские полководцы тщетно искали решающей битвы, где могли бы применить все мощь дисциплинированной и обученной римской фаланги. Как писал об этом Плутарх: «римляне не понимали, что же нужно сделать, для победы над мужественными иберийскими солдатами, избегающими генерального сражения» [5, р. 52]. Важно отметить, что, не достигнув победы на поле боя, Рим был вынужден пойти на значительные уступки противнику. Однако одновременно он использовал целый комплекс предательских уловок, характерных и для современных гибридных войн, благодаря чему добился поставленной цели.

Военные действия, которые вел император Август (12 г. до н. э. – 12 г. н. э.), также содержали очевидные компоненты гибридной войны. Так, например, наряду с открытыми боевыми действиями, его армией проводились диверсии, провокации, разведывательно-подрывные операции. Все вышеперечисленное поддерживалось необходимыми дипломатическими усилиями.

Таким образом, компоненты того, что сейчас называют гибридной войной, еще в античные времена встречались, причем не так уж и редко. Неожиданные нападения, подкуп, дезинформация, распространение слухов среди местного населения враждебной стороны и прочие элементы того, что сегодня модно называть «мягкой силой», достаточно часто применялись на практике.

ИСТОРИЯ

В полной мере данный вывод применим и к Отечественной истории. В данной связи достаточно вспомнить Ивана III, освободившего Московию от многовекового ига не столько военными усилиями, сколько с помощью разнообразных дипломатических ухищрений, которые, в конечном счете, стали губительными для Большой Орды и привели к возвышению Московского царства – России. Подкупом, посулами и угрозами Ивану III удалось обратить в союзников против хана Ахмата ранее враждебные Московии племена и обескровить войско врага без решающей битвы.

Важно помнить и о том, что Иван III начал противостояние с Литвой в период своего восшествия на престол и завершил незадолго до своей кончины. Почти 30-летие бесконечных дипломатических войн, натравливание на Литву соседних стран, провоцирование внешне- и внутригосударственных вооруженных конфликтов, переманивание недовольной шляхты и т.п. – все это делалось с одной только целью – присоединения к Московскому царству новых земель.

Отметим также, что и «гибридная война» «коллективного Запада» против России началась далеко не в XXI веке. Отдельные компоненты таковой со всей очевидностью усматриваются еще в период Смутного времени (1598-1613 г.). В анализируемый период династический кризис послужил триггером для похода объединенного польско-шведского войска, конечной целью которого было подчинение Ватикану народов, населяющих территорию России.

Очевидные элементы гибридной войны просматриваются и в Отечественной войне 1812 года. Трудно представить победу русской армии, если бы в ней широко не использовались бы тактический маневр, уклонение, до времени, от генеральной баталии, широкое применение повстанческих формирований и партизан, другие формы и средства изматывания противника и, в то же самое время, накопления собственных ресурсов для продолжения сопротивления. С другой стороны, Наполеон также использовал далеко не только военные средства. Чего стоит только его попытка печатания фальшивых русских рублей с тем, чтобы подорвать экономический потенциал России!

В ходе Первой мировой войны и в течение многих предвоенных лет Германия широко применяла подрывные технологии с целью расшатывания стабильности России, подрыва ее экономической и военной мощи. В этом списке – использование слабых и уязвимых сторон стратегического управления и национального развития России, формирование и подрывная практика «пятой колонны» в системе хозяйственных и информационных отношений, внедрение агентурной сети в государственное и военное управление, диверсии и саботаж, распространение дезинформации, финансирование подрывных сил через каналы эмиграции и пр. [6, с. 20–30].

Советская власть и молодая Рабоче-крестьянская Красная Армия главный этап своего становления и консолидации проходили в непрерывной борьбе по подавлению разного рода восстаний и мятежей, которые неизменно сопровождали продвижение новой власти от центра к периферии. При этом угроза внешней опасности была преодолена довольно быстро, а белое движение потерпело военное поражение в упорной борьбе. Однако крестьянское население в срединной России и на ее окраинах дольше других проявляло удивительную непримиримость в отношении существа и методов проведения послереволюционных реформ и формировало повстанческие отряды для вооруженных действий против Советской власти. Опыт борьбы с повстанчеством является уникальным достоянием современной военной истории ввиду гибридного многообразия форм протекания этих процессов, их масштабности, системности и методологической осмысленности.

На огромном территориальном пространстве Россия одновременно вступила в череду многочисленных вооруженных конфликтов против Советской власти: иностранная интервенция, оккупация части территории внешним противником, гражданская война внутри страны. При этом на каждом этапе вооруженных конфликтов в тылу противника вспыхивали восстания, возникали партизанские движения, поддерживавшие то одну, то другую сторону. Более того, появлялись конкретные местности, где происходило чередование власти, когда на смену партизанским отрядам одной стороны приходили партизанские отряды другой стороны, а в отдельных случаях образованные партизанские отряды воевали против всех, сохраняя полную политическую автономию, или попеременно присоединяясь к участникам вооруженных конфликтов. О размахе партизанского движения говорит уже то, что в 1918-1920 годах в тылу у белогвардейцев и

ИСТОРИЯ

интервентов действовало свыше 700 тыс. повстанцев, образовавших армии, дивизии, бригады и просто мелкие отряды [7, с. 427-430].

В СССР в 1924-1937 годах была проделана огромная работа уже по подготовке к ведению гибридной (асимметричной) войны, как на собственной территории, так и на территории противника. Для этого заблаговременно создавались запасы оружия и взрывчатых веществ, соответствующим образом оборудовалась территория, создавалась агентурная сеть, готовились партизанские кадры, включая иностранные. При этом считалось, что руководителем партизанского движения в конкретном районе должен быть местный житель, хорошо знающий территорию и имеющий военный опыт.

Однако накопленный богатейший организационный, теоретический и практический опыт не был, по существу, востребован и оставался в забвении в начале Великой Отечественной войны, когда пришлось заново создавать демонтированную перед самым ее началом сложившуюся систему по подготовке к ведению гибридной (асимметричной) войны.

Детального и обязательно особого внимания к анализируемым вопросам заслуживает послевоенный период в Прибалтике и на Западной Украине, где повстанцы превратились в серьезную военную силу, угрожавшую советскому режиму в регионе. Важно отметить, что задолго до описываемых событий антисоветские силы всесторонне поддерживались из-за рубежа, а в годы войны были легализованы противником в военных частях и полицейских формированиях.

Обращаясь к послевоенной эпохе, нельзя не видеть, что, собственно, весь период холодной войны 1945-1991 гг., по сути, являлся ничем иным, как гибридной войной (некоторые даже считают ее Третьей мировой войной), которую вели страны НАТО со странами Варшавского договора. В створе данной ГВ активно велась подрывная деятельность, имевшая целью ослабление экономики, военного потенциала и, в конечном счете, развал СССР. В рамках указанной концепции были организованы конфликтные ситуации в Венгрии (1956 год), Чехословакии (1968 год), в Прибалтийских и Средне-Азиатских республиках, Приднестровье и Кавказе. И это только верхушка «айсберга».

В это же время подготовка к войне с повстанцами стала едва ли не основным направлением формирования современной армии и флота США. Военные операции в Афганистане, Ираке и Сирии и пр. отразились на системе подготовки войск, развитии военно-доктринальных установок, направлениях развития комплекса вооружений видов вооруженных сил и т.д. В военном экспертном сообществе США и других западных стран начались активные обсуждения характера и специфики современных военных угроз, связанных с появлением на поле боя противника иррегулярного типа, противостоящего регулярным войскам. Такой вид угроз получил в США название «гибридная угроза» / «гибридная война». Впоследствии под гибридной войной стали понимать все, что в рамках военного конфликта не вписывалось в понятие традиционной вооруженной борьбы регулярных армий на фронте [8, с. 89-108].

Таким образом, подводя некоторые итоги, возможно сделать вывод о том, что гибридная война, которая представляет собой мощное средство воздействия на политику, экономику и военный потенциал враждебного государства, вряд ли в полной мере может считаться феноменом, присущим лишь современной эпохе. С самых древних времен гибридные элементы войны успешно разрешали вопросы дезорганизации противника, выхода на ресурсы государства-жертвы, обеспечивая минимальный уровень принуждения военными методами. При этом военные действия уже тогда опирались на экономическую и информационно-психологическую компоненту, как на локальном, так и на глобальном уровне. По существу, любая продуманная и хорошо подготовленная война по определению изначально являлась гибридной. В данном контексте изучение опыта ведения гибридных войн прошлого поможет избежать серьезных ошибок в обеспечении национальной безопасности России, обуздать стремление «коллективного Запада» использовать тактику гибридных войн для установления мирового господства.

Литература и источники

1. Григорьев О.В. Национальная безопасность России сквозь призму дихотомии «Запад-Восток» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2019. - Т. 11. - № 2. - С. 15-23.
2. Бартош А. Гибридная война становится новой формой межгосударственного противоборства // Независимое военное обозрение. - 2017. - 7 апреля.
3. Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность. - М., 1997.
4. История Древней Греции / под ред. В.И. Кузицина. Издание третье. - М.: «Высшая школа». 2003.

5. La guerre et la montagne. Actes du XVII Colloque CIHM. - Berne, 1993. Т. 1.
6. Шаламберидзе Е.Г. Непрямое противоборство в сфере военной безопасности в условиях мирного времени // Вестник Академии военных наук. - 2011. - № 1(34).
7. Павлов Я.С. Народная война в тылу интервентов и белогвардейцев. - Минск, 1983.
8. Хоффман Ф. Гибридная война и её вызовы. - М., 2016.

References and Sources

1. Grigor'ev O.V. Nacional'naya bezopasnost' Rossii skvoz' prizmu dihotomii «Zapad-Vostok» // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mys'l'. - 2019. - Т. 11. - № 2. - S. 15-23.
2. Bartosh A. Gibridnaya vojna stanovitsya novoj formoj mezhgosudarstvennogo protivoborstva // Nezavisimoe voennoe obozrenie. - 2017. - 7 aprelya.
3. Armiya i vnutrennie vojska v protivopovstancheskoy i protivopartizanskoj bor'be. Miroyoj opyt i sovremennost'. - М., 1997.
4. Istoriya Drevnej Grecii / pod red. V.I. Kuzishchina. Izdanie tret'e. - М.: «Vysshaya shkola». 2003.
5. La guerre et la montagne. Actes du XVII Colloque CIHM. - Berne, 1993. Т. 1.
6. SHalamberidze E.G. Nепрямое противоборство в сфере военной безопасности в условиях мирного времени // Vestnik Akademii voennyh nauk. - 2011. - № 1(34).
7. Pavlov Ya.S. Narodnaya vojna v tylu interventov i belogvardejcev. - Minsk, 1983.
8. Hoffman F. Gibridnaya vojna i eyo vyzovy. - М., 2016.

ШАГОВ АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ - кандидат исторических наук, доцент, начальник управления научно-исследовательского Института военной истории Военной академии Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естественных наук (3411208@mail.ru).

SHAGOV, ANDREY E. – Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the Department of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (3411208@mail.ru)/

УДК 94(510):332.142

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-192-200

ЛЯНЬ ЖОЮЙ

КРУПНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ - ОБЗОР МНОГОТОМНОЙ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИТАЯ»

Ключевые слова: экологическая история Китая; общая история; теория распада.

Изданная под общей редакцией профессора Дай Цзяньбина шеститомная «Экологическая история Китая» [1], составленная Китайским центром истории окружающей среды Хэбэйского педагогического университета, является одним из первых исследовательских достижений в отечественных исследованиях общей истории окружающей среды Китая. Ее появление имеет большое значение, так как не только ярко очерчивает взаимодействие человека и природы на протяжении всего пути развития китайской нации, но и в определенной степени восполняет недостатки в формировании дисциплины китайской экологической истории. Кроме того, это также подчеркивает стремление коллектива авторов многотомника создать систему академического дискурса в этом отношении. Это исследование рассматривает проблему с трех сторон. Во-первых, с точки зрения структуры повествования и теоретических инноваций книга органично сочетает изучение естественных изменений окружающей среды с эволюцией китайской цивилизации, подчеркивая особенности традиционной китайской историографии и создавая новую повествовательную и теоретическую основу изучения предмета. Такая попытка расширяет теоретические горизонты исторических исследований. Во-вторых, с точки зрения использования исторических материалов и методологии, книга опирается на широкий спектр исторических источников и использует междисциплинарные подходы исследования, всестороннего анализа и углубленного тематического исследования. В-третьих, это исследование указывает на недостатки историографии с точки зрения стиля, направленности и специфики работы с источниками.

LIANG, RUOYU

A MAJOR ACHIEVEMENT IN ENVIRONMENTAL HISTORY RESEARCH – A REVIEW ON THE MULTI-VOLUME «ENVIRONMENTAL HISTORY OF CHINA»

Key words: Environmental history of China; general history; decay theory

Under the general editorship of Professor Dai Jianbing, the six-volume *Environmental History of China* [1], compiled by the Chinese Environmental History Center of Hebei Normal University, is an early exploratory achievement in domestic study on the general environmental history of China. Its publication is of great significance, as it not only vividly delineates the interaction between human beings and nature over the entire course of Chinese nation, and makes up the shortcomings in the discipline construction of the Chinese environmental history to a certain extent; and beyond that, it also highlights the writers' pursuit of establishing an academic discourse system in this regard. From three aspects this research reviews the work: firstly, from the perspective of narrative structure and theoretical innovation, the book organically combines natural environmental changes with the evolution of Chinese civilization, highlighting the characteristics of traditional Chinese historiography and constructing a new narrative and theoretical framework. Such endeavor has broadened the theoretical horizons for historical research. Secondly, from the perspective of the use of historical materials and methodology, the book has a wide range of historical sources and adopts a multidisciplinary study, comprehensive analysis and case study approach; Thirdly, this research points out the shortcomings of the book in terms of style, orientation and citation of sources.

As Carl Marx once pointed out, “we know just one and the only science, the science of history. History can be examined in two ways; it can be categorized into natural history and human history, which, however, are closely intertwined; as long as man exists, natural history and human history constrain each other.” The interaction between man and nature has been present over the entire process of civilization,

while Chinese thinking on the natural environment dated back as early as the Three Dynasties (Xia, Shang and Zhou), and its rich content has been recorded in history books of all dynasties. The modern study of environmental history, however, is a new branch of history that emerged in the late twentieth century as a result of the growing prominence of environmental issues and the dilemmas of historiography. The discipline, assigned with the important mission of expanding the boundaries of historiography, was closely related to the political consciousness of reality.

As an emerging academic concept, “environmental history” was formally introduced in China a little later than that in the West, and there is inevitably a large gap between it and mature independent disciplines. In an attempt to establish Chinese environmental history research into an independent disciplinary system, Chinese scholars have been actively exploring the theories. At the time being, domestic environmental history research has made substantial achievements in the domain of historical geography, history of environmental change, ecological history, history of agriculture and forestry and other related fields. Nevertheless, due to the immaturity of their own theoretical concepts, there are notable limitations in the mode of history writing and narrative, in more specific terms, there are more studies focusing on thematic, regional, and short-time studies, while few on the overall, comprehensive, and diachronic general history studies. As Professor Wang Lihua pointed out, “At present, the research on specific disciplines of Chinese environmental history has not offered holistic and systematic explanations on the complex historical relationship between the Chinese nation and the environment in which it is located.” It is axiomatic that the wanting in general history research has become the most notable shortcoming, which requires improvement in the construction of the discipline and the discourse of environmental history in China.

In addition, the competition in today’s world can boil down to competition among nations and ethnic groups, while “China is a populous country formed by the union of most ethnic groups.” From this perspective, the systematic compilation of a general history of China’s environment and the holistic construction of a discourse and theoretical system for Chinese are not only a natural consequence of the development of the historical discipline, also a political demand to build up a sense of “Chinese national community” of diversity but unity.

On the other hand, of all the previous studies on the general history of China’s environment, the main works that live up to the name, excluding a few thematic studies summarized under the name of general history, are *The Retreat of the Elephant: An Environmental History of China* by Mark Elvin and *Environmental History of China: From Prehistory to Modern Times* by Robert B. Marks. These two works depict the history of environmental changes of China over 4,000 years from a long-time perspective. As pioneers in the study of general environmental history, their narrative methods and philosophy of these two works provide valuable reference to subsequent studies.

Against this backdrop, the six volumes of *Environmental History of China*, compiled by the Environmental History Research Center of Hebei Normal University, will be printed by the Higher Education Press from June 2020 to June 2022. The chief editor, Dai Jianbing, deputy chief editor, Liu Xiangyang, and the sub-volume editors are Zhang Cuilian for the volume of pre-Qin period, Wang Wentao for the volume of Qin and Han Dynasties, Gu Changyou for the volume of Tang and Song Dynasties, Sun Bing for the volume of Ming and Qing Dynasties, Xu Jianping for the volume of modern period and Zhang Tongle for the volume of contemporary times. This works, with over 600,000 words, brings together the greatest achievements of previous studies, systematically expounds the development of the entire Chinese environmental history, and outlines the magnificent picture of the interaction between man and nature in the evolution of Chinese civilization. It also endeavors to establish a new theoretical framework and research field, showcasing the profound learning and national recognition of the scholars. As Professor Dai Jianbing states in the preface, “The utmost purpose of compiling a general history of China’s environment is to comprehensively and explicitly define the overall Chinese history of the synergistic evolution of man and nature over thousands of years.”

I. Innovation in narrative structure

As a general history of the environment, the construction of a complete narrative system is all the more critical. With respect to the aforementioned two general history works, Mark Elvin takes the migration process of a specific species of elephants as an entry point; from the three aspects of patterns, exceptions and concepts, it depicts the overall picture of environmental changes in China, local specificities, environmental thinking and the relationship between man and land, which is of high

readability and profound research depth. Moreover, Robert B. Marks goes beyond the political divide among Chinese dynasties but selects the approximate time of natural environmental changes as a criterion for defining the study period. As the writer says in his preface, “While political divide is not spatially formed but a product of human ideology. The world’s ecosystems, in fact, transcend human political divide and hence, environmental history prefers a global description that transcends the nation or state unit and its historical phasing.” It is self-evident that Robert B. Marks attempts to “cross political boundaries” and “transcend nation-states” so as to explore the universal laws of environmental change; endeavors of such fully demonstrates the universalism pursued by Western scholars. Some scholars have even divorced such social concepts as state and nation from environmental history studies but to examine the pure history of natural evolution. For instance, in *Something New Under the Sun: An Environmental History of the Twentieth Century*, a major work in this domain, John Robert McNeill divides environmental history into four major spheres as per the surface of the Earth, elaborating the lithosphere, hydrosphere, biosphere, and atmosphere respectively from the bottom up.

Albeit the validity of “beyond nation-state” or “purely naturalistic” narrative approaches, the role of humans and society as the main subjects of environmental history narratives, in fact, has been somewhat deliberately undermined, rendering it difficult to present the full picture of historiography. This is mainly reflected in two aspects: on the one hand, environmental history research should include both the natural environment and the human and social environment. “The very first premise of all human history is undoubtedly the existence of sentient individuals. The first fact to be recognized, therefore, is the corporeal organization of these individuals and the resulting relationship of the individual with the rest of nature.” Besides, the merits of the environment are relative to the human feeling of existence, hence, the study of history as a humanistic discipline should not be divorced from the status of the human subject. On the other hand, from the perspective of the constructing power of politics on the natural environment, the vast and closed geographical environment of China constitutes a complete geographic unit, the uneven water and heat distribution influence by the monsoonal climate entails a clear division between agricultural and pastoral areas. The natural endowments have enabled the establishment of a strong centralized government to meet the needs of national defense and the construction of large water conservancy projects, developed the traditional notion of “man by his efforts can conquer nature”, and eventually, gave birth population of great size. All the efforts have laid foundation regarding the human base for the central government to transform the natural environment on a large scale.

Thus, the formation and evolution of political civilization and environmental change are inextricably entwined and mutually constrained. The notion of “crossing political boundaries” and “transcending nation-states” is a likely idealistic advocacy by scholars under the impact of economic globalization, which is equipped with objectivity and scientific validity though, it is difficult to reveal the full historical picture of China’s environmental changes, and should not be the only doctrine to embrace during the compilation efforts of world environmental history. As Professor Mark Elvin commentes on the study of Chinese environmental history: “Any society has its own administrative practices and traditions, which is not something that outsiders should judge at length..... In some places, administrative boundaries have been introduced into academia. But what matters important is the possibility of good and equal horizontal communication and cooperation between different disciplines. In the domain of environmental history, we probably understand better than other fields how everything ultimately interacts with each other.” The depth of the mind and insight of the man is thus evident.

In view of the above, writers of *Environmental History of China* have divvied up the book into six sub-volumes: pre-Qin period, Qin and Han dynasties, Wei, Jin, Tang and Song dynasties, Ming and Qing dynasties, and modern and contemporary times. With the rise and fall of national fortunes and political changes in each dynasty, there were overwhelming changes in politics, economy, culture, and human’s ability to transform nature from the pre-Qin period to the Qin and Han dynasties, the Tang and Song dynasties, the Ming and Qing dynasties, and even to modern times. As Professor Dai Jianbing comments in the general preface, “The compilers of this work aim to go beyond the traditional paradigm of writing dynastic and sectional histories of ancient Chinese history but attempts to incorporate the core features of the civilization evolution and the laws of environmental change in different periods of history as the criteria for dividing the volumes.” This staging approach respects both the evolutionary features of Chinese political civilization and the innate laws of environmental change, while also highlights the value

of general historical works in constructing national identity and overcoming the tendency toward one-sided objectivist narratives.

II. Innovation in theory and viewpoints

As a pioneering attempt to compile a general history of the environment, *Environmental History of China* not only audaciously innovates in its narrative structure, also summarizes, reflects on and surpasses the achievements of its predecessors in many perspectives. Its layout, argumentative model, and theoretical exploration are all highly distinctive.

On the one hand, with regard to the structure of each volume, the writers adhere to the “human-oriented” philosophy and focus on the main narrative of “human-nature interaction”, organically integrating the evolution of the natural environment and human social development. In this process, the “historical coupling point” of mutual influence between the two sides is focal point to reveal and the entry point as well for arranging the structure of each chapter. The *Environmental History of China* takes the human environment as the main subject, starting its discussion from the major intersections between man and nature, such as climate change, plant and animal changes, water environment changes, agriculture and industrial economic development, natural disasters, and diseases etc., to delineate the overall conflicts and balances between the two, and based on the discussion, it proceeds with exploring the future direction of mankind to achieve its own permanent survival. Such thematic narrative arrangement is in line with the mainstream paradigm of international environmental history, which not only facilitates the drawing on previous achievements, but contributes to providing a clear and organized account of complicated environmental issues.

On the other hand, since the evolution of natural environment and human society has its own internal laws, the writers also uphold the “human-orientated” philosophy, constructing a wave-like argumentation on how environmental issues arise, how they affect human society, and how human society respond to the environment.

Apart from the features of each volume, each sub-volume has conducted in-depth theoretical explorations while detailing the development of the entire environmental history and the complex historical relationships of human-earth interactions. To name a few important ones, Professor Zhang Cuilian employs the concept of pre-Qin period in a broad sense in *The Environmental History of China - Pre-Qin Volume* and traces the study period all the way back to the 3 million years ago, i.e., the Paleolithic period. In the first two chapters, the writers take a diachronic perspective, conjoining the historical records of physical phenomena with the results of archaeological and natural science research, and synthesize the history of environmental spontaneous changes since the Quaternary period, especially in the area included in the geographical concept of China, such as how the climate demonstrated periodic changes of cold, warm, dry, and wet, how fauna developed, became extinct, and migrated, and how vegetation evolved. From the third chapter onward, the writers begin to incorporate the role of humans into the grand narrative of environmental change, exploring the interaction between humans and nature, seminal impacts of human activities on nature, and the causal links between environmental and climatic change and the rise and fall of human civilization. In Chapter five, from the perspective of primitive peoples’ choice and adaptation to the environment, the authors discuss at great length the formation of settlements and cities, the construction of water facilities, the flourishing of primitive religions, and the shaping of the environment by warfare. In addition, the authors offer their own original view on the interrelationship between human and the environment in cities: “In a more naturalistic social form, the relationship between human and nature is one of dependence. Natural resource is an important factor influencing the mobility of human and the development of settlements, provided that the relationship between human and nature is harmonious, it will offer a solid foundation for social development. In the event that human do not pay heed to saving resources and exploit nature excessively, the tense relationship between the two entities will backfire on the social environment and even inflict the intensification of internal conflicts to the point of social system collapse.”

In the volume of pre-Qin period, Professor Zhang Cuilian organically combines the ecosystems of climate, topography, animals, vegetation, soil, and water with human ideology and political behavior, achieving to a certain extent the integration and unification of the three levels, namely, ecological history, the history of natural concepts, and the history of environmental politics. The other five volumes also take these major themes as the focal point, elaborating them in a continuous and expanded manner, but with a different priority on the content and perspectives based on the differences of the human-nature interactions

and the general trend of China's political and economic development in different eras. Whereas the authors of each volume do not seek a uniform approach in terms of the important theoretical issues, such as the concept of environmental history, decay theory, and environmental determinism, instead, they thoroughly express their own views on the basis of overall non-contradiction, demonstrating a distinct and diverse vision. Such conduct and viewpoint reflect the authors' deliberation on the emerging discipline of environmental history, whereby nature and society intersect.

Underpinned by the previous studies, each volume presents a myriad of new ideas and approaches. For example, there is a long-standing tendency of "decay narratives" in Chinese and foreign environmental history, especially deeming the vulgarization of human beings as the destroyers of nature. In this regard, Professor Dai Jianbing states in the general preface, "This process includes not only decay also the harmony, with a particular focus on delving the structural coupling points and the local knowledge of decay and harmony, finding the manifestation of ecological surplus and ecological deficit, and summarizing the coupling points and disorder points of human activities and ecological carrying capacity." Hinged on his profound understanding of the laws of society and nature, Professor Dai Jianbing strategically points out that the goal and direction of the current study of environmental history in China is "to explore the inner mechanism of the way for human beings to live in harmony with nature and achieve sustainable development". This significantly reflects the authors' noble orientation of environmental history as a new academic discipline and their realistic pursuit of building a harmonious society.

For another instance, in *Environmental History of China: the Volume from Wei Jin Dynasties to Song Yuan Dynasties*, Professor Gu Gengyou breaks through the limitations of dynasties and regions, bridging the over 1,000 years from the Wei Jin Southern and Northern Dynasties to the Song and Yuan period, explores the interaction between human beings and the ecological environment over a long period of time, and summarizes two points of consensus in the discipline today, namely, "Firstly, environmental history is an interdisciplinary study, and secondly, the research of environmental history is all about the interaction between human beings and the ecological environment in history". Professor Gu Gengyou has conjoined climatology, economics, religion, and ethnology etc., to analyze and summarize the features of regime separation and unification, ethnic conflict and integration, the development of the South and the southward shift of the economic center, and the prosperity, decline, and interaction between Confucianism, Buddhism, and Taoism from the period of the Wei Jin Southern and Northern Dynasties to the Song and Yuan dynasty. He expounds the tremendous impact of the climatic environment on the changing cycles of the Tang dynasty's flourishing and declining, and the impact on the formation of today's multi-national countries and the economic and geographical distribution. In addition, he examines the relationship between agriculture, handicrafts, and the environment, maintaining that human economic production is "more dependent on the natural environment than the destruction they exert". This view is both a new reflection on the relationship between human and nature in ancient times, and a powerful rebuttal to the decay narrative.

In his *Environmental History of China: Volumes on Ming and Qing Dynasties*, Professor Sun Bing proposes that "the history of environmental change is by no means the entire environmental history. If we merely focus on environmental change but overlook other issues, environmental history would fall into the dilemma of rigidity and staleness." And hence, according to Professor Sun Bing, "the research perspective should be 'both dynamic and static', when exploring environmental conditions, we should not only pay attention to "changes" but to "the constants" as well, so that we may grasp the dialectical relationship between the two under different spatial and temporal conditions". This is essentially a reflection and development on the perspective of the previous environmental history research.

Professor Sun Bing also corrects the stereotype of the "decay" theory from three aspects: "Firstly, we should avoid mechanical determinism or excessive linkage theory, and it is not appropriate to relate any natural calamity to human intervention in the environment; secondly, we should eschew the sheer naturalism, after all, it is not appropriate to blindly worship the "pure nature" without any intervention; thirdly, we should prevent drawing simple quantitative comparisons, it is not advisable to overlook the differences in the number of historical materials but directly draw quantitative comparisons." Such "humanistic" approach not only manifests a deep humanistic concern, also corrects misconceptions such as "decay theory" and "pure naturalism". Furthermore, Professor Zhang Tongle, in his *Environmental History of China: Volume on Contemporary Times*, assesses the environmental impact caused by natural

disasters, arguing that “natural disaster can happen in normal times, yet its cause shall be deliberately identified and thoroughly analyzed, instead of being simply attributed to environmental degradation inflicted by human activities.” These views offer us a chance to understand more deeply the nature of the relationship between human and nature in China, and that most natural disasters are not the result of an alienation of the relationship between the two. It is self-evident that since ancient times, Chinese people have revered the nature by living in harmony with it and responding to its will, and we have no cultural tradition of conquering or being hostile to the nature. The traditional concepts provide a Chinese solution for the construction of environmentalist theories in today’s world.

In addition, the perspectives in the *Environmental History of China* merit attention as well, in particular on a few real-life issues with a more scientific and applied nature. For example, in the *Volume on Modern Times*, Professor Xu Jianping, on the strength of his years of profound academic work in the fields of water environment research, environmental protection and environmental thought, makes his original assertion on the utility of modern environmental governance: “despite that China’s modern environment has gone through from a process of deterioration to prevention and control, the overall environmental problems, however, have become increasingly severe”. The fifth chapter centered on water environment changes, carries out an in-depth analysis on the interaction between the urban economy and the water environment, in more specific terms, it scrutinizes the water and drought disasters, the construction and utility of the Shunzhi Water Conservancy Commission and the North China Water Conservancy Commission, so as to explore the causes and lessons of the increasing severity of environmental problems in modern times. It is safe to say the research on modern environmental protection and water environment management in the *Volume on Modern Times* represents the highest achievement on this issue in current academic domain.

In the advent of founding of People’s Republic of China, the environmental history has been a weak point in academic research. Given this fact, the special *Volume on Contemporary Times* is incorporated in the *Environmental History of China* to provide an in-depth discussion on environmental issues after the founding of P. R. China. Such endeavor has filled the gaps in previous studies in China. Professor Zhang Tongle centers on the contradictory development of “over-exploitation of data, rapid economic growth, continuous ecological deterioration, and increasing environmental protection efforts in the course of modernization”, and discusses in detail a series of environmental degradation phenomena that have occurred since the founding of the country. It also offers an objective analysis and assessment on the specific environmental impacts of historical events, such as “eliminating four pests”, “Great Leap Forward”, “Great Iron and Steel Refining Movement” and the “Cultural Revolution”. The courage to face the sensitive issues is more than admirable, which also corrects the fallacy of the so-called “Chinese decay theory” in the West and serves to correct the bias and clarify the root of the problem. By doing so, readers may have an objective understanding of the environmental issues in this history. In addition, the Volume carries out a detailed discussion on the development of environmental thought and environmental protection in China, combining with the knowledge of biology and ecology, it objectively assesses the achievements and shortcomings of the previous knowledge and countermeasures in the history, and shed a light on the way to the construction of an environmentally friendly society, and to the development of Chinese civilization in some degree.

In addition, the environmental thought embodied in *Environmental History of China* is astonishingly profound. Comparing to Robert. B. Marks’s brief description on the environmental thought of Confucianism, Taoism, and Buddhism during the pre-Qin period in Chapter , Section , “Ancient Chinese Ideas on Nature and the Environment”, of *Environmental History of China: From Prehistory to Modern Times*, and Mark Elvin’s stress on the environmental thought of Xie Lingyun and Xie Zhaozhe in Chapter , “Concepts”, of *The Retreat of the Elephant: An Environmental History of China*, authors of *Environmental History of China* appear to be more systematic and in-depth, and includes the plain reverence for nature in the pre-Qin period, the oneness of all things and the unity of heaven and man in the Qin and Han Dynasties, the advocacy of conformity to nature and respect for life; and the thinking of scholars in the Wei and Jin Dynasties, the tripod of Confucianism, Buddhism, and Taoism in the Tang and Song Dynasties; the spread Western learning in the Ming and Qing Dynasties, and the flourishing of modern scientism. Over the long course of history, the environmental thinking of Chinese scholars, from spontaneous to conscious, has established a whole set of thought and practice system nowadays. Its

development course, essentially, an embodiment of the overall development of Chinese intellectual history.

III. Innovation on information and methods

In addition to the innovation on content and viewpoints, the expansion of materials and the breakthrough of research methods are also significant academic manifestations of the book. The common feature of all the volumes is the richness and breadth of the cited literature in terms of their sources. Compared with Robert B. Marks' inadequate local Chinese materials, domestic scholars are more advantageous in acquiring and deploying local materials. The length of each volume is roughly 300,000 words, yet the references listed, and the Chinese and foreign works cited are abundant. In the volume on pre-Qin period, the writer has cited many ancient literatures such as *Yu Gong*, the earliest work of regional human geography in the world, which is a chapter in *Shang Shu*, and the *Canal Book*, a chapter of *The Records of the Grand Historian*. Besides, records of natural disasters such as solar and lunar eclipses, celestial phases, wind, rain, snow, drought, and earthquakes recorded in *Zuo Zhuan*, *Discourses of the States*, and *The Book of Songs* were also included. What merit attention, due to the scarcity of primary sources in the pre-Qin period, the writer has drawn on a number of newly discovered archaeological sources, both in the form of excavated textual materials, such as oracle bone inscriptions and gold inscriptions carved during the Yin dynasty for the purpose of seeking rain, and in the form of physical materials, such as the remains of rice and Yin dynasty carriage pits.

The volume on Qin and Han dynasties are also rich in historical sources, such as the *Geography and Ditching Record*, two chapters of the *Book of Han* and the *County and State Records* of the *Book of Later Han*, as well as archaeological materials such as the brick with lotus picking portrait of the Eastern Han Dynasty and bamboo slips of the Qin Dynasty unearthed at Shuihudi. In addition to the employ of authentic historical sources, the volumes on the Wei and Jin dynasties, the Song and Yuan dynasties and the Ming and Qing dynasties also contain a wealth of references to the local records, as well as the specialized ancient texts such as the *Commentary on the Waterways Classic* and *Important Methods to Condition the People's Living*. All the various sources reflect the solid historical foundation of the book. The modern volume contains a great number of unpublished archival materials, including the Beijing Municipal Archives collection of North China, Shunzhi Water Conservancy Commission archives, as well as some modern newspapers and magazines, like *Yangtze River Water Conservancy Quarterly*, *Hebei Industrial Bulletin* and so on. Regarding the sixth modern volume, it is based on unpublished archival materials from the Hebei Provincial Archives, the Shijiazhuang Municipal Archives, the Shijiazhuang Urban Development Bureau, and the compilation of published materials from the Central Literature Research Office of the Communist Party of China.

In addition to the traditional historical domain, the works' references range from climatology, geology, soil science, zoology, botany, demography, epidemiology, hydrology, legends, and reliable historical information contained in poetry. Of particular note, the wealth of poetic references is particularly striking. For example, the volume on Qin and Han dynasties cited Sima Xiangru's "Shanglin Fu" and Zhang Heng's "Xijing Fu" to depict the flourishing of fish farming in the Han Dynasty; the work also cited *Hengmen*, *Airs of the States*, *The Book of Songs*, such as the verse "must it be bream to if one wants to eat fresh fish? And must it be carp if one wants to eat fresh fish?" to illustrate the point that "the river fish must have been one of the important sources of fish consumption in the capital city." It is roughly estimated that in that 200,000-word volume on Qin and Han dynasties, it contains over fifty references to poems and songs, which marks one of the important features of the book. Although the employ of poetry and song has been common in historiography all long, as Chen Yinke had put forward the idea of "mutual verification between poetry and history," the use of poetic materials in such an extensive manner demonstrates the profound inclusiveness and historical aesthetics of the emerging academic discipline of environmental history.

The collection of rich and reliable materials is indispensable, while the research methodology is also crucial for the quality of historical works. The methodological approach of *Environmental History of China* is highlighted by two aspects, i.e., interdisciplinary research and the combination of comprehensive analysis and case studies. Interdisciplinarity is an important feature of environmental history research, which usually engages numerous methods. However, it is anything but impractical for scholars majoring in history to master all the knowledge fields involved in environmental history. Given this fact, the writers of each volume took initiative to seek multidisciplinary cooperation while maintaining the historical

narrative as the focal point. For example, the two editors, Xu Qinghai and Zhao Baohua, are both experts in environmental studies and flora and fauna studies from the College of Life Sciences of Hebei Normal University. They incorporated such technical indicators as spore powder, ancient soil, lake deposits, stalagmites, glaciers, snow lines, deserts, sea surface rise and fall, and ancient vegetation to quantitatively analyze the historical facts of climate change in cold, warm, dry, and wet conditions, plant and animal changes. Based on an exhaustive analysis of ancient documents and archaeological data, the chief editor of each volume “combined and integrated the research results of many disciplines, such as physical geography, human geography, geology, biology, anthropology, ethnology, and folklore, and strived to observe environmental changes through a historical perspective and to discover historical patterns through an environmental perspective with an updated view.” As Professor Bao Maohong stressed, “Despite of the distinctions among each discipline and the increasing widening tendency with the differentiation of disciplines, by no means are these differences and barriers insurmountable, in fact, they can be interpenetrated. The conclusion drawn from interdisciplinary studies are not the same as sticking to merely one discipline.”

The conjoining of comprehensive analysis with case studies is another feature of the book. China is a vast country with a quite long history, and the issues involved in environmental history are extremely complex and diverse. And therefore, in an effort to write a general environmental history, it is essential to grasp the core of environmental changes from a macroscopic perspective, yet microscopic analysis is of particular significance. As the theory of interference limit differences suggests, proposed by Professor Lan Yong, two kinds of differences, namely, regional and temporal ones, more often than not, result in the inconsistency in the emergence of environmental thresholds in each region. That is, the impact of even the same environmental changes in regions or time may vary considerably.” As a result, it demands for specific analysis on “small habitats” on a case-by-case basis, in addition to comprehensive analysis. For example, in the concluding remarks of the pre-Qin volume, the rise and fall of YinXu was incorporated as an example of a microcosm of environmental change in the pre-Qin period. In the eighth chapter of the Volume on Qin and Han, the natural disasters in the city of Luoyang in the Eastern Han Dynasty, and the floods and droughts in Hebei were examined to explore the specific interaction between humans and nature in the “small habitat” in the context of disaster environment. In short, each volume attempts to combine comprehensive research with case studies to build a vivid historical picture.

III. Minor blemishes: the Shortcomings of Environmental History of China

As a first attempt to compile a general history of the environment by Chinese scholars, this work is a holistic and systematic explanation of the complex historical relationship between the Chinese nation and its environment. Without any doubt, it is anything but possible to include everything a sheer one book. The following may be the shortcomings, if there is any room for further improvement.

Firstly, the style division and content coordination are wanting of further improvement. From Wei Jin Dynasties to Song Yuan Dynasties, it spans over 1,000 years in time, suggesting a period of significant environmental and social change, yet it has been placed in one single volume. The practice may attribute to an uneven emphasis on the main points of the discussion in each chapter. Additionally, due to the distinct cognitive logic and thinking pattern of the editors, there is room for further coordination among sub-volumes in terms of content and arguments.

Secondly, in a few chapters, the narrative is somewhat prone to “natural science”, for instance, the narrative of climate change in Chapter inclines to depart from the historical narrative due to its innate attribute of natural science. In view of this phenomenon, integrating vivid historical discourse to further highlight the dominance of historiography is thereof an important part of “shifting from a ‘natural science’-oriented environmental history to a genuine ‘humanistic’ environmental history.”

Thirdly, archival materials that are not published need to be further explored. Albeit the rich sources of all volumes, there is an inevitably slight deficiency in the employ of unpublished archives after the Ming and Qing dynasties. For example, the use of archival materials in the Ming and Qing volumes is somewhat wanting, the only reference is the first historical archives of the memorials in the Yongzheng, Qianlong, and Daoguang’s reign. Whereas most of the unpublished archival materials used in the Modern volume was drawn from the Beijing Municipal Archives, which does not subsume a comprehensive area and scope. Provided that the scope of unpublished archives can be expanded, it should be more instrumental to further exploration of environmental issues.

Fourthly, theoretical innovation is slightly inadequate. As to a general history work, the construction of a theoretical system is all the more indispensable. Go through the entire work, one may notice that the narrative system is quite sound, yet the theoretical reflection is slightly insufficient. As a matter of fact, there are many innovative ideas scattered in each volume, also in-depth theoretical reflections in the general preface and the introductions of each volume, but at the end of the work, the theoretical summary of the whole book is not manifested. Theoretical innovation is, as a matter of course, rather difficult, which requires unremitting efforts and attempts on scholars' part in the time to come.

As one of the trail-blazing works in the study of environmental history, the academic and practical significance of *Environmental History of China* is self-evident. It not only represents the concerted efforts of the Chinese environmental history community over the years, but the diligent endeavors of the editorial board of Hebei Normal University. Despite of the inevitable minor shortcomings, the flaws do not devalue its innate significance. In general, it is an important attempt by Chinese scholars to compile, in a systematic manner, a general history of the environment from their own and their own country's characteristics, and it makes considerable contributions to the narrative framework and theoretical innovation, making up effectively for the discipline of environmental history in China, and promoting the disciplinary system and the construction of the historiographical discourse system. In this regard, this work is by all means a superb work of general history of high standard.

[1]. 《中国环境史》(6卷本) 主编 戴建兵, 高等教育出版社, 出版日期: 2020-2022年。

- 1、先秦卷(旧石器时期-公元前221年), 高等教育出版社, 2021年, 页数268页;
- 2、秦汉卷(公元前221年-公元220年), 高等教育出版社, 2022年, 页数350页;
- 3、魏晋至宋元卷(220年-1368年), 高等教育出版社, 2022年, 页数400页;
- 4、明清卷(1368年-1912年), 高等教育出版社, 2021年, 页数326页;
- 5、近代卷1912年-1949年), 高等教育出版社, 2020年, 页数320页;
- 6、现代卷(1949-至今), 高等教育出版社, 2021年, 页数370页。

Экологическая история Китая / под ред. Дай Цзяньбина. В 6 т. - Пекин: Высшее образование Китая, 2020-2022.

- T.1. Доциньская эпоха (Период палеолита - 221 год до н.э.). - Пекин: Высшее образование Китая, 2021. - 268 с.
- T.2. Эпохи Цинь и Хань (221 г. до н.э. - 220 г. н.э.). - Пекин: Высшее образование Китая, 2022. - 350 с.
- T.3. От эпохи Шести династий до империи Юань (220-1368 гг.). - Пекин: Высшее образование Китая, 2022. - 400 с.
- T.4. Династии Мин и Цин (1368-1912 гг.). - Пекин: Высшее образование Китая, 2021. - 326 с.
- T.5. Период Нового времени (1912-1949 гг.). - Пекин: Высшее образование Китая, 2020. - 320 с.
- T.6. Период Новейшего времени (с 1949 г.). - Пекин: Высшее образование Китая, 2021. - 370 с.

Environmental History of China / ed. Give Jianbing. In 6 volumes - Beijing: China's Higher Education, 2020-2022.

- T.1. Pre-qin era. - Beijing: China Higher Education, 2021. - 268 p.
- T.2. Qin and Han eras (221 BC - 220 AD). - Beijing: China Higher Education, 2022. - 350 p.
- T.3. From the era of the Six Dynasties to the Yuan Empire (220-1368). - Beijing: China Higher Education, 2022. - 400 p.
- T.4. Ming and Qing Dynasties (1368-1912). - Beijing: China Higher Education, 2021. - 326 p.
- T.5. The period of the New time (1912-1949). - Beijing: China Higher Education, 2020. - 320 p.
- T.6. The period of modern times (since 1949). - Beijing: China Higher Education, 2021. - 370 p.

ЛЯНЬ ЖОЮЙ – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра новой и новейшей истории Института изучения марксизма Хэбэйского университета экономики и бизнеса (info@helri.com).

LIANG RUOYU – Ph.D. in History, Senior Lecturer, School of Marxism, Hebei University of Economics and Business

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 94«72».62:62(09)

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-201-212

ВЛАДИМИРСКИЙ А.В.

ДИАГНОЗ ПО ТЕЛЕГРАФУ: ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ПО ПРИМЕНЕНИЮ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ В МЕДИЦИНСКОЙ НАУКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XX ВВ.)

Ключевые слова: история электросвязи, история медицины, медицинская наука, телемедицина, медицинская диагностика, физиологический эксперимент, Виллем Эйнтховен.

Появление во второй половине XIX в. доступных средств электросвязи (телеграфа, фототелеграфа, радио, телефона) быстро привлекло активное внимание ученых из сферы медицины. В этих технологиях исследователи видели новые возможности для развития медицинской науки и практики. В статье рассмотрена история научной деятельности, связанной с экспериментальным изучением возможностей электросвязи в медицинской науке в период второй половины XIX – первой трети XX вв. Показано, что в это время был проведен ряд научных экспериментов по применению различных технологий электросвязи для дистанционной трансляции разнообразных видов биомедицинской информации (пульсовой волны, звуковых феноменов сердечной деятельности и дыхания, результатов рентгенографии и электрокардиографии). По своей системности и значимости эксперименты разделены на три вида: околонуучное удовлетворение профессионального любопытства (К. Блейк, Ч.Э. Келс, Дж. МакКендрик); научно-техническая работа по созданию новых методов диагностики (Дж. Апхем с соавторами, С.-Дж. Браун, Л. Якобсон); опытно-конструкторская деятельность по созданию технологий для проведения научных исследований (В. Эйнтховен, Й. Босха). Первый вид экспериментов не оказал влияния на современную науку, однако сформировал научно-технические идеи, к развитию которых вернулись спустя несколько десятилетий. Во втором случае интерес представляет всестороннее раскрытие потенциала электросвязи, как инструмента решения медицинских задач. Наиболее высока результативность третьего вида экспериментов, позволивших получить принципиально новые знания в сфере физиологии, оказавшие значительное влияние на медицинскую практику.

VLADZYMYRSKY, A.V.

DIAGNOSIS VIA TELEGRAPH: THE FIRST SCIENTIFIC EXPERIMENTS ON THE USE OF TELECOMMUNICATIONS IN MEDICAL SCIENCE (THE SECOND HALF OF THE 19TH - THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURIES)

Key words: history of telecommunications, history of medicine, medical science, telemedicine, medical diagnostics, physiological experiment, Willem Einthoven.

Appearance in the second half of the nineteenth century. available means of telecommunications (telegraph, phototelegraph, radio, telephone) quickly attracted the active attention of scientists from the field of medicine. In these technologies, researchers saw new opportunities for the development of medical science and practice. The article deals with the history of scientific activity related to the experimental study of the possibilities of telecommunications in medical science in the second half of the 19th - the first third of the 20th centuries. It is shown that at that time a number of scientific experiments were carried out on the use of various telecommunication technologies for remote transmission of various types of biomedical information (pulse wave, sound phenomena of cardiac activity and respiration, the results of radiography and electrocardiography). According to their consistency and significance, experiments are divided into three types: near-scientific satisfaction of professional curiosity (K. Blake, C.E. Kels, J. McKendrick); scientific and technical work on the creation of new diagnostic methods (J. Uphem et al., S. J. Brown, L. Jacobson); experimental design activities to create technologies for scientific research (W. Einthoven, J. Bosch). The first type of experiments did not have an impact on modern science, but formed scientific and technical ideas, the development of which was returned several decades later. In the second case, of interest is the comprehensive disclosure of the potential of telecommunications as a tool for solving medical problems. The highest efficiency of the third type of experiments, which made it possible to obtain fundamentally new knowledge in the field of physiology, which had a significant impact on medical practice.

Разнообразные цифровые технологии, телемедицина, информационный обмен и электронный документооборот – это компоненты здравоохранения, уже во многом ставшие привычными и рутинными [1]. Их появлению в современном облике и повсеместному использованию предшествовала длительная история научно-технического развития. Ее первым этапом стали исследования применимости в медицинских целях ранних технологий электросвязи – телеграфа, телефона, радио. Соответствующая проблематика в медицинской науке и практике в период второй половины XIX – первой трети XX вв. развивалась по двум параллельным направлениям: 1. научный эксперимент; 2. эмпирическое практическое использование. По мере своего распространения средства электросвязи становились «связующим звеном» между врачами и пациентами во многих ситуациях: от экстренных дистанционных консультаций до вызова врача на дом или обмена эпидемиологической информацией. Такие эпизоды задокументированы в России, Австралии, странах Европы, США [2-4].

Эмпирическое практическое использование представляло собой простой диалог – общение врача и пациента посредством электросвязи. Развитие этого прикладного аспекта, безусловно,

интересно, так как со временем здесь наметился переход к научно обоснованному поиску оптимальных технических и методических решений; однако, этот вопрос находится за рамками данной статьи. Принципиально иную ценность имеет научно-техническое развитие применения средств электросвязи в аспекте дистанционной трансляции биомедицинских данных – физиологических параметров, результатов диагностических исследований. Такая трансляция, игравшая важную роль для развития медицинской науки, в целом, была сложной, нетривиальной научно-практической задачей. Она требовала создания способов фиксации и преобразования в электрический сигнал исходной информации, обеспечения ее качества и целостности при передаче, наконец – средств воспроизведения полученных данных. Нужны были как опытно-конструкторские работы, так и научная оценка результативности. Эта деятельность осуществлялась в виде научных экспериментов по апробации оригинальных изобретений.

1. Научные основы исследования.

Задача исследования – охарактеризовать основные этапы научной деятельности, связанной с экспериментальным изучением возможностей электросвязи в медицинской науке в период второй половины XIX – первой трети XX вв.

Историография по теме исследования отличается фрагментарностью и известной односторонностью. Достаточно подробно изучен эксперимент выдающегося ученого-физиолога Виллема Эйнтховена по созданию технологии «телекардиограммы» – дистанционной трансляции результатов электрокардиографии по телефонным каналам связи. В целом ряде научных публикаций (только часть которых мы прямо цитируем) достаточно всесторонне описано это событие [5-8]. Полная же систематизация истории научной деятельности В. Эйнтховена, включая публикацию личного архива и переписки, проведена в фундаментальных монографиях Н.А. Snellen [9, 10]. Первоисточник с авторским описанием эксперимента введен в научную литературу, в том числе, с переводом на английский язык [11]. Вместе с тем, данный эксперимент рассмотрен дискретно, без учета контекста иных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ сходной тематики в тот же временной период. Аналогичные эксперименты, проводившиеся в это время другими учеными, в научной литературе практически не описаны. Встречаются лишь эпизодические упоминания в виде ссылок на более ранние такие же малоинформативные упоминания [3]. Первоисточники же остаются пока не изученными, детальный анализ истории соответствующего научного поиска не проведен. Краткий, но достаточно информативный обзор научно-технических разработок по одному из экспериментальных направлений был опубликован еще в 1935 г. [12]. В нем достаточно качественно прослежены завершенные к тому времени работы по созданию «электрических стетоскопов». Этот обзор входит в состав научной статьи в сфере медицинской инженерии, что обуславливает его некоторую специфичность. С другой стороны, он не позволяет проследить значение данной научно-конструкторской работы в отдаленной перспективе. Полагаем, что требуется комплексный, системный подход к изучению ранних научно-практических экспериментов по применению электросвязи в медицине, что объясняет научную новизну исследования.

Источниковая база представлена совокупностью опубликованных и неопубликованных документов – научных трудов, публицистических, биографических материалов, патентов и фотоматериалов. Наиболее ценными первоисточниками считаем оригинальные публикации ученых, проводивших соответствующие исследования, конструкторские работы и эксперименты (статьи J. Upham, C. Blake, S. Brown, W. Einthoven, J. McKendrick), а также публикации непосредственных свидетелей и участников указанных событий (книги A. Groux, S. Alison).

Хронологические рамки ограничены второй половиной XIX – первой третью XX вв. В этот период в распоряжении человечества находились три технологии электросвязи: телеграф (в том числе, фототелеграф), телефон и радиосвязь. Причем телеграфная связь позволяла осуществлять обмен буквенно-цифровыми (текстовыми) сообщениями, электрическими сигналами для звукового оповещения (звонок), неподвижными изображениями (фототелеграф, в последствие – факсимильная связь). История изобретения и конструирования соответствующих технологий широко описана в иных источниках и нами рассматриваться не будет.

2. Научные эксперименты с использованием телеграфа (фототелеграфа).

Исследование возможности передачи частоты пульса по телеграфу впервые провели в США врач Джейбз Бакстер Апхем (Jabez Baxter Upham, 1820-1902) и инженер-электрик Мозес

ИСТОРИЯ

Герриш Фармер (Moses Gerrish Farmer, 1820-1893). В 1858 г. Дж.Б. Апхем и М.Г. Фармер изобрели и сконструировали устройство для дистанционной передачи данных о частоте пульса [13]. За основу был взят известный к тому времени прибор «сфигмоскоп» (англ. «sphygmoscope», от греч. «sphygmōs» - пульс, «skopeō» - наблюдать) для визуализации сердечных шумов и частоты пульса. Принцип его действия состоял в передачи колебательных движений с поверхности тела в проекции сердца или крупной артерии на столб жидкости в градуированной стеклянной трубке. Изобретатели дополнили это устройство «электро-магнитной машиной»: поднимающийся синхронно с колебаниями тела столбик жидкости замыкал контакт, в результате чего срабатывал электрический звонок или соответствующий сигнал передавался по телеграфному кабелю [14]. Это изобретение получило наименование «сфигмосфон» (англ. «sphygmophone», греч. «phone» - звук). Устройство для передачи данных по телеграфу именовалось «телеграфным ретранслятором» (англ. «Telegraphic Repeater»), оно было непосредственно создано М.Г. Фармером с участием Уильяма Чаннинга (William Francis Channing, энтузиаст применения электричества в медицине, изобретатель конструкции электро-магнетического телеграфа) и некоего А.Ф. Woodman.

В 1859 г. «сфигмосфон» был апробирован как инструмент решения конкретной, достаточно нетривиальной научной задачи. В поле внимания врачебного сообщества того времени находился человек по имени Юджин Александер Гриу (Eugene Alexander Groux, 1833-1878), страдавший редкой врожденной патологией – расщеплением грудины от рукоятки до мечевидного отростка (тотальным стерноскизисом). В существующий костный дефект выступали мягкие ткани, органы средостения, прежде всего – сердце [15, р. 1; 16]. Считая себя медицинским феноменом, Юджин Гриу предпринял многолетнее путешествие по Европе и Северной Америке с целью максимально продемонстрировать свою болезнь множеству врачей (действительное количество которых превысило 2000). Интересно, что после такого интенсивного общения Ю.А. Гриу сам поступил в университет и получил диплом врача. В 1859 г. он написал книгу, описав в ней состояние своего здоровья и суммировав многочисленные медицинские наблюдения над самим собой. Книга была очень интересно иллюстрирована, причем в ней имелось и изображение «сфигмосфона» [17]. Ю. Гриу сообщал: во время «путешествия в Америку доктор Апхем из Бостона увидел в Гриу возможность изучить двигательную активность и звуковую картину сердца, используя новые методы телеграфии для записи и измерений биения сердца. Он применил инструмент, помещенный на грудную клетку Гриу, другой конец которого был присоединен к прерывателю телеграфа. Апхем назвал свое устройство «сфигмос-фон» [17].

Итак, в 1859 г. Дж.Б. Апхем поставил научную задачу изучить синхронность пульсовых колебаний верхушки сердца, пролабирующего в дефект грудины сердца и стенок крупных сосудов у Юджина Гриу. С этой целью «электро-магнитная машина» была усовершенствована, в частности, к ней добавился указанный выше «телеграфный ретранслятор». Группа исследователей выполнила эксперимент по дистанционному исследованию частоты пульса с последовательной трансляцией данных от разных анатомических областей тела пациента с врожденным дефектом грудины. Для изучения синхронности была создана специальная бумажная форма для ручной регистрации получаемой информации. Есть два описания научного эксперимента. Первое приведено в оригинальной статье самого Дж.Б. Апхема, опубликованной 03.02.1859 [13]. Второе – в книге о диагностике британского врача, ученого-физиолога Саммервиля Скотта Элисона (Somerville Scott Alison, 1813-1877), изданной в 1861 году [14].

Дж.Б. Апхем сообщал [13]: «Первое испытание состоялось во вторник, 21-го [имеется в виду декабрь 1858 г. – авт.], в квартире мистера Фармера на улице Вашингтона», а второй эксперимент с телеграфным оборудованием «проведен в том же самом месте через пару дней». В первом случае исследователи работали над совершенствованием методики одновременной фиксации пульсовых колебаний на разных анатомических участках тела. А во втором (08.01.1859) – предприняли дистанционную трансляцию получаемых данных: обследуемый находился на центральной телеграфной станции, прием и фиксация данных осуществлялись в обсерватории района Кембридж. Все происходило в г. Бостон (штат Массачусетс), расстояние между объектами составляло около 5,5 км. Использование телеграфа в данной ситуации имело научный смысл. Как было сказано выше, целью исследования было выяснение степени синхронности/асинхронности пульсовых колебаний стенок разных кровеносных сосудов. В обсерватории находился хронограф,

ИСТОРИЯ

позволяющий максимально точно фиксировать различия во времени между получением электросигналов от разных участков тела обследуемого.

Посредством «сфигмосфона» была успешно получена и зафиксирована вся необходимая информация. С одной стороны, была решена научная задача, а с другой – успешно апробирована технология дистанционной передачи биомедицинской информации.

Врач и физиолог Саммервиль Элисон так описывает эти события (02.11.1860): «Я [*Somerville Scott Alison – авт.*] был свидетелем использования сфигмосфона доктора Апхема для сердца мистера Гриу [*Eugene A. Groux – авт.*] в доме доктора Уильяма [*William F. Channing – авт.*], также при этом присутствовал доктор Куэйн [*в оригинале Quain – авт.*]. Удивительное блестящее достижение было получено с помощью сфигмосфона и электро-магнетического инструмента, произведена запись движений сердца посредством проводов электрического телеграфа на дистанции в три с половиной мили. Этот эксперимент над мистером Гриу успешно провел доктор Апхем в прошлом году в США. В то время как мистер Гриу находился в Бостоне движения его сердца были записаны в Кембридже». Систематизированные результаты разработки, апробации и применения «сфигмосфона» в научных целях Дж.Б. Апхем представил аудитории Бостонского общества развития медицины 24.01.1859 и опубликовал в научном журнале [13].

Далее последовала пауза. Лишь спустя 10 лет, в сентябре 1869 г. доктор Дж.Б. Апхем представил «сфигмосфон» участникам конференции Американской научной ассоциации. Он прочел лекцию и продемонстрировал «пульсацию сердца» нескольких пациентов и врачей Бостонской городской больницы, находившейся на расстоянии около 22 км (14 миль) от места заседаний. В прессе этот эпизод описан так: «Телеграфная компания Франклина предоставила кабель для связи между двумя местами; биения сердца... были сделаны видимыми для аудитории путем использования проецируемого на стену затемненной комнаты магниевого света, мерцавшего в полном соответствии с отдаленным пульсом. Сперва, артерии здорового мужчины были присоединены к аппарату, и пятно света мерцало 60 раз в минуту. Вторым был здоровый, но легко возбудимый человек, и свет мерцал 90 раз в минуту. Далее, спектральный пульс, переданный из больницы, показал 118 ударов в минуту; наконец, пятно задергалось в нерегулярном ритме; в этом случае биения пришли от пациента, страдающего пневмонией; последним был пациента с органическим заболеванием сердца» [18]. Информация о данном событии была практически одновременно опубликована в нескольких газетах [15]. В дальнейшем исследования не велись.

В первой трети XX века появились первые фотоэлектрические системы для передачи неподвижных полутоновых изображений. Одну из первых таких систем («бильдтелеграф» или «телефотограф») сконструировал германский инженер Артур Корн (Arthur Korn, 1870-1945). Именно это изобретение было прокомментировано в выпуске газеты «The New York Times» от 24.02.1907 г.: «Теперь точно возможно, чтобы известный хирург в Нью-Йорке мог увидеть пулю в теле пациента, находящегося в Чикаго или Сан-Франциско; комбинация рентген-аппарата и изобретения доктора Корна сделает эти и еще большие чудеса обычными местами нашей повседневной жизни» [19, р. 7]. Достоверно известен следующий эксперимент. В 1926 г. в США по фототелеграфу успешно переданы фотоотпечатки двух стоматологических рентгенограмм. В этой же публикации говорилось, что некий «популярный писатель об электричестве» предсказывал «приближающиеся чудеса» электросвязи, в том числе то, что «врачи смогут увидеть язык пациента из другого города». Трансляция осуществлялась из г. Нью-Йорк в г. Чикаго (при участии компаний «American Telephone & Telegraph Company» и «Victor Company»). Передача данных потребовала 7 минут 20 секунд.

В этом же году данный эксперимент был опубликован врачом-стоматологом, энтузиастом рентгенологии и изобретателем Чарльзом Эдмундом Келсом (Charles Edmund Kells, 1856-1928) в статье, обобщающей 30-летний опыт применения рентген-диагностики в стоматологии [20]. Этим материалом автор статьи проиллюстрировал современный ему высокий уровень технологических возможностей. Были опубликованы исходные и полученные изображения, практически не отличающиеся по своему диагностическому качеству. Было сделано предложение использовать данную технологию для коммерческих дистанционных консультаций врачей-стоматологов. Однако какие-либо сведения о научно-практическом развитии этого аспекта отсутствуют. В 1929 г. состоялась повторная публикация факта проведения данного эксперимента (без детализации сути или результатов) [21; 22, р. 16]. Именно руководствуясь данными источниками более поздние

авторы неверно датировали исходное событие 1929 годом [3]. Статья Ч.Э. Келса введена нами в оборот в качестве источника, что позволяет нам уточнить датировку эксперимента [2].

Нами обнаружен еще один факт «медицинского» применения фототелеграфа в изучаемый период: в научно-популярном журнале «Popular Mechanics Magazine» от ноября 1930 г. просто в качестве иллюстрации к статье о возможностях электросвязи опубликован фотоотпечаток рентгенограммы пациента с травмой коленного сустава, транслированный посредством «телефотографической системы» из г. Нью-Йорка в г. Кливленд (США) [23].

Невзирая на кажущийся значительный потенциал фототелеграфа для медицинской науки и практики, особого развития технология электросвязи в изучаемый период времени не получила. Фактически вместо научных экспериментов или попыток внедрения в практику имели место лишь популистские презентации технических решений. По нашему мнению, это связано с низким уровнем развития медицинской визуализации в первой трети XX века: рентгенология находилась в начальном периоде своего развития, результаты иных диагностических исследований - пользуясь современной терминологией - еще не фиксировались на «твердых» носителях.

3. Научные эксперименты с использованием телефона (передача и прием звука).

Исследования возможности дистанционной передачи аускультативной картины легких и сердца (то есть звуковых феноменов, возникающих при дыхании и биении сердца) проводили несколько ученых, независимо друг от друга.

Прежде всего, выделим эксперименты профессора отологии Кларенса Блейка (Clarence John Blake, 1843–1919), проведенные в США в 1877-1880 гг. В течение нескольких лет профессор Блейк пытался передать диагностически значимую звуковую картину дыхания и работы сердца посредством обычных телефонных аппаратов. Обобщив свои исследования, он представил соответствующий доклад аудитории Бостонского общества развития медицины 8 ноября 1880 г. и опубликовал научную статью [24]: «Первые эксперименты, начатые в 1877 году, проведены с использованием частного кабеля, проложенного на расстояние около 800 футов между двумя домами по воздуху и максимально изолированного от других проводов <...> использовались стандартные телефоны <...> Bell. Телефон был помещен на обнаженную поверхность груди, часть с микрофоном была плотно прижата к поверхности, аускультант [*дословно в тексте – «auscultant»*] проводил выслушивание по второму телефону на другом конце линии. Эксперимент несколько раз повторялся, телефон при этом помещали на различные участки груди, менялась и сила, с которой его прижимали к поверхности тела; за исключением одного раза, когда был выслушан «глухой стук», звуки, похожие на сердечную деятельность, определены не были, в то время как голос и слова экспериментатора были слышны аускультанту <...> даже если бы звуки сердца могли бы быть переданы, они были бы заглушены посторонними шумами, и эксперимент был повторен, аускультант при этом находился в одной комнате с пациентом, использованы два общепотребительных телефона, связанных короткими гибкими проводами около трех футов в длину. Даже в этих благоприятных условиях звуков, продуцируемых грудной клеткой, выслушано не было». Эксперименты завершились неудачей, профессор Блейк констатировал: «Для успешной аускультации микрофон должен быть сконструирован с возможностью улавливать низкие звуки небольшой интенсивности, контактные поверхности должны очень плотно прилегать и не подвергаться даже малейшим механическим воздействиям, должна быть возможность постоянной регулировки и настройки». После публикации Кларенса Блейк потерял интерес к данной тематике, сфокусировавшись на проблеме хирургического лечения заболеваний органа слуха. Каких-либо конструкторских работ при его участии не проводилось.

Фактически одновременно – в 1878 г. – схожий эксперимент был проведен в г. Глазго (Великобритания) профессором физиологии Джоном МакКендриком (John Gray McKendrick, 1841-1926).

С целью дистанционной передачи аускультативной картины профессор МакКендрик сконструировал следующее устройство [25]: к микрофону модели Хьюза (Дэвид Эдвард Хьюз, 1831-1900, профессор, англо-американский изобретатель – *авт.*) были подключены провода, «слабая батарея... и два телефона, которые образовали сеть», а микрофон соединили с «кардиографом» конструкции Маре (Этьен-Жюль Маре, 1830-1904, французский физиолог и изобретатель, президент французской Академии наук – *авт.*); «таким образом, звуки могут передаваться на отдаленный телефон». Отметим, что «кардиограф» Маре – это прибор для

ИСТОРИЯ

регистрации двигательной активности сердца, но не электрофизиологических феноменов (для чего предназначены современные электрокардиографы) [26]. Скупость описания технологического решения объясняется не успешностью эксперимента. Дж. МакКендрик сообщает [25]: «Важно отметить, однако, что их характер искажен. Они подобны сердечным звукам, но отличаются по тембру... Звуки дыхания можно также услышать. Когда электрокардиограф помещен над гортанью, шепот передается вполне отчетливо». Очевидно, что ни для медицинской науки, ни для практики подобная трансляция смысла не имела.

Как известно, научный эксперимент не всегда венчается успехом. Однако отрицательные результаты тоже ложатся в копилку знаний. Попытки Блейка и МакКендрика по дистанционной трансляции физиологических звуков (дыхания, тонов сердца) были безуспешны: стандартные средства телефонной связи не позволили передать нужную информацию с требуемым уровнем качества. Однако они стали свидетельством явного интереса ученых к проблеме применимости средств электросвязи в медицине.

В 1879 г. в журнале «The Lancet» была опубликована короткая заметка с описанием того, как близкие маленького ребенка ночью обратились к семейному доктору с жалобами на сильный кашель. Врач распорядился поднести телефонную трубку к голове малыша и дать ему возможность услышать кашель, что и было сделано; через несколько минут доктор объявил, что кашель у ребенка не крупозный и ситуация может быть отложена до утра [27, p. 819]. С этой заметки начинается многолетняя дискуссия о применимости, этике и прочих аспектах голосового общения по телефону в медицине. Однако этот способ использования электросвязи лежит вне поля нашего исследования, так как мы фокусируемся на проблеме передачи физиологической и биомедицинской информации, а не коммуникациях в профессиональной сфере.

В начале XX века тема дистанционной трансляции аускультативной картины нашла неожиданное продолжение в работах американско-британского инженера и изобретателя в сфере электросвязи Сидней-Джорджа Брауна (*Sydney-George Brown, 1873-1948*). В этот период он работал над усовершенствованием телефонии [28]. Достигнутый уровень технического развития позволял устойчиво передавать звук на расстояние около 30 км, после чего качество сигнала прогрессивно ухудшалось. В 1910 г. С.-Дж. Браун сконструировал «телефонное реле»: ретранслятор, усилитель и приемное устройства для устойчивого голосового общения на расстоянии до 80 км. Браун не интересовался медициной целенаправленно, но использовал медицинскую аускультацию для публичной демонстрации возможностей и качества своего изобретения [3]. По заказу Лондонской больницы он сконструировал «электрический стетоскоп», позволявший студентам в учебной комнате слышать звуковую картину работы сердца и легких пациента, которого обследовал ординатор клиники в больничной палате [29]. Именно наличие «телефонного реле» сделало передачу звука качественной [30].

Очевидно в целях популяризации изобретения, в этом же году С.-Дж. Браун организовал публичную демонстрацию: звуковая картина сердца была достаточно успешно передана по телефонной связи между Лондонской больницей и островом Уайт на расстояние около 150 км. Также подобные эксперименты проводились между несколькими точками в пределах Лондона [31, p. 496, 509; 32, p. 475]. В целом, качество передачи именно тонов сердца было хорошим, а оценка типа дыхания оказалась затруднительной. Также крайне негативно сказывались на качестве передаваемой информации любые посторонние звуки. После эксперимента S.-G. Brown сделал следующий вывод: «Это исследование доказало, что теперь стало возможным специалисту, допустим в Лондоне, обследовать пациента, допустим в сельской местности, аускультативно («стетоскопически») и поставить правильный диагноз» [28]. На этом научная оценка данной технологии, увы, завершилась. «Электрический стетоскоп» применялся в Лондонской больнице в учебных целях. Однако по настоящему дистанционным такое взаимодействие назвать нельзя.

После экспериментов Брауна попытки транслировать звуки сердца и дыхания по кабельной связи прекратились, однако в 1920-х гг. возобновились научно-конструкторские работы для реализации аналогичной передачи по радио.

4. Научные эксперименты с использованием телефона (передача и прием электросигналов).

Едва став общедоступным, телефон приковал к себе внимание врачей-исследователей. И если передача звука оказалась неприменимой с точки зрения медицинской диагностики, то

ИСТОРИЯ

использование средств телефонной связи для обмена информацией в виде электросигналов получило свое бурное развитие спустя несколько лет.

Эксперимент Виллем Эйнтховена (Wilhelm Einthoven, 1860–1927, профессор физиологии Университета Лейдена, Нобелевский лауреат по физиологии и медицине «За открытие техники электрокардиограммы» (1924)) и Йоганесса Босхи (Johannes Bosscha, 1831–1911, директор Политехнического института Делфта). Территориально: г. Лейден, Нидерланды; хронологически: 1905-1906 гг.

В истории науки и техники В. Эйнтховен известен как создатель методологии фиксации электрокардиограммы (ЭКГ), остающейся фундаментальной по сей день. Работая над этой проблематикой, в начале XX века Виллем Эйнтховен изобрел специальный прибор – струнный гальванометр, ставший ключевым компонентом электрокардиографа. Это было весьма громоздкое устройство («Оригинальный аппарат в Лейдене был огромен по размеру, так как занимал 2 комнаты, весил 600 фунтов, включал огромный электромагнит и требовал 5 человек, чтобы управлять им. Перегрев требовал наличия постоянной проточной воды для охлаждения электромагнита» [33]). Этот прибор Эйнтховен сконструировал в своей домашней лаборатории и тут же столкнулся с проблемой – для масштабных испытаний нужен был доступ к пациентам. Теоретически предполагая, что «здоровое» и «больное» сердца обладают разной электрофизиологией, ученый хотел доказать это на практике [33]. Для этого нужно было обследовать большое количество больных. Перевозить прибор в клинику было крайне затруднительно, а приглашать пациентов домой – невозможно по понятным причинам.

В поисках решения проблемы Эйнтховен обратился к коллегам и вскоре нашел поддержку. Профессор физики Й. Босха предложил передавать электросигнал дистанционно из клиники в лабораторию. Для реализации идеи Голландским научным обществом был выделен грант в размере 500 гульденов (флоринов) [6]; значимую роль в выделении субсидии сыграл профессор Пласе – президент представительства указанного научного общества в г. Гарлем [9, 11, 33]. Ученые получили поддержку от телефонной компании г. Лейден. В результате была создана система: в Академической клинике было смонтировано устройство для получения электрокардиосигнала, от него данные передавались по телефонному кабелю в домашнюю лабораторию Эйнтховена, где фиксировались струнным гальванометром. Кабель был проложен специально по воздуху на расстояние в 1,5 километра (при участии инженеров Ribbink и Yan Bork) [5, 7]. Известно, что особые усилия были потрачены на обеспечение помехоустойчивости (колебания проводов, электромагнитное влияние земли искажали передаваемые данные). В итоге, ученые, проведя целую серию опытов, все же добились необходимого качества передачи данных за счет специальной изоляции кабеля [7].

22 марта 1905 года Эйнтховен и Босха зафиксировали ЭКГ у здорового мужчины-добровольца (предположительно, это был ассистент самого Эйнтховена по имени C.J. de Jongh [7]), находящегося в домашней лаборатории. Затем доброволец отправился в Академическую клинику, где ЭКГ была зафиксирована повторно, на этот раз – дистанционно, с трансляцией электросигнала на 1,5 км. Ученые сопоставили обе ЭКГ и отметили их практически полную идентичность. Это был первый случай успешной дистанционной трансляции результатов электрокардиографии средствами электросвязи.

Техническое решение под названием «телекардиограмма» (фр. «telecardiogramme») и выявленные с его помощью многочисленные электрофизиологические феномены были систематизированы. Соответствующие доклады В. Эйнтховен представил Голландскому научному обществу в 1905 г. и Обществу физики, медицины и хирургии в 1906 г. [11], а также опубликовал в 1906 году в журнале «Archives Internationales Physiologie». Прочитав: «Он [пациент – авт.] комфортно сидит в кресле и обе его руки погружены в большие стеклянные банки, к которым присоединены провода, идущие в лабораторию; или он держит в банках одну руку и ногу. Электрокардиограмма, в этом случае – телекардиограмма – транслируется в лабораторию. Проводимая таким образом процедура практична и проста, ее преимуществом является быстрота выполнения, по сравнению с использованием гальванометра у постели больного». Виллем Эйнтховен утверждал, что физические характеристики протестированного канала связи вполне позволяют дистанционно транслировать ЭКГ между Лейденом и Роттердамом или Амстердамом [33].

Особо следует отметить, что именно в этой научной статье впервые была использована латинская приставка «теле-» для обозначения дистанционного взаимодействия в медицинской науке и практике посредством электросвязи. С точки зрения терминогенеза концепции «телемедицины» (как применения электросвязи в клинической практике и медицинской науке) очевиден приоритет В. Эйтховена. «Телекардиограмма» стала, с одной стороны, результатом научно-технических разработок, а с другой – явилась инструментом осуществления научных исследований в сфере электрофизиологии.

Необходимо отметить, что через год – фактически после публикации обобщающей статьи – работы по дистанционной трансляции ЭКГ были прекращены по финансовым причинам. Невзирая на все усилия, финансовой поддержки для продолжения функционирования системы дистанционной трансляции ЭКГ Виллем Эйтховен более не получил [9, 10].

5. Научные эксперименты с использованием радио (передача и прием звука).

Эксперименты Лео Якобсона (Leo Jacobsohn; 1863 или 1881 – 1944; германо-американский врач, изобретатель, профессор неврологии). Этот ученый в 1923 г. разработал усилитель, который, в совокупности с обычным микрофоном и радиопередатчиком, позволял относительно качественно транслировать на расстоянии аускультативную картину сердца [34]. В феврале этого же года изобретатель представил свою разработку врачебному сообществу, сообщая, что: «врач в американском городе сможет быть на связи с пациентом и предоставить ему медицинские рекомендации, при этом пациент может быть где угодно – на море или в другой стране» [35, р. 4]. Отметим, что в большей мере была презентована идея, нежели техническое решение. Два года Л. Якобсон старался усовершенствовать свое изобретение. Наконец, в 1925 г. был проведен эксперимент по радиопередаче звуков сердечной деятельности пациента, находящегося в г. Берлин (Германия), на расстояние 850 км в г. Давос (Швейцария). Однако диагностическая ценность данных оказалась неудовлетворительной: если ритм сердца определялся хорошо, но все остальные звуковые феномены были неразличимы. Тем не менее, Лео Якобсон пытался решить эту проблему, применяя фильтры конструкции Geheimrat Wagner для устранения фоновых шумов и выделения значимых звуков. Он несколько раз представлял свое детище врачебным аудиториям США, утверждая возможность использования технологии «на суше и на море» [36; 37, р. 55].

В дальнейшем попытки реализовать по-настоящему дистанционную аускультацию прекратились. С одной стороны, это объяснялось явными техническими ограничениями средств электросвязи того времени (что подтверждается неудачами описанных выше экспериментов), а с другой – сомнительной практической значимостью такой технологии в изучаемый период времени. Поэтому научное развитие пошло по несколько иной траектории. В 1920-е гг. велись научные и конструкторские разработки «электрических стетоскопов», которые потенциально должны были позволить более качественно выслушивать звуки сердечной деятельности и дыхания, фиксировать звуковые феномены в виде кривой на фотобумаге или проводить совместную аускультацию в образовательных целях (с передачей аускультативной картины в виде электросигнала на несколько десятков метров по кабелю от преподавателя к студенческой аудитории). Развитие этой темы можно проследить в научных и научно-популярных публикациях того времени [38, р. 676; 39-44]. Однако в контексте нашего исследования это направление не представляет интереса; в историографическом аспекте можно отметить статью Walter L Biering et al, 1935 г. [12], в которой качественно систематизированы соответствующие исследования за предыдущее десятилетие.

Надо подчеркнуть, что в указанных публикациях достаточно часто говорится о потенциальной применимости очередного «электростетоскопа» или «беспроводного радиостетоскопа» для передачи звуков сердца и легких на произвольное расстояние по радио или телефону. Однако результаты реальных экспериментов и испытаний не представлены.

Есть основания полагать, что подобные разработки в США вел и знаменитый изобретатель Томас Эдисон (Thomas Alva Edison, 1847-1931). В 1922 г. в журнале Американской медицинской ассоциации была опубликована статья доктора Магнуса Майерса об очередном «электрическом стетоскопе» [43]. Сама по себе она являлась достаточно типичной для своего времени. Однако спустя короткое время в том же журнале было опубликовано письмо в редакцию [45, р. 451]. Его автор – врач и инструктор медицинского колледжа Барнс в г. Сент-Луис О. Legrand Suggett [46, р. 542] – дал горячо положительный отзыв на статью Майерса и сообщил следующее: «Известно, что

ИСТОРИЯ

диктофоны используются для записи даже очень тихих разговоров. Не вижу причин не использовать эти аппараты для записи легочных и сердечных шумов <...> 20 августа 1920 г. я также написал Мистеру Эдисону. Он ответил, что, по его мнению, звуки, слышимые через стетоскоп, могут быть записаны на фонограф посредством простого телефона Белла и четырехступенчатого аудиона, и что он уже экспериментировал с усилением звука и вероятно скоро вновь проведет эксперимент». Впрочем, это тема для иного исследования.

Примечательно, что на одну из перечисленных выше статей, как на пионерскую в сфере биологической телеметрии, то есть передачи физиологических данных на расстояние посредством электросвязи [44, р. 465], ссылается в своей фундаментальной диссертации Л.С. Домбровский [47] – один из ключевых ученых Свердловской биорадиотелеметрической группы, внесший колоссальный вклад в развитие вопросов применения электросвязи в медицинской науке [48]. Нам не вполне ясно такое решение этого автора, так как цитируемая разработка военного инженера George O. Squier представляет собой достаточно типичный «электрический стетоскоп», радиопередача данных на неограниченное расстояние посредством которого лишь анонсировалась, но не доказывалась. Видимо, в условиях несколько ограниченного доступа к научной периодике, Л.С. Домбровский воспользовался доступной научно-популярной литературой, впечатлившись близкой ему по духу идеей дистанционной передачи медицинских данных. С другой стороны, возможно, здесь мы видим стандартную, увы, попытку найти «оправдание» своих уникальных научных идей в обязательных отсылках на пресловутый международный опыт.

Если систематизировать все изложенное выше, то можно констатировать следующее. Вторая половина XIX века ознаменовалась появлением принципиально новых технологий электросвязи, во многом изменивших облик цивилизации. Ускорение информационного обмена повлияло на многие сферы жизни, включая медицинскую науку. Целый ряд исследователей независимо друг от друга пришли к мысли о возможности дистанционной передачи тех или иных видов биомедицинской информации средствами электросвязи – по телеграфу, фототелеграфу, телефону, радио. Эти эмпирические умозаключения требовали практического подтверждения, что и стало побудительной причиной нескольких ярких научных экспериментов, проведенных в изучаемый период. Характер, результативность и значимость этих экспериментов очень различались. Можно выделить несколько направлений научного поиска по изучению возможности дистанционной трансляции:

1. Колебательных движений стенок крупных сосудов (пульсовой волны).
2. Звуковых феноменов сердечной деятельности и дыхания.
3. Результатов рентгенографии.
4. Результатов регистрации электрических полей, образующихся при работе сердца (электрокардиографии).

Следует отметить масштабность исследований – экспериментами (пусть и одиночными) были охвачены все основные виды биомедицинской информации, доступные в изучаемый период. При этом характер и результативность исследований значительно различались.

Научная деятельность доктора Дж. Апхема и его сподвижников носила очень системный характер, так как включала постановку научно-практической задачи (исследование синхронности пульсовых колебаний на разных участках тела), разработку технического решения для фиксации и дистанционной передачи данных («сфигмосфон»), апробацию и использование технологии (декабрь 1858 – январь 1859 гг.), обобщение и публикацию результатов. Увы, энтузиазм и увлеченность изобретателей не привели к качественному развитию. Отсутствие продолжения исследований и масштабирования предложенного способа дистанционной передачи данных мы связываем с ограниченной диагностической значимостью фиксации частоты пульса на расстоянии. В качестве инструмента научного исследования в сфере физиологии «сфигмосфон» имел смысл (пусть и весьма скромный), но для практической медицины наблюдался явный дисбаланс между технической сложностью и клинической пользой. Дальнейшее развитие метода сфигмоскопии пошло по пути совершенствования измерений именно артериального давления.

Вместе с тем, здесь мы видим зарождение очень важного аспекта – технологии электросвязи рассматриваются как инструмент для проведения медицинских научных исследований. Новые гипотезы в сфере медицинской науки часто требуют предварительной

научной разработки принципиально новых инструментов для своего изучения. В дальнейшем, в середине XX века, наиболее ярко это проявилось на примере динамической биорадиотелеметрии – целого направления медицинской науки, основанного на комплексе технологий и методологий дистанционной фиксации и трансляции биомедицинских данных средствами электросвязи [48].

Эксперименты по передаче неподвижных диагностических изображений посредством фототелеграфа носили скорее околonaучный характер, их результаты не были должным образом опубликованы в научной печати. Во многом эти попытки выглядят как попытка компаний, предоставлявших услуги электросвязи, привлечь внимание к своим возможностям и открыть новые направления в своей деятельности. Вероятным сдерживающим фактором, на наш взгляд, явилась низкая распространенность средств рентген-диагностики в изучаемый период. Сам метод в это время был высокотехнологичным. Нужная аппаратура – вкуче с соответствующей научно-практической экспертизой – концентрировалась в крупных клиниках. Необходимость дистанционного взаимодействия, как с точки зрения медицинской науки, так и с позиции практики, отсутствовала. Лишь спустя 30 лет, когда начался стремительный рост распространенности рентген-аппаратуры, этот метод диагностики стал доступен в обычных больницах. Однако параллельно возник дефицит экспертизы, компенсируемый за счет дистанционного взаимодействия. В итоге, в результате научно-технического развития в 1950-1980-х гг. сложилась целая клиническая субдисциплина «телерадиология» [49].

Серия экспериментов связана с изучением возможности дистанционной трансляции результатов выслушивая (аускультации) работы сердца и легких. В изучаемый период времени так называемые физикальные методы обследования пациента (перкуссия – выстукивание, пальпация – ощупывание, аускультация – выслушивание) вкуче с расспросом были основными способами для постановки диагноза. Поэтому возможность дистанционной аускультации носила ярко выраженный практический характер. Тем не менее, ни энтузиазм отдельных испытателей, ни специальные опытно-конструкторские работы не смогли обеспечить передачу звуковых феноменов на должном уровне диагностического качества. В результате, дальнейшее научно-техническое развитие пошло по пути создания «электрических стетоскопов», применяемых для передачи звука на расстояние нескольких десятков метров в целях обучения. Совершенно иное значение получила технология передачи электрокардиосигналов средствами телефонной связи. Здесь вновь мы видим, как электросвязь становится инструментом для медицинской науки. Выполнение прикладных исследований в сфере электрофизиологии потребовало, говоря современным языком, специальной инфраструктуры. В ходе опытно-конструкторских работ такая инфраструктура была создана, появились технология и методика дистанционной трансляции результатов электрокардиографии посредством телефонной связи. Поначалу они использовались как средство научных исследований. Позднее, по мере глобального масштабирования электрокардиографии, как метода диагностики, транстелефонная ЭКГ (или теле-ЭКГ) стала одной из основных форм «телемедицины». Были проведены многочисленные научно-практические исследования самой методологии теле-ЭКГ, в результате которых появились как новые технические решения, так и новые способы организации оказания медицинской помощи [2].

Таким образом, в период второй половины XIX – первой трети XX вв. состоялся ряд научных экспериментов по применению различных технологий электросвязи для дистанционной трансляции разных видов биомедицинской информации. С точки зрения целеполагания и результативности указанные эксперименты можно разделить на три вида:

1. Околonaучное удовлетворение профессионального любопытства, не оказавшее значимого влияния на развитие медицинской науки и практики в исследуемый период. Однако соответствующие идеи (факсимильная передача результатов рентгенографии, дистанционная аускультация) вновь вернулись в поле медицинской науки спустя несколько десятилетий.

2. Научно-техническая работа по созданию новых методов диагностики («сфигмосфон»). Разработки изучаемого временного периода не вошли в арсенал клинической медицины. Однако эта деятельность представляет собой один из первых примеров научного объединения врачей и инженеров, направленного на всестороннее раскрытие потенциала электросвязи, как инструмента решения медицинских задач.

3. Опытнo-конструкторская деятельность по созданию технологий для проведения научных исследований. Результативность этого направления представляется наиболее высокой.

Соответствующие разработки, сами по себе являющиеся нетривиальными научными результатами, позволили получить принципиально новые знания в сфере физиологии, а в дальнейшем стали инструментом медицинской практики.

С момента своего появления «в арсенале» человечества технологии электросвязи сразу стали объектом интереса ученых в сфере медицины. В них видели, как средство развития диагностики, так и инструмент реализации принципиально новых научных исследований. Эта комплексность – сочетание практических и научных аспектов – спустя несколько десятилетий научно-технического развития, привела к формированию концепции дистанционной медицинской помощи посредством телекоммуникаций, то есть «телемедицины».

Литература и источники

1. Пугачев П.С., Гусев А.В., Кобякова О.С., Кадыров Ф.Н., Гаврилов Д.В., Новицкий Р.Э., Владимирский А.В. Мировые тренды цифровой трансформации отрасли здравоохранения // Национальное здравоохранение. - 2021. - Т.2. - №2. - С. 5-12.
2. Владимирский А.В. История телемедицины: стоя на плечах гигантов (1850-1979). - М.: Де'Либри, 2019. - 410 с.
3. Bashshur R., Shannon G. History of telemedicine: Evolution, context and transformation. - New Rochelle, NY: Mary Ann Liebert, Inc., 2009. - 415 p.
4. Симонян Р.З. Становление и развитие медико-санитарной статистики в России во второй половине XIX - начале XX вв. // Современная научная мысль. - 2022. - №2. - С. 21-27.
5. Barold S.S. Willem Einthoven and the birth of clinical electrocardiography a hundred years ago // Card Electrophysiol Rev. - 2003. - 7(1). - P.99-104.
6. de Waart A. Het Levenswerk van Willem Einthoven, 1860–1927. In: Prakken JA, ed. Honderdjarig bestaan der Vereniging Nederlandsch Tidschrift voor Geneeskunde [The 100th Anniversary of the Society for the Dutch Journal of Medicine]. - Harlem: De Erven & Bohn, 1957. - 98 p.
7. Hjelm N.M., Julius H.W. Centenary of tele-electrocardiography and telephonocardiography // J Telemed Telecare. - 2005. - №11(7). - P.336-338. Doi: 10.1258/135763305774472088.
8. Strehle E.M., Shabde N. One hundred years of telemedicine: does this new technology have a place in paediatrics? // Archives of Disease in Childhood. - 2006. - №91. - P.956-959. Doi: 10.1136/adc.2006.099622.
9. Snellen H. A. Willem Einthoven (1860–1927) Father of electrocardiography. - Springer Dordrecht, 1995. - 140 p. Doi: 10.1007/978-94-011-0279-7.
10. Snellen H. A. Two Pioneers of Electrocardiography. The Correspondence between Einthoven and Lewis from 1908-1926. - Rotterdam: Donker Academic Publications, 1983. - 140 p.
11. Matthewson F.S.L., Jackh H. "The telecardiogram" // Am. Heart J. - 1955. - № 49(72). - P.77-82. Doi: 10.1016/0002-8703(55)90055-7.
12. Bierring W.L., Bone H.C., Lockhart M.L. Use of the electrostethograph for recording heart sounds preliminary report // JAMA. - 1935. - №104(8). - P.628–631. Doi:10.1001/jama.1935.02760080024006.
13. Upham J.B. Some Account of the Recent Experiments in Connection with the Case of M. Groux (Reported to the Boston Society for Medical Improvement, and, by Request, Communicated for the Boston Medical and Surgical Journal) // Boston Med Surg J. - 1859. - №60(1). - P.9-16. Doi: 10.1056/NEJM185902030600101.
14. Alison S.S. The Physical examination of the chest in pulmonary consumption and its intercurrent diseases. - London, John Churchill, 1861. - 512 p.
15. Allen R.H. Dr. Groux // The Weekly enterprise (Oregon City, Or.). - 1869. - October 09.
16. Nicolay X, Olry R. [About an exceptional case of congenital sternal fissure: Eugene Groux (1859)] // Hist Sci Med. - 1998. - №32(4). - P. 379-383.
17. Groux E.A. Fissura Sterni Congenita. New observations and experiments made in Amerika and Great Britain with illustrations of the case and instruments. - Hamburg: J.E.M. Köhler, 1859. - 44 p.
18. Sphygmography be telegraph // BMJ. - 1869. - №2. - P.355-356. Doi: http://dx.doi.org/10.1136/bmj.2.456.353.
19. Sending photographs by telegraph; Professor Korn has Triumphantly Succeeded in Transmitting Portraits over Long Distances by Wire Experiments in France and Germany Conclusive Description of the Marvelous Instrument. - The New York Times. - 1907. - February 24. - Section PART.
20. Kells C.E. Thirty years' experience in the field of radiography // The Journal of the American Dental Association. - 1926. - Vol.13. - № 6. - P.693-711.
21. Kantor M.L. Dental digital radiography // J Am Dent Assoc. - 2005. - Vol 136. - №10. - P.1358-1360.
22. Sending Dental X-rays by Telegraph // Dental Radiography and Photography. - 1929. - №2.
23. Newspapers sent to sea – by radio // Popular Mechanics Magazine. – Nov. 1930. – P.740-746.
24. Blake C.J. The Telephone and Microphone in Auscultation // Boston Med Surg J. - 1880. - №103. - P.486-487. Doi: 10.1056/NEJM188011181032102.
25. McKendrick J.G. Note on the microphone and telephone in auscultation // Br Med J. - 1878. - Jun 15. - № 1(911). - P. 856-857.
26. Debru C. Etienne-Jules Marey: l'innovation médicale [Etienne-Jules Marey: medical innovation] // Bull Acad Natl Med. - 2004. - №188(8). - P.1413-1419; discussion 1420-1. French.
27. Practice by telephone // The Lancet. - 1879. - Vol.114. - № 2935.
28. Brown S. A Telephone Relay // Journal of the Institution of Electrical Engineers. - 1910. - №45(204). - P.590–601. Doi: 10.1049/jiee-1.1910.0078.
29. Gregory R. Sidney George Brown // Obituary Notices of Fellows of the Royal Society. - 1951. - №7(20). - P.318–327.
30. Brown SG. Electrical Relay.-US Patent N1.128.944, Application 03.01.1912, Serial N738.339. – 16.02.1915. – 7 p.
31. A Telephonic Stethoscope // Scientific American. - 1910. - №102 (25). Doi: 10.1038/scientificamerican06181910-496.
32. Engineering, Electricity, Science- June 11, 1910 // Scientific American. - 1910. - №102 (24). Doi: 10.1038/scientificamerican06111910-475.
33. Einthoven W. Le telecardiogramme // Archives Internationales Physiologie. - Vol. IV. - 1906. - P.132-164.

ИСТОРИЯ

34. Amplified Audibility of Heart Sounds. BERLIN // *JAMA*. - 1923. - №80(7). - P.492–493. doi:10.1001/jama.1923.02640340048026
35. Shamokin News – Dispatch from Shamokin, Pennsylvania. - 1923. - 24 Feb.
36. Heart Diagnosis by Means of Electrical Auscultation. BERLIN // *JAMA*. - 1926. - №86(2). - P.133-134. Doi:10.1001/jama.1926.02670280053026.
37. XXV Scientific Instrument Symposium “East and West the Common European Heritage”. - Krakow, Poland, 10-14.09.2006.
38. Audience hears heartbeats through radio amplifier // *Popular Mechanics*. – May, 1921.
39. Cabot R.C. A multiple electrical stethoscope for teaching purposes: preliminary note // *JAMA*. - 1923. - №81(4). - P. 298-299. Doi:10.1001/jama.1923.26510040001015.
40. Cabot R.C., Dodge H.F. Frequency characteristics of heart and lung sounds // *JAMA*. - 1925. - №84(24). - P.1793–1795. Doi:10.1001/jama.1925.02660500001001.
41. Heartbeats by Radio. A New Use for Wireless // *The hospital and health Review*. – Sep, 1924. – P.272-273.
42. Frederick H. A., Dodge H. F. “The Stethophone,” An Electrical Stethoscope // *The Bell System Technical Journal*. - 1924. - Vol.3. - Issue 4. - P.531-549. Doi: 10.1002/j.1538-7305.1924.tb00939.x.
43. Myres M. J. The clinical application of the audion amplifier // *JAMA*. - 1922. - №78(2). - P.100–103. Doi:10.1001/jama.1922.02640550022008.
44. Winters S.W. Diagnosis by Wireless // *Scientific American*. - 1921. - №124. doi:10.1038/scientificamerican06111921-465a.
45. The clinical application of the audion amplifier // *JAMA*. - 1922. - №78(6). doi:10.1001/jama.1922.02640590055033.
46. *Boston Medical and Surgical Journal*. - 1900. - Vol. CXLIII. - № 21.
47. Домбровский Л.С. Вопросы построения радиотелеметрических систем для исследований по прикладной физиологии человека. Автореф. дис. ... канд. биолог. наук. - Свердловск: [б. и.], 1973. - 23 с.
48. Владимирский А.В. Развитие динамической биорадиотелеметрии: ключевые исторические события // *Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения*. - 2021. - Т. 7. - №2. - С. 44-49.
49. Морозов С.П., Владимирский А.В. Применение телемедицины в лучевой диагностике в 1920-1980-е гг. // *История медицины*. - 2019. - Т. 6. - № 2. - С. 109-117.

ВЛАДИМИРСКИЙ АНТОН ВЯЧЕСЛАВОВИЧ - доктор медицинских наук, заместитель директора по научной работе «Научно-практического клинического центра диагностики и телемедицинских технологий Департамента здравоохранения города Москвы (a.vladimirsky@nrcmr.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2990-7736>
VLADZYMYRSKIYY, ANTON V. - Doctor of Medical Sciences, Research and Practical Clinical Center for Diagnostics and Telemedicine Technologies of the Moscow Health Care Department, Deputy Director for Research (a.vladimirsky@nrcmr.ru).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 94(420)«1561/1579»:930.22:94(55)

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-212-224

КАФАР-ЗАДЕ Л.Р.

ПИСЬМА КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I ТЮДОР В ИСТОРИИ АНГЛО-СЕФЕВИДСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Ключевые слова: письмо, корреспонденция, англо-сефевидские отношения, Елизавета I, шах Тахмасиб I, шах Мухаммед Худабенде, Антони Дженкинсон.

Основным объектом исследования в данной статье являются письма королевы Елизаветы I Тюдор Сефевидским шахам, как ценные источники по изучению англо-сефевидских дипломатических отношений. Критический анализ писем показал несостоятельность концепции о том, что Сефевидское государство являлось объектом колониальной торговли Англии. Наоборот, Елизавета придавала Сефевидам большую значимость в геополитическом треугольнике «Католическая Европа – Протестантская Англия – Мусульманский мир». Критический анализ писем королевы Елизаветы Сефевидским шахам позволил обосновать вывод о том, что государство Сефевидов не только являлось сильным и влиятельным государством на Востоке, уверенно проводило независимую внешнюю политику, но также имело значительный авторитет и среди государств Запада, являясь одним из весомых акторов системы международных отношений.

GAFAR-ZADA, L.R.

QUEEN ELIZABETH I TUDOR'S LETTERS IN THE HISTORY OF ANGLO-SAFAVID DIPLOMATIC RELATIONS

Key words: letter, correspondence, Anglo-Safavid relations, Elizabeth I, Shah Tahmasib I, Shah Muhammad Khudabende, Anthony Jenkinson.

The main research object of the article is Queen Elizabeth I Tudor's letters to the Safavid Shahs as the valuable sources to study Anglo-Safavid diplomatic relations. A critical analysis of the letters proved insolvency of the concept that the Safavid State was an object of England's colonial trade. On the contrary, Elizabeth gave a greater significance to the Safavids in a “Catholic Europe – Protestant England – Muslim World” geopolitical triangle. A critical analysis of the letters of Queen Elizabeth to the Safavid shahs made it possible to substantiate the conclusion that the Safavid state was not only a strong and influential state in the East, confidently pursued an independent foreign policy, but also had significant authority among the states of the West, being one of the most significant actors in the system of international relations.

*«Почти все важные дела люди совершают путем переписки...»
– Люк де Клапье Вовенарг*

Как известно, письма представляют собой не только средство коммуникации и эпистолярный жанр. Корреспонденция, в частности дипломатического характера, является одним из важнейших источников и, как следствие, представляет важность и большой научный интерес для более глубокого и детального изучения тех или иных исторических событий.

Объектом исследования в настоящей статье являются письма английской королевы Елизаветы I Тюдор (1558-1603), адресованные Сефевидским шахам, изучение которых не только позволяет восстановить историю англо-сефевидских отношений, определить роль и место государства Сефевидов в системе международных отношений Средневековья, но также продемонстрировать, какую существенную роль играла Сефевидская империя, как часть тюрко-исламского мира, в дипломатической истории Европы. В исследовании были использованы репродукции текстов писем королевы Елизаветы, опубликованные Р. Хаклюйтом, которые на сегодняшний день являются наиболее ранними (1589 года), Э.Д. Морганом, а также переведенные Ю.В. Готье на русский язык.

Даже несмотря на то, что после исчезновения Сефевидского государства с исторической арены прошло около трех столетий, оно и по сей день сохранило свою научную актуальность, представляя огромный исследовательский интерес, как для отечественных, так и для зарубежных ученых. Было опубликовано множество научных трудов, освещающих те или иные вопросы истории Сефевидского государства. Тем не менее, письма королевы Елизаветы Тюдор Сефевидским шахам не стали объектом специального изучения исследователями, что, увы, впоследствии стало причиной возникновения необъективных и даже ошибочных концепций о взаимоотношениях между двумя государствами.

Несмотря на то, что англо-сефевидские отношения, в той или иной степени, исследовались такими отечественными учеными, как О. Эфендиев, Я. Махмудов, Б. Ахмедов, Р. Муганлинский, Д. Гасанзаде, Р. Дадашова, Т. Наджафли, Д. Азимли и др., сегодня остро ощущается необходимость более глубокого изучения фактического материала с целью представления научному сообществу более объективной информации. К сожалению, практически абсолютное большинство отечественных исследователей склонны обуславливать интерес Англии по отношению к Сефевидскому государству лишь такими «мотивами», ставшими, увы, стереотипными, как необходимость для первой найти источники дешевого сырья и выгодный рынок сбыта своих товаров, проложить транзитный путь в Индию, а также стремление английских торговцев монополизировать торговлю сефевидским шелком, что, в свою очередь, преуменьшает мощь и авторитет Сефевидского государства на международной арене. Тем самым, Сефевидское государство невольно ошибочно представляется объектом порабощения, грабежа и колониальной экспансии Англии.

В данном контексте изучение эпистолярного наследия королевы Елизаветы I Тюдор поможет объективно воспроизвести прошлое. Историческая ценность писем Елизаветы, адресованных Сефевидским шахам, заключается именно в том, что они доказывают большую заинтересованность и, соответственно, инициативу и упорство британцев в установлении обоюдных отношений. Как показала история, хотя также имело место и стремление заполучить торговые привилегии, речь шла именно об инициативе со стороны самой английской короны к развитию широкого взаимодействия (причем, кардинальный поворот во внешней политике Англии в сторону мусульманского мира, включая Сефевидов, был обусловлен непосредственно сложной геополитической ситуацией, сложившейся вокруг нее и, как следствие, кардинальным поворотом в истории дипломатических отношений Англии!).

1. Роль и место Сефевидской империи в геополитическом треугольнике «католическая Европа – протестантская Англия – мусульманский мир».

Прежде чем перейти непосредственно к анализу содержания писем, необходимо ознакомиться с политической конъюнктурой на международной арене в изучаемый период, подвигнувшей Англию к сближению и установлению тесных взаимоотношений с исламским миром, ставших феноменальным для того времени явлением. События, происходившие в общественно-политической, экономической и религиозной жизни Англии в тот период, делают особо актуальным детальное изучение межгосударственных писем глав государств. Ведь именно по ним порой только и было возможно уловить настроения общества.

С восхождением на трон Елизаветы I Тюдор в 1558 г., в истории дипломатических отношений Англии наметился коренной перелом, результатом чего среди прочего стала богатая история взаимоотношений Британии с мусульманским миром. Заметим, что в отношении государств *Дар аль-Ислама* королева действовала, исходя из прагматических соображений, но никак не религиозных. В Англии, как и во всей Европе, вплоть до XVII века ислам и мусульмане в общем ассоциировались с экспансионистскими войнами Османской империи. Как отмечает профессор Дж. Броттон, дружественные отношения между Елизаветинской Англией и мусульманским миром возникли не из естественного дружелюбия и толерантности, а в интересах выгоды и реальной политики [1].

Разрыв между католиками и протестантами в период Реформации, отлучение королевы Елизаветы от церкви и, как следствие, изолированность Англии открыли новую страницу в истории взаимоотношений между Англией и исламским миром – началась эра не только политического, экономического сотрудничества, но в то же время и взаимного культурного влияния друг на друга. Так, начиная с XVI века в Англии отношение к исламу постепенно стало меняться в направлении вектора от «угрозы христианству» к «потенциальному союзнику». Не удивительно, что западные ученые все чаще стали применять такие термины, как «*Восточный остров*», имея в виду Англию того периода, «*мусульманская политика Англии*», а не «восточная» как прежде, и даже «*теологический*» или «*Елизаветинский Брекзит*», подразумевая под данным словосочетанием политику активизации отношений средневековой Англии с мусульманским миром. Если несколько десятилетий ранее многие, если не большинство, ученые игнорировали существенную роль исламских государств в дипломатической и, более того, в культурной жизни средневековой Англии, то сегодня уже ряд исследователей не только признают, но и утверждают эту данность. Сегодня все чаще можно встретить исследователей считающих, что именно стратегический союз с мусульманским миром спас Елизаветинскую Англию от краха, в частности от испанской Армады 1588 года. Кроме того, в силу сложившейся для Англии сложнейшей политико-идеологической и, как следствие, экономической ситуации, англичане стали даже замечать параллели между протестантизмом и исламом, что ранее посчиталось бы кощунством.

Однако Тюдоровская Англия не всегда отличалась благосклонностью и открытостью к Дар аль-Ислам. Еще во времена правления Генриха VII английская корона активно поддерживала требования Папства предоставить деньги для крестовых походов. В период с 1444 по 1502 гг. в Англии имели место 12 кампаний по продаже индульгенций с целью сбора финансовых средств на крестовые походы [2, р. 315]. Еще в 1488 г. Генриху были дарованы папский головной убор и меч от Иннокентия VII, которые олицетворяли собой символ поддержки и статус Генриха в роли «Защитника веры» [3, р. 192], которые в дальнейшем были вновь подтверждены посылкой этих же подарков от Александра VI и Юлия II.

Однако ситуация в Елизаветинской Англии была иной. Продолжительное реформирование английской церкви, начавшееся с разрыва Генриха VII с Римом в 1534 г., не прошло бесследно для Англии, ставшей парием католического мира. Как отмечает М. Диммок: «из поддерживающей папские проекты для крестовых походов против мусульман Англия превратилась в объект похода 1588 года. ... Англичан постоянно характеризовали как "новых турков" Европы, чья "Женевская Библия" (широко читаемый английский выпуск Библии, изданный протестантами в Женеве во время правления Марии I) могла быть с легкостью изменена на "Турецкий Алькоран"» [4, р. 50-51; 5, р. 59, 166]. К слову, сама королева Елизавета прославилась в мусульманском мире как «Султана Изабель».

Кроме того, оставляла желать лучшего и крайне сложная экономическая ситуация в Англии. К моменту восхождения Елизаветы на трон национальный долг Англии, доставшийся ей по наследству от ее покойного отца в результате войн с Францией, составлял около 300 тыс. фунтов. Также на экономике страны тяжело сказались скудные урожаи и спад в торговле сукном.

Британский историк, профессор Джерри Броттон, посвятивший более 20 лет своей научной деятельности изучению истории взаимоотношений Англии с мусульманским миром, результатом которой явилось издание книги «Этот Восточный остров: Елизаветинская Англия и Исламский мир» («This Orient Isle»: Elizabethan England and the Islamic World, 2016), произведшей резонанс в международном научном сообществе, утверждает, что ««столкновение цивилизаций» не всегда определялось конфликтом». Он характеризует Тюдоровскую Англию следующим образом: «Это

был период очень противоборствующий и враждебный, довольно жестокий период. Это не была прекрасная, веселая Англия. Это было место, которое испытывало экономические трудности, находилось в грязи и чуме – это было место, которое постоянно находилось под угрозой, место, которое могло, как думали люди, в любой момент прекратить свое существование. Они держались, поэтому не удивительно, что они обратились к исламскому миру» [6].

Так, очевидно, по мнению Елизаветы, протестантско-исламский союз должен был бы стать отпором католической Испании и папству. Королева Елизавета, являвшаяся тонким политиком, прекрасно осознавала, что единственным на тот момент выходом из сложившейся для Англии сложной геополитической ситуации, изоляции, а также экономического кризиса было сближение с могущественными и богатыми государствами исламского мира, в том числе с Сефевидской империей. Как указывает профессор Дж. Броттон: «для многих английских католиков и пуритан такие союзы являлись кошунством; для ряда государственных деятелей и торговцев они представляли прибыль и имели военный смысл» [1]. Аналогичного мнения придерживается профессор Н. Матар: «В то время как теологи протестовали против «Турка», а драматурги порочили «Мавра», моряки Портсмута и придворные Уайтхолла, наравне со служащими Восточно-Левантийской и Ост-Индской компаний, знакомились с многообразиями языков, этносов и историй мусульман. Этот второй поход к мусульманам направлялся национальными интересами и *Realpolitik*, которые не могли позволить неосведомленности или вымысла. Монархи, начиная с Елизаветы I, писали вежливые письма сотрудничества мусульманским монархам, иногда даже подчеркивая близость между Исламом и Протестантством и обращаясь к точкам соприкосновения. В высших эшелонах власти и торговли предвзятость была контрпродуктивна; четкость, точность и соответствующая информация помогали снизить военную опасность и повысить коммерческую прибыль» [7, р. 215]. Не удивительно, что инициатива установления взаимных связей с Сефевидской империей в тот период исходила именно от самой Англии.

Примечательно и то, что в качестве своего посланника в Сефевидскую империю, через которого шаху было доставлено королевское письмо, был выбран Энтони Дженкинсон, являвшийся не только опытным торговцем и путешественником, но и искусным дипломатом, уже имевшим богатый опыт переговоров с правителями мусульманских государств и даже с таким суровым русским государем, как Иван Грозный. Из памятной записки для Энтони Дженкинсона, составленной губернаторами Московской компании 8 мая 1561 г. перед его отправкой в Русское государство и далее в Сефевидскую империю, видно, насколько значимым для компании было данное мероприятие: «...Зная вашу испытанную мудрость, вашу опытность и вашу тщательность и усердие в успешном исполнении (с помощью всемогущего бога) всего, что вы предпринимаете, мы передаем все наши дела по вышесказанному предприятию всецело на ваше усмотрение, моля бога послать вам успех...» [8, р. 197].

2. Текстологический анализ писем Елизаветы I.

Текстологический анализ первого письма королевы Елизаветы, адресованного Сефевидскому шаху Тахмасибу I и датированного 25 апреля 1561 г., представляет большой научный интерес (Рис. 1).

Историческая значимость и уникальность данного письма состоит в том, что оно являлось первым письмом королевы Елизаветы, написанным мусульманскому правителю. Примечательно, что первое письмо королевы было адресовано именно Сефевидам, а не султанам Османской империи (хотя еще в 1553 г., за 5 лет до восхождения королевы на трон, Э. Дженкинсон сумел добиться от османского султана права свободной торговли для английских купцов!), бывшей угрозой существованию европейских государств, что подчеркивает его особенность. Данный факт может быть обусловлен выгодным геостратегическим расположением Сефевидской империи на международных торговых караванных путях, соединяющих Восток с Западом, богатством природных ресурсов, в частности шелком-сырцом, наиболее интересовавшим английских торговцев. Кроме того, как отмечают Р. Матти и К. Хамель, транзитная экономика Сефевидской империи сыграла значительную роль в развитии глобальной экономики [9, р. 31-47; 10, р. 4].

Интересно, что, проанализировав письмо Елизаветы шаху Тахмасибу, К. Мешкат пришел к выводу, что королева копировала схему составления письма своего брата Эдуарда VI королям, принцам и государям Северо-Восточных земель, врученных агентам первой экспедиции Компании еще 8 лет назад. Однако, в отличие от писем последнего, в которых аргументы были

ясны и более откровенны, аргументы в письмах Елизаветы были более подразумеваемы, нежели выражены. Ряд тем, поднимавшихся в письме, нашли отражение через дублирование, причем его автор постепенно переводила фокус от первоначального набора универсальных идей к конкретным. Единственным отличием письма Елизаветы от письма Эдуарда является отсутствие отрывка о торговцах, в то время как начальная часть о любви и взаимопомощи между человечеством, с напоминанием исторических прецедентов и просьбой о разрешении на путешествия и торговлю в заключении сохранены [11, р. 59-60].

X

АНТОНИЙ ДЖЕНКИНСОН. ПУТЕШЕСТВИЕ

В ПЕРСИЮ

1561—1564 гг.

1. Грамота Королевского величества к великому Суфию Персии, посланная с господином Антоном Дженкинсоном^{*}.

Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии, могущественнейшему и непобедимейшему государю, великому Суфию, императору персов, мидян, парфия, гиркандцев, кавраманцев, маргианцев, народов по сю и по ту сторону реки Тигра и всех народов и земель между Каспийским морем и Персидским заливом, шлет привет и пожелания счастья и веческого преуспеяния. По милосердию всемогущего бога, если какие-нибудь народы отделены один от другого не только неизмеримыми пространствами земель и непобедимым простором морей, но и самыми частями небесного свода, то все же эти народы могут легко сообщать друг другу при помощи письма свои продуманные мысли и рассуждения, оказывать услуги, вытекающие из общего человеческого чувства, и делиться результатами взаимного понимания. Поэтому наш верный и возлюбленный слуга, Антоний Дженкинсон, которому вверены эти наши грамоты, уполномочен по нашему дозволению, благоволению и милости выехать из нашего королевства и, если бог позволит, проехать вплоть до Персии и других стран, находящихся под нашим управлением. Мы истинно желаем со всем нашим благоволением способствовать успеху его достойного похвалы намерения, тем более что все его предприятие основано только на честном намерении установить торговлю товарами с вашими подданными и с иностранцами, торгующими в ваших владениях.

^{*} Здесь дается перевод только этой грамоты. Грамота Елизаветы к царю Ивану, датированная тем же числом, 25 апреля 1561 г., с просьбой пропустить Дженкинсона через его владения в Персию, напечатана вместе с русским переводом в книге Ю. В. Толстого «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией», Спб. 1876, под № 5 (стр. 17—22). Подлинный текст обеих грамот составлен на английском и датском языках.

Вследствие этого мы сочли за благо написать к вашему величеству и просить вас пожаловать по нашему ходатайству слуге нашему, Антонию Дженкинсону, открытые листы и охранные грамоты, в силу и при помощи которых ему было бы дозволено и законно разрешено беспрепятственно путешествовать, передвигаться, разъезжать и останавливаться, сколько ему будет угодно, со своими спутниками, слугами, повозками, товаром и всякими иными вещами по всем вашим царствам, владениям, господствам и областям и возвратиться оттуда, когда он или они сочтут это нужным. Если такие права священного гостеприимства и добрые общечеловеческие услуги могут быть доброй волей установлены, искренно поддержаны и твердо соблюдены между нами, нашими государствами и нашими подданными, то мы надеемся, что и всемогущий бог поможет, чтобы из этого скромного начала возникли великие последствия в честь и украшение нам и к великой пользе наших народов. Тогда будет твердо установлено, что ни земли, ни моря, ни небеса, нас разделяющие, не в силах противостать крепким узам, которыми нас связывают божественное стремление, чувство человечества и взаимное благорасположение. Господь да дарует вашему величеству долгое счастье на земле и вечное на небесах. Дано в Англии, в знаменитом городе нашем Лондоне, 25 дня апреля месяца в лето от сотворения мира 5523, господа и бога нашего Иисуса Христа в 1561, царствования же нашего в третье.

2. Памятная записка, данная нами, губернаторами, консулами и ассистентами компании купцов, торгующих с Россией, мая 8 дня 1561 г. нашему доверенному другу, Антонию Дженкинсону, при его отъезде в Россию, в это наше восьмое путешествие^{*}.

Прежде всего вы должны заметить себе, что мы погрузили в наш добрый корабль, называемый «Ласточка» (Swallow), один сундук, ключи от которого мы вам настоящим передаем, и реестр, в который внесено в отдельности содержимое сказанного сундука и стоимость каждой вещи. Ввиду того что сундук этот, как вы знаете, представляет большую ценность, мы хотим, чтоб вы имели о нем особое попечение, и когда бог приведет вас в Москву, то наша мысль и желание таково, чтобы вы, посоветовавшись с нашими тамошними агентами, отобрали для дара и его сына такие подарки — вино, шарчу, красное сукно или золотую и серебряную посуду, — какие по вашему благоусмотрению будут признаны подходящими. И когда вы вручите царю грамоты королевского величества и поднесете сказанные подарки от имени компании, мы полагаем удобным, чтоб вы вошли к его высочеству с нижайшим ходатайством от

^{*} Восьмое путешествие, снаряженное компанией, считая от экспедиции Уаллоуба.

Рис. 1. Текст письма королевы Елизаветы I шаху Тахмасибу I. Источник: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке» (1937).

Хотя само письмо и отличается краткостью, оно содержит весьма ценную информацию. Особое внимание привлекает сразу сама преамбула письма. Как и во всех королевских письмах, восхваляется получатель. В письме не прослеживаются великодержавные претензии королевы, нет и намек на английский абсолютизм. Наоборот, если в грамоте королева скромно именует себя «Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии...», то обращение к самому шаху Тахмасибу полно восхваления, превозношения, особо подчеркивается вся мощь государства

Сефевидов, в целом, и шаха – в частности. Так, королева обращается к шаху как к «...великому Суфию, императору персов, мидян, парфян, гирканцев, караманцев, маргианцев, народов по сю и по ту сторону реки Тигра и всех народов и земель между Каспийским морем и Персидским заливом...» [8, с. 193].

Примечательно, что и во втором своем письме, адресованном уже шаху Мухаммеду Худабенде от 10 июня 1579 г., несмотря на прошедшие 18 лет после отправки первого письма и на уже полученные весьма выгодные для Англии торговые привилегии, королева Елизавета все так же почтительно обращается к шаху, как к «...благороднейшему и непобедимейшему императору Персии [Сефевидской империи], королю Ширвана, Гиляна, Грузии, Хорассана, великому правителю даже в пределах Индии...» [8, с. 262]. Очевидно, что королева Елизавета ясно осознавала мощь Сефевидской империи как в политическом, так и в торгово-экономическом плане, а также – в еще большей степени – исключительную важность Сефевидов для реализации Англией своих политико-экономических планов на международной арене.

Анализируя корреспонденцию Елизаветы Тюдор с правителями мусульманских империй, Б. Андреа выразила интересную точку зрения. По ее мнению: «...в своей корреспонденции Елизавета проявляла большую осведомленность политикой позиционирования в период, когда Англия являлась "сравнительно незначительным" игроком в политике великих держав региона. Поскольку баланс силы благоволил таким исламским империям, как Османы и их противники Сефевиды, Елизавета не просто не принимала, но и не смогла бы принять в своей переписке ориенталистскую позицию. Наоборот, она была вынуждена ввести в заблуждение восприятие себя мусульманскими правителями как суппликанта, а ее королевства – как потенциального данника» [12, р. 171-172].

Кроме того, данное письмо уникально и тем, что, являясь первым письмом королевы мусульманскому правителю, оно изменило алгоритм составления дальнейших писем королевы, адресованных главам мусульманских государств. Как отмечает Б. Андреа: «оно... выполняет функцию краеугольного камня для ее последующей корреспонденции с членами Османской династии и соответствующих государств. ... Как и в первом письме русскому императору, она [королева Елизавета] подрывает свои претензии на суверенитет, представляя себя «королевой» государства, полностью неизвестного шаху... Это отразилось на англичанах при их вылазках в Левант в начале XVII в., находящемся под Османским управлением, где их свели к обобщенным рангам «франков» или западных христиан. Исходя из этого, ко времени, когда королева адресовала свое первое письмо султану Мураду III в 1579 г., она расширила свои титулы и поставила себя уже впереди султана в своем приветствии, извлёкши опыт из пагубных последствий обратного порядка приветствия в своей ранней корреспонденции с шахом» [12, р. 177]. Как указывает Б. Андреа, именно благодаря письму Елизаветы шаху Тахмасибу, хотя и не принесшего плодотворного результата, «...она быстро научилась позиционировать себя на равных в последующих переписках, нежели как суппликанта, что позволило ей предпринять более успешные попытки в установлении связей с Османами» [12, р. 181]. Согласно Р. Аллинсон: «желание Елизаветы адаптировать риторику, формат и орнамент своих писем, чтобы соответствовать ожиданиям ее получателей, отражает гибкость английского дипломатического протокола, позволившую ей расширить границы английского геополитического влияния дальше, чем кто-либо из ее предшественников смог это сделать» [13, р. xiii].

Отдельного внимания заслуживает обращение королевы Елизаветы к шаху Тахмасибу не по имени, а используя эпитет *Суфи*. Как известно, впервые данный эпитет относительно Сефевидских шахов был применен венецианским путешественником Марино Санудо по отношению к Исмаилу I «...с целью подчеркнуть как впечатляющее династическое происхождение Исмаила, так и его идиосинкразические религиозные идеи, как доказательство того, что христианская Европа могла положиться на него как на защитника от Османов...» [14, р. 232]. Дж. Гроган обоснованно предполагает, что Елизавета, называя шаха Суфи и тем самым напоминая ему о его известных предшественниках, стремилась польстить ему [15, р. 2]. Идентичное мнение в свое время высказывал и Э. Дельмар Морган. В комментарии к письму Елизаветы шаху Тахмасибу, анализируя обращение королевы к последнему, Э. Дельмар Морган отмечает, что «этот стиль и титул содержали в себе намного больше, чем на что сам шах Персии

[Сефевидской империи] мог претендовать, даже в те дни... Их использовали просто для прибавления достоинства и важности шаха в его собственных глазах» [16, р. 112, п3].

Как отмечает известный историк-архивист, профессор М.Ф. Шумейко, объектом исследования которого является изучение переписки, как исторического источника, «порой сама форма обращения в письме становится своеобразным «ключом» к пониманию характера отношений между автором и адресатом и настраивает исследователя на соответствующее восприятие заключенной в эпистолярной информации» [17, с. 174]. Такая глорификация Елизаветой адресата письма неслучайна, ведь она преследовала цель добиться благосклонного отношения шаха к установлению взаимных торговых связей с Англией. К слову, знакомство с письмами Елизаветы, адресованными русскому царю Ивану Васильевичу (который, конечно же не являлся мусульманским правителем) и османскому султану Мураду III, показывает, что все три правителя пользовались одинаковым уважением у королевы, демонстрируя, насколько важным актором была Сефевидская империя в геополитической системе указанного периода, что, в свою очередь, исключает концепцию подчиненного положения Сефевидской империи перед Англией.

Особо следует подчеркнуть, что в данном письме нет и намек на различия в религиозных взглядах глав государств двух различных цивилизаций. Королева Елизавета умело использует религиозные моменты. Королева со свойственной ей дипломатической маневренностью употребляет такие выражения, как «общее человеческое чувство», «взаимное понимание», «права священного гостеприимства», «добрые общечеловеческие услуги», «божественное стремление», «чувство человечества», «взаимное благорасположение» [8, с. 193-194]. Как отмечает Б. Андреа: «как и в последующей англо-османской корреспонденции, в письме "великому Суфию" или персидскому [Сефевидскому] шаху Елизавета неоднократно взывает к "всемогущему Богу" как знак общности, избегая тринитарных упоминаний (тройственная природа единого Бога в лице Отца, Сына и Святого Духа – ред.), характеризующих ее письма русскому двору» [12, р. 177].

Тот факт, что письмо Елизаветы Сефевидскому шаху Тахмасибу, которое С. Субрахманьям называет «весьма странным» [18, р. 84], так как оно было составлено на трех различных языках – латинском, итальянском и иврите, – ни один из которых не использовался при шахском дворе, хоть и говорит о неосведомленности английской короны о Сефевидах или, согласно Дж. Гроган, «наивной осторожности Елизаветы, чем шах Тахмасиб был или удивлен, или раздражен» [15, р. 1], но в то же самое время, свидетельствует о большом желании королевы во что бы то ни стало начать торговые отношения с Сефевидами. Как указано в письме шаху Тахмасибу самой королевой: «Мы истинно желаем со всем нашим благоволением способствовать успеху его [Энтони Дженкинсона] достойного похвалы намерения, тем более, что все его предприятие основано только на честном намерении установить торговлю товарами с вашими подданными и с иностранцами, торгующими в ваших владениях» [12, р. 193]. Особое внимание Дж. Гроган уделяет выраженному в письме открытому желанию королевы торговать также и с иностранными торговцами, что, в свою очередь, свидетельствует об осведомленности королевы агентами Московской компании о больших рынках Кашана и Бухары и прибывающих туда торговцах [15, р. 17].

Более того, в своем обращении королева Англии заверяет шаха, что даже далекое расположение двух государств не преграда на пути установления отношений: «По милосердию всемогущего бога, если какие-нибудь народы отделены один от другого не только неизмеримыми пространствами земель и непобедимым простором морей, но и самыми частями небесного свода, то все же эти народы могут легко сообщать друг другу при помощи письма свои продуманные мысли и рассуждения, оказывать услуги, вытекающие из общего человеческого чувства, и делиться результатами взаимного понимания. ... Ни земли, ни моря, ни небеса, нас разделяющие, не в силах противостоять крепким узам, которыми нас связывают божественное стремление, чувство человечества и взаимное благорасположение» [8, с. 193-194].

Так, королева Елизавета со свойственной ей дипломатической хитростью, умело манипулируя религиозными и человеческими чувствами, пыталась убедить шаха в необходимости начала торговых отношений между двумя странами: «...Мы надеемся, что и всемогущий бог поможет, чтобы из этого скромного начала возникли великие последствия в честь и украшение нам и к великой пользе наших народов» [8, с. 194]. Анализируя риторику письма Елизаветы, Дж. Гроган отмечает, что королева не сдерживалась в изложении потенциальных коммерческих

выгод возможного соглашения между Англией и Сефевидской империей [15, р. 17]. Даже датируя свое письмо, королева не упустила шанса восхвалить и превознести свое государство в глазах шаха, указав в атрибуции письма, что оно было написано «...в знаменитом городе нашем Лондоне...» [8, с. 194].

Как отмечает Дж.Гроган, «даже без ясного представления прошлого ее [королевы Елизаветы] смелость в формулировке кажется нелепой, свидетельствуя о позиции где-то между чрезвычайным культурным высокомерием и невежеством. Самое же поразительное – это легкость, с которой она проявляет желание к союзу: "взаимное благорасположение" и даже "великие последствия" между Англией и Персией [Сефевидской империей]. Одна была маленьким, изолированным островом-королевством в Атлантическом океане..., другая была более большой, более богатой силой восточного Средиземноморья со славной имперской историей, известной вдоль Европы и восточного мира» [15, р. 18-19].

Отдельно стоит подчеркнуть, что королева Елизавета адресовала также особое письмо русскому царю Ивану Васильевичу с просьбой пропустить через свои владения Энтони Дженкинсона с миссией к Сефевидскому шаху, составленное в тот же день, что и письмо шаху Тахмасибу, т.е. 25 апреля 1561 г. [19, с. 20-22], что лишний раз доказывает серьезность намерений английской короны в установлении двусторонних связей с Сефевидской империей, а также важность торговых отношений с последней [20, р. 361]. Отметим два немаловажных факта: 1) получив отказ от русского царя Ивана Грозного на просьбу о разрешении проехать далее в Сефевидские владения, Энтони Дженкинсон сразу же собрался покинуть Русское государство; 2) после улучшения ситуации и благорасположения царя он прождал еще долгих 8 месяцев (с августа 1561 по апрель 1562 года) в Русском государстве, прежде чем все-таки ему удалось отправиться в Сефевидскую империю.

Тот факт, что, еще не зная, каков будет результат визита Энтони Дженкинсона к Сефевидскому шаху, сможет ли он расположить к себе последнего, добившись охранных грамот и торговых соглашений, на корабль «Ласточка» и два других судна, на котором Энтони отправился из Лондона в долгий путь, уже было погружено 80 тюков с 400 кусков каразеи, предназначенных для продажи на территории Сефевидского государства, свидетельствует, что английский двор и Московская компания питали большие надежды на сотрудничество с Сефевидами. Также большой интерес представляет и памятная записка, врученная Энтони губернаторами Московской компании от 8 мая 1561 г.: «...Вы должны получить от названного Суфи [шаха Тахмасиба] и других государей привилегии и охранные грамоты в возможно широком объеме для твердого установления дальнейшей торговли товарами...». [8, с. 196].

Необходимо отметить, что ни в письме шаху Тахмасибу, ни в письме шаху Мухаммеду Худабенде, написанных королевой, в 1561 и 1579 годах соответственно, нет ни единого слова о предоставлении английским купцам возможности пройти через Сефевидские владения в Индию, что отрицает концепцию некоторых исследователей о том, что для английской короны Сефевидская империя была важна и нужна лишь (!) как транзитный пункт на пути в Индию и может выступать аргументом, что она сама, как отдельная единица, представляла для Англии ничуть не меньший коммерческий интерес, чем Индия.

Невольно возникает вопрос: стала бы английская корона посылать целых шесть торговых экспедиций на протяжении долгих 20 лет (1561-1564, 1563-1565, 1565-1567, 1568-1569, 1568-1574, 1579-1581 гг.), сопряженных тяжелыми условиями путешествий, если бы инициатива и желание установления межгосударственных отношений не была столь необходима для Англии, а Сефевидское государство было бы пассивным объектом колониальной политики первой? Конечно же, нет. Отметим, что расширение и процветание Московской компании сами английские агенты связывали с приобретением торговых привилегий от Сефевидской империи. Как следует из письма Артура Эдвардса сэру Томасу Лоджу и секретарю Московской компании господину Томасу Никольсону, датированному 26 апреля 1566 г.: «Когда это будет достигнуто [торговые грамоты и привилегии от шаха], большие выгоды будет иметь компания и большое спокойствие настанет для тех, кто остается здесь... Я, однако, не сомневаюсь, что раз привилегия будет приобретена и получена, мы будем жить в спокойствии и отдыхать и скоро превратимся в большую фирму по торговле шелком-сырцом и шелковыми материями, всякими сортами пряностей и москательных товаров, а равно и другими здешними товарами» [8, с. 222].

ИСТОРИЯ

К слову, Англия в указанный период являлась для Сефевидов *terra incognita* (неизвестной землей). Данный факт подтверждает, в частности, долгожданная для англичан встреча Энтони Дженкинсона и шаха Тахмасиба, состоявшаяся 20 ноября 1562 г. в Казвине. Из доклада Э. Дженкинсона становится ясно, что шах даже не знал об Англии, а англичан, как и всех европейцев, он называл общим термином «франки». Э. Дженкинсон отмечает, что «...он [шах] стал меня расспрашивать о состоянии наших стран, о могуществе императора германского, короля Филиппа и великого султана: кто самый сильный из них» [8, с. 209].

К слову, в заметках Ричарда Уилльса о четвертом путешествии в Сефевидскую империю, начатом в июле 1568 г., содержится интересные сведения касательно встречи шаха Тахмасиба с агентом Артуром Эдуардсом: «Первый вопрос, который шах предложил ему, был: из какой страны он приехал? Эдуардс ответил, что он приехал из Англии. Шах тогда спросил придворных, кто из них знает такую страну? Когда Эдуардс увидел, что ни один из них понятия не имел о таком названии, он назвал Англию «Ингильтерра», как ее называют итальянцы. Тогда один из придворных сказал «Лондро», имея в виду Лондон, название которого лучше известно в далеких нехристианских странах, нежели название Англия. ... Шах спрашивал его о многом другом – об английском государстве ... Он много расспрашивал также о ее королевском величестве, об обычаях и законах королевства...» [8, с. 244]. Примечательно, что идентичные вопросы шах задавал и Энтони Дженкинсону в 1562 году. То есть, спустя 6 лет он все еще практически ничего не знал об Англии. На данный счет интересна точка зрения Дж. Гроган, который отмечает, что, в сравнении с Сефевидской империей, чье политическое и культурное влияние широко было распространено от Средиземноморья до Индийского океана, протестантская Англия являлась маргинальной в христианской Европе: «...Когда в 1565 г. последователи Дженкинсона представляли себя шаху, они должны были полагаться на итальянских переводчиков и даже однажды на итальянское подтверждение существования «Лондра», откуда они пришли. Дипломатический протокол Елизаветы лучше проявлял форму, нежели содержание» [15, р. 19].

Интересно и то, что шах ежедневно присылал к Энтони своих приближенных с целью разузнать о русском царе и его связях с Португалией, являвшейся на тот момент ярким врагом Сефевидов [8, с. 209]. Как видно из задаваемых Сефевидскими шахами вопросов и провала миссии Дженкинсона, которого шах даже хотел послать в качестве подарка Османскому султану, для Сефевидов установление взаимоотношений с Англией не было приоритетом. При этом в них не доминировали торгово-экономические интересы, определяющую роль для Сефевидов в решении об установлении или отказе в установлении взаимоотношений с Англией играл именно внешнеполитический императив. Но самое главное – судьба дальнейших взаимоотношений и, в целом, решения о том, будут ли они вообще когда-либо установлены, определялись именно шахом, но не королевой.

Второе письмо королевы Елизаветы (Рис. 2), которое, к сожалению, из-за опасности на путях, ведущих в Сефевидскую империю вследствие Осmano-Сефевидских войн, так и не было доставлено, было адресовано уже шаху Мухаммеду Худабенде и датируется 10 июня 1579 года. Как уже было отмечено выше, преамбула второго письма Елизаветы практически идентична преамбуле первого письма, адресованного шаху Тахмасибу. Хотя К. Мешкат и отмечает, что письмо было написано «в некоторой степени в скромном и подчиненном тоне» [1, р. 85], и, даже несмотря на то, что Энтони Дженкинсон так и не сумел добиться поставленной королевой и руководством Московской компании целей и, как результат, его миссия, в силу определенных обстоятельств, оказалась провальной, Елизавета не только не постеснялась, но посчитала нужным упомянуть имя Энтони Дженкинсона в письме, более того, оценила данное мероприятие как «почтенное посольство» [8, с. 262].

В противном случае, подчеркнув выдворение Дженкинсона из шахского двора и, соответственно, провал его миссии в 1562 г., королева бы поставила под сомнение выгодность своих коммерческих предложений шаху. Как тонкий дипломат и искусный манипулятор, королева Елизавета прибегает в письме к хитрой тактике убеждения, а именно использует успешный исторический прецедент как инструмент убеждения в выгоды сотрудничества.

XV

ХРИСТОФОР БЭРРОУ

1579—1581 гг.

1. Грамота ее королевского величества к шаху Тахмаспу, великому Суфию Персии, посланная с Аргуром Эдуардсом, Уильямом Тэрбуллем, Матвеем Тейльбойсом и Петром Гаррардом, назначенными агентами Московской компании во время шестого путешествия в Персию, начавшегося в 1579 г.

Благороднейшему и непобедимейшему императору Персии, королю Ширвана, Гиляна, Грузии, Хорассана и великому правителю Индии.

Елизавета, божией милостью королева Англии, Франции и Ирландии, защитница веры и пр. и пр. благороднейшему и непобедимейшему императору Персии, королю Ширвана, Гиляна, Грузии, Хорассана, великому правителю даже в пределах Индии шлет привет.

Благороднейший и непобедимейший государь, прошло уже десять лет или около того, как мы после почтенного посольства, выполненного дворянином Антонием Джекинсоном, нашим возлюбленным подданным, к вашему благороднейшему и непобедимому отцу, старались через посредство купцов Томаса Бэнистера и Джеффри Джекета, наших подданных, чтоб во всех королевствах, подчиненных его власти, было дано рыцарям Уильяму Гаррарду, Томасу Офли и Уильяму Честеру и купцам Роланду Хэйуорду, Лайонелю Джекету, Уильяму Аллену, Томасу Бэнистеру и Лоренсу Чэпмену и их компании свободное право въезжать в его земли и страны во всякое время, когда они хотят и могут, и заниматься там торговлей товарами и точно так же, после обмена или продажи привезенных ими товаров, вывозить оттуда с его подобного же милостивого разрешения и при его благорасположении такие предметы, которыми его владения изобилуют и которыми наши владения скудны. Такое наше ходатайство, благородный государь, ваш отец принял с такой благодарностью и благоволением, что не только даровал нестесняемую и выгодную для нас свободу въезда, как мы этого желали, но и предоставил эту свободу и эти выгоды нашим купцам на многие годы и время. Благими результатами его удивительной щедрости наши подданные поль-

зовались при таком мягком к ним отношении и при такой свободе, которые не оставляли желать ничего большего и продолжались до тех пор, пока войны, все более и более умножившиеся в странах, через которые наши подданные должны совершать свое путешествие в Персию, не воспрепятствовали им в их путешествиях и не прекратили их торговли. Ввиду того что сказанная компания желает в кратчайший срок, к благоденствию и к выгоде ваших и наших владений, возобновить эту торговлю, она в настоящее время послала в Персию своих факторов и агентов, купцов Артура Эдуардса, Уильяма Тэрбулла, Матвея Тейльбойса и Петра Гаррарда с их сотрудниками. Мы молим ваше непобедимое величество принять их столь же ласково и оказать им столь же любезный прием, какой ваш отец оказал Томасу Бэнистеру и Джеффри Джекету, и наградить их такой же свободой действий. Они, как мы надеемся, не окажутся недостойными ее и не позволят себе дурных поступков по отношению к вашим подданным, и сами мы будем пользоваться этой свободой, всегда помня о вашем добром отношении к нам, и с нашей стороны будем проявлять такое благорасположение к вам. Самое дело и время покажут, насколько упомянутая выше торговля полезна обеим сторонам. Ибо так уже устроил единый бог, высший правитель всех вещей, что каждый человек нуждается в помощи другого. Что же касается наших людей и подданных английской национальности, то на самом деле вы увидите, как они склонны подчиняться человеческому долгу, и вы никогда не раскаетесь, что даровали им свободу торговли и не будете стыдиться нас, что мы добивались получить ее для них из ваших рук. Поэтому да соизволит ваше величество даровать им означенные права по нашей усердной просьбе, о чем мы горячо и настоятельно вас просим. Мы же, как это подобает государю, если только будем иметь в будущем случай, покажем, что мы не забываем о столь великом благодеянии. Желаем вашему величеству благоденствия и счастливой жизни. Дано в нашем Вестминстерском дворце июня 10-го дня, в лето господа нашего 1579, царствования же нашего в двадцать первое.

2. Уведомления и доведения о шестом путешествии в страны Персии и Мидии компании английских купцов по открытию новых мест торговли, собранные из отдельных писем за 1579, 1580 и 1581 гг., писанных Христофором Барроу, служащим означенной компании, к своему дяде г. Уильяму Барроу.

Прежде всего следует знать, что корабли, предназначенные для путешествия к св. Николаю в России, на которых ехали факторы и товары для персидского путешествия, вышли из Грэйвзенда 19 июня 1579 г. и прибыли к св. Николаю в России 22 июля. Здесь факторы и купцы высадились, товары были разгружены и погружены на дощаники (doshniekes),

Рис. 2. Текст письма королевы Елизаветы I шаху Мухаммеду Худабенде (В названии письма вместо шаха Мухаммеда Худабенде ошибочно указан шах Тахмасиб). Источник: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке» (1937).

Так, из письма следует: «Благороднейший и непобедимейший государь, прошло уже десять лет или около того, как мы после почтенного посольства, выполненного дворянином Антонием Джекинсоном, нашим возлюбленным подданным, к вашему благороднейшему и непобедимейшему отцу, старались через посредство купцов Томаса Бэнистера и Джеффри Джекета, наших подданных, чтоб во всех королевствах, подчиненных его власти, было дано рыцарям Уильяму Гаррарду, Томасу Офли и Уильяму Честеру и купцам Роланду Хэйуорду, Лайонелю Джекету, Уильяму Аллену, Томасу Бэнистеру и Лоренсу Чэпмену и их компании свободное право въезжать в его земли и страны во всякое время, когда они хотят и могут, и заниматься там торговлей товарами и точно так же, после обмена или продажи привезенных ими товаров, вывозить оттуда с его подобного же милостивого разрешения и при его благорасположении такие предметы, которыми его владения изобилуют и которыми наши владения скудны. Такое наше ходатайство, благородный государь, ваш отец принял с такой благодарностью и благоволением, что не только даровал нестесняемую и выгодную для нас свободу въезда, как мы этого желали,

но и предоставил эту свободу и эти выгоды нашим купцам на многие годы и время. Благими результатами его удивительной щедрости наши подданные пользовались при таком мягком к ним отношении и при такой свободе, которые не оставляли желать ничего большего... Мы молим ваше непобедимое величество принять их [английских факторов и агентов Московской компании] столь же ласково и оказать им столь же любезный прием, какой ваш отец оказал Томасу Бэнистеру и Джеффри Дэкету, и наградить их такой же свободой действий» [8, с. 262-263]. В письме четко прослеживается тактика убеждения. Оно изобилует такими фразами, как: «к благоденствию и выгоде наших и ваших владений», «само дело и время покажут, насколько упомянутая выше торговля полезна обеим сторонам», «вы никогда не раскаетесь, что даровали им свободу торговли», «мы же, как это подобает государю, если только будем иметь в будущем случай, покажем, что мы не забываем о столь великом благодеянии» [8, с. 263].

В целом, королеве было свойственно, используя свою дипломатическую хитрость, маневрировать в письмах. Как указывает И. Любименко, исследовавшая переписку королевы Елизаветы с русскими царями: «... под каждым дружественными и иногда скромными словами мы находим твердое мастерство над словом и действием, решение обещать много и выполнять как можно меньше», что также прослеживается в письмах королевы Сефевидским шахам [21, р. 528].

Как и в первом письме, в данном письме нет и намека на религиозные отличия глав двух государств. Наоборот, основываясь на национальных интересах своего государства и *Realpolitik*, королева указывает на духовное «единство», «родство», отмечая, что «ибо так уже устроил единый бог, высший правитель всех вещей, что каждый человек нуждается в помощи другого» [8, с. 263].

Итак, критический анализ писем королевы Елизаветы Сефевидским шахам позволяет нам смело утверждать, что государство Сефевидов в свое время не только являлось сильным и влиятельным государством на Востоке, уверенно проводило независимую внешнюю политику, но также имело значительный авторитет и среди государств Запада, являясь одним из весомых акторов системы международных отношений, что, в свою очередь, доказывает несостоятельность предположений некоторых исследователей о периферийной, маргинальной роли государства Сефевидов в геополитике системы «Восток – Запад». Сефевидская империя не была пассивным объектом английской колониальной политики, как большинство западных и советских историков традиционно представляли. Наоборот, Сефевиды, являясь одной из *пороховых империй* (*gunpowder empire*), сами преследовали свои экономические интересы при установлении взаимоотношений с государствами Европы, в частности, с Англией, и оценивали их практичность в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры, что наглядно видно из отказа шаха Тахмасиба сразу удостоить Э. Дженкинсона своей аудиенции под предлогом «очень важных дел» (за несколько дней до прибытия Дженкинсона в Казвин также прибыла делегация с посланниками Османского султана!), а также из бесед шаха с Э. Дженкинсоном и другими английскими агентами.

Укажем и на то, что, будь Сефевидское государство слабым, ведущие европейские государства не стали бы активно искать возможных путей создания антиосманского союза, ключевую роль в котором отдавали именно Сефевидскому государству. Как отмечает один из выдающихся представителей отечественного сефевидоведения О. Эфендиев: «государство Сефевидов, на протяжении десятилетий успешно противостоящее могущественной Османской империи, могло бы дать надлежащий отпор и колониальной экспансии Англии» [22, с. 250]. Согласно С. Субрахманьяму, начиная с XVII в., Сефевидская империя становится «центром возникающего межимперского мирового распорядка» [18, р. 87]. Вышеизложенное подтверждают и стремления самой английской королевы Елизаветы Тюдор установить связи с государством Сефевидов, которому она придавала большую значимость в геополитическом треугольнике «Католическая Европа – Протестантская Англия – Мусульманский мир». Хотя религия, а конкретнее – католическо-протестантский конфликт, окутавший Европу, и стали «спусковым крючком» в установлении взаимоотношений Елизаветинской Англии с государствами исламского мира, именно политическая составляющая играла роль ведущего императива, ибо для протестантской Англии единственным на тот момент реальным выходом из состояния дипломатической изоляции и пария христианской Европы было именно сближение с Дар аль-Ислам, включая и Сефевидскую империю. Как отмечает Дж. Броттон: «Елизаветинцы были, скорее, периферийными игроками на краях геополитического мира, в котором доминировали

Испанская, Персидская [Сефевидская] и Османская Империи, и в различные моменты они открыто признавали превосходство мусульманских властей, с которыми Елизавета неоднократно выстраивала дружеские отношения. Это не означает, что Англия при Елизавете была частью безмятежного мира, в котором христиане и мусульмане отлично ладили; было бы неправильно утверждать о дружбе между религиями... Несомненно, отношения были основаны на обоюдном подозрении, непонимании и неуверенности. Их последствия были различными и иногда противоречивыми, но те, кто были задействованы не верили, что они играли в глубокую битву между цивилизациями» [1].

Как отмечает Р. Аллинсон: «точно так же, как созданная великими учеными и художниками Ренессанса «республика ученых» создала «воображаемые сообщества» по всей Европе, так же Елизавета и ее королевские корреспонденты выстроили свою «монархию писем», которая пересмотрела сущность и пределы суверенитета» [13, р. xiii]. Письма королевы Елизаветы Сефевидским шахам не только изменили риторическую традицию в последующих письмах королевы главам мусульманских государств, не только стали новой вехой в истории дипломатической переписки, но и открыли новую страницу в истории взаимоотношений британцев с новой цивилизацией в лице Сефевидов – исламской (!), которая, как отмечает Н. Матар, «вызывала в них [британцах] смешанные эмоции: страх, бессилие и "имперскую зависть"» [7, р. 213].

Развитие взаимоотношений между двумя государствами не только не ограничилось взаимодействием в политико-экономической плоскости, но также оставило значительный след в культурной жизни Англии: литературе, искусстве, театре, быту, придворной моде и даже в спорте. Как отмечает Дж. Броттон: «из-за причин, уникальных для 45-летнего правления Елизаветы, включая ее драматическое отлучение от Римской Католической Церкви Папой Пием V в 1570, Протестантская Англия установила отношения с множеством исламских королевств, которые сыграли решающую роль в том, как английские мужчины и женщины пришли к пониманию своего места в мире 16 столетия. Эти связи повлияли на то, как Елизаветинцы путешествовали и вели дела, что они ели, как они одевались и украшали свои дома, как они понимали религию и как они играли на сцене, украшенной лучшими драматургами мира, включая Шекспира и Марло» [1].

В целом, англо-сефевидские взаимоотношения, начало которым было положено именно первым письмом Елизаветы, не только стали составной частью глобальной экономики, но одновременно и глобального Ренессанса. Этот вывод еще раз доказывает несостоятельность концепций антагонизма «Запад – Восток», «Христианский мир – Мусульманский мир», что является темой отдельного исследования.

Литература и источники

1. *Brotton, J. This Orient Isle: Elizabethan England and the Islamic World.* – London: Allen Lane, 2016. // URL: <https://www.ysk-books.com/en/show/book/this-orient-isle-elizabethan-england-and-the-islamic-world-pdf> (дата обращения: 21.05.2022)
2. *Tyerman, C. England and the Crusades, 1095–1588.* – Chicago and London: University of Chicago Press, 1988.
3. *Legg, J. W. The Gift of the papal cap and sword to Henry VII* // *Archaeological Journal.* – 1900. – №57.
4. *Dimmock, M. The Tudor Experience of Islam / A Companion to Tudor Literature.* Ed. Kent Catwright. – West Sussex: John Wiley & Sons, 2010.
5. *Dimmock, M. New Turkes: Dramatizing Islam and the Ottomans in Early Modern England.* – Aldershot, Burlington/USA: Ashgate Publishing Company, 2005. – P. 59, 166.
6. *Jerry Brotton on West's Ignorance About Islam* // URL: <https://gulfnnews.com/entertainment/books/jerry-brotton-on-west-ignorance-about-islam-1.1825164> (дата обращения: 21.04.2022)
7. *Matar, N. Britons and Muslims in the Early Modern Period: From Prejudice to (a Theory of) Toleration* // *Patterns of Prejudice.* – 2009. – №43:3-4.
8. *Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке/ Перевод с английского Ю.В.Готье.* – Л.: Печатный двор, 1937.
9. *Matthee, R. The Safavid Economy as Part of the World Economy / Iran and the World in the Safavid Age, ed. by Willem Floor and Edmund Herzig.* – London: I.B. Tauris, 2012.
10. *Hamel, C. Safavid Trade During the 17th Century: Iran's Transit Economy. Middle Eastern Communities and Migrations Student Research Paper Series.* - 2017. - №6 // URL: <https://commons.lib.jmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=meccmsrps> (дата обращения: 29.05.2022)
11. *Meshkat, K. The Journey of Master Anthony Jenkinson to Persia (1562). A Thesis Presented to The Department of Literature, Area Studies and European Languages The University of Oslo in Partial Fulfilment of the Requirements for The Cand. Philo. Degree.* – Oslo, 2005.
12. *Andrea, B. Elizabeth I and Persian Exchanges / Beem, C. (eds) The Foreign Relations of Elizabeth I. Queenship and Power.* – New York: Palgrave Macmillan, 2011.
13. *Allinson, R. A Monarchy of Letters: Royal Correspondence and English Diplomacy in the Reign of Elizabeth I.* – New York: Palgrave MacMillan, 2012.

14. *Meserve, M.* Empires of Islam in Renaissance Historical Thought. Cambridge. – Massachusetts, London: Harvard University Press, 2008.
15. *Grogan, J.* The Persian Empire in English Renaissance Writing, 1549–1622. – New York: Palgrave Macmillan, 2014.
16. *Morgan, E.D.* Early voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. Ed. by E. Delmar Morgan, C.H. Coote. – Vol. I. – New York: Burt Franklin Publisher, 1958.
17. *Шумейко М.Ф.* Переписка как исторический источник и особенности ее сохранения и публикации // “Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX-XXI ст. у Беларусі”: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М.М. Улашчыка. – Мінск, 2007.
18. *Subrahmanyam, S.* Three Ways to Be Alien: Travails and Encounters in the Early Modern World. – Waltham, Massachusetts: Brandeis University Press, 2011.
19. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553-1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. – СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншеля, 1875.
20. *Hakluyt, R.* The Principal Navigations, Voyages, and Discoveries of the English Nation, made by Sea or over Land to the most remote and farthest distant Quarters of the earth at any time within the Compasse of these 1500 yeers: Devuided into three several parts, according to the positions of the Regions whereunto they were directed. – London: Imprinted by George Bishop and Ralph Newberie, Deputies to Christopher Barker, Printer to the Queenes most excellent Majestie. – 1589.
21. *Lubimenko, I.* The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars // The American Historical Review. – Apr., 1914. – Vol. 19. – №3.
22. *Эфендиев О.* Азербайджанское государство Сефевидов. – Баку: Элм, 1981.

КАФАР-ЗАДЕ ЛАМИЯ РАСИМ КЫЗЫ – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Отдела «История Средних веков» Института Истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана, ответственный секретарь академического журнала Президиума НАН Азербайджана «Общественные науки» (leo_558@mail.ru).

GAFAR-ZADA, LAMIYA RASIM – Ph.D. in History, Senior Fellow at the Middle Ages History Department of the A.A. Bakikhanov Institute of History, Azerbaijan National Academy of Sciences, Executive Secretary of the Academic Journal of “Social Sciences” of the Presidium of the ANAS (leo_558@mail.ru).

УДК 94(560)«1980/1993»:327.82

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-224-232

МУСАЕВА С.И., АЗИЗОВА А.Н.

ТУРГУТ ОЗАЛ И ЕГО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Ключевые слова: Турция, Тургут Озал, внешняя политика, экономический либерализм, экономические приоритеты, Европейское экономическое сообщество, региональное лидерство.

В статье освещается проблема вступления Турции на путь экономической либерализации в начале 80-х гг. XX в. – в пик экономического кризиса, вызванного ростом цен на нефть в 1979 году, в связи с которым начался разлад взаимоотношений турецкого государства, как с соседними государствами мусульманского мира, так и с рядом государств мирового сообщества. Т. Озал, будучи главой Государственной плановой организации и советником премьер-министра по экономическим вопросам, разработал стабилизационную программу либерального экономического развития Турции, утверждённую 24 января 1980 г. Рассматривается государственный переворот 12 сентября 1980 г., осуществлённый военным руководством Турции, которое, захватив власть, создало Совет Национальной Безопасности (Milli Güvenlik Kurulu) во главе с начальником генерального штаба генералом К. Энвером, распустило парламент, правительство, приостановило деятельность всех политических партий, установило террор, но при этом в основном продолжило реализацию экономического плана Т. Озала – «Программы 24 января». Освещается деятельность Т. Озала, как политика и эффективного менеджера, в процессе проведения либерально-экономических преобразований в Турции и установления внешнеэкономических связей Турции с соседними странами, которые дали возможность стране достичь высоких экономических темпов развития.

MUSAYEVA, S.I., AZIZOVA, A.N.

TURGUT OZAL AND HIS FOREIGN ECONOMIC POLICY

Key words: Turkey, Turgut Ozal, foreign policy, economic liberalism, economic priorities, European Economic Community, regional leadership.

The article highlights the problem of Turkey's entry into the path of economic liberalization in the early 80s. 20th century - at the peak of the economic crisis caused by the rise in oil prices in 1979, in connection with which the discord of relations between the Turkish state began, both with neighboring states of the Muslim world, and with a number of states of the world community. T. Ozal, being the head of the State Planning Organization and adviser to the Prime Minister on economic issues, developed a stabilization program for the liberal economic development of Turkey, approved on January 24, 1980. The coup d'état on September 12, 1980, carried out by the military leadership of Turkey, which, having seized power, created the National Security Council (Milli Güvenlik Kurulu) headed by the chief of the general staff, General K. Enver, dissolved the parliament, the government, suspended the activities of all political parties, established terror, but at the same time basically continued to implement the economic plan of T. Ozal - "Programs January 24th. The activities of T. Ozal, as a politician and an effective manager, are highlighted in the process of carrying out liberal economic reforms in Turkey and establishing Turkey's foreign economic relations with neighboring countries, which enabled the country to achieve high economic development rates.

К концу 70-х гг. XX в. мировая экономика столкнулась с новыми потрясениями и трудностями, переживая пик кризиса, вызванного ростом цен на нефть в 1979 году, в связи с чем

ИСТОРИЯ

начался разлад взаимоотношений между рядом отсталых развивающихся стран, с одной стороны, и промышленно развитых стран – с другой. Однако повышение цены на нефть не было единственной предпосылкой, ознаменовавший новый виток кризиса рубежа 70-80-х гг. XX в. Принятая развитыми странами стратегия равенства спроса и предложения в экономике, основанная на финансовой модели Кейнса, привела к увеличению дефицита бюджета во всем мире и, в соответствии с этим, к стагфляции в мировой экономике [1]. В этой связи в начале 80-х гг. XX в. оформляются новые программные установки, корректировавшие развитие мировой экономики и основанные на ее неолиберальном понимании и на свободной рыночной системе, которые неизбежно отразились и в политической сфере [2, с. 11-15].

Под неолиберальной экономикой подразумевалась свободная рыночная система, которая бы укрепляла демократический строй внутри страны и устраняла экономическое неравенство между странами, пропагандируя ту экономическую систему, в которой производство, товары и деньги могут свободно перемещаться на международном уровне.

В связи с новой концепцией, развивающиеся страны, в число которых входила и Турция, желая получить долю на мировом рынке, предприняли усилия, чтобы перейти к производству широкого спектра товаров в соответствии со спросом на внешнем рынке. В результате этого получило развитие торгово-политическое сотрудничество, перешедшее в 1980-х годах в экономическую «взаимозависимость» между странами, что привело к глобализации мирового рынка. В турецкой политической системе правление постоянно сменявших друг друга партий и частая смена министров иностранных дел в периоды кратковременных коалиционных правительств затрудняли реализацию политической воли во внешней политике и экономике.

12 сентября 1980 г. высшее военное руководство Турции осуществило государственный переворот. Захватив власть, военные создали Совет национальной безопасности (СНБ - Milli Güvenlik Kurulu) во главе с начальником генерального штаба генералом К. Энвером, распустили парламент и правительство С. Демиреля, приостановили деятельность всех политических партий. Этот переворот серьезно повлиял на реализацию модели «догоняющего развития» [3, с. 7] разработанной еще ранее лидерами Демократической партии (ДП) и на внешнюю политику страны. Как отмечают турецкие исследователи, к тому времени Турция была по существу изолирована и от Европейского экономического сообщества (предшественник ЕС), и от стран «третьего» мира, и от США, и от СССР. Основными причинами послужили кипрский кризис, американское эмбарго на поставки оружия в 1975-1978 гг. и с подозрением относившиеся к мусульманским странам кемалисты [4, р. 405]. Членство Турции в НАТО мешало улучшению ее отношений со странами социалистического лагеря. Внутренние проблемы страны – террор, экономический коллапс, нефтяной кризис, организованные военными властями репрессии – усугубили изоляцию Турции от внешнего мира еще больше.

Первоначально реакция Западной Европы на военный переворот была умеренной, поскольку он способствовал стабилизации ситуации внутри страны. Однако, когда военный режим затормозил процессы восстановления демократии, Европейское экономическое сообщество ужесточило свою политику в отношении Турции. Сначала Европейский парламент приостановил финансовую помощь Турции (22 января 1982 г.), а затем было упразднено Европейское крыло объединенного парламентского комитета Турция-ЕС. В результате, кемалистские генералы увидели в мусульманском мире единственный способ вырваться из этой экономической и политической изоляции. Премьер-министр военного правительства Бюлент Улусу объявил, что Турция продолжит развивать и укреплять свои отношения с мусульманским миром [5, с. 125-126].

В декабре 1980 года, Министерство иностранных дел Турции объявило о решении нового правительства сократить дипломатическое представительство с Израилем до минимального уровня, чтобы подчеркнуть поддержку Турцией арабских стран, как членов Организации Исламской конференции [5, с. 130-135]. Однако при этом Турция отказалась основывать свои отношения на исламских ценностях. Министр иностранных дел Турции Ильтер Туркмен, например, отказался подписать некоторые решения Декларации Мекки 1981 года, касавшиеся эмбарго в отношении Афганистана, исламских принципов, ценностей и движения за единство стран «третьего мира» (Движение Неприсоединения) [6]. В целом, отношения Турции с Израилем, а также с западными странами еще более осложнились.

Когда в результате победы на парламентских выборах 6 ноября 1983 г. к власти пришел Тургут Озал (военные передали власть гражданскому правительству), то он обнаружил, что страна практически изолирована как от Запада, так и от Востока. Турции требовался радикальный сдвиг во внутренней и внешней политике, чтобы избежать политической и экономической изоляции. В качестве премьер-министра Турецкой Республики, а затем ее восьмого президента (1989-1993), Т. Озал, осмысливая специфику нового этапа мирового экономического развития, воспринимал сложившуюся в Турции стратегию внешней политики как пассивную. Он утверждал, что использование такого принципа, как «сохранение нейтралитета» не соответствует современному пониманию политики и, что Турции необходимо идти в ногу с современным миром. В данной связи страна вступила в новую эпоху внешнеполитических отношений с окружающим миром. Стратегический курс государства стал основываться, прежде всего, на учете ее экономических интересов. Соответственно, ранее использовавшаяся в Турции традиционная дипломатия, в эпоху Т. Озала преимущественно перестала практиковаться [7].

Ориентированная на экономику внешняя политика Т. Озала может быть объяснена тем, что данный подход соответствовал духу эпохи. Время прихода Т. Озала к власти характеризовалось тем, что Турция испытывала серьезный финансовый кризис и находилась в фазе политической и социальной нестабильности. Страна оказалась в долговом тупике. Внешние долги, подлежащие погашению иностранной валютой, составляли 6,2 млрд. долларов в 1978 г., 9,2 млрд. долларов в 1979 г. и, наконец, 11,3 млрд. долларов в 1980 г. [8, p. 39].

Несмотря на то, что внутривнутриполитические распри, связанные с военным переворотом 1980 г., утихли восстановление крайне деградировавшей экономики страны и повышение уровня благосостояния населения требовали сложной и долгосрочной работы.

В 1983 г., когда Т. Озал основал «Партию Отечества» (ПО), ориентированную на сохранение светского правления, и стал заниматься политической деятельностью, он дал обещание народу восстановить экономику страны. После победы на всеобщих выборах своей партии (ПО) 14 ноября 1983 г., Т. Озал заявил журналистам, что главными приоритетами правительства станут снижение инфляции и укрепление среднего класса. Таким образом, все имеющиеся возможности, включая внешнюю политику, будут ориентированы на восстановление экономики [9, p. 11].

Личность Тургута Озала сыграла решающую роль в становлении и успехе «озализма» [10, с. 12-13]. Во время государственного переворота 1980 г., когда экономика страны переживала сложный период, Т. Озал был уже поглощен экономическими вопросами: он много работал и приложил много усилий, чтобы подробно изучить долговую проблему Турции и предпринимать необходимые шаги. Он принадлежал одновременно к двум лагерям: в 1970-х гг. он был успешным менеджером в частной промышленности и имел хорошие связи в крупных деловых кругах, которым нравилась проводимая им либерализация экономики. С другой стороны, также было известно о его связи с орденом дервишей «накшбанди» [11, с. 18]. То есть, он был одновременно и религиозным человеком, имевшим хорошие отношения с лидерами религиозных сект, и успешным бюрократом, имевшим связи с МВФ, Всемирным банком (где он работал руководителем проектов в сфере промышленности). Но, прежде всего, он был личностью, человеком, который мог вести дела со всеми, независимо от их социального происхождения и идеологических взглядов. Будучи чрезвычайно успешным в непосредственном общении с людьми и считая, что бюрократические формальности мешают бизнесу, Т. Озал своими мягкими, теплыми манерами также завоевал симпатии многих лидеров и использовал дружеские отношения с мировыми лидерами как инструмент внешней политики. Он организовывал дружеские ужины, деловые встречи и переговоры со многими ведущими политическими лидерами.

Окончив Стамбульский технический университет в 1950 г. по специальности инженер-электрик, Т. Озал прошел стажировку в США, где много времени и внимания уделял изучению экономических проблем развития страны, в результате чего стал приверженцем ее экономической системы. По его мнению, Соединенные Штаты Америки достигли высоких экономических успехов благодаря либеральной политике своего руководства. Американская экономическая модель – это то, к чему, прежде всего, апеллировал Тургут Озал в период модернизации Турции. В период проведения модернизации страны Т. Озал занимал высокие бюрократические должности, такие как заместитель министра организации государственного планирования,

заместитель министра по экономическим вопросам Турции, координатор одной из крупнейших компаний Турции – холдинга Сабанджи и т.д. [11, с. 20-23]. Он всегда лично находился у руля в процессах планирования социально-экономических вопросов и осуществлял руководство реализацией проектов. Экономическая взаимозависимость между странами, считал Т. Озал, поможет им избежать конфликтов, поскольку страны, имеющие общие интересы в экономике, будут максимально избегать спорных вопросов. Он неизменно придерживался мнения, что торговля смягчает и цивилизует отношения, как между людьми, так и между странами [12, р. 98].

Период правления Т. Озала пришелся на последние годы холодной войны. События, происходившие в 80-х гг. XX в. непосредственно вокруг Турции, – исламская революция в Иране (1979 г.), ирано-иракская война (1980-1988 гг.), напряженность в отношениях с Сирией, Болгарией и Грецией, угрозы от РПК (Рабочая партия Курдистана) вызывали трудности в регулировании и развитии отношений сотрудничества с соседними странами. Т. Озал не мог смириться с ситуацией, препятствовавшей его прорывным политико-экономическим планам, которые он хотел осуществить как во внешней, так и во внутренней политике [13, р. 843]. Однако, невзирая на все сложности, на пути экономического сотрудничества, Т. Озал сумел заключить двусторонние отношения со странами региона, исламским и западным мирами.

На наш взгляд, во внешнеполитической концепции, избранной и реализуемой Т. Озалом, ориентированным на экономику и национальные интересы Турции, следует выделить три основные позиции. Главная позиция заключалась в сотрудничестве Турции с соседними странами на основе двусторонних соглашений и на основе единства взаимных интересов в политической и экономической сферах. Второй позицией явилось развитие сотрудничества с исламским миром на основе культурного, исторического и религиозного партнерства. Третьей позицией послужило проникновение на западный рынок и укрепление существующих отношений с западными международными организациями (ЕЭС, ОБСЕ) [14, р. 105-123]. Осуществляя курс либерализации турецкой экономики, Т. Озал стремился поднять экономику страны до уровня развитых стран. Главной целью его интенсивной программы визитов в ряд стран Ближнего Востока и других исламских государств стало развитие торговли с этими странами и привлечение иностранного капитала в Турцию. Т. Озал принимал все меры, чтобы устранить барьеры, мешавшие увеличению экспорта, старался максимально стимулировать его. Немаловажным аспектом его деятельности стала установка на формирование предпринимательского класса в стране.

Предприниматели Турции, десятилетиями работавшие в условиях закрытой государственной системы, не были знакомы с системой международного бизнеса. Чтобы исправить данную ситуацию, Т. Озал организовал «торговую миссию» [9, р. 7-8]. Он осуществлял официальные поездки в зарубежные страны совместно с предпринимателями, чтобы ознакомить их с миром бизнеса и конкуренции. Он отправлял их также в качестве посредников для установления отношений с другими странами. Так, Т. Озал менял правила классической дипломатии. Журналистам, которым были интересны мотивы такой практики, являвшейся для Турции новой, Т. Озал отвечал: «Если мы желаем стать подобными европейцам, мы должны мыслить и действовать как европейцы. Сегодня премьер-министр Великобритании покрывает голову и встанет перед королем Саудовской Аравии, чтобы решить проблему английских предпринимателей, потому что, когда она решит эту проблему, в Великобританию придет валюта. Англия станет богаче» [12, р. 117-121].

Активная внешнеполитическая доктрина Т. Озала требовала подвергать сомнению политику прежней государственной бюрократии, и он сначала попытался начать свои реформы с обеспечения структурных изменений в системе государственной бюрократии и создания новой системы, с новым персоналом. Он также стремился свести к минимуму влияние прежней бюрократии, советуясь, например, с неофициальными лицами и игнорируя мнения соответствующих организаций, если это было необходимо.

Заключенное между Анкарой и Вашингтоном двустороннее соглашение о сотрудничестве в области обороны и экономики от 29 марта 1980 г. и подача заявки Турцией о полноправном членстве в ЕЭС (1987 г.), знаменовали собой новый этап в развитии отношений Турции с западными державами [15, р. 145]. В стремлении Турции улучшить отношения с США и странами ЕЭС, становиться частью пространства европейской системы ценностей, помимо основной направленности внешней политики Турции на экономический прогресс, присутствовала и более

ИСТОРИЯ

прагматичная цель более легкой интеграции в мировую систему, дававшей возможность воспользоваться экономическими и политическими возможностями США и ЕС, поскольку основной объем международной торговли приходился именно на эти страны [16, р. 535-536].

Отношения Турции с Европейским экономическим сообществом до 1980 г. колебались между сотрудничеством и недоверием, конфронтацией и сближением, а после 12 сентября 1980 г., когда военные в Турции захватили власть, ЕЭС жестко отреагировало на это, заявив, что подобные перевороты противоречат их политике развития демократии и заморозило отношения с Турцией. Новые переговоры оказались возможными только после перехода Турции к демократии. Когда в ноябре 1983 г. в Турции прошли демократические выборы, и к власти пришел Тургут Озал, в ЕЭС задалось вопросом, каким путем последует Т. Озал и его правительство. Запад не просто ждал и внимательно следил за его политикой. В частности, Европа предприняла попытку заставить правительство Турции принять ряд новых установок, к примеру, связанных с обвинениями в геноциде армянского народа. Серьезные разногласия Европы и Турции были связаны со статусом курдского населения. Требовалось также урегулировать Кипрскую проблему. Несмотря на постоянные попытки Турции стать частью ЕЭС, Европа не представляла ее в качестве члена своего сообщества. Греция, у которой отношения с Турцией на протяжении долгого времени сопровождалась взаимной враждой, и которая не желала видеть под боком сильную, экономически процветающую Турцию, на каждом шагу бросала вызов ей и голосовала против нее на всех советах Евросоюза, пользуясь своим правом вето.

Перспективу вступления Турции в ЕЭС Т. Озал комментировал следующим образом: «Мы твердо убеждены в том, что нельзя и не следует создавать две различные категории европейских членов в рамках одного и того же альянса: тех, кто входит в ЕЭС и НАТО, и тех, кто входит только в НАТО. С другой стороны, не следует ожидать, что Турция возьмет на себя только обязательства по обороне континента, не участвуя в полной мере в создании новой Европы» [17, р. 25]. Т. Озал резюмировал свое послание, ссылаясь на то, что Турция, как стойкий и непоколебимый сторонник гуманитарных ценностей Европы, давно нуждается в политическом, экономическом и культурном признании со стороны своих естественных партнеров. Ни Сообщество, ни Западноевропейский союз, считал он, не могут достичь своих интересов без присутствия Турции, поскольку она представляет собой мост, соединяющий Европу с Ближним Востоком. Турция и Западноевропейский союз, по его мнению, имели общие цели и общие обязанности. Все европейские нации, утверждал Т. Озал, внесли свой вклад в богатую и разнообразную европейскую идентичность. Турция со всеми ее цивилизациями, которые обогатили Анатолию и ее народ, являлась одним из средиземноморских наследников этой самой идентичности в равной доле со своими будущими партнерами по ЕЭС. Турция на законной основе претендовала на это наследие и имела право на полноправное членство в Европейском союзе [17, р. 25].

Важно особо отметить тот факт, что Турция презентовала себя светской мусульманской страной, разделяющей западные ценности, что доказывало не только Западу, но и странам Ближнего Востока, а также исламскому миру в целом, что исламская страна может превратиться в демократическое и современное общество западного образца. В итоге, 14 апреля 1987 г. Турция, несмотря на натянутые отношения с Европой, подала заявление на официальное членство в Европейском экономическом сообществе [18, р. 107-109].

Это был призыв к Европе, которую Турция ждала у своих ворот в течение долгого времени. Но несмотря на то, что заявление было передано в Комиссию на рассмотрение, она долгое время не давала ответа. Позже оглашенное на заседании решение о том, что Евросоюз не будет принимать новых членов в Союз до 1992 г., стало признаком того, что Комиссия ответит отрицательно на запрос Турции. Как и ожидалось, 18 декабря 1989 г. она предложила Турции приостановить свое сотрудничество до более благоприятных времен. В докладе Еврокомиссии в 1989 г. преобладала полная неопределенность. Неоднозначность отношения ЕЭС к этому отчету была замечена практически всеми странами мира [19, р. 177-178].

Свое решение о приостановке работы с правительством Турции Комиссия оправдывала недостаточным уровнем экономического развития страны, несоблюдением ею всех требований, предъявляемых в ЕЭС к демократии и правам человека, положением национальных меньшинств и разногласиями по поводу Кипра. Несмотря на то, что ЕЭС не приняло предложение о членстве, данный шаг со стороны Турции повысил интерес Европы к ее внутренней политике, стимулировав

ИСТОРИЯ

процесс ее вмешательства в дела Турции. В июне 1987 г. Европарламент принял резолюцию, в которой призвал Турецкую Республику признать «геноцид армян», а также потребовал, чтобы вопросы национальных меньшинств решались в стране только по европейским стандартам [20, р. 405].

Более того, отношения сторон были осложнены новым инцидентом. Возвращение в январе 1988 г. руководителей Объединенной коммунистической партии Турции, покинувших страну в 1980 г. в связи с репрессиями со стороны пришедших к власти военных, повлекло за собой немедленный их арест, что послужило еще одним поводом для ЕЭС выступить против Анкары. Европейский парламент принял решение вновь заморозить финансовую помощь, предназначенную Турции [20, р. 405].

Впрочем, ситуация развивалась не линейно. В частности, что касается отношений с Грецией, то Т. Озал в 1984 г. в одностороннем порядке отменил визовый режим для граждан Греции, несмотря на противодействие со стороны Министерства иностранных дел и спецслужб. Такое отношение Т. Озала было основано, в первую очередь, на экономических факторах. На пресс-конференции, состоявшейся 31 марта 1984 г., он утверждал, что посещение Турции гражданами Греции является важным источником дохода страны [21, р. 48]. Уже 9 декабря 1986 г., в своем новом выступлении по бюджету предстоящего года, Т. Озал заявил, что более двухсот тысяч греческих граждан, посетили Турцию в качестве туристов. Он уверял, что между народами не должно быть войны и, что взаимные визиты граждан позволят отбросить исторически сложившиеся предрассудки и поспособствуют развитию отношений между странами. А когда в марте 1987 г. Турция и Греция вновь оказались на грани боевых действий из-за разногласий по вопросам контроля над территориальными водами Эгейского моря и воздушного пространства над ним, заявление Т. Озала о том, что Турция не будет проводить исследования нефтеносного шельфа в территориальных водах Эгейского моря в радиусе шести миль, проложило путь к «духу Давоса», что явилось поворотным моментом в отношениях между двумя странами. Т. Озал способствовал греко-турецкому сближению во время встречи со своим коллегой Андреасом Папандреу, премьер-министром Греции на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 1988 г. Важным достижением этой встречи явилось принятие некоторых мер в рамках политики укрепления доверия, снижения напряженности и развития концепции добрососедства [21, р. 49-52].

Последовавший за Давосским процессом неожиданный визит Т. Озала в Афины в июне 1988 г., который в международном сообществе стал таким же историческим, как визит президента США Ричарда Никсона в Китайскую Народную Республику (21 февраля 1972 г.) и президента Египта Анвара Садата в Израиль (19 ноября 1977 г.), заложил основы умеренной политики, стабилизировавшей отношения между Грецией и Турцией.

Начавшиеся сразу после его прихода к власти многократные визиты Т. Озала в соседние Иран и Ирак, а также в Сирию (июль 1987 г.) [15, pp. 120-153], где отношения постоянно ухудшались из-за проблем с Рабочей партией Курдистана; его визиты в Москву (в качестве премьер-министра в 1985 г., президента – в 1991 г.), несмотря на оппозицию США, а также заключенный договор на поставки природного газа в 1987 г. [22, с. 47-62], его визиты в различные арабские и исламские страны и на Дальний Восток; визиты в США и европейские страны – стали результатом сбалансированной политики и настойчивых усилий Турции, направленных на повышение эффективности инвестиционной среды и коммерческого сотрудничества на внешних рынках.

Создание Организации экономического сотрудничества в 1985 г. Турцией, Ираном и Пакистаном и Организации Черноморского экономического сотрудничества в 1990 г., объединивших усилия государств Причерноморья и Южных Балкан, явилось решениями, принятыми с целью обеспечения безопасности страны, развития региональной международной торговли, вхождения в глобальную мировую экономическую систему [23, р. 34]. Все это ускорило многоаспектный процесс формирования внешней политики Турции.

Объектом особого внимания правительства Т. Озала стали турецкие национальные меньшинства, проживавшие за границей, особенно в Болгарии, где в 1884-1989 гг. началась компания по «болгаризации» турок (Возродительный процесс). В результате, турецкое правительство предложило подписать договор о безопасной и легальной миграции, но Болгария не приняла его, несмотря на старания со стороны международного сообщества. Однако позже,

когда ситуация вышла из-под контроля по причине внутренних противоречий, власти Болгарии позволили уехать туркам на родину. После массовой эмиграции турок из Болгарии в 1989 г., Турции, открывшей изначально границу для них, пришлось закрыть ее из-за максимально большого количества эмигрировавших (около 300 тыс.). Турецкие власти не смогли справиться с таким наплывом эмигрантов. Это вызвало резкую критику в адрес Т. Озала как со стороны лидеров оппозиционных партий, так и международных акторов. В Болгарии же политика ассимиляции по отношению к туркам прекратилась в ноябре 1989 г. после смены правительства [24].

Курдский вопрос, который всегда был одной из главных проблем внутренней политики Турецкой Республики, в период правления Т. Озала обрел новую актуальность. По заявлению Дженгиза Чандара, который являлся советником Т. Озала по внешней политике в период 1991-1993 гг., тот был единственным государственным деятелем, который так интенсивно занимался курдским вопросом. Он всегда желал политического решения курдского вопроса, а потому инициировал переговорный процесс с Рабочей Партией Курдистана (РПК). В ходе переговоров было достигнуто соглашение о прекращении огня на один месяц (16 марта – 16 апреля 1993 г.). Хотя Т. Озал планировал пакет политических реформ, чтобы остановить террористические атаки РПК [25, р. 107-140], его неожиданная смерть 17 апреля 1993 г. прервала этот процесс.

Т. Озал, особенно в последние годы своей жизни, особое внимание уделял тюркским республикам Средней Азии и Закавказья. Окончание холодной войны и распад СССР обеспечили большую гибкость и свободу отношений с обретшими независимость государствами [26, с. 137-142]. Такое внимание объяснялось, в частности, двумя причинами: во-первых, наличием запасов нефти и газа в этих странах; во-вторых, значением получивших независимость республик как реального рынка сбыта для турецких товаров, а также регионов вложения значительных инвестиций азиатского капитала [26, с. 137-142]. По инициативе Т. Озала, для укрепления отношений и развития сотрудничества с данным регионом в Анкаре в 1992 г. были сформированы Агентство по тюркскому сотрудничеству и координации (ТКА) и Саммит тюркоязычных государств. Т. Озал придавал особое значение образованию и акцентировал внимание на культурной экспансии. По этой причине были подготовлены общешкольные учебники для преподавания в тюркоязычных регионах. Турция предоставила возможность получать бесплатное образование и стипендии студентам из республик Центральной Азии.

Естественно, правительство Турции во главе с Тургуттом Озалом ясно понимало, что для того, чтобы заручиться поддержкой общественного мнения и реализовать свои планы в этом направлении потребуется много времени и пропаганды, потому они работали на долгосрочную перспективу. Хотя эти действия и помогали Турции добиваться своих интересов, в то же время существовали и некоторые минусы. Например, Турции приходилось конкурировать в этой борьбе с такими странами как Россия и Иран, у которых также были свои интересы в этом регионе.

Политическая позиция Т. Озала, уделявшего особое внимание Кавказу, Центральной Азии и Балканам, а также его стремление вести активную внешнюю политику в Персидском заливе, определялись соображениями экономического и политического прагматизма. Экономическое сотрудничество было важным, и имело решающее значение в политике Т. Озала, а проводимая им внешняя политика стала экономически ориентированной. Турция пережила политический, экономический и социально значимый процесс перемен в годы, когда Тургут Озал занимал посты вице-премьера, премьер-министра и президента Турецкой республики (1980-1993). [22, с. 47-62].

Несмотря на то, что внешние силы всячески пытались навязать Турции свои представления, Т. Озал стремился сохранить структуру внутренних демократических принципов общества и использовать геополитические, исторические, религиозные, военные и экономические факторы Турции во внешних отношениях, чтобы наилучшим образом использовать региональные и международные конфликты в интересах Турции. В связи с этим, либерализация государства и общества явилась одним из основных условий, предусмотренных свободной рыночной экономикой. Т. Озал рассматривал это как предпосылку для строительства демократических институтов в Турции.

Таким образом, следует отметить, хотя Т. Озал иногда подвергался резкой критике, особенно по вопросам внутренней политики, из-за его рискованных и инициативных действий, Турция в период его правления проводила активную внешнюю политику. Вклад Тургутта Озала в развитие внешнеполитических связей с другими государствами огромен. Благодаря политике Т.

Озала сформировалась идея, что Турция может быть региональной или даже мировой державой. Склонность к компромиссам в возникающих конфликтных ситуациях, а также стремление Т. Озала превратить страну в регионального лидера дали свои положительные результаты. Несомненно, Тургут Озал являлся одним из тех редких государственных деятелей, чье президентство оставило свой позитивный след в истории Турции.

Литература и источники

1. Теории развития: кейнсианские модели становления рыночной экономики // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://4study.kz/ekonomi-cheskaya-pohtika/144-teorii-razvitiya-keynsianskie-modeh-stanovleniya-gynoch-noy-ekonomiki> (Дата обращения 09.07.2022).
2. Пяшева Л.И., Пинскер Б.С. Экономический неоконсерватизм: теория и международная критика. - М., 1988. - 256 с.
3. Новейшая история стран Азии и Африки: XX век. 1945-2000. В 3 ч. Ч. 3. / Под ред. А.М. Родригеса. - М.: ВЛАДОС, 2001. - 272 с.
4. *Didem Karaca*. 12 Eylül 1980 Darbe Dönemi Türkiye'nin Dış Politikası Üzerine Bir İnceleme Sosyal bilimler enstitüsü, Uluslararası ilişkiler anabilim dalı, Yüksek lisans tezi. Trakya, 2000 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/Modernlesen-Turkiyenin-Tarihi/page/n11/mode/2up>. (Дата обращения: 02.07.2022).
5. Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики (1923–2016). - М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2017. - 424 с.
6. Главные моменты «Декларации Мекки» о создании палестинского правительства национального единства // [Электронный ресурс]. URL: <http://maof.rjews.net/aspect/4-enemies/14237-e-q--> (Дата обращения: 03.06.2022).
7. *Zaıttın Diri*. Turgut Özal (1983-1993). Dönemi Türk Dış Politikası. Siyaset bilimi ve uluslararası ilişkiler anabilim dalı, yüksek lisans tezi, İstanbul, 2018 // [Электронный ресурс]. URL: <http://acikerisim.gelisim.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/11363/1251/528290.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Дата обращения: 03.07.2022).
8. *Erkan Ertosun*. Turgut Özal'ın Ekonomi Odaklı Dış Politikası: Yunanistan'a Yönelik «Zeytin Dalı» Diplomasisi Örneği Bilge Strateji Cilt 8. Sayı 15. Güz, 2016. // [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.biz.tr/46970878-Erkan-ertosun-anahtar-kelimeler-ozal-ekonomik-karsilikli-bagimlilik-dis-politika-turkiye-abstract.html> (Дата обращения: 4.07.2022).
9. *Dündar L.* Özal Dönemi Dış Politikasında Özal'ın Kişisel Özelliklerinin Rolü. Ankara Üniversitesi, Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü, Türk Yolu Dergisi, Bahar 2016 // [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.biz.tr/34319640-Ozal-donemi-turk-dis-politikasinda-turgut-ozal-in-kisisel-ozelliklerinin-rolu.html> (Дата обращения: 4.07.2022).
10. *Пронина В.В.* Социально-экономические реформы правительства Тургута Озала в Турции: 1983-1989 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Казань, 2010.
11. *Утургаури С. Н., Ульченко Н. Ю.* Тургут Озал – премьер и президент Турции. // Восток: исторические портреты. - М.: ИВ РАН, 2009. - 128 с.
12. *Hikmet Özdemir*. Turgut Özal. Doğan Egmont Yayıncılık. - İstanbul, 2014. - 311 с.
13. *Oran Baskın*. Türk Dış Politikası. C. II, İletişim Yayınları. - İstanbul, 2002.
14. *Zeki M. Duman*, Turgut Özal'ın politikalarında ekonomik rasyonalizm// Sosyoloji dergisi. - 2011. - Sayı. vol. 23-24. - pp.105-123.
15. *Ataman M.* Leadership Change: Özal Leadership And Restructuring in Turkish Foreign Policy, Alternatives // Turkish Journal of International Relations. - 2002. - Vol.1. - No. 1.
16. *Tayyar Arı*. Uluslararası İlişkiler Teorileri. Alfa Yayınları, 2. Baskı. - İstanbul, 2002.
17. *Barlas Mehmet*. Turgut Özal'ın Anıları Sabah Kitapları. - İstanbul, 1994.
18. *Özlem Eştürk*. Türkiye'de liberalizm: 1983-1989 Turgut Özal dönemi örneği. // Mustafa Kemal Üniversitesi, Sosyal bilimler enstitüsü, yüksek lisans tezi, Hatay, 2006. [Электронный ресурс] URL: <https://docplayer.biz.tr/13755725-Turkiye-de-liberalizm-1983-1989-turgut-ozal-donemi-ornegi-ozlem-esturk-mustafa-kemal-universitesi-sosyal-bilimler-enstitusu.html> (Дата обращения: 5.07.2022).
19. *Laçiner Sedat*. Özalizm (Neo-Ottomanism): An Alternative in Turkish Foreign Policy. // Journal of Administrative Science, Vol.1, No.1-2, 2003.
20. *Erik-Jan Zürcher*. Modernleşen Türkiye'nin Tarihi 2000. // [Электронный ресурс] URL: <https://archive.org/details/Modernlesen-Turkiyenin-Tarihi/page/n11/mode/2up>. (Дата обращения: 02.07.2022)
21. *Erkan Ertosun*. Turgut Özal'ın Ekonomi Odaklı Dış Politikası: Yunanistan'a Yönelik «Zeytin Dalı» Diplomasisi Örneği Bilge Strateji Cilt 8. Sayı 15. Güz, 2016. // [Электронный ресурс] URL: <https://docplayer.biz.tr/46970878-Erkan-ertosun-anahtar-kelimeler-ozal-ekonomik-karsilikli-bagimlilik-dis-politika-turkiye-abstract.html> (дата обращения: 4.07.2022).
22. *Вдовиченко Д.И.* Тургут Озал // Вопросы истории. - 1994. - № 4. - С. 47-62.
23. *Cihan Daban*. Turgut Özal dönemi türkiye dış politikası // Sosyal Ekonomik Araştırmalar Dergisi. 2017. Cilt: 17. Sayı: 33.
24. *Рыжков В.А.* «Кипрский синдром» Тодора Живкова и «Процесс Возрождения». 26.11.2020 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/177406-kiprskij-sindrom-todora-zhivkova-i-process-vozhrozhdenija.html> (Дата обращения: 06.07.2022).
25. *Vahap Uluç*. Liberal - Muhafazakar Siyaset ve Turgut Özal'ın Siyasi Düşüncesi, Yönetim Bilimleri Dergisi. 2014. Cilt: 12. P. 107-140.
26. *Уразова Е.* Проблемы российско-турецких отношений в Центральной Азии // Российско-турецкие отношения: 2002-2012 гг. Материалы круглого стола. Москва, 4 апреля 2013 г. / Под ред. В. Аваткова, С. Дружиловского, А. Федорченко. - М.: Изд-во МГИМО, 2013. - С. 137-142.

References and Sources

1. Teorii razvitiya: kejnianskie modeli stanovleniya rynochnoj ekonomiki // [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://4study.kz/ekonomi-cheskaya-pohtika/144-teorii-razvitiya-keynsianskie-modeh-stanovleniya-gynoch-noy-ekonomiki> (Data obrashcheniya 09.07.2022).
2. Piyasheva L.I., Pinsker B.S. Ekonomicheskij neokonservativizm: teoriya i mezhdunarodnaya kritika. - M., 1988. - 256 s.
3. Novejshaya istoriya stran Azii i Afriki: XX vek. 1945-2000. V 3 ch. CH. 3. / Pod red. A.M. Rodrigesa. - M.: VLADOS, 2001. - 272 s.
4. Didem Karaca. 12 Eylül 1980 Darbe Dönemi Türkiye'nin Dış Politikası Üzerine Bir İnceleme Sosyal bilimler enstitüsü, Uluslararası ilişkiler anabilim dalı, Yüksek lisans tezi. Trakya, 2000 // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://archive.org/details/Modernlesen-Turkiyenin-Tarihi/page/n11/mode/2up>. (Data obrashcheniya: 02.07.2022).
5. Ivanova I.I. Evolyuciya blizhnevostochnoj politiki Tureckoj Respubliki (1923–2016). - M.: Izd-vo «Aspekt Press», 2017. - 424 s.

6. Glavnye momenty «Deklaracii Mekki» o sozdanii palestinskogo pravitel'stva nacional'nogo edinstva // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://maof.rjews.net/aspect/4-enemies/14237-e-q--> (Data obrashcheniya: 03.06.2022).
7. Zaittin Diri. Turgut Özal (1983-1993). Dönemi Türk Dış Politikası. Siyaset bilimi ve uluslararası ilişkiler anabilim dalı, yüksek lisans tezi, İstanbul, 2018 // [Elektronnyj resurs]. URL: <http://acikerisim.gelisim.edu.tr/xmlui/bitstream/handle/11363/1251/528290.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (Data obrashcheniya: 03.07.2022).
8. Erkan Ertosun. Turgut Özal'ın Ekonomi Odaklı Dış Politikası: Yunanistan'a Yönelik «Zeytin Dalı» Diplomasisi Örneği Bilge Strateji Cilt 8. Sayı 15. Güz, 2016. // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docplayer.biz.tr/46970878-Erkan-ertosun-anahtar-kelimeler-ozal-ekonomik-karsilikli-bagimlilik-dis-politika-turkiye-abstract.html> (Data obrashcheniya: 4.07.2022).
9. Dündar L. Özal Dönemi Dış Politikasında Özal'ın Kişisel Özelliklerinin Rolü. Ankara Üniversitesi, Türk İnkılap Tarihi Enstitüsü, Türk Yolu Dergisi, Bahar 2016 // [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docplayer.biz.tr/34319640-Ozal-donemi-turk-dis-politikasinda-turgut-ozal-in-kisisel-ozelliklerinin-rolu.html> (Data obrashcheniya: 4.07.2022).
10. Pronina V.V. Social'no-ekonomicheskie reformy pravitel'stva Turguta Ozala v Turcii: 1983-1989 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. - Kazan', 2010.
11. Uturgauri S. N., Ul'chenko N. Yu. Turgut Ozal – prem'er i prezident Turcii. // Vostok: istoricheskie portrety. - M.: IV RAN, 2009. - 128 s.
12. Hikmet Özdemir. Turgut Özal. Doğan Egmont Yayıncılık. - İstanbul, 2014. - 311 s.
13. Oran Baskın. Türk Dış Politikası. C. II, İletişim Yayınları. - İstanbul, 2002.
14. Zeki M. Duman. Turgut Özal'ın politikalarında ekonomik rasyonalizm. // Sosyoloji dergisi. - 2011. - Sayı. vol. 23-24. - Pp. 105-123.
15. Ataman M. Leadership Change: Özal Leadership And Restructuring in Turkish Foreign Policy, Alternatives // Turkish Journal of International Relations. - 2002. - Vol.1. - No. 1.
16. Tayyar Arı. Uluslararası İlişkiler Teorileri. Alfa Yayınları, 2. Baskı. - İstanbul, 2002.
17. Barlas Mehmet. Turgut Özal'ın Anıları Sabah Kitapları. - İstanbul, 1994.
18. Özlem Eştürk. Türkiye'de liberalizm: 1983-1989 Turgut Özal dönemi örneği. // Mustafa Kemal Üniversitesi, Sosyal bilimler enstitüsü, yüksek lisans tezi, Hatay, 2006. [Elektronnyj resurs] URL: <https://docplayer.biz.tr/13755725-Turkiye-de-liberalizm-1983-1989-turgut-ozal-donemi-ornegi-ozlem-esturk-mustafa-kemal-universitesi-sosyal-bilimler-enstitusu.html> (Data obrashcheniya: 5.07.2022).
19. Laçiner Sedat. Özalizm (Neo-Ottomanism): An Alternative in Turkish Foreign Policy. // Journal of Administrative Science, Vol.1, No.1-2, 2003.
20. Erik-Jan Zürcher. Modernleşen Türkiye'nin Tarihi 2000. // [Elektronnyj resurs] URL: <https://archive.org/details/Modernlesen-Turkiyenin-Tarihi/page/n111/mode/2up>. (Data obrashcheniya: 02.07.2022)
21. Erkan Ertosun. Turgut Özal'ın Ekonomi Odaklı Dış Politikası: Yunanistan'a Yönelik «Zeytin Dalı» Diplomasisi Örneği Bilge Strateji Cilt 8. Sayı 15. Güz, 2016. // [Elektronnyj resurs] URL: <https://docplayer.biz.tr/46970878-Erkan-ertosun-anahtar-kelimeler-ozal-ekonomik-karsilikli-bagimlilik-dis-politika-turkiye-abstract.html> (Data obrashcheniya: 4.07.2022).
22. Vdovichenko D.I. Turgut Ozal // Voprosy istorii. - 1994. - № 4. - S. 47-62.
23. Cihan Daban. Turgut Özal dönemi türkiye dış politikası // Sosyal Ekonomik Araştırmalar Dergisi. 2017. Cilt: 17. Sayı: 33.
24. Ryzhkov V.A. «Kıprskij sindrom» Todora Zhivkova i «Process Vozrozhdeniya». 26.11.2020 // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://topwar.ru/177406-kiprskij-sindrom-todora-zhivkova-i-process-vozhrozhdeniya.html> (Data obrashcheniya: 06.07.2022).
25. Vahap Uluç. Liberal - Muhafazakar Siyaset ve Turgut Özal'ın Siyasi Düşüncesi, Yönetim Bilimleri Dergisi. 2014. Cilt: 12. P. 107-140.
26. Urazova E. Problemy rossijsko-tureckih otnoshenij v Central'noj Azii // Rossijsko-tureckie otnosheniya: 2002-2012 gg. Materialy kruglogo stola. Moskva, 4 aprelya 2013 g. / Pod red. V. Avatkova, S. Druzhilovskogo, A. Fedorchenko. - M.: Izd-vo MGIMO, 2013. - S. 137-142.

МУСАЕВА САЛИХАТ ИБРАГИМОВНА - доктор исторических наук, профессор, факультет востоковедения Дагестанского государственного университета (sirs888@mail.ru).

АЗИЗОВА АЗИЗА НАХИДОВНА - магистрант факультета востоковедения, Дагестанский государственный университет.

MUSAYEVA, SALIHAT I. - Doctor of History, Professor, Faculty of Oriental Studies, Dagestan State University.

AZIZOVA, AZIZA N. - Master of the Faculty of Oriental Studies, Dagestan State University (sirs888@mail.ru).

УДК 94(470).199:327

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-232-240

ТУРЛЫБАЕВА Д.Т.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ключевые слова: история международных отношений, СНГ, ОДКБ, Вооруженные Силы, этнополитические и этнотерриториальные конфликты, охрана границ, Договор СНВ-1.

В статье определяются и исследуются исторические предпосылки, заложившие основы для заключения Договора коллективной безопасности 1992 г. и его эволюции в ОДКБ. Автор рассмотрен широкий комплекс предпосылок, берущих свое начало еще в советский период – создание и территориальное оформление советских республик, экономические связи между ними, роль союзного центра. Проанализированы предпосылки реформирования отношений, триггером которых послужил распад СССР – попытка сохранения единых Вооруженных Сил, охрана внешних границ, этнополитические и этнотерриториальные конфликты, роль России в военно-политическом строительстве ОДКБ и т.д. Обоснован вывод о том, что ОДКБ, несмотря на ряд внутренних противоречий, является состоявшейся региональной организацией, которая имеет перспективы дальнейшего развития. В статье были использованы конкретно-исторические, сравнительно-исторический, ретроспективный методы, что позволило рассмотреть исторические предпосылки становления Организации комплексно.

TURLYBAYEVA, D.T.

HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION

Key words: history of international relations, CIS, CSTO, Armed Forces, ethno-political and ethno-territorial conflicts, border protection, START-1 Treaty.

The purpose of the article is to study and determine the historical prerequisites that became the basis for the conclusion of the Collective Security Treaty of 1992 and its evolution in the CSTO. The author considers a wide range of prerequisites originating in the Soviet period – the creation and territorial registration of the Soviet republics, economic ties between them, the role of the union center. The

author analyzes the prerequisites triggered by the collapse of the USSR – an attempt to preserve a unified Armed Forces, the protection of external borders, ethno-political and ethno-territorial conflicts, the role of Russia in the military-political construction of the CSTO, etc. The article concludes that the CSTO, despite a number of internal contradictions, is an established regional organization that has prospects for further development. In the article, specific historical, comparative historical, retrospective methods were used, which allowed us to consider the historical prerequisites for the formation of the Organization in a comprehensive manner.

1. Распад СССР и проблемы безопасности на постсоветском пространстве.

После распада Советского Союза, с 1991 года начала складываться новая геополитическая реальность – постсоветское пространство, большинство стран которого, за исключением прибалтийских, вошли в состав Содружества Независимых Государств (СНГ) и его институционально-правовые структуры. Границы СНГ прошли по бывшей государственной границе СССР, что сразу поставило вопрос о необходимости координации усилий в сфере ее охраны. В новых условиях перед вновь оформившимися государствами встал целый ряд непростых проблем. Прежде всего, приоритетное значение имела важная задача поддержания сложившихся взаимных экономических связей. В условиях плановой советской экономики взаимодействие между союзными республиками строилось через Москву. Теперь же развитие экономик независимых государств определял раздел бывшего советского народно-хозяйственного комплекса и установление новых логистических связей. Отмеченный раздел экономического потенциала СССР проходил в условиях неполной урегулированности внутренних границ новых государств, т.е. границ между бывшими советскими республиками. К сожалению, внутреннее административно-территориальное деление советских республик не везде было достаточно четким, особенно в горных местностях. В результате, независимым государствам достался разный по количеству и качеству кусок советского «пирога». В более выгодном положении оказались Россия, Украина и Белоруссия, на территории которых была сосредоточена внушительная часть ресурсной, энергетической, промышленной и демографической базы советской экономики и основной массив научно-технического потенциала. Азербайджану и Туркмении повезло несколько меньше, но на их территории имелись крупные запасы углеводородов.

Несмотря на начавшиеся процессы формирования национальных экономик, постсоветские республики связывали наработанные экономические и технологические связи. Появление валютных и таможенных ограничений все же существенно не повлияло на исторически сложившееся экономическое взаимодействие между ними.

Еще одной важной проблемой постсоветских государств стало формирование государственности и укрепление суверенитета независимых стран. Как известно, у новых государств был крайне малый или фактически отсутствовал опыт государственного строительства. В рамках СССР это были скорее квазигосударства – союзные республики, права и обязанности которых определял союзный центр. При этом в рамках Советского Союза было сформировано единое культурное, образовательное, научное пространства. Была создана единая система здравоохранения и социального обеспечения, единая системы обороны, охраны внешних границ и Вооруженные Силы [1, с. 19-21]. В частности, после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. стала формироваться государственность Грузии, Азербайджана, Армении, Белоруссии и Украины, а также прибалтийских государств в составе де-юре федеративного, а де-факто унитарного Советского Союза [2, с. 19-21].

Распад СССР стал триггером этнополитических и этнотерриториальных конфликтов на постсоветском пространстве – молдово-приднестровского, армяно-азербайджанского, грузино-абхазского, грузино-осетинского и пр. Эти конфликты, безусловно, имели исторические корни. В частности, при их рассмотрении необходимо учитывать особенности национально-государственной политики СССР в 1920-1930-е гг. Так, например, Абхазия некогда имела статус советской республики, но по решению тогдашних советских властей вошла как автономия в состав Грузии. Молдавия вошла в состав СССР на основе реализации пакта Рибентропа-Молотова, а до этого долгое время – как Валахия – была в составе Османской империи, затем как Бессарабия – в составе Румынии. Между Арменией и Азербайджаном шел давний исторический спор, представители какого этноса – те или эти – первыми заселили территорию Нагорного Карабаха [1, с. 19-21].

Таким образом, национально-государственное строительство постсоветского пространства, с одной стороны, происходило в рамках бывших внешних границ СССР, при сохранении ряда

экономических и военно-политических связей. С другой стороны, распад СССР всколыхнул давние этнотерриториальные и этнополитические противоречия, которые также лежали в основе «исторической памяти» этносов [3, с.111-114] некогда единого советского народа, что требовало создания системы коллективной безопасности. В новых государствах процесс нациестроительства складывался под воздействием ряда, в том числе, исторических факторов, таких, например, как массовое переселение народов за попытку сотрудничества с врагом в годы Великой Отечественной войны или определение союзным центром границ советских республик без учета проживания народностей и т.д. [2, с.19-21].

Выше указанные факторы во многом создали предпосылки конфликтов на постсоветском пространстве, необходимость урегулирования которых стала одной из основ налаживания системы поддержания безопасности в постсоветском ареале.

2. Попытка формирования единых Вооруженных Сил на постсоветском пространстве.

После распада Советского Союза в наследство СНГ досталась некогда единая Советская Армия. Как известно, воинские части дислоцировались на территории всех бывших советских республиках. Однако ряд новообразованных государств потребовал вывода бывших советских военнослужащих, ставших российскими. Осуществлялись и иные действия в данной сфере. К примеру, в Латвия была уничтожена РЛС раннего предупреждения о ракетном нападении «Дарьял-УМ», причем власти прибалтийского государства даже не попытались договориться с официальной Москвой по этому вопросу. В основном удалось договориться с теми правительствами, которые были настроены на активное взаимодействие с Россией – Казахстаном, Беларуссией, Таджикистаном. Причем если с Беларуссией удалось договориться о бесплатном размещении военной инфраструктуры, то Казахстан сумел получить финансовые преференции по линии российского Минобороны [4].

После распада Советского Союза в 1992-1993 гг. была осуществлена попытка сохранить Объединенные Вооруженные силы с единым командованием [5]. Части Советской Армии, дислоцированные на территории России, по Указу Президента России № 466 от 7 мая 1992 года были преобразованы в российские Вооруженные силы и вошли в состав ОВС СНГ. По сути, российская армия и стала основой для формирования в дальнейшем воинских формирований в рамках ОДКБ. Причем уже на начальном этапе российские военнослужащие приняли активное участие в урегулировании межтаджикского, молдово-приднестровского, грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов.

На первых порах существования СНГ особо сложная ситуация сложилась в Таджикистане. В связи с этим 201-я мотострелковая дивизия была оставлена здесь в условиях разгоравшегося межкланового конфликта 1992–1996 гг. В 1992 г. в ходе осетино-ингушского конфликта на Северный Кавказ были введены дополнительные контингенты российских войск. Как известно, российская армия была активно задействована и в ходе двух «чеченских войн» 1994-1996 и 1999 гг. Также из-за нападения на российских миротворцев в Цхинвале российская армия приняла участие в грузино-осетинской августовской войне 2008 года.

27 февраля 2014 года Вооруженные силы России, дислоцировавшиеся в Автономной республике Крым (Украина), главным образом силы Черноморского флота, а также части, введенные с российской территории, начали военную операцию по воссоединению Крыма с Россией.

В целом, в ходе становления СНГ российская армия подверглась различным трансформациям, связанным с формированием собственно российских вооруженных сил при набирающих силу процессах формирования национальных армий постсоветских стран. Эти глубокие изменения были дополнены выводом частей Советской Армии из стран Восточной Европы [6]. Все постсоветские страны пошли по пути создания своих собственных национальных вооруженных формирований – по существу, на основе национализации вооруженных сил бывшего СССР.

3. Проблема охраны внешних границ СНГ.

Проблема охраны внешних границ была наиболее серьезной, из числа стоявших перед новыми независимыми странами. Тем более, что бывшие советские пограничные войска сохраняли достаточно высокую степень интегрированности. Надо отдать должное, что именно этой задаче странами СНГ было уделено достаточное внимание. Уже в первых нормативных

документах постсоветской эпохи пограничному сотрудничеству было уделено немало внимания. Тем более, что вновь образованные государства были пока не в состоянии сами охранять внешние рубежи. Поэтому эта задача первоначально была возложена на российских пограничников. Особенно сложная ситуация складывалась изначально в Центральной Азии, прежде всего, на таджикско-афганской границе. Необходимо сразу отметить ключевую роль России в данной сфере. Россия взяла на вооружение «стратегию двух рубежей»: «Суть ее сводилась к тому, что раз нет возможности оборудовать собственную границу, то обеспечить безопасность страны следует на внешних рубежах СНГ, охраняя оборудованную границу, оставшуюся со времен СССР» [7, с. 222].

30 декабря 1991 г. было подписано Соглашение СГГ СНГ о Вооруженных силах и Пограничных войсках. Оно предусматривало «создание общих пограничных сил и назначало командующего, который должен был выработать механизм деятельности Пограничных войск» [8].

В связи с набирающим силы процессом создания собственных вооруженных сил в постсоветских странах, 6 июля 1992 г. объединенное командование было ликвидировано, а вместо него 9 октября 1992 г. учредили Совет командующих Погранвойсками – постоянно действующий орган. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества по обеспечению стабильного положения на их внешних границах, под которыми понимались границы бывшего СССР, подписали Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

Доказательством важности взаимодействия в сфере охраны границ стало то, что упоминание об этом содержится непосредственно в Уставе СНГ – в статьях 4 и 13.

В декабре 1993 г. в развитие Договора о коллективной безопасности был подписан Меморандум о сотрудничестве по охране внешних границ. В Меморандуме выражалась «озабоченность тревожной обстановкой, создавшейся на некоторых участках внешних границ стран Содружества», и отмечалось, что «охрана внешних границ является их общим делом и должна осуществляться согласованными совместными действиями» [9, с. 32-33].

Основополагающим документом, направленным на стабильность границ СНГ, является Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 апреля 1994 г. Пункт 5 Декларации определяет, что государства-участники СНГ «будут пресекать в соответствии со своим национальным законодательством создание и деятельность на своих территориях организаций и групп, а также действия отдельных лиц, направленные против независимости, территориальной целостности государств-участников Содружества либо на обострение межнациональных отношений» [10]. Примечателен тот факт, что данный документ, наряду с Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Молдовой, Россией, Таджикистаном, Туркменистаном, Узбекистаном и Украиной, подписала Грузия.

Одно из главных мест среди основных документов в пограничной сфере в многостороннем формате заняли Концепция и Договор о сотрудничестве в охране границ от 26 мая 1995 г., подписанный Арменией, Белоруссией, Грузией, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном. Особое внимание в этих документах уделялось «формированию основ единой системы информационного обеспечения охраны границ» [11].

26 августа 2005 г. была утверждена Концепция согласованной пограничной политики государств-участников СНГ, которая продлевается каждые пять лет. Ее подписали семь государств – Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Примечательно, что подписавшие страны являются участниками ОДКБ, хотя Концепция подписана не в рамках ОДКБ, а на СГГ СНГ [12].

В настоящее время Россия развивает двустороннее взаимодействие в пограничной сфере в основном в формате присутствия на территории стран-участниц ОДКБ советников Пограничных Сил ФСБ России.

4. Охрана таджикско-афганской границы.

Особенно тревожная ситуация складывалась с охраной внешних границ Таджикистана, граничащего с Афганистаном, Китаем, Узбекистаном и Кыргызстаном. 24 декабря 1993 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве по охране внешних границ. Документ подписали все центрально-азиатские государства и Россия. В нем говорится о том, что «государства, подписавшие этот Меморандум, будут совместными усилиями осуществлять охрану внешних

границ и до конца г. укомплектуют необходимые силы» [13]. Таким образом, российские пограничники получали официальный статус в Таджикистане. Еще ранее - 25 мая 1993 г. было заключено Соглашение между Россией и Таджикистаном о правовом статусе пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан. Согласно этому документу: «Таджикистан передавал России право охранять границу с Афганистаном и Китаем до момента создания национальной пограничной службы» [14].

Как известно, таджикско-афганская граница является проблемным звеном в пограничной охране. Через этот рубеж осуществляются попытки переброски наркотиков, оружия, террористов и незаконных мигрантов. Только с 1993 по 1998 гг. российские пограничники изъяли 6,5 тыс. тонн наркотиков [9, с. 37]. Влияние на обстановку на границе Таджикистана с Афганистаном оказывает и ситуация в самом Афганистане. Военная операция США и их союзников, начавшаяся с 2001 г., привела к тому, что производство наркотиков в Афганистане несколько раз превышало исторический максимум. Вывод американских войск и второй приход к власти талибов в 2022 г. также не придает стабильности Афганистану.

В военно-политических кругах России и Таджикистана разворачивались дискуссии относительно обоснованности пребывания российских пограничников в Таджикистане. Многие выступали против обременительных для России обязательств, однако необходимо отметить, что «российские погранвойска в Таджикистане на 95% были укомплектованы контрактниками – гражданами этой республики. Россия оплачивала половину средств, которые шли на содержание здесь группировки войск. Это, конечно, было обременительно для российского бюджета. Но Россия будет вынуждена заплатить неизмеримо большую цену в случае обострения ситуации в Таджикистане и всем Центрально-Азиатском регионе...» [7, с. 227].

16 апреля 1999 г. был подписан Договор о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Таджикистана [15], в 2013 г. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан [16]. Она создавалась на основе частей и подразделений российской 201-й мотострелковой дивизии, которая на тот момент находилась на территории республики. Она также частично была задействована в охране границы.

17 октября 2002 г. было подписано Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о порядке передачи Республике Таджикистан участка государственной границы Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой [17], охраняемого Пограничной службой Российской Федерации, и имущества, используемого Пограничной службой Российской Федерации. С этого момента начался процесс передачи функции охраны границы Таджикистана с Афганистаном и Китаем таджикским пограничникам.

В целом, к настоящему времени многостороннее сотрудничество в пограничной сфере в основном выстраивается между государствами-членами ОДКБ. Доказательством тому является подписание Концепции согласованной пограничной политики государств-участников СНГ только государствами-участниками ОДКБ. Остальные страны постсоветского пространства стараются дистанцироваться от этого процесса.

Необходимо подчеркнуть важную роль России в данном взаимодействии. Везде, где бы ни имело место такого рода сотрудничество, второй стороной выступает ПС ФСБ РФ. Россия активно помогала желающим странам строить собственные пограничные силы.

5. Проблема реализации советско-американского Договора СНВ-1.

Еще одной важной проблемой на постсоветском пространстве стало поддержание режима ядерного нераспространения. Как известно, в 1991 году был подписан советско-американский Договор СНВ-1, который вступил в силу через три с половиной года после его подписания, 5 декабря 1994 г. Для столь длительной задержки были причины. Процессы ратификации и перехода к реализации Договора совпали по времени с распадом СССР. Как известно, ядерное оружие на советской территории размещалось, помимо собственно российской территории, на Украине, в Казахстане и Белоруссии. В связи с этим в мае 1992 года был подписан Лиссабонский протокол к Договору СНВ-1, устанавливавший многосторонний характер Договора. Страны, подписавшие его, были обязаны вывезти со своей территории ядерное оружие и присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г. в качестве неядерных государств. Ядерное оружие, согласно подписанным документам, должно было вывозиться и складироваться на территории

ИСТОРИЯ

России. Надо отметить, что Белоруссия и Казахстан выполнили свои обязательства, и к 1994 г. все ядерное оружие с их территорий было вывезено по месту назначения.

Проблемы обнаружились лишь с позицией Украины [18, с. 162; 19, с.27-28, 418-421]. Украина, обладавшая к этому периоду ядерным арсеналом, превышавшим арсеналы Великобритании, Франции и Китая, вместе взятые, решила поторговаться и с Россией, и с США вплоть до того, что вообще присвоить все ядерные боеголовки и пусковые установки себе, объявив их украинскими ядерными силами. Лишь 3 сентября 1993 г. в Массандре (Крым) премьер-министры России В.С. Черномырдин и Украины Л.Д. Кучма пошли на подписание трех протоколов: о гарантиях надзора за ракетными установками, об утилизации ядерных зарядов и об основных принципах утилизации ядерных боеголовок. В соответствии с этими договоренностями весь ядерный арсенал, размещенный на Украине, должен был быть вывезен в Россию и демонтирован на заводах-изготовителях. Согласно подписанным в Массандре протоколам, высокообогащенный уран (ВОУ) с боеголовок должен был на российских заводах доводиться до низкой стадии обогащения и возвращаться Украине для использования на ее АЭС. Но украинская сторона от руки внесла поправки, которые радикально изменили весь смысл договоренности: Украина соглашалась демонтировать и вывезти в Россию лишь боеголовки с ракет СС-19. Согласно рукописной поправке, ракеты СС-24 могли и дальше оставаться на территории Украины. Член делегации России на переговорах с Украиной расценил подобный демарш как «случай, беспрецедентный в дипломатической практике», и соглашение было денонсировано Россией [18, с. 29].

Настоящей целью ядерного блефа Украины было, во-первых, закрепить свои позиции как суверенного государства, занимавшего твердую позицию, в том числе, и в таком важном вопросе, как обладание ядерным оружием; во-вторых, получить финансовые преференции и лучше с Соединенных Штатов в обмен на отказ от ядерного оружия [18, с. 30-31].

Надо особо охарактеризовать позицию Вашингтона по этому вопросу. Соединенные Штаты приняли самое активное участие в сохранении режима нераспространения ядерного оружия на постсоветском пространстве. Россия долгое время надеялась решить эту проблему «по-братски» с украинской стороной, но тщетно. Поэтому можно утверждать, что Вашингтон сыграл в этом случае существенную, точнее ведущую роль [18, с. 31].

14 января 1994 г. в Москве было подписано Трехстороннее заявление Президентов России, Украины и США, согласно которому Украина «обязалась вывезти все ядерные боеголовки со своей территории в течение семи лет с момента вступления в силу Договора СНВ-1 и получала статус НЯОГ». Надо признать, украинская политика достигла своей цели. Трехстороннее заявление было напрямую увязано с предоставлением Киеву 125 млн. долл. помощи со стороны США, а также компенсацией низкообогащенным ураном (НОУ); в дальнейшем помощь была увеличена. Причем и в этом случае Украина не очень спешила выполнять условия Трехстороннего заявления. При этом давление США на Украину претерпевало трансформацию – от «кнута» в 1992 г. до многочисленных «пряников» в конце 1993 и в 1994 гг. Давление США на Украину в вопросах ядерных вооружений резко контрастировало с позицией России того же периода, которая проводила изнурительные переговоры с украинскими делегациями. Причем вела себя Россия на этих переговорах вяло, неизобретательно, не добиваясь выполнения достигнутых соглашений.

Когда возможности ядерного блефа, грозившего Украине международной изоляцией, были исчерпаны, 16 ноября 1994 г. Верховная Рада ратифицировала ДНЯО и стала строго выполнять свои обязательства и по Трехстороннему заявлению, и по Договору СНВ-1, с учетом Лиссабонского протокола. В июне 1996 г. последний ядерный боеприпас покинул ее территорию в направлении России.

Таким образом, выполнение Россией Договора СНВ-1 было сопряжено, ввиду распада СССР, с риском нарушения режима нераспространения ядерного оружия и возможного вывоза его за рубеж. Но этого не произошло. Несмотря на низкое финансирование российской армии в то время и Стратегических ядерных сил, в частности, проблемы вывоза, транспортировки, хранения и охраны российская сторона решила с честью, не допустив распространения ядерного оружия на территории бывшего советского государства, а также вывоза его за рубеж [19, с. 419-421].

6. Рост террористической угрозы в Центральной Азии.

В конце 1990-х годов в международных отношениях на постсоветском пространстве проявилась серьезная угроза безопасности – рост террористической опасности, особенно исламистского толка. Рост террористической угрозы происходил в условиях сохранявшейся нестабильности в Афганистане, уничтожения Демократической Республики Афганистан и прихода к власти в стране Талибана в 1996-2001 гг. Талибы, по сути, вплотную приблизились к границам стран СНГ и усилили поддержку исламистов и экстремистов в Центральной Азии. Особо острыми моментами стали вторжение вооруженных бандформирований в Киргизию в 1999-2000 гг., а также столкновения в одной из областей Узбекистана (2000 г.). Это доказывало, что данная угроза шла в русле практической реализации исламистами плана распространения своего влияния с афганской территории на север, на территорию Узбекистана.

В тот период в результате оперативно осуществленных мер государствами – участниками Договора о коллективной безопасности 1992 г. была нейтрализована серьезная угроза их безопасности. В 1996 г. был урегулирован межтаджикский конфликт. Но нестабильность сохранялась на территории Чечни и Дагестана, где банды наемников во главе с Басаевым и Хатабом в 1999 г. осуществили вторжение в соседний Дагестан. Москву сотрясли несколько террористических актов против мирного населения, сопровождавшиеся гибелью людей. Произошло значительное увеличение террористических атак по всему миру [20, с. 24-27].

7. Формирование национальных подходов стран СНГ к обеспечению безопасности и взаимодействию с Россией в этой сфере.

В ходе становления военно-политического сотрудничества постсоветских стран определились три группы стран, которые в зависимости от сформировавшихся национальных подходов к национальной и коллективной безопасности стремились либо не стремились сотрудничать с Россией. Первая группа стран (Киргизия, Таджикистан, Белоруссия, Армения, Казахстан, Россия) была настроена на военно-стратегическое взаимодействие между собой и с Россией. Вторая группа стран (Украина, Азербайджан, Грузия – до выхода из СНГ, Молдова) изначально не пытались выстраивать подобные связи. Третья группа (Туркменистан, Узбекистан) заняли особое положение. Туркменистан стоял на позициях «вечного нейтралитета», при этом участвуя в институциональных структурах СНГ и одновременно один из немногих признал Талибан в период его первого прихода к власти. А у Узбекистана стала проявляться так называемое «маятниковое» поведение, которое менялось в зависимости от внешних условий, в частности, от усиления террористической угрозы. Поэтому официальный Ташкент дважды выходил из ДКБ в 1999 г., в 2012 г. и единожды в 2004 г. – возвращался [9, с. 6].

Первые нормативно-правовые акты в области военно-политического сотрудничества носили несколько размытый и неопределенный характер. Это объяснялось процессами выработки национальных подходов к вопросам безопасности в самих постсоветских странах и определением Россией своей роли в военно-политической сфере на пространстве СНГ. Поэтому на первых порах, до сер. 1990-х гг. страны следовали общим схемам взаимного сотрудничества и опирались на российскую помощь. Принципиальная позиция независимых государств в основном определялась в особо чувствительных для безопасности вопросах – этно-конфессиональных и этнополитических конфликтах, развернувшихся на их территориях. Но уже в начале становления СНГ и военно-политического сотрудничества три государства – Молдова, Туркменистан, Украина – в силу своего геополитического положения, собственного позиционирования в новых международных условиях и собственной военно-политической самостоятельности и самодостаточности, стали стремиться к дистанцированию от взаимодействия с Россией.

Постепенно – во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. – происходит отказ от излишних ненужных схем многостороннего взаимодействия в военной сфере, укрепляется нормативная база военно-политического взаимодействия, сужается круг участников, настроенных на подобные взаимосвязи, в том числе, в области приграничного сотрудничества. Рабочие механизмы Совета министров обороны, Совета командующих пограничными войсками переходят в режим функционирования в неполном формате участников.

Выход в 1999 г. из Договора о коллективной безопасности Узбекистана, Азербайджана и Грузии, с одной стороны, положил конец стремлению и попыткам создать жесткую схему коллективной безопасности и обороны, а с другой – выкристаллизовал ядро тесного военно-политического союза с активным участием России. В 2000-е гг. сотрудничество между странами

ОДКБ выстраивалось уже не на волне противодействия военным угрозам, а в основном в русле противостояния новым невоенным угрозам безопасности, а именно – угрозе международного терроризма.

Преобразование ДКБ в Организацию и приобретение ею статуса международной региональной организации в соответствии с Главой VIII Устава ООН дало ей возможность сохранить доминирующие позиции на постсоветском пространстве и решать вопросы безопасности в смежных регионах Евразии.

На данный момент, в целом, завершился этап выработки национальных подходов постсоветских стран к военно-политической сфере, которые сложились в систему взглядов и механизмов осуществления. Понятно, что единых подходов к этим вопросам не сложилось, причем даже у участников ОДКБ. Сегодня существует мало объединяющих скреп для складывания единых основ внешнеполитических и военно-политических подходов постсоветских стран. В основном это характерно для области противодействия общим вызовам и угрозам безопасности на постсоветском пространстве, в первую очередь, в зоне ответственности стран ОДКБ. Основным центром поддержания стабильности функционирования ОДКБ остается Россия. Понятна ее заинтересованность в сохранении и развитии многосторонних реально действующих механизмов противодействия общим вызовам и угрозам безопасности, как государства, стоявшего у основ их формирования и поддержания. Позиции и роль России во многом определяются контекстом усиливающегося противостояния с коллективным Западом [9, с. 7-9, 12-13].

В заключение необходимо определить исторические предпосылки формирования военно-политического сотрудничества в рамках ОДКБ: 1. нахождение постсоветских стран в составе СССР, характеризовавшегося общими социально-экономическими, культурными, военно-политическими основами; 2. размещение на территории СССР/РФ частей советской/российской армии, что в значительной степени способствовало сохранению военного сотрудничества постсоветских стран; 3. наличие геополитической границы СНГ, проходящей по бывшей советской границе и необходимости пограничной охраны; 4. актуальность проблемы ядерного нераспространения, выполнения Россией, как правопреемницей СССР, Договора СНВ-1 и Лиссабонского протокола; 5. общая внешняя политика и военная стратегия в недавнем прошлом; 6. распад СССР и всех системообразующих структур; 7. попытка мирного «развода» и предотвращения/урегулирования межнациональных и этнотерриториальных конфликтов на постсоветской территории; 8. военно-политическая ситуация в Афганистане, связанная с распадом государственных структур ДРА, приходом к власти талибов в 1996-2001 гг. и, особенно, начавшейся в 2001 г. военной операцией США и их союзников.

Литература и источники

1. *Каширина Т.В.* Проблема границ на постсоветском пространстве в контексте исторической памяти // Феномен границ в истории и исторической памяти: материалы Международной научной конференции (Ставрополь, 14-17 октября 2021 г.) - Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2021. - С.19-21.
2. *Блищенко В.И., Солнцева М.М.* Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. - М.: Аспект Пресс, 2014.
3. *Воробьев С.В., Каширина Т.В.* Историческая память как фактор «мягкой силы» // Вопросы истории. - 2018. - №1. - С.111-114.
4. Все Российские базы // Коммерсант-Власть. 21.05.2007. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/766827>
5. Соглашение об объединенных вооруженных силах на переходный период/ 20 марта 1992 г. <https://base.garant.ru/1118962/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>
6. *Хамзатов М., Попов И.* Реформирование советских ВС в России: Первый этап реформ (1991-2010 гг.) // URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/40137>; 23 декабря URL: <http://www.milkavkaz.net/2015/12/vooruzhjonnye-sily-rossii.html>
7. *Лысенко Ю.В.* Россия и пограничные проблемы государств Центральной Азии // СНГ. Ежегодник. - М.: Научная книга, 2001.
8. Соглашение СГГ СНГ о Вооруженных силах и Пограничных войсках 1992 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901874>
9. *Бабаджанов А.Я.* Военно-политическое сотрудничество постсоветских государств: проблема сочетаемости национальных подходов. - М.: Аспект Пресс. 2014.
10. Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств-участников Содружества Независимых Государств от 15 апреля 1994 г. <https://docs.cntd.ru/document/1901148>
11. Концепция и Договор о сотрудничестве в охране границ от 26 мая 1995 г. // URL: <https://base.garant.ru/1118919/>
12. Концепция согласованной пограничной политики государств-участников СНГ URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/9026>
13. Меморандум о сотрудничестве по охране внешних границ. 24 декабря 1993 г. // URL: <https://base.garant.ru/1118949/>
14. Соглашение между Россией и Таджикистаном о правовом статусе пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Таджикистан. 25 мая 1993 года. // URL: <https://base.garant.ru/1119516/>
15. Договор о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Таджикистана // URL: <https://base.garant.ru/1155275/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>

16. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902383806>
17. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о порядке передачи Республике Таджикистан участка государственной границы Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой // URL: <https://base.garant.ru/1156146/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>
18. Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях: история, возможности и перспективы дальнейшего взаимодействия. - М.: ПИР-Центр, 2001.
19. Каширина Т.В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американско-советских/российских отношениях в 1969-2010 годах. - Воронеж: ИПЦ «Научная книга, 2013. - 590 с.
20. Бордюжа Н.Н. ОДКБ: от военно-политического союза к многофункциональной организации региональной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. - 2008. - №3. - С.24-27.

References and Sources

1. Kashirina T.V. Problema granic na postsovetskom prostranstve v kontekste istoricheskoy pamyati / Fenomen granic v istorii i istoricheskoy pamyati: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Stavropol', 14-17 oktyabrya 2021 g.) - Stavropol': Izd-vo SKFU, 2021. - S.19-21.
2. Blishchenko V.I., Solnceva M.M. Krizisy i konflikty na postsovetskom prostranstve. - M.: Aspekt Press, 2014.
3. Vorob'yov S.V., Kashirina T.V. Istoricheskaya pamyat' kak faktor «myagkoj sily» // Voprosy istorii. - 2018. - № 1. - S. 111-114.
4. Vse Rossijskie bazy // Kommersant-Vlast'. 21.05.2007. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/766827>
5. Soglashenie ob ob'edinennyh vooruzhennyh silah na perekhodnyj period/ 20 marta 1992 g. <https://base.garant.ru/1118962/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>
6. Hamzatov M., Popov I. Reformirovanie sovetских VS v Rossii: Pervyj etap reform (1991-2010 gg.) // URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/40137;23%20dekabrya> URL: <http://www.milkavkaz.net/2015/12/vooruzhjonnye-sily-rossii.html>
7. Lysenko Yu.V. Rossiya i pogranichnye problemy gosudarstv Central'noj Azii // SNG. Ezhegodnik. - M.: Nauchnaya kniga, 2001.
8. Soglashenie SGG SNG o Vooruzhennyh silah i Pogranichnyh vojskah 1992 g. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901874>
9. Babadzhanov A.Ya. Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo postsovetskih gosudarstv: problema sochetaemosti nacional'nyh podhodov. - M.: Aspekt Press. 2014.
10. Deklaraciya o soblyudenii suvereniteta, territorial'noj celostnosti i neprikosnovennosti granic gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv ot 15 aprelya 1994 g. <https://docs.cntd.ru/document/1901148>
11. Konceptiya i Dogovor o sotrudnichestve v ohrane granic ot 26 maya 1995 g. // URL: <https://base.garant.ru/1118919/>
12. Konceptiya soglasovannoj pogranichnoj politiki gosudarstv-uchastnikov SNG URL: <https://www.cisatc.org/1289/135/152/9026>
13. Memorandum o sotrudnichestve po ohrane vneshnih granic. 24 dekabrya 1993 g. // URL: <https://base.garant.ru/1118949/>
14. Soglashenie mezhdru Rossiej i Tadzhiкиstanom o pravovom statuse pogranichnyh vojsk Rossijskoj Federacii, nahodyashchihysya na territorii Respubliki Tadzhiкиstan. 25 maya 1993 goda. // URL: <https://base.garant.ru/1119516/>
15. Dogovor o statuse i usloviyah prebyvaniya rossijskoj voennoj bazy na territorii Tadzhiкиstana // URL: <https://base.garant.ru/1155275/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>
16. Soglashenie mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Tadzhiкиstan o statuse i usloviyah prebyvaniya rossijskoj voennoj bazy na territorii Respubliki Tadzhiкиstan // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902383806>
17. Soglashenie mezhdru Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Tadzhiкиstan o poryadke peredachi Respublike Tadzhiкиstan uchastka gosudarstvennoj granicy Respubliki Tadzhiкиstan s Kitajskoj Narodnoj Respublikoj // URL: <https://base.garant.ru/1156146/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/>
18. Orlov V.A., Timerbaev R.M., Hlopkov A.V. Problemy yadernogo neraspostraneniya v rossijsko-amerikanskikh otnosheniyah: istoriya, vozmozhnosti i perspektivy dal'nejshego vzaimodejstviya. - M.: PIR-Centr, 2001.
19. Kashirina T.V. Problema ograničeniya i sokrashčeniya strategicheskikh vooruzhenij v amerikano-sovetskih/rossijskikh otnosheniyah v 1969-2010 godah. - Voronezh: IPC «Nauchnaya kniga, 2013. - 590 s.
20. Bordyuzha N.N. ODKB: ot voenno-politicheskogo soyuza k mnogofunkcional'noj organizacii regional'noj bezopasnosti // Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika. - 2008. - №3. - S.24-27.

ТУРЛЫБАЕВА ДАНА ТАЛГАТОВНА – аспирант, Дипломатическая академия МИД России (dana.turlybayeva@gmail.com).
TURLYBAYEVA, DANA T. – Ph.D. student, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (dana.turlybayeva@gmail.com).

УДК 94(470):323.2

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-240-246

ШАГУН Г.Е.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ

Ключевые слова: государственная политика, соотечественники за рубежом, российская диаспора, государственная поддержка, программа переселения.

Статья посвящена анализу истории разработки и реализации государственной политики России в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, ее институциональных изменений с момента распада СССР по настоящее время. В работе государственных структур с зарубежной диаспорой автором выделяются два основных направления: содействие переселению в Россию и взаимодействие с соотечественниками и их организациями за пределами страны. Исследуя становление институтов диаспоральной государственной политики, особое внимание автор уделяет выявлению барьеров, снижавших ее результативность. Показано, что существенный вклад в разработку и реализацию государственной политики в отношении соотечественников, помимо правительства страны, вносили российские парламентарии (комитет Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками). Рост внимания к проблеме показало создание Департамента по работе с соотечественниками МИД России (2005) и специального Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (2008; Россотрудничество).

SHAGUN, G. E.

INSTITUTIONALIZATION OF THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN RELATION TO COMPATRIOTS ABROAD

Key words: state policy, compatriots abroad, Russian Diaspora, state support, resettlement program.

The article is devoted to the analysis of the history of the development and implementation of the state policy of Russia in relation to compatriots living abroad, its institutional changes from the moment of the collapse of the USSR to the present. In the work of state structures with the foreign diaspora, the author singles out two main areas: assistance in resettlement in Russia and interaction with compatriots and their organizations outside the country. Exploring the formation of diaspora state policy institutions, the author pays special attention to identifying barriers that reduced its effectiveness. It is shown that a significant contribution to the development and implementation of state policy towards compatriots, in addition to the government of the country, was made by Russian parliamentarians (the Committee of the State Duma of the Russian Federation on CIS Affairs and Relations with Compatriots). The growth of attention to the problem was shown by the creation of the Department for Work with Compatriots of the Russian Foreign Ministry (2005) and a special Federal Agency for the CIS, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (2008; Rossotrudnichestvo).

Выработка Россией политики в отношении соотечественников за рубежом была инициирована повсеместными фактами нарушения прав и свобод русскоязычного населения в новых независимых государствах, образовавшихся на обломках СССР. Такое давление в 1990-е годы привело к миграционному оттоку русских в Российскую Федерацию на всем постсоветском пространстве. Особенно ощутимо дискриминация российских этнических групп проявлялась в прибалтийских государствах, где русофобия стала неотъемлемой составляющей внутренней политики (особенно в Латвии и Эстонии). Эти условия указывали на необходимость выработки концептуальных и методологических основ государственной политики России в данной области.

С целью оказания помощи тем, кто оказался объектом дискриминации, хотя и с явным запозданием, стали осуществляться меры, заложившие фундамент государственной политики. Первым актом, знаменовавшим политическую деятельность по защите прав и свобод соотечественников, учитывая неотложность мер в этом направлении, явился Указ Президента России № 1681 от 11 августа 1994 года «Об Основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» [1]. Указом предусматривался перечень первоочередных мероприятий по поддержке соотечественников в странах СНГ и Балтии, кроме того в нем говорилось об образовании Правительственной Комиссии по делам соотечественников за рубежом [2]. Эта комиссия стала координационным органом Правительства Российской Федерации, обеспечивающим согласованные действия заинтересованных органов исполнительной и законодательной власти, а также общественных, религиозных и иных организаций [3].

Выполнение функций Правительственной комиссии обеспечило активизацию соответствующей законотворческой деятельности и инициацию совершенствования законодательства в отношении соотечественников, оперативный мониторинг положения с их правами и свободами в странах проживания, обобщение конструктивного опыта в обеспечении законных прав русскоязычного населения за рубежом, дипломатический контакт с внешнеполитическими ведомствами других стран по вопросам, касающимся соотечественников, своевременная экспертиза проблем, связанных с жизнедеятельностью российской диаспоры. В состав Комиссии вошли представители Правительства РФ, Администрации Президента, органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, общественных организаций и гражданских структур. Решения Комиссии получили обязательную силу для всех учреждений исполнительной власти России. В компетенцию Комиссии вошло также финансовое обеспечение мероприятий по поддержке соотечественников.

Постановлением Правительства РФ была утверждена первая в российской истории «Программа мер по поддержке соотечественников за рубежом от 17 мая 1996 года», представленная Комиссией. В Программе, предполагавшей использование средств федерального бюджета для поддержки соотечественников, был учтен опыт Венгрии, Израиля, КНР, ФРГ и других стран [4].

Существенный вклад в разработку и реализацию государственной политики в отношении соотечественников вносили и российские парламентарии. В 1994 году в Государственной Думе состоялись первые открытые слушания «О положении соотечественников за рубежом». Впервые в новейшей истории России представители 200 общин, культурных центров, организаций соотечественников были привлечены к обсуждению политического курса Российской Федерации в отношении тех, кто остался за пределами исторической родины, но связывал с ней свою судьбу. На Слушаниях выступили представители государственных ведомств России. По итогам форума

ИСТОРИЯ

были приняты рекомендации. Во вступительной части документа говорилось о необходимости «использовать все цивилизованные, ненасильственные возможности» для обеспечения прав и свобод представителей российской диаспоры. Отмечалось, что государственная политика в данной сфере может включать два противоположных направления: стремление к интеграции со странами проживания или к изоляции от нового зарубежья. Что предполагает разные внешнеполитические стратегии: с одной стороны – помощь в адаптации соотечественников к жизни в новых независимых республиках, с другой – содействие в переселении их в Россию [5, с. 98]. В рекомендациях парламентариев присутствовало положение о необходимости принятия Декларации о покровительстве Российской Федерации соотечественникам, создания зарубежного округа для их участия в Государственную Думу, формирования Совета соотечественников при Государственной Думе РФ, для адекватного законодательного сопровождения государственной политики в отношении соотечественников.

По инициативе думского комитета по делам СНГ, 6 июля 1995 года в Москве состоялся съезд уполномоченных представителей российских общин за рубежом. Собравшиеся на съезд уполномоченные констатировали повсеместное ущемление прав и свобод и «целенаправленное вытеснение этнороссиян из политической и культурной жизни» стран ближнего зарубежья и необходимость обратить внимание органов исполнительной власти РФ на «конкретные обязательства поддержки и покровительства зарубежным российским соотечественникам». Итогом встречи стало избрание Совета соотечественников из стран СНГ и Прибалтики [6, с. 16].

27 января 1998 года Комитет Госдумы по делам СНГ и связям с соотечественниками совместно с Комиссией по вопросам гражданства при Президенте РФ и Советом соотечественников при Госдуме инициировал парламентские слушания «О международно-правовом положении российских соотечественников в государствах СНГ и государствах Балтии. Анализ и перспективы» [7]. Участники слушаний приняли рекомендации, в которых предлагали Федеральному Собранию внести вопрос о правовом положении российских соотечественников на рассмотрение Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ; при ратификации договоров со странами ближнего зарубежья учитывать соблюдение в этих странах законных прав и свобод российских соотечественников; рассмотреть в первом чтении Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом», рассмотреть возможность создания зарубежных избирательных округов для учета волеизъявлений соотечественников. Правительству РФ было рекомендовано активизировать деятельность Правительственной комиссии по делам соотечественников, заслушать на заседании кабинета и дать оценку органам государственной исполнительной власти по реализации государственной политики в отношении соотечественников, сконцентрировать в одном ведомстве решение всех связанных с этим вопросов [7].

На необходимость направления государственной политики в отношении соотечественников в практическую плоскость обратил внимание Президент РФ В.В. Путин на Конгрессе соотечественников в 2001 году. Среди причин ее неэффективности он отметил «чиновничье равнодушие и бюрократизм, несогласованность» [8]. Президент поставил задачу «устранить множественность и дублирование структур», которые лишь размывают их ответственность и сформировать одно мощное государственное ведомство [8].

Большинство депутатов профильного комитета Госдумы так же полагали, что отсутствие единой государственной структуры, специально занимающейся делами соотечественников, ведет к «межведомственной волоките» и «размыванию» государственных усилий в этом направлении [9, с. 4].

С целью конкретизации, в целом, декларативного закона о государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом депутат Государственной думы РФ К.Ф. Затулин внес 25 июля 2002 г. законопроект об изменениях в закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», согласно которым предлагалось внести в перечень основных понятий действующего законодательного акта определение «соотечественник за рубежом» и нормы, в соответствии с которыми соотечественникам предоставлялось право на получение вида на жительство как в стране своего проживания, так и по приезду в Россию без предварительного получения разрешения на временное проживание [10].

ИСТОРИЯ

Считая необходимым продвигать высказанные в рекомендациях парламентариев пожелания, К.Ф. Затулин 5 марта 2004 года обратился с письмом к Председателю Правительства РФ М.М. Фрадкову, в котором обратил внимание на необходимость создания постоянно действующего федерального органа исполнительной власти по делам соотечественников, с целью практической реализации государственной политики в этом направлении. Однако в ответе Минэкономразвития, которому было поручено рассмотреть предложение депутата, говорилось, что все дела зарубежных соотечественников находятся в ведении МИД России и никаких других органов, занимающихся реализацией государственной политики, не предусмотрено. В этой связи Министерство посчитало «нецелесообразным создание в настоящее время федерального органа по делам соотечественников за рубежом» [9].

Та же тема поднималась и на «круглом столе», прошедшем в Государственной Думе РФ 15 апреля 2004 г. Участники встречи отметили, что за более чем 10 лет с момента распада Советского Союза, так и не была создана самодостаточная правовая база по проблемам соотечественников. И хотя за этот период был принят ряд Федеральных законов – «О вынужденных переселенцах» (1995 г.), «О беженцах» (1997 г.), «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (1999 г.), все они нуждаются в корректировке и существенной доработке [11].

Принципиальная позиция депутатской группы, возглавляемой К.Ф. Затулиным, была направлена на предотвращение ошибочного намерения (в ходе реализации курса на функциональное разграничение полномочий федеральных и местных бюджетов) изъять из ведения региональных властей возможность финансировать специальные программы по работе с соотечественниками.

В рамках так называемого «социального пакета» 3 августа 2004 года Государственная Дума РФ «приняла во втором чтении изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Среди прочего, этими поправками субъекты Российской Федерации лишались права оказывать поддержку соотечественникам за рубежом.

При этом субъекты Российской Федерации в совокупности вносили в программы помощи соотечественникам вклад больший, чем федеральный центр. С отдельными группами соотечественников – например, в зонах конфликтов (Абхазия, Южная Осетия и др.) – работали исключительно регионы. Кроме того, работа регионов – в первую очередь Москвы – с соотечественниками носила системный характер и велась много лет с нарастающими показателями – и по объему финансирования и по комплексу осуществляемых программ. На это обратил внимание депутатов и министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, который, после принятия закона в первом чтении, в своем письме к Председателю Государственной Думы России просил принять во внимание эти соображения с «учетом, в частности, подтвержденной Президентом Российской Федерации В.В. Путиным приоритетности работы на направлении соотечественников за рубежом» [12]. С той же просьбой к депутатам обратились Татарстан, Башкортостан, Ставропольский край, Калининградская, Кемеровская, Тульская области и другие регионы России.

Депутат К.Ф. Затулин с группой единомышленников внес поправки в принимаемый закон сохраняющие положение (ранее принятое в Законе о соотечественниках 1999 г.) о том, что субъектами государственной политики в отношении соотечественников является не только федеральный центр, но и местные органы государственной власти. Инициатива была поддержана субъектами РФ.

В этом же году комитет Государственной Думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками выступил с инициативой разработки закона «О репатриации российских соотечественников», который должен был облегчить возвращение на историческую родину оставшимся за ее пределами после распада СССР представителям российской культурной идентичности [13].

Проблема соотечественников стала звучать и в процессе получения согласия профильного комитета Госдумы для назначения на должность послов РФ в страны ближнего зарубежья. Так на заседании комитета 10 ноября 2005 года на одобрение парламентариев предлагалась кандидатура на должность посла в Туркмении И.А. Блатова. При этом депутаты специально обратили его

ИСТОРИЯ

внимание на важный аспект будущей работы, а именно осуществление мер поддержки соотечественников. При этом парламентарии указали на то обстоятельство, что недостаточное внимание внешнеполитического ведомства к этому вопросу приводит к большим политическим ошибкам. Так недостаточное информирование Президента России по этой проблеме привело к тому, что во время визита в Туркмении он заявил о том, что не возражает против отмены договоренности о двойном гражданстве [14].

1 ноября 2005 г. был создан специальный Департамент по работе с соотечественниками МИД России. Непосредственным куратором департамента стал статс-секретарь, заместитель Министра иностранных дел Г.Б. Карасин, директором – А.В. Чепурин. По его словам, создание специального подразделения по поддержке соотечественников за рубежом отражает приоритетность этой задачи во внешней политике России. Также он подчеркнул, что стратегическая цель страны заключается в том, чтобы соотечественники являлись полноправными гражданами государств своего проживания, сохраняя при этом свою этнокультурную самобытность, оставаясь интеллектуальным, экономическим и духовно-культурным ресурсом России в мировой политике [15]. В функции департамента прежде всего вошло консульское обслуживание российских граждан из числа соотечественников, проживающих за пределами страны. Встав на учет в консульских учреждениях, россияне получали возможность получения поддержки в случае чрезвычайной ситуации, утраты документов и других обстоятельствах. В круг лиц, входящих в число соотечественников, которые могли претендовать на помощь консульских структур, попали русские, татары, лезгины и другие выходцы из Российской Федерации.

Важным направлением в деятельности Департамента по работе с соотечественниками стало формирование культурно-образовательного пространства для комфортного проживания русскоязычной общины в ближнем зарубежье. На регулярной основе организациям соотечественников, учебным заведениям и библиотекам начали направляться учебные пособия, литература, фильмы. Развернулась переподготовка преподавателей русского языка, стали организовываться экскурсии школьников [15].

Определяя объект заботы департамента, его директор заметил, что, несмотря на имеющиеся разногласия, вверенное ему подразделение МИД России оказывает внимание всем, кто причисляет себя к «Русскому миру» или «правильнее сказать – «Российскому миру»».

Не менее важной стороной работы, проводимой департаментом, явилась защита законных прав и свобод представителей русскоязычной общины в ближнем зарубежье. Не имея прямых механизмов вмешательства в политический процесс стран СНГ, в том числе в вопросах поддержки соотечественников, дипломатическое ведомство активно прибегало к помощи международных организаций и международному праву. Тем не менее, неудовлетворенность соотечественников своим положением продолжало расти. Это было связано с тем, что в материальном и социально-экономическом обеспечении этнороссиян за рубежом положительных изменений не происходило. В результате, продолжался отток трудоспособной, социально активной части соотечественников из стран проживания. При этом в составе диаспоры оставалось все больше представителей уязвимых групп населения: пенсионеров, инвалидов, многодетных семей.

Усилия сотрудников департамента с момента его создания концентрировались, помимо прочего, на сохранении и развитии функционального пространства русского языка. Предпринимались попытки сохранить русский язык в культуре и образовании стран СНГ. Однако активно осуществляемая национальная мобилизация неизбежно сказывалась на присутствии в культурном процессе ближнего зарубежья языков не титульной нации. С весны 2001 года прекратилось преподавание на русском языке в Туркменистане. Русский язык был вытеснен из высшего образования Украины. С другой стороны, например, в Белоруссии межнациональное равенство, в том числе в лингвистической сфере, было гарантировано 20-ю законодательными актами.

Результатом активной деятельности департамента по делам соотечественников МИД России стало продвижение русского языка в образовательном процессе Азербайджана, Армении, Киргизии, Казахстана, Таджикистана.

Вместе с тем, эффективность работы по поддержке соотечественников в значительной степени снижалась в связи со скудным финансированием этой деятельности из федерального бюджета. Отсутствие полноценного финансирования вынуждало МИД России ограничиваться в

своей работе культурными мероприятиями, конференциями, выставками, эффект от которых, как в плане консолидации русскоговорящих общин ближнего зарубежья, так и, тем более, в оказании реальной помощи соотечественникам далеко не соответствовало заявленным государственной политикой целям. При этом необходимо отметить, что третья часть выделявшихся средств федерального бюджета тратилась на мероприятия соотечественников в России [15].

Коллизию, связанную с необходимостью создания единой государственной структуры, ведающей делами соотечественников, удалось разрешить путем учреждения в 2008 году специального Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Его фундамент заложило Российское агентство международного сотрудничества и развития, в состав которого вошла сеть российских центров науки и культуры за рубежом. С образованием новых независимых государств такие центры были созданы в Казахстане, в Узбекистане и на Украине. Также Россотрудничество взяло на себя функции упраздненного к тому времени Российского центра международного и культурного сотрудничества при МИД РФ [16]. Уже из названия образованного агентства следовало его основное предназначение – защита интересов российских соотечественников.

Завершает институциональный дизайн государственной политики России в исследуемой сфере Всемирный конгресс соотечественников. Впервые он был собран в 2001 году и проводился каждые три года.

VII Всемирный конгресс соотечественников состоялся 15-16 октября 2021 г. в Москве. Общим рефреном мероприятия стали проблемы места и роли российских соотечественников в меняющемся мире. На секциях форума обсуждались вопросы защиты прав и интересов соотечественников, сохранения и развития функционального пространства русского языка, СМИ в русском зарубежье и роль соотечественников в международном сотрудничестве регионов России [17].

В промежутках между проведением Конгрессов собирались тематические конференции соотечественников. Оперативную деятельность, связанную с делами соотечественников, осуществлял Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом [18]. Так, на 28 заседании ВКС 16-17 мая 2017 г. было решено осуществлять на регулярной основе встречи членов этой организации с представителями российских профильных министерств и ведомств, рекомендовать включить Председателя ВКС в состав экспертного совета при Комитете Государственной Думы Федерального Собрания РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками [19].

Важными субъектами осуществления государственной политики в отношении соотечественников стали государственные структуры регионов России. В ряду российских субъектов, принимавших наиболее активное участие в реализации этого политического курса, следует особо отметить Москву, Санкт-Петербург и Татарстан.

Проанализировав эволюцию институциональных основ и концептуальной модели государственной политики в отношении соотечественников, можно сделать вывод, что к настоящему времени сложилась система институтов, призванная комплексно решать проблемы, связанные с сохранением российского социокультурного пространства в странах СНГ, защитой интересов и прав этнороссиян и созданием условий их беспрепятственного возвращения на историческую Родину. Вместе с тем, было бы преждевременным полагать, что этот процесс завершен. Сложившаяся структура институтов лишь воспроизвела каркас развивающегося организма учреждений, имеющих целью эффективно осуществлять политику Российского государства в отношении соотечественников.

Литература и источники

1. Указ Президента РФ от 11.08.1994 № 1681 «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» // <https://base.garant.ru/1548723/> (дата обращения: 21.01.2022 г.).
2. Постановление Правительства РФ от 31 августа 1994 г. № 1064 «О мерах по поддержке соотечественников за рубежом» // https://base.garant.ru/1548722/#block_1000 (дата обращения: 11.02.2022 г.).
3. Постановление Правительства РФ от 11.12.1994 № 1369 «Об утверждении положения о Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом» (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/6300247/> (дата обращения: 17.04.2022 г.).
4. Постановление Правительства РФ от 17.05.1996 № 590 «О Программе мер по поддержке соотечественников за рубежом» // <https://base.garant.ru/1548735/> (дата обращения: 4.04.2022 г.).
5. От Съезда до Конгресса соотечественников. - М.: Институт стран СНГ, 2001.

ИСТОРИЯ

6. Выступление Константина Затулина на открытии Съезда уполномоченных представителей зарубежных российских общин, организаций и объединений 6 июля 1995 года в Государственной Думе Российской Федерации // Дума. - 1995. - № 26 (94).
7. Рекомендации по итогам парламентских слушаний «О международно-правовом положении российских соотечественников в государствах СНГ и государствах Балтии. Анализ и перспективы» от 27 января 1998 г. // Текущий архив Института стран СНГ. 1998 г.
8. Выступление В.В. Путина на открытии Конгресса соотечественников 11 октября 2001 г. // <http://www.kremlin.ru/multimedia/audio/by-date/11.10.2001> (дата обращения: 4.04.2022 г.)
9. Информационно-аналитический бюллетень Института стран СНГ. - 2004. - № 86 (96).
10. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Текущий архив Института стран СНГ. 2002 г.
11. «Круглый стол» на тему: «О вопросах совершенствования законодательства РФ в отношении российских соотечественников за рубежом и вынужденных переселенцев» // Текущий архив Института стран СНГ. 2004 г.
12. Письмо министра иностранных дел РФ Председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б.В. Грызлову, 26 июля 2004 г. № 28563/ГС // Текущий архив Института стран СНГ. 2004 г.
13. Обращение комитетов Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками и по международным делам Председателю Государственной Думы Б.В. Грызлову вн. 3.17-22/748 от 10.07.2004 г. // Текущий архив Института стран СНГ. 2004 г.
14. Стенограмма заседания Комитета по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками. Здание Государственной Думы. 10 ноября 2005 г. // Текущий архив Института стран СНГ. 2005 г.
15. О деятельности Департамента по работе с соотечественниками за рубежом / РИА Новости // <https://ria.ru/20060308/44002519.html> (дата обращения: 17.05.2022 г.)
16. Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315 Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020> (дата обращения: 17.04.2022 г.)
17. VII Всемирный конгресс // <https://vkrs.com/vsemirnyy-kongress/kongress/vii-vsemirnyy-kongress/> (дата обращения: 12.04.2022)
18. Всемирный координационный совет российских соотечественников, проживающих за рубежом // <https://vkrs.com/> (дата обращения: 10.05.2022 г.)
19. Решение 28-го заседания Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом (Москва, 16-17 мая 2017 г.) // Текущий архив Института стран СНГ. 2017 г.

References and Sources

1. Ukaz Prezidenta RF ot 11.08.1994 № 1681 «Ob Osnovnyh napravleniyah gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v otnoshenii sootchestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom» // <https://base.garant.ru/1548723/> (data obrashcheniya: 21.01.2022 g.).
2. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31 avgusta 1994 g. № 1064 «O merah po podderzhke sootchestvennikov za rubezhom» // https://base.garant.ru/1548722/#block_1000 (data obrashcheniya: 11.02.2022 g.).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11.12. 1994 № 1369 «Ob utverzhdenii polozheniya o Pravitel'stvennoj komissii po delam sootchestvennikov za rubezhom» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // <https://base.garant.ru/6300247/> (data obrashcheniya: 17.04.2022 g.)
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.05.1996 № 590 «O Programme mer po podderzhke sootchestvennikov za rubezhom» // <https://base.garant.ru/1548735/> (data obrashcheniya: 4.04.2022 g.)
5. Ot S"ezda do Kongressa sootchestvennikov. - M.: Institut stran SNG, 2001.
6. Vystuplenie Konstantina Zatulina na otkrytii S"ezda upolnomochennyh predstavitelej zarubezhnyh rossijskih obshchin, organizacij i ob"edinenij 6 iyulya 1995 goda v Gosudarstvennoj Dume Rossijskoj Federacii // Дума. - 1995. - № 26 (94).
7. Rekomendacii po itogam parlamentskih slushanij «O mezhdunarodno-pravovom polozhenii rossijskih sootchestvennikov v gosudarstvah SNG i gosudarstv Baltii. Analiz i perspektivy» ot 27 yanvarya 1998 g. // Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 1998 g.
8. Vystuplenie V.V. Putina na otkrytii Kongressa sootchestvennikov 11 oktyabrya 2001 g. // <http://www.kremlin.ru/multimedia/audio/by-date/11.10.2001> (data obrashcheniya: 4.04.2022 g.)
9. Informacionno-analiticheskij byulleten' Instituta stran SNG. - 2004. - № 86 (96).
10. Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon ot 25 iyulya 2002 goda № 115-FZ «O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj federacii» // Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 2002 g.
11. «Kruglyj stol» na temu: «O voprosah sovershenstvovaniya zakonodatel'stva RF v otnoshenii rossijskih sootchestvennikov za rubezhom i vyzhdennyh pereselencev» // Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 2004 g.
12. Pis'mo ministra inostrannyh del RF Predsedatelyu Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii B.V. Gryzlovu, 26 iyulya 2004 g. № 28563/GS // Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 2004 g.
13. Obrashchenie komitetov Gosudarstvennoj Dumy po delam SNG i svyazyam s sootchestvennikami i po mezhdunarodnym delam Predsedatelyu Gosudarstvennoj Dumy B.V. Gryzlovu vn. 3.17-22/748 ot 10.07.2004 g. // Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 2004 g.
14. Stenogramma zasedaniya Komiteta po delam Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv i svyazyam s sootchestvennikami. Zdanie Gosudarstvennoj Dumy. 10 noyabrya 2005 g. // Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 2005 g.
15. O deyatelnosti Departamenta po rabote s sootchestvennikami za rubezhom / РИА Новости // <https://ria.ru/20060308/44002519.html> (data obrashcheniya: 17.05.2022 g.)
16. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 06.09.2008 g. № 1315 Prezident Rossii // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020> (data obrashcheniya: 17.04.2022 g.)
17. VII Vsemirnyj kongress // <https://vkrs.com/vsemirnyy-kongress/kongress/vii-vsemirnyy-kongress/> (data obrashcheniya: 12.04.2022)
18. Vsemirnyj koordinacionnyj sovet rossijskih sootchestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom // <https://vkrs.com/> (data obrashcheniya: 10.05.2022 g.)
19. Reshenie 28-go zasedaniya Vsemirnogo koordinacionnogo soveta rossijskih sootchestvennikov, prozhivayushchih za rubezhom (Moskva, 16-17 maya 2017 g.) // Tekushchij arhiv Instituta stran SNG. 2017 g.

ШАГУН ГЛЕБ ЕВГЕНЬЕВИЧ – первый проректор Московского государственного областного университета.
SHAGUN, GLEB E. – First Vice-Rector of the Moscow State Regional University (mo_mgou@mosreg.ru).

УДК 94(479.24)«196/210»(093.3)

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-247-252

УМУДЛУ В.У.

**НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕВЕРНОМ
АЗЕРБАЙДЖАНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ТУРЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Ключевые слова: царская Россия, Северный Азербайджан, турецкая историография, национально-демократическое движение, М.А. Расулзаде.

Статья посвящена изучению в турецкой историографии национально-демократического движения в Северном Азербайджане в начале XX века. По мнению автора, турецкие историки, глубоко исследовавшие и анализировавшие события данного периода, попытались раскрыть суть событий и добились объективного освещения вопроса. Статья подготовлена на основе исследований турецких историков Х. Байкара, Г.С. Бозкурт, А. Джафероглу, К. Чагла, Н. Кейкурун, Х. Бал, Б. Аслан, С. Шимшир и других авторов. Показано, что турецкие историки уделяли особое внимание исследованию событий 1905 года, делая акцент как на изучение нарастания национального движения среди азербайджанцев, так и на объективные предпосылки этого явления. Среди прочего отмечается, что армяно-азербайджанское соперничество и конфликты вынудили азербайджанскую буржуазию и рабочий класс действовать сообща.

UMUDLU, V.U.

**NATIONAL-DEMOCRATIC MOVEMENT IN NORTHERN AZERBAIJAN AT THE BEGINNING OF THE XX
CENTURY IN TURKISH HISTORIOGRAPHY**

Key words: Tsarist Russia, Northern Azerbaijan, Turkish historiography, national democratic movement, M.A. Rasulzadeh.

The article is devoted to the study of the national-democratic movement in Northern Azerbaijan at the beginning of the 20th century in Turkish historiography. According to the author, Turkish historians, who deeply studied and analyzed the events of this period, tried to reveal the essence of the events and achieved an objective coverage of the issue. The article was prepared on the basis of research by Turkish historians H. Baykar, G.S. Bozkurt, A. Jaferoglu, K. Cagla, N. Keykurun, H. Bal, B. Aslan, S. Shimshir and other authors. It is shown that Turkish historians paid special attention to the study of the events of 1905, focusing both on the study of the growth of the national movement among Azerbaijanis and on the objective prerequisites for this phenomenon. Among other things, it is noted that the Armenian-Azerbaijani rivalry and conflicts forced the Azerbaijani bourgeoisie and the working class to act together.

Накануне первой русской революции отставание царизма от многих европейских государств сделало необходимым проведение реформ в стране. Их ограниченность привела к тому, что в начале XX в. страну охватили экономические и политические забастовки. С 1905 г. революционная волна покатила по всей империи, в том числе и по Северному Азербайджану. При этом авангардом демократических преобразований, происходивших в Азербайджане, стала интеллигенция. По этой теме в историографии Турции проведен целый ряд исследований. В работах турецких историков Х. Байкары, Г. С. Бозкурта, А. Джафероглу, Ч. Чагла, Н. Кейкуруна, Х. Бала, Б. Аслана, С. Шимшира и других авторов можно проследить развитие демократического движения, которое отмечалось в Азербайджане в начале XX века.

В частности, анализируя отмеченные события историк Г. Байкара обратил внимание на то, что Азербайджан вступил в XX век с сильной и многочисленной армией интеллигенции. Однако при этом в Азербайджане не было определенной и общепризнанной политической организации, с продуманной программой. Большая часть азербайджанской интеллигенции занималась просветительской деятельностью – работала в сфере образования, уделяя внимание увеличению числа читающих и пишущих людей [7, с. 70]. А. Джафероглу также отмечает, что национальное возрождение, наблюдавшееся в Азербайджане до революции, носило как бы подготовительный характер. Азербайджанская интеллигенция была исключена из важных мероприятий, проводимых властями, и не могла стать реальной политической единицей. Главной ее целью было пробуждение неграмотных тюрок и показ им нового образа жизни [9, с. 29]. Собственно, такие подходы не являются новыми. Еще по мнению М.А. Расулзаде, революция 1905 года привела к появлению сильного национального движения как среди азербайджанцев, так и среди всех тюрок империи. Главной сущностью этого движения, с одной стороны, была борьба за создание национальной печати и национальной школы, а с другой – контроль нации над религиозной сферой [18, с. 23].

Ряд турецких авторов указывают, что первая русская революция была вызвана экономическими трудностями и кризисом в стране. Д. Челик пишет, что засуха, случившаяся в конце XIX и начале XX веков, очень серьезно повлияла на Россию, которая являлась крестьянской страной. Это привело к нехватке продовольствия и продовольственным трудностям в городах.

Именно данные трудности и стали главным фактором начала революции 1905 года [11, с. 60-79]. Дж. Чагла, подтверждая эту мысль, пишет, что после нефтяного бума, имевшего место в конце XIX в., начался экономический кризис. Возникшая в результате этого безработица, тяжелые условия привели, в частности, к росту недовольства и в среде рабочего класса в Баку. Анализируя в данном контексте политические процессы, он отмечает, что тогда еще полноценной политической жизни в Азербайджане, как и во всей России, почти не было. Более 80 % населения составляли крестьяне и около 5 % - купцы. Как следствие, самой влиятельной силой в формировании поведения нации были религиозные лидеры [10, с. 60-79]. С. Кылыч указывает и на то, что до XIX в. на Кавказе не было националистических движений. Вместо национальности ключевым отличительным фактором здесь являлась религия. Поэтому и сопротивление населения региона великим державам носило религиозный, а не национальный характер [15, с. 687-714].

М. Сарай полагает, что наибольшее влияние на национальное движение Азербайджана оказала Турция, которая в этот период была центром как исламского мира, так и тюркизма. По мнению данного автора, движение за исламское единство, начатое султаном Абдул-Хамидом II во второй половине 1870-х гг., стало источником надежды для турок, живших под властью России. Помимо стремления к единству ислама, движение также включало единство тюрков [20, 33].

Тем не менее, в начале XX в. значение собственно политических факторов существенно возросло. Еще М. Расулзаде, говоря об этапах развития тюркизма, отмечал что, тюрки на Кавказе достигли больших успехов и развития в 1905 году. По словам автора, тюркизм Северного Азербайджана уже не был в виде беспорядочной и незапланированной массы, как это было в прошлом [19, с. 26]. В качестве примера отметим, что среди российских мусульман Гасан-бек Зардаби начал первым издавать газету на тюркском языке и обращаться к своему народу на родном языке. Первым тюркским драматургом и реформатором суеверий стал Мирза Фатали Ахундзаде, а первыми национальными деятелями – Алимардан бек Топчибаши и профессор Али бек Гусейнзаде. Это были представители азербайджанской интеллигенции [9, с. 23].

Говоря о прессе, отметим, что с 1905 года Баку становится столицей мусульманской журналистики в России. Наиболее важными газетами являлись издававшаяся Гусейнзаде, Топчибаши и Агаоглу «Хаят», издававшаяся Агаоглу «Иршад», а также издававшийся Гусейнзаде литературный журнал «Фююзат» и сатирический журнал «Молла Насреддин», издававшийся в Тбилиси Джалилом Мамедкулузаде [10, с. 56].

В изучаемый период важное место в национальном движении занимала деятельность М.А. Расулзаде. Дж. Чагла подчеркивает, что Мамед Амин Расулзаде являлся интеллектуалом, сыгравшим большую роль в формировании азербайджанской нации. В юности примкнувший к бакинскому социал-демократическому обществу, Расулзаде также возглавлял «Союз молодых азербайджанских революционеров». Помимо этого, он публиковал статьи в газетах и журналах «Гуммет», «Иршад», «Дават-Гоч», «Фююзат» и «Таракки» [10, с. 58].

В то же время, по мнению историка Б. Аслана, национальное пробуждение в Азербайджане нельзя связывать только с культурологическими исследованиями тюркской интеллигенции. Стремительный рост добычи и переработки нефти в Азербайджане вызвал серьезные изменения в структуре экономики. В Азербайджане образовались крупные торговые центры. Всего за несколько лет нефть превратила Баку в современный космополитический город [2, с. 21]. После революции 1905 года, в результате ослабления политического давления и ликвидации цензуры в царской России, азербайджанский народ получил право открывать школы, благотворительные общества, печатать газеты и журналы. В это время в печати и литературе Азербайджана наблюдалось большое влияние мещрутистов – сторонников конституционного строя в Турции [25, с. 80]. В данной связи очевидно, что национальная буржуазия сыграла важную роль в развитии культуры Азербайджана, в том числе его печати и литературы. А. Джафероглу пишет, что после 1905 года в Азербайджане стало традицией открывать школы, привлекать народ к образованию и пробуждать национальное самосознание. Во главе этого движения был Гаджи Зейнал Абидин. Обеспечивая распространение науки и знаний на своей родине, ценой многих усилий он создал организацию под названием «Мусульманское издательско-просветительское общество» [9, с. 30].

Историк Т. Акйол также отмечает особую роль в развитии просветительского движения Тагиева. Автор высоко оценивает роль бурного развития нефтяной промышленности и формирования интеллигентного класса богачей во главе с Тагиевым, которые всеми силами

поддерживали модернистско-националистическое движение [1, с. 196]. Более того, Зейнал Абидин Тагиев – один из видных деятелей азербайджанской буржуазии, длительное время финансировал газету «Гарджуман», издававшуюся Гаспиралом Исмаил-беем в Крыму [24, с. 579-638]. Важным решением также стало оказание финансовой помощи Гаджи Зейнал Абидин Тагиевым и Ага Муса Нагиевым в строительстве дарул-эйтима в Эдирне. В то же время Гаджи Зейнал Абидин подарил трехтомный Коран (с толкованием) под названием «Кашфуль-Асрар» шерифу мечети Султан Селим [26, с. 17/7].

Национальная буржуазия Азербайджана, с одной стороны, боролась с препятствиями режима на своей родине, а с другой – стремилась занять достойное место во всех сферах деятельности, в том числе и в нефтяной промышленности, где была сильная конкуренция [7, с. 81]. При этом Дж. Чагла отмечает, что армяно-азербайджанское соперничество и конфликты вынудили азербайджанскую буржуазию и рабочий класс действовать сообща [10, с. 12].

По мнению Б.Аслана, азербайджанские турки после революции 1905 года, как и все турки империи, добились определенного прогресса. Им удалось, хотя и в небольшом масштабе, показать свое политическое присутствие. Реформы стали проводиться в турецких школах. Газеты, журналы и книги издавались на родном языке. Но всех этих мер было недостаточно, чтобы превратить турецкое население в эффективную политическую и культурную силу [3, с. 47-75].

Ряд турецких авторов подробно рассказывают о колониальной политике царизма по отношению к местным народам в годы Первой русской революции. О.Г. Ишьяр считает, что главная цель русского империализма с самого начала состояла в борьбе против национального самосознания и мечтаний подвластных ему народов. Образование Елизаветпольской (Гянджинской) губернии явилось ярким примером политики «разделяй и властвуй», проводившейся между азербайджанцами и армянами [13, с. 274].

В этой ситуации армянские рабочие двигались либо к партии «Гнчак», либо к более националистической «Армянской революционной федерации», известной как «Дашнакцутюн» [10, с. 78-80]. И нет сомнения, что армянские националисты, воодушевленные политикой царизма, заранее готовились к предстоящей конфронтации. В итоге, в результате ранней пропаганды членов комитетов отмеченных партий, армянские националисты перевели отношения с местными азербайджанцами на военный уровень и устроили массовые убийства. В ответ, в 1904 году среди турок впервые была организована тайная социалистическая партия «Гуммет». С. Шимшир пишет, что эта чрезвычайно активная в 1905-1912 гг. партия была закрыта полицией в результате репрессивной политики царского правительства и, особенно, главного наместника Кавказа Воронцова-Дашкова. Лидеры партии были вынуждены эмигрировать [23, с. 7]. В 1905 году, когда армяне устроили массовую резню турецкого и мусульманского населения на Кавказе, Ахмад-бек Агаоглу основал в Гяндже вторую политическую партию «Дифаи». Как следует из названия, главной ее целью было отражение нападений армян на турок. «Дифаи» за время своего существования оказала важные услуги народу Азербайджана [7, с. 77].

Как мы упоминали выше, в период первой русской революции основой политики царской России на Южном Кавказе было удержание населения, особенно азербайджанцев, от революции и отвлечение их от политической борьбы. Так, в марте 1905 г. в Тбилиси произошли забастовки, демонстрации и нападения рабочих. Как только эти события отозвались эхом в Баку, армянские солдаты убили пленного мусульманина. В результате, конфликты между мусульманами и армянами охватили территорию вплоть до Батуми [27, с. 485/75].

В годы революции в азербайджанской печати продолжали публиковаться статьи, направленные на пробуждение и объединение народа. Их основная общая идея заключалась в том, чтобы воспользоваться возможностью и добиться большей справедливости [7, с. 122]. Однако царскому правительству удалось воспрепятствовать участию азербайджанцев в восстании 1905 года, поставив перед ними вопрос жизни и смерти [14, с. 9]. Это мнение подтверждает историк Х. Байкара. Автор отмечает, что когда в стране началась революция, царское правительство хотело удержать Южный Кавказ, в том числе Азербайджан, от революции и отвлечь население от политической борьбы [7, с. 123]. Очень опасным в те дни стало враждебное отношение российской администрации к азербайджанским туркам. Попытки противопоставить армян азербайджанским туркам и рост вражды между двумя народами оказали серьезное влияние на ситуацию [22, с. 18]. Эта политика царизма очень ярко отражена в работах ряда авторов. По мнению А.Аттара,

армянский вопрос в Азербайджане был подготовлен царскими чиновниками. Армян превращали в «избалованную» нацию и готовили как источник этнических проблем в регионе [4, с. 36].

В итоге, известный как убежденный сторонник армянских националистов, Воронцова-Дашков удовлетворился отсутствием революционных идей среди азербайджанских тюрков. По мнению наместника, духовенство должно было обучаться под контролем российского правительства, чтобы не допускать в своих проповедях антироссийских идей. Это не только предотвратило бы распространение идей против российского правительства и администрации, но и обеспечило бы их превращение в инструмент правительства [11, с. 60-79].

Кавказский наместник, посетивший Баку после сентябрьских погромов, принял мусульманских и армянских священнослужителей, а также городскую администрацию и пообещал, что виновные будут наказаны. Позже наместник отправился в Гянджу и вернулся в Тифлис, посетив там мечеть и церковь [16, с. 166-167]. Однако уже во время визита наместника в Баку до 4000 армян, собравшихся во дворе госпиталя, открыли огонь по прохожим-мусульманам, пехотинцам и казакам. В ответ солдаты обстреляли госпиталь [17, с. 178-183]. По просьбе наместника Шейхулислам выехал в Шушу, а также отправил палатки с военного склада Тбилиси сельчанам, пострадавшим от беспорядков, устроенных армянами в городе Ереване [27, с. 493/59].

Б. Аслан справедливо отмечает, что тюрки, жившие в XX веке в империи, не могли в достаточной мере удовлетворять свои религиозные потребности. Царское правительство тщательно обследовало районы проживания мусульманского населения, контролировало деятельность мусульманских школ, учителей и духовенства, запрещало все виды исламской литературы [2, с. 66]. В этой связи в апреле 1905 года мусульмане Тифлисской, Иреванской, Гянджинской, Бакинской и Шамахинской губерний избрали делегацию для передачи своих пожеланий российскому правительству [28, с. 1377/67]. Была подготовлена декларация, предусматривавшая продвижение идеи исламского единства и реформирования языка в соответствии с Османской литературой [27, с. 487/68]. На встрече с наместником делегация заявила, что бунтовщики не были мусульманами. Среди предложений, представленных делегацией, были признание права мусульман на образование, публикации на их родном языке, трудоустройство на государственной и муниципальной службе, преподавание и адвокатура, раздача земли мусульманским сельским жителям, организация советов и делегаций, в которых мусульмане должны быть также представлены [17, с. 152-160; 27, с. 491/80].

Как видно, турецкие историки уделяли особое внимание исследованию событий 1905 года и не жалели сил для воссоздания общей картины событий данной эпохи. В их книгах и статьях, изданных в разные годы, поднимался широкий круг вопросов. При этом турецкие историки не забывали доводить истину до сведения мировых, европейских, в том числе советских историков на международных конференциях.

Подчеркнем, что при этом особое внимание ими уделялось религиозным движениям. Так, известно, что 16 августа 1906 года начал свою работу III съезд мусульман России. Поскольку съезд был разрешенным, он был более многолюдным, чем два предыдущих съезда. Н. Девлет пишет, что за съездом следили многие корреспонденты турецких и российских изданий. Али Мардан Топчубаши был избран председателем съезда. После долгих обсуждений, несмотря на некоторые возражения, «Союзная» программа, подготовленная Али Марданом Топчубаши, была принята с небольшой поправкой [12, с. 183-200]. М. Сарай показывает, что «Конгресс Российского мусульманского союза», собравшийся под руководством таких интеллектуалов, как Исмаил бек Гаспиралы, Али Мардан бек Топчубаши и Юсуф Акчура бек, способствовал возрождению национального движения в Азербайджане [20, с. 33]. Вместе с тем, из-за запретов Российского правительства, на IV съезде мусульман России не было возможности затронуть политические вопросы. Когда просьба о продлении заседания еще на три дня была отклонена официальными лицами, съезд был вынужден завершить свою работу предложенных рекомендаций [12, с. 183-200]. По словам Н.Сарыхметоглу, «Союз Российских мусульман», созданный с целью определения политических требований имперских тюрков и защиты их прав, не стал организацией, способной обеспечить исламское единство [21, с. 205].

В то же время, говоря о ряде успехов, достигнутых российскими мусульманами, Г.С. Бозкурт отмечает, что многие их пожелания, особенно требования равноправия и свободы, были удовлетворены. В начале революции правовые преграды между Россией и мусульманами были

сняты. Российские мусульмане стали отстаивать свои права и права, как и другие народы России [8, с. 34]. По мнению Г. Байкара, величайшая заслуга царизма, помимо его намерений в отношении Азербайджана, состояла в том, что была подготовлена почва для сближения Азербайджана с западной культурой. Следует учитывать и особую способность азербайджанского народа к восприятию западной культуры. Если подумать о восточных народах, которые были поработаны другими империалистическими государствами и не смогли оправиться за несколько сотен лет, то можно лучше понять важность пробуждения и прогресса Азербайджана в 19 веке [6, с. 127].

Не избежал внимания турецких историков и сыгравший важную роль в азербайджанском национально-демократическом движении издатель газеты «Акинчи» Гасанбай Зардаби. Его деятельность получила самые высокие оценки. Так, Б. Аслан акцентировал внимание на том, что Гасан-бек Зардаби являлся просветителем, социологом, основателем газеты на родном языке, пытавшимся основать благотворительное общество [2, с. 53]. Газета «Акинчи» («Посев»), издававшаяся Х.Б. Зардаби, работала на пробуждение народа и выступала против антитурецкой политики России. Проосманская газета была закрыта царским правительством в 1877 году во время Османско-русской войны [5, с. 58]. Исследователь истории Азербайджана Б.Аслан расценил закрытие газеты «Акинчи» как тяжелый удар по пресс-жизни Азербайджана [2, с. 25].

Как известно, начало первой русской революции вынудило царизм издать манифест, в котором предусматривалось предоставление ряда политических прав народам, проживающим в империи. Издание этого манифеста, приведшее к политическим потрясениям в Азербайджане, привело к созданию ряда обществ, политических партий и организаций, появлению национальных газет и журналов. В 1905 году, когда в Азербайджане началась революция, создание партии «Дифаи», «Бакинского мусульманского благотворительного общества», а также издание ряда газет и журналов с демократическим духом значительно оживили национально-общественное движение. Как продолжение этого, создание партии «Мусават» представляло собой важный этап в политической жизни Азербайджана и борьбе за независимость. Эта борьба принесла свои плоды несколько позже, когда им удалось прийти к власти.

Судя по всему, в историографии Турции уделяли особое внимание изучению демократического движения в Азербайджане в начале XX века и всячески старались сохранить объективный взгляд на события тех лет. Эти исследования оказали положительное влияние на изучение истории Азербайджана.

Литература и источники

1. *Akyol, T.* Azərbaycan Sovyetler ve Ötesi. - İstanbul: Burak Yayınları, 2015. - 272 s.
2. *Aslan, B.* "Kardaş Kömeği(Yardımlı)" ve Bakü Müslüman Cemiyet-i Hayriyesi. - Ankara: Atatürk Kültür Merkezi Yayınları, 2000. - 412 s.
3. *Aslan Betül.* Azərbaycan // Atatürk Üniversitesi, Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi s.47-75
4. *Attar (Haşimzade), A.* Karabağ Sorunu Kapsamında Ermeniler ve Ermeni Siyaseti. - Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 2005. - 224 s.
5. *Mehmetzade, M.B.* Milli Azərbaycan hareketi / M.B. Mehmetzade. - Ankara: Azərbaycan Kültür Derneği, 1991.
6. *Baykara, H.* Azərbaycan'da Yenileşme Hareketleri XIX. Yüzyıl. - Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1966. - 200 s.
7. *Baykara, H.* Azərbaycan İstiklal Mücadilesi Tarihi. - İstanbul: Gençlik Kitabevi, 1975. - 331 s.
8. *Bozkurt Giray Saynur.* 1905-1907 illerdə Rusya Müsülmanlarının Kimlik Arayışı. - İstanbul: Doğu Kütüphanesi, 2008. - 478 s.
9. *Caferoğlu, A.* Azərbaycan. - İstanbul: Cumhuriyet Matbaası, 1940. - 47 s.
10. *Çağla, C.* Azərbaycanda Milliyetçilik ve Politika. - İstanbul: Bağlam Yayıncılık, 2003. - 256 s.
11. *Çelik, D.* XIX ve XX. Yüzyıllarda Azərbaycan // Ankara: Bilig Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi, - 1996. Sayı 3. - s. 60-79.
12. *Devlet Nadir.* 1905-1917 Rusya Müslüman Kongrelerine Azərbaycan Aydınlarının Katkıları // Kafkasya'da İslam Medeniyeti: Milletlerarsı Sempozyumun Tebliğleri. - İstanbul, 2000. s.183-200.
13. *İşyar, Ö.G.* Sovyet-Rus Dış Politikaları ve Karabağ Sorunu. - İstanbul: Alfa, 2004. - 294 s
14. *Keykurun, N.* Azərbaycan İstiklal Mücadelesinden Hatıralar (1905-1920). - Ankara: İlke Kitabevi Yayınları, 1998. - 217 s.
15. *Kılıç, S.* Kafkasya'ya Dair (1916-1917) Osmanlı İstihbaratının Yayımladığı Bir Rapor // Ankara: Tarih Araştırmaları Dergisi (TAD). - 2015. Çild 34, Sayı 58. - s.687-714.
16. Osmanlı Belgelerinde Ermeni-Rus İlişkileri 1899-1906), II / Pr. Yön. Yusuf Sarımay. - Ankara: T.C. Başbakanlık Devlet Arşivleri Daire Başkanlığı, - 2006. - 221 s.
17. Osmanlı Devleti İle Azərbaycan Türk Hanlıkları Arasındaki Münasebetlere Dair Arşiv Belgeleri Karabağ-Şuşa, Nahçıvan, Bakü, Gence, Şirvan, Şeki, Revan, Kuba, Hoy II (1575-1918) / Pr. Yön. İ.Binark. - Ankara: Başbakanlık Devlet Arşivleri Daire Başkanlığı Yay., 1993. - 279 s.
18. *Resulzade, M.E.* Azərbaycan Cumhuriyeti Keyfiyet-i Teşekkülü ve Şimdiki Vaziyeti / Hazırlayan: İ.M.Yıldırım , S.Çağın , Y.Akpınar. - İstanbul: İrfan Yayıncılık, 1990. - 206 s.
19. *Resulzade, M.E.* Kafkasya Türkleri. - İstanbul: Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1993. - 132 s.
20. *Saray, M.* Azərbaycan Türkleri Tarihi. - İstanbul: İstanbul Matbaası, 1993. - 149 s.
21. *Sarıahmetoğlu, K.N.* Azeri-Ermeni İlişkileri 1905-1920. - Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, - 2006. - 535 s.
22. *Sünbül, T.* Azərbaycan Dosyası. - Ankara: Kök Sosyal Ve Stratejik Araştırmalar Yayınları, 1990. - 128 s.

23. Şimşir, S. Mehmet Emin Resulzâdenin Türkiye 'deki Hayatı, Faahyetleri ve Düşünceleri. - Ankara, 1995.
24. Yanar, Ş. Azerbaycanda Ebülfez Elçibey Döneminde Türk Kimlik Oluşumu // Der. B.Günay. – Avrupadan Asyaya Sorunlu Türk Bölgeleri. - İstanbul: İG Kültür Sanat Yayıncılık, 2005. - s.579-638.
25. Yıldız, M. Dünden Bugüne Kafkasya. - İstanbul: Yitik Hazine Yay, 2006. - 384 s.
26. Başbakanlık Osmanlı Arşivleri (BOA), fon Dahiliye, Kalem-i Mahsus (DKM)
27. BOA, fon Yıldız Maruzat Defterleri (Y.MRZ.d.).....
28. BOA, fon Siyasî Kısmı Belgeleri (HR.SYS)

УМУДЛУ ВИДАДИ УМУД ОГЛЫ - кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана (v.umudlu@yahoo.co.uk).

UMUDLU, VIDADI UMUD OGLU – Ph.D. in History, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of History named after A.A. Bakikhanov of Azerbaijan National Academy of Sciences (v.umudlu@yahoo.co.uk).

УДК 930.1

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-252-260

ХАЗИАХМЕТОВА Р.Р.

СКОРБНЫЕ ЛИСТЫ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПЕРВОЙ КАЗАНСКОЙ РАБОЧЕЙ БОЛЬНИЦЫ КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ключевые слова: история болезни, делопроизводственные документы, массовые источники, повседневность пациента, история медицины, Казань.

В статье исследуются исторические источники, раскрывающие повседневность больного человека – скорбные листы (истории болезни). В качестве основного материала используются скорбные листы Первой рабочей больницы г. Казани за 1918-1921 гг., находящиеся на хранении в Государственном Архиве Республики Татарстан. Выбор данной группы источников обусловлен необходимостью расширения источникового поля истории повседневности новым, ранее не опубликованным материалом, а также специфичностью места и времени происхождения источников. В 1918-1921 гг. Казань являлась одним из первых городов, где проводилась организация советского здравоохранения в период Гражданской войны. В местных источниках получили отражение не только частные, но и крупные исторические события, связанные со здоровьем человека (эпидемии, голод и пр.). Автор показывает источниковый потенциал скорбных листов, как источника для истории повседневности. Основными методами исследования являются математические и количественные методы. Результаты исследования показывают, что скорбные листы содержат данные о статистике заболеваемости, отношении пациентов к болезням и врачам, корреляции или отсутствие таковой между заболеваниями и социальным статусом человека, между заболеванием и длительностью игнорирования болезни человеком. Скорбные листы отражают сценарии обращения в больницу, существующие в обществе первых лет Советской власти.

KHAZIAKHMETOVA, R.R.

THE HOSPITAL HISTORY SHEETS OF THE THERAPEUTIC DEPARTMENT OF THE FIRST KAZAN WORKERS' HOSPITAL AS HISTORICAL SOURCES FOR THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Key words: medical history, clerical documents, mass sources, everyday life of a patient, history of medicine, Kazan.

The article examines historical sources that reveal the everyday life of a sick person - mournful sheets (case histories). The mournful sheets of the First Workers' Hospital of Kazan for 1918-1921, which are stored in the State Archives of the Republic of Tatarstan, are used as the main material. The choice of this group of sources is due to the need to expand the source field of the history of everyday life with new, previously unpublished material, as well as the specificity of the place and time of origin of the sources. In 1918-1921. Kazan was one of the first cities where the organization of Soviet health care was carried out during the Civil War. Local sources reflect not only private, but also major historical events related to human health (epidemics, famine, etc.). The author shows the source potential of mournful sheets as a source for the history of everyday life. The main research methods are mathematical and quantitative methods. The results of the study show that the mournful lists contain data on the statistics of morbidity, the attitude of patients to diseases and doctors, the correlation or lack thereof between diseases and the social status of a person, between the disease and the duration of ignoring the disease by a person. The mournful sheets reflect the scenarios for going to the hospital that exist in the society of the first years of Soviet power.

История повседневности занимает все больше места в современном историческом поле. В рамках данного направления существуют различные взгляды на содержание термина «повседневность». Наша статья опирается на понимание повседневности, как «пути приспособления людей к событиям внешнего мира, обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле, эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей» [1]. Болезнь человека рассматривается, как одно из проявлений повседневной реальности, наравне со здоровьем, поскольку с заболеваниями сталкивается каждый человек. Особенно это касается внутренних болезней, о которых пойдет речь – инфекционных, простудных, появляющихся из-за привычек повседневности и вызывающих выключение человека из обычного ритма жизни. При этом учитывается, что, обращаясь к врачу, человек погружается в новую для себя повседневность пациента [2, с. 13].

Скорбный лист (история болезни) – это делопроизводственный документ медицинского учреждения, заключающий в себе информацию о пациенте, его заболевании, развитии болезни и назначаемом лечении. Наименование «скорбный лист» интерпретируется историками медицины как отражение отношения врача и общества к пациенту: скорбь и сочувствие [3, с. 97]. Скорбный лист – это документ, который фиксирует основное для лечебного учреждения общение между врачом – агентом, и пациентом – клиентом [4, с. 87]. В статье термины история болезни и скорбный лист используются как синонимы. Существует два важнейших момента, влияющих на историю формирования данного документа. Во-первых, формальность истории болезни, т.е. введение государственного регулирования формы и ведения истории болезни. Во-вторых, изменение структуры и содержания документа, в зависимости от потребностей медиков и их подходов к профессии. Мишель Фуко указывал на функцию обучения и передачи опыта как на основную причину возникновения, сохранения и развития скорбных листов. Он считал, что в XVIII в. история болезни стала текстом, который облакал болезнь в вербальную форму, что было очень важно для формирования понятного диалога внутри медицинского сообщества [5, с. 117]. Итогом развития внешнего вида и внутреннего содержания истории болезни стало то, что сегодня данный документ считается одним из основных медицинских документов лечащего врача, в том числе с юридической точки зрения [6].

Исследователи склоняются к тому, что обязательное ведение документа, где бы фиксировались данные о пациенте, действия врача и эпикриз, в России появилось в «Генеральном регламенте о госпиталях и должностях...» 1735 г. [7, с. 131]. Помимо историй болезни в Российских госпиталях велись также палатные книги, куда вносилась та же информация, что и в скорбных листах. Но в начале XIX в. ведение палатных книг было упразднено [8, с. 76]. Таким образом, скорбный лист остался единственным документом, который фиксировал историю болезни пациента. Затем на протяжении всего XIX в. в медицинском сообществе велись дискуссии о структуре скорбных листов, их статусе и функционале для врача и пациента [9, с. 41]. Ведение историй болезни преподавалось на медицинских факультетах. Истории болезней становились частью учебной практики молодых врачей. С увеличением числа пациентов необходимость в фиксировании информации только росла. В итоге, благодаря влиянию практикующих ученых-медиков, к концу XIX в. ведение скорбного листа стало повсеместным и обязательным во всех лечебных учреждениях [10, с. 653]. Следующей опорной датой в истории данного документа стал 1927 год, когда Наркомздрав РСФСР разработал единую форму истории болезни. Так, скорбный лист стал официальной частью политики здравоохранения Советского государства.

В качестве исторических источников рассматриваются скорбные листы терапевтического отделения Первой рабочей больницы г. Казани. Больница была организована на месте Александровской больницы по ул. Ново-Горшечная 31 (ныне ул. Бутлерова, здание снесено). Название рабочая – указывает на классовость и ориентированность данной больницы и всего строящегося советского здравоохранения на рабочий класс [11]. Источники находятся в фонде Р-1327 «Первая рабочая больница г. Казани» Государственного архива Республики Татарстан (далее ГАРТ) и сохранились лишь за период с начала 1918 г. по конец 1921 г. Рассматривая массив данных документов, возможно выявить обобщенную информацию о повседневности пациента, врача, их отношении к существующей системе врачевания, к болезням, к здоровью. В фонде Р-1327 ГАРТ сохранилось всего 2045 скорбных листов терапевтического отделения за 1918-1921 гг. Было принято решение провести выборку. Данные источники хранятся по годам. Однако внутри одного года их расположение хаотично. Для такого несистематичного ряда источников наиболее репрезентативной является механическая выборка. На основе выборке в каждый десятый скорбный лист была составлена база данных скорбных листов в виде таблицы в программе Excel. В исследовании представлены данные 204 листов терапевтического отделения за 1918-1921 гг.

Скорбные листы представляют собой документ формата А4 книжного сложения с двумя листами. Бумага различной плотности желтого и бежевого оттенков. На каждой странице имеется бланк, выполненный в типографии [12]. Скорбный лист заполнялся вручную. Формуляр скорбного листа выполнял различные функции, что позволяет поделить скорбный лист на три смысловые части. Первая часть – персональная информация о пациенте, указываемая в шапке или анкете скорбного листа: имя, возраст, семейное положение, образование, занятия, национальность, место жительства, принадлежность к больничной кассе, место заболевания, вес пациента при

ИСТОРИЯ

поступлении и вес пациента после выписки, время прибытия и выбытия из больницы, диагноз и результат лечения. Эта часть скорбного листа несет регистрирующую, фильтрационную и информативную функции. По Декрету СНК от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся» право на получение медицинской помощи имели рабочие, независимо от характера и вида деятельности, а также члены их семей [13, с. 480]. Кроме того, анкета пациента помогала определить его социальный статус и давала информацию о его образе жизни. Вторая часть скорбного листа – графа «Субъективное исследование: жалобы в настоящее время и история настоящего заболевания. Наследственные и перенесенные болезни» – отражает ход опроса пациента и индивидуальную специфику начала и развития заболевания, включая комментарии пациента. Функционал данной части – сбор анамнеза. Располагающиеся на втором, третьем и четвертом листах графы «объективное исследование» и «течение болезни» можно отнести к третьей смысловой части источника. Вместе они составляют рабочее пространство врача и отражают врачебное мышление и особенности развития медицинской науки.

В первую очередь необходимо охарактеризовать контингент пациентов больницы. Скорбные листы позволяют выявить возраст, профессию, степень образования, семейное положение, национальность пациента. В совокупности эти данные дают представление о социальных группах казанцев и некоторых маркерах их жизни.

В терапевтическое отделение обращались квалифицированные и неквалифицированные рабочие и члены их семей в возрасте от 1,5 до 78 лет. Число женщин в выборке оказалось меньшим, чем мужчин – 72 (35%), мужчин – 132 (65%). Средний возраст женщин, обратившихся к врачу, был 30,5 лет, мужчин – 30 лет. В выборку попало 16 детей, большинство из них старше 15 лет, т.е. работоспособного возраста. Степень образования пациентов была различной: 78 (38%) поступивших в больницу были грамотны, включая 7 пациентов, отмеченных как малограмотные. 126 человек (62%) были отмечены как неграмотные. Семейное положение обратившихся в больницу было различным. Доля семейных пациентов гораздо выше, несемейных: 100 (49%) семейных к 48 (23%) несемейным. По данным исследования «Российская империя: от традиции к модерну» благосостояние семейных наемных работников было выше, чем не семейных, поскольку как правило в семье работали все, включая малолетних детей и подростков [14, с. 205]. Семейное положение, так же, как и уровень грамотности и профессия давали врачу информацию о быте и жизненном укладе пациента. Выборка не выявила корреляции между местом работы, профессией и заболеванием. Однако, она позволила увидеть относительность заболеваний друг-другу и понять, чем страдали горожане, как часто они обращались к врачу и на что жаловались. Все диагнозы, оказавшиеся в выборке возможно подвергнуть статичному и динамичному анализу. Статичный анализ – это подсчет всех вошедших в выборку заболеваний за весь период с 1918 по 1921 гг. Такая статистика может показать, чем болели казанцы. Заболевания являются отражением повседневности и наоборот, влияют на нее.

В выборке за 1918-1921 гг. (204 скорбных листа) [15] оказались скорбные листы пациентов со следующими заболеваниями: анемия (3%), аппендицит (1,5%), астма (0,5%), асцит (0,5%), бронхит (1,5%), варикоз (0,5%), гастрит (1%), гастроэнтерит и энтерит (7%), голод (6,5%), грипп (10%), дизентерия (3%), желтуха (1%), катар дыхательных путей (0,5%), колика (0,5%), колит (0,5%), малярия (11,3%), миокардит (5%), нефрит (3%), отек легких (0,5%), пищевое отравление (0,5%), пневмония (7%), плеврит (1%), порок сердца (1,5%), ревматизм (2%), тиф (брюшной, возвратный, сыпной – 14,2%), туберкулез (8%), флюс (0,5%), холера (0,5%), хроническая сердечная недостаточность (0,5%), цинга (0,5%), язва желудка (1,5%). В 5% скорбных листов не указан диагноз пациента. Динамический анализ данной графы – это срез заболеваний по годам. Тогда распространение болезней у населения по данной графе можно проследить в динамике за 1918-1921 гг. и соотнести с существующей в историографии статистикой заболеваемости в Казанской губернии в данный период. Следуя выборке за 1918 г. (33 скорбных листа), можно сказать, что самыми распространёнными болезнями были: пневмония – 9 (27% из выборки за 1918 г.) пациентов [16], грипп – 7 (21%) [17], все виды тифа – брюшной, сыпной и возвратный – 6 (18%) пациентов [18]. Несмотря на высокую частоту встречаемости в основном массиве скорбных листов, в выборке оказался только один заболевший с диагнозом «туберкулез» [19]. Другие пациенты обращались с заболеваниями желудочно-кишечного тракта (колики, язвы) и ревматизмом.

ИСТОРИЯ

По данным исследователя санитарной организации Казани Е.Я. Степановой в 1918 г. в Казанской губернии наблюдался скачок заболевания сыпным тифом – 300 человек на 10 000 жителей [20, Приложение 8], что нашло отражение в скорбных листах больницы. В мае 1918 г. в Одессе началась эпидемия «испанки», которая по мнению исследователя Л. Спинни летом распространилась по всей Сибири и северной Азии, «а уже к концу сентября только что учрежденный в Москве Народный комиссариат здравоохранения РСФСР оказался завален отчетами о повальной заболеваемости по всей стране» [21, с. 56]. Тем не менее во всем массиве скорбных листов наименование испанского гриппа не встретилось. Л. Спинни предполагает, что из-за схожести первичных симптомов тифа и «испанки» русские врачи не могли сразу определить болезнь до появления тифозной сыпи [21, с. 87]. Таким образом, «испанка» могла быть принята за тиф и в скорбных листах испанка могла скрываться под диагнозом тиф. Возможно казанские врачи ставили обобщенный диагноз «Influenza» (с лат. грипп), который все чаще фигурировал в скорбных листах за 1920 г. и 1921 г. При этом можно предположить, что в 1919 г. наименование «испанский грипп» уже было известно обществу российских врачей. Это подтверждается примером из книги «Бледный всадник...»: в скорбном листе Веры Холодной, скончавшейся во время эпидемии в Одессе, стоял диагноз «испанка» [21, с. 172].

В 1920 г. (66 историй болезни) картина заболеваемости выглядит иной. Помимо лидирующих заболеваний, таких как, тиф (6 случаев или 9% из выборки за 1920 г.) [22], грипп (6 случаев или 9%) [23], пневмония (3 случая или 4%) [24], в выборку вошли малярия (13 случаев или 20%) [25], туберкулез (9 случаев или 13,6%) [26] и заболевания сердца (6%): миокардит (2 случая) [27], порок сердца (2 случая) [28]. К врачу обращались с заболеваниями желудка такими как язва, гастрит [29], анемией [30], бронхитами [31]. Необходимо также отметить, что в 1920 г. начался активный рост заболевания малярией, который достигнет своего пика в 1922 г., и оспой [20, Приложения 9, 10]. Источник подтверждает повышение заболеванием малярией. Однако пациенты с оспой не вошли в выборку. Возможно благодаря начавшейся в РСФСР кампании по оспопрививанию [32], показатели заболевания были не высокими или пациенты с оспой направлялись в другое лечебное учреждение без фиксации их присутствия в больнице.

В 1921 г. (104 скорбных листа) такие заболевания как тиф, пневмония и туберкулез продолжали оставаться одними из многочисленных. С диагнозом тиф (возвратный и сыпной) оказались 17 пациентов (16% из выборки за 1921 г.) [33], с туберкулезом 6 пациентов (5,7%) [34], с пневмонией 5 пациентов (4,8%) [35]. В выборке оказалось 10 случаев заболевания малярией (9,6%) [36]. Сохранилось число заболеваний гриппом «influenza» – 6 пациентов (5,7%) [37].

Однако в 1921 г. резко возросло число пациентов с заболеваниями желудочно-кишечного тракта. 13 пациентов (12,5%) с диагнозом гастрит, гастроэнтерит и энтерит [38], 6 пациентов с дизентерией [39], 1 случай холеры [40] и 1 случай цинги [41]. Вполне вероятно, что это связано с начавшимся в Поволжье голодом и недоеданием горожан. К тому же голодающие были выделены самой больницей в отдельную категорию пациентов. В выборке оказалось 13 скорбных листов, где в графе «диагноз» указано: «голодающий» или «от голода» [42]. В числе голодающих были как дети, так и взрослые. Самый молодой пациент всей выборки (1,5 года) поступил в больницу в связи с голодом. Так же многочисленными остались случаи миокардита – 8 пациентов (7,6%) [43]. Миокардит – поражение сердечной мышцы, вызываемое различными причинами. Средний возраст пациентов с таким заболеванием – 39 лет. В 5 скорбных листах за 1921 г. не указан диагноз и нет информации о заболевании [44].

Таким образом, в повседневности казанца в период с 1918 по 1921 гг. сосуществовали опасность заражения тифом, туберкулезом и пневмонией, малярией, холерой. Эта опасность только усиливалась угрозой голода и антисанитарным положением в городе. Как отметила исследовательница эпидемии тифа Н.А. Миронова повседневностью города стали «не прогулки в парке, не театр и магазины, не культурные события и даже несемейная жизнь», а болезнь и смерть [45, с. 73]. В данном контексте «субъективное исследование» позволяет ответить на вопрос о том, насколько горожане вообще ощущали необходимость обращения к врачу, в каких случаях они обращались за медицинской помощью, и насколько они позволяли медикам, в данном случае терапевтам, вмешиваться в свой организм.

Исходя из порядка записей в данной графе, можно сделать вывод, что терапевты вели с пациентом диалог и проводили конкретный опрос. Изначально фиксировались конкретные

ИСТОРИЯ

жалобы пациента в очередности проявления симптомов, где важную роль играло время заболевания. Например, «Заболела *за три дня* до поступления в больницу внезапно. *Сразу* почувствовала хрипы, общее недомогание, тяжесть в правом боку. Появился кашель *сначала* сухой, а *через несколько дней* с обильным выделением мокроты <...>» [46], *выделено авт.*]. Категория времени играла важную роль не только для выяснения степени заболевания, но и для оценки отношения пациента к болезни и медицинскому вмешательству. Пациенты терапевтического отделения приходили к врачу в среднем на 11 день заболевания. Минимальное количество дней, когда пациент терпел заболевание или занимался самолечением – 3 дня, максимальное – 21 день.

Время от начала заболевания до похода к врачу растягивалось в связи с несколькими факторами. В первую очередь, ментальное и культурное отношение к простудным заболеваниям. В условиях постоянного дискомфорта быта, простудные заболевания «преследовали» человека повсюду. На начальных этапах заболевания простому человеку без специальных знаний и инструментов невозможно определить опасность болезни. Простуда могла оказаться смертельно опасными для 1920-х гг. пневмонией или туберкулезом. Вторым фактором являлся страх заразиться в больнице и необходимость выйти из привычной жизненной колеи. В рамках военного положения и военного коммунизма, увеличения рабочего времени, введения карточной системы получения пайков у горожанина не оставалось времени на удовлетворение других своих нужд. Режим «постоянной борьбы за выживание» исключал спонтанные походы к врачу [47, с. 271]. Свободное от работы время жители вынуждены были тратить на поиск дополнительного пропитания, стояние в очередях за продовольствием, дровами [48, с. 108]. В связи с этим смертность от «простудных» заболеваний была достаточно высокая. По данным выборки за 1918-1921 гг. от пневмонии, туберкулеза, отека легких скончалось 50% от всех умерших пациентов Первой рабочей больницы (13 человек).

Тем не менее временной промежуток между обнаружением заболевания и обращением к врачу у пациентов терапевтического отделения значительно короче, чем, например, у пациентов хирургического отделения [49, с. 575]. Однако нельзя считать пациентов терапевтического отделения более сознательными. Дело в том, что внутренние заболевания гораздо быстрее выводят человека из привычного, нормального состояния. Общее недомогание, сопровождающееся болями и другими неприятными симптомами, не позволяло горожанину вести обыденный образ жизни. А молва о заразности и неизлечимости заболеваний с конкретными симптомами, ускорила желание человека получить помощь специалиста.

Благодаря этой части источника выявлен сценарий повседневности пациента: игнорирование первых легких признаков заболевания, осознание ощущения общего недомогания и невозможности вести обычный образ жизни, поход к врачу и вхождение в роль пациента, получение лечения, выздоровление или смерть.

Ход лечения и повседневность пациента в больничной палате отображены в третьей части источника. Таблица «Течение болезни» велась в полном соответствии со всеми ее графами: дата, течение болезни, лечение, диета. Ежедневно фиксировались температура тела, основные симптомы и самочувствие больного. В связи с тем, что некоторые записи содержат в себе фразы как «продолжает жаловаться на боль» [50] или «самочувствие хорошее» [51], можно сделать вывод, что осмотр сопровождался диалогом между врачом и пациентом. Из общего числа историй болезни удалось выявить наименования некоторых лекарственных средств, применявшиеся для лечения внутренних болезней: аспирин и салициловая кислота, борная кислота, глицерин, камфорное масло, кофеин, морфий. Аспирин использовался для лечения пневмонии, но указывался в качестве лекарственного средства не во всех скорбных листах. Борная кислота могла быть использована в качестве наружного антисептика. Камфорное масло, как аналептик, использовалось для улучшения дыхания пациентов, против одышки [21, с. 156].

Скорбные листы подтверждают применение следующих процедур: клизма, горячий и холодный компрессы, ванны, наложение шины, вытяжение за счет веса, рентген. Из специального медицинского оборудования по скорбным листам можно выделить термометры, клизмы (вероятно кружка Эйхсмара), стетоскопы, рентгеновское оборудование.

Окончание ведения скорбного листа могло ознаменоваться несколькими возможными вариантами развития заболевания: выписка с полным выздоровлением, выписка с амбулаторным

лечением, выписка по желанию, перевод в другую больницу или другое отделение той же больницы, смерть пациента. Неизвестным является исход болезни в 135 (66%) скорбных листах. В это число вошли практически все скорбные листы за 1921 г. Так же неизвестным остается исход заболевания у тех пациентов, которые выписались по собственному желанию без прямых указаний лечащего врача, в выборке таких пациентов двое [52]. В связи с этим, посчитать процент выздоравливаемости достаточно трудно. Статистическую картину, к тому же, смазывают переводы пациентов в другие отделения больницы и иные учреждения, где отследить их судьбу в силу отсутствия скорбных листов других больниц невозможно.

Причинами перевода в другое место служили заразность болезни, тогда пациента переводили в заразные бараки или заразные госпитали (8 скорбных листов) [53], не профильность заболевания (3 скорбных листа) [54], наличие хронического заболевания, острые симптомы которого устранены в терапевтическом отделении, но пациент нуждается в продолжительном лечении или наблюдении. Такие больные переводились в «убежище для хроников» (3 скорбных листа) [55]. Всего переведенных пациентов – 8,3% (17 из выборки). Полностью выздоровевшие пациенты занимают 7,8% от всей совокупности выбранных скорбных листов [56]. Выписаны «до выздоровления», то есть с необходимостью наблюдения у врача, еще 4% пациентов [57]. Несмотря на лечение умерло 12,7% (26) пациентов из всей выборки [58]. Умирали пациенты с диагнозами: асцит, дизентерия, миокардит, нефрит, отек легкого, пневмония, порок сердца, сибирская язва, тиф (брюшной, сыпной, возвратный), туберкулез. После выписки и смерти пациента, его дальнейшая судьба и судьба его тела остаются не известными. О том, как относились к переболевшим, выжившим и умершим, можно судить по другим источникам, например, пропагандисткой, медицинской литературе, газетам. Можно точно сказать, что в годы гражданской войны предпочтительней была смерть от рук врага на поле боя [59, с. 124].

Повседневность больного в основном регулировалась физическими и телесными практиками: пробуждение, прием пищи, прием лекарств, проведение процедур, измерение температуры, посещение врача и обсуждение с ним физического самочувствия. Опорными точками дня, регуляторами режима являлись физические действия. Тело и болезнь сливаются в одно. Без тела нет болезни. Скорбные листы отражают эту сторону повседневности пациента, однако остается неизвестным, чем занимались пациенты, если они находились в сознании, в свободное от тех практик время. Возможен ли был умственный или развлекательный досуг, чтение, разговоры с другими пациентами или медицинским персоналом, посещение родных? Эти вопросы остаются за рамками скорбных листов. Сложно так же сказать, что на самом деле чувствовали пациенты на приеме у врача, когда болели. Возможно, им были не чужды страх, волнение, надежда на выздоровление, недоверие к врачу и другие эмоции.

Скорбные листы являются свидетелями «жизни больного», и позволяют обогатить «здоровую» повседневность повседневностью заболевшего. Они иллюстрируют отношения между врачом и пациентом, отношение пациента к болезни. Скорбные листы являются частью истории институций, медицины, что говорит о высоком потенциале данных источников как для микро-, так и для макро- исследований.

Литература и источники

1. *Пушкарева Н.Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы. Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения 21.02.2022)
2. *Богданов К.А.* Врачи, Пациенты, Читатели: Патографические тексты XVIII – XIX веков. - М.: ОГИ, 2005.
3. *Усов Л.А.* Врачебное мышление – езда в незнаемое // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). - 2016. - № 1.
4. *Галкина С.Ф.* Институциональный медицинский текст: опыт лингвистического анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - № 12(78). - Ч. 2.
5. *Фуко М.* Рождение клиники. - М.: Смысл, 1998.
6. *Карташова А.Л.* История болезни как основной юридический документ // Современные тенденции развития науки и технологий. - 2016. - №5-1. - С. 108–113.
7. *Поддубный М.В.* Когда в России появилась официальная «история болезни»? // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. - 2012. - № 1.
8. *Поддубный М.В.* Палатные книги, цидулы, скорбные билеты как предшественники официальной «Истории болезни» // Клиническая медицина. - 2013. - № 3.
9. *Ромашова О.В.* Композиционно-содержательная структура медицинского документа: этапы формирования // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. - 2015. - № 1.
10. *Экажева Ш.М.* Исторические аспекты формирования современной истории болезни // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. - 2014. - № 5.

ИСТОРИЯ

11. *Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А.* Принципы советской медицины: история создания // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. - 2020. - Т. 28(3). - С. 491-498.
12. Государственный Архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-1327 (Первая рабочая больница г. Казани). Оп.3. Д.16. Л. 38.
13. Положение о социальном обеспечении трудящихся от 31 октября 1918 г. // Декреты Советской власти. - Т. 3. - М.: Политиздат, 1964.
14. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. - Т. 3. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2015.
15. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп.2. Д.1-16, 18; Оп.3. Д. 1-6, 13-16; Оп.4. Д.1-13, 24, 26, 28.
16. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 7. Л. 79. Оп. 2. Д. 8. Л. 59. Оп. 2. Д. 9. Л. 23, 43.
17. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 7. Л. 39. Оп. 2. Д. 8. Л. 79. Оп. 2. Д. 11. Л. 57. Оп. 2. Д. 13. Л. 25. Оп. 2. Д. 14. Л. 47, 57. Оп. 2. Д. 16. Л. 49.
18. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 7. Л. 19. Оп. 2. Д. 8. Л. 99. Оп. 2. Д. 9. Л. 3. Оп. 2. Д. 10. Л. 1, 41. Оп. 2. Д. 12. Л. 31.
19. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 13. Л. 45.
20. *Степанова Е.Я., Галлямов А.Б., Морозов В.В.* Становление санитарной организации в Казанской губернии и Татарской республике, 1797–1934. Очерки истории. - Казань: Медицина, 2000.
21. *Спинни Л.* Бледный всадник: как «испанка» изменила мир. - М.: Издательство АСТ, 2021.
22. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 1. Л. 40. Оп. 4. Д. 2. Л. 80. Оп. 4. Д. 4. Л. 57. Оп. 4. Д. 5. Л. 74, 104. Оп. 4. Д. 6. Л. 34.
23. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 5. Л. 28, 94. Оп. 4. Д. 6. Л. 3, 13, 47, 57.
24. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 1. Л. 50. Оп. 4. Д. 3. Л. 79. Оп. 4. Д. 5. Л. 18.
25. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 2. Л. 20, 30, 50, 90, 120. Оп. 4. Д. 3. Л. 49. Оп. 4. Д. 4. Л. 17, 27, 87, 117. Оп. 4. Д. 5. Л. 8. Оп. 4. Д. 6. Л. 67. Оп. 4. Д. 7. Л. 23, 24.
26. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 1. Л. 10. Оп. 4. Д. 2. Л. 60, 130. Оп. 4. Д. 3. Л. 9, 29, 69. Оп. 4. Д. 4. Л. 37, 47. Оп. 4. Д. 5. Л. 54.
27. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 1. Л. 80. Оп. 4. Д. 6. Л. 87.
28. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 1. Л. 70. Оп. 4. Д. 3. Л. 19.
29. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 1. Л. 60. Оп. 4. Д. 2. Л. 40. Оп. 4. Д. 3. Л. 99. Оп. 4. Д. 6. Л. 77.
30. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 2. Л. 10. Оп. 4. Д. 3. Л. 89. Оп. 4. Д. 5. Л. 39.
31. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 4. Д. 1. Л. 20. Оп. 4. Д. 2. Л. 110. Оп. 4. Д. 4. Л. 77.
32. Декрет СНК об обязательном оспопрививании от 10 апреля 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. 5. - М.: Политиздат, 1971. - С. 60-61.
33. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 7. Л. 110б, 21, 41, 71, 81. Оп. 5. Д. 8. Л. 69. Оп. 5. Д. 9. Л. 39, 109, 169. Оп. 5. Д. 10. Л. 29, 39. Оп. 5. Д. 11. Л. 12, 22, 52, 62. Оп. 5. Д. 12. Л. 1, 31.
34. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 7. Л. 91. Оп. 5. Д. 8. Л. 89. Оп. 5. Д. 9. Л. 129. Оп. 5. Д. 12. Л. 11, 41. Оп. 5. Д. 16. Л. 1.
35. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 8. Л. 9 об, 49, 110, 120. Оп. 5. Д. 9. Л. 49.
36. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 7. Л. 1. Оп. 5. Д. 8. Л. 59 об. Оп. 5. Д. 9. Л. 9. Оп. 5. Д. 10. Л. 19, 69. Оп. 5. Д. 13. Л. 19. Оп. 5. Д. 14. Л. 13, 23, 33, 73.
37. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 8. Л. 79, 100. Оп. 5. Д. 9. Л. 119. Оп. 5. Д. 11. Л. 32. Оп. 5. Д. 12. Л. 51. Оп. 5. Д. 16. Л. 21.
38. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 7. Л. 111, 131. Оп. 5. Д. 8. Л. 29 об, 39. Оп. 5. Д. 9. Л. 219. Оп. 5. Д. 11. Л. 42. Оп. 5. Д. 14. Л. 83, 93, 113. Оп. 5. Д. 15. Л. 8. Оп. 5. Д. 16. Л. 11, 51, 61.
39. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 7. Л. 161. Оп. 5. Д. 9. Л. 29, 59. Оп. 5. Д. 14. Л. 43. Оп. 5. Д. 15. Л. 18, 48.
40. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 9. Л. 69.
41. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 11. Л. 2.
42. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 7. Л. 31, 51, 61, 101. Оп. 5. Д. 9. Л. 19, 89, 99, 149. Оп. 5. Д. 12. Л. 21, 61. Оп. 5. Д. 13. Л. 9. Оп. 5. Д. 14. Л. 63. Оп. 5. Д. 15. Л. 28.
43. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 7. Л. 121, 151, 181. Оп. 5. Д. 9. Л. 79. Оп. 5. Д. 10. Л. 9. Оп. 5. Д. 11. Л. 72. Оп. 5. Д. 13. Л. 29. Оп. 5. Д. 15. Л. 58.
44. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 5. Д. 9. Л. 139, 189, 199. Оп. 5. Д. 10. Л. 59. Оп. 5. Д. 16. Л. 31.
45. *Миронова А.Н.* Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. - М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2020.
46. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 7. Л. 49.
47. *Лебина Н.Б.* Пассажиры колбасного поезда: этюды к картине быта российского города 1917-1991. - М.: НЛЮ, 2019.
48. *Мальшева С.Ю., Сальникова, А.А.* Повседневная жизнь советского провинциального города: казус Казани. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018.
49. *Хазиахметова Р.Р.* Скорбные листы как исторический источник. На примере историй болезней хирургического отделения Первой рабочей больницы г. Казани 1918–1920 гг. // Вестник архивиста. – 2021. – № 2.
50. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 8. Л. 40.
51. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 16. Л. 30.
52. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 7. Л. 19. Оп. 2. Д. 14. Л. 47.
53. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 8. Л. 99, 100. Оп. 2. Д. 10. Л. 1, 2. Оп. 4. Д. 6. Л. 34. Оп. 5. Д. 8. Л. 69. Оп. 5. Д. 10. Л. 29. Оп. 5. Д. 11. Л. 12, 52. Оп. 5. Д. 12. Л. 31.
54. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 7. Л. 79. Оп. 4. Д. 5. Л. 64. Оп. 5. Д. 14. Л. 53.
55. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 8. Л. 39. Оп. 2. Д. 13. Л. 45. Оп. 2. Д. 14. Л. 7.
56. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 7. Л. 39, 59. Оп. 2. Д. 8. Л. 19, 79. Оп. 2. Д. 9. Л. 3, 43. Оп. 2. Д. 10. Л. 61. Оп. 2. Д. 11. Л. 37, 57. Оп. 2. Д. 12. Л. 31. Оп. 2. Д. 13. Л. 25. Оп. 2. Д. 14. Л. 57. Оп. 2. Д. 16. Л. 29, 49. Оп. 4. Д. 7. Л. 23. Оп. 5. Д. 9. Л. 159.
57. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 9. Л. 23, 24. Оп. 2. Д. 11. Л. 17, 18. Оп. 2. Д. 15. Л. 11, 12. Оп. 4. Д. 2. Л. 70. Оп. 4. Д. 5. Л. 39. Оп. 4. Д. 6. Л. 47. Оп. 5. Д. 11. Л. 2. Оп. 5. Д. 15. Л. 28.
58. ГА РТ. Ф. Р-1327. Оп. 2. Д. 8. Л. 59. Оп. 2. Д. 10. Л. 21. Оп. 2. Д. 12. Л. 11. Оп. 2. Д. 13. Л. 5. Оп. 2. Д. 14. Л. 27. Оп. 2. Д. 15. Л. 31. Оп. 2. Д. 16. Л. 9. Оп. 4. Д. 1. Л. 10, 70. Оп. 4. Д. 2. Л. 60. Оп. 4. Д. 3. Л. 9. Оп. 4. Д. 4. Л. 37. Оп. 4. Д. 5. Л. 18. Оп. 4. Д. 6. Л. 23, 87. Оп. 5. Д. 7. Л. 91, 121, 161. Оп. 5. Д. 11. Л. 22, 62, 72. Оп. 5. Д. 12. Л. 1, 11. Оп. 5. Д. 14. Л. 43, 103. Оп. 5. Д. 16. Л. 1.
59. *Мальшева С.Ю.* «На миру красна». Инструментализация смерти в Советской России. - М.: Новый хронограф, 2019.

References and Sources

1. Pushkareva N.L. «Istoriya povsednevnosti» kak napravlenie istoricheskikh issledovanij // Perspektivy. Rezhim dostupa: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (data obrashcheniya 21.02.2022)
2. Bogdanov K.A. Vrachy, Pacienty, Chitateli: Patograficheskie teksty XVIII – XIX vekov. - M.: OGI, 2005.
3. Usov L.A. Vrachebnoe myshlenie – ezda v neznaemoe // Sibirskij medicinskij zhurnal (Irkutsk). - 2016. - № 1.
4. Galkina S.F. Institucional'nyj medicinskij tekst: opyt lingvisticheskogo analiza // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. - 2017. - № 12(78). - Ch. 2.
5. Fuko M. Rozhdenie kliniki. - M.: Smysl, 1998.
6. Kartashova A.L. Istoriya bolezni kak osnovnoj yuridicheskij dokument // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologii. - 2016. - №5-1. - S. 108–113.
7. Poddubnyj M.V. Kodga v Rossii poyavilas' oficial'naya «istoriya bolezni»? // Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko. - 2012. - № 1.
8. Poddubnyj M.V. Palatnye knigi, ciduli, skorbnnye bilety kak predshestvenniki oficial'noj «Istorii bolezni» // Klinicheskaya medicina. - 2013. - № 3.
9. Romashova O.V. Kompozicionno-soderzhatel'naya struktura medicinskogo dokumenta: etapy formirovaniya // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie. - 2015. - № 1.
10. Ekazheva Sh.M. Istorieskie aspekty formirovaniya sovremennoj istorii bolezni // Byulleten' medicinskih Internet-konferencij. - 2014. - № 5.
11. Zatravkin S.N., Vishlenkova E.A. Principy sovetskoj mediciny: istoriya sozdaniya // Problemy social'noj gigieny, zdoravoohraneniya i istorii mediciny. - 2020. - T. 28(3). - S. 491-498.
12. Gosudarstvennyj Arhiv Respubliki Tatarstan (GA RT). F. R-1327 (Pervaya rabochaya bol'nica g. Kazani). Op. 3. D. 16. L. 38.
13. Polozhenie o social'nom obespechenii trudyashchihsya ot 31 oktyabrya 1918 g. // Dekrety Sovetskoj vlasti. - T. 3. - M.: Politizdat, 1964.
14. Mironov B.N. Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu. - T. 3. - SPb.: Dmitrij Bulanin, 2015.
15. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 1-16, 18; Op. 3. D. 1-6, 13-16; Op. 4. D. 1-13, 24, 26, 28.
16. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 7. L. 79. Op. 2. D. 8. L. 59. Op. 2. D. 9. L. 23, 43.
17. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 7. L. 39. Op. 2. D. 8. L. 79. Op. 2. D. 11. L. 57. Op. 2. D. 13. L. 25. Op. 2. D. 14. L. 47, 57. Op. 2. D. 16. L. 49.
18. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 7. L. 19. Op. 2. D. 8. L. 99. Op. 2. D. 9. L. 3. Op. 2. D. 10. L. 1, 41. Op. 2. D. 12. L. 31.
19. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 13. L. 45.
20. Stepanova E.Ya., Gallyamov A.B., Morozov V.V. Stanovlenie sanitarnoj organizacii v Kazanskoj gubernii i Tatarskoj respublikе, 1797–1934. Ocherki istorii. - Kazan': Medicina, 2000.
21. Spinni L. Blednyj vsadnik: kak «ispanka» izmenila mir. - M.: Izdatel'stvo AST, 2021.
22. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 1. L. 40. Op. 4. D. 2. L. 80. Op. 4. D. 4. L. 57. Op. 4. D. 5. L. 74, 104. Op. 4. D. 6. L. 34.
23. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 5. L. 28, 94. Op. 4. D. 6. L. 3, 13, 47, 57.
24. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 1. L. 50. Op. 4. D. 3. L. 79. Op. 4. D. 5. L. 18.
25. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 2. L. 20, 30, 50, 90, 120. Op. 4. D. 3. L. 49. Op. 4. D. 4. L. 17, 27, 87, 117. Op. 4. D. 5. L. 8. Op. 4. D. 6. L. 67. Op. 4. D. 7. L. 23, 24.
26. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 1. L. 10. Op. 4. D. 2. L. 60, 130. Op. 4. D. 3. L. 9, 29, 69. Op. 4. D. 4. L. 37, 47. Op. 4. D. 5. L. 54.
27. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 1. L. 80. Op. 4. D. 6. L. 87.
28. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 1. L. 70. Op. 4. D. 3. L. 19.
29. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 1. L. 60. Op. 4. D. 2. L. 40. Op. 4. D. 3. L. 99. Op. 4. D. 6. L. 77.
30. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 2. L. 10. Op. 4. D. 3. L. 89. Op. 4. D. 5. L. 39.
31. GA RT. F. R-1327. Op. 4. D. 1. L. 20. Op. 4. D. 2. L. 110. Op. 4. D. 4. L. 77.
32. Dekret SNK ob obyazatel'nom ospoprivivani i ot 10 aprelya 1919 g. // Dekrety Sovetskoj vlasti. T. 5. - M.: Politizdat, 1971. - S. 60-61.
33. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 7. L. 110b, 21, 41, 71, 81. Op. 5. D. 8. L. 69. Op. 5. D. 9. L. 39, 109, 169. Op. 5. D. 10. L. 29, 39. Op. 5. D. 11. L. 12, 22, 52, 62. Op. 5. D. 12. L. 1, 31.
34. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 7. L. 91. Op. 5. D. 8. L. 89. Op. 5. D. 9. L. 129. Op. 5. D. 12. L. 11, 41. Op. 5. D. 16. L. 1.
35. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 8. L. 9 ob, 49, 110, 120. Op. 5. D. 9. L. 49.
36. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 7. L. 1. Op. 5. D. 8. L. 59 ob. Op. 5. D. 9. L. 9. Op. 5. D. 10. L. 19, 69. Op. 5. D. 13. L. 19. Op. 5. D. 14. L. 13, 23, 33, 73.
37. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 8. L. 79, 100. Op. 5. D. 9. L. 119. Op. 5. D. 11. L. 32. Op. 5. D. 12. L. 51. Op. 5. D. 16. L. 21.
38. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 7. L. 111, 131. Op. 5. D. 8. L. 29 ob, 39. Op. 5. D. 9. L. 219. Op. 5. D. 11. L. 42. Op. 5. D. 14. L. 83, 93, 113. Op. 5. D. 15. L. 8. Op. 5. D. 16. L. 11, 51, 61.
39. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 7. L. 161. Op. 5. D. 9. L. 29, 59. Op. 5. D. 14. L. 43. Op. 5. D. 15. L. 18, 48.
40. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 9. L. 69.
41. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 11. L. 2.
42. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 7. L. 31, 51, 61, 101. Op. 5. D. 9. L. 19, 89, 99, 149. Op. 5. D. 12. L. 21, 61. Op. 5. D. 13. L. 9. Op. 5. D. 14. L. 63. Op. 5. D. 15. L. 28.
43. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 7. L. 121, 151, 181. Op. 5. D. 9. L. 79. Op. 5. D. 10. L. 9. Op. 5. D. 11. L. 72. Op. 5. D. 13. L. 29. Op. 5. D. 15. L. 58.
44. GA RT. F. R-1327. Op. 5. D. 9. L. 139, 189, 199. Op. 5. D. 10. L. 59. Op. 5. D. 16. L. 31.
45. Mironova A.N. Velikaya epidemiya: synpoj tif v Rossii v pervye gody sovetskoj vlasti. - M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo. Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 2020.
46. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 7. L. 49.
47. Lebina N.B. Passazhiry kolbasnogo poezda: etyudy k kartine byta rossijskogo goroda 1917-1991. - M.: NLO, 2019.
48. Malysheva S.Yu., Sal'nikova, A.A. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo provincial'nogo goroda: kazus Kazani. - Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018.
49. Hazi Ahmetova R.R. Skorbnnye listy kak istoricheskij istochnik. Na primere istorij boleznnej hirurgicheskogo otdeleniya Pervoj rabochej bol'nicy g. Kazani 1918–1920 gg. // Vestnik arhivista. – 2021. – № 2.
50. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 8. L. 40.
51. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 16. L. 30.
52. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 7. L. 19. Op. 2. D. 14. L. 47.
53. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 8. L. 99, 100. Op. 2. D. 10. L. 1, 2. Op. 4. D. 6. L. 34. Op. 5. D. 8. L. 69. Op. 5. D. 10. L. 29. Op. 5. D. 11. L. 12, 52. Op. 5. D. 12. L. 31.
54. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 7. L. 79. Op. 4. D. 5. L. 64. Op. 5. D. 14. L. 53.
55. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 8. L. 39. Op. 2. D. 13. L. 45. Op. 2. D. 14. L. 7.
56. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 7. L. 39, 59. Op. 2. D. 8. L. 19, 79. Op. 2. D. 9. L. 3, 43. Op. 2. D. 10. L. 61. Op. 2. D. 11. L. 37, 57. Op. 2. D. 12. L. 31. Op. 2. D. 13. L. 25. Op. 2. D. 14. L. 57. Op. 2. D. 16. L. 29, 49. Op. 4. D. 7. L. 23. Op. 5. D. 9. L. 159.
57. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 9. L. 23, 24. Op. 2. D. 11. L. 17, 18. Op. 2. D. 15. L. 11, 12. Op. 4. D. 2. L. 70. Op. 4. D. 5. L. 39. Op. 4. D. 6. L. 47. Op. 5. D. 11. L. 2. Op. 5. D. 15. L. 28.
58. GA RT. F. R-1327. Op. 2. D. 8. L. 59. Op. 2. D. 10. L. 21. Op. 2. D. 12. L. 11. Op. 2. D. 13. L. 5. Op. 2. D. 14. L. 27. Op. 2. D. 15. L. 31. Op. 2. D. 16. L. 9. Op. 4. D. 1. L. 10, 70. Op. 4. D. 2. L. 60. Op. 4. D. 3. L. 9. Op. 4. D. 4. L. 37. Op. 4. D. 5. L. 18. Op. 4. D. 6. L. 23, 87. Op. 5. D. 7. L. 91, 121, 161. Op. 5. D. 11. L. 22, 62, 72. Op. 5. D. 12. L. 1, 11. Op. 5. D. 14. L. 43, 103. Op. 5. D. 16. L. 1.

ПАВЛОВА А.В.
**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОРНОСПАСАТЕЛЬНОГО ДЕЛА
В РОССИИ И НА ДОНБАССЕ**

Ключевые слова: горноспасательное дело, горное дело, горный надзор, безопасность труда, промышленная безопасность, угольная промышленность, история Донбасса

В статье рассматривается историография горноспасательного дела в России и Донбассе начала XXI века. Научные труды были изучены на предмет определения общих характеристик и особенностей, теоретических основ и хронологических рамок исследований. Критический обзор представленной научной литературы дал возможность выделить типичные подходы ученых разных отраслей знаний в освещении проблемных вопросов истории горноспасательного дела России и Донбасса, а также выявить не разработанные проблемы и недостатки исторической научной литературы по данной теме. Показано, что история развития горноспасательной службы в основном фрагментарно изучалась техническими специалистами сферы горного дела. Вместе с тем, она еще очень слабо разработана историками (России, Донбасса, Украины). Обоснован вывод о необходимости дальнейшего комплексного исторического исследования процесса становления общегосударственной системы безопасности горных работ и горноспасательного дела в СССР и России.

PAVLOVA, A.V.
MODERN HISTORIOGRAPHY OF MINE RESCUE IN RUSSIA AND DONBASS

Key words: mine rescue, mining, mining supervision, labor safety, industrial safety, coal industry, history of Donbass.

The article deals with the historiography of mine rescue in Russia and Donbass at the beginning of the 21st century. Scientific works were studied in order to determine the general characteristics and features, theoretical foundations and chronological framework of research. A critical review of the presented scientific literature made it possible to highlight the typical approaches of scientists from different fields of knowledge in highlighting problematic issues in the history of mine rescue in Russia and Donbass, as well as to identify undeveloped problems and shortcomings of historical scientific literature on this topic. It is shown that the history of the development of the mine rescue service was mainly fragmentarily studied by technical specialists in the field of mining. At the same time, it is still very poorly developed by historians (of Russia, Donbass, Ukraine). The conclusion about the need for further comprehensive historical study of the process of formation of a national system of mining safety and mine rescue in the USSR and Russia is substantiated.

История горноспасательного дела, как отдельной отрасли горного дела, включенной в общую систему обеспечения безопасного ведения горных работ, является важным звеном в изучении развития угольной промышленности России и Донбасса. Интерпретация современными учеными известных эпизодов и новых добытых исторических фактов зависит от личной мировоззренческой позиции и теоретико-методологической составляющей исследования, в связи с чем ретроспективный анализ историографии горноспасательного дела остается достаточно актуальным. Определение характерных черт, типичных подходов к освещению проблем развития отрасли, методологических принципов исследований является главной задачей данной статьи.

Необходимо отметить, что для изучения был взят период издательской активности по теме исследования с начала 2000-х годов, что объясняется началом устойчивого роста отечественной экономики, в том числе и угольной промышленности Донбасса. Вместе с тем, события, произошедшие в 2014 году на Украине, поделившие жизнь жителей Донбасса на «до» и «после», отразились и в научной исторической литературе, в связи с чем целесообразно рассматривать современную историографию горноспасательного дела в России и на Донбассе, поделив ее на два периода: первый - с начала 2000-х гг. до 2014 г., второй – с 2014 г. по настоящее время.

Вклад историков в изучение истории становления на территории Донбасса надзора за соблюдением безопасных условий труда и горноспасательного дела в угольной промышленности нельзя считать достаточно весомым, причем он относится в основном к имперскому периоду отечественной истории. Гораздо активнее изучалась проблематика безопасности в угольной промышленности России и Донбасса, особенно советского и постсоветского периодов, специалистами горного дела, горными инженерами, занимающимися вопросами общей промышленной безопасности, горноспасателями, экономистами, сотрудниками вузов и НИИ МЧС

ИСТОРИЯ

России. Поэтому целесообразно раздвинуть в исследовании хронологические рамки описываемых учеными событий по истории горноспасательного дела с конца XIX в. до настоящего времени.

Для периода начала 2000-х гг. - 2014 г. в историографии горноспасательного дела характерна тема воссоздания общей картины становления структуры советских горноспасательных служб до издания Постановления СНК СССР от 07.01.1934 года за № 25 «О военизации личного состава горноспасательных станций Наркомтяжпрома СССР». Интерес отечественных ученых к данной теме объясняется стремлением рассмотреть саму возможность решения проблемы выработки канонов оказания горноспасателями оперативной и профилактической помощи горнодобывающим предприятиям при переходе к рыночным отношениям в промышленности [1].

Сотрудники Госгортехнадзора России интересовались историей становления горного надзора, как неотъемлемой части общей системы обеспечения безопасности в горной промышленности. Статья, подготовленная в 2003 году бывшим руководителем Госгортехнадзора России и Донецкого горного округа М.П. Васильчуком, отразила позицию советского руководства в отношении целесообразности объединения в одно территориальное управление всех горных районов Донбасса, независимо от принадлежности их УССР и РСФСР. Автором отслежен трудовой путь ветеранов горного надзора Донбасса, которые были известны далеко за его пределами, возглавляли горный надзор в других союзных республиках и внесли существенный вклад в развитие системы обеспечения безопасности подземных горных работ в СССР [2]. В следующем году под общей редакцией заместителя начальника Управления государственного горного и металлургического надзора Ростехнадзора В.В. Грицкова в рамках серии «История горного дела» вышел сборник законодательных актов и нормативных документов, регламентирующих деятельность российского горного надзора в XIX-XX вв. [3].

Появившаяся в 2004 г. статья известных ученых Московского государственного горного университета д-ра технических наук, профессора К.З. Ушакова и д-ра технических наук, профессора Н.О. Калединой, занимавшихся проблемами безопасности подземных горных работ и горноспасательного дела, освещает жизненный путь и научную деятельность академика А.А. Скочинского, обосновывает необходимость появления по его инициативе в 1922 г. в Московской горной академии узкой специальности «техника безопасности в горных предприятиях» (в том числе благодаря научно-исследовательской работе А.А. Скочинского на шахтах Донбасса) [4].

Опыт работы горноспасательной службы угольной промышленности России, научных учреждений, производителей горноспасательного оборудования и техники, как единого механизма оказания помощи при авариях в конце XX – начале XXI вв. обобщен в коллективной монографии, вышедшей в 2004 году под общей редакцией кандидата технических наук, начальника Центрального штаба ВГСЧ России В.А. Горбатова [5].

Проблемы истории развития горноспасательного дела и науки в Донбассе не обошли и украинские ученые-горняки. История создания Государственного Макеевского научно-исследовательского института безопасности в горной промышленности за 100 лет существования представлена в коллективной статье и монографии, подготовленных учеными института. Авторы смогли показать в хронологической последовательности этапы развития института, как центра научной мысли на Донбассе и в СССР, персоналии тех, кто возглавлял учреждение и прославил его, начиная с 1907 года, когда это была еще Макеевская центральная спасательная станция. Ими показана роль института как одного из ведущих мировых научных центров по проблемам безопасности в горнодобывающей промышленности [6, 7].

Появление в 2007 году публикации М.Н. Касьяновой с аналитикой статистических данных по несчастным случаям в угольной промышленности Донбасса конца XIX – начала XX вв. дает основание констатировать тот факт, что и донецкие историки стали проявлять серьезный интерес к проблемам безопасности угледобычи и горноспасательного дела Донбасса. Используя многочисленные данные изучаемого периода, отложившиеся в отраслевых изданиях, научных работах проф. И.А. Тиме, Л.А. Либермана, материалах советских съездов по вопросам безопасности, автор статьи М.Н. Касьянова проследила динамику изменений количества смертельных несчастных случаев с горняками в Донбасском бассейне в 1893 – 1907 гг. и сравнила их с аналогичными данными по зарубежным странам с развитой угледобычей. В результате, М.Н. Касьянова доказала, что данные собственников шахт о несчастных случаях не всегда

соответствовали действительности, а охрана и безопасность труда горнорабочих оставалась вне зоны внимания правительства вплоть до введения в 1912 г. законодательства о социальном страховании рабочих. Проведенный автором анализ позволил прийти к выводу о том, что именно статистика несчастных случаев на шахтах Донбасса определяла необходимость пересмотра инструкций по технике безопасности в горном деле Российской империи [8].

Фундаментальным научным трудом по истории горноспасательного дела можно считать диссертацию М.Н. Касьяновой «Гірничорятувальна служба в Донбасі (к. XIX ст. – п. XX ст.)», защищенную в 2008 г. под руководством доктора исторических наук, профессора П.В. Доброва – известного знатока истории Донбасса. Сегодня она является единственным историческим научным исследованием, в котором системно отражена история зарождения и создания отечественной горноспасательной службы в дооктябрьский период. М.Н. Касьянова исследовала проблемы становления в конце XIX – начале XX вв. горноспасательной службы в Российской империи под влиянием буржуазной представительной организации предпринимателей – Съезда горнопромышленников Юга России. Проанализировав вклад энтузиастов горноспасательного дела – руководителей Макеевской центральной спасательной станции, горных инженеров И.И. Федоровича, Д.Г. Левицкого, Н.Н. Черницына и др. в разработку основ тактики ведения спасательных работ под землей, автор вынесла на защиту положение о том, что именно Макеевская центральная спасательная станция стала одним из первых научно-исследовательских учреждений по горноспасательному делу в России и Донбассе, а Н.Н. Черницын является родоначальником нового научного направления – геологии метана и его связи с углем. Автор аргументированно доказала, что для рудников XIX – начала XX вв. самоспасение – главный принцип организации спасательных работ, а «Правила по безопасности горных работ» – прообраз правил по технике безопасности и охране труда в горнодобывающей промышленности [9].

Одной из достаточно серьезных работ донецких ученых – специалистов горноспасательного дела является опубликованная в 2008 году монография «Основные этапы развития отечественного респираторостроения», в которой, на основе анализа опубликованных и архивных материалов Госархива Донецкой области, рассмотрены поэтапно научные основы отечественного респираторостроения и история становления горноспасательного дела в Донбассе. Особое место в монографии уделено личному вкладу Б.Ф. Гриндлера в данные процессы. Кроме того, НИИГД «Респиратор» в 2008 году подготовил книгу воспоминаний ветеранов института с оценкой происшедших событий и их вклада в развитие горноспасательного дела СССР и Украины за 40 лет работы: 60 авторских очерков были собраны в одном издании. Ценность для историков данные мемуары представляют при изучении послевоенного периода развития горноспасательного дела в СССР и Донбассе и истории становления самого института как международного научного центра по вопросам горноспасательного дела [10, 11].

Работа ученого-горняка Ю.А. Гладкова, опубликованная в 2009 г., посвящена жизни и деятельности выдающегося горноспасателя, начальника ВГСЧ Министерства угольной промышленности СССР Г.Г. Соболева, внесшего огромный вклад в дело организации работы горноспасательной службы Донбасса и России во время Великой Отечественной войны и в послевоенное время, по инициативе которого в 1968 г. был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт горноспасательного дела в г. Донецке. Г.Г. Соболев является автором 14 книг и 30 статей по горноспасательному делу, ценность которых трудно переоценить для развития науки по спасению людей в шахтах и для подготовки последующих поколений горноспасателей России [12]. Продолжил работу по сохранению исторической памяти о развитии отечественной горной науки и техники российский ученый-горняк И.Г. Таразанов, который опубликовал работу об истории журнала «Уголь», выход которого в г. Харькове в 1925 г. под названием «Уголь и железо» ознаменовал собой начало технического переоснащения в угольной и металлургической отраслях Донбасса [13].

В статье М.Н. Касьяновой «Гірничорятувальна служба в Донбасі в роки Другої Світової війни», на основе анализа литературы и источников, дана характеристика горноспасательной службы после захвата Донбасса немецкими войсками и его оккупации. Рассмотрен также период начала восстановления угольной отрасли и горноспасательной службы 1943-1944 гг.; выделены положительные и отрицательные последствия, оказавшие влияние на дальнейшее развитие горноспасательного дела в СССР. М.Н. Касьянова акцентирует внимание на отсутствии в

ИСТОРИЯ

исторической литературе серьезных работ по данной тематике. Историографической базой ее исследования являются систематизированные и фундаментальные труды горных инженеров, которых в советский период появлялось все больше [11].

Представитель горной науки из Санкт-Петербургского государственного горного университета Р.Г. Хусаинова опубликовала в 2011 г. статью о становление охраны труда в горной промышленности России, рассмотрев деятельность Д.Г. Левицкого и Н.Н. Черницына в Донбассе, как основоположников горноспасательного дела в России [15].

Образцом глубокого понимания необходимости восстановления ранее утраченных позиций государственных НИИ и НТЦ в разработке научных знаний по проблемам промышленной безопасности служит коллективная научная статья «Угольные катастрофы в исторической России и мире», опубликованная в 2011 году. Авторы в исторической ретроспективе доказывают, что угроза крупных аварий в условиях индустриального роста угольной промышленности осознавалась в СССР еще с момента образования союзного государства. Интересен подход авторов к интерпретации доказательств политических репрессий 1928 г. по «Шахтинскому делу»: аварии на шахтах признавались диверсиями и служили жестким способом погашения социальной опасности фактов массовой гибели горнорабочих в трудное предвоенное время [16].

Статья главного редактора журнала «Безопасность труда в промышленности» доктора технических наук С.Н. Буйновского повествует об истории журнала за период его издания с 1931 г. по 2011 г. Автором выделено значение В.Л. Биленко в организации горной науки и горного дела в СССР, в издании самого журнала. Наиболее интересны архивные фото плакатов наглядной агитации предвоенного периода по соблюдению техники безопасности в шахтах и описания к ним, а также представленные в статье фото выдающихся ученых – членов редколлегии журнала [17].

Ученые Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России в 2013 г. обратились к теме развития горноспасательного дела в России периода конца XIX - начала XX века, обозначив в процессе исследования значение организации и дальнейшей деятельности спасательных станций Донбасса, вклад академической горной науки и горных инженеров в постановку горноспасательного дела и оказание экстренной помощи горнякам при авариях [18]. Продолжили работу ученые МЧС России представители ФГБУ ВНИИГОЧС (ФЦ), подготовившие монографию «ВГСЧ: вчера, сегодня, завтра. Горноспасательное дело в России» под общей редакцией кандидата технических наук, начальника Управления ВГСЧ России А.Ф. Сина. В первой части монографии освещена история становления и развития системы военизированных горноспасательных частей России и СССР. Авторы представили достаточно полную общую картину происходивших событий, но без их глубокого исторического анализа [19].

Заметный вклад в освещение исторических фактов развития системы промышленной безопасности и горноспасательного дела в России и Донбассе внесли сотрудники ФГУП «НТЦ «Промышленная безопасность» на страницах научного журнала «Безопасность труда в промышленности» в период с 2004 г. по 2008 г. Особенно необходимо отметить труды кандидата химических наук Л.К. Князевой, которая сумела не только представить в хронологической последовательности исторические события по теме, но и выстроить логические связи между ними, создав таким образом обобщающую схему становления советской государственной системы обеспечения безопасности горных работ, включая горный надзор и горноспасателей. Автор в нескольких статьях, посвященных созданию журнала «Безопасность труда в промышленности» и 285-му юбилею Госгортехнадзора СССР, на основе архивных законодательных и нормативных источников, отраслевых периодических изданий, научной литературы, фото и мемуаров по теме, смогла представить наиболее полную картину построения государственной политики по обеспечению безопасности шахтерского труда в СССР [20-23].

Ученые Кемеровского государственного университета присоединились к научно-исследовательской работе по проблемам изучения истории развития системы безопасности труда в угольной промышленности России, но уже на примере Кузбасса, что совершенно не случайно, так как именно здесь стараниями Б.Ф. Гриндлера в конце 20-х гг. XX века была построена Сибирская Центральная горноспасательная станция – вторая по значению в СССР после Макеевской Центральной спасстанции на Донбассе [24-30].

Фундаментальной научной исторической работой по проблемам исследования организации и форм помощи шахтерам, пострадавшим на производстве при внезапных авариях, в том числе и

ИСТОРИЯ

горноспасателями, в угольной промышленности Кузбасса является диссертация А.В. Хорошилова «Состояние безопасности труда в угольной промышленности Кузбасса и борьба за сохранение жизни и восстановление здоровья травмированных шахтеров (20-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.)», защита которой состоялась в 2012 году. Автор акцентирует внимание на том факте, что история развития горноспасательной службы изучена еще очень слабо отечественными историками, а вопросы эффективности работы горноспасателей освещены недостаточно. Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые проведено комплексное изучение вопросов изменения уровня безопасности труда в угольной отрасли в процессе ее развития и наращивания объемов добычи угля, а также исследованы причины возникновения аварий, травмирования, гибели шахтеров и совместные усилия горноспасателей и медиков по оказанию им необходимой помощи.

Хорошилов А.В. в диссертации проанализировал вопросы становления угольной промышленности Кузбасса и появление здесь первых горноспасательных команд в начале 20-х гг. XX в. Необходимо заметить, что выводы, сделанные А.В. Хорошиловым в диссертации по данному периоду, в основном совпадают с теми выводами, которые были сделаны исследователями по Донбассу. Слабое техническое оснащение горноспасателей, отсутствие у них необходимого опыта, недостаток внимания государственных органов к вопросам обеспечения безопасного ведения подземных работ – все это ослабляло эффективность работы горноспасателей по оказанию помощи горнякам при авариях в шахтах. Автор указывает, что создание системы горноспасательной службы, ее централизация и совершенствование внесли значительный вклад в создание безопасных условий ведения подземных работ и в сохранение жизни шахтеров в годы довоенных пятилеток, но не позволили кардинально решить проблему оказания помощи горнорабочим, застигнутым внезапными авариями в шахтах. Соблюдение правил техники безопасности самими горнорабочими, так называемый человеческий фактор, оказывали, по мнению автора, большое влияние на уровень травматизма в угольной отрасли Кузбасса, что было особенно актуально в годы довоенных пятилеток в условиях форсированной индустриализации и формирования квалифицированных шахтерских кадров. Данный процесс был характерен и для Донбасса. Кроме того, А.В. Хорошилов сформулировал положение о том, что развитие горноспасательного дела в Кузбассе шло одновременно с нарастанием темпов промышленного освоения месторождений каменного угля, что подтверждается и материалами Донбасса [31].

Начиная с 2014 г., в научной литературе появляются несколько трудов русскоязычных украинских историков. Так, доктор исторических наук, профессор А.Н. Бут (Донецкий национальный университет, г. Винница) подверг сомнению официальное заявление о выполнении государственного плана II пятилетки по угольной добыче в Донбассе, ссылаясь на доступность новых советских архивных документов, которые ранее были под грифом секретности. Он обратил внимание на теорию концентрации горных работ – феномен инженерной мысли, а также репрессии руководителей Главугля. Исследователь из Харьковского национального технического университета Н.А. Винокуров в 2015 г. опубликовал статью, в которой дал обзор эволюции изолирующих средств индивидуальной защиты органов дыхания с конца XIX в. до Октябрьской революции (аппарат «Макеевка» разработки Д.Г. Левицкого – передовое изобретение, опередившее иностранные аналоги). Автором проведен ретроспективный обзор развития охраны труда и горноспасательного дела на территории Российской империи, относившейся к современной Украине до 2014 года [32, 33].

Статья крымского российского историка из Таврического национального университета им. В.И. Вернадского П.Н. Марциновского дает возможность проследить развитие современной научной мысли историков Украины по проблемам угольной промышленности Донбасса конца XIX – начала XX века [34]. Данная статья как бы подводит черту под темой угольного Донбасса в исследованиях украинских историков: в дальнейшем мы встречаем работы только российских ученых и исследователей.

Представляет для нас интерес очерк о становлении горноспасательного дела на Дону в Ростовской области, одним из авторов которого являлся ветеран (ныне покойный) горноспасательной службы России В.М. Вяльцев. Из первых уст дается информация о связях между горноспасателями Донбасса – от основания службы в начале XX в. и до настоящего времени. Опубликованы уникальные фотографии горноспасателей Восточного Донбасса, а также

освещены приемы тактической работы горноспасателей при ликвидации чрезвычайных ситуаций по время аварий на шахтах Ростовской области. Важным моментом в данном издании является заинтересованность ученых-горняков Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасский политехнический институт) им. М.А. Платова, также принявших участие в подготовке данной публикации, в сохранении исторической правды о развитии горноспасательного дела в регионе [35].

Работа кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН Е.В. Мининой, повествует о проблемах создания безопасных светильников для ведения подземных горных работ в конце XIX - начале XX вв. Разработанные в Германии в конце XIX в. безопасные рудничные лампы с предохранительным кожухом и зажигательным приспособлением, приводимым в действие снаружи – рудничные лампы Вольфа – активно использовались в горном деле России, в т.ч. на Донбассе, в имперский период и вплоть до середины XX в. в качестве индикаторной лампы. Исправные лампы были залогом сохранения жизни шахтера при внезапном выбросе газа, угольной пыли под землей. Автор делает вывод, что интенсивное развитие угледобывающей промышленности было невозможно без решения проблемы безопасного освещения, стимулировало процесс механизации горного производства и дало начало горному машиностроению [36].

Представители МЧС России, которые традиционно занимаются проблемами истории горноспасательного дела, подготовили в профильных журналах статьи о перспективах развития горноспасательных служб России, о необходимости реформирования структуры горноспасательной службы в зависимости от изменения государственных приоритетов в области безопасности, аргументировав свои научные положения фактами из истории становления горноспасательного дела на Донбассе и в Западной Сибири. В книге, написанной в 2015 г. коллективом ученых и сотрудников МЧС России под общей редакцией кандидата экономических наук, председателя Правительства Ростовской области В.В. Артемова, представлены архивные и фотоматериалы по истории становления и развития пожарного и спасательного дела на Дону. Параграф «Зарождение горноспасательного дела в Области войска Донского» повествует об имперском периоде конца XIX – начала XX вв., Грушевском месторождении антрацитовых углей, деятельности И.А. Тимме, И.И. Федоровича, Д.Г. Левицкого, Н.Н. Черницына и пр. [37-39].

Экономистов Кузбасского государственного технического университета интересовали проблемы развития горноспасательных станций Западной Сибири с начала 20-х гг. XX в. и до 2010 г., когда руководство деятельностью отраслевых военизированных горноспасательных частей было возложено на МЧС России. Охарактеризован вклад Б.Ф. Гриндлера в создание Центральной горноспасательной станции в г. Ленинске-Кузнецком, а также значение его научной работы для повышения уровня знаний горноспасателей и работников шахт и рудников Сибири [40].

Горный инженер-маркшейдер Н.И. Скоробогатский в статье по истории развития угольной промышленности Российского Донбасса представил сведения и осветил основные этапы становления государственного горного надзора на юге России, выделив при этом его роль в обеспечении промышленной безопасности и соблюдении на угольных предприятиях государственных интересов при использовании недр в советский период и в настоящее время [41].

Ученые НТЦ по безопасности работ в угольной промышленности (г. Кемерово) присоединились к дискуссии по теме развития горноспасательного дела в России в 2019 г. публикацией «Горноспасательные дела в России» в своем вестнике. Проведя обзор истории горноспасательного дела с конца XIX в. до настоящего времени, авторы сосредоточили свое внимание на проблемах функционирования ВГСЧ в новых рыночных условиях, когда имеются частные угольные компании, а штаты ВГСЧ вошли в Федеральное государственное унитарное предприятие. По их мнению, попытки создания частных горноспасательных команд, при подчинении их местной власти, ведут к зависимости горноспасателей от различных ситуаций на объектах «хозяина» и, в конечном итоге, – к их дисквалификации. Проведя исторические параллели, когда в 1927-1928 гг. горноспасательные станции были подчинены трестам, а в 1957 г. – совнархозам, авторы делают вывод том, что таким образом деятельность горноспасателей была разобщена, а оказание ими помощи – стало несвоевременным и неэффективным. Авторы доказывают негативное влияние на горноспасателей рыночных отношений в угольной промышленности, а также последствий отсоединения в 1991 г. Украины, в результате чего

ИСТОРИЯ

ВНИИГД, а также Донецкий завод горноспасательной аппаратуры «Горизонт» оказались за границей. Авторы констатируют, что, по признанию зарубежных специалистов, горноспасательное дело в СССР было поставлено лучше, чем во всех угледобывающих отраслях мира, как по технической оснащенности, так и по квалификации специалистов. С целью повышения эффективности работы горноспасателей в России авторы статьи предлагают статус подземного горноспасателя приравнять к статусу военнослужащего Вооруженных Сил Министерства обороны РФ [42].

Таким образом, подводя итог нашего обзора, можно сделать вывод, что в настоящее время тема истории горноспасательного дела и обеспечения безопасного ведения подземных горных работ в России и на Донбассе в исторической литературе представлена недостаточно и требует своего развития, что обусловлено непреходящей актуальностью данной тематики. Кроме того, теоретические основы и методологические принципы для проведения комплексного исторического исследования процесса становления общегосударственной системы безопасности горных работ и горноспасательного дела СССР требуют своей дальнейшей разработки и обобщения с учетом современных подходов к вопросам комплексной безопасности на предприятиях угольной промышленности России и Донбасса.

Литература и источники

1. *Гладков Ю.А.* Структура и функции горноспасательной службы до военизации // *Безопасность труда в промышленности.* - 2002. - № 2. - С. 18-20.
2. *Васильчук М.П.* Территориальному управлению Госнадзорохрантруда Украины по Донецкой области – 55 лет // *Безопасность труда в промышленности.* - 2003. - № 3. - С. 26-29.
3. *История горного надзора в документах XIX-XX веков / Под общ. ред. В.В. Грицкова, АНО «Маркгеоаудит и консалтинг».* - М.: 2004. - 512 с.
4. *Ушаков К.З., Каледина Н.О. А.А.* Скочинский в Московском горном // *Безопасность труда в промышленности.* - 2004. - № 8. - С. 9-12.
5. *Горноспасатели России / Под общ ред. к.т.н. В.А. Горбатова.* - Тула: «Гриф и Ко», 2004. - 440 с.
6. *Брюханов А.М., Коптиков В.П., Манжос Ю.В.* 100 лет со дня основания МакНИИ // *Взрывное дело.* № 95/92. - М.: ЗАО «МВК по взрывному делу», 2005. - С. 6-21.
7. *Золотий вік МакНДІ: історія створення, розвитку і становлення (1907-2007) / Під ред. О.М. Брюханова.* - Донецьк: ТОВ «ВПП» ПРОМІНЬ», 2007. - 416 с., ілюстр.
8. *Касьянова М.М.* Джерела вивчення статистики нещасних випадків на вугільних підприємствах Донбасу (к. XIX – п. XX ст.) // *Наукову праці Кам'янець-Подільського національного ун-ту.* - 2007. - Т.74. - Вип. 61. - С. 134-139.
9. *Касьянова М.М.* Гірничорятувальна служба в Донбасі (к. XIX ст.–п. XX ст.): дис. ... канд. іст. наук. -Донецьк, 2008. - 220 с.
10. *Пашковский П.С., Галдобин Г.Д., Снитко А.П.* Основные этапы развития отечественного респираторостроения / Под общ. ред. д-ра. тех. наук П.С. Пашковского. - Донецк: Норд-Пресс, 2008. - 56 с.
11. *Ветераны вспоминают: 1968-2008 / НИИГД «Респиратор».* - Донецк, 2008. - 216 с.
12. *Гладков Ю.А.* К 100-летию со дня рождения Г.Г. Соболева: «Меня влекла романтика шахтерского труда» // *Горная промышленность.* - 2009. - № 6 (88). - С. 59-61.
13. *Таразанов И.Г.* 85 лет вместе с читателями (к юбилею журнала «Уголь») // *Уголь.* - 2010. - Октябрь. - С.3-9.
14. *Касьянова М.М.* Гірничорятувальна служба в Донбасі в роки Другої Світової війни // *Волинські історичні записки.* - 2010. - Т. 4. - С. 12-15.
15. *Хусаинова Р.Г.* Становление охраны труда в горной промышленности России // *Вектор науки ТГУ.* - 2011. - № 4(18). - С. 102-104.
16. *Гражданкин А.И., Печеркин А.С., Иофис М.А.* Угольные катастрофы в исторической России и мире // *Безопасность труда в промышленности.* - 2011. - № 11. - С. 56-64.
17. *Буйновский С.Н.* 80 лет со дня основания журнала «Безопасность труда в промышленности» // *Безопасность труда в промышленности.* - 2012. - №1. - С. 18-22.
18. *Щаблов Н.Н., Виноградов В.Н., Гаврилова О.В.* К вопросу о становлении и развитии горноспасательной службы в дореволюционной России // *Право. Безопасность. ЧС.* - 2013. - № 4(21). - С. 28-32.
19. *ВГСЧ: вчера, сегодня, завтра. Горноспасательное дело в России / Под общ. ред. А.Ф. Сина; МЧС России.* - М.: ФГБУ ВНИИГОЧС (ФЦ), 2013. - 180 с. ил.
20. *Князева Л.К.* ЦУГН. Госгортехнадзор СССР // *Безопасность труда в промышленности.* - 2004. - № 12. - С. 2-7.
21. *Князева Л.К.* История создания журнала «БТВП» // *Безопасность труда в промышленности.* - 2006. - № 7. - С. 73-76.
22. *Князева Л.К.* Становление журнала. 1932-1938 гг. // *Безопасность труда в промышленности.* - 2006. - №8. - С. 66-72.
23. *Князева Л.К.* Руководители горного и промышленного надзора. 1918-1991 гг. // *Безопасность труда в промышленности.* - 2008. - № 11. - С. 9-15.
24. *Хорошилов А.В., Тараканов А.В.* Основные причины травматизма на шахта Кузбасса в конце XX – начале XXI вв. // *Вестник КемГУ.* - 2010. - № 3(43). - С. 215-218.
25. *Хорошилов А.В.* Причины организации федеральных и региональных органов службы медицины катастроф / *Вестник КемГУ.* - 2010. - № 4(44). - С. 50-55.
26. *Хорошилов А.В.* Создание и начало деятельности Кемеровского областного центра медицины катастроф // *Известия Алтайского госун-та.* - 2010. - № 4-3(68). - С. 216-220.
27. *Хорошилова Л.С., Хорошилов А.В., Тараканов А.В.* Безопасность на предприятиях угольной промышленности Кузбасса в к. XX н. XXI в. // *Безопасность труда в промышленности.* - 2010. - № 12. - С. 28-31.

28. *Хорошилова Л.С., Тараканов А.В., Хорошилов А.В.* Причины взрывов метана и угольной пыли в шахтах Кузбасса // Вестник НТЦ по безопасности в угольной промышленности. - 2012. - № 2. - С. 187-191.
29. *Хорошилова Л.С., Тараканов А.В., Хорошилов А.В.* Состояние безопасности труда в угольной промышленности Кузбасса (90-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.) // Вестник НТЦ по безопасности в угольной промышленности. - 2013. - № 1.1. - С. 156-160.
30. *Хорошилова Л.С., Ефимов Д.А.* К истории решения вопроса о безопасности труда работников промышленных предприятий Урало-Кузнецкого комплекса // Вестник НТЦ по безопасности в угольной промышленности. - 2013. - № 1.2. - С. 179-183.
31. *Хорошилов А.В.* Состояние безопасности труда в угольной промышленности Кузбасса и борьба за сохранение жизни и восстановление здоровья травмированных шахтеров (20-е гг. XX в. – первое десятилетие XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Кемерово, 2012. - 31 с.
32. *Бут А.Н.* Угольный Донбасс во второй пятилетки: к причинам провала плана добычи топлива // Вісник Донецького національного університету. Серія Б: Гуманітарні науки. - 2014. - Вип. 1-2. - С. 286-279.
33. *Винокуров Н.А.* Эволюция развития изолирующих средств защиты на примере отечественной горноспасательной службы в к. XIX н. XX в. // Інженерія природокористування. - 2015. - № 2(4). - С. 125-131.
34. *Марциновский П.Н.* Современная историография угольной промышленности Донбасса // Записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». - 2014 - Т. 27 (66). - № 1. - С. 47-55.
35. *Вяльцев В.М., Вяльцев А.В., Кондаков К.В., Фролов А.В.* Становление горноспасательного дела в Донбассе. Исторический очерк // Безопасность жизнедеятельности. Приложение. - 2014. - № 3. - 22 с.
36. *Минина Е.В.* Из истории изобретения безопасной лампы для угольных шахт // Горный информационно-аналитический бюллетень. - 2016. - № 11. - С. 222-224.
37. *Тарима С.В.* Исторические аспекты становления горноспасательной службы и перспективы подготовки горноспасателей // Подготовка кадров в системе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 1 июня 2017 года / Сост. С.А. Гурсенев. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т ГПС МЧС России, 2017. - С. 49-53.
38. *Аксенов В.В.* Перспективы развития горноспасательного дела в России // Уголь. - 2017. - Ноябрь. - С. 20-23.
39. *Файзуханов Р.В.* ВГСЧ в преддверии 70-летия Дня шахтера // Безопасность труда в промышленности. - 2017. - № 8. - С. 77-85.
40. *Левицкая И.А., Тортобаев О.Е.* Горноспасательное дело в России: исторический обзор // Перспективы инновационного развития угольных регионов России: Сборник трудов VI Международной научно-практической конференции. - Прокопьевск: изд-во филиала КузГТУ в г. Прокопьевске, 2018. - С. 264-266.
41. *Скробогатский Н.И.* История развития угольной промышленности Дона, горный и промышленный надзор за производством работ // Маркшейдерский вестник. - 2019. - № 6 (133). - С. 12-17.
42. *Голык А.С., Попов В.Б., Ярош А.С., Огурецкий В.А., Огурецкий В.В., Огурецкий А.В.* Горноспасательные дела в России // Вестник научного центра по безопасности работ в угольной промышленности. - 2019. - № 1. - С. 42-49.

References and Sources

1. Gladkov Yu.A. Struktura i funkcii gornospasatel'noj sluzhby do voenizacii // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2002. - № 2. - S. 18-20.
2. Vasil'chuk M.P. Territorial'nomu upravleniyu Gosnadzorohrantruda Ukrainy po Doneckoj oblasti – 55 let // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2003. - № 3. - S. 26-29.
3. Istoriya gornogo nadzora v dokumentah XIX-XX vekov / Pod obshch. red. V.V. Grickova, ANO «Markgeaudit i konsalting». - M.: 2004. - 512 s.
4. Ushakov K.Z., Kaledina N.O. A.A. Skochinskij v Moskovskom gornom // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2004. - № 8. - S. 9-12.
5. Gornospasateli Rossii / Pod obshch red. k.t.n. V.A. Gorbatova. - Tula: «Grif i Ko», 2004. - 440 s.
6. Bryuhanov A.M., Koptikov V.P., Manzhos Yu.V. 100 let so dnya osnovaniya MakNII // Vzryvnoe delo. № 95/92. - M.: ZAO «MVK po vzryvnomu delu», 2005. - S. 6-21.
7. Zolotij vik MakNDI: istoriya stvorenniya, rozvitku i stanovlenniya (1907-2007) / Pid red. O.M. Bryuhanova. - Doneck: TOV «VPP» PROMIN', 2007. - 416 s., ilyustr.
8. Kas'yanova M.M. Dzhherela vivchennya statistiki neshchasnih vipadkiv na vugil'nih pidpriemstvah Donbasu (k. XIX – p.XX st.) // Naukovu praci Kam'yanec'-Podil's'kogo nacional'nogo un-tu. - 2007. - T.74. - Vip. 61. - S. 134-139.
9. Kas'yanova M.M. Girnichoryatuval'na sluzhba v Donbasi (k. XIX st.–p. XX st.): dis. ... kand. ist. nauk. -Doneck, 2008. - 220 s.
10. Pashkovskij P.S., Galdobin G.D., Snitko A.P. Osnovnye etapy razvitiya otechestvennogo respiratorostroeniya / Pod obshch. red. d-ra. tekhn. nauk P.S. Pashkovskogo. - Doneck: Nord-Press, 2008. - 56 s.
11. Veterany vspominayut: 1968-2008 / NIIGD «Respirator». - Doneck, 2008. - 216 s.
12. Gladkov Yu.A. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.G. Soboleva: «Menya vlekla romantika shahterskogo truda» // Gornaya promyshlennost'. - 2009. - № 6 (88). - S. 59-61.
13. Tarazanov I.G. 85 let vmeste s chitatel'yami (k yubileyu zhurnala «Ugol») // Ugol'. - 2010. - Oktyabr'. - S.3-9.
14. Kas'yanova M.M. Girnichoryatuval'na sluzhba v Donbasi v roki Drugoi Svitovoi vijni // Volins'ki istorichni zapiski. - 2010. - T. 4. - S. 12-15.
15. Husainova R.G. Stanovlenie ohrany truda v gornoj promyshlennosti Rossii // Vektor nauki TGU. - 2011. - № 4(18). - S. 102-104.
16. Grazhdankin A.I., Pecherkin A.S., Iofis M.A. Ugol'nye katastrofy v istoricheskoy Rossii i mire // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2011. - № 11. - S. 56-64.
17. Bujnovskij S.N. 80 let so dnya osnovaniya zhurnala «Bezopasnost' truda v promyshlennosti» // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2012. - №1. - S. 18-22.
18. Shchablov N.N., Vinogradov V.N., Gavrilova O.V. K voprosu o stanovlenii i razvitii gornospasatel'noj sluzhby v dorevolucionnoj Rossii // Pravo. Bezopasnost'. CHS. - 2013. - № 4(21). - S. 28-32.
19. VGSC: vchera, segodnya, zavtra. Gornospasatel'noe delo v Rossii / Pod obshch. red. A.F. Sina; MCHS Rossii. - M.: FGBU VNIIGCHS (FC), 2013. - 180 s. il.
20. Knyazeva L.K. CUGN. Gosgortekhnadzor SSSR // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2004. - № 12. - S. 2-7.
21. Knyazeva L.K. Istoriya sozdaniya zhurnala «BTVP» // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2006. - № 7. - S. 73-76.
22. Knyazeva L.K. Stanovlenie zhurnala. 1932-1938 gg. // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2006. - №8. - S. 66-72.
23. Knyazeva L.K. Rukovoditeli gornogo i promyshlennogo nadzora. 1918-1991 gg. // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2008. - № 11. - S. 9-15.
24. Horoshilov A.V., Tarakanov A.V. Osnovnye prichiny travmatizma na shahta Kuzbassa v kone XX – nachale XXI vv. // Vestnik KemGU. - 2010. - № 3(43). - S. 215-218.
25. Horoshilov A.V. Prichiny organizacii federal'nyh i regional'nyh organov sluzhby mediciny katastrof / Vestnik KemGU. - 2010. - № 4(44). - S. 50-55.

26. Horoshilov A.V. Sozdanie i nachalo deyatelnosti Kemerovskogo oblastnogo centra mediciny katastrof // Izvestiya Altajskogo gosun-ta. - 2010. - № 4-3(68). - S. 216-220.
27. Horoshilova L.S., Horoshilov A.V., Tarakanov A.V. Bezopasnost' na predpriyatiyah ugol'noj promyshlennosti Kuzbassa v k. XX n. XXI v. // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2010. - № 12. - S. 28-31.
28. Horoshilova L.S., Tarakanov A.V., Horoshilov A.V. Prichiny vzryvov metana i ugol'noj pyli v shahtah Kuzbassa // Vestnik NTC po bezopasnosti v ugol'noj promyshlennosti. - 2012. - № 2. - S. 187-191.
29. Horoshilova L.S., Tarakanov A.V., Horoshilov A.V. Sostoyanie bezopasnosti truda v ugol'noj promyshlennosti Kuzbassa (90-e gg. XX v. – pervoe desyatiletie XXI v.) // Vestnik NTC po bezopasnosti v ugol'noj promyshlennosti. - 2013. - № 1.1. - S. 156-160.
30. But A.N. Ugol'nyj Donbass vo vtoroj pyatiletki: k prichinam provala plana dobychi topliva // Visnik Donec'kogo nacional'nogo universitetu. Seriya B: Gumanitarni nauki. - 2014. - Vip. 1-2. - S. 286-279.
33. Vinokurov N.A. Evolyuciya razvitiya izoliruyushchih sredstv zashchity na primere otechestvennoj gornospasatel'noj sluzhby v k. XIX n. XX v. // Inzheneriya prirodokoristivaynaya. - 2015. - № 2(4). - S. 125-131.
34. Marcinovskij P.N. Sovremennaya istoriografiya ugol'noj promyshlennosti Donbassa // Zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». - 2014 - T. 27 (66). - № 1. - S. 47-55.
35. Vyal'cev V.M., Vyal'cev A.V., Kondakov K.V., Frolov A.V. Stanovlenie gornospasatel'nogo dela v Donbasse. Istoricheskij ocherk // Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti. Prilozhenie. - 2014. - № 3. - 22 s.
36. Minina E.V. Iz istorii izobreteniya bezopasnoj lampy dlya ugol'nyh shaht // Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten'. - 2016. - № 11. - S. 222-224.
37. Tarima S.V. Istoricheskie aspekty stanovleniya gornospasatel'noj sluzhby i perspektivy podgotovki gornospasatelej // Podgotovka kadrov v sisteme preduprezhdeniya i likvidacii posledstvij chrezvychajnyh situacij: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburg, 1 iyunya 2017 goda / Sost. S.A. Tursenev. – SPb.: Sankt-Peterburgskij un-t GPS MCHS Rossii, 2017. - S. 49-53.
38. Aksenov V.V. Perspektivy razvitiya gornospasatel'nogo dela v Rossii // Ugol'. - 2017. - Noyabr'. - S. 20-23.
39. Fajzuhanov R.V. VGSCCH v preddverii 70-letiya Dnya shahtera // Bezopasnost' truda v promyshlennosti. - 2017. - № 8. - S. 77-85.
40. Levickaya I.A., Tortobaev O.E. Gornospasatel'noe delo v Rossii: istoricheskij obzor // Perspektivy innovacionnogo razvitiya ugol'nyh regionov Rossii: Sbornik trudov VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. - Prokop'evsk: izd-vo filiala KuzGTU v g. Prokop'evske, 2018. - S. 264-266.
41. Skrobogatskij N.I. Istoriya razvitiya ugol'noj promyshlennosti Dona, gornyj i promyshlennyj nadzor za proizvodstvom rabot // Markshejderskij vestnik. - 2019. - № 6 (133). - S. 12-17.
42. Golik A.S., Popov V.B., YArosh A.S., Ogureckij V.A., Ogureckij V.V., Ogureckij A.V. Gornospasatel'nye dela v Rossii // Vestnik nauchnogo centra po bezopasnosti rabot v ugol'noj promyshlennosti. - 2019. - № 1. - S. 42-49.

ПАВЛОВА АНГЕЛИНА ВИТАЛЬЕВНА – аспирант Ставропольского государственного педагогического института(angelina.pavlov@yandex.ru).

PAVLOVA, ANGELINA V. – Ph.D. student of the Stavropol State Pedagogical Institute (angelina.pavlov@yandex.ru).

ЭТНОГРАФИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 398.4(=511.2)

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-268-277

СТЕПАНОВА О.Б.

СОБАКА В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Ключевые слова: северные селькупы, собака; лайка; охота; оленеводство; система жизнеобеспечения; отбор, обучение, воспитание и содержание собак.

В статье дается до сих пор не представленная в научной литературе комплексная картина отношений человека и собаки в традиционной современной культуре жизнеобеспечения северных селькупов. В основу исследования легли полевые материалы автора. В качестве исследовательских инструментов применялись анализ, описание, методы полевой работы и метод исторической ретроспективы. Изучение роли собаки в хозяйственных отношениях селькупов проводилось в рамках актуальной практической задачи сохранения традиционной селькупской культуры. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Селькупы использовали собак одной породы – лаек, только лайки могли выживать в суровых условиях Севера и исполнять хозяйственные обязанности, которые на них возлагали. К обязанностям собаки относились помощь человеку в охотничьем промысле, охрана его жилого пространства и движимого имущества, совместное с человеком пастушество крупных оленьих стад (в советский период) и миссия ездового животного (у безоленных туруханских селькупов). В прошлом кровь своих собак селькупы обновляли, обмениваясь собаками с соседними народами, позже стали привозить щенков из питомников. Отбор, обучение охотничьим навыкам, воспитание и содержание собак отнимают у селькупов много времени и сил, но селькупы не представляют свою жизнь без собаки и не считают с этими затратами. Сфера отношений селькупов с собаками консервативна и, несмотря на происходящие вокруг перемены, сохраняет свою традиционность.

STEPANOVA, O.B.

A DOG IN THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE NORTHERN SELKUPS

Key words: Northern Selkups; dog; like; hunting; reindeer herding; life supporting system; selection, training, education and maintenance of dogs.

The article provides a comprehensive picture of the relationship between a man and a dog in the traditional modern culture of life support of the northern Selkups, which has not yet been presented in the scientific literature. The research is based on the author's field materials. Analysis, description, field work methods and the historical retrospective method were used as research tools. The study of

the role of the dog in the economic relations of the Selkups was carried out as part of the actual practical task of preserving the traditional Selkup culture. As a result of the study, the following conclusions were drawn. The Selkups used dogs of the same breed - Laikas, only Laikas could survive in the harsh conditions of the North and perform household duties that were assigned to them. The duties of the dog included helping a person in hunting, guarding his living space and movable property, herding large reindeer herds together with a person (during the Soviet period) and the mission of a riding animal (for the deerless Turukhan Selkups). In the past, the Selkups renewed the blood of their dogs by exchanging dogs with neighboring peoples, later they began to bring puppies from kennels. Selection, training in hunting skills, education and maintenance of dogs take a lot of time and effort from the Selkups, but the Selkups cannot imagine their life without a dog and do not take into account the costs. The sphere of relations between the Selkups and dogs is conservative and, despite the changes taking place around, retains its traditional character.

Статья посвящена изучению сферы отношений человека и собаки в культуре жизнеобеспечения северных селькупов. По одному из селькупских мифов, собака когда-то была человеком и жила на небе, но за провинность бог спустил ее на землю и превратил в животное-собаку, судьбой ее стало служить людям и в ответ за свою службу получать совсем ничего – ковшик супа в день. В этом же мифе говорится о происхождении смерти: люди стали умирать по вине собаки [1, с. 236]. Подобные этиологические мифы берут начало в доисторических пластах человеческого мировоззрения. Мифологические данные свидетельствуют, что селькупы унаследовали собаку-помощника от самых далеких предков; период истории, который они прожили бок о бок с этим домашним животным – дистанция огромного размера.

Исследование древнейшего «собачьего» кейса селькупской культуры имеет значение для науки, сохранения исконных народных традиций и помощи современным коренным народам Севера в поиске новых форм самоидентификации. В задачи исследования входило рассмотреть собаку как элемент селькупской системы жизнеобеспечения, включающий все грани отношений селькупов с собакой – хозяйственные обязанности собаки, приобретение, отбор и обучение щенков, собачьи породы, особенности содержания и питания собаки, правила собачьего поведения, психологическую связь собаки и ее хозяина и т.д.

Место собаки в системе жизнеобеспечения селькупов до сих пор никем из ученых не рассматривалось. Исследование селькупской собаки опиралось главным образом на полевые материалы автора, собранные в ходе ряда экспедиций к северным селькупам, а также на краткие разрозненные сведения о собаках, содержащиеся в научных трудах, посвященных различным вопросам селькупской жизни [2-7]. Анализ отдельных проблем селькупского собаководства координировался с данными из публикаций кинологического характера [8-10].

Инструментальную базу исследования составили методы полевой работы и описание, в изучении проблемы применялись также анализ, обобщение и метод исторической ретроспективы.

1. Порода селькупских собак.

Селькупские собаки относятся к древней породе лаек. Человек, живущий на Севере, обзавелся лайкой в незапамятные времена, путем одомашнивания диких представителей семейства псовых/собачьих/волчьих [9, с. 1]. Других собак у населения Севера и Сибири не было, поскольку выживать в суровых местных условиях, неся на себе бремя множества тяжелых обязанностей и мало чего получая взамен, могла только сильная, выносливая и неприхотливая лайка, похожая на волка, созданная самой природой. Название лаек северные «остроухие» собаки получили в конце XIX в., когда началось их изучение, и появились первые классификации.

Сегодня породу лаек составляют группы западно-сибирской, восточно-сибирской, русско-европейской и карело-финской лаек, отличия между которыми относительно незначительны и видны только специалисту. Более ранняя классификация выделяла шесть пород лаек, кроме названных групп в ней присутствовали еще северо-восточная ездовая и ненецкая оленегонная (коротконогая) лайки. Среди современных селькупских собак выделить «чистопородных» лаек практически невозможно, большинство из них представляют собой потомков смешения лаек всех названных групп. Некоторые селькупы считают, что принадлежащие им собаки – беспородные дворняжки, которые когда-то были породистыми, но «сейчас все смешалось». Думается, говоря о беспородности, селькупы грешат на своих собак, поскольку в смешении всегда участвовали лишь лайки разных видов, и потомство их при этом все равно оставалось лайками. И лишь изредка у собак, которые бегают по селькупским поселкам, можно обнаружить признаки хаски, алабая или восточно-европейской овчарки. Большинство селькупских собак – «обыкновенные» лайки с хвостом-калачиком и ногами средней длины. Один из охотников-информантов высказал свое мнение о размытости лаечной породы, связав ее с утратой современными селькупскими собаками

былых рабочих качеств: «Здесь лаек в основном держали. Сейчас тут все равно уже не чистые, чистых лаек уже не найдешь. Ну, хвост у них вроде бы калачиком, а толку-то от них нет» [16].

«Собак селькупы друг у друга берут, делятся» – эта фраза информанта указывает на главный источник, из которого происходят все селькупские собаки. Еще в недавнем прошлом у селькупов существовала традиция брать собак у соседних народов, ради приобретения хорошей собаки они часто ездили очень далеко. Селькупы Верхнего Таза до 1970-х гг. обменивались собаками с кетами Красноярского края. Впоследствии контакты верхнетазовских селькупов с кетами сошли на нет, и кетские собаки стали попадать к ним случайным образом. «Вот эту Эдик с Келлога привез, с верховьев, когда они пожар ездили тушить, это заповедник. Им сказали – надо собаку?» (ПМА 2021). Селькупы, проживающие на притоках Турухана, ездили за лайками на оз. Момчик: «Слух пройдет, к примеру, что на Момчике сучка хорошая – оттуда щенков берем, мы на Момчике брали» [15].

По сведениям В.Н. Адаева, когда в советский период в селькупских совхозах развивалось крупностадное оленеводство, верхнетазовские селькупы выменивали оленегонных лаек, которые оказывали им незаменимую помощь в присмотре за большим количеством оленей, у ненцев, выезжая на оленьих упряжках в Вэнгапур, Тарко-Сале и Харампур. Маршрут пролегал через р. Толька и Чертовы озера, поездка занимала несколько месяцев, договаривались о ней заранее, сообщая о своих намерениях через третьих лиц (отправляли «словесное письмо») [4, с. 128]. Ненецкая оленегонная лайка коротконогая, селькупы содержат сегодня довольно много таких собак, эксплуатируя их охотничьи качества.

Периодически популяция обыкновенных селькупских лаек облагораживается лайками чистой породы из питомников, куда за ними довольно часто специально ездят жители Таза, селькупы и не селькупы: «У нас Тина, ну, тоже лайка, привозная она была, с Салехарда привозили. Брат Никандра Ивановича, Иосиф, привозил, он на самолете щенка привез маленького, купил»; «У Фоминых брали, у них много было щенков, и Света с нами поделилась. У ней вот, говорит, какая-то лайка была, сибирская какая-то лайка, в общем, хорошая лайка. Они привозили двоих – кобеля и сучку. Вот от них... Откуда привозили, не знаю, они где-то купили. Породистая вроде как была, вот крючком-то хвост был. Вот Анчара взяли, так у него хвостик вообще прилипший был к спине, прилип и все, и все время такой хвост у него и есть. И все щенки такие крупные-крупные стали»; «Кто-то привезет сначала, потом видят, что охотничья собака, и уже начинают садить (В слово «садить» (собаку) селькупы вкладывают понятия «заводить», «брать себе и выращивать» - авт.)»; «Это тоже лайка, мы в этом питомнике его брали, в Тарко-Сале, специально, они выводят как бы породу охотничью». «Специальные породы охотничьи есть. Когда-то я привозил лайку с Лабытнанги. Не из питомника, там мужики приезжали, пообещали мне щенка, я зимой съездил. У них собака оценилась, они телеграмму отправили, щенкам месяца два, наверное, было, я приехал, забрал. Вот ихнее потомство, правда, уже сильно разбавленное на кордоне сейчас бегают, вот это они и есть. У них предки были с новосибирского питомника. Это восточная сибирская лайка, зверовая собака, они крупные, вы видели, на кордоне какие кобеля ходят, весят каждый, как я. Я их в лодку не беру никогда, они ее раскачивают до критических значений» [16]. Чистокровные лайки из питомников держат породу популяции селькупских собак в «тонусе», тормозят ее «размывание» и улучшают качественно.

2. Собака – участник охоты.

Главное селькупское хозяйственное занятие, в котором принимает участие собака, это охота. Поскольку техники охоты на соболя, крупных охотничьих животных (лося, медведя и оленя) и птицу разные, различаются по своей подготовке и собаки, с которыми селькупы ходят на этих животных. Однако многие селькупские собаки – универсалы, подготовленные сразу для всех видов охоты. Среднее количество собак в семье охотника – три.

Охота на соболя с собакой производится в ноябре, когда еще мало снега. При глубоких сугробах, в которых собака проваливается по самый живот, не может стремительно передвигаться и быстро устает, ее, как правило, на охоту уже не берут. В обязанности собаки входит перехватить соболиный след, преследовать зверя, загнать его на дерево и там удерживать, сигнализируя хозяину об этом событии лаем; находящийся неподалеку охотник слышит лай, подъезжает на упряжке или на снегоходе к дереву и делает выстрел; собака приносит ему подстреленного соболя. «Собаку выпускаешь, сидишь, ждешь, когда загавкает. На буране гоняются не в смысле, что ты

догоняешь его на буране, это собака работу делает. А ты только подъезжаешь, когда собака затыкала» [16]. Без собаки селькупы тоже охотятся на соболя, но производительность охоты при этом в разы падает.

В ценность (и стоимость) собаки селькупы измеряют ее способностями охотиться на пушного зверя, на что указывают данные фольклора. У селькупов есть сказка о том, как герой-бедняк обманул людей местного богача, продав им втридорога собаку, которая, якобы, самостоятельно и очень успешно добывала пушного зверя [11, с. 163-166]. Фольклорная хозяйка промысловых пушных угодий – от нее зависела промысловая удача охотника – часто рисовалась в образе собаки.

В охоте на лося, как считают селькупы, собаки «сами на лося выходят, на лося указывают», а потом «должны загонять его к хозяину, не по жопе гонять, а вот так, круг делать, вперед зайти, вот куда лоси идут, и спугнуть на хозяина – в обратную сторону. И желательно, конечно, чтобы собака светлая – белая, серая была, тогда лоси ее боятся, она по окрасу на волка похожа» [16]. То же самое требуется от собаки при охоте на медведя, кроме того собаки отвлекают медведя лаем, не позволяют ему броситься на охотника, дают хозяину возможность сделать смертельный выстрел.

Во время охоты на водоплавающую дичь, собака находит и вытаскивает подстреленную птицу из воды, принося ее хозяину.

3. Сторожевая и защитная функции собаки.

Вторая функция собаки в хозяйстве селькупов – сторожевая, сигнальная. Если хозяева едут по лесу или живут на стойбище, собака должна чутко чувствовать диких животных, которые не видны, но находятся где-то поблизости, и лаем предупреждать хозяев об их присутствии. «Нужно, чтобы он в лесу всегда лаял, когда где-то что-то бежит, начеку был. О должен чутко зверя и предупреждать. Сигнализация, вот у вас как сигнализация есть. Залаяла собака, все – вышел, посмотрел, что, где. Я обычно так, когда в лесу – собака лает, я сразу же на улицу и стою, смотрю, где, что. Медведь, например, к стойбищу подошел, она лает, сигнализирует» [16].

Лаем собаки также сообщают хозяевам о приезде родственников, гостей. Если родственники приехали в гости, и собаки не встретили их лаем, значит, хозяев нет дома, они ушли вместе с собаками на промысел.

В прошлом селькупы, уезжая на пару дней в поселок, оставляли детей на стойбище под «присмотром» собак. «Мама всегда говорила, Неток, сиди, мы скоро приедем с батеи. Ну, ладно, я привяжу собак вокруг чума, вокруг собак завяжу, чтобы не страшно было. Они рано утром приедут, слышу мотор» [16].

В спайке со сторожевой функцией собаки идет защитная, когда собака защищает хозяина и его оленей от медведя или волка. От одного из информантов автор слышала, как собака спасла человека от медведя: медведь разорвал собаку, а человек остался жив. Защищают от волков только особые зверовые собаки. «Собака-то что, на волка она и не пойдет, в общем-то. Это есть такие, как та, которую я с Лабатнанги привез, ее предки крутые зверовые собаки были. Вот тот один кидался на стаю волков. Стая, конечно, могла его порвать, я вовремя успел других собак пустить. Мы с оленями сидели недалеко, волки пришли, одиннадцать волков. Это давно было» [16].

Обычно собаки селькупов не дают своим хозяевам эффективной защиты ни от волка, ни от медведя, если не считать защитой предупреждение лаем о появлении зверя. «Медведь иногда такой наглый бывает, сам приходит прямо. К нам вот летом сам приходил. Мы живем нормально – Никандр, я и собаки, больше никого нет. Такой наглый – прямо туда, где я делаю юколу для себя, залезал и юколу забирал. Собаки рядышком идут, он тоже рядышком идет, то туда, то туда отмахнет. Собаки рядышком идут, он шагом... Ну, собаки не отпугивают, он даже собак не боится. Собаки рядышком, и он тоже рядышком. Не то что рысью или как, а так» [16]. То есть даже отпугнуть крупного хищника селькупские собаки, как правило, неспособны.

Интересно, что обычные лайки, не зверовые, волков боятся больше, чем медведей. «Волков эти собачки боятся. Когда волк приходил, они лаяли, конечно. Но они не столько медведей боятся, сколько волков» [16].

4. Оленегонная функция собаки.

В традиции мелкостадного таежного оленеводства селькупов не было пастушеской собаки. В советское время, в период работы оленеводческих совхозов, где содержались стада в несколько

тысяч голов оленей, селькупы, как уже говорилось, стали использовать оленегонных собак, обменивая их у соседних ненцев. После развала совхозов необходимость в пастушеских собаках у селькупов опять отпала.

Интересно, что след от использования пастушеских собак в селькупском оленеводстве обнаруживается сегодня в частных оленеводческих хозяйствах. «Раньше были такие собаки, а сейчас нет. У нас раньше была такая собака, которая оленей сама пригоняла домой. Отпустишь ее – все, обезжит всех и вот так бегают, крутит, чтобы никто... Пригоняет, когда вам олени нужны – отпустил собаку, она пригнала и сторожит, чтобы никто в лес не убежал. У нас была такая раньше собака, а сейчас нет, сейчас есть буран – сели на буран, пригнали. А раньше собака с оленями помогала»; «Если их (ненецких лаек – О.С.) натаскать-то, они будут за оленями следить. Натаскивают их. Зимой-то я пускаю их за оленями, чтобы пригнали оленей. Их же учить надо, чему научишь, то и будут делать. Они намного смышленее, чем наши» [16].

Сняв с ненецких собак обязанность помогать с оленями, селькупы нашли им применение в других сферах. Как уже упоминалось, сегодня селькупы держат довольно много ненецких лаек, из них вышли хорошие сторожа и охотники.

В отличие от собак, обученных пастушескому делу, охотничьи лайки всех типов, включая лаек ненецких, по отношению к оленям ведут себя как хищники, в них, когда они видят оленя, просыпаются звериные инстинкты. «Мои собаки оленей не охраняют. Их к оленям только подпусти, они их сожрать готовы. У меня сколько лет собака была одна – как олень подойдет, только шерсть летит. Хотя вырос с оленями. Только пусти на свободу. Поэтому постоянно на привязи был у меня. Я, когда в лес на буране ехал, его таскал. А так, если на нартах поедешь, он прибежит, где нарты, запутает, оленей подергает» [16].

Вот еще один рассказ на эту тему: «Году в 2000-ом мы ехали с дядькой, перегоняли оленей, стадо, в Ратту – ехали на упряжке, олени шли следом. Собаки спугнули оленей, и те пошли на обгон, так ломанулись, что упряжку в снег втоптали, свернули шею вожжевому оленю, погиб также один из оленей, привязанных сзади к нартам; люди, что были в нартах, чудом остались целыми. Такой типично-нетипичный случай» [16].

На одном из стойбищ, которые мы посетили в 2021 г., мы застали искалеченного хора, которого накануне «погоняли» собаки. Двое суток он лежал с опухшей ногой и не мог встать, хозяевам пришлось делать ему операцию – разрезать опухоль и выпускать оттуда кровь. Напавшие на него собаки прибежали из поселка, расположенного на расстоянии четырех километров от стойбища [16].

У большинства хозяев-оленеводов собаки круглый год сидят на привязи. Гости, приехавшие на стойбище с оленями, тоже привязывают своих собак – так у селькупов принято.

Даже те собаки, которые спокойно реагируют на оленей, не сидят на привязи («они ничего не делают, безобидные, я их даже не привязываю») и имеют пастушеские задатки, все равно иногда «ведут себя плохо». «У Петровича не привязаны собаки. Но, когда мы обратно пошли, черненькая его собачка побежала гонять оленей. Самовольно побежала. Он ей за это не задаст, но она потом к нему долго не подойдет, потому что знает, что провинилась» [16].

5. Ездовая функция собаки.

По данным ряда исследователей, в XIX в. - первой четверти XX в., не имевшие оленей туруханские селькупы, как и другие безоленные жители Туруханского края, использовали собак в качестве ездовых животных [2, с. 237-240; 3, с. 672; 12, с. 515-516; 13, с. 166; 14, с. 58, с. 77-78]. Запрягая в оленнюю нарту по две «добрых» собаки, они отправлялись в тундры осматривать ловушки, проезжая в день более 60 верст [2, с. 238]. «Безоленные селькупы при ходьбе на охоту употребляли ручную нарту, на которой охотник вез продукты питания и боеприпасы. Ручная нарточка (*канджи*) по своей конструкции отличалась от оленней и была сходна с кетской. В эту нарточку в помощь охотнику иногда впрягали собаку» [3, с. 672]. Собаки, которые помогали везти груз, были в то же время охотничьими собаками [13, с. 166].

Как утверждают современные информанты, тазовские селькупы никогда не ездили на собаках и не возили на них грузы, также не было у них ручной нарты. Этой информации вполне можно доверять, поскольку у всех тазовских селькупов раньше были олени, и даже у самых бедных из них хоть пара оленей, да имелась, своя или одолженная на зиму у родственников.

Современные селькупы «завязывают» щенков на детские снегоходы без мотора, чтобы щенки катали детей. «А взрослые собак никуда не впрягают – зачем, у нас олени для этого есть» [16].

6. Критерии отбора щенков.

У каждого охотника, как уже говорилось, в среднем имеется по три собаки. Помимо охотничьей специализации собак это связано с их возрастом. Престарелой представляется собака в возрасте от 10 лет, когда она уже не может в полной мере выполнять свои охотничьи обязанности. Нового щенка ей на замену берут раньше, не дожидаясь ее немощи.

При выборе щенка главным считается определить, станет ли он охотничьей собакой, и есть ли у него задатки охотника. Для этого наблюдают за ним, выясняют, «бежит он на все живое или не бежит», то есть, реагирует он в лесу на бурундуков, белок, птиц и прочих животных или не реагирует. Собака с хорошим охотничьим инстинктом (и нюхом) должна реагировать. «Вот мы по лесу ехали, она там лаяла, и здесь ехали, лаяла, прямо из лодки учуяла» [16]. «Взяли, посадили себе собаку, то есть прибрали себе, и кормим, отрачиваем, и смотрим, какой пойдет, какой не пойдет, на глаз, короче. Щенок если вырос, если он бегаёт, на белок, бурундуков лает, значит это нормальная собака. А та, которая лежит во дворе, ни в лес, никуда не бегаёт, за хозяином не бегаёт, значит, плохая собака, значит, все уже, в отход» [16].

Отбор производится также «по сучке»: если предыдущие щенки от какой-то сучки охотились, берут щенков у этой сучки. «Вот у гениной сучки, маленькой такой, брали щенят, но они не охотились. А вот сейчас, в прошлом году я взяла щенка, сучку, она охотится, у всех, кто у меня щенков брал, охотятся. Вот Саша снова пришел, щенка от моей сучки посадил, типа она охотится» [16].

Важным моментом в выборе щенка для охотничьей работы была «легкая рука» его первого хозяина – того человека, кому принадлежала ошенившаяся сучка. Этот человек, якобы, влиял на его характер, способности и развитие. «Я вот любую собаку сажу, или породу такую приобретаю, у людей беру собаку, и у меня они сами начинают охотиться, все что движется, тащить. Это не у собак в генах, это у меня, когда я сажу. Допустим, есть такое, что специально оленя отдают тому человеку, у которого много оленей разводится. Допустим, я отдам ему теленка, на следующий год этот теленок потомство принесет, потом еще потомство от потомства, и получится много. А другой себе возьмет, и олень потеряется, либо будет бездетным ходить. Это от человека зависит. И также с собаками. Вот я сучку посадила, и она охотится сама стала, никто ее не таскал. Не знаю, почему так. Просто в детстве... посадят собаку, я сама посажу, специально отец садил, чтобы это... потом отдавал, а у меня на крупное только шел, на медведя и на лося. Я приеду домой, ору, где мой щенок, а они уже отдали щенка моего – потому что он охотится. У отца была сучка, тоже лайка, и она много щенят приносила. А нас в семье пять детей было. И вот, каждый садил щенков, и они вырастали, до сих лет даже сидели в лесу, и пока они маленькие, мы их кормим, туда-сюда, уезжаем на учебу, и все, они к осени подрастают, уже все, смотрят, куда идут. Мой всегда ходил на лося и на медведя, сразу. Полгода щенку, он сам уже. Полгода щенку, он уже все проверяет, и там уже сразу видят, кто на кого пошел. А бывает, что некоторые собаки сзади всех плетутся, никуда не бегают. Это уже не собака. Его сразу не ликвидируют, долго держат, вдруг он поздно пойдет, ждут же. Все же собаки разные, кто-то рано идет, кто-то позже пойдет. Вот, проверяем. Первый хозяин на щенка влияет, вот у Эдика, когда он садит, все собаки кусачие вырастают» [16].

Некоторые селькупы практикуют такой способ отбора как оставление щенка одного в лесу: если он выживает, то становится охотником. Щенка в лесу оставляют специально или «случайно». «Ну как, я сам так и делаю, в лесу собаку оставляю, не знаю, некоторые так тоже делают»; «У меня хорошая собака. Как отбирал? – Просто один раз он потерялся, неделю в лесу жил, потом он появился. И по этому стало понятно, что из него выйдет хороший охотник» [16].

Собак, которые не оправдали ожидания, не проявили охотничьих качеств, селькупская традиция предписывает убивать. «Если не охотится, его ликвидируют сразу» [16]. Соблюдают эту традицию не все селькупы. Способами убийства собаки является сдавливание, оставление в лесу, один из информантов говорил о какой-то яме, из которой приговоренная собака не может выбраться.

Многие селькупы утверждают, что слово «садить» в отношении собаки означает простое возвращение и содержание без обучения: «Ее не учат, она сама в след идет»; «Учить охотиться? Как ее учить-то... Да нет...» [16]. В том числе считают, что будущая охотничья специализация

проявляется у щенков сама по себе, посредством одних инстинктов: «У меня на крупное только шел, на медведя и на лося... И там уже сразу видят, кто на кого пошел... Если хотят на крупную, на медведя, на лося, отдельно садят. Допустим, и на соболей отдельно садят. Есть некоторые только на дичь, для глухарей, для уток» [16]. Но фразы из интервью селькупов говорят об обратном: учитывая звериные инстинкты, хозяева щенков совершают некие действия, развивая в щенках ту или иную специализацию («отдельно садят»), то есть обучают щенков.

7. Обучение собак охотничьим обязанностям.

Обучение щенков у селькупов сложным не назовешь, но, тем не менее, оно есть. Селькупы озвучивают несколько рецептов того, как собаку обучают обязанностям, которые она должна выполнять на охоте. Самый практикуемый из них – «поставить» собаку на свежий след животного – объекта охоты, познакомить с запахом животного и пустить по следу: «Да, вот осенью на соболей, конечно, их учить надо. Вот щенка нынче Юра будет в лес возить. Как учат: увидели свежий след, показали, ткнули – если побежал и лает, то все... Один раз вот так... Если догонит один раз, то все, он дальше будет знать, что надо делать. Первый раз нужно подтолкнуть» [16].

Второй способ – дать щенку в наставники опытную собаку. «Когда собаку учат, в первые разы ее берут на охоту вместе с опытной собакой, чтобы она повторяла за ней ее действия, делала то же, что та собака» [16].

Этими двумя нехитрыми способами собак обучают охотиться на любое промысловое животное. «Никандр сам ее выучил на соболя, на всех в общем, чтобы и на лося шла, и на всех» [16]. Об обязанностях, которые имеет собака при промысле соболя, крупных животных и дичи, было уже рассказано выше.

Возраст, когда собаку начинают вывозить на охоту, полгода, год. «В год сучки идут на охоту, а кобели должны раньше идти, в полгода» [16].

8. Воспитание собак.

Важнее навыков охоты для селькупов является воспитание собаки, выполнение ею норм «общественного» поведения, без которых не были бы возможны ни использование ее на охоте, ни, в целом, сосуществование с человеком.

Как должна себя вести собака согласно селькупским традициям? В первую очередь от нее требуется, чтобы она была привязана к своему хозяину, следовала за ним повсюду и выполняла его команды. «Мы ее приучили за машиной бегать. Она маленькая была, зимой в колею поставили, чтобы за нами побежала, маленькая же, ее учили, ее не видно в колее даже, но бежит, в колее прямо. Зачем собаке уметь за машиной бегать? – Чтобы она бегала за мной. Вот это вот, если я поехала на любой машине или хоть на лодке, говорю: «Поехали», – она вот прыгает и едет... Я ее сама приучила, она маленькая была, на буран завязала, в корыто, и все, и привыкла... Говорю сейчас: «Поехали», – все, она садится и едет» [16].

Второе: собака должна проявлять дружелюбие к гостям хозяина, которые приходят к нему в дом, приезжают на его стойбище. В экспедиции 2021 г. произошел показательный случай: мы приехали к месту, где знакомые нашего проводника собирали ягоды. Нас встретили хозяйские собаки, очень злобно и угрожающе зарычали на нас и попытались укусить собаку нашего проводника, за что тот хватил их веслом, пояснив, что «так не положено собакам на гостей рычать, это дурное воспитание». Проводник акцентировал недостаток воспитания собак своих соседей: «Да хозяева не смотрят, конечно. Короче, я дал понять собаке, кто в доме хозяин, нечего бросаться» [16].

Возраст щенков, в котором селькупы занимаются их воспитанием – от рождения до года, делать это позже представляется у селькупов бессмысленным. Когда сестра нашего проводника предложила ему забрать себе полторагодовалого алабая, которого держали ее дети в районном центре, он отказался, сославшись на то, что эту собаку учить уже поздно. «Я у них щенка просил, взрослая собака-то зачем мне? Они ее уже научили всяким примочкам, я же ее убью на второй же день» [16].

Из числа селькупских собак следует выделить невоспитанных особей, постоянно живущих в поселках («Их садят для того, чтобы объедки не валялись, для себя как бы садят» [16]), и некоторых воспитанных собак, которые, когда их привозят в поселок и не привязывают, забывают про свое воспитание: «У них, где олени, они круглый год на привязи сидят, а тут их привезли, отпустили, они бегают, сами не знают, куда бежать». Такие собаки творят в поселках всякое

безобразии. «Собаки, как у них свадьба начинается, не одну собаку, бывало, раздирали. Ужас. Сейчас-то они поспокойнее, а когда свадьбы, уже страшно, человека тоже сгрызут. Вот он тут лает, привязанный – Анчар. Я его сейчас берегу. Анчара чуть не съели, я тогда прям палку взяла и столько собак... Про себя не думала, Анчар-то дороже. Вот такие они, нехорошие. Их много сразу здесь бывает очень» [16]. Автор много раз была свидетелем, как жители поселков разгоняли грызущихся в зоне их досягаемости собак пинками, кулаками, страшным криком.

Такие собаки представляют большую угрозу для оленей, на которых селькупы приезжают в поселки на праздник День оленевода. Между жителями существует уговор – привязывать собак на время праздника, но выполняют его не все, «некоторые думают, что их собака оленя не обидит». Каждый хозяин оберегает своих оленей, как может, кого есть забор, олени стоят во дворе за забором, другие приехавшие останавливаются на стойбищах, расположенных в 3-4 км от поселка. Но, несмотря на принимаемые меры, собаки почти ежегодно задирают чье-то оленя.

За нападение на оленя собаку «сразу кантуют», то есть убивают. «Помните нашего Эрика? Вот, его же застрелили. Его застрелили, потому что он оленя порвал, чужого. Оленя, который на гонку приехал». «Если собака оленя домашнего порвала, этим она сама себе подписала приговор. Стоит один раз ей оленя задрать, все, потом уже не остановишь. В привычку войдет, потом всех оленей вместо волков сожрет» [16].

За определенные провинности селькупы наказывают собак очень жестко. Но вместе с тем фиксируется много случаев мягкого обращения с собаками. Например, в одной семье, если собака задрала своего оленя, ее вообще не наказывают: «Что делают, когда домашнего оленя задрала? Да ничего не делают. Оставляют. Мясо сами едят, оленину» [16].

В полевых материалах автора есть несколько рассказов о том, как собаки проглатывали загнанного или уже подстреленного соболя. «Олег первый раз взял Анчара на охоту, так чуть его не убил. У него тоже собачка была, маленькая, тоже кобель, тоже охотничья. Анчар быстрый такой, он быстро нагоняет, в молодости быстрее всех собак был, за что Никандр Иванович его и ценил. Олег соболя загнал наверх, пристрелил, Анчар соболя в охапку взял и чесанул. Олег рассказывал, что сначала гонял, гонял, потом кричал, кричал, потом весь выдохся, а Анчар не дает и все, думал, что сейчас пристрелит его. Только сел, ружье зарядил, чтобы показать, что пристрелит, как Анчар соболя выплюнул и сидит. Я говорю, если бы домой ты пришел, я бы спросила, где Анчар, что бы ты ответил. Олег говорит: «Я бы тебе соболя отдал» [16]. Или другая история: «Там была лайка, и сын ее. Обоих Никандр Иванович пустил по следу. Лаю, уже загнали. Немного не доехал – тишина. По ихним следам едет. Пришел, говорит, оба сидят. Посмотрел – пятно крови и оба ходят так, как ни в чем не бывало. И не лают. Думает, наверное, кто-то проголодался. Обоих, говорит, привязал, а дорога-то готовая, повернул, быков разогнал, а они тоже, эти собаки, галопом бегут. Резко остановил, смотрит, кого вырвет. Лайку точно вырвало всю. Смотрит – и шерсть, и кости соболиные. А она хорошая охотница была. Подумал, да ладно с сободем этим, ее погладил еще, дальше поехал. Соболю уже знает, когда снег глубокий, он летит, думает, что от собак оторвется, уйдет. Вот, наверное, как он летел, она его там налету и схватила, так и сразу проглотила, пожевала немножко и проглотила» [16]. То есть за испорченного соболя собаки, как правило, не подвергаются наказанию. Некоторые селькупы говорят, что, если собака съела соболя, значит, ее кормили плохо. Нужно заметить, что собаки шкуру соболя не едят.

Собака у селькупов должна «бегать» за своим хозяином, слушаться его, хорошо себя вести. Понятие собачьей верности у селькупов существует, но большого значения они ему не придают. «Да они и так все верные будут. В лесу же никого нет, кроме хозяина» [16]. Высшей формой отношений хозяина и его собаки следует считать способность собаки чувствовать его настроение, понимать его без слов и выдавать соответствующую его состоянию реакцию. «Она знает, когда я рассержусь. Она не смотрит на меня, но она уже чувствует мое настроение. Если у меня хорошее настроение, мол, Лада, собирайся, поедем, то у нее тоже, она рада. Или вот она опять нагребла вот тут песку, я прикрикнул на нее, и она убежала куда-то – переживать. Она сама такая пугливая, я ее никогда не бил, но она сама просто так боится, окрика боится грубого. Ругать-то мне ее не за что, оленей у меня нет, она не хулиганит» [16]. Похожую чуткость автор наблюдала у другой собаки, которая самовольно убежала к оленям своего хозяина, пугнула их и потом долго к нему не подходила, держалась подальше, потому что знала, что провинилась. Хозяин при этом ей не сказал ни слова [16].

9. Содержание собак.

Собаки у селькупов живут на улице, в дом их не пускают. На стойбищах, где есть олени, собак привязывают к шесту, воткнутому в землю рядом с конурой. В конуре собака прячется от дождя, мороза, гнуса и комаров. Селькупская конура имеет следующую конструкцию: яма в земле, похожая на звериную нору, накрывается настилом из жердей или бревен, фасад конуры оформляется двумя парами деревянных столбиков по краям от входа, которые подпирают переднюю жердь настила, вход завешивается куском брезента или тряпкой. Варианты конструкции конуры – просто нора или просто яма без деревянных элементов. В поселках собачьи конуры обычно имеют вид деревянной будки. Собаки часто сами роют себе ямы, в которых спят, в песке или снегу, селькупы называют эти ямы зимками. Поскольку из каждого правила есть исключения, в каких-то случаях собаку все-таки пускают в дом/чум, например, когда собака оценилась зимой с самые морозы, или, если хозяйке холодно спать, и щенок под боком заменяет ей грелку.

Кормежка собак различается по сезону. Летом, когда рыба легко ловится, селькупы собакам еду не варят и кормят их два раза в день свежей рыбой. В том случае, если рыбы мало, начинают варить. Когда нет рыбы, дают собакам то, что найдется в доме, например, заплесневелые сухари, которые предварительно размачивают. Селькупские собаки совсем неприхотливы в еде, если не сказать всеядны. Собаки-охотницы летом сами добывают себе дополнительное питание – ловят бурундуков, кротов, мышей, отчего, как говорят селькупы, становятся «квадратными». Собака (непривязанная) может оставаться на стойбище без хозяина и кормежки до двадцати дней, и питаться самостоятельно тем, что найдет сама, подножным кормом. Зимой, «когда труднее рыбу ловить», питание у собак иное: «Зимой собак кормить два раза обязательно – утром и вечером, особенно в морозные дни. Мы им специально варим с крупой или с мукой, суп им делаем. Рыбу туда кидаем, с макаронами там, например, густой суп делаем» [16]. Зимнюю рыбу варить необходимо также потому, что она или замороженная, или сухая (юкола – «она же как сухарь»). Каждой собаке для еды положена своя миска: «Варим в одном котле, а кормим из разной посуды, из разных мисок» [16].

Давать еду собаке может только ее хозяин или кто-нибудь из его близких, с которыми он постоянно живет, постороннему человеку кормить чужую собаку запрещено. Однако у многих селькупов периодически возникают проблемы с прокормом своих собак, и тогда это правило нарушается. «Олега щенок у нас сейчас живет, ему нечем кормить, Олег пьяный ходит, сам не кушает и щенка своего не кормит» [16]. «Тут и не мои собаки, хозяев несколько. Я их всех кормлю, ловлю рыбу. Потом разбирают, скоро заберут, осенью, когда охота начнется» [16]. Вообще прокормить сразу нескольких собак не так-то просто, их хозяева должны почти ежедневно рыбачить, а на зиму им необходимо сделать большой запас рыбы. «Сейчас рыбу для собак заготавливаем. Когда речка встанет, варить начнем. Мы с женой одну рыбку в день съедаем, а они по две в день едят, на пятерых получается десять рыб в день. Ведро варева за раз съедают» [15].

Если селькуп находится в долгой дороге, он свою собаку не кормит: «Собака может и голодной побыть, ей ничего не будет за несколько суток, она двадцать дней может выдержать некормленная – если хорошо упитанная собака. Чем стройнее, тем борзее» [16].

Старых собак селькупы не выбрасывают, а продолжают кормить до последнего их вздоха. «Матери собака еле ходит, скоро сдохнет. Он глухой совсем, зубов нет. Чтобы покормить, мать его вот так зовет, не кричит, а рукой машет. Он увидит, подойдет» [16]. Старые охотничьи собаки, которые чувствуют наступление конца, обычно уходят из дома – пропадают. «Вот у меня еще были две старые собаки, так они в один год почти что умерли, с 90-х годов у меня эти собаки были. В две тысячи каком-то году у меня сначала один пропал, потом второй» [16]. О старых заслуженных собаках селькупы рассказывают исключительно с уважительной интонацией.

Итак, подводя итоги исследования, отметим, что в нем впервые, на основе главным образом полевых материалов автора, было сделано всестороннее описание одного из важных элементов культуры северных селькупов – отношений человека и собаки, определено место собаки в традиционной и современной селькупской системе жизнеобеспечения. Селькупская собака была рассмотрена по ряду характеризующих ее позиций. Исследование установило, что собака, которая с древнейших времен являлась спутником и помощником человека, по породе своей была лайкой, единственной собакой, способной выживать в суровых условиях Севера и нести на себе тот груз

обязанностей, которые на нее возложили. В традиционной системе жизнеобеспечения очень многое зависело от собаки. Собака выполняла охотничью, сторожевую/защитную, а также, фрагментарно, пастушескую и ездовую функции. В исследовании дано опровержение расхожим или принятым в узком кругу ученых мнениям, что селькупы использовали собаку как ездовое животное, видели в собаке эффективного защитника от волков и медведей и не подключали ее к участию в пастушении оленей. Было выявлено, что ездовым животным собака служила только безолненным туруханским селькупам, пастушение стад с собакой селькупы производили в советский период, когда у них практиковалось крупностадное оленеводство, и отпугнуть от человеческого жилья волков и медведей обычная лайка не могла, так как они ее не боялись. В исследовании подробно рассматриваются все связанные с собакой звенья традиционной селькупской системы жизнеобеспечения – приобретение и критерии отбора охотничьих щенков, обучение и воспитание собаки, особенности содержания, включая питание. Работа над темой показала, что отношения селькупов с собакой по названным позициям воспроизводят традицию и практически не меняются во времени.

Литература и источники

1. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. - Екатеринбург: УрО РАН, 1995. - 606 с.
2. Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. - СПб.: Тип. Безобразова, 1871. - 316 с.
3. Прокофьева Е.Д. Селькупы // Народы Сибири. - М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. - С. 665-687
4. Адаев В.Н. Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII-XX вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2014. - № 1. - С. 124- 132.
5. Степанова О.Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник. - 2006. - № 8. - С. 52-55.
6. Степанова О.Б. Селькупы села Совречка // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2015. - № 3 (30). - С. 126-134.
7. Степанова О.Б. Социальная политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера в начале XXI в. (на примере северных селькупов) // Социальные отношения в историко-культурном ландшафте Сибири. - СПб.: МАЭ РАН, 2017. - С. 349-444.
8. Ливеровский Ю. Лайки и охота с ними. - М.: Изд. Журн. «Охота и природа» Леноблхотсоюза, 1927. - 16 с.
9. Шерешевский Э.И. Лайки и охота с ними. - Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1965. - 107 с.
10. Широкий О. Северные собаки и их занятия в современном мире // <https://goarctic.ru/society/severnye-sobaki-i-ikh-zanyatiya-v-sovremennom-mire/> - дата обращения 15.05.2022
11. Сказки народов Севера. - М.-Л.: Художественная литература, 1959.
12. Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии // Заволжский муравей (Казань). - 1833. - № 9. - С. 506-523.
13. Островских П.Е. Баишенские «остяки» (остяко-самоеды) Туруханского края в конце XIX в. // Советский Север. - 1931. - № 7-8. - С. 161-181.
14. Доннер К. У самоедов в Сибири. - Томск: Ветер, 2008. - 176 с.
15. Полевые материалы автора (ПМА) 2014 г., собранные в поездке к селькупам Туруханского района Красноярского края.
16. Полевые материалы автора (ПМА) 2021 г., собранные в поездке к селькупам Красноселькупского района Тюменской области.

References and Sources

1. Golovnev A.V. Govoryashchie kul'tury: tradicii samodijcev i ugrov. - Ekaterinburg: UrO RAN, 1995. - 606 s.
2. Tret'yakov P.I. Turuhanskij kraj, ego priroda i zhiteli. - SPb.: Tip. Bezobrazova, 1871. - 316 s.
3. Prokof'eva E.D. Sel'kupy // Narody Sibiri. - M.-L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. - S. 665-687
4. Adaev V.N. Sel'kupy Verhnego Taza: mezhkul'turnye svyazi i puti soobshcheniya s naseleniem sosednih rechnyh bassejnov v XVIII-XX vv. // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. - 2014. - № 1. - S. 124- 132.
5. Stepanova O.B. Zlaja ili dobraya: k voprosu o glavnom mifologicheskom obraze sel'kupov // Omiskij nauchnyj vestnik. - 2006. - № 8. - S. 52-55.
6. Stepanova O.B. Sel'kupy sela Sovrechka // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. - 2015. - № 3 (30). - S. 126-134.
7. Stepanova O.B. Social'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa v nachale XXI v. (na primere severnyh sel'kupov) // Social'nye otnosheniya v istoriko-kul'turnom landshafte Sibiri. - SPb.: MAE RAN, 2017. - S. 349-444.
8. Liverovskij Yu. Lajki i ohota s nimi. - M.: Izd. ZHurn. «Ohota i priroda» Lenoblohotsoyuza, 1927. - 16 s.
9. Shereshevskij E.I. Lajki i ohota s nimi. - Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. - 107 s.
10. Shirokij O. Severnye sobaki i ih zanyatiya v sovremennom mire // <https://goarctic.ru/society/severnye-sobaki-i-ikh-zanyatiya-v-sovremennom-mire/> - data obrashcheniya 15.05.2022
11. Skazki narodov Severa. - M.-L.: Hudozhestvennaya literatura, 1959.
12. Maslov. Brodyashchie narody Turuhanskogo kraja. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Enisejskoj gubernii // Zavolzhskij muravej (Kazan'). - 1833. - № 9. - S. 506-523.
13. Ostrovskih P.E. Baishenskie «ostyaki» (ostyako-samoedy) Turuhanskogo kraja v konce XIX v. // Sovetskij Sever. - 1931. - № 7-8. - S. 161-181.
14. Donner K. U samoedov v Sibiri. - Tomsk: Veter, 2008. - 176 s.
15. Polevyje materialy avtora (PMA) 2014 g., sobrannye v poezdke k sel'kupam Turuhanskogo rajona Krasnoyarskogo kraja.
16. Polevyje materialy avtora (PMA) 2021 g., sobrannye v poezdke k sel'kupam Krasnosel'kupskogo rajona Tyumenskogo oblasti.

СТЕПАНОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Сибири, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург) (stepanova67@mail.ru).

STEPANOVA, OLGA B. – Ph.D. in History, Senior Researcher at the Department of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg).

ГОГОЛЕВ А.И., ЯКОВЛЕВА К.М.
АРХАИЧНЫЕ УШНЫЕ УКРАШЕНИЯ ЯКУТОВ

Ключевые слова: украшения, средневековая Якутия, архаика, Якутия, Республика Саха (Якутия), якуты, классификация.

Статья посвящена систематизации и классификации архаичных ушных украшений якутов – серёг в виде знака вопроса (кольцевые серьги, проволочные серьги). Данные серьги довольно широко были распространены у многих народов не только Сибири, но и по всей Евразии (татары, казахи, алтайцы, хакасы, тувинцы, монголы и т.д.), но сохранились в традиционном комплекте украшений как височные подвески у хакасов. Серьги в виде знака вопроса из-за простоты форм и не сложных конструктивных особенностей, не рассматривались как отдельный этнографический источник, а были лишь дополнительным аргументом при анализе материала. Лишь в исследованиях последних лет особое внимание начинает уделяться украшениям якутов средневекового периода, а вместе с тем и ушным украшениям. Популяризация архаичных украшений якутов привела к росту спроса среди населения серег в виде знака вопроса в Якутии. В статье дана классификация архаичных ушных украшений якутов на основе музейных фондов Республики Саха (Якутия). Основными хранилищами украшений архаичного периода Якутии являются Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (ЯГОМИиКНС) и Музей археологии, этнографии и высшей школы Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (МАЭиВШ СВФУ). Разработанная классификация выявляет четкие типологические ряды для дальнейшего сравнительно-исторического изучения предметов. Выявленные при классификации типы и виды серёг помогают пролить свет на общность культур, влияние историко-культурных контактов и связей изучаемых народов.

GOGOLEV, A.I., YAKOVLEVA, K.M.
YAKUT PEOPLE ARCHAIC EAR JEWELRY

Key words: jewelry, medieval Yakutia, archaic, Yakutia, Republic of Sakha (Yakutia), Yakut, classification

The article is aimed at the systematization and classification of archaic Yakut ear jewelry – earrings in the form of a question mark (ring earrings, wire earrings). These earrings were quite widely distributed among many peoples not only in Siberia, but also throughout Eurasia (Tatars, Kazakhs, Altaians, Khakas, Tuvans, Mongols, etc.), but they were preserved in a traditional set of jewelry as temporal pendants among the Khakas. Earrings in the form of a question mark, due to the simplicity of forms and not complicated design features, were not considered as a separate ethnographic source, but were only an additional argument when analyzing the material. It is only in recent studies that special attention is beginning to be paid to the jewelry of the medieval period Yakuts, and at the same time earrings. The popularization of archaic Yakut jewelry has also led to an increase in demand among the population for earrings in the form of a question mark in Yakutia. This article presents a classification of archaic Yakut ear jewelry based on the museum collections of the Republic of Sakha (Yakutia). The main repositories of jewelry of the archaic period of Yakutia are the Yakut State United Museum of History and Culture of the Peoples of the North named after Em. Yaroslavsky and the Museum of Archeology, Ethnography and the Higher School of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov. The developed classification reveals clear typological series for further comparative historical study of subjects. The types and types of earrings identified during the classification help shed light on the commonality of cultures, the influence of historical and cultural contacts and ties of the peoples studied.

Ушные украшения – серьги в виде знака вопроса или проволочные серьги, являются типичными ушными украшениями для периода средневековья Якутии (как и для более архаического периода), который имеет ключевое значение для формирования якутского этноса. Датированная XIV–XVIII вв. эпоха якутского средневековья состоит из последовательной смены двух археологических культур – кулун-атахской (XIV–XVI вв.) и раннеякутской (XVII–XVIII вв.). Эта эпоха в основном изучена по археологическим раскопкам поселений. Керамический комплекс этих поселений позволяет отследить последовательность и сменяемость культур, благодаря чему можно выстроить достаточно четкую линию поселенческих памятников в хронологическом плане, имея всего несколько абсолютных дат.

Ушные украшения, рассматриваемые в данной статье, относятся к архаичным элементам якутской культуры и требуют специального изучения. В этнографической литературе серьги средневековой Якутии исследуются лишь в одном контексте: как дополнительный аргумент при анализе материала, чем принижается их роль как самостоятельного источника. При этом теряются закономерности временных и территориальных изменений. Однако ушные украшения средневековья в силу «нетленности» и ёмкости содержащейся в них научной информации, представляют собой важный историко-этнографический источник, позволяющий достаточно обоснованно иллюстрировать этапы этнической истории и культурогенеза народов: древние и средневековые этнические процессы, ранние и поздние этнокультурные взаимосвязи.

Целью статьи является классификация ушных украшений периода средневековья по конструктивным особенностям на основе материалов из фондов музеев Республики Саха (Якутия).

В процессе классификации якутских ушных украшений периода средневековья были изучены фонды музеев Якутии. В ЯГОМИиКНС насчитывается двенадцать экземпляров из

«ранних поступлений», восемь комплектов из материалов раскопок И.В. Константинова, четыре экземпляра из раскопок Ф.Ф. Васильева и девять экземпляров из раскопок Л.Н. Жуковой. Представительная коллекция серег хранится в МАЭиВШ СВФУ: 12 экземпляров из материалов поселений и погребений, изученных А.И. Гоголевым, три экземпляра из коллекции Н.Д. Архипова, пара серег из погребения, изученного Н.П. Прокофьевым и С.К. Колодезниковым, пятьдесят семь экземпляров из материалов раскопок МАФСО. В районных музеях также встречаются бузинные серьги. Это пять пар в МККМ, одна пара в ОИКМ, одна пара в Чурапчинском музее истории и этнографии, один экземпляр в Вилуйском краеведческом музее.

Музейные материалы рассмотрены в контексте породившей их эпохи (конкретно-исторический подход). Отобранные материалы сопоставлены с аналогичными украшениями сопредельных регионов. Для интерпретации материалов применен компаративный метод. Источниковедческий синтез выступает как заключительная стадия исследования, где социокультурный объект воспроизведен как система внутренне-обусловленных связей и взаимосвязей. На основе аналитико-систематического осмысления, отобранный материал в дальнейшем систематизирован путем классификации. Классификация украшений составлена по общепринятой схеме с учетом антропологических и конструктивных особенностей.

Анализ литературы по проблеме, в том числе содержащихся в ней свидетельств путешественников-исследователей XVIII века, показывает, что серьги в виде знака вопроса были довольно популярны у всех тюрко-монгольских народов. Более того, древнейшие аналоги кольцевых и восьмеркообразных серег были распространены на Алтае еще в скифское время. В дальнейшем подобные серьги, изготовленные путем сгиба цельного куска проволоки, встречаются в средневековых памятниках Европы, Казахстана и Средней Азии, которые датируются XIII-XV вв. Особенно обширен ареал этого типа серег в Сибири. Например, проволочная бронзовая серьга с бусиной найдена в Телятниковском могильнике в Забайкалье, определяемом X-XII вв. [8, с. 34]. В поселении Уганья (Усть-Алданский район), датируемом XIV-XV вв., была обнаружена типичная бузинная серьга в форме знака вопроса [3, с. 20].

Ушные украшения в виде знака вопроса можно выделить и у народов Алтая. Они выглядели следующим образом: на проволоку, согнутую знаком вопроса, были нанизаны бусины; она также имела подвеску из монет и украшалась кисточками бахромы. Например, у хакасов существовало три варианта таких серёг, в зависимости от количества бусин-кораллов. В основе всех серёг лежит тип кольцевой серьги или знака вопроса. «Хос ызырга» – это серьги, изготовленные из медной проволоки, изогнутой кверху в виде кольца. На нижнюю часть нанизывались три коралловых бусины «суру», между которыми вставлялись маленькие бусинки или серебряные пластины. На конце подвешивалась серебряная полурублевая монета с шелковой кисточкой.

На севере Хакасии среди кызыльцев были распространены серьги «салбах ызырга» (второй вариант). В уши продевали крепление с кольцом, на котором висело три или пять коралловых низок с серебряными монетами на концах.

Молодые девушки носили в ушах маленькие сережки «ахча ызыргазы» (третий вариант), состоявшие из одного коралла и одной монетки. По поверьям, женские уши не должны быть пустыми, а к кораллам притягивается душа. Кораллы покупались хакасами у татар, которые привозили их из Средней Азии. За одну большую бусину могли дать вола или лошадь [5, с. 19]. Количество кораллов свидетельствовало о состоятельности рода. Бедняки приобретали дешевый искусственный коралл «хуйга», отличавшийся от настоящего мягкой структурой и ярко-красным цветом. Если серьги были сильно крупными, то их прикрепляли к косичкам и носили как височное украшение. Такие серьги бытовали у хакасов и бурятов.

Данный тип серег является наиболее архаичным в якутской культуре. Еще в первой половине XVIII в. Я.И. Линденау описал подобный тип серег как типичный для якуток того времени [7]. Подтверждают это и материалы археологических раскопок древнеякутских погребений. Ранние исследователи Якутии, оставившие сведения о якутах, указывают на такую особенность, как количество подобных серег в одном ухе. Так, в каждом ухе носили по 3-4 серьги, как женщины, так и мужчины. На каждую сережку полагалось по отдельному отверстию. Обычай носить несколько серег в одном ухе существовал до середины XIX в [6, с. 81]. Самые ранние серьги представляли собой несомкнутое кольцо с черными и белыми бусинами на стержне. Позже, на нижнее кольцо, замыкающее стержень с бусинами, стали насаживать подвески в виде монет или

ИСТОРИЯ

фигурных пластинок. И.В. Константинов считал, что подобный тип серег появился к концу XVIII в. и что именно такое сочетание породило переходный тип серёг от бусинных к традиционным массивным, получившим широкое распространение в XIX в. В пользу этого говорит и тот факт, что профиль серьги позднего этнографического времени все еще сохраняет вид знака вопроса. Различные вариации описываемых серег хранятся в фондах музеев Якутии.

Количество серег у погребенных, судя по сопроводительному материалу, вероятнее всего было вариативным. Независимо от возрастного состава погребенных, встречаются погребения как с четным, так и нечетным количеством серёг [1, с. 118].

Бусины, являющиеся частью серег, в большинстве случаев бывают черного и белого цветов, редко – синего или голубого. Цвета бусин всегда чередуются между собой и количество всегда остается нечетным. Встречаются вариации в форме бусин. Наиболее распространены серьги с круглыми пастовыми бусинами, но встречаются и с плоскими бусинами. Иногда встречается следующая вариация: белая круглая бусина, затем идет кружочек из мелких черных бусинок и этот своеобразный раппорт повторяется до конца стержня, но всегда замыкается белой круглой бусиной. Вместо черных бусин могут быть короткие металлические трубочки. Количество бусин варьируется от 3-5 до 11 штук.

Классификация ушных украшений. Исследователи якутских украшений не выделяют типы кольцевых серёг (серег в виде знака вопроса). Мы, исходя из конструктивных признаков серёг периода средневековья, выделили следующие типы и подтипы:

Таблица 1.

Ушные украшения

№	Тип	Подтип	характерный музейный экземпляр
1	кольцевые бусинные серьги	бусины	МАЭиВШ СВФУ NoГ-У-27
		бусины и вставки	МАЭиВШ СВФУ КП-283/10, No КП-283/11, ЯГОМИиКНС КП 53601
		бусины нетипичной формы	ЯГОМИиКНС КП 53752
2	кольцевые бусинные серьги с подвеской	подвеска – монета	ЯГОМИиКНС ОП 81
		подвеска – наперсток	МАЭиВШ СВФУ NoГ-С-Эл5
3	переходные формы	Составные	МАЭ СВФУ КП-268/1,2,3
		Цельнолитные	МАЭиВШ СВФУ №Г-С-ЭД-36

Самым распространенным типом бусинных серег является первый тип, 1 подтип (серьги с круглыми и плоскими бусинами). Они представляют собой медную или серебряную проволоку, один конец которой выполнен в виде кольца (отсюда название «кольцевые») и вдевается в мочку уха, а второй – отогнут вниз, напоминая знак вопроса (отсюда название «серьги в виде знака вопроса»), на который нанизано несколько бусин. Бусины пастовые, на одну серьгу могли быть вдеты бусины одного цвета (белого) или двух цветов (белого и черного). Бусины так же отличались по размеру – от небольших до крупных форм.

К данному подтипу мы можем отнести интересный экземпляр серьги из фондов МАЭиВШ СВФУ (NoГ-У-27). Это украшение из кулун-атахского поселения на данный момент является самым древним якутами украшением. Она выполнена из бронзовой проволоки в виде знака вопроса, на которую нанизано 15 небольших белых круглых бусин, а по середине одна синяя бусина. Серьга интересна тем, что обычно у более поздних экземпляров в цветовом плане бусины чередуются. В данном случае выделена центральная синяя бусина. Также у этой серьги стержень тоньше, чем у серег XVIII века

Одним из самых распространенных чередований круглых бело-черных бусин является соотношение 4 белые и 3 черные бусины.

При этом бусины представлены в крупной форме. Серьги такого плана выделены в МАЭ СПб № 1676-14, ЯГОМИиКНС КП 49754. Данная серьга была обнаружена Е.Д. Стреловым в мужском погребении. Также в фондах ЯГОМИиКНС представлены следующие вариации чередования бусин: 6 белых и 5 черных (КП 45181/1, 2, 3, 4), 2 белые и 1 черная (КП 42487/28). Серьги с 11 бусинами были найдены В.В. Поповым в местности Аана алааса в Чурапчинском районе. В целом, длина серег этого подтипа колеблется от 4 до 7,5 см.

ИСТОРИЯ

Количество и цветовое различие плоских бусин имеет несколько вариаций (6, 7, 8, 9 штук).

В коллекции МАЭ СВФУ представлены серьги из погребения №4 Ат Дабаан (Ат Быран). Данное украшение типично для изучаемого периода. Такая же серьга представлена в фондах ЯГОМИиКНС. Здесь 4 белые бусины и 2 черные. При этом подряд две белые бусины нанизаны ближе к кольцу. Украшение было найдено И.В. Константиновым в погребении № 2 могильника Ампардаах, Мегинского наслега, Мегино-Кангаласского района. Длина изделия 6,4 см., ширина 3,9 см., бусы 1,0 см (КП 53599).

Также в коллекциях ЯГОМИиКНС представлена серьга с восьмью плоскими бусами – 4 белые, 4 черные (КП 53440) из неизвестного погребения. Длина изделия 7,0 см., ширина 4, 5см.

Самым распространенным чередованием бело-черных плоских бусин является 5 белых, 4 черных бусин. Такие серьги представлены в ЯГОМИиКНС (КП 38391) из коллекции Л.Н. Жуковой и в МАЭ СВФУ (КП-236/10), П-282/17, № КП-282/18), МККМ (К-АМП-2), МИОЮЯ.

К первому типу, 2 подтипу относятся кольцевые серьги с металлическими вставками. Образцы данных серег хранятся в фондах МАЭ иВШ СВФУ и ЯГОМИиКНС. Серьги из МАЭиВШ СВФУ (КП-283/10, № КП-283/11) являются типичными для погребений XVIII века – в виде знака вопроса с чередующимися тремя белыми пастовыми круглыми бусами и тремя металлическими низками. Данные серьги были найдены в погребении №3 могильника Ат Дабаан (Ат Быран), недалеко от Немюгинского наслега Хангаласского улуса. Серьги из ЯГОМИиКНС отличаются от вышеописанных тем, что бусины представлены в черном цвете. Инвентарный номер КП 42487/57. Размеры: длина 6,5 см., диаметр кольца 2,9 см. Серьги так же относятся к XVIII веку.

Металлические вставки в некоторых экземплярах заменены мелким черным бисером, нанизанным на сухожильную нить. Встречается в четырех серьгах из погребения Сергелях (МАЭ СВФУ КП-242/16-19). В экземпляре серег из фондов ЯГОМИиКНС (КП 53601) низка мелкого бисера представлена в белом цвете. Это украшение из раскопок И.В. Константинова. Размеры изделия - длина 6,6 см., ширина 4,5 см., толщина обруча 0,3 см., бусы 0,9см.

Надо отметить, что в серьгах с круглыми бусинами количество бусин всегда нечетное и преобладает белый цвет, тогда как в украшениях с плоскими – может быть четное количество бусин. Количество нанизанных бусин зависит от длины стержня, самые длинные украшения достигают 7 см. Вероятно, количество бусин связано с сакральным значением чисел у якутов. А.И. Гоголев отмечает, что в календарных обрядах постоянно присутствуют числа 3, 7, 9. Тройка с одной стороны символизирует размножение, с другой – божественный Разум, Духовный порядок, Совершенство. Семь – истина или символ высших космических начал. Девять – познание или символ Вселенной, трех миров, символ единства [4, с. 49].

Но не только нечетные цифры имели особое положительное значение, но и четные. Например, в обряде испрашивания скота в землю вбивали четыре кольшкка. А.И. Гоголев выделяет цифру четыре, как символ мужества, силы, целостности и универсальности Мироздания. Число восемь также считалось символом космического равновесия [4, с. 49].

Все представленные серьги не являются парными, так как обычно носили сразу по несколько серег в мочке уха. Можно выделить большую массивность проволоки у серег с плоскими бусами, чем с круглыми.

К первому типу, 3 подтипу серег можно также отнести серьги из погребения №1 памятника Ат Дабаан (Ат Быран) III из фондов МАЭ СВФУ (КП-330/2, МАЭ КП-332/5). Длина серег составляет 8 см. На основу нанизаны металлические полые, конусообразные подвески. Серьги подобного типа, как отмечает Р.И. Бравина, были распространены в скифо-сарматское и монгольское время [1, с. 296]. И они не являются характерными для средневековых погребений на территории Якутии. Данные серьги были специально «умерщвлены», т.е. сломаны, для того, чтобы служить своему хозяину в другом мире. В данном погребении был обнаружен костяк знатного подростка 15-16 лет. Погребение датируется XIII-XV вв. [9].

Серьги с подобными подвесками также были обнаружены в женском погребении Атласовское II. Эта серьга хранится в ЯГОМИиКНС (КП 53752) и датируется XVII в. Костяная бусина биконической формы нанизана на стержень из протянутой проволоки, сделанной из оловянной бронзы. Наружная часть бусины выполнена из сплава свинца и меди на основе олова [2]. Длина серьги 10,2 см, диаметр бусины 1,35, высота 2,25. Серьга была обнаружена в области груди. Данное захоронение является нетипичным для захоронений этого периода. Здесь, в

сопроводительном инвентаре, были найдены вещи не местного происхождения. Датируется Атласовское II XVII веком.

Второй тип серег – бусинные серьги с подвеской. Данное украшение отличается от первого типа тем, что здесь присутствует дополнительная подвеска, чаще всего монета или медная бляха. Сохраняется форма серёг – в виде знака вопроса, которая была удобна для крепления подвески. По мнению И.В. Константинова, бусинные серьги с подвеской появились в конце XVIII в. или на рубеже XVIII-XIX вв. и являются переходной формой эволюции древних типов серёг [6, с. 8].

Разделение на подтипы в данном случае опирается на форму подвески. Ко второму типу, подтипу 1 мы отнесли подвески в виде монет и жетонов. Данные серьги широко представлены в музеях Якутии, например, в ЯГОМИиКНС (ОП 81). Здесь представлены две серьги с медной круглой подвеской, найденные во время раскопок И.В. Константинова в погребении №15, в местности Мэнэ Алаас в Жехсогонском наслеге Таттинского района. Размеры изделия составляют без подвески 0,5 см., ширина 4,2 см., подвеска круглая 1,6 x 1, 55 см., толщина проволоки 0,3 см. Другая серьга, описанная исследователем в своем труде «Материальная культура якутов XVIII в.: по материалам погребений», была найдена в захоронении жены известного родоначальника XVIII века Омуоруйа-Тумарча, матери Бологур Айыыта. На серьге была подвеска из серебряного пятака 1757 года. Кроме того, в погребении вместе с серьгой была плоская гривна, что подтверждает позднее происхождение украшения [6, с. 81].

Бусинные серьги с круглыми подвесками могли иметь от одной до 9 бусин. Например, серьга с одной бусиной и подвеской – монетой хранится в фондах МАЭ СВФУ (№ КП-КЕНЕ-05). Кольцо-основание длиной всего лишь 1,9 см. На стержень вдеты одна бусина небольшого размера и сразу под ней оформлена петля, в которую вдеты круглая подвеска диаметром 1,3 см.

Серьги с круглыми подвесками – монетами были довольно популярны не только на территории Якутии, но и по всей Евразии (алтайцы, хакасы, тувинцы, монголы, татары, буряты и т.д.). У тюрко-монгольских народов круглые подвески отождествлялись с солнцем и носили сакральный характер.

Второй тип, 2 подтип отличается от первого формой подвески – наперсток.

К концу серьги в виде знака вопроса с нанизанными бусинами, на основании загнута петля с подвеской в виде наперстка. Данное украшение представлено в фондах МАЭиВШ СВФУ №Г-С-Эл5. Бусины чередуются в бело-черных цветах (5 белых, 4 черные). Аналогий таких подвесок у других народов не выявлено.

К переходным формам серег мы отнесли третий тип. Данный серьги А.И. Саввинов относит к бусинным серьгам с подвесками, хотя они частично сохраняют лишь форму кольцевых серег в виде знака вопроса. Стержень, на который подвешивается подвеска, чаще в форме трапеции, достаточно короткий, отсутствуют бусины. Данные серьги представлены в коллекции МАЭ СВФУ (КП-268/1,2,3). Подвеска на одной серьге в виде трапецевидной пластины из тонкого листового металла, на трех в виде ажурных пластин с различным узором длиной 2,5 см, подтреугольной формы. Эти украшения были найдены в местности Оттох-Алаас I.

Интересен второй подтип третьего типа, серьга сохранила форму в виде знака вопроса, но является цельным украшением, лицевая пластина образована путем уплощения основы-стержня в виде трапецевидной фигуры. На основной пластине выгравирован растительный орнамент. Пластина имеет 8 отверстий для подвесок: по два на верхней и средней части, 4 на нижней, где сохранились 3 трапецевидные подвески (МАЭиВШ СВФУ №Г-С-ЭД-36).

В современной Якутии серьги в виде знака вопроса приобрели популярность благодаря этно-группам, популяризации данного украшения в социальной сети Инстаграм, выходу в свет научно-популярных изданий [10]. Проволочные серьги начали массово изготавливать ювелиры и ювелирные компании. Серьги изготавливают из меди, серебра и мельхиора, цветовая гамма приближена к традиционной (белый, голубой, черный бисер). Из нововведений встречается зеленый бисер и подвески различной формы.

Таким образом, исследование ушных украшений средневекового периода в Якутии показало их многообразие. Все рассмотренные нами серьги отличаются архаичностью форм и самобытностью конструкций. При типологизации украшений в качестве критерия выступает их форма, а не чистый прообраз. Под формой в нашем исследовании принят комплекс основных черт конструктивных особенностей структуры украшений. Также систематизация и классификация

якутских серег выявила наиболее архаичные и переходные их формы, а также параллели, которые можно провести с другими народами Сибири.

Ушные украшения изучаемого периода изготовлены не профессиональными ювелирами, а обычными людьми, исходя из территориальных и этнических традиций. Это весьма характерные простые металлические украшения с различными бусинами и подвесками. Украшения более позднего периода изготавливались профессионалами-ювелирами и уже представляют собой образцы традиционных якутских ушных украшений конца XIX – начала XX веков.

Литература и источники

1. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). - Новосибирск: Наука, 2008. - 232с.
2. Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьева Е.Н., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слеченко С.М., Разhev Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - 2017. - № 1 (36). - С. 44-63.
3. Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. - Якутск: Изд-во журнала «Илин», 1993. - 192 с.
4. Гоголев А.И. Народные знания якутов XVIII – начале XX вв. (календарь, метрология, медицина). - Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. - 104 с.
5. Иллюстрированная этнография хакасов: альбом фотоматериалов Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова / отв. ред. В.Я. Бутанаев. - Новосибирск, 2004. - 104 с.
6. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в.: по материалам погребений. - Якутск: Книжное издательство, 1971. - 212 с.
7. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографический материал о народах Сибири и Северо-Востока. - Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1983. - 176 с.
8. Саввинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов XIX - начала XX в. - Новосибирск: Наука, 2001. - 171 с.
9. Bravina R.I., D'iakonov V.M., Bagas A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Stetsenko S.M., Alekseeva E.A., Kuz'min I.A.V. and Hodgins G.W.L.. 2016. vol. 55, nos. 3 – 4, pp. 232 – 268.
10. Яковлева К.М., Прокопьева А.Н. Архаика: украшения якутов XIV - XVIII вв. - Якутск, 2020. - 114 с.

References and Sources

1. Bravina R.I., Popov V.V. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' yakutov: pamyatniki i tradicii (XV-XIX vv.). - Novosibirsk: Nauka, 2008. - 232s.
2. Bravina R.I., D'yakonov V.M., Petrov D.M., Solov'eva E.N., Syrovatskij V.V., Bagashev A.N., Poshekhonova O.E., Slepchenko S.M., Razhev D.I., Alekseeva E.A., Zubova A.V., Kuz'min YA.V. Zhenskoe pogrebenie XVII v. Atlasovskoe-2 iz Central'noj Yakutii: rezul'taty kompleksnogo issledovaniya // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. - 2017. - № 1 (36). - S. 44-63.
3. Gogolev A.I. Yakuty: problemy etnogeneza i formirovanie kul'tury. - Yakutsk: Izd-vo zhurnala «Ilin», 1993. - 192 s.
4. Gogolev A.I. Narodnye znaniya yakutov XVIII–nachale XIX vv. (kalendar, metrologiya, medicina). -Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2015. -104 s.
5. Ill'yustrirovannaya etnografiya hakasov: al'bom fotomaterialov Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova / отв. red. V.YA. Butanaev. - Novosibirsk, 2004. - 104 s.
6. Konstantinov I.V. Material'naya kul'tura yakutov XVIII v.: po materialam pogrebenij. - Yakutsk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1971. - 212 s.
7. Lindenau YA.I. Opisaniye narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): istoriko-etnograficheskij material o narodah Sibiri i Severo-Vostoka. - Magadan: Magadanskoe kn. izd-vo, 1983. - 176 s.
8. Savvinov A.I. Tradicionnye metallicheskie ukrasheniya yakutov XIX - nachala XX v. - Novosibirsk: Nauka, 2001. - 171 s.
9. Bravina R.I., D'iakonov V.M., Bagas A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Stetsenko S.M., Alekseeva E.A., Kuz'min I.A.V. and Hodgins G.W.L.. 2016. vol. 55, nos. 3 – 4, pp. 232 – 268.
10. Yakovleva K.M., Prokop'eva A.N. Arhaika: ukrasheniya yakutov XIV - XVIII vv. - Yakutsk, 2020. - 114 s.

ГОГОЛЕВ АНАТОЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной, отечественной истории, археологии, этнологии исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Якутск, Россия) (foiea_if@s-vfu.ru).

ЯКОВЛЕВА КАПИТОЛИНА МАКСИМОВНА - кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной, отечественной истории, археологии, этнологии исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (kapa1985@list.ru).

GOGOLEV, ANATOLIY I. - - Doctor of History, Professor of the Department of World and National History, Archeology, Ethnology of the Faculty of History of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Yakutsk, Russia)/

YAKOVLEVA, KAPITOLINA M. – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of World and National History, Archeology, Ethnology of the Faculty of History of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov.

УДК 81'37:528.4:39

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-283-287

ШЕРЕМЕТЬЕВА Н.В. ОБРАЗ ТИГРА В КУЛЬТУРЕ КИТАЯ

Ключевые слова: образ, тигр, мифология, Китай, дракон, религия, традиции, символ, царь.

В статье рассматривается образ тигра в китайской культуре. Описан образ тигра в представлениях китайцев: как гроза демонов, как символ военной отваги, как символ брака, страсти, деторождения и плодородия. Представлен образ тигра в науке и искусстве. Рассмотрены пословицы, связанные с тигром. Сделан вывод о том, что: а) прослеживается взаимосвязь тигра с человеком, его характером и поступками; данный образ служит олицетворением могущества, беспощадности, свирепости и отваги, защитной силы и добродетели; б) образ тигра встречается во всех сферах китайской культуры – мифологии, искусстве, живописи, литературе, ритуальных традициях и пр.; в) вера в тигра направлена на то, чтобы соединить прошлое и будущее

воедино; г) в представлениях китайцев тигр – это символ защиты своего жилища и его обитателей, олицетворение жизни, здоровья, могущества и процветания.

SHEREMETEVA, N.V.
THE IMAGE OF THE TIGER IN CHINESE CULTURE

Key words: *image, Tiger, mythology, China, Dragon, religion, traditions, symbol, king*

The article deals with the image of the Tiger in Chinese culture. The image of the Tiger in the views of the Chinese is described: as a thunderstorm of demons, as a symbol of military courage, as a symbol of marriage, passion, childbearing and fertility. The image of the Tiger in science and art is presented. The proverbs connected with the Tiger are considered. It is concluded that a) the relationship of the Tiger can be traced with a person, his character and actions, his image serves as the personification of power, ruthlessness, ferocity and courage, protective power and virtue; b) the image of the Tiger is found in all spheres of Chinese culture: mythology, art, painting, literature, ritual traditions; c) belief in the Tiger is aimed at connecting the past and the future together; d) in the views of the Chinese, the Tiger is a symbol of the protection of its home and its inhabitants, life, health, power and prosperity.

На территории Китая издревле обитало огромное количество тигров, которые считались беспощадными, свирепыми и, в то же время, красивыми животными. Внушительный вид тигра вселял страх и ненависть, поэтому первоначально люди стремились его убивать. Однако не имея возможности его подчинить, либо уничтожить, люди стали ему поклоняться и любить его как царя зверей и хозяина леса. Архивные источники указывают, что более пяти тысяч лет назад в Китае уже существовала традиция представлять образ тигра наряду с драконом, в качестве наиболее почитаемых. При этом многие древние племена верили, что произошли от тигра [7].

В современной китайской культуре образ тигра популярен не настолько, сколько значим образ дракона. Тем не менее, оба образа были всегда распространены у императоров: до сих пор сохраняются такие выражения, как «схватка Дракона с Тигром» в значении спортивного состязания двух команд, «полет Дракона и прыжок Тигра» – в значении стремительного движения вперед [5].

В целом, в китайской картине мира, которая характеризуется наличием богатой национальной истории и традиций, которые зачастую воспринимаются в смысловых образах животных, тигр превратился в одно из мифических животных – царя зверей в китайском мироздании, который занимает особое место в представлениях китайцев.

1. Тигр как гроза демонов. Изображения тигра издревле использовались китайцами для борьбы с демонами и злыми духами. Изображение тигра можно было найти на входных дверях в жилища, как оберег, символ их защиты от бед. Наилучшей защитой считался талисман с Белым Тигром, символизирующим опасность природы. Зачастую в качестве талисмана выступали фигурки, беседки, куст жасмина или любые белые цветы. Однако в связи с тем, что в Китае белый цвет является траурным, поэтому к данному цвету относились с осторожностью. Ведь если тигру не понравится обращение, он может напасть на жильцов дома. Если среди людей, живущих в одном доме, есть человек, родившийся в год животного, которым может питаться тигр, то талисман Тигра не использовался вовсе. Кроме того, фигурка тигренка олицетворяла защиту дома от зла. Считалось, что тигренок обладает достаточной энергией для защиты одного дома, тогда как взрослый тигр для этого слишком силен [2].

2. Тигр как символ военной отваги. В древнем Китае великие маги изображались верхом на тигре, на лбу которого часто можно было видеть иероглиф «царь», изображенный в письменности в виде трех полосок, как у тигра. Изображения тигра можно было увидеть на щитах, как символ доблести и отличия. Знак военачальника также был выполнен в форме тигра, как символ невозможности поражения войска. Кроме того, изображение тигра указывало на добродетель и мощь, наряду с безжалостностью [1].

3. Тигр, как символ брака, страсти, деторождения и плодородия, на что указывает наличие черт тигра у многих женских божеств. Кроме того, невеста брала с собой фигурки тигра, чтобы с мужем жить мирно и счастливо, а также иметь много детей [3].

Образ Тигра присутствует в искусстве и науке:

1) в мифологии символизм связан:

- с цветом тигра (белый - осень, стихия металла, синий – весна, растительный мир, красный – лето, огонь, черный – зима, вода, желтый – Солнце);
- с божествами (богиня ветра, бог богатства ездят верхом на тигре, который охраняет могилы и сундуки с монетами от злых духов);

ИСТОРИЯ

- с легендой о Конфуции, которого спас и вырастил тигр [4];
- со сказкой о сестре и брате, которые залезли на небо, чтобы спастись от Тигра, став Солнцем и Луной;
- с мифом о том, как Тигр убил мать, схватил младшего сына, остальные дети забрались на дерево и попросили небесного владыку о помощи, он спустил им веревку, Тигр полез за ними и сорвался – так три брата стали Солнцем, Луной и звездами;
- с преданиями и слухами о существовании народа людей – Тигров [2];
- 2) в алхимии тигр олицетворяет свинец и физическую силу;
- 3) в литературе образ тигра нашел, в частности, отражение в:
 - трактате «Мэн-цзы», написанном 2300 лет тому назад, в котором упоминается первый известный тигролов Фэн Фу;
 - книге «Двадцать четыре образца сыновней почтительности», в которой сын Хуан Сян придушил тигра, чтобы спасти отца;
 - эпизоде китайского романа «Речные заводи» XVI в. «У Сун убивает тигра» (960-1127), в котором описано, как богатырь ростом в два с половиной метра похвально тем, что убил тигра в горах;
 - стихотворении о доброте и справедливости тигра, например, Дай Бяо-юаня (1244-1310):
*Согласно натуре своей этот зверь обитает в горных лесах.
Появится тигр или нет - зависит только от вас.
Если в вашей душе нет агрессивности,
Разве тигр, живущий в глубине гор, вас тронет?* [6]
- 4) в живописи образы тигра используются систематически (битва тигра с коварной змеей, со львом (иногда с Драконом), тигр как символ Матери Земли и пр.);
- 5) в ритуальных действиях в народной культуре:
 - употребление в пищу кусочка мяса тигра могло избавить от бесплодия, поклонение тигру могло устроить демонов, приносящих болезни;
 - царь зверей и защитник сухопутных животных тигр имеет символику инь – ян, как противоположность силы духа и материи (ян – олицетворение власти, силы, мужества, ярости, инь – Тигр становится небесным Драконом);
 - столы для жертвоприношений часто имели форму головы тигра (например, бронзовый «стол» древних людей из государства Дяньго), каменные тигры перед могилами (например, гробницей Хо Цюйбина – знаменитого полководца династии Хань);
 - тотем государства династии Шан (бронзовый тигр с двумя хвостами и птицей на спине, который был обнаружен в захоронениях Даянчжоу провинции Цзянси, самая древняя фигурка с тигром возрастом около 6000 лет);
 - в буддизме тигр олицетворяет гнев, свирепость и злость и относится к числу Бесчувственных Существ;
 - на щеке ребенка, заболевшего свинкой, рисовали иероглиф Тигра, чтобы он пришел и съел «свинью»;
 - на северо-востоке Тайваня установлена стела, на которой иероглиф тигра символизирует подавление ветра [5];
- б) в народном быту образ тигра получил самое широкое распространение:
 - тигр воспринимался как символ доброты, который отгоняет зло и приносит богатство, благополучие (последнее связано с распространением веры в бога богатства);
 - изображения тигра размещались на разнообразных картинках, кухонной утвари, вышивках на подушках, головных уборах, росписях по фарфору и пр.;
 - пошив для детей тигровых шапок предполагал использование для их охраны защитной силы Тигра;
 - изображения тигра на дверях и могилах символизировали защиту от бед и зла [4];
 - керамические подушки во времена династии Цзинь, особенно в провинциях Шаньси и Хэнань имели практическое применение с целью здорового сна и защищали от негативного влияния;
 - бронзовые ритуальные сосуды, на которых тигр считался символом величия, свирепости [2].

ИСТОРИЯ

В китайской литературе весьма многочисленны пословицы, связанные с тигром. В них находят отражение не только сам образ Тигра и его характеристики, но и сравнение их с человеческими качествами характера и поступками [4].

1. Характеристики Тигра как зверя:

Перед нападением тигр весь сжимается, а дикий кот крадется.

Когда тигр не рычит, не считай его спящей кошкой.

Даже злой тигр не ест своего детеныша.

Пестрая окраска тигра и барса влечет охотников.

Хищный тигр не охотится близ логова.

2. Сравнение тигриных повадок и человеческими поступками:

Попав в логово тигра, не вырвешься из его пасти (в значении невозможности вернуть то, что уже отдано).

Не бойся, если у тигра даже три пасти, но бойся, если человек двоедушен (о двуличии).

Поймешь величину тигра по его следам, а натуру человека - по его словам и делам.

Тигр пестр снаружи, а человек лукав изнутри.

Шкуру тигра нарисовать можно, но его кости - трудно; познакомиться с человеком можно, но узнать его сердце - невозможно.

Кто боится упасть, не научится ходить, а кто боится ран, не поймает тигра.

Чиновник опирается на печать, а тигр - на горы (сила тигра даруется горами.)

Кто не стрелял из лука с детства, и в зрелом возрасте не сможет застрелить тигра.

Государю служить - что тигру (в значении всегда рядом со смертью).

Можно подружиться с незнакомым тигром, а со знакомым человеком не сойтись.

И после смерти тигра его внушительный образ не исчезает.

Мертвый тигр - словно овца, а мертвый человек - словно тигр (Суеверные люди верят, что злые духи мертвых так же страшны, как тигр).

После смерти тигра остается только его шкура, а после кончины человека - его слава.

Тигр боится покинуть горы, а человек боится остаться один.

Хищный тигр скрывается высоко в горах, а герой рождается в суетном мире.

3. Перенесение образа Тигра на качества характера человека:

Коли не смеешь учить обезьяну влезать на дерево, то как же смеешь учить тигра возвращаться в горы?

Мужчина в 45 лет словно тигр, спустившийся с горы (о бодрости и силе мужчины в зрелые годы).

4. Олицетворение человека в образе Тигра:

Бей мертвого тигра, как живого (в значении нельзя недооценивать противника).

Один тигр не одолеет свору собак.

Хищный тигр, а не одолеет стаю обезьян.

Взойдя на гору в одиночку, трудно убить тигра, а в море толпой и дракона поймаешь.

Сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров (в значении наблюдать за огнем с противоположного берега из формулировки 9-й из 36 классических китайских стратегем войны).

Отпустишь тигра в горы - потом беды не оберешься.

Того, кто прикармливает тигра, ждет беда.

Действующие заодно муравьи и тигра съедят.

Оседлав тигра, трудно с него потом слезть.

Когда дракон вступает в схватку с тигром, рыбам и креветкам тоже достается.

Коли известно, что в горах обитают тигры, не стоит туда ходить.

Боишься привлечь тигров - не разводи свиней.

Анализ пословиц, связанных с тигром, позволяет отметить следующие особенности его образа в китайской культурно-исторической традиции:

1) тигр олицетворяет зверя, который охраняет свое жилище, живет уединенно и охотится на тех, кто встречается ему на пути, не боясь вступить в бой;

2) тигру противопоставляются, с одной стороны, сила, мужество, величие человека, с другой – зло, жестокость, хитрость, двуличие по отношению к другим;

3) жизненная сила тигра определена природой, поэтому у китайцев он считается духом гор и пещер, по сути, тех мест, где он и обитает;

4) тигр имеет свои животные инстинкты, как человек свои принципы и характер, поступки тигра определены природой, тогда как человека – своими личными интересами.

При обращении к китайским верованиям, становится вполне понятным, что ярость тигра может обрушиться на жителей дома и принести беды, если человек / жильцы дома плохо обращаются с окружающими, заботятся только о себе. Кроме того, очевидным становится поверье китайцев о том, что тигра невозможно приручить – только убить, держаться подальше или контролировать. Для этих целей традиционно использовались, наряду с изображениями тигра, фигурки Дракона, который мог контролировать злую силу Тигра. В Китае и сегодня считается, что Тигр и Дракон сосуществуют вместе.

Таким образом, на основе проведенного анализа образа тигра в китайской культуре, целесообразно сделать следующие выводы:

1. Взаимосвязь Тигра прослеживается с человеком, его характером и поступками; его образ служит олицетворением могущества, беспощадности, свирепости и отваги, но и во же время – защитной силы и добродетели.

2. Образ Тигра встречается во всех сферах китайской культуры – мифологии, искусстве, живописи, литературе, ритуальных традициях. Он выступает отражением богатого культурно-исторического развития, в котором сохранены черты древнего государства, верований, преданий и исторических событий.

3. Вера в Тигра направлена на то, чтобы соединить прошлое и будущее воедино. Сильное существо в виде «большой кошки» символизирует физиологическую мощь и храбрость воина, земные силы, единение с Небесным Драконом, как символом женской активности (инь и ян).

4. В представлениях китайцев Тигр – это символ защиты своего жилища и его обитателей, олицетворение жизни, здоровья, могущества и процветания.

Литература и источники

1. Баранов И.Г. Верования, обычаи китайцев / сост. К. М. Тертицкий; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. - М.: Муравей-Гайд, 1999. - 302 с.
2. Биррел А. Китайские мифы / Пер. с англ. М. Звонарева. - М.: ФАИР-ПРЕСС, 2005. - 128 с.
3. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. - 488 с.
4. Вернер Э. Мифы и легенды Китая. - М.: Центрполиграф, 2007. - 400 с.
5. Пивторак П.Г. Анимализм и система зооморфных образов в классической культуре Китая // Материалы IV Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2012. - URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012003030> (дата обращения: 02.06.2022).
6. Филимонова Е.Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные (на материале переводов с корейского и китайского языков) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. - № 26. – 2004. - С. 51-82.
7. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. - М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. - 248 с.

References and Sources

1. Baranov I.G. Verovaniya, obychai kitajcev / sost. K. M. Tertickij; Moskovskij gos. un-t im. M. V. Lomonosova, In-t stran Azii i Afriki. - M.: Muravej-Gajd, 1999. - 302 s.
2. Birrel A. Kitajskie mify / Per. s angl. M. Zvonareva. - M.: FAIR-PRESS, 2005. - 128 s.
3. Vasil'ev L.S. Kul'ty, religii, tradicii v Kitae. - M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. - 488 s.
4. Verner E. Mify i legendy Kitaya. - M.: Centrpoligraf, 2007. - 400 s.
5. Pivtorak P.G. Animalizm i sistema zoomorfnyh obrazov v klassicheskoj kul'ture Kitaya // Materialy IV Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum». – 2012. - URL: <https://scienceforum.ru/2012/article/2012003030> (data obrashcheniya: 02.06.2022).
6. Filimonova E.N. Simvolika zhivotnyh v perevodnyh proizvedeniyah. «Svyashchennye» zhivotnye (na materiale perevodov s korejskogo i kitajskogo yazykov) // Yazyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. statej. - № 26. – 2004. - S. 51-82.
7. Yanshina E.M. Formirovanie i razvitie drevnekitajskoj mifologii. - M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1984. -248 s.

ШЕРЕМЕТЬЕВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА - магистрант истории искусств Дальневосточного федерального университета, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (nata-sheremet@mail.ru).

SHEREMETEVA, NATALYA V. - masters student in Art History Far Eastern Federal University, senior lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Vladivostok State University of Economics and Service (nata-sheremet@mail.ru).

**ТИМИРГАЛЕЕВА Р.Р.
МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

Ключевые слова: уровень цифрового развития, агропромышленный комплекс, стратегия цифровой трансформации, цифровая зрелость.

В статье обоснована необходимость развития методологии цифровой трансформации агропромышленного комплекса и предложен инструментарий для проведения интегральной оценки уровня цифрового развития аграрного сектора региона. Разработана анкета для проведения оценки уровня цифровой зрелости субъектов АПК Крыма, проведен анализ результатов, на основе чего выявлены основные барьеры цифровой трансформации АПК Крыма и даны рекомендации по их преодолению. Предложена методика проведения интегральной оценки уровня цифрового развития аграрного сектора. Даны выводы и рекомендации по созданию мега-платформ (экосистем) и сформулированы направления цифровой трансформации АПК Крыма, обоснована необходимость разработки и реализации стратегии цифровой трансформации, позволяющей обеспечить развитие отрасли.

**TIMIRGALEEVA, R.R.
METHODOLOGY FOR ASSESSING THE LEVEL OF DIGITAL DEVELOPMENT OF THE AGRO-INDUSTRIAL
COMPLEX OF THE REPUBLIC OF CRIMEA**

Key words: level of digital development, agro-industrial complex, digital transformation strategy, digital maturity.

The article substantiates the need to develop a methodology for digital transformation of the agro-industrial complex and proposes tools for conducting an integral assessment of the level of digital development of the agrarian sector of the region. A questionnaire was developed to assess the level of digital maturity of the subjects of the agro-industrial complex of Crimea, an analysis of the results was carried out, on the basis of which the main barriers to the digital transformation of the agro-industrial complex of Crimea were identified and recommendations were given for overcoming them. A methodology for conducting an integral assessment of the level of digital development of the agricultural sector is proposed. Conclusions and recommendations for the creation of mega-platforms (ecosystems) are given and directions for the digital transformation of the agro-industrial complex of Crimea are formulated, the need to develop and implement a digital transformation strategy to ensure the development of the industry is substantiated.

Агропромышленный сектор РК, имеющий свои особенности в реализации бизнес-процессов производства, распределения, обмена и потребления, где действие экономических законов приобретает специфические формы, является одной из приоритетных сфер экономики региона. При этом состояние АПК и его стратегическое значение для экономики Крыма обуславливает необходимость активизации процессов развития, направленных на повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции региона, в том числе, за счет освоения и применения современных информационно-коммуникационных технологий и достижений Индустрия 4.0, реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [6].

Определенный вклад в исследования фундаментальных и прикладных аспектов функционирования и развития агропромышленного сектора в условиях цифровой экономики внесли отечественные и зарубежные ученые. Так, авторы работы [3] в своем исследовании проанализировали готовность сельскохозяйственной отрасли России к внедрению цифровых технологий и ее характерные особенности, что позволило не только выявить приоритетные направления цифровизации АПК, но и провести оценку их влияния на экономику страны и на отдельные сферы АПК. Автор работы [5] проанализировал современные тенденции цифровой трансформации АПК. Вместе с тем, несмотря на высокий теоретико-методологический и практический уровень проведенных коллегами исследований, не до конца раскрытой остается проблема формирования эффективной модели развития АПК Республики Крым в контексте его инновационно-технологического развития в современных условиях хозяйствования – в условиях постоянных изменений и вызовов внешней среды. Разработка новой парадигмы развития АПК требует разработки и применения соответствующего математического инструментария. В данном контексте цель статьи состоит в обосновании необходимости развития методологии цифровой трансформации агропромышленного комплекса и разработке инструментария интегральной оценки уровня цифрового развития аграрного сектора региона.

Совершенно очевидно, что разработка любой парадигмы должна опираться на полное и достоверное отображение состояния и динамики развития объекта исследования. Отметим, что в экономической литературе не существует единого подхода к оценке развития аграрного сектора. Большинство исследований по данной проблематике посвящены отдельным вопросам повышения

ЭКОНОМИКА

эффективности использования потенциала АПК. Так, Я. Григоренко предлагает проводить комплексный анализ потенциала аграрного сектора, используя при этом теорию кумулятивного развития [4]. Предложенный комбинированный метод рейтинговых исследований объединил в единый технологический цикл методы системного анализа и аналитического планирования, а также метод сравнительной и количественной оценки.

Использование данного метода предполагает последовательную реализацию ряда этапов:

- 1) определение сути проблемы и последующая ее декомпозиция на более простые составляющие, проведение т.н. структурной декомпозиции выявленной проблемы;
- 2) формирование базы данных показателей официальных источников информации с предварительной проверкой адекватности данной выборки. Проводится на основе метода корреляционного анализа;
- 3) расчет рейтинговых оценок на основе метода сравнительной количественной оценки; анализ полученных результатов на основе последовательного объединения в одном исследовательском цикле методов рейтинговой оценки, матричных моделей стратегического анализа МакКинзи и ABC-анализа, и статистической группировки [4].

Данный подход обеспечивает не только объективность оценки и научную обоснованность исследования, но и возможность формирования научно-обоснованных программ, стратегий, концепций и направлений развития агропромышленного комплекса.

Учитывая, что современное развитие АПК невозможно без учета уровня его цифрового развития, предлагаем оценивать уровень его цифрового развития посредством интегрального показателя оценки уровня стимулирования развития аграрного сектора отдельных районов Крыма, включив в интегральную оценку такой показатель, как индекс стимулирования цифрового развития:

$$I_{st, j} SDR = \frac{I_{st, j} SR + I_{st, j} ER + I_{st, j} ESR + I_{st, j} DR}{4},$$

где $I_{st, j} SDR$ - интегральный показатель оценки уровня стимулирования развития аграрного сектора районов Крыма; $I_{st, j} SR$ - индекс стимулирования социального развития аграрного сектора j-го региона Крыма; $I_{st, j} ER$ - индекс стимулирования экономического развития аграрного сектора j-го региона Крыма; $I_{st, j} ESR$ - индекс стимулирования экологического развития аграрного сектора j-го региона Крыма; $I_{st, j} DR$ - индекс стимулирования цифрового развития аграрного сектора j-го региона Крыма.

Данные индексы стимулирования цифрового, социального, экономического и экологического развития аграрного сектора регионов Крыма необходимо рассчитывать на основе учета таких стимулов, как инвестиционно-инновационные, трансферные, институциональные, налоговые. При этом каждый из индексов стимулирования рассчитывается на основе стандартизированных значений каждого из обозначенных стимулов.

В рамках исследования, с целью оценки уровня цифровой зрелости субъектов АПК Крыма была составлена и предложена для заполнения анкета (таблица 1).

Таблица 1.

Анкета для оценки уровня цифровой зрелости субъекта АПК

Варианты ответов	Баллы
1 ПЕРСОНАЛ	
1.1 Проводится ли обучение персонала в области цифровизации знаний?	
Да, проводятся постоянно	2
Да, но редко и не систематично	1
Нет, не проводятся	0
1.2 Существует ли в организации специальный отдел ИТ-специалистов?	
Да, занимается внедрением технологий и помощью другим сотрудникам	2
Находится на этапе создания	1
Нет, в нем нет необходимости	0
1.3 Применяется ли система мотивации для сотрудников?	
Да, система настроена автоматически в зависимости от результатов работы каждого сотрудника	2
Да, рассчитывается вручную	1
Нет, не предусмотрена	0
2 ТЕХНОЛОГИИ	
2.1 Применяется ли специальное программное обеспечение в бухгалтерском учете?	
Да	2
Нет	0

ЭКОНОМИКА

2.2 Применяется ли специальное программное обеспечение в системе внутреннего документооборота?	
Да	2
Нет	0
2.3 Применяется ли специальное программное обеспечение в управлении отношения с клиентами (CRM-системы)?	
Да	2
Нет	0
3 ДАННЫЕ	
3.1. Проводится ли сбор и анализ данных в процессе деятельности компании?	
Да, сбор и анализ данных связан с Big Data и полностью автоматизирован	2
Да, сбор и анализ данных проводится лично сотрудником и только по необходимым агентам	1
Нет, информацию не собираем	0
3.2. Предусмотрены ли меры обеспечения кибербезопасности?	
Кибербезопасность осуществляется за счет внедрения системы защитных технологий	2
Применяем пароли и антивирусные системы на компьютерах	1
Применяем пароли на компьютерах	0
4 КЛИЕНТЫ	
4.1. Предприятие имеет собственный Web-сайт?	
Да, сайт налажен, информативен и функционален	2
Да, сайт есть, выступает визитной карточкой	1
Нет, сайт на стадии разработки	0
4.2. Ведете ли электронную торговлю?	
Да, основной поток денежных средств идет через сайт, где клиент может сформировать заказ без участия менеджера	2
Да, заказ из корзины поступает на оформление менеджеру	1
Нет, товары и услуги предоставляем лично	0
5 КОНКУРЕНТЫ И ПАРТНЕРЫ	
5.1. Взаимодействует ли ваша организация с компаниями-конкурентами?	
Да, можно говорить о стратегическом партнерстве	2
Да, но без влияния на внутреннюю деятельность компании	1
Нет, придерживаемся жесткой конкуренции	0
6 ПРОИЗВОДСТВО	
6.1. Применяются ли технологии в управлении производственным оборудованием?	
Да, полностью автоматизированный процесс	2
Да, для некоторых этапов	1
Нет, находимся на этапе разработки	0
7 ОБЩИЕ ВОПРОСЫ	
7.1. Анализируете ли рынок, на котором представлен ваш продукт?	
Да, применяем для этих целей специализированное программное обеспечение и/ или цифровые технологии	2
Да, анализ проводим самостоятельно	1
Нет, анализ не проводим	0

Таблица 2.

Краткая характеристика субъектов АПК Крыма

Район Крыма	Форма предприятия				
	ИП/ЧП/ЧСП	ООО/АО	КФХ/ФХ	КО/ГУП	СПК/ПК
1. Симферопольский район	0/0/0	66/3	6/0	0/0	3/2
2. Первомайский район	56/0/0	21/2	20/0	0/0	6/0
3. Красноперекопский район	14/0/0	21/0	14/0	0/0	1/0
4. Ленинский район	77/0/0	21/1	10/0	0/0	1/0
5. Красногвардейский район	1/0/0	36/5	11/0	0/0	7/0
6. Кировский район	0/0/1	12/2	4/4	0/0	2/0
7. Бахчисарайский район	0/0/0	8/1	0/0	1/0	0/0
8. Джанкойский район	3/1/0	23/1	1/0	0/0	4/0
9. Белогорский район	21/0/0	28/1	2/0	0/1	3/0
10. Нижнегорский район	0/0/0	15/3	26/4	0/0	1/0
11. Раздольненский район	6/0/1	15/0	4/0	0/0	2/0
12. Черноморский район	10/0/0	17/1	3/0	0/0	0/0
13. Советский район	0/0/0	15/0	6/0	0/0	0/0

В опросе приняли участие 20% субъектов АПК из 13 районов Крыма, что составило 137 хозяйств. Полученные результаты показали, что субъекты АПК Крыма имеют крайне низкую степень цифровой зрелости и не готовы к цифровой трансформации своего бизнеса. Только в части опрошенных субъектов АПК Крыма есть структуры для развития цифрового сельского хозяйства. Такое положение вещей вызвано наличием определенных барьеров, среди которых отметим

следующие:

1) отсутствие стратегии цифровой трансформации, когда лидеры изменений в лице руководства не всегда правильно воспринимают значение цифровизации для отрасли и своих предприятий. Так, одни считают, что цифровая трансформация заключается в видоизменении деятельности IT-подразделения. Другие рассматривают данный процесс лишь как возможность реализации электронных продаж. Однако в том или ином случае инициаторам цифровой трансформации на предприятиях АПК необходимо понимать, что цифровая трансформация представляет собой глубокую действенную производственно-предпринимательскую трансформацию на основе современных цифровых технологий с целью оптимизации бизнес-процессов и повышения общей результативности (производительности), улучшения взаимодействия с клиентами, партнерами и стейкхолдерами, усиления их лояльности. Очень важно наличие стратегии цифровой трансформации [2, 7], которая будет направлена на объединение людей, девайсов, физических объектов в единую экосистему;

2) неполное, в отдельных случаях неправильное представление о цифровой экономике. В данном случае руководство, менеджеры и собственники опираются на экономические принципы ведения бизнеса, сформулированные в эпоху индустриализации экономики. Поскольку ранее эти принципы работали и позволяли достичь определенных успехов в карьере, данные субъекты не готовы к переменам, в результате соприкосновения с новыми экономическими реалиями цифровой экономики у них сформировалось внутреннее сопротивление. Руководству предприятиями АПК, как лицам, принимающим решение о цифровой трансформации, необходимо понять и принять тот факт, что цифровые технологии позволяют быстро, свободно, безопасно и без дополнительных затрат воспользоваться любым предложением. Применение таких технологий как блокчейн, «умные» контракты» и др. дают возможность реализовать ценовую конкуренцию, которая уже доказала свою эффективность – она уничтожила порядка 40% доходов субъектов хозяйствования, 25% их прибыли до уплаты процентов и налогов за счет утраченных возможностей. Поэтому те субъекты, которые осознают важность и преимущества цифровой трансформации, смогут не только обеспечить свою конкурентоспособность, но и выдержать нарастающие темпы цифровой экономики даже в условиях снижения общемировой экономической эффективности;

3) игнорирование возможностей экосистемы. Развитие цифровой экономики невозможно без формирования экосистем, которые способны успешно заменить традиционную модель бизнеса, что уже проиллюстрировали быстро растущие онлайн-магазины, порталы, платформы и streaming-сервисы интернет-бронирования. Позитивные примеры наблюдаются в коммерции, где сетевые бренды активно интегрируются не только с цепочками собственных фирменных магазинов, но и с профессиональными платформами, расширяющими свои экосистемы, что делает их высоко конкурентными структурами по отношению к финансовым институтам. Такие платформы, как Amazon, Apple Pay, Tencent, Alibaba, Uber, Airbnb и другие [1], трансформируются в платформенные корпорации, объединяющие традиционные и цифровые компании как основных, так и смежных отраслей. Формируемые масштабные экосистемы показывают свою высокую эффективность, которая имеет тенденцию к повышению за счет привлечения современных информационно-коммуникационных технологий (искусственный интеллект, интернет вещей, Big Data, машинное обучение, «облачные» технологии и другие);

4) опасение негативных последствий применения цифровых технологий. Цифровая трансформация будет успешна в случае быстрой и своевременной адаптации как в оперативном, так и в стратегическом аспекте. Для повышения скорости и масштабируемости цифровых трансформаций необходимы новые компетенции в аналитике, дизайне, технологиях, нужны новые бизнес-модели и разнообразные производители и поставщики цифровых продуктов. Кроме того, необходимы цифровые стратегии, требующие значительных инвестиций в информационно-коммуникационные технологии. Данные стратегии должны быть гибкими и проактивными, способными формировать новые идеи на основе пилотных проектов, перевода бизнеса в «облако», использования других вышеуказанных современных ИКТ.

Важным при оценке степени развития АПК является оценка уровня эффективности государственной аграрной политики. Это позволяет сравнивать полученные результаты, которые как раз и формируют возможности для определения совокупности предпосылок, оказывающих влияние на систему государственного регулирования функциональных параметров аграрного

сектора экономики. Оценку действенности аграрной политики следует проводить на основе аналитических показателей, которые позволят оценить ее результативность и эффективность.

Методика проведения интегральной оценки уровня цифрового развития аграрного сектора заключается в следующем:

1) применение мультипликативной формы интегрального индекса, характеризующего исследуемые зависимости нелинейными связями;

2) одновременное нормирование и интегральная оценка индикаторов и их пороговых значений, формализованное обоснование весовых коэффициентов.

При этом интегральная оценка уровня цифрового развития аграрного сектора экономики Республики Крым предполагает реализацию последовательных действий: 1) формирование множества индикаторов; 2) определение фактических значений индикаторов; 3) нормирование индикаторов; 4) определение весовых коэффициентов; 5) расчет интегральных индексов по отдельным составляющим. Следующим этапом интегральной оценки уровня цифрового развития аграрного сектора Республики Крым является нормирование, по которому индикаторы-дестимуляторы преобразуются в стимуляторы. При этом нормирование индикаторов-стимуляторов осуществляется по максимальным значениям, а индикаторов-дестимуляторов – по минимальным значениям. Важность процедуры нормирования заключается в том, что она переводит индикаторы разных размерностей в безразмерные величины, а также позволяет сопоставлять разнонаправленные индикаторы.

Отметим, что информационной базой для управленческого воздействия на уровень цифрового развития аграрного сектора экономики является обоснование весовых коэффициентов, для определения которых можно применять экспертные оценки, к примеру, метод попарных сравнений, которые, по сути, являются субъективными. Это вызвано тем, что экспертные оценки основаны на частичном интуитивном предположении привлекаемых экспертов относительно развития исследуемого явления (в нашем случае – цифрового развития), что снижает научную и практическую ценность получаемых результатов. В этой связи считаем, что определение весовости индикаторов уровня цифрового развития аграрного сектора при формировании значения его интегрального показателя целесообразно проводить на основе метода главных компонент, позволяющий устранить субъективность оценки. Расчет весовых коэффициентов будем осуществлять поэтапно: 1) построение корреляционной матрицы; 2) выделение главных компонент; 3) расчет факторных нагрузок; 4) идентификация главных компонент.

В модели главных компонент связь между первичными признаками и компонентами описывают следующей зависимостью: $Y_i = \sum_{i=1}^n c_i G$, где Y_i – стандартизированное значение i -той компоненты с единичными дисперсиями, суммарная дисперсия равна нескольким признакам m ; c_i – вклад i -той компоненты в суммарную дисперсию множества индикаторов.

Компонент формулы G рассчитаем по формуле: $G = \sum_{i=1}^m d_i x_i$. Метод главных компонент будем применять в случае отсутствия макроэкономической модели или в случае невозможности дать формализованное описание индикаторов информационной и экономической безопасности как эндогенных параметров макромоделей. При этом весовые коэффициенты a_i будем рассчитывать по

формуле: $a_i = \frac{c_i |d_i|}{\sum c_i |d_i|}$. В свою очередь указанный подход дает возможность с учетом нелинейности экономических процессов определить динамику интегрального индекса цифрового

$$I = \prod_{i=1}^n z_i^{a_i}, \quad \sum_{i=1}^n a_i = 1, a_i \geq 0,$$

развития аграрного сектора Крыма путем его расчета по формуле: где I – интегральный показатель цифрового развития аграрного сектора Крыма; z_i – нормированные значения индикаторов; a_i – весовые коэффициенты; n – количество индикаторов.

Отметим, что интегральная оценка цифрового развития аграрного сектора Крыма требует обязательного наличия четкой иерархической структуры, которая формализуется из составляющих данного показателя. В этой связи формирование системы индикаторов вышеуказанной оценки целесообразно осуществлять с учетом ряда требований к индикаторам – индикаторы должны:

- измеряться не только качественно, но и количественно;
- быть представлены в официальных формах статистической отчетности;

– обеспечивать возможность проведения оценки цифрового развития АПК не только на уровне Крыма, но и на уровне его отдельных регионов.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Исследование показало, что большинство субъектов АПК Крыма не готовы к реализации современных направлений развития, в том числе, вкладывать средства в сельское хозяйство с цифровой сетью. Субъектам АПК РК необходимо не только осознать, но и принять вызовы цифровой экономики, которые позволят им выйти на новый уровень своего развития, повысить конкурентоспособность и устойчивость. Однако только осознания и признания данного факта недостаточно, необходима грамотная цифровая стратегия, направленная на преодоление указанных выше барьеров. Она должна быть понятной и реализуемой, позволяющей достичь конкретных результатов.

Агропромышленный сектор необходимо рассматривать как один из ключевых участников мега-платформ – экосистем, деятельность которых нужно основывать на технологиях блокчейн, позволяющих интегрироваться в производственный процесс сельскохозяйственной продукции и в процесс ее продвижения, а также обеспечивающих прозрачность всех процессов, продовольственную безопасность и защиту интересов потребителей и партнеров благодаря возможностям пересматривать всю информацию, собранную по цепочке создания конечного продукта. Такие направления цифровой трансформации АПК, как: данные в режиме реального времени о погоде, зрелости культур, содержания полезных веществ в почве, качество воздуха для увеличения урожайности; анализ спутниковых данных, метеостанций и сельскохозяйственной техники для повышения эффективности АПК; цифровые программы для информирования субъектов АПК об условиях окружающей среды и состоянии сельскохозяйственной продукции, дают новые возможности и дополнительные источники дохода, основанные на интеллектуальной, сетевой аграрной экосистеме.

Таким образом, современные интерактивные цифровые технологии имеют фундаментальные ценности для АПК Крыма и дают им возможность достичь лучших результатов в аграрном секторе (урожай становится лучше, а продукция качественнее), стать более технологичными и инновационными, получить экономические, социальные и экологические выгоды, что способствует повышению их конкурентоспособности как на местном, так и на глобальном уровне. Необходимо инвестировать средства в современные информационные системы в АПК, подготовку кадров, способных создавать и грамотно использовать информационно-коммуникационные технологии в сельском хозяйстве. Цифровая трансформация АПК Крыма будет способствовать их успешному развитию.

Литература и источники

1. Biologico: Anabio-Cia, migliorare tracciabilità con nuove tecnologie digitali. Cia-Agricoltori Italiani. 2018. URL: <https://www.cia.it/news/notizie/biologico-anabio-cia-migliorare-tracciabilita-con-nuove-tecnologie-digitali/> (21.07.2022).
2. Внедряем digital-стратегию в бизнес: 5 ловушек, которые можно избежать. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vshk.org/media/vnedraem-digital-strategiu-v-biznes-5-lovusek-kotorye-mozno-izbezat>
3. Глушаков Н.В., Елаго Т.А. Сельское хозяйство России в эпоху цифровизации // Развитие агропромышленного комплекса в условиях цифровой экономики: сборник научных трудов. - Кинель: РИО Самарского ГАУ, 2020. - С. 6-9.
4. Grigorenko Ya.A. Scientific and methodological foundations of a comprehensive assessment of the agrarian potential of regions to ensure their economic security // Agromir. - 2017. - № 11. - С. 70-76.
5. Мамай О.В. Современные тенденции цифровизации аграрного сектора экономики // Инновационные достижения науки и техники АПК : сб. науч. тр. - Кинель: РИО Самарского ГАУ, 2018. - С. 524-529.
6. Паспорт Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.
7. Что такое digital-стратегия и зачем она нужна? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: igitalbee.com/blog/digital-marketing/chto-takoe-digitalstrategiya-i-zachem-ona-nugna/

References and Sources

1. Biologico: Anabio-Cia, migliorare tracciabilità con nuove tecnologie digitali. Cia-Agricoltori Italiani. 2018. URL: <https://www.cia.it/news/notizie/biologico-anabio-cia-migliorare-tracciabilita-con-nuove-tecnologie-digitali/> (21.07.2022).
2. Vnedryaem digital-strategiyu v biznes: 5 lovushek, kotorye mozno izbezhat'. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://vshk.org/media/vnedraem-digital-strategiu-v-biznes-5-lovusek-kotorye-mozno-izbezhat>
3. Glushak N.V., Elago T.A. Sel'skoe hozyajstvo Rossii v epohu cifrovizacii // Razvitie agropromyshlennogo kompleksa v usloviyah cifrovoj ekonomiki: sbornik nauchnyh trudov. - Kinel': RIO Samarskogo GAU, 2020. - S. 6-9.
4. Grigorenko Ya.A. Scientific and methodological foundations of a comprehensive assessment of the agrarian potential of regions to ensure their economic security // Agromir. - 2017. - № 11. - S. 70-76.
5. Mamaj O.V. Sovremennye tendencii cifrovizacii agrarnogo sektora ekonomiki // Innovacionnye dostizheniya nauki i tekhniki APK : sb. nauch. tr. - Kinel': RIO Samarskogo GAU, 2018. - S. 524-529.
6. Pasport Nacional'noj programmy «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf>.
7. Chto takoe digital-strategiya i zachem ona nuzhna? [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: igitalbee.com/blog/digital-marketing/chto-takoe-digitalstrategiya-i-zachem-ona-nugna/

ТИМИРГАЛЕЕВА РЕНА РИНАТОВНА – доктор экономических наук, профессор, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Научно-исследовательский институт сельского хозяйства Крыма, г. Симферополь
TIMIRGALEEVA RENA R. - Doctor of Economics, Professor, Crimean Federal University. IN AND. Vernadsky, Research Institute of Agriculture of the Crimea, Simferopol (timirgaleeva@mail.ru).

УДК 339:377.3

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-294-298

ЦЗЯН СИНТУН ИССЛЕДОВАНИЕ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОЛЛЕДЖАХ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН

Ключевые слова: Россия, провинция Хэйлуцзян, китайско-российская торговля, российский рынок, трансграничная электронная коммерция, подготовка кадров, профессиональные колледжи Хэйлуцзяна.

Провинция Хэйлуцзян имеет уникальные географические преимущества в трансграничной электронной торговле с Россией. Однако подготовка специалистов в области трансграничной электронной коммерции не в полной мере соответствует современным задачам ее быстрого развития. Рассматривая проблемы обучения специалистов в сфере трансграничной электронной коммерции, автор показывает, что сегодня необходимо решать двуединую задачу - готовить неуклонно возрастающее количество специалистов в сфере трансграничной электронной коммерции, в соответствии с фактическим спросом со стороны предприятий-потребителей, а также прививать кадрам дух инноваций и предпринимательства. Поэтому в статье предлагается система мер, прежде всего, связанных с тем, чтобы высшие профессиональные колледжи наладили сотрудничество между школой, предприятием, банком и обучением в колледже, сформировав модель обучения по схеме «Сотрудничество между школой и предприятием + заказное обучение». Также автор предлагает развивать конкурсные принципы обучения, последовательно укреплять преподавательский состав, обладающий высокими компетенциями в сфере трансграничной электронной торговли между Хэйлуцзяном и Россией. С учетом специфики приграничных районов Хэйлуцзяна, предложены новые подходы к обучению специалистов с целью обеспечения кадровой поддержки для быстрого развития индустрии трансграничной электронной торговли с Россией.

JIANG XINTONG A STUDY ON THE TRAINING MODEL OF CROSS-BORDER E-COMMERCE TALENTS IN HEILONGJIANG VOCATIONAL COLLEGES

Key words: Russia, Heilongjiang's Province, Chinese-Russian trade, Russian market, cross-border e-commerce, personnel training, Heilongjiang Vocational Colleges.

Heilongjiang has a unique geographical advantage in cross-border e-commerce with Russia. However, the training of cross-border e-commerce talents can not meet the rapid development of cross-border e-commerce. Therefore, in terms of cross-border e-commerce talents training, we should train a large number of cross-border e-commerce talents with the spirit of innovation and entrepreneurship according to the actual demand of cross-border e-commerce enterprises. Therefore, this paper puts forward that higher vocational colleges should establish cooperation among school, Enterprise, bank and training, establish "Cooperation between school and enterprise + order-type" training, promote learning by competition, suggestions such as strengthening the construction of teaching staff for cross-border e-commerce between Heilongjiang and Russia in the border areas of Heilongjiang were put forward to construct a new talent training model, with a view to providing talent support for the rapid development of the cross-border e-commerce industry between Russia and Russia.

There is no doubt that e-commerce is developing well. E-commerce has long permeated people's lives, and people have developed the habit of shopping online. Judging from the enterprises and business models damaged by the epidemic, most of them are entity enterprises that are separated from e-commerce, instead, e-commerce enterprises in the logistics system, has become the support of medical supplies and living supplies an important force. Heilongjiang's proximity to Russia gives it a natural advantage in developing trade and cross-border e-commerce with Russia. Heilongjiang has become the province with the largest number of cross-border e-commerce platforms, the largest number of e-commerce packages and the largest cross-border sales to Russia. With the development of Heilongjiang's "Belt and Road" and cross-border e-commerce with Russia, there is a need for a large number of e-commerce talents who can work seamlessly with cross-border e-commerce enterprises. However, there are still some shortcomings in the training of cross-border e-commerce talents in Heilongjiang vocational colleges, which can not meet the needs of development. Faced with this situation, e-commerce majors in Heilongjiang Vocational Colleges, which are at the forefront of cross-border training with Russia, how to provide cross-border e-commerce services between Heilongjiang and Russia, and how to keep up with the needs of cross-border e-commerce development in the training of cross-border e-commerce in Russia are important issues that need to be urgently solved at present.

An analysis of the prospects of cross-border e-commerce talents training between

Heilongjiang and Russia.

1. The growth and development of the cross-border import and export trade to Russia drives the vigorous demand for cross-border e-commerce talents and the vast talent market. Since ancient times, China and Russia have had frequent economic and trade exchanges and in-depth cooperation in many fields. With the integration of customs clearance and the coordinated development of logistics, the import and export trade between China and Russia has become more frequent, in the category, types of services, e-commerce platform construction and other multi-level, multi-field cooperation needs to achieve greater improvement, and the AliExpress of Chinese e-commerce giant Alibaba has become the largest and most popular e-commerce site in Russia today. Therefore, our country's trade with Russia and Russia's demand for our inland production, daily necessities and goods has increased rapidly, with an annual growth rate of 32.1% in recent years, so it's a huge market. The frequent and vigorous cross-border e-commerce market demand for Russia's import and export trade has provided a solid demand and a broad talent market for our province to train cross-border e-commerce talents to Russia, it provides the direction and goal for establishing and developing a long-term cross-border teaching system, and improves the scientific and effective training plan of corresponding professionals talents.

2. Geographical advantages and the growing educational capacity of Heilongjiang's universities provide a solid guarantee for the advantages of talent cultivation. Heilongjiang's strategy of developing cross-border e-commerce talents with Russia has unique geographical advantages over other provinces in terms of population and educational resources in universities, Heilongjiang has a unique geographical advantage in cross-border e-commerce with Russia, which is one of the most populous provinces in our country, being able to recruit high-quality cross-border e-commerce talents to Heilongjiang provides a high starting point for the ultimate training of talents, for Russia's cross-border e-commerce personnel to provide a solid guarantee for the quality of training. Heilongjiang has always been a major province in our national college entrance examination. In recent years, with the advancement of the national education reform and quality education, the educational ability and talent cultivation ability of Heilongjiang's universities have been greatly enhanced, therefore, it has better foundation and higher resource quality in personnel training.

3. A sound and sustainable development policy of the state, for Heilongjiang to Russia to provide a solid foundation for the development of cross-border talents and confidence "For Heilongjiang to Russia to provide a solid foundation for the development of cross-border talents and confidence. With broad market prospects and development confidence, it also provides a solid policy support for Heilongjiang to train cross-border e-commerce talents in Russia.

Heilongjiang Vocational Colleges face problems in cultivating cross-border e-commerce talents in Russia

Most Vocational Colleges in Heilongjiang offer e-commerce majors, such as Harbin Vocational and Technical College and Heilongjiang Vocational College. However, few vocational colleges offer Russian majors, many universities in Heilongjiang have e-commerce and Russian majors. However, cross-border e-commerce talents are multi-disciplinary talents, who need both language skills and professional knowledge of international trade and e-commerce, and practical skills in e-commerce platform operations, online shop artwork, customer service, online marketing, etc. . At present, Heilongjiang universities are training e-commerce and Russian talents with unilateral knowledge, it is difficult to meet the requirements of e-commerce enterprises for cross-border e-commerce talents in small multi-language due to the lack of talents with both language and e-commerce-related skills and knowledge. However, students majoring in e-commerce in higher vocational colleges are even less proficient in the language of Cross-border e-commerce in Russia and are not competent for relevant work.

1. Heilongjiang Vocational Colleges have yet to offer cross-border e-commerce (to Russia).

With the advent of the "Internet plus" era in 2015, a new type of international trade, represented by cross-border e-commerce, is developing rapidly and is expected to become a new growth engine of international trade and economy. In order to meet the demand for cross-border e-commerce talents, many universities have set up cross-border e-commerce majors. For Heilongjiang's higher vocational colleges, which have geographical advantages over Russia, they should also set up cross-border e-commerce majors (in the direction of Russia), to train cross-border e-commerce talents who are qualified to work in the cross-border e-commerce enterprises between Heilongjiang and Russia. However, at present Heilongjiang's higher vocational colleges have not yet offered cross-border e-commerce (to Russia) as a

major. They only offer courses on cross-border e-commerce in the major of e-commerce, which lags behind the development of cross-border e-commerce in Heilongjiang, can not meet the needs of enterprises for talent.

2. There is no mechanism to cultivate cross-border e-commerce talents in Russia.

Cross-border e-commerce to Russia is an emerging composite major of "minor languages + major", which integrates the knowledge of multiple disciplines and focuses on application. Therefore, it is necessary for enterprises in the industry and schools to carry out the integration of production and education and dual co-education to improve students' professional skills and accomplishment. Heilongjiang lags behind the south in e-commerce. The main cross-border e-commerce platforms with Russia are business-to-business (B2B) and business-to-consumer (B2C) e-commerce platforms such as AliExpress, Alibaba and Dunhuang. In Heilongjiang, the main e-commerce platform is Russian express, in Russia cross-border e-commerce personnel training and the lack of cooperation with the above-mentioned enterprises, has not formed a linkage mechanism. The e-commerce students in higher vocational colleges lack the specific skills of cross-border e-commerce projects in Russia, which requires the introduction of enterprise employees and experts as part-time teachers to bring into the real projects of enterprises, and to train the students, at the same time, since most of Heilongjiang's e-commerce enterprises are small and medium-sized enterprises, there are fewer opportunities for students to take up internships with Russian cross-border e-commerce enterprises, and there is even less application of the Russian cross-border e-commerce platform. Due to language weakness, Heilongjiang's higher vocational schools and cross-border e-commerce companies can not effectively co-operate in depth.

3. Cross-border e-commerce faculty is relatively weak

Cross-border e-commerce teachers need to have a certain degree of language skills and e-commerce, international trade-related knowledge and skills, cross-border e-commerce development time for Russia is relatively short, the training of teachers has not kept pace with the development of cross-border e-commerce. Although many higher vocational schools offer cross-border e-commerce courses, they still lack professional teachers. On the one hand, teachers have not received systematic training in cross-border e-commerce, there are also some restrictions on the language. The content of the lectures is general practical experience, which can not be effectively combined with the actual cross-border e-commerce with Russia. On the other hand, the number of cross-border e-commerce companies with Russia is small, the number of part-time teachers who can teach cross-border e-commerce is also very limited, so the problem of cross-border e-commerce teachers in Russia is more prominent.

Heilongjiang's strategy for training cross-border e-commerce talents in Russia

1. Construction of school, Enterprise, line, training cooperation on Russia cross-border e-commerce.

A good practice platform is a strong guarantee for students to become talents. Higher Vocational Colleges in Heilongjiang should look for suitable start-up practice bases for training cross-border e-commerce talents who are marketable to Russia. The school can cooperate with international retail giant Alibaba, Dunhuang, EBay, Amazon, AliExpress, Russia Express and other cross-border e-commerce network platforms to form school-enterprise partnerships of cross-border e-commerce, and build platforms for students' innovation and entrepreneurship. In addition, special funds for innovation and entrepreneurship at all levels can be effectively used to subsidize students' innovation and entrepreneurship, and instructors are responsible for the operation of entrepreneurship projects. Cooperate with Russian universities to determine the goal of joint training, set up Russian e-commerce elite class, and lay a solid foundation for "language + professional skills" training. In electronic business elite class of cross-border electricity in professional course, some electronic business foundation courses and skill practice courses such as international trade, network marketing, online graphic, store operations and customer service course of the teaching of Chinese is mainly composed of the Chinese colleges and universities and university-enterprise cooperation enterprise experts together to complete, for students to lay the cross-border e-commerce theory and skills; Russian course setting should give priority to with Russian teaching practice, the main set up e-commerce professional language teaching, cooperation with Russia in colleges and universities at the same time, to go out, trains the student to open international vision and international breadth of view, improve the Russian electricity application ability, the shop know Russian e-commerce platform construction process, rules and operation, customer service, And users' consumption habits will be completed by Russian universities to achieve the goal of jointly cultivating

cross-border e-commerce talents.

2. Establish "school-enterprise cooperation order type" training.

Invite industry experts to guide the project and share the successful experience of starting a business. It is an effective way to train cross-border e-commerce talents in Russia to carry out integration of industry and education, cooperation between schools and enterprises, order-based cultivation of dual-cultivation, and to train cross-border e-commerce talents in Russia. Foreign cross-border e-commerce companies, such as Amazon, Dunhuang, Dalong, and Lehu, have set up business centers in Harbin and established operation centers in Russia. The local e-commerce enterprises, represented by Seg International, E-buy Net and Zhongfu Weiye, have developed rapidly As well as the AliExpress of Sino-Russian logistics service providers in Alibaba and the establishment of Russian Express International Logistics Co., Ltd. in Heilongjiang. All these have provided important conditions for us to train cross-border e-commerce talents in Russia. Through the post task operation of the cross-border e-commerce platform, students can not only improve their language application ability, but also improve their e-commerce practice skills, and can understand our and Russia's cross-border e-commerce policies. Order training can not only solve the employment of students, but also improve the realization of students' self-value. Heihe, Suifenhe, Mudanjiang and other cities bordering Russia in Heilongjiang need a large number of cross-border e-commerce talents to Russia. They can explore cooperation with relevant local enterprises to carry out oral-type training, set up curriculum system according to the needs of enterprises, carry out internship and training, and customize cross-border e-commerce talents for enterprises.

3. The competition promotes the study, strengthens the student occupation ability raise, promotes the student to innovate, the undertaking

In addition to the classroom so that students understand the Russian network platform and platform rules, platform operation process, payment methods, customer service, user habits, etc.. To promote students' innovation and entrepreneurship in cross-border e-commerce through cross-border e-commerce competitions, and to develop students' professional qualities, core vocational skills, self-directed learning, team coordination and cooperation, cross-border e-commerce language skills, practical application skills, adaptability to the market, to enhance students' practical skills and competitiveness. By participating in the national cross-border e-commerce competition and actively cooperating with cross-border e-commerce enterprises, e-commerce students in higher vocational colleges are provided with a platform and opportunities for innovation and entrepreneurship. Students can also start their own businesses and set up cross-border e-commerce enterprises under the joint guidance of the university's tutors and enterprise technicians. They can accumulate experience through management and operation to improve their skills and employability.

4. To strengthen the cross-border e-commerce direction of Russian teachers.

In the process of personnel training, we should strengthen the construction of cross-border e-commerce teachers in Russia. At the teacher level, schools can encourage teachers to go out of school for practical training, or to exchange studies with business experts and social groups, actively participate in Sino-Russian Cross-border e-commerce high-level domestic and international conferences, cross-border e-commerce and other related courses to broaden teachers' horizons, increase teachers' knowledge, improve the teaching level. At the school level, we should actively sign contracts with Russian cross-border e-commerce enterprises, and employ enterprise staff with actual combat experience as part-time teachers in practical teaching, invite the enterprise staff to participate in the development of talent training program, the establishment of curriculum modules and assessment mechanism.

To train cross-border e-commerce teachers to Russia and build a multi-disciplinary team of teachers by means of inter-school communication, inter-school cooperation and social training. In the training of cross-border e-commerce talents in Russia, we can not do without the study of Russian language ability and professional knowledge of economy and trade, e-commerce. Through inter-school exchanges, teachers of different disciplines can learn from each other on cross-border e-commerce short-board knowledge, in the teaching can achieve mutual accommodation and relevance. Regularly arrange for teachers to go to cross-border e-commerce enterprises cooperating with schools and enterprises to conduct research, take part-time training, take on actual work tasks, or exchange and cooperate with business experts and social groups, he has actively participated in international and domestic conferences on "Belt and Road" research and cross-border e-commerce between China and Russia. To engage the company staff with practical experience in cross-border e-commerce enterprises and cross-border e-

commerce industry experts as part-time teachers to enrich teaching, to participate in the development of cross-border e-commerce talents in Russia. Schools and enterprises work together to develop talent development plans, curriculum systems and talent development models, and train teachers in cross-border e-commerce and other related courses, so that students' knowledge can be integrated with cross-border e-commerce operations. In the "Internet plus" era and the context of national "Belt and Road" construction, the demand for cross-border e-commerce talents is diversified, and the training of cross-border e-commerce talents in higher vocational colleges is guided by the demand for cross-border e-commerce talents, to innovate the training model of cross-border e-commerce talents in Russia, to construct a professional + international training model of innovative talents, so as to enable students to adapt to the needs of cross-border e-commerce talents in Russia in different social environments, and to contribute to the development of cross-border e-commerce in Heilongjiang.

Conclusion

The country's "Belt and Road" development opportunities, Heilongjiang's proximity to Russia, and the booming cross-border e-commerce with Russia have all given the e-commerce major in universities a new historical mission, cross-border e-commerce personnel training has put forward new era requirements. Heilongjiang's higher vocational colleges should take this opportunity to deepen their cooperation with Russia by establishing a mechanism for universities and enterprises to jointly train cross-border e-commerce talents with Russia, building an excellent cross-border e-commerce teaching team with Russia, and strengthening the cooperation between universities and enterprises, to build innovative practice platform and other innovative talent training model, to train high-quality cross-border e-commerce talents to Russia.

References

1. *Feng Haixia, Shang Mingxia*. Further discussion on the cultivation of cross-border e-commerce talents in Heilongjiang universities based on the orientation cultivation of cross-border e-commerce talents // China. - 2018. - №12.
2. *Yang Fang, Yang Yu*. Cross-Border E-Commerce talents training in Heilongjiang Universities // Foreign Trade. - 2018. - №7.
3. *Liao Zhanhai*. Research on the cultivation mode of innovative and Entrepreneurial Foreign Trade talents in the context of cross-border e-commerce // Think tank times. - 2019. - №34.
4. *Chi Yuchao*. Heilongjiang's approach to Russia's cross-border e-commerce talents // Northern economy and trade. - 2017. - №09.
5. *Feng Haixia*. Research on the training mode of cross-border e-commerce talents in universities to Russia // Research in educational theory. - 2017. - №08.
6. *Xiong Ruochu*. An analysis of the development of cross-border e-commerce between China and Russia // China market. - 2019. - №22.

ЦЗЯН СИНТУН – ассистент-исследователь, Институт политических наук Хэйлунцзянской академии социальных наук.
JIANG XINTONG - Assistant Researcher, Institute of Political Science, Heilongjiang Academy of Social Sciences (279742991@qq.com).

УДК 378.6(510)«20»

DOI: 10.24412/2308-264X-2022-4-298-302

АЙЗЕНБЕРГ И.Р., СКЛЯРЕНКО С.А., КУЛЬБЯТСКАЯ С.С.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МОДЕЛИ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОЙ
МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН

Ключевые слова: Россия, Китай, российско-китайское сотрудничество, провинция Хэйлунцзян, высшее образование, образовательный обмен, университеты, кооперация.

В статье осуществлен анализ ситуации, сложившейся в системе высшего образования провинции Хэйлунцзян под влиянием общих условий экономического развития региона, а также новейших тенденций в виде пандемии коронавируса и санкционных ограничений стран Запада против России. Авторы характеризуют образовательный потенциал сферы высшего образования Хэйлунцзяна, рассматривают геополитические, транспортно-урбанистические и научно-образовательные преимущества провинции, достижения местных вузов, а также нерешенные проблемы. На этой основе определяются перспективы дальнейшего развития междууниверситетского взаимодействия между образовательными учреждениями провинции Хэйлунцзян и Российской Федерации. Отмечено, что большинство университетских кампусов в провинции Хэйлунцзян предлагают широкий спектр подготовки по различным направлениям бакалавриата, специалитета и магистратуры. Однако лишь незначительная часть университетов ориентирована сегодня на междууниверситетские коммуникации с вузами из России, особенно когда идет речь об университетах России не Дальневосточного региона. В этой ситуации для развития конкурентоспособности и образовательной привлекательности провинции Хэйлунцзян целесообразно сосредоточится на привлечении молодежи из различных российских регионов.

AYZENBERG, I.R., SKLYARENKO, S.A., KULBIATSKAIA, S.S.
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE MODEL OF CHINESE-RUSSIAN INTERUNIVERSITY
COOPERATION IN HEILONGJIANG PROVINCE

Key words: Russia, China, Russian-Chinese cooperation, Heilongjiang province, higher education, educational exchange, universities, cooperation.

The article analyzes the situation that has developed in the higher education system of Heilongjiang Province under the influence of the general conditions for the economic development of the region, as well as the latest trends in the form of a coronavirus pandemic and Western sanctions against Russia. The authors characterize the educational potential of Heilongjiang's higher education, consider the geopolitical, transport, urban, scientific and educational advantages of the province, the achievements of local universities, as well as unresolved problems. On this basis, the prospects for further development of inter-university cooperation between educational institutions of Heilongjiang Province and the Russian Federation are determined. It is noted that most university campuses in Heilongjiang province offer a wide range of training in various areas of undergraduate, specialist and graduate programs. However, only a small part of universities today is focused on inter-university communications with universities from Russia, especially when it comes to universities in Russia outside the Far East region. In this situation, in order to develop the competitiveness and educational attractiveness of Heilongjiang Province, it is advisable to focus on attracting young people from various Russian regions.

1. Постановка проблемы.

Провинция Хэйлуцзян (далее – провинция) имеет для России уникальный потенциал развития межуниверситетской кооперации, обусловленный историческими, геополитическими и экономическими факторами. Однако в настоящее время темпы реализации имеющихся возможностей не соответствуют современным задачам усиления российско-китайских внешнеполитических и внешнеэкономических дружественных отношений. Рассматривая проблемы китайско-российской межуниверситетской кооперации в провинции Хэйлуцзян, авторы считают необходимым исследовать двухфакторную модель, являющуюся, по мнению многих экспертов, основополагающей в развитии межуниверситетской кооперации. В данной парадигме, с одной стороны, должно соблюдаться соответствие фактического спроса заинтересованных сторон, а с другой – ускоренное развитие конкурентоспособности региона на базе выработки в университетской среде провинции духа инноваций и предпринимательства. Однако, по существу, эта модель не приближает к решению поставленных стратегических целей образовательной кооперации двух государств.

В связи с этим авторы считают необходимым принятие системы мер, направленных на усиление межуниверситетской кооперации в провинции Хэйлуцзян, причем не только в её административном центре г. Харбин, но и в малых городах провинции, в том числе приграничных. Также авторами предлагается развивать конкурсные принципы академической мобильности как в среде студенчества, так и в среде преподавательского и административно-технического персонала со стороны Российской Федерации. С учетом видоизменяющейся специфики приграничных районов провинции Хэйлуцзян, на современном этапе предложены новые подходы к межуниверситетской кооперации с целью обеспечения кадровой поддержки для достижения целей ускоренного стратегического взаимодействия России и Китая.

Китайско-российское межуниверситетское взаимодействие в провинции Хэйлуцзян в настоящее время имеет ряд успешных проектов, а также многолетнюю успешную историю их реализации. Пандемийные ограничения, несомненно, внесли множество поправок в реализацию этих проектов. Данные ограничения не сняты с повестки и на момент публикации представленной статьи. Имеет место и ряд иных ограничивающих факторов, в том числе связанных с нестабильностью во внешней среде. Фактор «близости границ» дает провинции Хэйлуцзян потенциальное преимущество в развитии межуниверситетского взаимодействия с образовательными учреждениями Российской Федерации.

Провинция Хэйлуцзян в настоящее время не является регионом с большим количеством значимых на мировом или национальном уровне университетов. Провинция имеет всего 81 высшее учебное заведение, тогда как в КНР их насчитывается 2688 (данные Министерства образования КНР на 15 июля 2019 года). Однако в плане взаимодействия с университетами России данный регион можно считать одним из передовых в области межвузовской китайско-российской кооперации. На всей территории КНР 13 вузов провинции осуществляют около 40 китайско-российских программ обучения, в рамках которых в 2020-2022 гг. обучается наибольшее количество студентов из России, в том числе дистанционно.

По мере расширения российско-китайского взаимодействия потребность в высококвалифицированных специалистах со знанием российской специфики в провинции будет только увеличиваться. Тем не менее в целом по университетам провинции наблюдается значительный недостаток в подготовке специалистов по данным направлениям. Также видны

значительные сложности в удовлетворении потребностей молодежи в получении высшего образования, особенно в приграничных городах. Данное явление является одним из факторов значительного оттока населения из провинции, что показывают данные переписи населения. Так, в период с 2010 по 2020 гг. численность населения в провинции сократилась с 38,33 до 31,85 млн. человек, т.е. на 16,9%. При этом непосредственно в Харбине – административном центре региона, насыщенном большим количеством университетов, в т.ч. известных и высококлассных, такой проблемы нет. В настоящее время в Харбине за указанный промежуток времени, наоборот, произошел прирост населения с 5,28 до 5,87 млн человек, что составляет 11 %. В период пандемии, когда карантинные ограничения в провинции Хэйлунцзян были наиболее жесткими и продолжительными, в КНР отток населения в Харбин и другие регионы КНР только усилилась. По мнению авторов, данная проблема требует срочного решения в короткий срок. И выход из данной ситуации видится, в том числе, и в усилении китайско-российской межвузовской кооперации.

2. Анализ перспектив междууниверситетского взаимодействия между образовательными учреждениями провинции Хэйлунцзян и Российской Федерации.

Рост качественного и количественного экономического сотрудничества России и Китая, в том числе в таких приграничных провинциях, как Хэйлунцзян, приводит к усилению взаимодействия в научно-образовательной сфере. Предпосылками к началу образовательной кооперации между странами служит уже тот факт, что торговый, культурный и социально-экономический обмен между Китаем и Россией в данном регионе начал активно развиваться с конца XIX века. В настоящее время правительства Китая и России уделяют значительное внимание количественному и качественному росту межвузовского взаимодействия, поэтому в настоящее время имеются значительные перспективы для его ускоренного роста. Только за последние годы к ранее имевшимся работающим образовательным программам взаимодействия между вузами Дальнего Востока и Хэйлунцзяна добавились, в частности, масштабные проекты строительства в Харбине двух кампусов Харбинского политехнического университета для реализации совместных образовательных программ с МГТУ им. Баумана и Санкт-Петербургским государственным университетом. Таким образом, наблюдается расширение сотрудничества не только с Дальневосточными вузами (ДВФУ, ВГУЭС, БГПУ, ДВТРУ и другие университеты Благовещенска, Хабаровска и Владивостока), но и с вузами центральных регионов России.

Географические, а также все больше развивающиеся геополитические, транспортно-урбанистические и научно-образовательные преимущества провинции, необходимые для академической мобильности, а также снижение уровня неблагоприятных факторов вызывают усиление потенциала китайского региона, который необходимо реализовывать в кратко- и среднесрочной перспективе.

Рассмотрим подробнее основные факторы, влияющие на развитие регионального потенциала образовательной среды, а также отметим их воздействие.

1. Несомненно, географический фактор имеет положительное влияние на академическую мобильность. Провинция Хэйлунцзян – приграничная территория с Россией, которая в допандемийные времена позволяла чаще и менее затратно передвигаться между Китаем и Россией. В настоящих условиях логистика меняется в сторону транспортной доступности центральных регионов России, и наблюдается увеличение количества образовательных программ с вузами Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России.

Недостатком данного фактора являются климатические условия. Это снижает академическую мобильность студентов и преподавателей с научно-образовательными учреждениями провинции Хэйлунцзян.

Одним из предложений к снижению отрицательной стороны данного фактора является подключение к сотрудничеству научно-образовательных учреждений провинции Хэйлунцзян и российских организаций третьей стороны в лице Управления научно-образовательной деятельности провинции Гуандун. Данные форматы сотрудничества уже тестируются образовательными учреждениями городов Хэйхэ, Харбин и ряда иных. Первым в провинции перешел на такую форму образовательного процесса Харбинский политехнический университет (НПТ) открыв университетские кампусы в Вэйхае (1985 г.) и Шэньчжэне (2000 г.).

2. Существует ряд положительных геополитических факторов. Основным из них является усугубление в последние годы санкционного давления западных стран, в том числе по научно-образовательному направлению, достигшего своего апогея в первом полугодии 2022 года.

Минусом данного фактора является то, что часть учреждений Китайской Народной Республики, пытаясь исключить санкционное давление, ограничивают межвузовскую кооперацию с Россией, особенно с вузами Крыма, Севастополя и освобожденных территорий.

Проработка негативной стороны этого фактора производится в рабочем порядке по мере возникновения проблем;

3. Транспортно-урбанистические. Провинция Хэйлунцзян имеет прямое железнодорожное, а также авто- и авиасообщение со многими приграничными городами Дальнего Востока России, что является несомненным плюсом для различных форм междууниверситетской кооперации России и Китая. Кроме того, наличие многих российско-ориентированных объектов урбанистической и сервисной культуры Хэйлунцзяна также является преимуществом для развития связей.

Однако до сих пор темпы возведения метрообъектов, авиационной инфраструктуры и ввода в эксплуатацию высокоскоростных дорог в регионе значительно отстают от аналогичных темпов как прибрежных, так и центральных провинций КНР, что связано, прежде всего, с климатическим фактором и, в конечном итоге, радикально снижает конкурентоспособность региона для долгосрочного взаимодействия.

Выходом из данной ситуации является как ускорение темпов развития метроостроя в Харбине, так и прокладка высокоскоростных железных дорог внутри провинции в самые отдаленные её точки, в том числе в места вечной мерзлоты. Массовое возведение большого количества важных объектов социальной инфраструктуры в перспективе скажется на смене тренда по масштабному оттоку населения из региона.

4. Существует ряд преимуществ и в научно-образовательной среде. Провинция Хэйлунцзян имеет несколько старейших вузов Китая, а также вузы, которые имеют высокий рейтинг как в Китае, так и за рубежом, и считаются локомотивами движения научно-образовательной сферы КНР в мировое пространство. Так, три национальных университета провинции – Харбинский политехнический университет (участник Лиги С9), Харбинский инженерный университет, Северо-Восточный университет лесного хозяйства – имеют давнюю историю и высокий рейтинг в КНР и за рубежом. Их основной целью является подготовка элитных специалистов для осуществления национальных проектов, направленных на развитие промышленности, информатизации и других сфер экономики Китая. Всего в провинции имеется 35 университетов, три из которых – национальные (рисунок 1).

Это фактор является потенциалом для развития вектора междууниверситетской кооперации не только в таких научно развитых городах провинции, как Харбин и Хэйхэ, но и в менее развитых – Суйфэньхэ, Фуюань и других.

Отрицательной тенденцией является низкий уровень вовлеченности институтов и университетов провинции в международные программы. Только 13 из 35 университетов и 81 вуза провинции имеют международные программы.

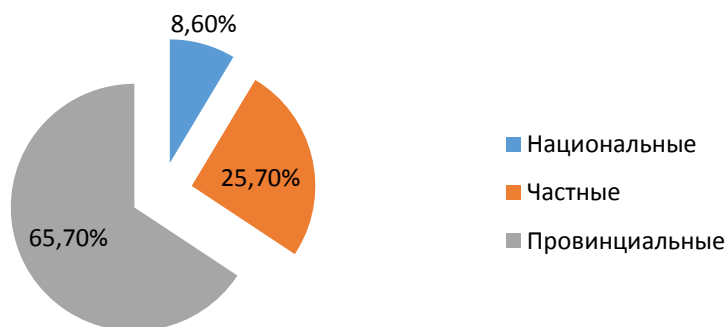

Рисунок 1. Структура университетов провинции Хэйлунцзян по типам.

3. Текущие проблемы университетов провинции Хэйлунцзян и возможности усиления проектов междууниверситетской кооперации с образовательными учреждениями России.

Большинство университетских кампусов в провинции Хэйлунцзян предлагают широкий спектр подготовки по различным направлениям бакалавриата, специалитета и магистратуры. Однако лишь незначительная часть данных университетов ориентирована сегодня на междууниверситетские коммуникации с вузами из России, особенно когда идет речь об университетах России не Дальневосточного региона. В этой ситуации для развития конкурентоспособности и образовательной привлекательности провинции Хэйлунцзян целесообразно сосредоточится на привлечении молодежи из различных российских регионов, в том числе молодежи, стремящейся получить языковые навыки, профессиональные знания в области международной торговли, электронной коммерции и иных популярных среди россиян, обучающихся в Китае, сферах.

Необходимо отметить, что с наступлением новой стадии санкционных войн наступает и новый этап изменения форматов международной торговли, до конца пока неоформленный. На данном этапе, среди прочих процессов, трансграничная торговля между Россией и Китаем будет развиваться более быстрыми темпами и, вполне возможно, станет новым двигателем международной торговли, экономики и финансовой сферы, как минимум в рамках расширяющегося взаимодействия стран БРИКС. Чтобы удовлетворить спрос на обучающихся в области трансграничной коммерции, многие университеты Китая развивают международные направления в области электронной коммерции. Для высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян это направление деятельности также должно стать одним из приоритетных в рамках программ междууниверситетского взаимодействия.

Подводя итоги, необходимо отметить, что новые реалии эволюции модели международной торговли, которые сложились в первой половине 2022 года, новые социально-экономические возможности развития провинции Хэйлунцзян и Дальневосточного региона России, а также бурно развивающееся многофакторное взаимодействие России и Китая – все это открывает большие перспективы для активизации междууниверситетского взаимодействия провинции Хэйлунцзян и России. Высшие учебные заведения провинции Хэйлунцзян должны воспользоваться этой возможностью для углубления сотрудничества с Россией, создав механизмы для ускоренного привлечения специалистов и студентов из России в рамках программ академической мобильности, что позволит в итоге снизить отток населения из региона и сделать провинцию более конкурентоспособной в экономической сфере по отношению к иным провинциям КНР.

Литература и источники

1. *Feng Haixia, Shang Mingxia.* Further discussion on the cultivation of cross-border e-commerce talents in Heilongjiang universities based on the orientation cultivation of cross-border e-commerce talents // *China*. - 2018. - №12.
2. *Yang Fang, Yang Yu.* Cross-Border E-Commerce talents training in Heilongjiang Universities // *Foreign Trade*. - 2018. - №7.
3. *Liao Zhanhai.* Research on the cultivation mode of innovative and Entrepreneurial Foreign Trade talents in the context of cross-border e-commerce // *Think tank times*. - 2019. - №34.
4. *Chi Yuchao.* Heilongjiang's approach to Russia's cross-border e-commerce talents // *Northern economy and trade*. - 2017. - №09.
5. *Feng Haixia.* Research on the training mode of cross-border e-commerce talents in universities to Russia // *Research in educational theory*. - 2017. - №08.
6. *Xiong Ruochu.* An analysis of the development of cross-border e-commerce between China and Russia // *China market*. - 2019. - №22.
7. *Хисамутдинова Н.В., Юе Ян.* Институт Конфуция в Благовещенске как центр российско-китайского сотрудничества // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. - 2022. - № 2 (61). - С. 162-170.
8. *Мэйвэй Я.* Российско-китайское взаимодействие в сфере образования в начале XXI в. (на примере амурской области и провинции Хэйлунцзян) // *Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации. Сборник материалов I международной научной онлайн-конференции*. - Екатеринбург, 2021. - С. 401-405.

АЙЗЕНБЕРГ ИРИНА РОМАНОВНА – кандидат экономических наук, преподаватель Яньчэнского педагогического университета (г. Яньчэн, КНР) (ira3112@mail.ru).

СКЛЯРЕНКО СЕМЕН АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией НОЦ Биомед, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (sklyarenko.sa@yandex.ru)

КУЛЬБЯТСКАЯ СОФИЯ СЕРГЕЕВНА – студентка Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (г.Харбин, КНР) (kulbyatskaya@mail.ru).

AUZENBERG, IRINA R. – Ph.D. in Economics, Lecturer, Yancheng Pedagogical University (Yancheng, China).

SKLYARENKO, SEMEN A. – Ph.D. in Economics, Head of Laboratory, REC Biomed, Lomonosov Moscow State University.

KULBIATSKAIA, SOFIA S. – student of the North-Eastern Agricultural University (Harbin, China).

HISTORY, ECONOMICS AND LAW RESEARCH INSTITUTE
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА
(Россия, Москва)
EUROPEAN CENTER FOR PEACE AND DEVELOPMENT (ECPD) OF THE UNIVERSITY FOR PEACE
ESTABLISHED BY THE UNITED NATIONS (ЕВРОПЕЙСКИЙ ЦЕНТР МИРА И РАЗВИТИЯ (ECPD)
УНИВЕРСИТЕТА МИРА ООН
(Сербия, Белград)
HEBEI NORMAL UNIVERSITY
(ХЭБЭЙСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
(КНР, Хэбэй)
TRAKYA ÜNİVERSİTESİ Edebiyat fakültesi, Tarih bölümü, Balkan Yerleşkesi
(УНИВЕРСИТЕТ ТРАКИЯ)
(Турецкая республика, Эдирна)
ATATÜRK ARAŞTIRMA VE UYGULAMA MERKEZİ, DOĞU AKDENİZ ÜNİVERSİTESİ
(Университет Восточного Средиземноморья ТРСК (ККТС-Газимагуса
Научно-исследовательский Центр Ататюрка)

Международный научный симпозиум
21-24 октября 2022

Глобальная конфликтность и мировые войны: история и современность

- Глобальная конфликтность, войны, вооруженные конфликты и военные действия XX-XXI веков
- Экономические и политические аспекты глобальной конфликтности
- Социально-политическое, военно-техническое и информационно-психологическое измерение глобальной конфликтности
- Война как гуманитарная катастрофа
- Борьба за продовольственные ресурсы
- Ресурсное истощение планеты и экология
- Демографический фактор глобального кризиса
- Угроза термоядерной войны
- Военные преступления и проблема ответственности
- Проблема международного терроризма
- Региональные конфликты как элемент мировых войн
- Использование искусственного интеллекта и трехмерной печати в современных войнах и конфликтах
- Глобальные проблемы современной эпохи.

Для участия в работе симпозиума необходимо прислать в адрес Оргкомитета заявку и статью, оформленные в соответствии с нижеизложенными требованиями, по электронной почте info@helri.com, с указанием в теме письма «Глобальная конфликтность». Файлы следует называть по фамилии автора. Например, Иванов_статья, Иванов_заявка. Оргкомитет оставляет за собой право отбора участников согласно проблематике симпозиума. Отклоненные материалы не рецензируются.

Срок приема статей к публикации до 1 октября 2022 г. Оргкомитет оставляет за собой право отбора статей для публикации в сборнике материалов симпозиума.

Требования к оформлению тезисов и статей:

Перед статьей слева – указать УДК; *справа* – фамилию, имя, отчество автора (полностью); полное название организации или учреждения (с указанием страны и города), ученую степень, научное звание если есть, должность, адрес электронной почты, номер телефона.

Название статьи – заглавными буквами по центру;

После названия статьи текст аннотации (не более 300 слов) и ключевые слова (5–6 ключевых слов/словосочетаний) на языке оригинала и на английском языке.

Текст представляется в электронном виде (по электронной почте), формат А4, текстовый редактор MicrosoftWord, шрифт TimesNewRoman, кегль 12, интервал 1,5, абзац 1,25 см; параметры страницы: поля – 2 см; сноски в тексте оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страниц [1, с. 21], архивных документов – с указанием листов [1, л. 3].

Завершает статью библиографический список, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008. Итоговый список составляется в порядке нумерации по тексту. *Фамилии И.О.* авторов даются курсивом. Аббревиатуры названий архивов (при первом упоминании) должны быть расшифрованы.

Адрес: info@helri.com, i.turitsyn@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

Издание выходит один раз в два месяца

**Учредитель – АНО «Научно-исследовательский институт истории,
экономики и права»**

Издательство АНО
«Научно-исследовательский институт истории, экономики и права»
119192, Москва, Мичуринский проспект, 16, к.267
Тел. +7 (495) 227-24-13
E-mail: info@helri.com. Официальный сайт: www.helri.com

Подписано в печать 19.08.2022 г.
Формат 64x92/8 Тираж 500 экз. Заказ № 12